

646
1905
v. 1

Типографія И. Флейтмана. Спб., Казанская, 45.

Италія подъ владычествомъ Остѣготовъ, Лангобардовъ и Франковъ.

Судьбы Италіи отъ паденія западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Обзоръніе Остготы-Лангобардскаго періода италіанской исторіи. Соч. П. Кудрявцева. Москва. 1850.

I.

Русской критикѣ рѣдко приходится имѣть дѣло съ такими книгами, какъ „Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Первый трудъ, съ которымъ г. К.—въ выступаетъ на ученое поприще, не только превосходитъ все, что до сихъ поръ было написано по-русски объ исторіи Запада, но можетъ стать на ряду съ классическими монографіями иностранныхъ литературъ. Это не простое изложеніе первыхъ вѣковъ италіанской исторіи, а совершенное съ рѣдкою мѣткостью историческаго взгляда изслѣдованіе образованія италіанской народности. Въ предисловіи своемъ авторъ жалуется на недостатокъ ученыхъ пособій; но можно смѣло сказать, что этотъ недостатокъ не отразился на его книгѣ, въ которую вошло все существенное и необходимое для живого пониманія эпохи, которой онъ посвятилъ свое изслѣдованіе. Съ другой стороны нельзя не согласиться, что занятіе исторіею Италіи сопряжено въ настоящее время съ особенными трудностями. Эти трудности существуютъ не для однихъ только русскихъ ученыхъ и происходятъ отъ недостатка литературныхъ сообщеній съ Апеннинскимъ полуостровомъ. Изъ выходящихъ тамъ книгъ весьма немногія приобрѣтають извѣстность въ остальной Европѣ. Большая часть многочисленныхъ монографій, изданныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти

лѣтъ о городахъ средневѣковой Италіи, остается исключительно собственностью мѣстныхъ ученыхъ. Безъ критическихъ статей Миттермайера, да обзоровъ, изрѣдка являющихся въ нѣмецкихъ журналахъ, которымъ посчастливилось найти дѣятельныхъ корреспондентовъ за Альпами, мы не знали-бы этихъ монографій даже по имени. Между тѣмъ кромѣ самыхъ изслѣдованій, онѣ содержатъ въ себѣ въ видѣ приложений драгоцѣнные, взятые изъ городскихъ архивовъ, памятники которыхъ тщетно будемъ искать у Муратори. О богатствѣ и важности источниковъ, не вошедшихъ въ составъ собранія, составленнаго послѣднимъ, можно судить по „Историческому Архиву“, который Вьёссё (Vieusseut) издаетъ во Флоренціи.

Первая глава „Судебъ Италіи“ содержитъ въ себѣ обзорѣніе причинъ, которыя привели Западную имперію подъ владычество германскихъ дружинъ. Причины эти заключались, какъ извѣстно, во внутреннемъ разложеніи римскаго общества. Обозначивъ главные признаки этого разложенія, г. К—въ опредѣляетъ слѣдующими словами цѣль и объемъ своихъ изслѣдованій.

„Мы ограничиваемъ нашу задачу лишь первымъ періодомъ исторіи новой Италіи, который можно назвать періодомъ ея возрожденія. Дѣло многосложное и потому многотрудное, оно совершается очень медленно, впродолженіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, и складывается изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментовъ. Рядомъ съ нимъ, и всегда въ самой тѣсной связи, идетъ и исторія одного изъ величайшихъ европейскихъ учрежденій, имѣющаго въ Италіи свое собственное значеніе. Мы прослѣдимъ одинъ за другимъ эти моменты и постараемся узнать главныя силы и средства, наиболѣе содѣйствовавшія освобожденію Италіи отъ чужеземнаго владычества и возстановленію ея самобытности. Величайшее изъ предпріятій Карла Великаго—возстановленіе Римской имперіи, необходимо положить конецъ нашему очерку“.

Лежащая въ основаніи книги г. К—ва мысль о тѣсной связи между происхожденіемъ новой италіанской народности и развитіемъ папской власти даетъ его труду оригинальное и самобытное значеніе, даже за предѣлами русской литературы. Явленія эти разсматривались до сихъ поръ порознь. Самъ Макіавелли, въ немногихъ словахъ сказавшій всю исторію средневѣковой Италіи, не понялъ и съ своей точки зрѣнія не могъ понять первыхъ вѣковъ папства и его связи съ судьбою народа, зарождавшагося изъ пестрой смѣси латинскаго и германскихъ племенъ. Позднѣйшіе историки

превзошли Макиавелли только отдѣлкою подробностей, но они рѣдко возвышаются до того цѣльнаго пониманія италіанской исторіи, которымъ поражаетъ насъ великій флорентинецъ. Сохранивъ, слѣдовательно, недостатки, которые были неизбѣжны въ эпоху, когда писалъ Макиавелли, они не переняли у него глубины взгляда и его строгой послѣдовательности при оцѣнкѣ явленій. Исчислять здѣсь сочиненія, подтверждающія нашу мысль, было-бы бесполезно. Но мы не можемъ не указать на помѣщенную въ 5 № „Современника“ за 1850 г. „Исторію папской власти до смерти Карла Великаго“. Имя ученаго автора и отношеніе его статьи къ разбираемой нами книгѣ возлагаютъ на насъ эту обязанность. Статья г. Куторги отличается отъ „Судебъ Италіи“ объемомъ; но предметъ розысканій почти тотъ же. Мы не опасаемся оскорбить г. Куторгу, упорочившаго свою ученую извѣстность другими трудами, откровеннымъ выраженіемъ нашего мнѣнія. Его „Исторія папства“ не можетъ выдержать никакого сравненія съ трудомъ г. К—ва. Главный недостатокъ этой статьи заключается не въ томъ, что она составлена исключительно по нѣмецкимъ сочиненіямъ: добросовѣстный авторъ назвалъ своихъ руководителей и тѣмъ отнялъ у критики право упрекать его въ неполномъ знаніи источниковъ. Но мы считаемъ себя въ правѣ требовать отъ такого ученаго, какъ г. Куторга, по крайней мѣрѣ вѣрной оцѣнки писателей, которыхъ трудами онъ пользовался. Вотъ почему насъ нѣсколько удивилъ его отзывъ объ „Исторіи Иннокентія III“ Гуртера. По словамъ г. Куторги, Гуртеръ „представилъ картину, написанную кистью великаго художника и съ безпристрастіемъ ученаго“. Не будемъ говорить о художественномъ достоинствѣ „Исторіи Иннокентія III“. Смѣемъ, однако, думать, что весьма немногіе изъ читателей этой книги согласятся съ приведенными выше словами. Что касается до безпристрастія Гуртера, то до сихъ поръ оно едва-ли было кѣмъ-нибудь замѣчено. Гуртеръ, бывшій протестантскій пасторъ, принялъ римско-католическое исповѣданіе и считается въ нѣмецкой литературѣ однимъ изъ главныхъ представителей и защитниковъ средневѣковыхъ теорій папской власти и римско-католической іерархіи вообще. Вся статья г. Куторги написана съ небрежностью, къ какой онъ не приучилъ насъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Какъ, напримѣръ, согласить слѣдующія противорѣчія? На стр. 41 сказано: „Папы не имѣли ни собственной территоріи, ни войска, ни финансовъ, ничего, что составляетъ необходимую принадлежность государя; они обладали чрезвычай-

чайною, великою властью, но она была только духовною, не матеріальною. Эта власть представляет намъ изумительное и единственное явление во всемъ мірѣ, что въ самое цвѣтущее и блистательное время папства, въ правленіе Григорія VII и Иннокентія III, когда римскіе первосвященники господствовали надъ всѣми странами Запада, возводили и низлагали государей, подчиняли себѣ цѣлыя царства, что и тогда они не владѣли никакою областію (!) и даже самымъ городомъ Римомъ, остававшимся совершенно независимымъ“. А на стр. 64 читаемъ: „Всѣ маленькіе города, лежавшіе отъ Витербо до Террачины и отъ Нарни до устьевъ Тибра, соединились съ римлянами и составили отдѣльное владѣніе подъ управленіемъ папы (727). Вотъ первое начало свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ: Григорій II не былъ уже только папою—онъ сталъ государемъ“. Гдѣ нашелъ авторъ доказательства въ пользу своего мнѣнія, что восточные императоры сами содѣйствовали къ увеличенію свѣтскаго значенія папъ и укрѣпили ихъ власть надъ Римомъ (стр. 66)? Какъ понять ссылку на Григорія Турскаго, будто-бы сказавшаго, что Дагоберъ I, король Франковъ, принесъ въ даръ монастырю св. Діонисія одною записью 27 деревень (стр. 45)? Григорій умеръ въ 595 году, а Дагоберъ началъ царствовать съ 622 года. Можно было бы привести еще нѣсколько подобныхъ противорѣчій и недосмотровъ, но мы полагаемъ, что показанныхъ выше достаточно для нашей цѣли. Намъ нужно было только показать великое разстояніе, отдѣляющее самостоятельный, на основаніи глубокаго изученія источниковъ совершенный трудъ г. К—ва отъ бѣглаго очерка, представленнаго г. Куторгою.

Обзору остготскаго періода посвящены въ сочиненіи г. К—ва двѣ главы (2 и 3). Авторъ, излагающій пространно исторію лангобардовъ, не счелъ нужнымъ входить въ такіе же подробности относительно предшествовавшихъ имъ въ Италіи германскихъ племенъ. Упомянувъ слегка о патриціатѣ Одоакра, служившемъ только переходомъ отъ стараго императорства къ новому королевству, г. К—въ представляетъ на немногихъ страницахъ характеристику Теодериха и основаннаго имъ государства. „Между передовыми людьми германскаго міра онъ (то-есть Теодерихъ) былъ первый, на которомъ ясно отразилось вліяніе того человѣчественнаго духа, который лежалъ въ самыхъ основахъ міра римско-христіанскаго. Между германцами это первое ошутительное выраженіе того, что впоследствии, болѣе опредѣлившись въ своемъ содержаніи, получило себѣ и опредѣленное имя

въ названіи „гуманизма“. Что этотъ новый духъ не переродилъ совершенно Теодериха, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: дикіе инстинкты продолжали таиться въ немъ, хотя и противъ его воли, и временемъ обнаруживались жестокостію, даже вѣроломствомъ. Въ такія минуты опять нельзя не узнать въ Теодерихѣ германскаго варвара; но проходили минутныя вспышки, и Теодерихъ опять становился человѣкомъ добра, сочувствующимъ выгодамъ римской цивилизаціи и желающимъ устроить мирное счастье своихъ подданныхъ“.

Въ этихъ словахъ не видно особенностей, отличающихъ Теодериха отъ другихъ великихъ вождей германскаго племени, жившихъ въ V вѣкѣ. У Атаульфа Вестготскаго, у Вандава Стиликона мы найдемъ тѣже стремленія къ вышему, только при условіяхъ римско-христіанской образованности возможному порядку. Въ нихъ такъ-же, какъ въ Теодерихѣ, энергія и разрушительныя страсти варвара соединяются съ благородными идеями, съ нравственно-политическими побужденіями, которымъ нельзя было развиваться на почвѣ чистаго германизма. Подобно остготскому королю, они старались сохранить формы разлагавшейся имперіи ради духа, нѣкогда въ нихъ жившаго, и расточали для этой цѣли силы, которымъ исторія готовила другое назначеніе. Укажемъ читателямъ на извѣстное мѣсто въ исторіи Павла Орозія (VII, 43), гдѣ рѣчь идетъ о планахъ Атаульфа. Въ молодости своей онъ хотѣлъ, по собственному признанію, стереть съ лица земли самое имя „римлянъ“, замѣнивъ его „готами“; но опытъ показалъ ему, что готы, вслѣдствіе ихъ необузданной дикости (*propter effroenatam barbariem*), неспособны подчиниться какому-либо закону, и онъ рѣшился употребить ихъ оружіе для возстановленія и увеличенія римской славы. Дошедшія до насъ извѣстія о Стиликонѣ обличаютъ въ немъ такія же намѣренія. Стѣдовательно, не одинъ Теодерихъ между германскими вождями былъ доступенъ вліянію древней цивилизаціи и не онъ первый оцѣнилъ ея превосходство. Его отличіе отъ Атаульфа, Стиликона и другихъ заключается не въ оригинальности взгляда или пониманія, а въ степени даровитости и успѣха, въ самомъ положеніи. Онъ былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, можетъ быть потому, что встрѣтилъ на пути своемъ Кассіодора. Трудно выдѣлить послѣднему принадлежащую ему въ славѣ остготскаго короля долю. Теодерихъ былъ, безспорно, замѣчательный человѣкъ, но онъ едва-ли могъ возвыситься до тѣхъ политическихъ и нравственныхъ идей,

которыми проникнута веденная отъ его лица Кассіодоромъ официальная переписка. Есть понятія, до которыхъ нельзя дойти личною геніальностью, которая могутъ вырасти только на готовой, вѣками правильнаго развитія удобренной почвѣ. Принимая въ соображеніе благоприятныя обстоятельства содѣйствовавшія образованію Теодериха, его десятилѣтнее пребываніе при цареградскомъ дворѣ, его раннее знакомство съ языками классической древности (хотя грамотность его подлежитъ сомнѣнію), мы должны допустить, что онъ пришелъ въ Италію не простымъ начальникомъ дружины, имѣвшей цѣлю грабежъ и войну, и что онъ хорошо понималъ новыя отношенія, въ которыя его поставила побѣда надъ Одоакромъ. Въ немъ могла зародиться болѣе или менѣе ясная мысль о сліяніи готовъ и италіанцевъ въ одну народность; но онъ не только не могъ говорить тѣмъ языкомъ, какой влагаетъ ему въ уста Кассіодоръ—онъ не могъ даже думать такимъ образомъ. Читая „Epistolae Variae“, невольно приходишь къ мысли, что Кассіодору принадлежитъ не одна редакція, не одинъ слогъ этихъ актовъ: на нихъ лежитъ печать римскаго духа, въ нихъ виденъ римскій складъ ума. Нельзя не задать себѣ вопроса: не былъ-ли Теодерихъ воспріимчивымъ и послушнымъ ученикомъ италіанской аристократіи, окружавшей его послѣ паденія Одоакра? Къ такому вопросу приводятъ даже извѣстные факты изъ жизни знаменитаго готскаго короля. Дѣятельность его характеристически отличается отъ дѣятельности другихъ германскихъ начальниковъ. Всѣ они были по преимуществу воины: его военные подвиги оканчиваются взятіемъ Равенны. Въ остальныхъ *тридцать три года* своей жизни, Теодерихъ не ходилъ болѣе на войну и повидимому исключительно былъ занятъ дѣлами внутренняго управленія. Такой переходъ молодого и счастливаго вождя отъ жизни въ станѣ, отъ боевыхъ трудовъ къ сухимъ административнымъ заботамъ страненъ, почти неестественъ. Замѣтимъ, что между близкими къ Теодериху людьми мало, или, лучше сказать, вовсе нѣтъ готовъ. Либерій, оба Кассіодора (отецъ и сынъ), Симмахъ, Боэцій занимаютъ высшія должности въ государствѣ и составляютъ совѣтъ короля. Исключеніе римлянъ изъ военной службы предоставленной однимъ германцамъ, не могло быть допущено безъ значительныхъ ограниченій. Доказательствъ можно найти у Кассіодора (Var. 1. ep. {17 и 40). Наконецъ запрещеніе италіанцамъ носить оружіе, вослѣдовавшее послѣ страшнаго разрыва Теодериха съ римскою партіей показываетъ, что до тѣхъ поръ они пользовались этимъ

правомъ наравнѣ съ готами. Еще поразительнѣе свидѣтельствуетъ о перевѣсѣ римскихъ вліяній 'уравненіе готовъ съ италинцами относительно податей. Теодерихъ едва-ли былъ въ состояніи самъ собою рѣшиться на такое безпримѣрное въ исторіи того времени уравненіе. Меровинги рѣшились подражать этой мѣрѣ почти чрезъ цѣлое столѣтіе послѣ занятія Галліи франками. А они очень рано стали прилагать у себя римскую систему податей и налоговъ. Во всѣхъ бывшихъ областяхъ Западной имперіи мы видимъ постепенное и неотразимое вторженіе римскихъ началъ въ государственную жизнь занявшихъ эти области германцевъ, но нигдѣ это явленіе не совершается такъ скоро, въ такомъ объемѣ, съ такимъ пренебреженіемъ къ привычкамъ новыхъ властителей края, какъ въ Италіи. Сношенія Теодериха съ другими государствами представляютъ намъ также нѣчто странное. Его умная, дальновидная, наслѣдованная отъ лучшихъ временъ падшей имперіи политика не могла быть плодомъ его собственныхъ соображеній. Въ ней является не только великій умъ, но и обширное знаніе. Каждое событіе, происходившее въ Восточной имперіи, или за ея предѣлами— въ разнообразномъ и бурномъ мірѣ варваровъ, обращало на себя вниманіе Равеннскаго двора, вызывало тотчасъ предосторожности или рѣшительныя мѣры. Мы вовсе не думаемъ посягать на славу Теодериха, но признаемъ, что образъ его намъ не ясенъ въ исторіи, и что въ немъ много загадочнаго, чего нельзя объяснить при пособіи сохранившихся источниковъ. Даже народная поэзія, съ такою любовью передающая славныя дѣла Дитриха Бернскаго (то-есть Веронскаго), сохранила ему таинственныя черты, съ какими онъ является въ исторіи. По однимъ преданіямъ, онъ сынъ ночного духа, обладаетъ способностью изрыгать огонь, которымъ жжетъ своихъ непріятелей и вообще находится въ тѣсной связи съ враждебными человѣку адскими силами; по другимъ, онъ образецъ христіанскихъ доблестей, отмѣченный особеннымъ характеромъ кротости и мягкосердія, какимъ не видимъ ни одного изъ героев нѣмецкаго эпоса, за исключеніемъ Рюдигера Бехеларнскаго. На немъ очевидно вліяніе той земли, по которой нельзя было пройти варвару, не поникнувъ главою предъ ея поучительными даже для него развалинами. Какъ ни глубоко проникъ латинизмъ въ Испанію и Галлію, но эти области не въ состояніи были дать Германцу того понятія о красотѣ древней цивилизаціи, какимъ исполняла его Италія.

Г. К.—въ справедливо замѣчаетъ, что въ борьбѣ между

Теодерихомъ и Одоакромъ, отъ рѣшенія которой зависѣла судьба Италіи, послѣдняя не принимаетъ никакого видимаго участія и равнодушно переходитъ отъ одного господина къ другому. Явленіе это объясняется, впрочемъ очень просто. Ни Одоакръ, ни Теодерихъ не были завоевателями края въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Переворотъ 476 г. совершился не вслѣдствіе нашествія варваровъ извнѣ, а вслѣдствіе возстанія германскихъ дружинъ, состоявшихъ въ службѣ Западной имперіи. Паденіе этой имперіи имѣетъ неоспоримо великое значеніе; имъ окончательно замыкается древняя исторія, съ него начинается переходное время Среднихъ вѣковъ; но на самомъ театрѣ событія, въ самой Италіи, оно менѣе обнаружило вліянія и менѣе было замѣчено, чѣмъ пришествіе вестготовъ или франковъ въ Галлію. Низложеніе Августа не изумило умовъ, привыкшихъ видѣть власть въ рукахъ германскихъ вождей, тѣмъ болѣе, что идея имперіи не погибала и нашла себѣ готоваго представителя въ Константинополѣ, гдѣ продолжалъ царствовать преемникъ Константина Великаго. Одоакру не приходило въ голову присвоить себѣ вмѣстѣ съ властію титулъ, недоступный для честолюбія варваровъ. На іерархической лѣстницѣ тогдашнихъ властей онъ не только не думалъ стать на одну ступень съ восточнымъ императоромъ, но даже считалъ себя его слугою. У Малха (стр. 93) находится любопытное извѣстіе о посольствѣ, которое отправилъ сверженный уже Августулъ къ цареградскому императору Зенону. Признавая, что для всѣхъ областей имперіи достаточно одного главы, Августулъ просилъ Зенона назначить его намѣстникомъ, а Одоакра—патриціемъ въ Италіи. Цѣль и смыслъ этого посольства разгадать не трудно. Оно было отправлено Одоакромъ для опредѣленія его отношеній къ восточному императору. Новый властитель Италіи просилъ у него имперской должности, чтобъ скрѣпить ею свое непрочное право на покорность италіанцевъ. Слѣдовательно, центръ государственной жизни былъ перенесенъ въ другое мѣсто, но главная идея и учрежденія остались тѣже. Одоакръ не предпринималъ никакихъ перемѣнъ въ найденныхъ имъ формахъ римскаго суда и управленія. Ощутительнѣе могло отозваться владычество германскаго вождя на судьбѣ отдѣльных лицъ и на отношеніяхъ собственности. Но и въ этой сферѣ особенно благопріятныя обстоятельства значительно смягчили для италіанцевъ переходъ подъ новую власть.

Изъ книги г. К—ва видно, что ему хорошо извѣстны изслѣдованія Гаупа о германскихъ поселеніяхъ на римской

почвѣ. Къ сожалѣнію, онъ не вполне воспользовался 16 и 29 главами этого сочиненія, въ которыхъ изложены существовавшія въ Римской имперіи съ конца IV столѣтія узаконенія о военномъ постое и вліяніе, обнаруженное этими узаконеніями на судьбу занятыхъ впослѣдствіи германцами провинцій. Желая устранить неудобства и затрудненія по этому предмету, императоры Аркадій и Гонорій закономъ 398 года установили, что всякій, несвободный отъ постоя домъ долженъ быть раздѣленъ на три части. Хозяинъ имѣлъ право на выборъ первой части, вторую выбиралъ военный постоялецъ, третья оставалась за хозяиномъ. Законъ не говоритъ, кому изъ двухъ предоставлено было дѣлить домъ на участки, но опредѣляетъ особенными выраженіями права и обязанности каждаго: на сторонѣ воина *hospitale jus*, на хозяинѣ лежитъ *hospitalitatis munus*. Взаимное ихъ отношеніе называется *hospitalitas*. Армія давно уже перестала набираться изъ туземнаго народонаселенія. Она состояла преимущественно изъ германскихъ наемныхъ дружинъ, понемногу свыкавшихся съ формами римскаго быта, особенно вслѣдствіе вышеприведенныхъ законовъ о военномъ постое. *Hospitalitas* служила связью между варваромъ и уступавшимъ ему треть своего дома римляниномъ. Послѣдній, превосходствомъ своей образованности и своихъ привычекъ, не могъ не имѣть вліянія на перваго. Таково было положеніе Одоакровыхъ дружинъ въ Италіи въ эпоху, когда наступилъ конецъ призрачному существованію Западной имперіи. Наслѣдникъ Ромула Августа отдалъ своимъ дружинникамъ треть римскихъ земель, то есть предоставилъ имъ въ собственность тотъ участокъ дома, которымъ они пользовались въ качествѣ постояльцевъ, и велѣлъ приписать къ этому участку треть всѣхъ земель, принадлежавшихъ бывшему хозяину, освобожденному въ замѣнъ этой уступки отъ прежнихъ повинностей для продовольствія арміи. Эта сдѣлка, которой выгода для германцевъ не требуетъ доказательствъ, не произвела, слѣдовательно, особенной перемѣны въ состояніи бывшихъ римскихъ подданныхъ. Прибавивъ къ этому дешевизну земель въ Италіи — необходимое слѣдствіе уменьшившагося народонаселенія и постоянной тревоги, въ какой находились уцѣлѣвшіе жители — мы увидимъ, что раздѣлъ имущества не былъ такъ разорителенъ для италіянцевъ, какъ съ виду кажется. Въ самыхъ лучшихъ частяхъ Аппенинскаго полуострова лежали огромныя пустоши. Слѣдовательно, дѣятельному италіянцу не трудно было вознаграждать себя за выдѣленную у него треть земли, тѣмъ болѣе,

что правленіе Одоакра, сколько извѣстно изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, было вообще благотворно для истощеннаго края.

Одоакръ, какъ сказано выше, считалъ необходимымъ для прочности своей власти признаніе ея со стороны восточнаго императора. Онъ даже не принялъ королевскаго титула (хотя въ источникахъ онъ называется *rex*), который носили другіе германскіе начальники, овладѣвшіе отдѣльными римскими провинціями, и не чеканилъ собственной монеты; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не найдено ни одной монеты съ его изображеніемъ. Но такое, можетъ быть, невольное смиреніе предъ идеею имперіи не спасло его отъ нашествія Остготовъ. Разсказъ Юрнанда о причинахъ этого похода не сходенъ съ извѣстіями, которыя находятся у Прокопія; противорѣчіе этихъ лѣтописцевъ не мѣшаетъ, однако, понять въ чемъ заключалось дѣло. Остготы находились тогда въ службѣ Восточной имперіи. Законъ смотрѣлъ недовѣрчиво на ихъ молодого и честолюбиваго вождя, который въ свою очередь тяготился своимъ служебнымъ отношеніемъ. Его манили недавніе примѣры Хлодвига и Одоакра. Неизвѣстно, чѣмъ именно навлекъ на себя Одоакръ гнѣвъ императора, но Зенонъ воспользовался случаемъ для достиженія двойной цѣли и предложилъ Теодериху наказать непокорнаго патриція. Понятно, съ какою радостію принялъ вождь остготовъ это порученіе: его желанія на этотъ разъ совпадали съ видами Зенона. Для полнаго уразумѣнія остготскаго періода италіанской исторіи не должно забывать, что Теодерихъ пришелъ въ будущее свое королевство имперскимъ полководцемъ, а не самостоятельнымъ государемъ. Паденіе Одоакра было, разумѣется, весьма чувствительно для его дружинъ, но отнюдь не для италіанцевъ, которыхъ положеніе осталось совершенно тоже. Теодерихъ держался тѣхъ самыхъ правилъ, которыя мы замѣтили у его предшественника. Онъ роздалъ своимъ готамъ *трети*, отнятыя у Одоакровыхъ германцевъ, и на условіяхъ, еще болѣе выгодныхъ для туземнаго населенія, ибо готы платили наравнѣ съ другими налоги, отъ которыхъ, кажется, были освобождены воины Одоакра. При новомъ распредѣленіи третей, предпринятомъ по приказанію Теодериха, главную роль игралъ римлянинъ Либерій, человѣкъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, „соединившій (по словамъ Кассіодора) сердца и владѣнія обоихъ народовъ“ (Var. 11, 16). Есть другія свидѣтельства, показывающія, что италіанцы ничего не потеряли, или, по крайней мѣрѣ, потеряли весьма мало, вслѣдствіе пришествія Остго-

товъ. Византіецъ Прокопій говоритъ, что Теодерихъ, занявъ Италію, не нанесъ никакого никому вреда: „только готы раздѣлили между собою часть полей, уступленную Одоакромъ своимъ приверженцамъ“ (De bello Gotthico I, 1). Эннодій, епископъ города Павіи, въ письмѣ къ названному нами выше Либерію говоритъ, что „онъ снабдилъ многочисленныя толпы готовъ обширными землями незамѣтнымъ для римлянъ образомъ безъ всякаго ущерба для покореннаго племени“ (et nulla senserunt damna superati. Ennod. Ep. IX, 23). Такъ какъ число готовъ, пришедшихъ съ Теодерихомъ, по всей вѣроятности, превышало число побѣжденныхъ ими геруловъ и другихъ германцевъ, то можно предположить, что они заселили, сверхъ отведенныхъ имъ на основаніи римскихъ законовъ о военномъ постое третей, тѣ огромныя пустоши, которыми была такъ богата тогдашняя Италія. Умѣренности, показанной въ этомъ случаѣ Теодерихомъ, нельзя объяснить его личнымъ характеромъ: онъ дѣйствовалъ въ римскомъ духѣ, какъ римскій сановникъ, чему легко найти доказательства, не вдаваясь въ такія крайности, какъ Глѣденъ (von Glöden, Das röm. Recht im ostgoth. Reiche), отрицающій въ сущности самостоятельность Остготскаго государства. Въ сношеніяхъ своихъ съ Восточной имперіей Теодерихъ является настоящимъ государемъ, что ясно видно изъ словъ Прокопія (I, I) и вообще изъ всей исторіи той эпохи. Но въ дѣлахъ внутренняго управленія Теодерихъ не отступалъ отъ римскихъ преданій, и его царствованіе въ Италіи составляетъ, можно сказать, продолженіе римскаго періода, а не начало новаго времени. Отличіе Остготскаго королевства отъ другихъ, основанныхъ варварами на имперской почвѣ, заключается именно въ томъ, что Теодерихъ, при самомъ началѣ своего правленія, сталъ выше исключительно національнаго направленія и имѣлъ въ виду цѣльное государство, а не народъ готскій. Это отличіе замѣтилъ еще Монтескьё и выразилъ его слѣдующимъ образомъ: „Я покажу когда-нибудь въ особенномъ сочиненіи, что остготская монархія совершенно отличалась отъ другихъ монархій, основанныхъ въ то-же время варварами, и что не только нельзя сказать, что такая-то вещь была въ употребленіи у франковъ, потому что мы находимъ ее у остготовъ, но наоборотъ, есть справедливыя причины думать, что дѣлавшееся у остготовъ не могло дѣлаться у франковъ“ (Духъ Законовъ, кн. XXX, 12). Великій писатель, къ сожалѣнію, не исполнилъ своего намѣренія, но мысль его болѣе и болѣе подтверждается новыми изслѣдованіями. Въ этомъ

отношеніи для исторіи все равно, самъ-ли Теодерихъ пришелъ къ убѣжденіямъ, выразившимся въ его политической системѣ, или они были ему подсказаны и внушены окружающими его лицами.

Мы нарочно указали на нѣкоторыя подробности, опущенныя г. К—мъ, потому что онъ также относитъ остготскій періодъ къ проходившему, а не къ зачинавшемуся порядку вещей. Впрочемъ, авторъ „Судебъ Италіи“ превосходно опредѣлилъ историческій подвигъ Теодериха и характеръ аріанства. „Дѣло Теодериха очевидно клонилось къ тому, чтобы изъ него выработалось наконецъ возобновленное римское государство съ римскимъ правомъ и римскими учрежденіями, можетъ-быть не безъ нѣкоторой примѣси готскихъ понятій и обычаевъ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ стараго римскаго начала. Но для того-ли происходила вся эта многотрудная работа вѣковъ, работа разложенія и новаго созиданія, чтобы на старомъ базисѣ мы снова увидѣли и старое зданіе, переложенное въ томъ-же стилѣ и съ тѣми-же недостатками? Не къ такимъ убогимъ цѣлямъ направлялись историческія судьбы новой Италіи. Еще цѣлый рядъ новыхъ завоеваній, одно другое смѣняющихъ, угрожалъ ей впереди: какъ-бы въ возмездіе за старую политику Рима, которая, не зная усталости, переносила власть свою отъ одного народа на другой. Италіи тоже суждено было въ продолженіе очень длиннаго періода переходить изъ однихъ рукъ въ другія. Но среди самаго плѣна, изъ противодѣйствія враждебныхъ элементовъ, зарождались уже индивидуальныя черты новой Италіи, возникали и новыя интересы, которые вовсе не существовали для древняго Рима. Какъ ни благородны были намѣренія Теодериха, какъ ни постояненъ былъ онъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, — зданіе имъ сооружаемое не носило въ себѣ никакого залога прочности: онъ преслѣдовалъ мечту, которая не могла осуществиться. Все благодушіе готовъ, съ которымъ они, повидимому, по крайней мѣрѣ, подчинялись видамъ своего короля, вся безотвѣтность римлянъ, которые должны были принять съ благодарностью новый порядокъ вещей, ни къ чему не служили тамъ, гдѣ между двумя народами проходило глубокое внутреннее раздѣленіе. Отнюдь не всѣ вопросы рѣшались на политической аренѣ: наоборотъ сознаніе политическое подчинялось во многихъ случаяхъ сознанію религіозному. Это было необходимое слѣдствіе того великаго переворота, который незадолго передъ тѣмъ совершился въ человѣческомъ сознаніи вообще. Мысль религіозная состав-

ляла въ то время высшій интересъ человѣчества, покрывавшій собою всѣ другіе: она соединяла людей разноплеменныхъ, раздѣляла кровныхъ. Напрасны были всѣ успѣха короля готовъ соединить римлянъ и готовъ политически; они сошлись уже раздѣленные своими религіозными убѣжденіями. Готы были аріане, римляне — католики". (Стр. 34—36).

Усилія Теодериха слить готовъ и римлянъ въ одинъ народъ оказались бесполезными. Замѣчательный эдиктъ, или, лучше сказать, эдикты 500 года остались памятникомъ этихъ неудачныхъ стремленій. Интересы государственные должны были уступить мѣсто религіознымъ. Здѣсь надобно замѣтить, что православное духовенство, которому, въ эпоху распаденія имперіи, досталось трудное и славное посредничество между туземнымъ населеніемъ и варварами, не противилось основанію германской монархіи. Превосходя образованіемъ и умственной дѣятельностью всѣ другіе классы римскаго общества, оно глубоко понимало невозможность спасти ветхую имперію и смотрѣло на нашествіе варваровъ какъ на неизбѣжный выводъ предыдущей исторіи. Эти событія являлись ему заслуженною казнью за грѣхи язычества, еще не совсѣмъ умершаго въ государствѣ Константина и Θεодосія. Но склоняясь предъ мірскою властію германскихъ вождей, православные епископы считали себя по праву духовными вождями своей паствы и не только отдѣляли вопросъ политическій отъ религіознаго, но даже подчиняли первый второму. Пока на византійскомъ престолѣ сидѣлъ защитникъ ересей Анастасій, Теодерихъ царствовалъ спокойно; но когда Анастасія смѣнилъ благочестивый Юстинъ, обстоятельства перемѣнились. Между Римомъ и Цареградомъ тотчасъ начались сношенія, къ которымъ не могъ быть равнодушенъ остготскій король. Дѣло шло о судьбѣ его династіи, его народа. Трудно сказать, какое участіе принималъ въ этихъ отношеніяхъ римскій сенатъ, который имѣлъ причины дорожить Теодерихомъ. Римскую партію могла тревожить только невѣрная будущность при преемникахъ короля, уже приближавшагося къ старости. Какъ-бы то ни было, обвинительные акты, на основаніи которыхъ были приготовлены къ смерти Альбинъ, Боэцій и Симмахъ, не дошли до насъ, и мы не въ правѣ произнести окончательный приговоръ надъ Теодерихомъ. Г. К.—въ отступилъ въ этомъ случаѣ отъ своей привычки самостоятельнаго изслѣдованія и повторилъ обвиненія, истину которыхъ доказать невозможно. Кассіодоръ былъ также преданъ Италіи, но

онъ сохранилъ даже по смерти Теодериха свое положеніе и вліяніе въ государствѣ остготовъ.

Зло, съ которымъ началъ борьбу Теодерихъ въ послѣдніе годы своего царствованія, выступило вполне наружу только при его преемникѣ. Разнородные элементы стали каждый порознь и отrekliсь отъ неестественнаго союза. Этотъ разрывъ отозвался даже во дворцѣ остготскихъ королей: дочь Теодериха, правительница Амалазунта, стала во главѣ римской партіи. Готы окружили малолѣтняго короля Аталариха и старались устранить отъ него римское вліяніе. Они надѣялись воспитать чисто германскаго вождя, представителя интересовъ племени, которому казалось недостаточною доля богатства и власти, данная ему Теодерихомъ въ занятой съ боя землѣ. Результаты этого спора извѣстны. Мы не послѣдуемъ за г. К — мъ въ изложеніи послѣднихъ судебъ Остготскаго государства, но позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на этотъ отдѣлъ его изслѣдованія. Говоря о возраставшей ненависти между готами и италианцами, авторъ долженъ-бы былъ упомянуть объ удаленіи Кассіодора отъ дѣлъ въ 538 году. Это важно не для біографіи Кассіодора, а потому, что показываетъ окончательный перевѣсъ германскаго начала надъ римскимъ. Либерій, о которомъ было сказано выше, вѣрный слуга Теодериха, не только послѣдовалъ примѣру Кассіодора, но является во время войны въ числѣ полководцевъ Юстиніана. Готы бьются одни и знаютъ, что дѣло идетъ объ ихъ конечномъ истребленіи. Отсюда жестокий характеръ борьбы.

Юстиніанъ одолѣлъ, благодаря искусству своихъ полководцевъ и трудностямъ, съ которыми готы должны были бороться среди населенія имъ враждебнаго, смотрѣвшаго на составленныя изъ такихъ-же, или болѣе грубыхъ, чѣмъ готы, варваровъ войска имперіи, какъ на своихъ избавителей. Италія снова вошла въ число имперскихъ областей, — но какая Италія? Отъ сѣверныхъ границъ до Мессинскаго пролива прошелъ мечъ-истребитель. Около двадцати лѣтъ продолжалась ожесточенная война, которую вели, какъ сказано, ополченія, равно чуждыя Италіи. Съ обѣихъ сторонъ стояли варвары, нещадившіе прекраснаго, преданнаго ихъ произволу края. Города безпрестанно переходили изъ рукъ въ руки и при каждой перемѣнѣ терпѣли новыя бѣдствія. При взятіи Рима Тотилою въ 546 году, въ вѣчномъ городѣ, по словамъ Прокопія, оставалось не болѣе 500 человекъ жителей, изъ низшихъ сословій; остальные разбѣжались, или умерли съ голода (*De bel. Goth.* III, 20). Въ одномъ Пице-

нумъ (то есть маркъ Анконской) убыль населенія въ четвертый годъ войны ужъ достигла до 50 человекъ. По смерти послѣдняго готскаго короля Тейи, ворвались въ несчастную Италію дружины хищныхъ франковъ и аллемановъ и прошли отъ сѣвернаго до южнаго конца вдоль береговъ Адріатическаго и Тирренскаго морей, разоряя и губя все уцѣлѣвшее отъ прежнихъ разореній. Къ бѣдствіямъ войны присоединилась моровая язва, почти не прекращавшаяся въ продолженіе многихъ лѣтъ. Если принять въ основаніе вычисленіе Прокопія, очевидно преувеличенное, то въ Италіи не могло остаться жителей, какъ справедливо замѣчаетъ Гиббонъ (гл. 48). Но оставляя въ сторонѣ эти преувеличенія, можно составить себѣ понятіе объ упадкѣ населенія, испытаннаго такими несчастіями.

Въ 554 году Юстиніанъ издалъ прагматическую санкцію, которою ввелъ въ Италіи постановленія, состоявшіяся въ Восточной имперіи съ 476 года. Очевидно, что ожиданія партіи, столь ревностно помогавшей Юстиніану противъ остготовъ, не сбылись, что она считала себя въ правѣ жаловаться на обманутыя надежды. „Ужъ лучше-бы намъ повиноваться готамъ, чѣмъ грекамъ“, говорили римскіе послы Юстину II и грозили добровольнымъ призваніемъ новыхъ варваровъ. Но въ Италіи было, однако, сословіе, которое смотрѣло на побѣды Велизарія и Нарцесса какъ на свои собственныя и могло оказать сильное содѣйствіе византійскому правительству въ его отношеніяхъ къ отнятому у готовъ краю.

„Католическое духовенство, говоритъ г. К—въ, питало особенно враждебное чувство къ готскому аріанизму и всего болѣе содѣйствовало къ тому, чтобы тѣснѣе связать виды Италіи съ интересами имперіи. Выгоды, которыя оно пріобрѣтало вслѣдствіе измѣненнаго порядка вещей, носили на себѣ также чисто политическій характеръ. Уступая силѣ обстоятельствъ и духу времени, имперія вообще въ послѣднее время должна была предоставить духовенству, епископамъ въ особенности, гораздо больше дѣйствительнаго вліянія на мѣстное, всего болѣе городское управленіе, нежели сколько это могло лежать въ ея видахъ. Почетное сословіе городскихъ владѣльцевъ, куріаловъ, изгигало, теряло всякій вѣсъ и значеніе; новая духовная аристократія становилась на его мѣсто, все болѣе и болѣе выдвигаясь впередъ своимъ высокимъ характеромъ, своимъ вліяніемъ на дѣла. Правительство только узаконивало то, чтó уже вошло въ порядокъ вещей. Уступки, дѣлаемыя новеллами епископ-

скому авторитету, почти заставляють забывать, что дѣло идетъ объ отношеніяхъ внутри самой имперіи. Не довольно того, что въ городѣ епископъ управлялъ выборомъ столько важныхъ городскихъ чиновниковъ, какъ *defensor* и *pater civitatis* (*quinquennalis*): ему еще предоставлялось право надзора за ними во все время ихъ общественной дѣятельности; онъ наблюдалъ за употребленіемъ городскихъ доходовъ, и отъ тѣхъ, которые распоряжались ими, могъ требовать себѣ ежегоднаго отчета. Но законное вліяніе и контроль епископовъ простирались еще далѣе: отъ нихъ-же главнымъ образомъ зависѣли выборы тѣхъ гражданскихъ начальниковъ, которые, подъ именемъ судей, *judices*, поставлялись надъ цѣлою областью. Наконецъ, епископъ уполномочивался, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваться въ самыя отправленія служебныхъ обязанностей, которыя лежали на этихъ областныхъ судьяхъ, заступать иногда ихъ мѣсто и въ важныхъ случаяхъ представлять на нихъ жалобы самому императору. Не забудемъ притомъ, что епископъ, какъ духовный пастырь, имѣлъ еще право общаго надзора за нравами, право, котораго нисколько не думало оспаривать у него гражданское законодательство.

„Съ такимъ духовнымъ и гражданскимъ полномочіемъ какого высокаго политическаго значенія не могло обѣщать себѣ католическое духовенство въ Италіи? Въ Римѣ особенно, гдѣ глава его былъ главнымъ двигателемъ политическихъ интересовъ, гдѣ, наконецъ, въ его рукахъ сосредоточивалось все управленіе обширными патримоніями римской церкви и все вліяніе, необходимо соединенное съ этимъ управленіемъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, значеніе римскаго епископа выросло въ продолженіе остготскаго періода до огромныхъ, хотя неопредѣленныхъ современниками размѣровъ. Юстиніанъ не понималъ этого явленія. Свидѣтельствомъ служить, съ одной стороны, дѣло папы Вигилія, прекрасно объясненное г. К—мъ, съ другой—назначеніе Равенны мѣстомъ пребыванія экзарху. Мы покажемъ во второй статьѣ, какъ отозвались эти ошибки въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ италіанской исторіи.

II.

Въ первой статьѣ мы показали, какъ мало выиграла Италія при обмѣнѣ остготскаго владычества на византійское. Надобно, впрочемъ, согласиться, что завоеванія Нарцесса также ничего не прибавили къ дѣйствительнымъ силамъ имперіи. Бѣдная народонаселеніемъ, разоренная войною,

Италія не только не могла давать ни людей, ни денегъ, но еще требовала значительныхъ издержекъ отъ константинопольскаго правительства. Изгнаніе остготовъ изъ Италіи было важно для Юстиніана, который, думая о возстановленіи имперіи въ прежнихъ предѣлахъ, успѣлъ овладѣть Африкою и частью приморскихъ городовъ Испаніи. Но послѣдующіе императоры, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ и увеличившихся трудностей своего положенія, должны были отказаться отъ великаго плана ихъ предшественника. Занятые другими, ближайшими заботами, они не могли въ такой степени, какъ Юстиніанъ, дорожить своими владѣніями на Аппенинскомъ полуостровѣ, особенно, когда владѣнія эти подверглись нападенію новаго врага, борьба съ которымъ потребовала обременительныхъ для имперіи усилій. „Силы варварскаго міра были неистощими (говоритъ нашъ авторъ). Готы были лишь передовой его народъ, которому судьба назначила незавидную роль—первому вступить цѣлою массою на старую римскую почву, чтобъ тамъ найти себѣ преждевременную могилу. Самое это истребленіе готовъ открывало пустоту въ передовыхъ рядахъ варварскихъ народовъ и приглашало тѣхъ, которые слѣдовали за ними въ ближайшемъ разстояніи, занять ихъ упразднившіяся мѣста. Всего менѣе должно представлять варварскіе народы изолированными, разъединенными одинъ отъ другого. Даже когда одному изъ нихъ удавалось завоеваніе на римской почвѣ, онъ не переставалъ быть въ частыхъ сношеніяхъ съ другими своими соотечественниками, даже съ тѣми, которые еще лежали въ глубинѣ Германіи. Дитрихъ или Теодерихъ—было народное имя не у однихъ только готовъ: его славили и другіе германскіе народы, къ нему слали посольства гепиды, лангобарды, аллеманы; его дружбы, его покровительства заискивали многіе германскіе шефы. Все, что дѣлалось внутри предѣловъ готскаго владычества, передавалось потомъ молвою въ отдаленныя края Германіи. Паденіе готовъ, народа столько доблестнаго, должно было произвести тяжелое впечатлѣніе на многихъ; но оно же должно было осмѣлить ближайшихъ ихъ сосѣдей на новое нападеніе на Италію. Римская земля была въ глазахъ варваровъ родъ общаго наслѣдства, которое преемственно переходило отъ одного изъ нихъ къ другому“.

Новые германскіе пришельцы, посѣтившіе Италію чрезъ 16-ть лѣтъ послѣ паденія Остготскаго государства, были лангобарды. Г. К.—въ излагаетъ вкратцѣ судьбы этого народа до Альбоина; но намъ кажется, что онъ недостаточно оцѣ-

нилъ характеръ лѣтописца, которому мы обязаны главными свѣдѣніями о лангобардахъ. Сочиненіе Павла Діакона, сына Варнефридова, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ памятниковъ средневѣковой литературы не потому только, что содержитъ въ себѣ богатый запасъ поэтическихъ преданій и разсказовъ, заимствованныхъ лѣтописцемъ прямо изъ устъ народа. Оно отличается существенно отъ однородныхъ твореній Григорія Турскаго и Беды Достопочтеннаго. У обоихъ послѣднихъ церковь стоитъ на первомъ планѣ, чтѣ видно изъ самаго заглавія ихъ сочиненій. Въ „*Historia ecclesiastica Francorum*“ и въ „*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*“ равно господствуетъ религіозное воззрѣніе, и всѣ прочія событія служатъ какъ-бы подножіемъ одному великому явленію, именно распространенію и укрѣпленію христіанства между франками и англо-саксами. Въ личномъ благочестіи Павла Діакона нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться; однако, лѣтопись его не безъ причины носить простое названіе „*De gestis Longobardorum*“. Изъ нея не исключены факты церковной исторіи; напротивъ, авторъ излагаетъ ихъ съ очевидною вѣрою и благоговѣніемъ, но не даетъ имъ того господствующаго надъ остальными сторонами народной жизни значенія, какое видимъ у Григорія Турскаго и у Беды. Лангобардскому историку нельзя было разсматривать судьбу своего племени съ той же точки, съ какой смотрѣли на свое прошедшее франкъ или англо-саксонъ. Будучи монахомъ въ Монтекасино, Павелъ носилъ въ сердцѣ своемъ скорбь патріота и не могъ забыть участія, принятаго римскимъ дворомъ въ паденіи Лангобардскаго государства. Онъ понималъ, что отношеніе западной церкви къ его отечеству было не такое, какъ въ Галліи или Британіи. Вообще, надобно сказать, что трудъ Варнефридова сына не былъ еще подверженъ надлежащей критикѣ. Давно обѣщанныя изслѣдованія Бетмана до сихъ поръ не изданы. Краткое извлеченіе изъ этихъ изслѣдованій, помѣщенное въ IV томѣ „Собранія Лѣтописей“, которыя, подъ особеннымъ покровительствомъ прусскаго короля, выходятъ теперь въ нѣмецкомъ переводѣ (*Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung*), ускользнуло повидимому отъ вниманія ученаго автора разбираемой нами книги.

Извѣстіе о призваніи лангобардовъ удаленнымъ отъ должностей Нарпессомъ возникло въ Италіи, подъ влияніемъ мѣстныхъ ненавистей, которыя навлекъ на себя строгій эзархъ. Греческіе историки не говорятъ ничего объ его измѣнѣ; но народъ сложилъ на него вину своихъ новыхъ

бѣдствій. Какъ-будто лангобардамъ нужно было особое приглашеніе! Путь въ Италію имъ былъ давно знакомъ. Многочисленные наемники изъ этого народа служили въ войскахъ Велизарія и Нарцесса. Въ 552 году Нарцессъ счелъ нужнымъ выслать изъ вѣрренныхъ ему областей часть лангобардскихъ наемниковъ за грабежи. Паденіе Теодерихова государства не могло, какъ замѣтилъ г. К—въ, не отозваться далеко за Альпами и должно было возбудить въ тогдашнихъ германскихъ вождяхъ охоту взяться снова за дѣло, неудавшееся Одоакру и Теодериху. Альбоинъ не уступалъ имъ въ смѣлости и предпріимчивости. Въ 568 году лангобарды пришли въ Италію, а въ 571 государство ихъ уже было готово, по крайней мѣрѣ снаружи; о внутренней организаціи, разумѣется, еще не могло быть рѣчи.

Третье германское государство, такимъ образомъ возникшее на италіанской почвѣ, не походило на два ему предшествовавшія. Владѣнія Одоакра и Теодериха занимали не только весь Аппенинскій полуостровъ, но простирались даже далѣе. Лангобардскія завоеванія шли постепенно, суживаясь до Калабріи и Апуліи, опираясь, какъ на широкое основаніе, на равнину средняго По. Здѣсь легли главныя массы ихъ народнаго ополченія. По обѣимъ сторонамъ этой полосы тянулись вдоль морскихъ береговъ области восточнаго императора. Въ Равеннѣ жилъ по-прежнему его экзархъ. Въ Римѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ начальствовали византійскіе сановники, подчиненные; однако, власти того-же экзарха. Лангобарды, разрѣзавъ на-двое владѣнія имперіи, затруднили до крайности сношенія между отдѣльными частями и тѣмъ ослабили административную и политическую связь этихъ частей. Зато лангобарды были почти на всѣхъ пунктахъ отрѣзаны отъ моря, которое осталось за византійцами. Эти географическія условія, важность которыхъ легко усмотрѣть при бѣгломъ взглядѣ на карту Италіи, прекрасно раскрыты нашимъ авторомъ на стр. 121—124 его сочиненія. Скорая смерть первыхъ вождей лангобардскихъ, Альбоина и Клефа, и послѣдовавшее затѣмъ владычество тридцати пяти герцоговъ помѣшало завоевателямъ полуострова овладѣть имъ вполне. Отсюда развивается цѣлый рядъ фактовъ, опредѣлившихъ не одну политическую судьбу Италіи, но и самый нравственный характеръ ея населенія.

Альбоинъ привелъ съ собою не народъ, а собранную изъ разныхъ племенъ рать. Кромѣ лангобардовъ, составлявшихъ большинство, за нимъ шли саксы, гепиды, булгары, сарматы и т. д. Этихъ дружинъ нельзя сравнивать ни съ гер-

манцами Одоакра, которые еще до 476 года стояли постоемъ въ Италіи, ни съ остготами, которые также находились въ имперской службѣ и имѣли время познакомиться съ обычаями образованнаго міра. Лангобарды явились прямо изъ степей Венгріи не только завоевателями въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но завоевателями грубыми и жестокими, настоящими варварами. На нихъ еще лежала вся дикость первобытныхъ германскихъ нравовъ, и они дали ее сильно почувствовать несчастной странѣ, въ которой на два вѣка разбили свой лагерь. Ихъ государство сохранило въ продолженіе своего существованія не только военный характеръ, общій ему съ другими государствами, возникшими около того-же времени и при сходныхъ условіяхъ, но и враждебное отношеніе къ побѣжденнымъ, какое едва-ли найдемъ гдѣ-либо, кромѣ развѣ вандалской Африки. Презрѣніе лангобардовъ къ римскому племени пережило даже ихъ собственную политическую независимость. Доказательствомъ могутъ служить слова, сказанныя посломъ Оттона Великаго, кремонскимъ епископомъ Ліутпрандомъ, цареградскому императору Никифору Фокѣ: „Лангобарды, и вообще германцы, въ минуты гнѣва не иначе поносятъ враговъ своихъ, какъ оскорбительнымъ именемъ римлянъ“ (Legatio, 12).

Причинъ къ взаимной ненависти между побѣдителями и побѣжденными было, впрочемъ, довольно. Мы знаемъ, какое вліяніе имѣлъ аріанизмъ на судьбу остготовъ. Терпимость Теодериха, его высокое уваженіе къ римскимъ формамъ и идеямъ не примирили съ нимъ его католическихъ подданныхъ. Ересь лежала роковою чертою между готами и италіанцами и дѣлала невозможнымъ ихъ сліяніе въ новую національность, о которой мечталъ Одоакровъ побѣдитель. Лангобарды и ихъ союзники пришли въ Итлію частью аріанами, частью язычниками. Но во главѣ ихъ не было Теодериха, и въ совѣтѣ ихъ начальниковъ не было Кассиодора. Религіознымъ ненавистямъ открылось свободное прище. Г. К.—въ говорить (стр. 128), что лангобардовъ нельзя обвинять въ религіозной пропагандѣ. Это справедливо, но они убивали иновѣрцевъ, не думая о передачѣ имъ собственныхъ вѣрованій. Мы приведемъ нѣсколько отдѣльных фактовъ, подтверждающихъ сказанное нами. Лангобарды умертвили сорокъ поселянъ, отказавшихся ѣсть посвященное идоламъ мясо (Greg. Dial. cap. 87). Такой-же участи подверглись многочисленные плѣнники, не хотѣвшіе поклониться какой-то козьей головѣ (id. cap. 28). Православные жители Бресчин должны были скрываться въ лѣсахъ

отъ гоненій, поднятыхъ на нихъ аріанами (Vita St. Honorii. Bolland. 24 апрѣля). Чрезъ семь лѣтъ по прибытіи своемъ въ Италію, лангобарды еще разоряли церкви и предавали смерти священниковъ, по словамъ Павла Діакона. Замѣчательно, что у нихъ почти вовсе нѣтъ легендъ и другихъ сказаній о житіи св. мужей и мучениковъ, которыхъ такъ много находимъ у другихъ народовъ, поселившихся на римской почвѣ. О вандалахъ, разумѣется, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Св. Барбацій Беневентскій стоитъ одиноко между своими современниками; но должно прибавить, что его слава распространилась уже послѣ паденія Лангобардскаго королевства. Дѣятельность св. Барбація принадлежитъ второй половинѣ VII вѣка. Изъ житія его видно, что языческіе обряды тогда еще не вышли изъ употребленія у лангобардовъ, хотя цѣлое столѣтіе прошло съ переселенія ихъ въ Италію, и большинство народа уже обратилось къ католицизму.

Особенно жестокое гоненіе на знатныхъ и богатыхъ римлянъ началось, повидимому, при преемникѣ Альбоина, Клефѣ. Многіе изъ нихъ были убиты, многіе принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ (Paul. Dias. II. 31). Но у Павла находимъ еще два, болѣе важныя свидѣтельства объ участи, постигшей населеніе областей, занятыхъ его соотечественниками въ первую эпоху завоеванія. Приводимъ эти мѣста, отъ различнаго пониманія которыхъ произошли два совершенно различныя воззрѣнія на положеніе италіянцевъ въ Лангобардскомъ королевствѣ. „Въ то время (подъ владычествомъ герцоговъ) многіе благородные римляне погибли отъ корыстолюбія (побѣдителей); прочіе же были такъ распределены между врагами (hostes, но, по нѣкоторымъ рукописямъ, hospites—постояльцы), что сдѣлались ихъ данниками и стали платить лангобардамъ третью часть своихъ произведеній“ (II, 32). По возстановленіи королевской власти, при Автары, сынѣ Клефа, герцоги уступили королю половину своихъ имѣній, „но народъ былъ раздѣленъ между лангобардскими постояльцами“ (populi tamen aggravati per Lango-bardos hospites partiuntur, III, 16). Какъ объяснить послѣднее извѣстіе? Повторилъ-ли Павелъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ сказанное имъ выше объ обложеніи римской собственности данью въ пользу побѣдителей, или рѣчь идетъ о новомъ выдѣлѣ, о конечномъ разореніи прежнихъ владѣльцевъ? Почти всѣ италіянскіе изслѣдователи и между нѣмецкими историками Лео полагаютъ, что свободное туземное населеніе въ лангобардскихъ владѣніяхъ было

частью истреблено, частью обращено въ сословіе, лишенное политическихъ правъ. Римской собственности при такихъ условіяхъ не могло остаться и слѣдовъ. Савиньи защищаетъ противоположное мнѣніе. Онъ утверждаетъ, что лангобарды довольствовались сборомъ третьей части доходовъ съ оставленныхъ ими туземцамъ имуществъ и обширными пустошами, о которыхъ мы упоминали по поводу остготскаго дѣлежа земель. Г. К.—въ сталъ на сторонѣ италіанскихъ ученыхъ и принимаетъ всѣ результаты системы, развитой ими не безъ патріотическаго преувеличенія и пристрастія. Сказавъ объ обложеніи прежнихъ владѣльцевъ данью, которая равнялась трети ихъ доходовъ, онъ объясняетъ, по слѣдамъ Капелл, второе извѣстіе Павла Діакона такимъ образомъ: подѣлившіеся своими помѣстьями съ новымъ королемъ герцоги вознаградили себя на счетъ побѣжденнаго племени, потерявшаго при этомъ случаѣ половину своей, обремененной налогами, но еще остававшейся за нимъ собственности. Мы не будемъ оспаривать справедливости этого толкованія, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ; но позволимъ себѣ замѣтить, что нашъ авторъ слишкомъ скоро и легко рѣшаетъ вопросъ, едва-ли разрѣшимый при настоящихъ источникахъ. Ему слѣдовало бы обратить большое вниманіе на то, что говоритъ Павелъ Діаконъ въ той-же главѣ о дивномъ времени короля Автари, „когда въ государствѣ лангобардовъ не было никакихъ насилій и никакихъ казней; никто не принуждалъ другихъ къ незаконнымъ повинностямъ и никто не грабилъ“. Трудно допустить такую тишину и такой порядокъ въ странѣ, только что испытывшей огромный, затронувшій всѣ частные интересы переворотъ въ отношеніи собственности. Самая послѣдовательность, въ которой событія представляются г. К.—ву, неправдоподобна. Намъ кажется гораздо вѣрнѣе мысль, высказанная шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ гениальнымъ Шпитлеромъ (Spittler). По его мнѣнію, лангобарды въ первой порѣ своихъ завоеваній въ Италіи брали какія хотѣли земли, такъ какъ они грабили и убивали римлянъ безъ дальнѣйшихъ соображеній, опираясь на одно право недавней побѣды. Но когда образовалось, наконецъ, на завоеванной почвѣ настоящее государство (слѣдовательно, не ранѣе Автари), уцѣлѣвшіе и сохранившіе часть своего имущества италіанцы были обложены правильными и постоянными налогами. Что касается до дальнѣйшаго существованія римской собственности въ лангобардскихъ владѣніяхъ, то доказательства, приведенныя Савиньи въ защиту этого факта,

до сихъ поръ не опровергнуты. Черезъ сто лѣтъ послѣ Альбоина, король Гримоальдъ, въ гнѣвъ на римскихъ жителей Одерцо (въ маркѣ Тревизской), разорилъ ихъ городъ и отнялъ у нихъ ихъ земли (Paul. Diacon. V, 28. Если бы эти провинившіеся предъ Гримоальдомъ римляне не имѣли своей собственности и были только колонами, или вообще податными людьми лангобардовъ, то наказаніе пало-бы на нихъ лично, а не на дома и поля ихъ. Жестокое обращеніе лангобардовъ съ побѣжденными не подлежитъ сомнѣнію; но италіанскіе историки и ихъ послѣдователи зашли слишкомъ далеко, отрицая на всемъ пространствѣ лангобардскихъ владѣній существованіе свободныхъ, жившихъ въ своихъ домахъ и на своей землѣ туземцевъ.

Первый памятникъ лангобардскаго законодательства въ Италіи, эдиктъ короля Ротари явился въ 643 году, слѣдовательно, черезъ семьдесятъ два года послѣ смерти Альбоина. Такой поздній переходъ отъ обычнаго, возникшаго при совѣмъ другихъ политическихъ условій права къ писанымъ законамъ достаточно обличаетъ государственный бытъ лангобардовъ. Они сохраняли характеръ дружинъ, старались о расширеніи своихъ владѣній и, довольствуясь совершенною покорностью подвластнаго имъ племени, не заботились о точномъ опредѣленіи юридическихъ отношеній между этимъ племенемъ и собою. Законы короля Ротари подтверждаютъ сказанное нами.

„Ни въ одномъ изъ законодательствъ, изданныхъ германцами на римской почвѣ, не сохранилось оно въ такой чистотѣ, какъ въ эдиктѣ; нигдѣ не потерпѣло оно такъ мало отъ соприкосновенія съ римскимъ правомъ. Самое названіе римлянина встрѣчается въ эдиктѣ только одинъ разъ—говоря точнѣе, названіе римлянки—и то какъ-будто лишь для того, чтобъ выразить все презрѣніе законодателя къ этой униженной національности (римлянка поставлена ниже рабыни). Здѣсь найдете вы узаконеніе этой грубой нравственности первоначальнаго германскаго быта, по которой мужъ имѣлъ полное право убить жену за нарушеніе вѣрности, и отецъ свободной женщины—совершить ту-же казнь надъ рабомъ, который имѣлъ-бы дерзость вступить въ брачныя отношенія съ его дочерью. Здѣсь-же найдете узаконенною самую высокую таксу денежнаго штрафа (900 солидовъ), хотя-бы за ничтожное оскорбленіе свободной лангобардки, и рядомъ—самую низкую (3 солида) за побои, нанесенные женщинѣ беременной, но несвободной, хотя-бы отъ того зависѣла участь самаго рожденія. Передъ

нами въ немногихъ примѣрахъ вся первоначальная грубость лангобардскихъ нравовъ, вмѣстѣ съ надменною исключительностью ихъ старыхъ свободныхъ родовъ! Формы суда чисто германскія. Судебный приговоръ произносится не иначе, какъ на основаніи клятвеннаго показанія 12-ти присяжниковъ, въ числѣ которыхъ находится и самъ обвиненный. Въ случаѣ несогласія показаній, [хотя-бы обвиненный одинъ былъ противъ соприсяжниковъ, дѣло рѣшается судомъ Божиимъ, обыкновенно судебнымъ поединкомъ. Впрочемъ, полное развитіе этого учрежденія принадлежитъ уже позднѣйшимъ временамъ“.

„Итакъ, эдиктъ былъ выраженіемъ права исключительно лангобардскаго, въ томъ смыслѣ, что въ основаніе его были положены чисто національные юридическіе обычаи лангобардовъ. Что еще важнѣе, это лангобардское право, какъ находимъ его въ эдиктѣ, должно было имѣть силу закона не только для самихъ лангобардовъ, но и для всѣхъ побѣжденныхъ жителей, то-есть для римлянъ. Въ государствѣ лангобардовъ не было мѣста особымъ личнымъ правамъ, вопреки тому, что находимъ почти у всѣхъ германскихъ народовъ, поселившихся на римской землѣ. Римлянамъ, жившимъ въ лангобардскихъ предѣлахъ, не оставалось ничего болѣе, какъ составить въ лангобардскомъ обществѣ особое, полусвободное сословіе „альдіевъ“ и пользоваться лангобардскимъ правомъ на основаніи своего новаго состоянія. Только въ городахъ, гдѣ римляне жили вмѣстѣ съ лангобардами, но гдѣ не было извѣстныхъ отношеній, посредствуемыхъ землею, первые пользовались большею свободою, хотя также оставались въ податномъ состояніи. Даже самые варганги, подъ которыми надобно разумѣть всѣхъ пришельцевъ въ Италіи не-лангобардскаго происхожденія, также обязаны были жить по лангобардскому закону; если и могло быть сдѣлано какое исключеніе, то лишь за особенныя заслуги и съ особаго дозволенія короля. Такъ на всемъ видна старая лангобардская исключительность, которая никогда не могла ужиться даже съ саксами. Прошло около ста лѣтъ, а между лангобардами и римлянами проходила все та-же рѣзкая черта. Только тѣ римляне вошли въ составъ лангобардскаго общества, которые были покорены оружіемъ, но и то съ потерей своихъ правъ и вообще съ большими утратами для своей національности (196—198)“.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. К—ва и его предшественниковъ объ эдиктѣ короля Ротари. Это законодательство, возникшее въ виду новыхъ государственныхъ

потребностей, какихъ не могло быть у лангобардовъ до пришествія ихъ въ Италію, содержитъ въ себѣ опредѣленія юридическаго быта завоевателей и вовсе не касается побѣжденныхъ. Изъ молчанія законодателя, который не счелъ нужнымъ упомянуть о своихъ подданныхъ римскаго происхожденія, можно вывести два заключенія. Первое: у римлянъ предполагается существованіе собственнаго, предшествующаго завоеванію *гражданскаго* права, по которому они рѣшаютъ свои частныя дѣла. Тамъ, гдѣ дѣло касается государственныхъ отношеній, имѣетъ силу, разумѣется, только лангобардскій законъ. Второе: у нихъ отнято ихъ собственное право и замѣнено находящимися въ эдиктѣ опредѣленіями. Но въ такомъ случаѣ исконное населеніе лангобардской Италіи или должно было совершенно слиться съ своими властителями, что невозможно, или войти въ составъ новаго государства низшимъ, податнымъ сословіемъ, съ утратою всѣхъ своихъ гражданскихъ преданій. Г. К.—въ принимаетъ вмѣстѣ съ Лео послѣднее мнѣніе. Мы привели выше его слова о полусвободномъ классѣ альдіевъ, въ которыхъ онъ видитъ подвластныхъ лангобардамъ италіанцевъ. Однако эдиктъ 643 года, унижающій римлянку предъ рабынею, цѣнящій позоръ первой въ 12, а второй въ 20 солидовъ, не оказываетъ такого презрѣнія къ женѣ или дочери альдія; слѣдовательно, онъ отличаетъ ее отъ римлянки. *Aldius statu liber, libertus cum impositione operorum*, говоритъ старый глоссаторъ, котораго приводитъ Дюканжъ (*Ducange*) въ словарь своемъ (1, 175). Нельзя не замѣтить сходства между состояніемъ альдіевъ и римскимъ колонатомъ, на что, между прочимъ, намекаетъ древнее опредѣленіе, которое находится тамъ же у Дюканжа: *Aldius qui adhuc servit patrono*. Ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, что это сословіе поглотило остатки свободного римскаго населенія въ лангобардскихъ владѣніяхъ. Въ него вошли, вѣроятно, только прежніе колонны и часть разоренныхъ завоевателями собственниковъ. Справедливо, что лангобарды не давали у себя такого простора личнымъ правамъ, какъ другіе германцы, но они не исключали ихъ безусловно. Могли же жить варганги, съ разрѣшенія короля, по собственному закону! Мы думаемъ, что молчаніе Ротари о положеніи римлянъ свидѣтельствуетъ противъ, а не за автора „Судебъ Италіи“. Когда прошелъ первый, ознаменованный насиліями всякаго рода, періодъ лангобардскаго завоеванія; когда кончились безнаказанные грабежи и убійства, запуганные и выбитые изъ колеи прежняго своего развитія

римляне должны были снова собраться въ отдѣльное отъ германцевъ общество. Взаимныя отношенія членовъ этого общества, частныя ихъ сдѣлки между собою, были напередъ опредѣлены вѣковымъ обычаемъ. Лангобарды, которые такъ долго обходились безъ писаннаго права, довольствуясь обычаями старины своей, едва-ли могли произвести большія перемѣны въ сферѣ юридическихъ отношеній между римлянами. Къ тому-же имъ не было никакой надобности входить, или, лучше сказать, спускаться въ эту сферу. Римское общество стояло подъ лангобардскимъ и не смѣшивалось съ нимъ. Оно обязано было жертвовать ему частью своего труда и доходовъ, нести разныя повинности, было лишено всякаго политическаго значенія, но отнюдь не утратило всѣхъ особенностей своего юридическаго быта. Предъ лангобардомъ у римлянина не было своего права, но оно возвращалось ему, когда онъ входилъ въ сношенія съ соплеменными ему лицами. Такой порядокъ вещей сложился естественнымъ образомъ до Ротари, который потому именно и не означаетъ его подробнѣе въ эдиктѣ, изданномъ для лангобардовъ. Впрочемъ, полное изслѣдованіе этого вопроса невозможно на основаніи одного эдикта 643 года. Г. К—въ, Гегель (въ Исторіи городского устройства въ Италіи) и еще многіе другіе, рѣзко отдѣляя отъ этого памятника законодательства Ліутпранда, какъ позднѣйшее и возникшее при измѣнившихся условіяхъ, произвольно разрываютъ органическую связь явленій и вносятъ новыя и ненужныя трудности въ дѣло, и безъ того запутанное по недостатку ясныхъ свидѣтельствъ. Законы короля Ліутпранда представляютъ несомнѣнныя доказательства, что въ его государствѣ существовалъ классъ людей, жившій по римскому праву. Откуда взялись эти люди? Принимая въ соображеніе, что отъ эдикта Ротари до первыхъ законовъ Ліутпранда прошло не болѣе семидесяти лѣтъ и, допустивъ хотя до половины VII вѣка исключительное употребленіе лангобардскаго права въ отнятыхъ у Восточной имперіи областяхъ Италіи, мы рѣшительно не найдемъ выхода изъ лабиринта болѣе или менѣе удачныхъ предположеній и догадокъ. Гегель дошелъ до того, что видитъ въ „Romanus homo“, о которомъ говоритъ Ліутпрандово законодательство, переселенца, выходца съ римской земли. По его мнѣнію, туземное населеніе Лангобардскаго королевства лишилось своего права, которое было снова внесено туда позднѣйшими эмигрантами.

Г. К—въ объясняетъ это явленіе иначе, но немногимъ удовлетворительнѣе: „Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе утвер-

ждать (говорить онъ), что во времена Ліутпранда правомъ жить по римскому закону пользовались и туземцы, то-есть исконные жители тѣхъ странъ, которыя были во владѣніи лангобардовъ... Было время, когда законъ только съ презрѣніемъ упоминалъ объ особенныхъ правахъ; но потомъ, когда принужденіе отпало, они болѣе вышли наружу“. И все это совершилось въ теченіе 70 лѣтъ, безъ всякихъ намъ извѣстныхъ побудительныхъ причинъ! Затѣмъ-же было не сказать, почему именно и когда отпало принужденіе? Не прощали ли допустить, что римляне жили и при Ротари по собственному, а не по лангобардскому праву, которое касалось ихъ только своими государственными опредѣленіями, и что Ліутпрандъ призналъ этотъ фактъ не по новизнѣ его, а по возраставшей для государства важности?

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о правѣ, которое было въ употребленіи у покоренныхъ лангобардами италіанцевъ, находится другой, не менѣе значительный—о городахъ. Изъ предъидущаго можно уже составить себѣ приблизительное понятіе о точкѣ зрѣнія, съ какой нашъ авторъ смотритъ на этотъ предметъ. Его выводы находятся въ рѣзкой противоположности съ извѣстною теоріею Савиньи:

„По идеѣ Савиньи, исторія городской общины въ новой, особенно бывшей лангобардской Италіи сводится большею частью къ исторіи старой римской куріи, въ томъ предположеніи, что она не переставала существовать, именно въ Ломбардіи, до извѣстнаго движенія ломбардскихъ городовъ въ XII вѣкѣ: гипотеза, съ перваго взгляда бросающаяся въ глаза своею кажущеюся простотою и естественностью и, по-видимому, представляющая легчайшій путь къ разрѣшенію одной изъ самыхъ трудныхъ историческихъ задачъ. Въ послѣднее время, однако, она встрѣтила себѣ сильное противорѣчіе даже отъ нѣкоторыхъ послѣдователей самого автора, и весьма основательно. На чемъ въ самомъ дѣлѣ основана гипотеза Савиньи? Прежде всего—на вѣроятныхъ соображеніяхъ, чтобы даже не сказать—на однихъ вѣроятныхъ соображеніяхъ. Утвердившись на нихъ, авторъ старался потомъ прибрать къ своей мысли во всѣхъ вѣкахъ и доказательства историческія. Послѣднія, къ сожалѣнію, оказались гораздо слабѣе самыхъ соображеній; но авторъ уже слишкомъ убѣдился въ *вѣроятности* своего предположенія, чтобы повѣрить потомъ недостаточности историческихъ доказательствъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи и развилъ его въ цѣлую систему.

„Всего страннѣе, что на самомъ первомъ планѣ Савиньи ставитъ „аналогію событій при основаніи другихъ герман-

скихъ государствъ на римской почвѣ“. Но эта аналогія идетъ вовсе не такъ далеко, чтобы сходство простиралось на всѣ явленія. Чтò, напримѣръ, общаго между тѣми началами, по которымъ дѣйствовалъ устроитель остготскаго государства, и тѣмъ духомъ, который управлялъ лангобардами, когда они утвердились въ Италіи? Второе, вѣроятное основаніе состоитъ въ сходствѣ самыхъ городскихъ учреждений XII вѣка съ старыми муниципальными римскими учрежденіями. Но кромѣ того, что это сходство ограничивалось лишь общими чертами, какую силу можетъ имѣть подобное основаніе, какъ скоро оно тутъ же, на мѣстѣ, не подкрѣплено настоящими историческими указаніями, которыя бы положительно засвидѣтельствовали дѣйствительное существованіе куріи во всѣ вѣка даннаго пространства времени? Безъ доказательствъ-же, не равно-ли сильно другое предположеніе, то-есть, что учрежденія XII вѣка были взяты изъ непрерывно продолжавшейся традиціи? Какъ на послѣднее вѣроятное основаніе, указываетъ авторъ на непрерывное продолженіе римскаго права въ Италіи. Но, во-первыхъ, не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для новыхъ предположеній такая мысль, которая требуетъ болѣе твердыхъ доказательствъ, нежели тѣ, какія приведены авторомъ. Во-вторыхъ, непрерывное существованіе римскаго права, если-бы оно было положительно доказано, не доказывало-ли-бы также возможности непрерывной римской традиціи и относительно самыхъ учреждений? Если римское вообще не умирало въ народѣ, то почему-бы умерла въ немъ память о томъ, чтò нѣкогда было ему особенно дорого?

„На подобныхъ зыбкихъ основаніяхъ едва-ли можно воздвигать многое, или на нихъ можно строить такъ-же мало, какъ и на основаніи совершенно противоположныхъ вѣроятностей, если только онѣ тотчасъ-же подкрѣплены дѣйствительными, историческими свидѣтельствами. Итакъ, *второй* основанія Савиньи имѣютъ силу только по мѣрѣ значительности *историческихъ* свидѣтельствъ, приводимыхъ имъ. Но, какъ мы уже замѣтили, эти свидѣтельства еще менѣе удовлетворительны. Каково-бы ни было ихъ численное количество, во всякомъ случаѣ сила ихъ уже значительно ослабляется тѣмъ, что прямого доказательства въ пользу мысли Савиньи—нѣтъ ни одного. Авторъ долженъ былъ ограничиться собираніемъ лишь косвенныхъ указаній, какъ-бы предполагающихъ существованіе куріи“.

Смѣемъ думать, что приговоръ, произнесенный г. К—мъ надъ знаменитымъ историкомъ римскаго права въ Среднихъ

вѣкахъ слишкомъ строго и требуетъ новыхъ, не найденныхъ нами въ сочиненіи о „Судьбахъ Италіи“ подтвержденій. Должно однако замѣтить, что эта часть разбираемой нами книги отдѣлана съ особеннымъ стараніемъ и талантомъ. Авторъ свелъ въ одно цѣлое все, что сдѣлано было его иностранными предшественниками на этомъ поприщѣ, и дополнилъ ихъ изслѣдованія своими собственными. Но борьба съ Савиньи не легкое дѣло. Старый боецъ до сихъ поръ не сбитъ съ поля и не опустилъ меча предъ своими молодыми, отчасти имъ-же воспитанными противниками. Нашимъ читателямъ, вѣроятно, извѣстно состояніе римской куріи въ эпоху распаденья Западной имперіи и доводы Савиньи въ пользу дальнѣйшаго существованія этого учрежденія. Здѣсь не мѣсто подробному разбору, который потребовалъ бы отдѣльнаго сочиненія; мы ограничимся указаніемъ на главные пункты спора и выводомъ, къ которому привело насъ собственное изученіе предмета.

Г. К.—въ принимаетъ временное существованіе городской куріи въ византійской Италіи, указывая притомъ на упадокъ этого учрежденія и его несоотвѣтственность съ новыми требованіями общества.

„По счастью, курія не была тождественна со всею городскою общиною; все, что было силою въ матеріальномъ или нравственномъ отношеніи и однако оставалось внѣ куріи, не истреблялось, не пропадало даромъ, но слагалось подлѣ нея, какъ элементъ для будущихъ зарожденій. Уже въ V вѣкѣ „*honorati* и „*possessores*“ не сливаются въ одно съ куріей, но стоятъ подлѣ нея, какъ особое сословіе, и вмѣстѣ съ куріалами составляютъ почетнѣйшее общество города. Принявъ характеръ наслѣдственной касты, курія естественно не могла вмѣщать въ себѣ ни выслужившихся чиновниковъ, отличаеваемыхъ по службѣ (*honorati*), которыхъ число должно было умножаться съ каждымъ поколѣніемъ, ни тѣхъ свободныхъ владѣльцевъ (*possessores*), которые вновь приобрѣтали свои имѣнія и потому также оставались за предѣлами куріи. Это были новыя силы, которыя копились и росли въ тишинѣ, между тѣмъ какъ курія истощалась подъ бременемъ наложенныхъ на нее тяжестей“.

Въ примѣчаніи авторъ прибавляетъ: „Отдѣленіе *honorati* и *possessores* отъ собственной куріи есть безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ, добытыхъ изслѣдованіемъ Гегеля“. Признаемся, мы не видимъ здѣсь ничего особенно важнаго, потому что результатъ далеко не окончательный и нуждается въ тщательной повѣркѣ. Гегель, даже

по словамъ нашего автора, остановился на общихъ признакахъ, не входя въ подробности. Но откуда вывелъ г. К—въ, что курія приняла вполне характеръ наследственной, не-обновляемой новыми элементами касты? Раскрываемъ кодексъ Θεодосія (de Decurion 1, 12) и находимъ, что курія состояла изъ членовъ наследственныхъ (originales) и избираемыхъ для пополненія числа куріаловъ (nominati). Долго-ли она держалась въ этомъ составѣ, нельзя опредѣлить; но можно съ достовѣрностью сказать, что, при занятіи имперскихъ областей варварами, курія временно поднялась, получила высшее противъ прежняго значеніе и въ послѣдствіи, уступая мѣсто новымъ, болѣе своевременнымъ городскимъ учрежденіямъ, оставила на нихъ слѣдъ своего существованія. Объ этомъ мы еще скажемъ нѣсколько словъ далѣе. Развивая свое мнѣніе о состояніи италіанскихъ городовъ, г. К—въ прекрасно изложилъ происхожденіе и важность городского ополченія (militia). Можно не согласиться съ нимъ только въ двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, намъ кажется, что онъ слишкомъ поздно выводитъ на сцену это ополченіе, по всей вѣроятности образовавшееся до лангобардовъ, или по крайней мѣрѣ, тотчасъ послѣ ихъ прибытія. Достаточнымъ классамъ Италіи нельзя было не принять мѣръ для собственной безопасности въ виду постоянно грозившаго имъ германскаго нашествія съ одной стороны, и бѣдности оборонительныхъ средствъ у экзарха съ другой. Города, поддерживаемые въ этомъ дѣлѣ правительствомъ, стали на военную ногу, составили собственныя ополченія и тѣмъ самымъ дали Византіи возможность удержать за собою берега Италіи. Раздѣленіе городскихъ жителей на „школы“ по занятіямъ и національностямъ имѣло, очевидно, не одну полицейскую цѣль. Образцомъ служили *scholae militiae*, какъ замѣтилъ еще Лео (Исторія Италіи, I, 53). Во вторыхъ г. К—въ приписываетъ этой милиціи слишкомъ аристократическій характеръ, допуская въ ея составъ только почетныя сословія—*honorati* и *possessores*. Въ такомъ случаѣ она была-бы крайне малочисленна и не въ состояніи играть той роли, какая принадлежала ей въ VII столѣтіи. Для насъ несомнѣнно участіе ремесленныхъ школъ, или цеховъ, въ городскомъ ополченіи.

Замѣтимъ еще, что классъ *judices*, которыхъ г. К—въ принимаетъ за чиновниковъ, вообще имѣлъ повидимому не одно служебное значеніе. Изъ свидѣтельствъ, собранныхъ Вильмансомъ (Wilmans), въ статьѣ „Римъ отъ V до VIII вѣка“ помѣщенной въ историческомъ журналѣ Шмидта (1844, II

145), можно вывести заключение, что *judices* составляли высшее, аристократическое сословие въ городахъ, безъ служебныхъ отношеній. Тщательное изслѣдованіе этого вопроса могло бы пролить свѣтъ на послѣднія судьбы куріи.

Допуская кратковременное существованіе куріи въ византийской Италіи, нашъ авторъ отрицаетъ ее совершенно въ лангобардскихъ городахъ. Эта часть его изслѣдованій есть вѣрный и строго логическій выводъ изъ невѣрнаго понятія, какое онъ себѣ составилъ о положеніи римлянъ подѣ владычествомъ Альбоиновыхъ преемниковъ. Не считая нужнымъ повторять въ нашей статьѣ доводы, съ такою ясностію и остроуміемъ изложенные въ „Исторіи римскаго права въ Среднихъ вѣкахъ“, ограничимся немногими возраженіями. Законы короля Ліутпранда упоминаютъ положительно о живущихъ по своему праву туземцахъ. Кто бы ни былъ этотъ *homo Romanus*—потомокъ прежнихъ жителей края, или выходецъ съ земель, незавоеванныхъ лангобардами—онъ велѣ свои тяжбы на основаніи римскаго гражданскаго права, слѣдовательно, въ особенномъ, не лангобардскомъ судѣ. Современные памятники не упоминаютъ объ этомъ судѣ и его составѣ; существованіе его, однако, неоспоримо, если были люди, жившіе по римскому праву. Неужели лангобардскимъ судьямъ предоставлено было толкованіе введеннаго въ Италію послѣ остготовъ Юстиніаномъ законодательства и соблюденіе строгихъ и ученыхъ формъ связаннаго съ нимъ судопроизводства? Такой вопросъ, кажется, не требуетъ отвѣта. Гдѣ-же, какъ не въ куріи, быть можетъ видоизмѣненной, сохранившей только часть своей прежней дѣятельности, именно судебную, находилъ удовлетвореніе римскій истецъ противъ своего соплеменника? О правѣ, какъ сказано, молчатъ источники, до насъ дошедшіе. Они какъ-будто не знаютъ ни римскаго суда, ни куріи. Слѣдуетъ-ли изъ ихъ молчанія заключить, что въ лангобардскихъ городахъ не было ни того, ни другого? Надобно притомъ принять въ соображеніе необыкновенную скудость историческихъ памятниковъ, относящихся къ періоду, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, и признаться, что ихъ отрывочныя и мутныя показанія сами по себѣ никакъ не могутъ служить основой для удовлетворительнаго изложенія тогдашнихъ отношеній. Догадливости новаго изслѣдователя открывается обширное поле, и г. К—въ, обвиняющій Савиньи въ произволѣ, не устоялъ самъ противъ понятнаго искушенія возстановить мыслію, почти безъ фактовъ, цѣлый бытъ, замышлавшій намъ такъ мало преданій о себѣ. Укорять его за

эту попытку было-бы несправедливо: она оправдана своимъ матеріаломъ и остроуміемъ отдѣльныхъ предположеній. Какъ ни возстаютъ противники Савиньи на приложеніе законовъ исторической аналогіи къ государству лангобардовъ, которое дѣйствительно отличается оригинальнымъ своимъ положеніемъ и развитіемъ, но только чрезъ аналогію получимъ мы возможность объяснять, по крайней мѣрѣ приблизительно, многія, иначе вовсе необъяснимыя явленія. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ участь куріи подлангобардскимъ владычествомъ. Извѣстно, до какого состоянія дошли куріалы въ послѣдніе годы Западной имперіи. Переходъ подъ власть германскихъ королей измѣнилъ ихъ положеніе къ лучшему, потому что снялъ съ нихъ часть той тяжкой отвѣтственности, которой они были до тѣхъ поръ беззащитными жертвами. Сверхъ того, высшее, административное и судебное сословіе въ городахъ не могло не получить болѣе важности при паденіи всѣхъ другихъ властей изъ которыхъ слагалось общее управленіе имперіи. Вотъ почему родовая и служебная аристократія римская, жившая въ провинціяхъ и избавленная своими привилегіями отъ заступанія въ куріи, примкнула къ ней, утративъ свое имперское значеніе и часть поземельной собственности. Сенаторскія фамиліи и бывшіе государственные сановники спѣшили укрыться въ городахъ отъ обидъ и насилій, которымъ они подвергались, живя въ своихъ помѣстьяхъ. Они вступили въ курію и сообщили ей давно утраченное достоинство и вліяніе. Званіе куріала перестало быть унижительнымъ. Мы приводимъ здѣсь не простыя, основанныя на вѣроятностяхъ предположенія наши, а факты, составляющіе результатъ прѣвосходныхъ изслѣдованій ученаго, къ трудамъ котораго г. К—въ питаетъ, подобно намъ, полное и совершенно заслуженное довѣріе. Вотъ что говоритъ Форіель (Исторія Южной Галліи подъ владычествомъ германцевъ, 453): „Многіе изъ благородныхъ галло-римлянъ, потерявъ высшія должности имперіи и предпочитая скромныя муниципальныя почести совершенной безвѣстности частной жизни, вступили въ сословіе декуріоновъ и приняты отъ него мѣста, которымъ естественно сообщили новый блескъ. Достоверно, что это случилось въ городѣ Вьенѣ, около 500 года. Тамашній сенатъ былъ, по сохранившимся извѣстіямъ, весьма многочисленъ и наполненъ знатными лицами“. Около того-же времени многія куріи, не довольствуясь болѣе этимъ названіемъ, измѣнили его болѣе громкимъ именемъ—сената. Въ письмахъ Сидонія Аполинарія встрѣчаемъ выраженія, показывающіе

что куріалы пользовались значительнымъ уваженіемъ. Онъ называетъ ихъ: *summae viri; civium maximi*. О цѣлой куріи онъ отзывается такъ: *civium honoratorum ordo praeclarus*. Но это было въ Галліи, скажутъ намъ, а рѣчь идетъ объ Италіи. Мы ужъ упомянули о бѣдности источниковъ для лангобардскаго періода италіанской исторіи, но къ этому должно прибавить, что нигдѣ отношенія германцевъ къ римскому населенію не представлены такъ отчетливо, какъ въ памятникахъ, принадлежащихъ Галліи. Исслѣдователь поневолѣ обращается къ этимъ памятникамъ, встрѣчая въ современной исторіи другихъ римскихъ провинцій, занятыхъ германцами, явленія, которыя нельзя понять изъ мѣстныхъ источниковъ. Мы вовсе не думаемъ, впрочемъ, натягивать аналогіи и замѣнять недостатокъ лангобардскихъ извѣстій свѣдѣтельствами о вестготахъ или франкахъ, но, съ другой стороны, считаемъ себя въ правѣ прибѣгнуть къ употребленному нами роду доказательствъ, когда г. К—въ говоритъ о паденіи куріи вообще. Признаки ея дальнѣйшей дѣятельности въ италіанскихъ городахъ ясно сохранились до VIII вѣка въ именахъ чиновниковъ, которыхъ занятія находились въ тѣсной связи съ римскими муниципальными учрежденіями. Сюда принадлежатъ *curator, excerptor, monetarius, peraequator*. „Все это очень далеко отъ того, чтобы курія сохранила свою прежнюю самостоятельность“—говоритъ нашъ авторъ, ссылаясь на Гегеля.—О самостоятельности не можетъ быть и рѣчи, а говорится только о существованіи. Управление городомъ и надзоръ надъ уцѣлѣвшей въ неизвѣстномъ намъ составѣ куріей, были, разумѣется, предоставлены лангобардскимъ сановникамъ. Наконецъ, неужели г. К—въ, при его неоспоримомъ историческомъ смыслѣ, станетъ отрицать живую связь между лангобардской Италіей и ломбардскими республиками XII вѣка? Онъ упоминаетъ, правда, о непрерывной *традиции*; но эта традиція (неохотно употребляемъ нерусское и бесполезное у насъ слово) является у него чѣмъ-то отвлеченнымъ и теоретическимъ.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на Италію при лангобардахъ и постараемся составить себѣ понятіе объ общемъ характерѣ этого края въ періодъ, отдѣляющемъ пришествіе Альбоина отъ Деизидеріева плѣна. Вставленное въ оправу византійскихъ владѣній, протянутое между ними длинною, мѣстами чрезвычайно узкою полосой, лангобардское государство сохранило, какъ показано выше, часть своего первоначальнаго военного устройства. Задача его еще не была кончена: завоеваніе Аппенинскаго полуострова замедлилось,

но отъ него не отказались вожди лангобардскіе. Они, повидимому, понимали непрочность свой власти, пока въ Италіи оставались независимыя отъ нихъ земли. Внутри государства совершалось нескоро, какъ-бы неохотно съ обѣихъ сторонъ, сближеніе побѣдителей и покореннаго племени. Процессъ этого сближенія и его результатовъ прекрасно раскрытъ г-мъ К—мъ.

„Два общества, нисколько непохожія одно на другое, но поставленныя рядомъ, стремятся, каждое, впрочемъ, своимъ образомъ, къ тому, чтобы сгладить раздѣляющую ихъ черту и слиться въ одно. Это главная черта, которая проходитъ черезъ все развитіе, хотя и мало сознается современниками. Но какому закону слѣдуетъ это общее стремленіе? Гдѣ для него центръ тяготѣнія? Не въ римскомъ обществѣ—скажемъ сначала отрицательно. Лангобардъ хочетъ насильственнаго покоренія римскаго общества *своему* закону; римлянинъ, ищущій для себя полноты гражданскихъ правъ, старается пробиться, болѣе ловкостью, нежели силою, также внутрь *лангобардскаго* общества. Итакъ, послѣднее остается идеаломъ для той и другой стороны; къ его осуществленію направлены общія усилія. Но, вступая въ права свободнаго гражданина, или, что тоже, занимая мѣсто въ лангобардскомъ обществѣ, римлянинъ переноситъ сюда свой языкъ, свои нравы, свои понятія; во всемъ этомъ онъ выше окружающихъ его варваровъ; онъ скорѣе самъ служить образцомъ для подражанія, чѣмъ подражаетъ другимъ. Нельзя, чтобы принимая римлянъ въ свое общество (или, что тоже, дѣлая ихъ свободными), лангобарды не перенимали и ихъ образованныхъ понятій, какъ они усвоили себѣ ихъ языкъ, обычаи, одежду. Перевѣсъ оставался на сторонѣ *лангобардскаго* общества: оно привлекало, притягивало къ себѣ римлянъ; но, входя въ общество лангобардовъ, римлянинъ вносилъ въ него съ собою свои народныя элементы, которые вытѣсняли, или закрывали собою соотвѣтствующіе имъ элементы лангобардскіе. Удерживая свой постъ, сохраняя даже прежнюю силу духа, прежнюю энергію, лангобардское общество въ то-же время перерабатывалось въ своемъ внутреннемъ содержаніи и принимало болѣе или менѣе римскія формы. Новое общество, которое выходило отсюда, не было ни лангобардское, ни римское, но въ немъ былъ элементъ *матеріальный*—лангобардскій, и элементъ *формальный*—римскій, или, говоря другими словами, непобѣдимая лангобардская энергія соединялась въ немъ съ тонко развитымъ римскимъ смысломъ“.

Но отчего-же лангобарды, не уступавшіе въ смѣлости

ни одному изъ племенъ германскихъ, не успѣли совершить того, что такъ легко удалось дружинамъ Одоакра и остготамъ? Что помѣшало имъ овладѣть сразу Италией, на защиту которой Византійская имперія не расточала средствъ, ей самой необходимыхъ? Военное устройство городовъ, полагаемъ мы, то ополченіе, которое образовалось въ нихъ вѣроятно еще при Нарцессъ и не безъ его содѣйствія. Долгая оборона Павіи противъ Альбоина могла-бы служить нѣкоторымъ образомъ подтвержденіемъ нашему мнѣнію. Борьбу велъ уже не экзархъ, располагавшій малочисленными византійскими войсками—отдѣльные города защищали себя сами. Германская дружина встрѣтила вооруженную, воинственную общину и принуждена была остановиться въ наступательномъ движеніи своемъ. Такое отношеніе между лангобардской и византійской Италией сохранилось до VIII-го столѣтія и обнаружило большое вліяніе не только на внѣшнія судьбы края, но и на нравственный характеръ жителей.

Главнымъ слѣдствіемъ основанія лангобардскаго государства въ Италиі было, по мнѣнію Лео, которое мы познаемъ себя привести здѣсь въ извлеченіи—совершенное измѣненіе національнаго италянскаго характера. Римское владычество надъ полуостровомъ приучило жителей къ порядку и покорности, сохранившимся до прихода лангобардовъ. Завоеванія Альбоина и его преемниковъ скоро развило то своеволие мысли и поступковъ, которыми италянце отличаются до сихъ поръ отъ другихъ европейскихъ народовъ. Воспитанное Римомъ уваженіе къ закону выразилось въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленіяхъ италянскаго исторіи, но въ цѣломъ взяла верхъ новая, внесенная лангобардами склонность къ жизни, несвязанной никакими обязательными для нравственнаго чловѣка условіями. Кромѣ самой природы страны, два обстоятельства особенно содѣйствовали этой перемѣнѣ: 1) лангобарды пришли дружиной и составили военную колонію на покоренной ими почвѣ; 2) смежность лангобардскихъ и византійскихъ владѣній, которыхъ границы образовали двѣ длинныя линіи вдоль всего полуострова и сообщили жителямъ болѣе внѣшней независимости, чѣмъ можно было ждать при другихъ географическихъ условіяхъ. Нужно-ли говорить о вліяніи, какое имѣютъ на народъ постоянные переходы съ одного мѣста на другое, продолжительная отвычка отъ родины и домашняго очага? Тревожная, полукочевая жизнь, какую вели лангобарды, покинувъ берега родимой Эльбы, неминуемо должна развивать особенные нравы и пороки. Вырастаютъ цѣлыя поко-

лѣнія бездомныхъ, воспитанныхъ подъ походнымъ шатромъ людей, у которыхъ боевая отвага и предприимчивость замѣняютъ всѣ другія, нѣкогда принадлежавшія ихъ племени, добродѣтели. Счастливое удастье выкупаетъ недостатки, нестерпимые при иномъ бытѣ. Семейныя связи не могутъ сохраниться въ той чистотѣ и крѣпости, которыя даетъ мирная осѣдлая жизнь; связь съ отечествомъ — основа народной нравственности — слабѣетъ и умираетъ вовсе по мѣрѣ отдаленія отъ него. Ко всему этому надобно прибавить непрерывныя столкновенія съ чуждыми народами и смѣшенія съ ними. Еще не доходя до границъ Италіи, лангобардское племя приняло значительную примѣсь отъ саксовъ, тюринговъ и гепидовъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились аллеманы и бавары. При такомъ составѣ дружинъ, приведенныхъ Альбоиномъ въ Италію, при внутренней порчѣ, которая была слѣдствіемъ этого состава судьба покоренаго края была рѣшена напередъ. Мы видѣли какъ разыгралась дикая воля побѣдителей на счетъ отдавнаго ей туземнаго населенія. У лангобардовъ незамѣтно, вовсе, по крайней мѣрѣ, въ первое столѣтіе ихъ государственной жизни, того почти суевѣрнаго уваженія къ остаткамъ римской древности, какимъ были проникнуты ихъ предшественники на той-же почвѣ — готы. Римское и германское начала сошлись въ Италіи враждебно, чѣмъ гдѣ либо; и когда первое одержало, наконецъ, перевѣсъ надъ вторымъ, оно прямо примкнуло къ древнему міру и при принадлежавшимъ ему формамъ, отвергая все промежуточное развитіе, какъ незаконное и ложное. Такъ смотрѣлъ на прошедшія судьбы роднаго полуострова Макіавель.

Доказательствомъ того, какъ труденъ былъ для лангобардскаго дружинника переходъ отъ прежней, необузданной воли къ новому, весьма, впрочемъ, нестрогому гражданскому порядку, можетъ служить трагическая кончина Альбоина, Клефа и другихъ королей лангобардскихъ. Изъ шести предшественниковъ Ротари только двое умерли естественной смертью. Зато первая статья эдикта Ротари, допускающая кровавую месть и систему виръ, полагаетъ смертную казнь за всякое покушеніе противъ безопасности главы народа. Законодатель, имѣвшій въ виду государство, а не дружину, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ явнымъ вліяніемъ христіанскихъ и римскихъ идей о верховной власти. Но его германско-германцы не были въ состояніи возвыситься до его цѣлей и смотрѣли на его попытку, какъ на самовольное ограниченіе своихъ правъ и обычаевъ. Географическое положеніе очень

много содѣйствовало безнаказанности преступленій въ государствѣ Лангобардовъ. Близость римской границы всегда давала возможность укрыться отъ преслѣдованій правительства. Экзархъ и другіе византійскіе сановники охотно принимали бѣглецовъ. Зато, недовольные своимъ положеніемъ, или гонимые за совершенные ими проступки, римляне, преимущественно знатные и богатые, находили, въ качествѣ варганговъ, надежное убѣжище у лангобардовъ. Изъ этого страннаго порядка вещей, образовавшаго многочисленный классъ людей, внутренне не подчинявшихся никакому закону, выросъ, можно сказать, характеръ новыхъ италіанцевъ. Тогда уже обнаружилась у нихъ ненависть ко всякой сильной и близкой отъ нихъ власти. Италіанецъ рано высказалъ роковое начало, лежащее въ основаніи его средневѣковой политики: „кто хочетъ жить свободно, тотъ долженъ служить двумъ господамъ“ (Ліутпрандъ Кремонскій въ X столѣтіи). Вотъ почему прекраснѣйшая страна и самое даровитое племя юго-западной Европы обречены были на служеніе иноплеменникамъ. Только внѣшняя сила могла до сихъ поръ сообщать нѣкоторое политическое единство народу, которому не даромъ дано названіе *gente inconsolabile*.

Эти нравственныя причины дальнѣйшаго развитія италіанской исторіи не были, по нашему мнѣнію, достаточно оценены г. К—мъ, котораго вниманіе преимущественно обращено на развитіе папской власти, какъ учрежденія, имѣвшаго сверхъ своего всеобщаго, католическаго, еще мѣстный, чисто національный характеръ.

„Имперія была слишкомъ мало внимательна къ тому важному явленію, которое происходило теперь въ Италіи. На основаніи духовнаго авторитета и при помощи остатковъ старой національности, здѣсь полагались основанія новой общественной власти. Еще никѣмъ не признанная, еще сама не довольно сознавая свое новое значеніе, она ужъ далеко вкругъ себя простирала свое дѣйствіе. Въ то время, какъ экзархъ, стѣсненный обстоятельствами, болѣе и болѣе сокращалъ свою дѣятельность въ предѣлахъ подлежащей ему области, авторитетъ римскаго престола распространялъ свое вліяніе даже за предѣлы экзархата. Подъ этимъ вліяніемъ раздѣленная Италія опять начинала находить нѣкоторое соединеніе. Начинали съ того, что признавали духовный авторитетъ римскаго престола, оканчивали тѣмъ, что не отвергали и нѣ котораго правительственнаго надзора съ его стороны. Въ той степени, какъ распространялось римское вліяніе, падалъ авторитетъ экзарха“.

„Распространенію духовнаго авторитета римской церкви помогло самое нашествіе лангобардское. Въ сѣверной Италіи, именно въ Миланѣ, былъ особый архіепископскій престолъ, который, по своему положенію и авторитету, могъ-бы соперничать съ римскимъ, по крайней мѣрѣ, быть отъ него совершенно независимымъ. Спорное ученіе о „трехъ главахъ“ на сторону котораго въ послѣднее время склонялся архіепископъ миланскій, дѣлало раздѣленіе между ними еще болѣе рѣзкимъ. Нашествіе лангобардское, внесши съ собою аріанизмъ, почти сгладило имъ тотъ слабый оттѣнокъ, который до сего времени раздѣлялъ два престола въ религіозномъ отношеніи. Бѣжавъ отъ аріанъ-побѣдителей, миланскій архіепископъ искалъ себѣ убѣжища въ Генуѣ. Вмѣстѣ съ нимъ удалился въ Геную и весь миланскій католическій клиръ. Это обстоятельство также обратилось въ пользу римскаго авторитета. Проживая въ Генуѣ, миланскій архіепископъ не могъ обойтись безъ поддержки со стороны римскаго престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на независимость и не противорѣчить, принимая поставленіе отъ римскаго. Впослѣдствіи, еслибы даже архіепископъ возвратился въ Миланъ, ему-бы ужъ не легко было снять съ себя это подчиненіе. Не менѣе опаснымъ соперникомъ римскому престолу въ Италіи могъ бы быть епископъ равеннскій. Но Равенна была также резиденціей экзарха, и положеніе епископа въ ней вовсе не было такъ свободно и самостоятельно, какъ въ Римѣ. Не отрицая подчиненія Риму, онъ хотѣлъ лишь удержать нѣкоторыя отличія, издавна принадлежавшія его престолу, впрочемъ ужъ не отрицалъ болѣе высшаго авторитета, римской церкви. А впереди еще лежала возможность новыхъ успѣховъ католической церкви среди аріано-лангобардскаго міра, которые должны были обратиться въ пользу того-жъ авторитета“.

„Но гораздо болѣе, чѣмъ внѣшнимъ распространеніемъ круга своей дѣятельности, власть утверждается прямымъ непосредственнымъ участіемъ въ главныхъ отправленіяхъ общественной жизни, силою и постоянствомъ того вліянія, которое она на нихъ оказываетъ, и, наконецъ, общимъ достоинствомъ своего поведенія. Мы уже видѣли частью ту дѣятельность, которую обнаруживалъ римскій престолъ въ принятіи мѣръ для безопасности Италіи отъ лангобардскаго нашествія;—мы видѣли ее въ большихъ и малыхъ размѣрахъ. Внутренняя жизнь Италіи того времени терпѣла, впрочемъ, не отъ внѣшнихъ только враговъ. Предсмертное ра-

стройство имперіи оставило по себѣ много печальныхъ слѣдовъ, ощутительныхъ особенно во внутреннемъ управленіи страны, въ судебномъ порядкѣ, въ разложеніи и собираніи налоговъ, вообще въ тѣхъ отправленіяхъ гражданской жизни, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ общественное благосостояніе. Это были коренные, вопіющіе недостатки, исправленіемъ которыхъ, однако, не могла озаботиться Восточная имперія, овладѣвъ Италіею, потому что сама страдала тѣмъ-же недугомъ. Едва-ли даже могли желать этого исправленія въ Константинополѣ, гдѣ вообще такъ мало думали о настоящихъ интересахъ Италіи. Изъ Равенны тоже смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки во внутреннемъ управленіи страной, потому что экзархи не приносили съ собою, сколько мы знаемъ, ни твердой воли, ни довольно средствъ, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ злоупотребленій. Пришельцы изъ чужой земли, они не показывали ни большаго усердія къ выгодамъ Италіи, ни особенной способности въ управленіи ея. Иначе чувствовали и думали въ Римѣ, чѣмъ въ Равеннѣ. Тамъ интересы Италіи принимались, какъ свои собственные, тамъ хотѣли облегчать не внѣшнія только раны ея, но и внутреннія болѣзни; тамъ никогда не оставались равнодушны при видѣ тѣхъ страданій, которыя терпѣлъ народъ, но старались войти во всѣ нужды жителей и по мѣрѣ возможности подавать нуждающимся пособіе, дѣйствовать и авторитетомъ и увѣщаніемъ. Въ дѣятельности этого рода Григорій былъ не менѣе неутомимъ, какъ и въ усиліяхъ своихъ помогать Италіи противъ нашествій лангобардовъ (168).

„На основаніи того полномочія, которое уже Юстиніанъ давалъ епископамъ по отношенію ко всему управленію въ провинціяхъ, Григорій присвоилъ къ себѣ право высшаго надзора за дѣйствіями правителей. Надзоръ болѣе моральнаго свойства, нежели правительственный, который могъ однако вести очень далеко, будучи поддерживаемъ общимъ сочувствіемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ римскаго престола. Средства же держать эту моральную цензуру надъ правителями италіанскихъ провинцій были всегда въ рукахъ Григорія. Рѣдкій значительный городъ не имѣлъ своего епископа; а кому лучше было знать о распоряженіяхъ мѣстнаго управленія, какъ не мѣстнымъ епископамъ? Всѣ они, или почти всѣ, уже подчинены были римскому престолу и, кромѣ того, что находились съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, время отъ времени сѣзжались въ Римъ для совѣщаній съ Григоріемъ. О томъ, что происходило въ провинціяхъ, Григорій могъ быть также постоянно извѣщаемъ чрезъ своихъ рес-

понсаловъ (responsales) или апокрисиаріевъ, особыхъ чиновниковъ, чрезъ которыхъ римскій епископъ сносился съ своими субдіаконами, и которые, часто переѣзжая съ мѣста на мѣсто, почти всегда были въ состояніи лично узнать состояніе той или другой провинціи (176)... Въ дѣятельности этого рода ревность Григорія не ограничивалась лишь предѣлами твердой земли Италіи: она простиралась и на всѣ близъ лежащіе острова, на всю область равеннскаго экзарха, временемъ заходила даже въ предѣлы африканской провинціи. Пренебреженіе религіозныхъ интересовъ со стороны свѣтскихъ правителей было естественно первое, чѣмъ они навлекали на себя строгую цензуру Григорія. Но она точно также падала потомъ и на тѣ злоупотребленія власти, которыми они грѣшили противъ гражданской совѣсти. Въ важныхъ случаяхъ, когда злоупотребленія пустили уже глубокія корни, Григорій, минуя экзарха и всякое посредство, доводилъ свои жалобы прямо до свѣдѣнія константинопольскаго двора (177)“.

Можно смѣло сказать, что г. К.—въ первый прослѣдилъ во всѣхъ подробностяхъ отношенія папскаго престола къ возникавшей подъ его сѣнью италіанской народности. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ его превосходныхъ розысканіяхъ, потому что намъ большею частью пришлось-бы повторять въ сокращеніи его-же слова; но нельзя не указать читателямъ на образцовыя характеристики отдѣльныхъ папъ (особенно Григорія Великаго) и на весь отдѣлъ, посвященный Византіи. Всякій, кто нѣсколько знакомъ съ настоящимъ состояніемъ исторической литературы, оцѣнитъ по заслугамъ самостоятельныя и остроумныя изслѣдованія нашего автора на трудномъ поприщѣ, гдѣ, кромѣ Гиббона и Шлоссера, у него не было достойныхъ предшественниковъ. Онъ пользовался трудами этихъ двухъ писателей, но шелъ собственнымъ путемъ и повергъ ихъ выводы тщательному, почти недовѣрчивому пересмотру. Отсюда произошло значительное различіе и въ общихъ взглядахъ, и въ изложеніи частныхъ. Въ большей части такихъ спорныхъ случаевъ, мы не колеблясь готовы стать за русскаго историка: но не считаемъ себя въ правѣ согласиться безусловно съ его приговоромъ надъ политикою восточныхъ императоровъ относительно Италіи. Ихъ владѣнія по ту сторону Адриатическаго моря были для нихъ тѣмъ-же, чѣмъ Алжиръ сталъ для Франціи. Уступка такихъ владѣній врагу кажется оскорбительною для народной чести, а сохраненіе и защита ихъ стоили огромныхъ, не вознаграждаемыхъ никакими выгодами из-

держекъ. Въ особенности несправедливъ г. К—въ ко Льву Исавру и къ Константину Копрониму. Оставляя въ сторонѣ споръ за иконы, нельзя не признать въ этихъ государяхъ великихъ качествъ, дающихъ имъ полное право на уваженіе потомства. Западные историки высоко цѣнятъ подвигъ Карла Мартела, отразившаго напоръ передовой мухаммеданской рати и чрезъ то отвратившаго отъ европейскихъ народовъ опасность, которую грозили имъ со стороны ислама. Заслуга была безспорно великая. Но можно-ли поставить на ряду съ побѣдою при Пуатье, одержанною надъ намѣстникомъ Испаніи, тѣ славныя войны, которыя Левъ Исавръ и его жестокій, но даровитый и смѣлый сынъ вели противъ всѣхъ силъ находившагося въ полной крѣпости калифата? Не была-ли и съ этой стороны отражена опасность, еще большая, быть можетъ? Принимая въ соображеніе тогдашнее положеніе имперіи, мы рѣшительно не въ правѣ ставить въ вину Льву и Константину ихъ равнодушіе къ далекимъ отъ нихъ италіанскимъ областямъ. Ихъ вниманіе устремлено было въ другую сторону. Вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи христіанскаго государства на берегахъ Востора рѣшался въ Малой Азіи и заслонялъ собою все остальное.

Въ трехъ послѣднихъ главахъ своего сочиненія, авторъ „Судебъ Италіи“ подробно изложилъ исторію папскихъ сношеній съ Каролингами. Предметъ этотъ, повидимому, истощенъ прежними историками и не представляетъ уже ничего новаго знающему читателю. Однако, внимательная повѣрка источниковъ доставила г. К—ву возможность сообщить особенную занимательность этой части своего труда. Мы должны, впрочемъ, замѣтить, что основная мысль, высказанная имъ по поводу вмѣшательства франковъ въ дѣла Аппенинскаго полуострова, противорѣчитъ ходу событій и принадлежитъ къ числу остроумныхъ, но едва-ли плодотворныхъ для науки предположеній. Въ спорѣ между лангобардскими королями и папами, г. К—въ горячо принимаетъ сторону первыхъ и предлагаетъ вопросъ: „что было-бы съ Италіей, еслибъ призваніе франковъ папами не помѣшало ей соединиться въ одно государство подъ властью лангобардовъ?“ Отвѣтъ дала исторія, оправдавшая Захарію, Стефана и Адріана великолѣпнымъ развитіемъ италіанской жизни въ XII, XIII и слѣдующихъ вѣкахъ. И неужели могло папство добровольно сойти съ той высоты, на которую возвелъ его движеніе событій, и уступить мѣсто ненавистному племени, на которое до сихъ поръ италіанскіе историки слагаютъ главную отвѣтственность за послѣдующія несчастія своей

родины? Подробный разборъ этого вопроса, отъ рѣшенія котораго зависѣла не только судьба Италіи, но и вся исторія Среднихъ вѣковъ, не можетъ быть предметомъ настоящей статьи. Мы въ правѣ, впрочемъ, надѣяться, что г. К.—въ не остановится на порогѣ италіанской исторіи, и что его дальнѣйшіе труды дадутъ намъ возможность изучить въ большей связи съ позднѣйшими явленіями владычества каролинговъ надъ Аппенинскимъ полуостровомъ и высказать вполне наше противоположное его мнѣніямъ убѣжденіе.

Мы далеко не исчислили всѣхъ достоинствъ и не показали всѣхъ спорныхъ, или недоказанныхъ положеній въ книгѣ г. К.—ва и остановились на немногихъ, но, какъ намъ кажется, особенно важныхъ мѣстахъ. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ повторить то, что уже было сказано въ началѣ: „Судьбы Италіи“ составляютъ важное приобрѣтеніе не только для русской, но и для исторической литературы вообще. Надобно желать, чтобъ эта книга вышла въ переводѣ на одинъ изъ иностранныхъ языковъ: это доставило-бы ей обширный кругъ читателей и образованныхъ цѣнителей, и сверхъ того, показало-бы заграничнымъ ученымъ съ самой выгодной стороны научную дѣятельность въ нашемъ отечествѣ. Да будетъ намъ, однако, позволено обратиться съ послѣднимъ упрекомъ къ автору: форма у него не вездѣ удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ. Рядомъ съ превосходными, рукою мастера написанными страницами, встрѣчаются другія, въ которыхъ мысль затменена небрежнымъ и затнутымъ изложеніемъ. Непріятно также бросаются въ глаза иностранныя, безъ надобности введенныя въ нашъ языкъ, слова. Къ чему, напримѣръ, писать: шефъ, фортуна, традиція и т. д.? Такія заимствованія ничего не прибавляютъ къ дѣйствительному богатству языка и производятъ вдвойнѣ непріятное впечатлѣніе при чтеніи такого даровитаго и блестящаго писателя, какъ г. К.—въ.

Государственные мужи древней Греции въ эпоху ея возрожденія.

Историческое разсужденіе Ивана Бабста. Москва, 1851 года.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ наша литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными произведеніями, посвященными классической древности. Этотъ отдѣлъ науки, въ который у насъ долго не обращали надлежащаго вниманія, вошелъ теперь окончательно въ кругъ самостоятельныхъ занятій русскихъ ученыхъ. Доказательствомъ можетъ служить монографія г. Леонтьева „О поклоненіи Зевсу“, изданные имъ же „Пропилеи“, наконецъ, книга г. Бабста „Государственные мужи древней Греции въ эпоху ея распаденія“. Нельзя, при этомъ случаѣ, не помянуть признательнымъ словомъ незабвеннаго, такъ рано отнятаго у насъ смертью профессора Крюкова. Его кратковременная академическая дѣятельность должна служить благороднымъ образцомъ и поощреніемъ для cadaго русскаго преподавателя. Покойный Крюковъ не успѣлъ совершить задуманныхъ имъ трудовъ, хотя въ его бумагахъ остались значительные, теперь безплодные матеріалы, по которымъ можно судить только объ объемѣ и разнообразіи его изслѣдованій; но лекціи, читанныя имъ въ продолженіе немногихъ годовъ, въ Московскомъ университетѣ, пали богатыми сѣменами на плодотворную почву. Цѣлый рядъ даровитыхъ, уже приобрѣтшихъ собственную извѣстность учениковъ свидѣтельствуетъ о силѣ рано отшедшаго учителя.

Предвидимъ неизбѣжный, столь часто въ наше время повторяемый вопросъ о настоящемъ значеніи и пользѣ науки древностей. Противники классическихъ литературъ нападаютъ на нихъ съ разныхъ сторонъ. Одни говорятъ, что поле этихъ изслѣдованій до такой степени воздѣлано, или, лучше сказать, истощено, что новымъ труженикамъ остается только

безплодная переработка стараго, отвлекающая ихъ силы отъ занятій болѣе полезныхъ. Другіе, не ограничиваясь такимъ отрицательнымъ обвиненіемъ, идутъ далѣе и утверждаютъ, что изученіе греко-римской древности отрываеъ умъ отъ дѣйствительности и вноситъ въ него понятія, принадлежащія чуждому намъ, по своимъ направленіямъ, міру. Замѣтимъ, впрочемъ, что между порицателями классической древности, рѣдко встрѣчаются люди основательно съ нею знакомые и способные произнести самостоятельный приговоръ въ спорѣ, отъ котораго зависитъ образованіе будущихъ поколѣній.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый, христіанскій міръ отдѣленъ отъ языческаго огромнымъ разстояніемъ, которое измѣряется не одними вѣками. По ту сторону Евангелія остался бытъ естественнаго человѣка, носившаго въ себѣ самомъ источники неполнаго знанія и самонадѣянной силы. Созданные его воображеніемъ, призранные боги не могли ни спасти отъ разрушенія, ни пережить порядка вещей, ввѣрившаго имъ свое существованіе. Духовная жизнь и политическія формы Аѳинъ и Рима прошли невозвратно. Всякая попытка воскресить ихъ была-бы признакомъ историческаго безумія, которое можетъ овладѣвать лишь устарѣлыми, безсильными къ живому творчеству народами. Съ другой стороны, это замкнутое въ себѣ, вполне совершившееся время богато высокими и благородными назиданіями. Мы не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь то, что уже много разъ было сказано о красотѣ античнаго искусства, наслажденіе которымъ само по себѣ можетъ быть достаточною цѣлью и оправданіемъ изученія древности. Умолчимъ также о наукѣ, которой представителями были Платонъ и Аристотель, неисчерпанные двадцатью двумя вѣками источники умозрительнаго вѣдѣнія. Проповѣдники иной высшей мудрости, Отцы нашей Церкви, разрушая язычество, бережно вынимали изъ его развалинъ великія произведенія писателей, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, но силою благородной мысли неослабно искавшихъ высшей истины. Не должно забывать, что мы обязаны Церкви сохраненіемъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древнихъ литературъ. Почти такое-же право имѣютъ на наше вниманіе политическія судьбы Греціи и Рима. Образованіе и упадокъ древнихъ гражданскихъ обществъ были не даромъ предметомъ постоянныхъ размышленій для величайшихъ умовъ послѣдующихъ временъ. Они не искали въ прошломъ примѣровъ и формъ, непримѣримыхъ къ настоящему, а, напротивъ, укрѣпляли себя созерцаніемъ явленій, которыя раскрылись въ античномъ мірѣ,

уже столь отдаленномъ, что онъ можетъ служить предметомъ совершенно спокойнаго изученія; свободнаго отъ всякихъ практическихъ увлеченій.

Г. Бабстъ избралъ предметомъ для своего прекраснаго разсужденія одну изъ самыхъ любопытныхъ эпохъ Греческой исторіи, именно время разложенія республиканскихъ формъ жизни и перехода къ монархіи. Предоставляя себѣ въ будущемъ болѣе подробный разборъ этой книги, мы желали бы предварительно обратить на трудъ г. Бабста вниманіе читателей Московскихъ Вѣдомостей. Авторъ не довольствовался передачею собранныхъ имъ съ большимъ тщаніемъ и критикою свидѣтельствъ. Онъ согрѣлъ матеріалъ своимъ сочувствіемъ къ нему и живымъ изложеніемъ. Особенно хороши представленныя имъ характеристики государственныхъ мужей Греціи въ IV столѣтіи до Р. Х. Укажемъ для примѣра на страницы, посвященныя Ксенофону. Намъ не удавалось читать болѣе ясной и умной оцѣнки этого философа-кондотьера. Дабы познакомить читателей съ способомъ изложенія г. Бабста, мы приведемъ его слова о греческихъ наемникахъ.

„Наемники были необходимымъ слѣдствіемъ разложенія жизни греческой. Мы видѣли выше, какъ падали всѣ коренныя начала ея; изъ описанія внутренняго состоянія Аѣинъ и Спарты мы видѣли, какъ не было уже болѣе уваженія къ древнимъ обычаямъ; открыто надъ всѣмъ смѣялись, суды потеряли все значеніе, храмы не служили болѣе убѣжищемъ; отчизна потеряла для всѣхъ свою прелесть, потому что никто не считалъ себя безопаснымъ, и каждый боялся за свои убѣжденія; партіи преслѣдовали другъ друга съ ожесточеніемъ, и каждая побѣда сопровождалась изгнаніемъ или добровольнымъ удаленіемъ. Въмѣсто привязанности къ родинѣ, видимъ мы озлобленіе и желаніе мести; одни скрывали свои капиталы, ибо опасались налоговъ; другіе бѣжали, потому что жить было нечѣмъ, и вотъ вся Греція наполнилась бѣглецами (δουλῶδες), которые, не видя ничего утѣшительнаго въ будущемъ, продавали свои услуги первому желающему. Имъ честнѣе казалось умереть съ мечомъ въ рукахъ, нежели гибнуть по навѣтамъ доносчиковъ. Таково происхожденіе греческихъ наемниковъ, — явленія, которому подобныя мы встрѣчаемъ не разъ въ исторіи. Такъ образовались кондотьеры въ Италіи, тоже самое было во время религіозныхъ войнъ въ періодъ реформаціи. Въ Греціи давно служили аркадяне и критяне наемниками, но это было вслѣдствіе географическаго положенія ихъ родины.

Аркадяне были швейцарцами древней Греціи. Горнистое, бѣдное отечество заставляло ихъ съ раннихъ лѣтъ продавать свои услуги всѣмъ и каждому. Остальные государства Греціи не знали этого обыкновенія, и каждый грекъ считалъ позорнымъ продавать свою кровь иноземцамъ, тѣмъ болѣе еще варварамъ. Во время войны Пелопонезской, мы встрѣчаемъ уже наемниковъ, а въ послѣдніе ея годы этотъ обычай вполне укоренился. Ожесточеніе, съ которымъ боролись въ каждомъ почти городѣ враждебныя партіи, выслало много народу для пополненія рядовъ въ наемныхъ войскахъ; уже Фукидидъ говорить, что возвышеніе жалованья на одинъ оболъ можетъ переманить матросовъ на непріятельскій флотъ (Thucyd. 8, 45.). Какъ много было изгнанниковъ, видно изъ того, что Киръ младшій могъ легко набрать себѣ 13,000 греческихъ воиновъ. Въ полномъ разгарѣ являются наемники во время коринеской войны. „Съ этого времени,“—говоритъ Ксенофонтъ,—„граждане составляютъ обыкновенно гарнизонъ, войну-же ведутъ наемники (Xenoph. Hell. 4. 4.)“. Кононъ нанялъ на персидское золото цѣлую толпу ихъ. Главнымъ сборнымъ мѣстомъ наемниковъ былъ въ это время Коринѣъ (ἐνὶ Κόρινθῳ Schol. Aristoph. Plut. 173). Предводителями ихъ были Ификратъ и Хабріи, создавшіе новую тактику, о которую сломилось старинное военное искусство греческое. Агезилай привелъ также наемниковъ изъ Азіи, которыми начальствовалъ Гериппидъ, и съ этого времени мы почти уже не видимъ войскъ изъ самихъ гражданъ, но всѣ войны ведутся наемниками, которыхъ можно было имѣть за весьма дешевую цѣну. „Гораздо болѣе воиновъ можно набрать,“—говоритъ Исократъ,—„между праздношатающимися, нежели между гражданами (Isocr. epist. 9.)“. „Наши предки,“—говоритъ онъ въ одной своей рѣчи (De pace, 16),—„собственной кровью освободили грековъ; мы-же не дерзаемъ сражаться для собственныхъ нашихъ выгодъ, а предоставляемъ все наемникамъ, готовымъ всякаго продать за деньги. Мы такъ ихъ высоко цѣнимъ, что не обращаемъ вниманія на жалобы, которыми ихъ осыпаютъ, но, напротивъ, радуемся, слыша объ нихъ что-нибудь подобное; мы сами страдаемъ отъ бѣдности, а лишаемъ себя послѣдняго, чтобы заплатить наемникамъ; этого не дѣлали не только предки наши мараѳономахи, но даже и тѣ, которыхъ ненавидѣли наши союзники, потому что они все-таки сражались сами, мы-же, напротивъ, и не думаемъ о битвахъ, а употребляемъ наемниковъ, какъ царь персидскій. Прежде брали въ гребцы чужестранцевъ и рабовъ, теперь-же—наоборотъ: аѳинскій корабль пристаётъ

къ берегу, чужестранцы идутъ съ оружіемъ на враговъ, а бывшіе владыки Гелленовъ сидятъ съ веслами въ рукахъ“. Такъ жаловался Исократъ и всѣ лучшіе патріоты, но они не могли помочь горю. Наемники были такимъ-же законнымъ явленіемъ, такимъ-же результатомъ всей предыдущей жизни, какъ и многія другія черныя стороны описываемой нами эпохи. Когда старинный городской бытъ былъ подорванъ, то гражданину житья не было на родинѣ, и онъ шелъ искать на чужбинѣ добычи, а часто и хлѣба. Прежде бывало греки, вытѣсняемые изъ родины политическими распрями или недостаткомъ, основывали на чужбинѣ колоніи, но теперь и этого не могло быть. Кому была радость запереться въ узкой городской жизни, когда личность высказывала столько новыхъ требованій? Передъ греческими наемниками открылась Азія со всѣми ея сокровищами, богатый Египеть; ихъ вездѣ принимали радушно, ихъ ласкали эссалійскіе князья и великій царь персидскій. Не одно корыстолюбіе и желаніе добычи, не однѣ политическія невзгоды или притѣсненія были главными причинами, выславшими столько бойцовъ въ Азію: греку цужень былъ, наконецъ, просторъ, а его онъ не находилъ на родинѣ, и шелъ попытать счастья на чужбинѣ.

„Наемниковъ обвиняютъ въ развратѣ, въ томъ, что они дерутся за свободу и противъ нея, за царя Персидскаго и противъ него, что они ввели на родину чуждые дотошъ пороки; все это справедливо, но какое-же время разложенія старинныхъ формъ общественныхъ отличается строгою нравственностью? Толпы изгнанниковъ и наемниковъ доказали ясно, что время требуетъ иныхъ формъ, и служили лучшимъ протестомъ противъ старины. Много свѣжихъ силъ бродило въ Греціи, и онѣ были губительны для Греціи старой, но ихъ нужно было только направить на одно великое дѣло, и когда явилась такая личность, она доказала, что эти-же самые наемники завоевали цѣлый Востокъ во имя греческой цивилизаціи. Алѣксандръ Македонскій многимъ обязанъ военачальникамъ, воспитаннымъ въ школѣ наемниковъ.

„Время наемниковъ — это эпоха въ исторіи военнаго искусства древняго міра, такъ-же точно какъ 30-ти-лѣтняя война—эпоха въ военномъ дѣлѣ новаго времени. Наемники, подъ предводительствомъ Ификрата и другихъ знаменитыхъ вождей, были такъ отлично выучены и дисциплинированы, что могли въ случаѣ нужды драться безъ полководца. Примѣръ тому мы встрѣчаемъ у Ксенофонта. Послѣ вѣроломнаго умерщвленія полководцевъ, новые начальники выбираются

изъ солдатъ. Кто приобрѣлъ себѣ извѣстность храбростію или силою, могъ всегда собрать легко подъ своимъ начальствомъ толпу удалцовъ, съ которыми отправлялся предлагать свои услуги первому желающему; а работы было вездѣ много. Кто достаточно нагребилъ, и въ состояніи былъ давать порядочное жалованье, могъ всегда найти удалцовъ, готовыхъ идти съ нимъ на промыселъ. Ему стоило только отправиться на мысъ Тепаронъ, гдѣ былъ знаменитый храмъ Посидона; тамъ всегда толпились праздные наемники, ожидавшіе прибыльнаго дѣла. Наборъ ихъ происходилъ часто очень страннымъ образомъ. Ксенофонтъ рассказываетъ, что въ числѣ 10,000 грековъ былъ одинъ олимпіецъ Эпистенъ, извѣстный своей храбростію воинъ. Онъ выбиралъ себѣ всегда самыхъ красивыхъ и самыхъ молодыхъ воиновъ, и во главѣ ихъ совершалъ чудеса храбрости. (Апав. VII, 4). Многіе изъ извѣстныхъ начальниковъ наемныхъ войскъ начинали свое поприще разбоями какъ, напримѣръ, Харидемъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Вообще, это сословіе не отличалось разборчивостію въ средствахъ добывать деньги. Главною цѣлью была добыча, а какъ она достается,—до этого никому не было дѣла“.

Такихъ мѣткихъ, объясняющихъ цѣлое историческое явленіе, мѣстъ въ сочиненіи г. Бабста много. Но желаніе приблизить къ русскому читателю описываемыя событія и лица, заставляетъ автора иногда говорить языкомъ, по нашему мнѣнію, несовсѣмъ свойственнымъ содержанію его книги. Не измѣняя смысла событія, онъ въ разсказѣ своемъ употребляетъ иногда выраженія, какъ-то неидушія къ греческому міру. Это, впрочемъ, единственный упрекъ, какой ему можно сдѣлать относительно формы, данной имъ своему замѣчательному труду. „Государственные мужи Греціи“ обнаруживаютъ въ авторѣ рѣшительный историческій талантъ и даютъ намъ право поздравить русскую историческую литературу съ новымъ и даровитымъ дѣятелемъ.

О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 1852 года января 12 дня).

Мм. Гг.!

Московскій Университетъ, — *alma mater* всѣхъ однородныхъ заведеній въ Россіи, — привыкъ къ просвѣщенному участию русскаго общества. Ваше постоянное присутствіе на праздникѣ, которымъ замыкается истекшій и начинается новый академическій годъ, служить доказательствомъ, что участіе это не хладѣетъ. Въ свою очередь, Университетъ встрѣчаетъ васъ, не какъ равнодушныхъ гостей: онъ предлагаетъ на судъ вашъ образцы умственной дѣятельности своихъ членовъ и отдаетъ вамъ честный и правдивый отчетъ во всемъ, что было совершено имъ въ теченіе прибавившагося къ его жизни года. Скоро представить онъ цѣлой Россіи итоги, выведенные изъ ста такихъ отчетовъ и съ законною гордостью разскажетъ ей повѣсть своего вѣковаго служенія великимъ идеямъ истины и добра.

Находясь на очереди для произнесенія предъ вами въ нынѣшнемъ году обычнаго слова, я избралъ себѣ предметомъ современное состояніе и значеніе той науки, которой имѣю честь быть преподавателемъ.

Вопросы о теоретическомъ значеніи исторіи, о приложеніи ея уроковъ къ жизни, о средствахъ, которыми она можетъ достигать своихъ дѣйствительныхъ, или извнѣ ей поставленныхъ цѣлей, не новы. Они обращали на себя вниманіе великихъ умовъ древняго міра и составляютъ неистощимое содержаніе ученыхъ преній въ наше время. Важность этихъ вопросовъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи съ задачею нравственнаго и умственнаго образованія, слѣдовательно съ цѣлою участію будущихъ поколѣній.

По кореннымъ условіямъ своей жизни, Востокъ не могъ принять участія въ рѣшеніи вопросовъ такого рода. Они никогда не входили въ сферу, въ которой сосредоточена дѣятельность восточной мысли. Азіатскимъ народамъ не чужда врожденная человѣку потребность знать свое прошлое, но ихъ любознательность находитъ легкое удовлетвореніе въ родословныхъ спискахъ, въ простыхъ перечняхъ событій и въ историческихъ пѣсняхъ. Содержаніе этихъ памятниковъ, представляя обильный, хотя большею частью однообразный матеріалъ стороннему изслѣдователю, не могло на той почвѣ, которой принадлежитъ по происхожденію, уясниться до науки или облечься въ формы художественныхъ произведеній. Лѣтопись и пѣсня могутъ, конечно, быть вѣрнымъ отраженіемъ народнаго быта, но онѣ не въ состояніи служить орудіями умственнаго образованія. Онѣ живо и любовно напоминаютъ народу прошедшее, не приводя его къ ясному сознанію настоящаго. Требуя отъ исторіи разказа, а не поученій, Востокъ довольствовался самыми бѣдными, хотя соотвѣтствующими его общественному развитію, формами историческаго преданія. Единственное исключеніе составляютъ священные книги евреевъ. Мы говоримъ здѣсь не о вѣчномъ, стоящемъ выше человѣческихъ сужденій, значеніи Библіи, но о томъ богатствѣ нравственныхъ назиданій, житейской мудрости и глубокой поэзіи, которыми она преисполнена. Изъ этого источника черпало разсѣянное теперь по лицу земли племя ту дивную крѣпость, которую оно противопоставляло всѣмъ испытаніямъ своей злополучной исторіи. Но по самому свойству своему, Божественный памятникъ, составляющій нынѣ духовную родину обреченнаго на скитаніе въ чужбинѣ еврея, не могъ войти въ составъ предлагаемыхъ вамъ, Мм. Гг., изслѣдованій. Ихъ исходною точкою будетъ древній, классическій міръ.

Греки и римляне смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Такое воззрѣніе естественнымъ образомъ вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. „Я буду удовлетворенъ,—говоритъ Фукидидъ:—если трудъ мой окажется

полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова“ *). Это практическое направленіе выразилось еще съ большею силою въ произведеніяхъ римскихъ историковъ; но въ лучшія времена римской литературы оно всегда соединялось съ нравственно-эстетическими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнью, черпавшей изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей наукѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ тѣхъ поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. Назвавъ ее наставницею жизни **), Цицеронъ выразилъ господствовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могущество примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не такъ сложная, какъ жизнь новыхъ народовъ, нерѣдко повторяла одни и тѣ-же явленія и, такимъ образомъ, открывала возможность прилагать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражданину, особенно, въ послѣдній періодъ республики, во время ея высочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ обширной исторической образованности. Безъ нея невозможно была никакая политическая дѣятельность. Такое понятіе о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при императорахъ. Самое рѣзкое и вполне подтверждающее наши слова свидѣтельство находится въ біографіи Александра Севера, написанной Эліемъ Лампридіемъ: „Северъ особенно пользовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спрашивалъ у нихъ, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ шла рѣчь, древніе римскіе императоры или вожди другихъ народовъ“ ***).

При господствѣ такихъ направленій, произведенія древней исторіографіи не могли походить на ученыя сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать кабинетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали преимущественно къ высшимъ сословіямъ общества ****) и часто описывали такія событія, въ которыхъ были личными

*) I, 22.

**) *Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis.* Cicero de orat. II. 9.

***) *Maxime Severus ad consulendum adhibuit eos qui historiam norant, requirens quid in talibus causis, quales in disceptatione versabantur, imperatores vel Romani, vel aliarum gentium fecissent.* Aelius Lampridius in Sev. c. 16. Можно подумать, что эти опытные въ исторіи мужи составляли родъ тайнаго совѣта при императорѣ.

****) *L. Otacilius Pilitus (qui Cneium Pompeium M. docuit) primus omnium libertinorum, ut Cornelius Nepos opinatur, scribere historiam orsus, nonnisi ad honestissimo quoque scribi solitam.* Sueton. de clar. orator. c. 3.

участниками или свидѣтелями. Они старались сообщить разсказамъ своимъ, какъ можно большую красоту и ясность, сдѣлать ихъ доступными для сколь можно большаго числа читателей. Изящная форма составляла необходимое условіе значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ формы разумѣлась не одна красота изложенія, а художественное, на основаніи общихъ законовъ искусства совершенное построеніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана, родственница поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятеля, который не создаетъ мрамора или металла, но творчески сообщаетъ имъ прекрасный образъ *). Въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о формахъ, свойственныхъ историческимъ сочиненіямъ, и объ отношеніи ихъ къ искусству вообще, высказался складъ ума обоихъ народовъ классической древности. Греки требовали преимущественно поэтической, римляне риторической стихіи **). Последняя, впрочемъ, была неизбежна вслѣдствіе того значенія, какое краснорѣчіе имѣло въ античной государственной жизни.

Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искусство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгаго характера науки. Изслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ, почти не существовало. Ихъ мѣсто заступала у великихъ писателей природная, укрѣпленная привыкомъ, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Къ тому-же лучшія произведенія древнихъ историковъ суть монографіи, объемлющія одно какое-нибудь великое событіе, или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ христіанства. Замѣчательная мысль Полибія о недостаточности исторій, по которымъ, говоритъ онъ, также мало можно судить объ общемъ ходѣ исторіи, какъ по отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго организма ***), не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ, равно какъ осталось безъ исполненія обѣщаніе Діодора Сицилійскаго ****): разсказать судьбы всего міра, какъ исторію одного государства. За то простота и опредѣленность содержанія ставили

*) Quomodo historia sit conscribenda, cap. 45 et 54.

**) Ulrici, Charakteristik der antiken Historiographie, p. 301, 302.

***) Prooem.

****) I, 3.

древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету. Одушевленіе, съ какимъ онъ приступалъ къ дѣлу, не охлаждалось предварительною повѣркою многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ свои свѣдѣнія новый историкъ. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложности, не прямо къ ней относящіяся явленія. Фукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ твореніи своемъ весь ходъ Пелопонезской войны, но не счелъ нужнымъ упомянуть о внутренней жизни Аѣинъ въ то время, о блестящемъ развитіи искусствъ и науки. Недостатокъ полноты искупается у него единствомъ содержанія и возможною только при такомъ условіи строгою красотою формы. При современныхъ понятіяхъ о задачѣ историка, подобное ограниченіе предмета едва-ли можетъ быть допущено. Но древніе, какъ сказано выше, рассматривали событія не съ всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія, не допускали другой связи явленій, кромѣ такъ называемой прагматической, и не входили въ разборъ безчисленныхъ пружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они безъ труда подымали легкую ношу историческихъ матеріаловъ, завѣщанныхъ имъ предшественниками, и смѣло подчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ или гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или римскій историкъ не скрывается за описываемыми имъ событіями: напротивъ, онъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи читателямъ собственнаго воззрѣнія на данный предметъ. Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія, и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосыгаемая красота не должна служить укоромъ новому историку, имѣющему предъ собою рѣшеніе другихъ, болѣе сложныхъ вопросовъ.

Необозримая масса накопившихся въ теченіи тысячелѣтій источниковъ нашей науки можетъ навести страхъ на самаго смѣлаго и предприимчиваго изслѣдователя. А, между тѣмъ, эта масса ежедневно увеличивается открытіемъ неизвѣстныхъ памятниковъ, или поступленіемъ въ ученый оборотъ такихъ, на которые до сихъ поръ не было обращено надлежащаго вниманія. У всѣхъ европейскихъ народовъ замѣтно однообразное стремленіе собрать въ одно цѣлое всѣ сохранившіяся свидѣтельства и преданія о своей старинѣ. Великіе труды французскихъ бенедиктинцевъ и отдѣльных ученыхъ XVII и XVIII вѣка блѣднѣютъ предъ однородными

и строгаго метода
и цѣлей нашей

Нибуръ, глубоко
е можетъ стать на
казанныхъ исторіи.
го изслѣдованій о
ованномъ имъ ме-
ь его возрѣніи на
а до него дѣломъ
восходство новыхъ
и въ приобрѣтен-
матеріаломъ. Точ-
было. Ихъ создалъ
Замѣтимъ, однако,
иная удѣломъ вели-
еній. Колумбъ унесъ
ь нашель путь къ
ра о древнѣйшихъ
о: онъ полагалъ, что
имья положительныя
измѣненіямъ и пор-
хъ писателей. Задача
азложеніи риториче-
йшія составныя части
чниковъ. Такая цѣль,
о преслѣдую ее, Ни-
ической критики. Онъ
ь источники, и въ ка-
рія. Вліяніе его при-
резъ тринадцать лѣтъ
я „Римской Исторіи“,
хъ писателей Ранке *),
въ которомъ съ блестя-
уроки великаго учи-
ь главный представи-
ніи. Его многочислен-
которой дѣятельность,
заработку средневѣко-
плоды.

мъ, введеніемъ
удучи юношею,

1824.

глубже. Онѣ заключаются въ отсутствіи строгаго метода и въ недовольно ясномъ сознаніи настоящихъ цѣлей нашей науки.

Величайшій историкъ XIX столѣтія, Нибуръ, глубоко чувствовалъ эти недостатки, и никто не можетъ стать на раду съ нимъ относительно заслугъ, оказанныхъ исторіи. Здѣсь рѣчь идетъ не о результатахъ его изслѣдованій о римской древности, а объ усовершенствованномъ имъ методѣ исторической критики и о цѣломъ его воззрѣніи на науку. Можно сказать, что критика была до него дѣломъ личнаго таланта, какъ у древнихъ. Превосходство новыхъ заключалось въ большей начитанности и въ приобрѣтенномъ навыкѣ обращаться съ огромнымъ матеріаломъ. Точныхъ и всѣмъ общихъ приемовъ не было. Ихъ создалъ Нибуръ, работая надъ римской исторіею. Замѣтимъ, однако, что его постигла участь, нерѣдко бывающая удѣломъ великихъ людей на пути открытій и изобрѣтеній. Колумбъ унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что онъ нашелъ путь къ восточному берегу Азіи. Мнѣніе Нибура о древнѣйшихъ памятникахъ римской исторіи извѣстно: онъ полагалъ, что эти памятники, содержащіе въ себѣ самыя положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, подвергались измѣненіямъ и портѣ подъ перомъ позднѣйшихъ римскихъ писателей. Задача критики состояла, слѣдовательно, въ разложеніи риторическихъ разсказовъ Ливія на ихъ простѣйшія составныя части и въ возстановленіи первобытныхъ источниковъ. Такая цѣль, очевидно, не могла быть достигнута, но преслѣдуя ее, Нибуръ нашелъ настоящіе законы исторической критики. Онъ показалъ намъ, какъ должно разбирать источники, и въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія. Вліяніе его примѣра не замедлило обнаружиться. Черезъ тринадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія „Римской Исторіи“, явилась критика новыхъ историческихъ писателей Ранке *), небольшое, но образцовое сочиненіе, въ которомъ съ блестящимъ успѣхомъ приложены къ дѣлу уроки великаго учителя. Въ настоящее время Ранке есть главный представитель исторической критики въ Германіи. Его многочисленныя ученики образовали школу, которой дѣятельность, устремленная преимущественно на разработку средневѣковыхъ памятниковъ, уже принесла богатые плоды.

Заслуга Нибура не ограничилась, впрочемъ, введеніемъ новыхъ и точныхъ приемовъ критики. Еще будучи юношею,

*) Leop. Ranke, zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. 1824

въ частной перепискѣ своей, онъ высказалъ нѣсколько смѣлыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естествовѣдѣнія основы *). Историческое значеніе человѣческихъ породъ не ускользнуло отъ его вниманія, но ему не привелось развить вполне и приложить къ дѣлу свои предположенія объ этомъ столь важномъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе, его превосходныя изслѣдованія объ этнографіи Италіи и древняго міра вообще, могутъ служить исходною точкою и образцомъ для дальнѣйшихъ трудовъ такого рода.

Около того-же времени, вопросъ о породахъ началъ занимать пытливые умы внѣ Германіи. Форіель, братья Тьерри и другіе ученые старались объяснить отношенія различныхъ народностей, преемственно господствовавшихъ на почвѣ Франціи и Англіи. Они озарили яркимъ свѣтомъ начало средневѣковыхъ народовъ и обществъ, но не рѣшились переступить чрезъ обычныя грани историческихъ изслѣдованій и оставили въ сторонѣ фізіологическіе признаки тѣхъ породъ, которыхъ историческія особенности были ими тщательно опредѣлены. Надобно было, чтобы натуралистъ подалъ, наконецъ, голосъ противъ такого стѣсненія нашей науки и указалъ на связь ея съ фізіологією. Въ 1829 году, Эдвардсъ (W. F. Edwards) издалъ письмо свое къ Амедию Тьерри о фізіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и отношеніи ихъ къ исторіи. Это письмо содержитъ въ себѣ полное, изъ сферы естественныхъ наукъ почерпнутое, оправданіе выводовъ, къ которымъ пришли другими путями и совершенно независимо одинъ отъ другого, Нибуръ и Амедей Тьерри **). Снимая съ разсѣянныхъ по лицу западной Европы галло-кимрскихъ племенъ ихъ новыя имена и доказывая живучесть породъ, Эдвардсъ излагаетъ правила для будущихъ розысканій. Высказанныя имъ по этому поводу мысли были приняты съ общимъ одобреніемъ, но до сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы. Въ Англіи, Америкѣ и Франціи существуютъ ученые этнографическія общества, которыхъ труды значительно подвинули впередъ антропологію, но не обнаружили надлежащаго вліянія на исторію. Уступки, сдѣланныя историками новымъ требованіямъ, были большею частью внѣшнія. Дальнѣйшее упорство, впрочемъ, невозможно, и исторія, по необходимости, должна вы-

*) Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr, I. 44.

**) Эдвардсъ самъ имѣлъ въ виду только исторію Галловъ Ам. Тьерри. Изслѣдованія Нибура о томъ-же предметѣ были, кажется, ему вовсе не извѣстны.

ступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ. Ей нельзя долѣе уклоняться отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ, съ которыми связаны не только тайны прошедшаго, но и доступное человѣку пониманіе будущаго. Дѣйствуя за одно съ антропологіею, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства. Каковъ-бы ни былъ окончательный выводъ этихъ изслѣдованій, имѣющихъ, быть можетъ, обнаружить историческое безсиліе цѣлыхъ породъ, не призванныхъ къ благороднѣйшимъ формамъ гражданской жизни, онъ принесетъ несомнѣнную пользу наукъ, ибо сообщитъ ей большую положительность и точность. Но не одною этою только стороною граничитъ исторія съ естествознаніемъ. Еще древніе замѣтили рѣшительное вліяніе географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Монтескье довелъ эту мысль до такой крайности, что принесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность духа *). Несмотря на то, отношеніе человѣка къ занимаемой имъ почвѣ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга еще никогда не были удовлетворительнымъ образомъ объяснены. Великое твореніе Карла Риттера **), принимающаго землю за „храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго“, проложило, конечно, новые пути историкамъ нашего времени, но многіе ли воспользовались этими трудными путями и предпочли ихъ прежнимъ, пробитымъ безчисленными предшественниками тропинкамъ? Вошедшій теперь въ употребленіе обычай снабжать историческія сочиненія географическими введеніями, заключающими въ себѣ характеристику театра событій, показываетъ

*) Съ особенною рѣзкостью высказалъ авторъ Духа Законовъ свою мысль въ слѣдующихъ словахъ: *On a donc plus de vigueur dans les climats froids. L'action du coeur et la réaction des extrémités des fibres s'y font mieux, les liqueurs sont mieux en équilibre, le sang est plus déterminé vers le coeur et réciproquement le coeur a plus de puissance. Cette force plus grande doit produire bien des effets; par exemple, plus de confiance en soi même, c'est à dire plus de courage; plus de connoissance de sa supériorité, c'est à dire moins de désir de la vengeance; plus d'opinion de sa sûreté, c'est à dire plus de franchise, moins de soupçons, de politique et de ruse. Enfin cela doit faire des caractères bien différens. (De l'esprit de loix. Liv. XIV, 11).*

**) Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie.

только, что значеніе и успѣхи сравнительнаго землевѣдѣнія обратили на себя вниманіе историковъ и заставили ихъ измѣнить нѣсколько форму своихъ произведеній. Самое содержаніе немного выиграло отъ этого нововведенія Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему, предметамъ и думаетъ, что вполне удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ-будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное, какъ-будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распределеніе произведеній природы на поверхности земнаго шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ *). Одно растеніе условливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была-бы безспорно иная, если-бы картофель не составлялъ главнаго средства пропитанія для ея жителей. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ животныхъ для другихъ странъ. Позвольте мнѣ, Мм. Гг., привести по этому поводу слова знаменитаго нашего натуралиста, академика Бера.

„Ходъ всемірной исторіи,—говоритъ онъ:—опредѣляется внѣшними физическими условіями. Вліяніе отдѣльных личностей въ сравненіи съ ними ничтожно. Онѣ всегда почти приводили только въ исполненіе то, чтó уже было подготовлено, и такъ или иначе, а должно было совершиться. Стремленіе установить что-нибудь совершенно новое и неподготовленное остается безуспѣшно, или влечетъ за собою только разрушеніе. Никто, конечно, не возьмется опредѣлить, какъ сложилась-бы исторія человѣчества, если-бы физическія свойства обитаемой имъ мѣстности были не тѣ, какія теперь. Но нельзя не обратить вниманія на то, что небольшія отступленія отъ дѣйствительно существующихъ нынѣ свойствъ необходимо были-бы причиною очень значительныхъ отклоненій въ ходѣ всемірной исторіи. Если-бы,

*) См. въ запискахъ Берлинской Академіи 1834 года, превосходную, исполненную глубокомысленныхъ замѣчаній статью Риттера; *Der tellurische Zusammenhang der Natur und Geschichte in den Productionen der drei Naturreiche, oder über eine geographische Productenkunde.*

напримѣръ, при неизмѣнности всего остального на поверхности земли, Суэзскій заливъ простирался градусомъ дальше на сѣверъ, то-есть достигалъ-бы Средиземнаго моря, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано установилось-бы дѣятельное сообщеніе между берегами Средиземнаго моря и Индіи, не говоря уже о берегахъ Аравіи и Африки. Особенности, которыми запечатлѣна природа человѣка въ Индіи, гораздо раньше смѣшались-бы съ особенностями Европы.—Или, не измѣняя очертанія Чермнаго моря, предположимъ, что воды Абиссиніи и окрестныхъ странъ текутъ не въ долину Нила, а кратчайшимъ путемъ прямо въ Черное море. Для этого надо было только, чтобы мѣстность на сѣверъ отъ Абиссиніи понизилась отъ запада къ востоку. Тогда исчезъ-бы великій путь сообщенія между сѣвернымъ краемъ Африки и ея серединой. Египетъ, неоплодотворяемый приносимымъ съ юга органическимъ веществомъ, былъ-бы пустыней безплоднѣе Триполиса. Онъ не имѣлъ-бы уже вліянія на развитіе Греціи, и, конечно, судьбы народа Израильскаго были-бы тогда инныя, которыхъ мы не въ состояніи разгадать. Но зато Абиссинія пришла бы въ тѣсное соприкосновеніе съ южнымъ берегомъ Азіи, и весьма вѣроятно, что тогда развились-бы двѣ отдѣльныя, надолго чуждыя другъ другу цивилизаціи, — цивилизація Европы и цивилизація Индійскаго океана, точно такъ, какъ теперь мы не можемъ не признать двѣ отдѣльныя другъ отъ друга, и потому различныя цивилизаціи, — восточную въ Китаѣ, и противоположную ей на западѣ, которую мы привыкли считать единственною. Желать исчислить слѣдствія еще большихъ измѣненій, значило-бы вдаваться въ область вымысловъ“.

„Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, что когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ и отдѣлили другъ отъ друга страны, — судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ, и что всемірная исторія есть ни что иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи. Въ заключеніе постараемся показать въ немногихъ словахъ, что даже и теперь, когда завоеванія въ области наукъ и промышленности дали человѣку столько средствъ покорять себѣ природу, исторія его развитія все еще подчинена той-же неизбѣжной судьбѣ“.

„Мы живемъ въ эпоху, когда европейская цивилизація перенеслась на всѣ населенные берега. Нѣкоторыя части Европы, кажется, уже не могутъ доставлять своимъ жителямъ пищу въ желаемомъ изобиліи. Европа начала переселять своихъ, привыкшихъ къ высшимъ формамъ жизни,

жителей въ другія части свѣта. Это переселеніе будетъ усиливаться вмѣстѣ съ увѣренностью найти въ другой части свѣта европейскую образованность и можетъ продолжаться необозримо долгое время, ибо производительность природы въ теплѣйшихъ странахъ, за исключеніемъ областей, лишенныхъ дождя, несравненно сильнѣе, нежели въ средней Европѣ. Майсъ родится обыкновенно самъ-сорокъ, иногда самъ 200 и даже 300; и хотя онъ сѣется гораздо рѣже, просторнѣе, нежели наши хлѣба, но все-таки данное пространство земли, засѣянное майсомъ, доставляетъ гораздо больше пищи, нежели такое-же, засѣянное нашимъ хлѣбомъ. Кромѣ того, въ жаркихъ странахъ жатва бываетъ два, иногда даже три раза въ годъ. Бананы доставляютъ въ теплыхъ и влажныхъ странахъ на равномъ пространствѣ еще болѣе питательнаго вещества. По наблюденіямъ Александра Гумбольдта, картофеля, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даетъ во Франціи по вѣсу второе больше продукта противъ пшеницы, занимающей равное съ нимъ пространство земли, а бананъ въ Южной Америкѣ даетъ его во 130 разъ больше. Но такъ какъ фунтъ пшеничной муки питательнѣе фунта сочнаго банана, то сдѣлали другое исчисленіе, по которому оказывается, что пространство земли, могущее прокормить двухъ человѣкъ въ годъ, доставитъ, будучи засажено бананами, пищи на 50 человѣкъ. Хлѣбное дерево (*artocarpus incisa*), растущее на островахъ Великаго Океана, такъ богато вкусными и питательными плодами, что 3 такихъ дерева могутъ служить человѣку исключительною пищею въ продолженіи 8-ми мѣсяцевъ, и главнѣйшею въ остальную часть года. *Кукъ* говоритъ: „въ нашемъ суровомъ климатѣ человѣкъ, который цѣлый годъ пашетъ, сѣетъ и жнетъ, лишь-бы пропитать себя и дѣтей своихъ, да съ трудомъ сберечь денежку на черный день, не лучше исполняетъ обязанность отца семейства, какъ островитянинъ Южнаго моря, который, посадивъ 10 хлѣбныхъ деревъ, ни о чемъ больше не заботится!“ Достигшая полнаго роста кокосовая пальма производитъ отъ 200 до 300 орѣховъ. Кромѣ того, изъ нея-же можно добывать превосходный матеріалъ для веревокъ и тканей и, довольствуясь меньшимъ числомъ плодовъ, добывать вкусно вино, и вываривать изъ орѣховъ масло“.

„Справедливо предсказываетъ, основываясь на этой силѣ производительности тропическихъ странъ, ботаникъ Мейеръ въ Кенигсбергѣ, что человѣкъ, быстро размножаясь въ цивилизованныхъ странахъ, переселится обратно въ теплый поясъ. Одна Ямайка, равная пространствомъ Саксонскому

королевству, может пропитать въ 25, а уже навѣрно въ 12½ разъ большее населеніе, нежели Саксонія. Сколько-же людей, прибавимъ мы къ тому, пропитаетъ лѣсная равнина Бразиліи! Напрасно называютъ почву ея дѣвственною; она только человѣку доставляла мало плодовъ. Зато природа накопляла въ ней въ продолженіе тысячелѣтій органическое вещество для будущихъ жителей, точно такъ-же, какъ прежде, при образованіи земной коры, скрыла подъ нею огромный запасъ топлива для той эпохи, когда размножившійся человѣческій родъ истощитъ лѣса“.

„Но, возвращаясь въ свою древнюю отчизну, человѣкъ принесетъ съ собою изъ Европы сокровища, которыхъ никогда не приобрѣлъ-бы подъ тропиками: *трудолюбіе, науки, искусства, промышленность и сознание необходимости благоустроенной государственной жизни*. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ, конечно, подавить чуждающіяся труда туземныя племена; но можно надѣяться, что тамъ, гдѣ требуется меньше времени для произведенія пищи, гдѣ она отъ природы зрѣетъ на деревьяхъ, умственная образованность будетъ гораздо болѣе обща, нежели на сѣверѣ. Дѣйствительно, даже въ средней Европѣ, не говоря уже о нашемъ сѣверѣ, только малая часть жителей можетъ посвящать частицу времени на развитіе своихъ духовныхъ способностей, а наибольшая половина круглый годъ занята добываніемъ пищи. Сколько лишняго досуга, въ сравненіи съ ними, уже у рабочаго класса Италіи? Онъ не перестаетъ находить наслажденіе въ наукѣ и искусствѣ, за что мы, жители сѣвера, кажется, несправедливо называемъ ихъ лѣнливцами. Такимъ образомъ, обозрѣ исторію человѣчества въ общихъ, большихъ чертахъ ея, находимъ мы, что Европа была для него высокою школою, въ которой оно принуждено было трудиться и научилось любить умственные занятія. Да признаютъ-же наши потомки въ 30-мъ и 40-мъ столѣтіи, рассуждая о судьбѣ человѣчества въ тѣни пальмъ роскошной Новой Гвиней, или среди вѣчно неизмѣнной температуры Полинезій,—да признаютъ они, что учебныя годы наши на сѣверѣ не пропали даромъ“ *).

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ предположеній кейтсбергскаго ботаника, но приведенныя мною слова академика Бера достаточно показываютъ важность естествовѣдѣнія въ приложеніи къ исторіи. Къ сожалѣнію, ученые, по-

*) Статья академика Бера „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества“ помѣщена въ карманной книжкѣ Русскаго географическаго Общества, 1848 года.

святившіе себя исключительно послѣдней наукѣ, еще не въ силахъ выполнить великой задачи, имъ предстоящей. Углубляясь въ изученіе письменныхъ и словесныхъ памятниковъ прошедшаго, они не рѣшаются приступить къ источникамъ другого рода, начертаннымъ рукою самого Творца. Содержаніе исторіи составляютъ до сихъ поръ дѣла чело-вѣческой воли, отрѣщенные отъ ихъ необходимой, можно сказать, роковой основы, которую не должно смѣшивать съ законами развитія духа, выведенными а priori философіею исторіи. Слабая сторона философіи исторіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, заключается, по нашему мнѣнію, въ приложеніи логическихъ законовъ къ отдѣльнымъ періодамъ всеобщей исторіи. Осуществленіе этихъ законовъ можетъ быть показано только въ цѣломъ, а не въ частяхъ, какъ-бы онѣ ни были значительны. Но сверхъ логической необходимости есть въ исторіи другая, которую можно назвать естественною, лежащая въ основаніи всѣхъ важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ мѣста въ умозрительномъ построеніи исторіи; ее нельзя вывести изъ законовъ разума, но ее нельзя также отнести къ сферѣ случайности, потому что она принадлежитъ къ числу главныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судебъ, двигателей исторіи *).

*) Мы позволимъ себѣ привести по этому поводу слѣдующія замѣчанія, заимствованныя изъ весьма умной, не обратившей на себя должнаго вниманія книги Гнирихсена (*Die Germanisten und die Wege der Geschichte. Kopenhagen, 1848*): „При чисто логическомъ пониманіи исторіи, мы никогда не достигнемъ до глубокаго уразумѣнія отдѣльных явленій и ихъ значенія въ цѣломъ. Все совершается ради начала, а начало заключается въ результатѣ. Такимъ образомъ, естественныя и нравственныя причины вытѣсняются логическими; естественныя потому, что не имѣютъ никакой самостоятельности предъ логическимъ разумомъ, нравственныя потому, что лицо является только орудіемъ духа времени или вълѣдствіе необходимости осуществляющагося начала. Вообще, всякая попытка построенія исторіи на метафизическихъ основахъ, мнѣ кажется слишкомъ смѣлою. Съ одной стороны, я не считаю конечнаго разума способнымъ къ такому дѣлу, съ другой мы нѣкоторымъ образомъ насилуемъ исторію, которая, какъ развитіе замкнутаго въ себѣ организма, должна быть изучаема въ сущности своей, въ свойственныхъ ей законахъ, въ предѣлахъ и условіяхъ, поставленныхъ ей природою. Природа не есть только предшественница исторіи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человѣчества; она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное, конечное существо, и человѣчество, какъ конечный организмъ, подчинены, съ начала вѣковъ, ея великимъ, неизмѣннымъ законамъ. Она дѣйствовала до начала исторіи и можетъ пережить ее. Поэтому, я думаю, что исходною точкою должна намъ служить естественная сторона исторіи, и что изученію нравственныхъ и логическихъ причинъ должно пред-

Быть можетъ, ни одна наука не подвергается въ такой степени вліянію господствующихъ философскихъ системъ, какъ исторія. Вліяніе это обнаруживается часто противъ воли самихъ историковъ, упорно отстаивающихъ мнимую самостоятельность своей науки. Содержаніе каждой философской системы рано или поздно дѣлается общимъ достояніемъ, переходя въ область примѣненій, въ литературу, въ общія мнѣнія образованныхъ сословій. Изъ этой окружающей его умственной среды заимствуетъ историкъ свою точку зрѣнія и мѣрило, прилагаемое имъ къ описываемымъ событіямъ и дѣламъ. Между такимъ неизбѣжнымъ и нѣдко безсознательнымъ подчиненіемъ фактовъ взятому званію воззрѣнію и логическимъ построеніемъ исторіи большое разстояніе. Съ конца прошедшаго столѣтія, философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній. Скажемъ болѣе, философія исторіи едва-ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей исторіи, изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа, но, спускаясь въ сферу частныхъ явленій, нисходя до ихъ оцѣнки, она роняется отъ настоящаго своего призванія, заключающагося въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества, и неизбѣжныхъ цѣлей историческаго развитія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола, потому что великія событія, какъ-бы ни были далеки отъ насъ, продолжаютъ совершаться

и влиять на опредѣленіе естественныхъ", стр. 7—9. Но Гинрихсенъ потомъ противорѣчитъ себѣ, относя эти предварительныя изслѣдованія не къ исторіи, а къ философій исторіи. Какъ-будто послѣдняя можетъ существовать отдѣльно отъ первой? Подобное-же противорѣчіе встрѣчается у Нибура. Признавая вполне вліяніе природы на исторію, онъ говоритъ, между прочимъ, что „исторія болѣзней есть весьма важная, еще не обработанная отрасль всемірной исторіи. Цѣлые отдѣлы исторіи объясняются прекращеніемъ или появленіемъ заразительныхъ болѣзней. Онѣ обнаруживаютъ величайшее вліяніе на нравственный міръ: эти всѣ великія эпохи нравственнаго упадка совпадаютъ съ великими разами". (Чтенія о древней исторіи, 11, 64. Сравни. переписку 11. 167). Изъ этихъ мѣстъ можно привести много; но, во введеніи къ чтеніямъ о древней исторіи, Нибуръ доказываетъ необходимость отдѣлить отъ настоящей исторіи находящіяся въ связи съ нею явленія природы, которыя, по его мнѣнію, должны войти въ составъ особой науки. Какой-же? Тогда, впрочемъ, видно, какъ мало опредѣлены границы нашей науки и какъ сбивчивы въ этомъ отношеніи понятія нашихъ историковъ.

Соч. Т. Н. Грановскаго, томъ II.

въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, т. е. въ своихъ результатахъ, и никакъ не должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто замкнутое и вполне оконченное. Лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами мнѣнія о невозможности дѣльной философіи исторіи, могутъ служить чтенія Гегеля объ этомъ предметѣ, изданныя по смерти его Гансономъ. *) произведеніе знаменитаго мыслителя не удовлетворило моихъ горячихъ его почитателей, потому что оно есть что иное, какъ отрывочное и не всегда въ частностяхъ вѣрное изложеніе всеобщей исторіи, вставленной въ рамку произвольнаго построения *).

Смутно понятая, философская мысль о господствующемъ въ ходѣ историческихъ событій необходимости или законности, приняла подъ перомъ нѣкоторыхъ, впрочемъ всѣхъ даровитыхъ писателей, характеръ фатализма. Во Франціи образовалась цѣлая школа съ этимъ направленіемъ, котораго вліяніе обозначено печальными слѣдами не только на науку, но и въ жизни. Школа историческаго фатализма сдѣлала съ человѣка нравственную отвѣтственность за его поступки, обращая его въ слѣпое, почти безсознательное орудіе роковыхъ предопредѣленій. Властителемъ судебъ народныхъ явился снова античный *fatum*, отрѣшенный отъ своего историческаго величія, низведенный на степень неизбежнаго историческаго развитія. Въ противоположность древнимъ титанамъ, которые возлагали на чело своихъ обреченныхъ гибели гѣроевъ вѣнецъ духовной побѣды надъ неотрашимымъ въ мірѣ вѣдшимъ явленіемъ рокомъ, историки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, видятъ въ успѣхѣхъ конечное оправданіе, въ неудачѣхъ — приговоръ всякаго историческаго подвига. Смѣемъ сказать, что такое воззрѣніе на исторію послужитъ будущимъ поколѣніямъ горькою уликою противъ усталого и утратившаго вѣру въ достоинство человѣческаго общества, среди котораго оно возникло.

Систематическое построеніе исторіи вызвало противниковъ, которые вдалились въ другую крайность. Защищали

*) Всѣмъ извѣстно принятое Гегелемъ раздѣленіе всеобщей исторіи на четыре періода: Восточный, Греческій, Римскій, Германскій. Періодъ соотвѣтствуетъ дѣтству, второй — юности, третій — зрѣлости, слѣдовательно четвертый совпадаетъ съ старостью рода человѣческаго. Но Гегель отнюдь не то доказываетъ, противорѣча собственному построенію. Къ тому-же, званіе Германскаго вовсе не характеризуетъ всего содержанія 14 вѣка прошедшихъ съ паденія Западной Римской имперіи. Надобно, впрочемъ замѣтить, что самыя мѣткія и глубокія мысли объ исторіи высказаны Гегелемъ не въ философіи исторіи, а въ другихъ сочиненіяхъ, какъ - то феноменологія духа, въ эстетикѣ, философіи права и т. д.

факты противъ самоуправнаго обращенія съ ними, они на-
зываютъ всякую попытку внести въ хаосъ событій единство
связующихъ и объясняющихъ ихъ идей искаженіемъ непо-
средственной исторической истины. Дѣло историка должно,
по ихъ мнѣнію, заключаться въ вѣрной передачѣ того, что
было, т. е. въ разсказѣ. Слова Квинтиліана „scribitur ad nar-
randum non ad probandum“, служація эпиграфомъ къ извѣст-
ному сочиненію Баранта о герцогахъ Бургундскихъ, полу-
чаютъ такимъ образомъ приложение ко всей безконечной
области всеобщей исторіи. На историка возлагается обязан-
ность воздерживаться отъ собственныхъ сужденій въ пользу
читателей, которымъ исключительно представлено право вы-
водить заключенія и толковать по своему содержаніе пред-
ложенныхъ имъ разсказовъ. Нужно-ли обличать слабость и
несостоятельность такихъ понятій въ наукѣ? Блестящій
успѣхъ повѣствовательной школы, при первомъ ея появле-
ніи, не могъ быть продолжительнымъ, и объясняется вре-
меннымъ настроеніемъ пресыщеннаго теоріями общества.
Возьмемъ въ примѣръ „Исторію герцоговъ Бургундскихъ“
Баранта, до сихъ поръ не утратившую своей быстро завое-
ванной славы. Главное достоинство этой книги заключается
въ выборѣ авторомъ предмета, исполненнаго драматической
занимательности и превосходно переданнаго намъ такими со-
временными писателями, каковы были Фроассаръ, Монтреле,
Коминъ и другіе. Заслуга Баранта болѣе литературная, не-
жели ученая. Онъ переложилъ на новый французскій языкъ
памятники XIV и XV столѣтій, дотолѣ извѣстныя только не-
большому числу читателей. Но связанный добровольно нало-
женными на себя условіями, историкъ не сталъ выше источ-
никовъ и самъ отнялъ у себя возможность раскрыть намъ
настоящее значеніе событій, рѣзко характеризующихъ пере-
ходное время отъ средневѣковой къ новой исторіи. Его со-
чиненіе представляетъ весьма любопытное явленіе въ сферѣ
литературной, но оно ничего не прибавило къ дѣйстви-
тельнымъ богатствамъ науки и ни въ какомъ отношеніи не по-
двинуло ея впередъ. Еще съ меньшимъ успѣхомъ и пользою
могутъ быть приемы повѣствовательной школы прилагаемы
къ большимъ отдѣламъ не только всеобщей, но даже исторіи
отдѣльныхъ народовъ. Какая возможность пересказать сло-
вами источниковъ событія, наполняющія собою нѣсколько
столѣтій? И нѣтъ-ли въ такомъ направленіи явнаго проти-
ворѣчія дѣйствительнымъ цѣлямъ науки, имѣющей понять
и передать въ сжатомъ изложеніи внутреннюю истину вол-
нующихся въ безконечномъ разнообразіи явленій?

Ни одно изъ исчисленныхъ нами воззрѣній на исторію не могло привести къ точному методу, недостатокъ котораго въ ней такъ очевиденъ. Усовершенствованный, или лучше сказать, созданный Нибуромъ способъ критики приносить величайшую пользу при разработкѣ источниковъ извѣстнаго рода, но отнюдь не удовлетворяетъ потребностямъ приложеннаго къ полному составу науки методѣ. Въ этомъ случаѣ исторія опять должна обратиться къ естественнѣйшему и заимствовать у него свойственный ему способъ изслѣдованія. Начало уже сдѣлано въ открытыхъ законахъ исторической аналогіи. Остается идти далѣе на этомъ пути, раздвигая по возможности тѣсныя предѣлы, въ которыхъ до настоящаго времени заключена была наша наука. У исторіи двѣ стороны: въ одномъ является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой—независимыя отъ него данныя природою, условія его дѣятельности. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодействіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основанныхъ на началѣ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія. Въ разсматриваемомъ нами вопросѣ статистика опередила исторію. „Въ противоположность принятымъ мнѣніямъ, говоритъ Кетлѣ, факты общественныя, опредѣляемые свободнымъ произволомъ человѣка, совершаются съ большею правильностью, нежели факты, подверженные простому дѣйствію физическихъ причинъ. Исходя изъ этого основнаго начала, можно сказать, что нравственная статистика должна отнынѣ занять мѣсто въ ряду опытныхъ наукъ“ *). Мы не въ правѣ сказать того же объ исторіи. Пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытною наукою.

Я имѣлъ уже честь указать вамъ, Мм. Гг., на различія цѣлей древней и новой исторіографіи. Отказываясь отъ притязаній на то совершенство формы, которое у пародовъ классическаго міра было слѣдствіемъ исключительныхъ, существующихъ болѣе условій, современный намъ историкъ не можетъ однако отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Вопросъ о томъ, какого рода должно быть это вліяніе, тѣсно связанъ съ вопросомъ о пользѣ исторіи вообще. Отвѣтъ на послѣдній

*) Du système social et des lois qui le régissent, стр. X.

представляет большія трудности, потому что исторія не принадлежит ни къ числу чисто теоретическихъ знаній, имѣющихъ задачею привести въ ясность лежащія въ глубинѣ нашего духа истины, ни къ прикладнымъ, которыхъ польза не требуетъ доказательствъ. Очевидно, что практическое значеніе исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни, не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ. Къ тому-же однообразная игра страстей и заблужденій, искажающихъ судьбу народовъ, привела многихъ къ заключенію, что историческіе опыты проходятъ безплодно, не оставляя поучительнаго слѣда въ памяти человѣческой. Высказавъ эту мысль, какъ безусловную истину, Гегель *) вызвалъ противъ нея много нелишенныхъ справедливости возраженій. Конечно, ни народы, ни ихъ вожди не овѣряютъ поступковъ своихъ съ учебниками всеобщей исторіи и не ищутъ въ ней примѣровъ и указаній для своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать въ самыхъ массахъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ. Въ лицахъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, этотъ смыслъ переходитъ, по необходимости, въ отчетливое сознаніе отношеній, существующихъ между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей. Надобно съ другой стороны признаться, что всеобщая исторія въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается, не въ состояніи сильно дѣйствовать на общественное мнѣніе и быть для него источникомъ прочнаго назиданія. Слѣдуетъ-ли изъ этого заключать, что недостатки, нами отчасти указанные, останутся ея вѣчной принадлежностью, что ея успѣхи будутъ стоять только во внѣшнемъ накопленіи фактовъ, и что изъ всѣхъ наукъ одна она утратила способность живаго движенія и органическаго развитія?

Приведенныя нами выше слова Кетлѣ о статистикѣ современемъ получатъ приложеніе и къ нашей наукѣ. Ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ-же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли въкорне и вредные предрасудки, затмевавшіе взглядъ чело-вѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе исторіи-

*) Во введеніи къ Философіи исторіи, стр. 9.

ческих законовъ приведетъ къ результатамъ такого-я рода. Оно положить конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличить ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлям поставленными человѣку Провидѣніемъ. Исторія сдѣлаетъ въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодѣйствіи. „Исторія, — говоритъ американецъ Эмерсонъ, — долго будетъ безплодною книгою. Она воплотится въ кадомъ разумномъ и правдивомъ человѣкѣ. Вы не станете болѣе исчислять заглавія и каталоги прочитанныхъ вами книгъ, а дадите мнѣ почувствовать, какіе періоды пережили вы. Каждый изъ насъ долженъ обратиться въ полнхрамъ славы. Онъ долженъ носить въ себѣ допотопный міръ золотой вѣкъ, яблоко знанія, походъ Аргонавтовъ, призваніе Авраама, построеніе храма, начало христіанства, Средній вѣкъ, возрожденіе наукъ, Реформацію, открытіе новыхъ земель, возникновеніе новыхъ знаній и новыхъ народовъ. Надобно, однимъ словомъ, чтобы исторія слилась съ біографіею самаго читателя, превратилась въ его личное восминаніе. Міръ, — продолжаетъ тотъ-же писатель: — существуетъ для нашего воспитанія. Нѣтъ возраста или состоянія общества, нѣтъ образа дѣйствія въ исторіи, которые не соответствовали-бы чему-нибудь въ жизни отдѣльнаго лица. Каждый фактъ сокращается и уступаетъ намъ часть своей сущности. Человѣкъ долженъ понять, что онъ можетъ жить всею жизнью исторіи. Ему слѣдуетъ только измѣнить точку зрѣнія, съ какой обыкновенно смотрятъ на минувшее отнести къ самому себѣ исторію Рима, Аѳинъ и Лондона и не забывать, что онъ верховный судъ, передъ которымъ рѣшаются тяжбы народовъ. Онъ долженъ достигнуть устоять на той высотѣ, гдѣ раскрывается сокровенный смыслъ событій, гдѣ сливаются поэзія и быль. Потребность разума и цѣль природы выражаются въ томъ употребленіи, каковы мы дѣлаемъ изъ самыхъ знаменитыхъ историческихъ рассказовъ. Рѣзкія очертанія событій распускаются въ вѣчно свѣтѣ времени. Нѣтъ якорей, канатовъ или оградъ, которые были-бы въ состояніи навсегда удержать фактъ на степе факта. Вавилонъ, Троя, Тиръ, даже первобытный Римъ, уперши въ область вымысловъ. Но внутренній смыслъ содержаніе этихъ явленій живутъ во мнѣ, и я нахожу

себѣ самомъ Палестину, Грецію, Италію, духъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ“.

Даже въ настоящемъ, далеко несовершенномъ видѣ своемъ, всеобщая исторія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрять дѣла отжившихъ столѣтій. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть великій припрититель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ историческомъ проступкѣ, она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто-бы ни былъ — цѣлый народъ или отдѣльное лицо. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноземникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшного предъ судомъ современниковъ сердца, таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство. Такое воззрѣніе не можетъ служить къ ущербу строгой справедливости приговоровъ, ибо оно требуетъ не оправданій, а объясненій, обращается къ самимъ лицамъ, а не къ подлежащимъ сужденію дѣламъ ихъ. Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствію исторіи на общественное мнѣніе, заключается въ пренебреженіи, какое историки обыкновенно оказываютъ къ большинству читателей. Они, повидимому, пишутъ только для ученыхъ, какъ-будто исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, говорящая къ себѣ всѣхъ и cadaго. Къ счастью, узкія понятія о мнимомъ достоинствѣ науки, унижающей себя извѣстномъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, возмущаются въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ кабинетовъ, не свойственны русскому уму, любящему свѣтъ и исторію. Цѣховая, гордая своею исключительностью наука, вправѣ разсчитывать на его сочувствіе. Здѣсь, разумѣется, не идетъ не о тѣхъ достойныхъ всякаго уваженія, но по своему содержанію своему — цихъ заниматель-

сти, частныхъ изслѣдованійхъ, безъ которыхъ не могла двигаться впередъ наука, хотя она употребляетъ ихъ дѣло только какъ матеріаль.

Превосходные труды, совершенные въ теченіи текуща столѣтія русскими учеными на поприщѣ отечественной исторіи, служатъ надежною порукою за ихъ успѣхи на болѣ обширномъ полѣ всеобщей исторіи. Особенныя условія, которыя Провидѣнію угодно было поставить нашу родину должны оказать могущественное содѣйствіе къ осуществленію высказанной нами надежды. Ясный отъ природы и спутанный вліяніемъ сложнаго, составившагося изъ борьбы враждебныхъ общественныхъ стихій историческаго развитіи русскаго человѣка приступитъ безъ заднихъ мыслей къ разбору преданій, съ которыми болѣе или менѣе связано личное дѣло каждаго европейца. Я говорю, въ этомъ случаѣ, не о томъ позорномъ и недостойномъ историка безстрастіи, въ которомъ видно только отсутствіе участія въ предмету разсказа, а о свободномъ отъ всякихъ предубѣжденій воззрѣніи на спорные историческіе вопросы. Тревожа, взволновавшія до дна западныя государства, отразились на понятіяхъ тамошнихъ народовъ и трудахъ историковъ, утихшихъ вѣру въ идею, замѣнившихъ ее нечестивымъ покровеніемъ факту. Скептицизмъ, отличительный признакъ сѣрѣющихъ, усталыхъ обществъ, не коснулся насъ. Мы сохранили свѣжесть сердца и теплоту пониманія, безъ которой нѣтъ великихъ подвиговъ ни въ сферѣ мысли, ни въ сферѣ дѣйствительности. Да не пройдутъ-же безплодно досуги, дарованные намъ благимъ Провидѣніемъ. Сорокъ вѣковъ съ тратъ на васъ съ вершинъ пирамидъ,—сказалъ въ Египтѣ Нелеонъ своимъ солдатамъ.—Мы также юные ратники на ветрохъ исторіи; съ вершинъ прошедшаго на насъ также смотритъ столѣтія, но смѣемъ думать, что мы прочтемъ въ ихъ очертаніи не то, что прочли въ нихъ войны французской республики.

Наука есть прихотливое растеніе. Она зрѣетъ не на какой почвѣ и требуетъ тщательнаго ухода за собою. Успѣшнаго роста даны ей у насъ Державнымъ покровомъ русскаго просвѣщенія. Нужно-ли вычислять памятникъ всѣмъ намъ великія дѣла, совершенныя на этомъ поприщѣ въ правленіе императора Николая? Но русскій профессоръ исторіи не можетъ не помянуть съ благоговѣнною притворностью о царственномъ участіи въ судьбахъ его на столь величаво выраженномъ въ милостяхъ, оказанныхъ творцу исторіи государства Россійскаго и въ дарованномъ русскому народу памятникахъ его прошедшей жизни.

Океанія и ея жители.

Покойный Т. Н. Грановскій много читалъ, много работалъ въ своемъ кабинетѣ, но мало писалъ для публики. Онъ былъ очень строгъ къ своимъ работамъ. Тѣмъ дороже для насъ каждая его строка, уцѣлѣвшая въ напечатаніи, тѣмъ больше цѣны получаютъ въ нашихъ глазахъ сдѣланныя имъ со словъ его записки. Со временемъ мы надѣемся сообщить нашимъ читателямъ выдержки изъ его лекцій, записанныхъ его слушателями. На этотъ разъ передаемъ публикѣ извѣстное лишь весьма немногимъ лицамъ чтеніе Грановскаго объ Океаніи. Два слова о происхожденіи этой замѣчательной статьи, неожиданной даже для многихъ друзей Грановскаго. Грановскій любилъ брать свой предметъ широко и часто ширше въ сосѣдственныя съ нимъ области, всегда сохраняя впрочемъ историческую точку зрѣнія. Такимъ образомъ, въ памяти и мысли его являлся обильный матеріалъ, которому часто вовсе не находилось мѣста въ университетскомъ курсѣ. Но по необыкновенной общительности своей природы, онъ любилъ передавать свои мысли и воззрѣнія самымъ близкимъ къ нему лицамъ и для того избиралъ также любимую имъ форму лекцій. Такъ, лѣтомъ 1852 года, находясь въ селѣ Рубанкѣ, онъ дожилъ бывшимъ съ нимъ друзьямъ чтенія объ Океаніи, въ которомъ думалъ изложить результаты своихъ размышленій о судьбахъ малочисленнаго, заброшеннаго племени, составляющаго ея народонаселеніе. Изъ этихъ чтеній было записано г. Фроловымъ и просмотрѣно имъ авторомъ. Предупреждаемъ читателя; пусть не ищетъ онъ здѣсь изящной формы, которую Грановскій обыкновенно приносилъ на публичныя лекціи. Чтеніе объ Океаніи, назначенное для небольшого круга знакомыхъ лицъ, замѣчательно именно своею простотою, безыскусственностью, при новостяхъ и оригинальности воззрѣнія на предметъ. Въ отдаленную область ни увлекался Грановскій своими занятіями, онъ всегда и вездѣ оставался неизмѣнно вѣренъ своему призванію (примѣчаніе *).

Я буду говорить объ Океаніи. Вамъ извѣстно, что подъ этимъ именемъ разумѣются группы острововъ, лежащихъ между Азіей, Америкой и Новой Голландіей. Между этими группами самые большіе: на сѣверѣ—Сандвичевы острова, на югѣ—Новая Зеландія; прочіе острова не велики. При щедрюю рукою разсыпала здѣсь все, что нужно человечеству; хотя формы растительности не разнообразны, но онѣ

* Примѣчаніе редакціи „Русскаго Вѣстника“ 1856 г.

исполнѣ удовлетворяють его непосредственнымъ потребностямъ. Куки могъ справедливо сказать, что островитянинъ посадившій въ жизнь свою только десять хлѣбныхъ деревьевъ, совершилъ такой-же подвигъ относительно своего семейства и потомства, какой совершаетъ европеецъ, трудящійся цѣлую жизнь надъ воздѣлываніемъ зерноваго хлѣба.

Острова Океаніи были почти неизвѣстны до половины прошлаго вѣка. Немногіе смѣлые моряки касались ихъ. Ходили только смутныя слухи и басни о жестокостяхъ и людоедствѣ племенъ, населявшихъ эти острова. Точныя и положительныя свѣдѣнія получены о нихъ только съ временъ Кука, изслѣдовавшаго ихъ во время троекратныхъ путешествій своихъ вокругъ свѣта (съ 1769 года по 1779 и погибшаго на Сандвичевыхъ островахъ). Слѣдовательно прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ, какъ Океанія описана обстоятельно и сдѣлалась достояніемъ науки.

Важныя перемѣны произошли съ тѣхъ поръ. На тѣхъ же самыхъ Сандвичевыхъ островахъ, на которыхъ Куки въ 73-мъ году былъ принятъ за бога и получилъ божескія почести, а потомъ, въ 79-мъ, палъ жертвою своей любви и знательности, а отчасти и жестокаго обращенія съ туземцами на этихъ островахъ находится теперь европейское населеніе, крѣпости, гавань Гонолулу, производится торговля съ Китаемъ и Европой, введены парламентскія формы правленія и идетъ рѣчь о присоединеніи ихъ къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Изъ многочисленныхъ разсказовъ разныхъ путешественниковъ и мореплавателей, посѣщавшихъ Океанію, можно вывести два противоположныя заключенія о нравѣ ея жителей. По мнѣнію однихъ, жители острововъ Товарищества и Маркизскихъ являются кроткими, добродушными, счастливыми и неиспорченными; если-же оказалась порча, то она произошла отъ вліянія англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, играющихъ тамъ весьма важную роль. Другіе же описываютъ ихъ самыми черными красками—развратными, жестокими, погруженными во всѣ пороки. Чрезвычайно трудно примирить эти противоположныя воззрѣнія; это будетъ возможно тогда только, когда мы вникнемъ въ источники этихъ противорѣчій. Извѣстія самыя выгодныя для нравственности жителей всѣ исходятъ отъ мореплавателей. Понятно, что эти смѣлые люди, открывавшіе одинъ островъ за другимъ цѣною безчисленныхъ опасностей, находившіе наслажденіе въ отдыхѣ посреди роскошной природы и населенія, въ самомъ дѣлѣ добродушнаго, и не имѣли нужды близко всматриваться въ ихъ нравы; островитяне приносили

съ кокосовые орѣхи, плоды хлѣбнаго дерева, довольствуясь въ началѣ весьма малымъ вознагражденіемъ; молодые офицеры и матросы пользовались здѣсь еще наслажденіемъ другого рода: островитянки отличались красотой и большою исходительностью. Съ этой стороны извѣстны роскошныя писанія мореходцевъ. Самъ строгій Кукъ увлекся и съ торгомъ говорить объ Отаити; другой знаменитый мореплаватель, Бугенвиль, назвалъ этотъ островъ Новою Цитерой. Кѣмъ всѣхъ утвердилъ это понятіе извѣстный натуралистъ Рейнгольдъ Форстеръ, сопутствовавшій Куку, вмѣстѣ съ именитымъ сыномъ своимъ Георгомъ Форстеромъ, въ его просвѣтномъ путешествіи. Почему Рейнгольдъ Форстеръ отрѣлся на Океанію съ идиллической точки зрѣнія и отступилъ отъ своихъ привычекъ строгаго наблюденія? Это легко объяснить идеями XVIII столѣтія. Европейское общество начинало въ то время разлагаться. Оба Форстера принадлежали къ числу нововводителей и радикаловъ, противопоставлявшихъ испорченности образованнаго общества идеальное близкомъ къ природѣ бытіе. Вотъ почему обоимъ Форстерамъ бытіе островитянъ Океаніи показался съ самой выгодной стороны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если-бы кто посѣтилъ ихъ, то оставилъ-бы еще болѣе восторженное описаніе.

Извѣстія, противоположныя этимъ идиллическимъ описаніямъ, шли отъ англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, послѣ мореходцевъ явившихся здѣсь для проповѣдыванія слова Божія. Боровшись съ такими-же трудностями и преодолевая, быть можетъ, большія препятствія, они увидѣли картину съ другой стороны. Они нашли народъ, погруженный въ грубые пороки, происходящіе отъ разложенія какъ общественныхъ и нравственныхъ понятій, живущій исключительно чувственною жизнью, съ которою миссіонеры не могли вести брань. Этимъ объясняются противорѣчивыя писанія мореплавателей, натуралистовъ и миссіонеровъ. Ограничиваясь описаніемъ быта жителей Океаніи въ моментъ открытія этихъ острововъ европейцами, мы находимъ въ немъ весьма красивое, далеко не лишенное дарованій, назаніе. Оно пришло сюда вѣроятно съ запада, съ великихъ азіатскихъ острововъ Явы, Суматры и другихъ, и разсѣяно по великому пространству Океаніи, представляетъ удивительное однообразіе въ языкѣ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Рейнгольдъ Форстеръ даже думалъ, что здѣсь былъ когда-то материкъ, раздробленный какимъ-то земнымъ переворотомъ, и что изъ обломковъ этого материка образъ

настоящіе острова Океаніи. Сходство между ея жителямъ объясняется ихъ одинаковымъ происхожденіемъ отъ малайскаго племени, заселившаго ихъ съ запада, съ острововъ Индійскаго моря.

Первые европейскіе путешественники XVIII столѣтія нашла это народонаселеніе въ такомъ положеніи, которое заставляетъ насъ думать, что оно и тогда находилось въ порѣ совершеннаго распаденія. Разсмотримъ ближе общественный бытъ тогдашняго времени. Во-первыхъ, религія уже не была согрѣваема внутреннею жизнью; мы видимъ одни остатки и развалины старыхъ вѣрованій; язычество потеряло отъ времени свою крѣпость. Можно предполагать, что была нѣкогда одна общая религіозная система въ Океаніи, но число общихъ боговъ непрерывно уменьшалось. Европейцы нашли уже не болѣе пяти боговъ, которымъ поклонялись на томъ или другомъ островѣ. Такъ память о предметѣ поклоненія, очевидно, стиралась и исчезала. За возникала другая, страшная—религія, поклоненіе людямъ.

Замѣтимъ сперва, что нигдѣ не было болѣе рѣзкаго раздѣленія сословій, какъ въ Океаніи. Это раздѣленіе перешло въ религію. Всѣ цари, даже лица, принадлежавшія къ высшему сословию, обоготворялись, но не по смерти, какъ это было въ древнемъ мірѣ, напримѣръ, въ Римѣ. Здѣсь каждый царь былъ богъ при жизни; ему приносили жертвы и поклонялись, какъ божеству, за-живо; когда онъ умиралъ, его причисляли къ богамъ. То-же было съ каждымъ членомъ его двора. Такимъ образомъ, эти новые боги вытѣсняли прежнихъ мифологическихъ боговъ и разрушали святыни прежней религіи. Каждый островъ имѣлъ своихъ новыхъ боговъ; народная память не хранила старыхъ; немудрено, что островитяне жаловались прибывшимъ европейцамъ, то, что они не могутъ исполнять обрядовъ своей религіи, не могутъ запомнить боговъ своихъ.

Всякая религія связана съ понятіями о вѣчной жизни. Вѣчное бытіе для островитянъ выражалось въ слѣдующихъ представленіяхъ. Когда умиралъ кто-нибудь изъ тѣхъ, которые пользовались божескими почестями при жизни, сей, то боги съѣдали тѣло его, духъ-же освобождался, былъ трижды пожиралъ высшими богами и, послѣ троекратнаго пребыванія во чревѣ ихъ, становился богомъ. Высшія божества очищали этимъ божества низшаго разряда. Имѣли простой народъ какія-нибудь понятія о загробной жизни намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что они думали, что умный простолюдинъ блуждалъ около своего жилища и бы.

пожираемъ богами. Эта черта бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на шловодство, существовавшее на островахъ Океаніи, гдѣ оно шло какъ-бы освящено религіозными представленіями. Хра-ювъ не было. На нѣкоторыхъ островахъ найдены разва-ини зданій, служившихъ кладбищами. Это были огромныя ражденныя мѣста подъ открытымъ небомъ, имѣвшія бо-е или менѣе важное значеніе на различныхъ островахъ. имѣтимъ еще, что когда царь или одинъ изъ его вель-ратъ принималъ произвольно какое-нибудь названіе, то это ово выбрасывалось изъ народнаго языка, и никто не смѣлъ оизносить его. Истребленное слово замѣнялось вымыш-еннымъ.

Въ связи съ религіею находится не только въ Океаніи, н за предѣлами ея обычай *табу*. Подъ этимъ именемъ рѣшается, собственно, запрещеніе, заклятіе, но оно имѣетъ рѣхъ того болѣе глубокое значеніе, представляя нѣчто священное, божественное. Божественная сущность бже-шихъ лицъ переносится на внѣшній предметъ и дѣлаетъ о неприкосновеннымъ. Такъ, короли могли сообщать бо-ественное значеніе любому предмету. Если король вхо-тъ въ какой-нибудь домъ, то онъ становился „табу“ и лался его принадлежностью. Король могъ налагать „табу“ все; вельможи дѣлали то-же самое, съ тою разницею, о король могъ снимать „табу“, наложенное вельможами, о на оборотъ, и „табу“ высшихъ лицъ тяготѣло надъ шними. Этотъ обычай имѣлъ самое ошутительное и бѣд-енное вліяніе на весь бытъ жителей Океаніи. Король ть богъ, аристократы были боги; простому-же человѣку рѣйти изъ одного класса въ другой не было никакой ожности. Но такая страшная власть королей налагать все „табу“ была ограничена оппозиціей аристократіи. оли могли присвоивать себѣ лучшіе участки земли, про-ца по нимъ; аристократія, чтобы препятствовать коро-мъ касаться земли, носила ихъ. Точно также, для того оы короли не входили въ дома и не дѣлали ихъ своео-венностью, имъ устраивали подвижные дома, такъ что о переносясь съ одного мѣста на другое, всегда находи-тъ у себя. Аристократія-же пользовалась для своихъ вы-тъ страшнымъ правомъ „табу“; она накладывала его на ѣстные съѣстные припасы, на плоды кокосоваго, хлѣб-о дерева, и простой народъ не смѣлъ касаться ихъ. шая рыбная ловля была „табу“; оно распространялось о женщинъ, которыя не могли употреблять ту-же пищу, о мужчины. Нѣкоторыя работы, какъ, напримѣръ построе-

ніе военныхъ судовъ, употребленіе большихъ сѣтей для ловли, подвергались „табу“. Иногда-же „табу“, отчуждающій родъ отъ всѣхъ благъ и предоставлявшее ихъ однимъ шимъ сословіямъ, обращалось въ полезную полицейскую во время голода „табу“ налагалось на извѣстныя предѣлы незрѣлые плоды; такъ, въ Новой Зеландіи жатва, не съ поля, подвергалась „табу“. Нѣкоторые реформаторы хотѣли воспользоваться этимъ обычаемъ, употребляя ихъ политическихъ цѣлей орудіе всѣхъ бѣдствій на многочисленныхъ злоупотребленій.

Переходя отъ религіи къ политическому быту, находимъ совершенное распаденіе прежняго лучшаго ряда вещей. Европейцы застали въ Океаніи мѣстныхъ формы правленія, уже ограниченныя властью кратіи, которая всѣми силами старалась оградить себя королевскаго „табу“. Цари имѣли свои участки и неограниченную власть надъ извѣстнаго рода предѣлами Острова раздѣлялись на участки, во главѣ которыхъ являлась аристократія. Эти участки подраздѣлялись и на низшему дворянству; простой народъ не имѣлъ собственности, и въ силу „табу“ пользовался только общими рыбами и сѣтными произведеніями земли, на высшій классъ, какъ на существа великія и божественныя, на основаніи религіозныхъ вѣрованій рѣзко отличаясь отъ него какъ на землѣ, такъ и за гробомъ. Споръ былъ бесполезенъ, и народъ покорялся своей безропотности и совершенно спокойно. Европейскія идеи проникнуть сюда только съ новыми потребностями, и здѣсь развились въ прежнемъ порядкѣ вещей въ формахъ монархическаго правленія, образованія, патриархально по образцу семейства, видно было раздѣленіе между высшими сословіями, представлявшими сперва ближайшихъ родственниковъ царя, и самимъ существовала распря, и мало-по-малу на островахъ существовавшее обоготвореніе перешло на аристократію. Нисколько, какъ мы сказали, находились внѣ обществъ возникали новыя царственныя фамиліи. не собственно, но одна возлѣ другой, въ распряхъ и войнахъ раздѣляя землю на болѣе дробныя участки и пренебреженіи народа.

На одномъ изъ Маркизскихъ острововъ оставалось десять девять жителей и два царя, на другомъ семь и три царя. Но нигдѣ это раздробленіе не было велико, какъ на островахъ Товарищества и Новой Э

общество распалось на отдѣльныя семейства, существующія каждое подъ начальствомъ своего старѣйшаго. Исчезъ государственный союзъ, исчезло всякое связующее начало, всякое понятіе о правѣ. Одно и то-же преступленіе, наказуемое смертію въ одномъ мѣстѣ, оставалось безнаказаннымъ въ другомъ. Все зависѣло отъ произвола какого-нибудь сильнаго начальника.

Не только въ религіи и общественномъ бытѣ, но даже въ языкѣ существовали признаки страшнаго распадёнія, неизвѣстнаго и въ Америкѣ, гдѣ видна гибель цѣлыхъ породъ. Въ гениальномъ твореніи своемъ о Кави, священномъ языкѣ жителей Явы, Вильгельмъ Гумбольдтъ коснулся нѣтъ Океаніи, составляющихъ отрасль малаккскаго языка. Онъ вникнулъ въ процессъ одичанія и искаженія этихъ арѣчій не только въ грамматическомъ устройствѣ ихъ, но въ лексикальномъ. Глаголы потерялись, переставъ спрягаться для изображенія временъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; необходимо стало прибавлять частицы, отчего языкъ сдѣлался бѣднымъ. Въ самыхъ словахъ обнаруживаются слѣды изнѣженности и расслабленія; чѣмъ далѣе мы движемся на востокъ, тѣмъ мягче и дряблѣе становится языкъ, тѣмъ больше выброшено согласныхъ и тѣмъ многочисленнѣе гласныя. Цѣлыя слова исчезали, вслѣдствіе помянутого нами выше обычая не употреблять болѣе словъ, выбранныхъ для прозванія обоготворяемыми лицами; для заимствованія ихъ необходимо было выдумывать безпрестанно новыя; чрезъ это языкъ лишился всякаго органическаго развитія, органической связи. Здѣсь, кстати, можно упомянуть о заслугахъ миссіонеровъ, употребившихъ большое усиліе, чтобы изучить этотъ языкъ, составляя грамматики, лексиконы, азбуки и, переводя Священное Писаніе и другія книги; но такія усилія не могутъ спасти языка, искаженнаго въ своихъ основаніяхъ.

Это распадёніе религіи, государственныхъ учрежденій и языка, отозвалось въ остальныхъ сферахъ жизни, въ нравахъ и въ физическомъ бытѣ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ представить нѣсколько любопытныхъ данныхъ. Хотя трудно составить себѣ точное понятіе о числѣ жителей Океаніи, и нѣтъ сомнѣній, что Кукъ и Форстеръ преувеличили народонаселеніе этихъ острововъ, но нельзя не признать, что оно было значительнѣе, чѣмъ теперь. Изъ показаній моряковъ, ученыхъ, китолововъ, миссіонеровъ, можно предѣлать приблизительно число жителей, по крайней мѣрѣ, некоторыхъ острововъ. Изъ двухъ милліоновъ жителей, ко-

торыхъ насчитывали къ концу XVIII столѣтія, теперь считается едва 600.000. Есть острова, гдѣ вычисленіе точнѣе: такъ на Отаити, въ началѣ нынѣшняго вѣка, было до 100.000 жителей; въ тридцатыхъ годахъ полагалось до 17.000, а теперь считаютъ тамъ только 7.000. Это обстоятельство приписывали вліянію европейцевъ, принесшихъ будто-бы въ Океанію заразительныя болѣзни, употребленіе крѣпкихъ напитковъ и огнестрѣльное оружіе. Впрочемъ еще не рѣшено, не были-ли заразительныя болѣзни уже давно тамъ; множество кожныхъ болѣзней, сходственныхъ съ сифилитическими, получали отвратительный видъ; низшіе классы, въ особенности, подвергались имъ, лишенные одежды и всякихъ пособій въ этомъ жаркомъ и сыромъ климатѣ, не имѣя здоровыхъ жилищъ, питающіеся кореньями, морскими раками и только нѣкоторою рыбою, ибо „табу“ было наложено на лучшую пищу, принадлежавшую, какъ и всѣ блага земныя и удобства жизни, только высшимъ классамъ. Крѣпкіе напитки не играли здѣсь той роли, какую они играли въ Америкѣ; островитяне даже неохотно пили водку, имѣя свой крѣпкій напитокъ *ава*, приготовленный изъ туземныхъ растений и имѣющій болѣе крѣпости, чѣмъ самыя крѣпкія изъ нашихъ напитковъ. Также не могло дѣйствовать слишкомъ разрушительно и огнестрѣльное оружіе. Пренія войны островитянъ велись съ большимъ ожесточеніемъ. Ихъ рукопашныя бои кончались не иначе, какъ когда одна часть совершенно истребляла другую, а если и забирали плѣнныхъ такъ только для принесенія ихъ въ жертву. Вообще европейцы дѣйствовали здѣсь не такъ истребительно на туземцевъ, какъ въ Америкѣ, Новой Голландіи и Вандименовой Землѣ. Если-же европейцы и употребляли во зло свое превосходство въ Океаніи, то это были частные случаи; причины упадка народонаселенія лежали глубже, въ самомъ общественномъ порядкѣ Океаніи.

Это страшное разьединеніе между классами столь поразительно, что многіе пытались объяснить его различіемъ породъ, и Коцебу приписывалъ происхожденіе высшихъ сословій Сандвичевыхъ острововъ испанцамъ, потерпѣвшимъ здѣсь кораблекрушеніе. Мы видѣли, что аристократія, пользуясь большими удобствами жизни, могла сохранять свойство въ здоровьи, красотѣ и силѣ, никогда не смѣшиваясь кровью низшаго сословія, ибо ребенокъ, приживаемый лицами двухъ разныхъ сословій, предавался смерти.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, Ванкуверъ присутствовалъ въ Гаваи на праздникѣ, данномъ ему Капеамогой; на воен-

ныхъ играхъ сначала выступили воины низшаго класса и поразили моряка своею неловкостью; но, когда выступили воины высшаго сословія, то красота и ловкость ихъ такъ были изумительны, что нельзя было найти ничего общаго между первыми и вторыми. Это явленіе повторяется повсемѣстно, но ничто лучше не выражаетъ нравственнаго разпаденія этихъ острововъ, какъ общество Ареои (на островахъ Товарищества), замѣченное европейцами вскорѣ послѣ ихъ прибытія. Подозрительный союзъ этотъ показался сначала сходственнымъ съ масонскимъ. Онъ состоялъ изъ семи отдѣльныхъ классовъ; переходъ изъ одного класса въ другой былъ сопряженъ съ извѣстными церемоніями и обрядами; у этого общества были свои суда, знамена, своя татуировка и свои символическіе или масоническіе знаки. Цѣль-же его была самый дикій необузданный развратъ. Члены общества состояли изъ мужчинъ и женщинъ. Въ немъ исчезали всѣ понятія о бракѣ, родствѣ и сословіяхъ, и дѣти, происходящія отъ такого неограниченнаго смѣшенія половъ, были немедленно убиваемы. Такого кровожаднаго и ужаснаго разврата не видано было ни въ одномъ обществѣ, и, повторяемъ, ни въ чемъ не выразилось такъ сильно конечное разложеніе нравовъ. Хотя въ общество Ареои вступали болѣе лица высшаго сословія, но примѣръ его не остался безъ вліянія и на низшій классъ. Сначала дѣтоубійство совершалось по предписанію закона, для истребленія плода преступленія, совершеннаго лицами двухъ различныхъ сословій, но въ началѣ 19-го столѣтія оно вошло уже въ нравы, и родители убивали дѣтей своихъ просто для избавленія себя отъ труда воспитывать ихъ. Это могло содѣйствовать къ уменьшенію народонаселенія.

Всѣ изложенные нами факты, истекая изъ человѣческой воли и заблужденій, могли-бы быть, повидимому, исправимы, но надъ ними виситъ какой-то неумолимый законъ природы, видимо обрекающій на погибель это племя. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни общества Ареои и никакихъ другихъ очевидныхъ причинъ къ истребленію, оно уменьшается какъ-бы само собою. Въ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ замѣчается слѣдующее: на 100 мужчинъ приходится 75 или 80 женщинъ, а въ другихъ мѣстахъ на двухъ мужчинъ — одна женщина. На островахъ Сандвичевыхъ правительство старалось усилить народонаселеніе и положило извѣстныя льготы отцамъ семейства, имѣющимъ трехъ дѣтей: — что-же? Въ нѣкоторыхъ округахъ, съ 8-ю тысячами жителей, оказалось только по три семейства съ тремя дѣтьми. Большая часть браковъ были

бездѣтны. Туземцы будто предчувствуютъ предстоящую гибель ихъ племени. Одинъ вождь Новой Зеландіи говорилъ англійскому миссіонеру и путешественнику съ глубокою грустью и смиреніемъ: „Наше племя осуждено на смерть: бѣлый человѣкъ завладѣетъ нашими полями“. Этотъ законъ приходитъ въ исполненіе, ускользая отчасти отъ нашего пониманія.

Въ оправданіе миссіонеровъ замѣтимъ, что тамъ, гдѣ миссіи дѣятельнѣе, народонаселеніе остается на одной точкѣ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Остается рѣшить, остановитъ-ли христіанство упадокъ народонаселенія въ Океаніи? Во всякомъ случаѣ можно сказать, что связь съ европейцами внесла сюда новый источникъ жизни, которая необходимо должна развернуться подъ этимъ роскошнымъ небомъ; но спасетъ-ли она жителей Океаніи, не слишкомъ-ли опоздала эта помощь — трудно рѣшить. Пока остановимся на этомъ, и постараемся даѣе рассказать о первомъ столкновеніи европейцевъ съ туземцами, о распространеніи между ними христіанства, и представить характеристику океанскихъ народовъ.

О фізіологических признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи.

(Письмо В. Ф. Эдвардса къ Амедею Тьерри, автору исторіи галловъ.
переведенное и дополненное Т. Н. Грановскимъ.

Статья „О фізіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи“ переведена нами съ французскаго. Авторъ этой статьи, извѣстный натуралистъ В. Ф. Эдвардсъ издалъ ее въ 1829 году, въ видѣ письма къ Амедею Тьерри, по поводу книги послѣдняго объ исторіи галловъ. Не смотря на недостатки запутаннаго и не всегда яснаго изложенія, изслѣдованія Эдвардса обратили на себя общее вниманіе, ибо они показали впервые пользу, какую исторія и этнографія могутъ извлечь изъ естественныхъ наукъ вообще и изъ фізіологіи въ особенности. Эдвардсъ доказалъ, приложеніемъ своихъ началъ къ частному случаю, что, при рѣшеніи вопросовъ о происхожденіи и родствѣ народовъ, естествовѣдѣніе приводитъ къ тѣмъ-же результатамъ, какъ и исторія, съ тою только разницею, что данныя, сообщаемыя первымъ, обыкновенно отличаются бѣльшею точностью и опредѣленностью. Такимъ образомъ, предположенія Ам. Тьерри о раздѣленіи галльскаго племени на двѣ великія отрасли, нашли полное оправданіе и подтвержденіе въ трудахъ натуралиста. Статья Эдвардса перепечатана въ Запискахъ французскаго Этнологическаго общества, котораго онъ былъ предсѣдателемъ *). Передавая ее нашимъ читателямъ, мы считаемъ нужнымъ предпослать обзоръ основныхъ положеній Амедея Тьерри, на книгу котораго постоянно ссылается Эдвардсъ въ первой и главной половинѣ своихъ изслѣдованій.

По словамъ Цезаря, Галлія раздѣлялась на три части: въ южной, между Гароною и Пиринейскими горами, жили

*) Mémoires de la société ethnologique. T. I. 1841.

аквитанцы; въ средней—галлы, называвшіе себя кельтами; въ сѣверо-восточной, на востокъ отъ Сены и на сѣверъ отъ Марны, белги *). Страбонъ подтверждаетъ свидѣтельство Цезаря, но прибавляетъ, что владѣнія белговъ тянулись далѣе на сѣверо-западъ и занимали весь полуостровъ, лежащій между Сеною и Луарою. Аквитанцы болѣе походили языкомъ, наружностью и учрежденіями на иберовъ, чѣмъ на своихъ сѣверныхъ сосѣдей. У галловъ и белговъ Страбонъ находитъ общія имъ черты лица и вѣншіе признаки, которые онъ называетъ галльскими. Но въ языкѣ и учрежденіяхъ можно было замѣтить довольно значительное различіе **).

Основываясь на свидѣтельствахъ названныхъ нами писателей, изъ которыхъ одинъ былъ завоеватель Галліи и въ превосходномъ очеркѣ изобразилъ ея состояніе предъ переходомъ подъ римское владычество, а другой собралъ въ одно цѣлое и критически повѣрилъ всѣ прежнія извѣстія объ этомъ краѣ, Ам. Тьерри пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Древнѣйшее населеніе Галліи принадлежало къ двумъ большимъ породамъ: иберской и галльской. Аквитанцы и лигуры были иберы. Порода галльская занимала, кромѣ собственной Галліи, острова британскаго архипелага. Она раздѣлялась на двѣ вѣтви, представлявшія существенныя различія въ языкѣ, нравахъ и учрежденіяхъ. Первая отрасль поселилась въ Галліи и на островахъ британскихъ, до начала историческихъ временъ: древніе (т. е. греки и римляне) считали ее туземною или исконною владычицею той почвы, на которой ее застала исторія, и откуда она перешла въ Испанію, Италію и Иллирію. Въ Испаніи она образовала въ соединеніи съ иберами новый, смѣшанный народъ кельтиберовъ. Въ Италіи она явилась подъ именемъ Амбра или Омбра (правильнѣе *Amhra*—храбрый, благородный) и сообщила это названіе цѣлой области, Умбріи. Общее, родовое имя этой отрасли было галлъ, у римлянъ *Gallus*, у грековъ *Galas* и *Galatès*. Греки несправедливо называли иногда галловъ кельтами. Это имя, вошедшее теперь въ употребленіе въ наукѣ, принадлежало въ дѣйствительности только нѣсколькимъ племенамъ, вѣроятно составлявшимъ союзъ и жившимъ, по прямому свидѣтельству Страбона, къ сѣверу отъ Нарбоны, на западъ отъ Севенскихъ горъ. Слѣдовательно, оно было мѣстное и никакъ не должно быть принимаемо въ томъ обширномъ смыслѣ, какой давали ему греки и даютъ новѣйшіе писатели.

*) *De bello Gall. I. 1.*

**) *Strabo, lib. IV.*

Представителями второй отрасли, пришедшей въ западную Европу уже во времена историческія, были армориканцы и белги въ Галліи и ихъ выселенцы на островахъ британскихъ. Волки (Volcae) севенскіе и жившіе въ Герцинскомъ лѣсу были настоящіе белги *), равно какъ и тѣ хищныя дружины, которыя за 280 лѣтъ до Р. Х. разграбили Грецію и основали царство галатское въ Малой Азіи. Эта вѣтвь галльскаго племени (принимая слово „галльское“ въ обширнѣйшемъ, объемлющемъ обѣ отрасли значеніи) распространена была по всему пространству восточной Европы до прибытія германцевъ. Ее можно прослѣдить отъ Азовскаго и Чернаго морей до Ютландскаго полуострова. Арморика было названіе мѣстное, (ar—надъ, mîr—море); белгами назывались жившія въ сѣверо-восточной Галліи и составлявшія воинственный союзъ племена; общее имя всей вѣтви было кимвры, кимры или киммеріане. Кимры занимали сѣверныя и западныя части Галліи, восточныя и южныя Британіи; застигнутые ихъ двоякимъ нашествіемъ (въ 6 и 4 столѣтіяхъ до Р. Х.), галлы удержали за собою южныя и восточныя области въ Галліи, сѣверныя и западныя на островахъ британскихъ. (Histoire des Gaulois. Paris. 1844. T. I. Введение, стр. XCIII).

Господствовавшее прежде мнѣніе о германскомъ происхожденіи кимвровъ или кимровъ, не имѣетъ болѣе мѣста въ наукѣ. Оно равно опровергается историческими и филологическими свидѣтельствами. Всѣ новѣйшіе изслѣдователи приняли, съ болѣшими или мѣньшими измѣненіями въ частностяхъ, основныя положенія Ам. Тьерри. Нибуръ пришелъ собственнымъ путемъ къ сходнымъ результатамъ, но сохранилъ названіе кельтовъ, какъ общее обѣимъ отраслямъ: галльской и кимрской **). Изъ изданныхъ въ 1851 году Читеніи Нибура о географіи и этнографіи древняго міра ***)) видно, впрочемъ, что великій историкъ не допускалъ между языками галловъ и кимровъ того тѣснаго родства, которое теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Потомство кимровъ уцѣлѣло въ французской Бретани и

*) Hist. des Gaulois. T. I. LV. Тьерри приводитъ слѣдующія названія одного и того-же народа. Volcae. Volgae. Bolgae, Belgae. Замѣтимъ, что часть кимвровъ, къ которымъ принадлежало и племя или союзъ племенъ, извѣстный подъ именемъ белговъ, жила въ глубокой древности у береговъ Азовскаго моря, слѣдовательно, на нашей Волгѣ. Не отъ нихъ-ли получила рѣка свое названіе?

**) Römische Geschichte. T. II, стр. 575—95.

***)) Vorträge über alte Länder und Völkerkunde, стр. 631.

въ княжествѣ Валлисскомъ. Галлы живутъ до сихъ поръ въ Ирландіи и въ сѣверной Шотландіи. Но нравы и языки тѣхъ и другихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто нравамъ и языкамъ господствующихъ народовъ. Въ скоромъ времени на европейской почвѣ не останется болѣе живыхъ признаковъ породы, которую мы привыкли называть кельтическою. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, въ Корнваллисѣ умерла послѣдняя старуха, говорившая народнымъ нарѣчіемъ. Въ Бретани, по словамъ Ромье, бывшаго тамъ подпрефектомъ, французскій языкъ такъ быстро подвигается впередъ, что можно опредѣлить число миль, отнятыхъ имъ въ данный срокъ у туземнаго языка. Коль замѣтилъ такое-же явленіе въ сѣверной Шотландіи. Прибавимъ къ этимъ даннымъ, заставляющимъ предполагать скорое прекращеніе кельтической породы, постоянно возрастающее и неудержимое переселеніе ирландцевъ въ Америку, гдѣ они обыкновенно уже во второмъ поколѣніи теряютъ отличительные признаки своего племени. Въ настоящее время въ Европѣ остается не болѣе 4.500.000 человѣкъ, говорящихъ кельтическими нарѣчіями *).

Отмѣченныя цифрами примѣчанія принадлежатъ русскому переводчику и должны служить историческимъ комментариемъ къ изслѣдованіямъ Эдвардса.

Въ путешествіи, мною совершенномъ, я имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько наблюденій, которыя могутъ быть занимательными для васъ. Я объѣхалъ большую часть странъ, имѣющихъ отношеніе къ изданной вами исторіи, и старался повѣрить указанныя вами различія между галльскими племенами. Предлагаю вамъ теперь результаты моихъ изслѣдованій и нѣсколько замѣчаній, касающихся другихъ историческихъ вопросовъ. Моя попытка подкрѣпить или опровергнуть то, что вы вывели изъ историческихъ памятниковъ, посредствомъ наблюденія надъ настоящимъ состояніемъ народовъ, можетъ показаться странною. Кто-бы ни были древніе галлы, на какія-бы вѣтви они ни дѣлились, что общаго между ними и племенами, которыя занимаютъ нынѣ почву, нѣкогда имъ принадлежавшую? Какое дѣло исторіи до фізіологіи? Какой свѣтъ можетъ первая заимствовать отъ послѣдней? У меня давно родилась мысль, которую, вѣроятно, раздѣляютъ многіе другіе, что фізіологія можетъ служить

*) Kriekg, die Völker-Stämme und ihre Zweige nach den neuesten Ergebnissen der Ethnographie. Стр. 26.

большимъ пособіемъ для исторіи, и что онѣ такъ долго чуждались одна другой потому только, что ихъ отношенія не были изслѣдованы. Правда, что способъ изученія, который до нашего времени прилагался къ этимъ обѣимъ наукамъ, не могъ ихъ сблизить между собою и озарить одну свѣтомъ другой. Вашъ братъ проложилъ дорогу въ исторіи. Онъ указалъ на составныя части (англійскаго) народа *) и внимательно прослѣдилъ ихъ судьбы. Вы пошли по его слѣдамъ, но такъ какъ вамъ предстояло болѣе обширное поприще и болѣе сложная задача, вы должны были прибѣгнуть ко всѣмъ критическимъ методамъ. Такимъ образомъ, вамъ удалось различить въ путаницѣ временъ и писателей многія великія вѣтви того племени, котораго исторію вы пишете. Примѣты, посредствомъ которыхъ вы ихъ отличаете, взяты вами изъ вашей науки. Вы, слѣдовательно, признаете историческія породы, которыя могли существовать независимо отъ породъ, допускаемыхъ естествовѣдѣніемъ. Не стану отрицать у васъ этого права, потому что у всякой науки есть свои правила; но, слѣдуя этимъ правиламъ, вы пришли, кажется, къ тому же результату, котораго можно достигнуть посредствомъ другой науки. Посмотримъ теперь, при помощи какихъ заимствованныхъ изъ естествовѣдѣнія данныхъ намъ можно будетъ сойтись. Изученіе человѣка вошло недавно въ науку. Странно, что отдѣлъ, для насъ наиболѣе занимательный, до сихъ поръ наименѣе обращалъ на себя вниманія. Эта вѣтвь нашихъ знаній такъ нова, что основатель ея еще живъ. Знаменитый Блуменбахъ признаетъ въ человѣчествѣ пять породъ, подъ которыя, по его мнѣнію, можно подвести всѣ народы. Положивъ эти первыя основы, онъ оказалъ великую услугу. Но какой свѣтъ могли пролить на исторію эти немногія группы? Онѣ соотвѣтствуютъ приблизительно великимъ раздѣленіямъ земного шара, и каждая изъ нихъ содержитъ въ себѣ и соединяетъ слишкомъ много народовъ. Такое раздѣленіе рода человѣческаго на огромныя группы могло принести нѣкоторую, хотя ограниченную, пользу историку. Въ недавнемъ времени два натуралиста, гг. Демуленъ (Desmoulins) и Бори де С. Венсанъ **), значительно увеличили число этихъ группъ. Вы безъ сомнѣнія не будете осуждать ихъ, если указанные ими примѣры достаточно опредѣляютъ различіе народовъ между собою, и согласитесь, что чѣмъ болѣе раздѣленій, тѣмъ лучше для исторіи. Пре-

*) Въ знаменитомъ твореніи своемъ „Завоеваніе Англіи норманнами“.

**) Бори де-Венсанъ принимаетъ 15 породъ; Демуленъ—16.

доставите натуралистамъ спорить о названіяхъ родовъ, видовъ, видоизмѣненій или породъ и объ ихъ классификаціи. Вамъ нужно знать только, носятъ-ли на себѣ группы, составляющія родъ человѣческій, отличительные физическіе признаки, и до какой степени раздѣленія, утвержденныя исторією, согласны съ естественными. Вопросъ, какъ видите, очень сложный. Для васъ недостаточно существованіе такихъ группъ; надобно доказать, что онѣ всегда, или по крайней мѣрѣ во времена историческія, существовали въ одномъ и томъ-же видѣ. Если-бы послѣднее было доказано, то можно было-бы черпать изъ этого источника свѣдѣнія о родствѣ племенъ и восходить къ ихъ началу, не смотря на примѣси, входящія въ составъ народовъ. Таковъ вопросъ, взятый съ его общей стороны и уже изслѣдованный г. Демуленомъ. Но предметъ этотъ, по новизнѣ своей, нуждается въ повѣркѣ, и я объясню вамъ причины, заставляющія меня думать, что древніе народы могутъ быть узнаны въ новыхъ. Мнѣ необходимо прежде всего высказать мое мнѣніе, потомъ уже я перейду къ наблюденіямъ, занимательнымъ для васъ въ частности и касающимся другихъ историческихъ вопросовъ. Не скрою отъ васъ трудностей: ихъ очень много. Положимъ, что у всякаго народа есть особенныя, ему исключительно принадлежащія, физическія примѣты. Трудно, однако, допустить постоянное существованіе этихъ примѣтъ урезъ длинный рядъ вѣковъ, въ теченіи которыхъ самый народъ подвергается многочисленнымъ вліяніямъ, изъ которыхъ каждое способно измѣнить совершенно его фізіономію. Таковы, по общему мнѣнію, дѣйствіе климата на переселенцевъ, успѣхи или упадокъ образованности и смѣшеніе многихъ породъ. Но, кромѣ этихъ причинъ измѣненія, сколько народовъ было истреблено, сколько другихъ вытѣснено съ родной почвы. Какое впечатлѣніе выносимъ мы изъ чтенія исторіи, когда сравниваемъ древнія времена съ новыми? Чтѣ общаго между ними? Даже имена народовъ, нѣкогда славныхъ, исчезли за много вѣковъ до насъ; страны, ими заселенныя, приняли совсѣмъ иной видъ; прежній языкъ уступилъ мѣсто другому; только случайно уцѣлѣвшія развалины вызываютъ въ насъ воспоминаніе о древнихъ жителяхъ. Народъ перестаетъ существовать въ исторіи, утративъ свою независимость и политическую самостоятельность. Можно подумать, что въ политическихъ переворотахъ, также, какъ въ переворотахъ земного шара, исчезаютъ цѣлыя породы. Но новая, въ наше время возникшая, отрасль человѣческихъ знаній отрицаетъ эти ложные выводы. Болѣе основательное, сравнительное

наученіе языковъ открываетъ часто въ нынѣшнихъ языкахъ остатки древнихъ нарѣчій, изъ которыхъ они сложились, и на основаніи такихъ признаковъ показываетъ непрерывавшуюся, хотя до сихъ поръ незамѣченную, связь между древними и настоящими обитателями.

Но если древнія формы сохраняются въ новѣйшихъ языкахъ и обличаютъ ихъ происхожденіе, то можно-ли допустить болѣшую измѣнячивость въ формахъ нашего тѣла? Неужели черты нашихъ предковъ совершенно сгладились у насъ? Ужели климатъ измѣнилъ ихъ до того, что нельзя болѣе узнать первоначальнаго типа? Или виною этого явленія было смѣшеніе породъ? Въ какой степени образованность облагораживаетъ, упадокъ ея искажаетъ народныя черты? Можно-ли допустить, что цѣлые народы были истреблены, или вытѣснены изъ родины? Вопросы эти надобно разобрать, по очереди, переходя къ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе моего письма. Необходимо прежде всего доказать возможность этихъ наблюденій. Можетъ быть, доводы, убѣдившіе меня, послужатъ и къ вашему убѣжденію.

Мы посмотримъ на предложенные нами вопросы съ точки зрѣнія, съ которой на нихъ до сихъ поръ едва-ли смотрѣли. При оцѣнкѣ вліянія климата на формы тѣла, ихъ величину и другіе физическіе признаки, мы будемъ принимать въ соображеніе не недѣлимые, а цѣлыя массы. Намъ нужно знать постоянный образъ дѣйствія природы, но нѣтъ дѣла до того, что она производитъ въ необыкновенныхъ случаяхъ. Изслѣдованія наши не должны, впрочемъ, выходить изъ опредѣленнаго времени. потому что рѣчь идетъ о приложеніи законовъ природы къ исторіи. Чтобы познаться съ общими направленіями природы, ее слѣдуетъ изучать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Мы покажемъ теперь дѣйствіе климата на живыя существа, которыя наиболѣе отличаются отъ человѣка и наиболѣе подвержены измѣненіямъ.

Мы принимаемъ вліяніе климата въ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе часто употребляется, и разумѣмъ подъ нимъ соединеніе многихъ единовременно и сильно дѣйствующихъ причинъ. Эта уступка, сдѣланная нами обычаю, быть можетъ оправдается впоследствии.

Пересаженные растенія покрываются шипами и волосками или теряютъ ихъ; листья ихъ разрѣзываются; на цвѣтахъ измѣняются краски; число лепестковъ увеличивается; плоды получаютъ другой вкусъ; ростъ измѣняется сообразно съ свойствами ихъ новой родины. Нѣкоторыя растенія теряютъ

даже извѣстныя черты ихъ рода и семейства, такъ, напримеръ, цвѣты стаповятся полными или махровыми.

Они могутъ, слѣдовательно, глубоко измѣняться, но почти всегда сохраняютъ какія-нибудь изъ первоначальныхъ примѣтъ своихъ, напоминающія ихъ происхожденіе. Допустивъ даже небывалый, впрочемъ, фактъ совершеннаго перерожденія нѣкоторыхъ растений, большая часть при перемѣнѣ климата остаются тѣми-же, какими были до пересадки, и самый неопытный глазъ легко узнаетъ ихъ.

Призывая свидѣтельство растений въ пользу климатическихъ вліяній, мы допускаемъ самое сильное изъ возможныхъ доказательствъ; но въ то-же время открываемъ, до какой степени ограничено это вліяніе, простирающееся только на самую малую часть растений. Сколько есть такихъ, которыя, по перенесеніи ихъ въ отдаленную отъ родины землю, болѣютъ и умираютъ, сохраняя въ чистотѣ свои формы. Отсюда видно, что есть силы, съ такимъ напряженіемъ поддерживающія первоначальный типъ, что онъ гибнетъ, но не поддается перемѣнамъ, которыя стремятся произвести въ немъ внѣшніе дѣятели. Приводя такіе, основанные на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ, факты, я считаю долгомъ сослаться на мнѣнія другихъ, заслуживающихъ полное довѣріе, ученыхъ. Я подвергалъ эти факты суду извѣстныхъ ботаниковъ, изъ которыхъ многіе соединяютъ обширныя свѣдѣнія въ наукѣ съ личною, посредствомъ путешествій пріобрѣтенною, опытностію. Гг. Дефонтенъ, Декандоль, Мирбель, Бори де С. Венсанъ, Тюрпень согласны со мною.

Переходя отъ растений къ животнымъ, мы должны замѣтить, что человѣкъ въ состояніи слѣдить за переходомъ только тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ переводитъ съ собою. Посмотримъ прежде то, чтó намъ положительно извѣстно о ручныхъ или домашнихъ животныхъ. Здѣсь надобно строго отдѣлить дѣйствія климата отъ смѣшенія породъ и другихъ стороннихъ причинъ.

Самая рѣзкая перемѣна обнаруживается въ болѣе или менѣе густотѣ мѣха, который также становится мягче и жестче и мѣняетъ цвѣтъ по степени тепла или холода. Животныя тучнѣютъ или худѣютъ; ихъ дѣти (по переселеніи) нерѣдко отличаются отъ нихъ ростомъ; но развѣ формы ихъ тѣла и отношеніе членовъ измѣняются? Случайныя перемѣны такого рода происходятъ обыкновенно отъ увеличенія и убавленія жира или соковъ, наполняющихъ клетчатку. Костякъ остается тотъ-же и измѣняется только въ рѣдкихъ случаяхъ, иногда отъ болѣзней.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ измѣненій, животное отступаетъ отъ своего первообраза не далѣе, чѣмъ человѣкъ, когда онъ становится плѣшивъ, смугль или блѣденъ, дороденъ или худъ. Характеристическія черты, по которымъ его можно узнать, сохраняются почти всегда. Что касается до пересе-ляющихся животныхъ, то они мало подвергаются дѣйствіямъ климата, ибо ищутъ возможно ровной температуры.--Находя видоизмѣненіе породъ въ различныхъ климатахъ, мы приписываемъ это явленіе климату, но въ одной и той-же странѣ, подъ однимъ и тѣмъ-же небомъ, встрѣчаются часто многочисленныя видоизмѣненія одной породы. Есть, слѣдовательно, другія причины, которыхъ нельзя отнести къ климату, доколѣ опытъ не докажетъ намъ противнаго. Кромѣ того, сколько породъ общихъ многимъ странамъ, и которыхъ особи вездѣ похожи другъ на друга. Очевидно, что они могутъ мѣнять климатъ, не мѣняя формы. Не нужно доказывать, что генеалогія собаки, составленная Бюффономъ, совершенно произвольная. Она пользовалась довѣріемъ прежде, но наше время требуетъ доказательствъ болѣе строгихъ. Г. Демуленъ замѣтилъ, впрочемъ, что Бюффонъ самъ разрушилъ свою гипотезу, произведя въ послѣдствіи помѣсь отъ лисицы и волка.

Вотъ все, что я могъ сказать вамъ положительно въ то время, когда занимался этою частью моего предмета. Мнѣ казалось, что я достигъ до удовлетворительнаго результата, но такъ какъ путешественники не обращали на этотъ отдѣлъ должнаго вниманія, то у доводовъ моихъ не было тѣхъ яркихъ признаковъ истины, которые тотчасъ сообщаютъ полное убѣжденіе. Я присутствовалъ недавно въ Академіи Наукъ при чтеніи записки доктора Рулена (Roulin) объ измѣненіяхъ, которымъ подвергались домашнія животныя, переведенныя со стараго материка на новыѣ. Авторъ только что возвратился изъ Америки, гдѣ онъ провелъ шесть лѣтъ. Я зналъ, что онъ, по знаніямъ своимъ и наблюдательности, былъ въ состояніи рѣшить вопросъ. Мнѣ предстояло выслушать приговоръ надъ выводами, извлеченными мною изъ данныхъ, быть можетъ, неполныхъ, и потому вы можете судить о живомъ участіи, съ какимъ я слѣдилъ за чтеніемъ г. Рулена. Мнѣнія мои были вполнѣ подтверждены. Животныя, перенесенныя въ Америку, испытали только тѣ незначительныя перемѣны, о которыхъ я упомянулъ выше, по поводу дѣйствій климата.

Сказанное нами о животныхъ прилагается еще въ болѣе-шей степени къ человѣку. Переходя съ юга на сѣверъ, онъ находитъ въ своей изобрѣтательности безчисленныя сред-

ства противъ стужи. Можно сказать, что онъ нос собою свой климатъ. Въ лапонской хижинѣ такъ-же какъ въ Сири; если-бы человѣкъ могъ такъ-же ос какъ онъ нагрѣваетъ атмосферу, перемѣна климата ствовала-бы на него вовсе, но условія его жизни (въ такомъ случаѣ искусственныя. Зато страсти, не нья съ человѣкомъ, часто возвращаютъ его природѣ рушаютъ соображенія его разума: къ тому-же механ искусства еще не сдѣлались удѣломъ всѣхъ наро даже у самыхъ просвѣщенныхъ значительная часть нія плохо снабжена средствами, защищающими отъ ныхъ вліяній погоды. Надобно, однако, замѣтить, ч всѣхъ этихъ ограниченій и на всѣхъ ступеняхъ общ наго развитія, человѣкъ лучше всякаго животнаго сить перемѣну климата, хотя дѣйствія этой причини ваются и на немъ.

Повѣрить наши замѣчанія не трудно, ибо фактов относящихся много, хотя мы охотнѣе прибѣгаемъ къ женію, чѣмъ къ дѣйствительности. Возьмемъ на уда сколько примѣровъ.

Почти отъ cadaго европейскаго народа отдѣлились которыя за нѣсколько вѣковъ до насъ поселились в гихъ странахъ свѣта. Многіе изъ этихъ колоній заняли о гдѣ, къ нимъ не могли присоединиться сторонніе пр и потому онѣ даютъ намъ полную возможность су дѣйствіи климата. Правда, что европейская кровь со лась болѣе или менѣе съ кровью негровъ-невольникс изъ этого смѣшенія образовалась особенная каста, но на себѣ явные признаки своего происхожденія, и к никакъ нельзя отнести къ бѣлой породѣ. Бѣлый чел давно живетъ у экватора, въ той крайней температур торая дѣйствуетъ на него сильнѣй всякой другой; но ышло? Англія, Франція, Испанія могутъ доселѣ узнать своихъ. Лица загорѣли и стали смуглѣе, наклоннос чувственнымъ наслажденіямъ и физическая лѣнь усил но черты не измѣнились. Порода не выродилась, и а скій, французскій или испанскій переселенецъ сохра отличительные признаки своихъ праотцевъ. Еслибъ кому-нибудь, при помощи особенно тонкой наблюд ности, и удалось подмѣтить отличительныя черты коло то оттѣнки, имъ замѣченные, должны быть до такоѣ пени неуловимы для большинства, что ихъ нельзя п мать къ соображенію въ вопросѣ, насъ занимающемъ.

Повторенныя наблюденія такого рода произвели на

глубокое впечатлѣніе и убѣдили меня, что народы одного происхожденія могутъ въ разныхъ полосахъ земли и въ продолженіе многихъ вѣковъ сохранять общій имъ первоначальный типъ. Съ другой стороны, истина эта не совсѣмъ очевидна, потому что у каждаго народа могутъ существовать нѣсколько недостаточно опредѣленныхъ типовъ. Сравненіе становится въ такихъ случаяхъ весьма трудно. Обращая большее вниманіе на отгѣнки, которыми различаются между собою эти типы, чѣмъ на общія имъ формы и пропорціи, можно даже вывести заключеніе совершенно противоположное нашему. Я приведу примѣръ, послѣ котораго не останется никакихъ сомнѣній. Еврейскій народъ разсѣянъ по всей Европѣ, черты его такъ рѣзко опредѣлены и такъ явственно извѣстны, что въ нихъ трудно ошибиться. Евреевъ можно считать за колонистовъ одной породы, поселившихся въ разныхъ странахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ они составляютъ часть населенія этихъ странъ. Тамъ, гдѣ правительство не оказывало имъ особенныхъ благодѣяній, но по крайней мѣрѣ не мѣшало имъ жить на одной почвѣ, дышать однимъ воздухомъ и грѣться на одномъ солнцѣ съ остальными своими подданными, они сохраняютъ свою религію, нравы, обычаи, почти никогда не вступаютъ въ родственныя связи съ народами, среди которыхъ разселены, и потому трудно найти условія болѣе благопріятныя для дѣятели дѣйствій климата. Оказывается, что климатъ не стѣряетъ въ нихъ особенностей, ихъ отличающихъ: они вездѣ похожи другъ на друга. Еврей англійскій, французскій, нѣмецкій, галіанскій, испанскій, португальскій остается евреемъ, при которыхъ мелкихъ частныхъ отгѣнкахъ, т. е. у него постоянно сохраняются тѣ-же характеристическія формы и пропорціи, изъ которыхъ складывается національный типъ. Такимъ образомъ, евреи, живущіе на разныхъ концахъ Европы, представляютъ болѣе сходства между собою, чѣмъ съ другими народами, и несмотря на продолжительное дѣйствіе свое, имѣютъ неизмѣнилъ въ нихъ только цвѣтъ лица, выраженіе можетъ быть еще что-нибудь, столь-же мало существенное. Произведенія италіанской живописи XVI вѣка, которыхъ предметы взяты изъ библейской исторіи, показываютъ, что тогдашніе евреи нимало не отличались отъ нынѣшнихъ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ Леонардо да-Винчи, который умѣлъ соединять съ выраженіемъ гдѣльныхъ лицъ общій національный характеръ. Остается вѣшить важный вопросъ о томъ, каковъ былъ первоначальный типъ еврейскаго народа, когда у нихъ еще была ро-

дина, и они не разсѣялись по лицу земли. Тогда можно будетъ оцѣнить дѣйствіе климата въ теченіе 17 вѣковъ, періода, составляющаго половину исторической жизни человѣчества. Можно-бы, конечно, довольствоваться и не столь значительнымъ отдѣломъ времени; но если вы возвысите ваши требованія и захотите знать черты еврейскаго народа въ древнѣйшую эпоху, т. е. за три тысячи лѣтъ до насъ, то у меня найдется готовый отвѣтъ.

Позвольте мнѣ рассказать вамъ теперь, по какому случаю я самъ пришелъ къ такому выводу. Я не надолго удалюсь отъ моего предмета. Читая сочиненіе доктора Причарда объ естественной исторіи человѣка, я нашелъ, что авторъ защищаетъ странное положеніе, что люди были первоначально черны, и что они бѣлѣютъ по мѣрѣ успѣховъ образованности. Книга г. Причарда очень любопытна и написана съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ ней показано, какъ цвѣтъ лица измѣняется у жителей одной и той-же страны, переходя отъ смуглаго низшихъ сословій къ свѣтлому, составляющему принадлежность богатаго и знатнаго класса. Факты, какъ видите, согласны съ предположеніемъ доктора Причарда; но съ другой стороны ихъ можно отнести къ другимъ явленіямъ, встрѣчающимся у народовъ, которыхъ исторія намъ вполне извѣстна. Между различными, на одной почвѣ живущими, народами существуетъ постепенность государства и образованія: черные повинуются желтымъ, и тѣ и другіе подчинены, хотя не въ равной степени, бѣлому человѣку. Изъ смѣшенія этихъ породъ происходятъ средніе оттѣнки, занимающіе въ обществѣ положенія среднія между ихъ родителями.

Въ числѣ фактовъ, приведенныхъ докторомъ Причардомъ, одинъ особенно обратилъ на себя мое вниманіе. Авторъ ссылается на греческаго писателя, который говоритъ прямо, что египтяне отличаются чернымъ цвѣтомъ кожи и курчавыми волосами ('). Мнѣ случилось быть въ то время въ Лондонѣ, гдѣ я встрѣтилъ доктора Ходжкина, молодого, весьма ученаго врача, нынѣ профессора патологической анатоміи, и доктора Нокса, глубокаго знатока сравнительной анатоміи, который во время своего пребыванія въ Африкѣ занимался изученіемъ черныхъ племенъ. Рассказавъ имъ о свидѣтельствѣ греческаго писателя, я предложилъ повѣрить это свидѣтельство не посредствомъ самаго текста, а при пособіи доступнаго намъ памятника, т. е. гробницы египетскаго царя, тогда бывшей въ Лондонѣ, и которую вы, вѣроятно, видѣли въ Парижѣ. Вамъ извѣстно, слѣдовательно, что на этой

гробницѣ находятся сдѣланныя во весь ростъ фигуры людей, изъ которыхъ большая часть должна принадлежать простому народу; цвѣтъ ихъ лица правда смуглый, но они не черны, и у нихъ нѣтъ курчавыхъ волосъ, какъ у негровъ. Послѣдніе признаки видны только у небольшого числа отдѣльныхъ фигуръ, очевидно представляющихъ еіюпскихъ негровъ. Въ сторонѣ находятся двѣ другія небольшія группы иноплемениковъ; въ одной изъ нихъ мы тотчасъ узнали евреевъ. Наканунѣ я встрѣтилъ нѣсколько жидовъ, гулявшихъ по лондонскимъ улицамъ. Мнѣ показалось, что я вижу ихъ портреты.

Полагаю, что соединенныхъ свидѣтельствъ гг. Ходжкина, Нокса и моего будетъ для васъ довольно. Я не искалъ другихъ доказательствъ, но, читая путешествіе въ Египетъ Бельцони (Belzoni), нашелъ при описаніи вышеупомянутой гробницы слѣдующія мѣста: „въ концѣ этого шествія можно отличить людей, принадлежащихъ къ тремъ народамъ, непохожимъ на остальные лица. Эти изображенія очевидно представляютъ евреевъ, еіюплянъ и персовъ“. (Путешествіе въ Египетъ и Нубію, т. I. стр. 389). Далѣе сказано: „можно узнать персовъ, евреевъ и еіюплянъ; первыхъ по одеждѣ, въ которой они всадъ являются на картинахъ, изображающихъ ихъ войны съ египтянами; еврсевъ по фізіономіи и цвѣту лица; еіюплянъ по цвѣту кожи и наряду“ (Ibid. 390).

Вотъ, слѣдовательно, цѣлый народъ, сохраняющій свой первоначальный обликъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ, занимающихъ почти все пространство историческаго періода. Въ первой половинѣ этого періода евреи испытали неслыханныя бѣдствія; во второй, они были разсѣяны по всѣмъ климатамъ, были гонимы, преданы поруганію и позору, образовали изъ себя касту паріевъ, отверженцевъ рода человѣческаго. Нельзя придумать соединенія обстоятельствъ, болѣе способныхъ глубоко измѣнить физическую организацію народа. Итакъ, природа человѣка, торжествующая надъ такими вліяніями, одарена значительною силою сопротивленія! Этотъ великій примѣръ можетъ быть принятъ за весьма точный опытъ, сдѣланный съ цѣлью опредѣлить дѣйствіе различныхъ климатовъ на формы и пропорціи человѣческаго тѣла въ теченіе историческихъ вѣковъ (?).

Мы не зайдемъ, впрочемъ, слишкомъ далеко въ заключенія нашихъ. Можетъ быть, не всѣ народы одарены одинаковою способностью сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ. Но допустивъ, что они не всегда съ равнымъ постоянствомъ удерживаютъ типъ свой, мы должны однако, при-

знать, что природа стремится къ такому постоянству, и что если-бы не было другихъ причинъ измѣненія, кромѣ климата, большая часть народовъ долго хранила-бы характеристическія черты своихъ предковъ.

Что значить климатъ въ сравненіи съ смѣшеніемъ породъ? Всѣ племена, которыхъ исторія намъ извѣстна, болѣе или менѣе испытали такія смѣшенія. Эта причина тѣмъ сильнѣе, что она дѣйствуетъ на внутреннюю организацію и потому условливаетъ первоначальное образованіе существъ и должна повидимому навсегда опредѣлять ихъ формы. Еслибы эта причина дѣйствовала безпрепятственно, она, можетъ быть, уничтожила-бы всѣ различія, но ей поставлены предѣлы, изъ которыхъ многіе очевидны. Достаточно назвать ихъ: различія кастъ и сословій, которыхъ происхожденіе часто восходитъ до различія породъ, образуютъ грани, защищаемыя строгостью законовъ, могуществомъ преданій и, кромѣ рѣдкихъ исключеній, неприступныя для большинства. Такія искусственныя разграниченія не переставали существовать у нѣкоторыхъ народовъ со дня ихъ выступленія на сцену міра; но такъ какъ созданныя человѣкомъ учрежденія рано или поздно уступаютъ дѣйствію времени, и означенныя нами выше раздѣленія подчинены общему закону перемѣны, то намъ должно составить себѣ понятіе о такомъ порядкѣ вещей, гдѣ стремленіямъ природы не противопоставлено никакихъ историческихъ преградъ. Изъ этого изслѣдованія мы выведемъ для себя путеводныя начала, зависящія отъ числительнаго отношенія приходящихъ въ соприкосновеніе породъ и отъ ихъ распредѣленія на общей имъ почвѣ.

Начнемъ съ количественныхъ отношеній, предполагая, что ничто не препятствуетъ смѣшенію крови. Здѣсь мы можемъ опредѣлительно сказать, какъ дѣйствуетъ природа въ тѣхъ случаяхъ, когда несоразмѣрность чиселъ очень велика: типъ меньшинства можетъ исчезнуть совершенно. Вотъ при какихъ условіяхъ и чрезъ сколько поколѣній обнаруживается этотъ фактъ. Домашнее животное соединяется съ другимъ, принадлежащимъ къ другой породѣ; помѣсь, отъ нихъ происходящая, соединяется потомъ, въ свою очередь, съ животнымъ одной изъ чистыхъ породъ, которымъ оно обязано своимъ существованіемъ; новый приплодъ будетъ ближе къ чистой породѣ, чѣмъ къ помѣси. Опыты такого рода повторяются до тѣхъ поръ, когда въ послѣднемъ рожденіи не возстановится совершенно типъ того изъ родоначальниковъ, который соединился съ помѣсями. Это случается обыкновенно

въ четвертомъ поколѣніи, иногда, впрочемъ, ранѣе или позже. Г. Жиру де Бюзаренгъ (Girou de Buzareingues) сообщилъ мнѣ, что бывають случаи, въ которыхъ подобный результатъ достигается только при тринадцатомъ рожденіи и, даже, позже. Такіе факты рѣдки, и какъ ни важны они для науки, мы не должны, однако, на нихъ останавливаться, ибо ищемъ правила, а не исключеній. Къ тому-же у насъ есть положительныя данныя, доказывающія владычество этого закона и надъ человѣческими породами. Признаки негра или бѣлаго стираются въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи, при тѣхъ условіяхъ, на которыя мы указали, говоря о домашнихъ животныхъ вообще. Отсюда не трудно, повидимому, вывести заключеніе, противорѣчащее тому, что было сказано нами о возможности открыть въ новыхъ народахъ черты другихъ, уже не существующихъ, но родственныхъ имъ народовъ. — Конечно, нельзя отыскать всѣхъ мелкихъ элементовъ, изъ которыхъ слагается племенной типъ, но когда дѣло идетъ о большихъ массахъ, вы увидите, что предлагаемый нами методъ значительно облегчаетъ изслѣдованіе. Положимъ, однако, что, при помощи преградъ, дѣлающихъ невозможнымъ всякое смѣшеніе, отдѣльные типы сохраняются въ чистотѣ своей. Ясно, что въ такомъ случаѣ меньшинство никакъ не можетъ изъяснить формы большаго числа. Это начало весьма важное, и намъ придется часто прилагать его къ дѣлу. Возьмемъ теперь другой—крайній случай. Положимъ, что обѣ породы, имѣющія соединиться, равны числомъ. Какія условія необходимы для того, чтобы онѣ слились подъ одинъ общій типъ? Надобно, чтобы каждое отдѣльное лицо одной породы вступило въ кровную связь съ лицомъ другой. Надобно, чтобы каждое недѣлимое приняло дѣятельное участіе въ сліяніи породъ, потому что легкіе оттѣнки не измѣняютъ типа.

Условія эти необходимы, но вы согласитесь, что ихъ выполнить не легко. Мы не говоримъ о совершенной невозможности такого численнаго равенства, потому что безусловное отрицаніе, или утвержденіе рѣдко можетъ быть позволено. Однако, допустивъ возможность равныхъ чиселъ съ обѣихъ сторонъ, мы все-таки не получимъ никакого права разчитывать на подобный случай въ дѣйствительности. Можно и предположить попарное соединеніе всѣхъ лицъ, принадлежащихъ обѣимъ породамъ? Такое смѣшеніе породъ не можетъ быть слѣдствіемъ произвола, свободнаго выбора со стороны участниковъ, а развѣ необходимости? Но какъ допустить этого рода необходимость безъ особенныхъ, исключи-

тельныхъ, едва-ли встрѣчающихся въ исторіи обстояте-
льствъ не менѣе, мы рассмотримъ результаты, которые
были-бы развиваться изъ этихъ обстоятельствъ. Примѣръ
будетъ заимствованъ изъ царства животныхъ.

Вамъ извѣстно, что человѣкъ совокупляетъ разныя
животныхъ по своему произволу, и что помѣсь, про-
изводящая отъ такихъ совокупленій, носить на себѣ нѣ-
что изъ отличительныхъ признаковъ отца и матери. Та-
кимъ образомъ рождается новый, хотя средній, и потому самому опредѣ-
ленный типъ. Представляя отдѣльныя черты сходства съ
родителями, помѣсь является чѣмъ-то совершенно
новымъ отъ нихъ обоихъ.

Факты эти извѣстны всѣмъ; мы не знаемъ другихъ
надлежащихъ къ тому-же разряду. Однако, есть
которые обличаютъ иное, для насъ особенно важное
явленіе природы. Женевскій аптекарь, г. Коладонъ (Co-
claudon) развелъ у себя, для опытовъ надъ смѣшеніемъ по-
родъ, нѣсколько нашихъ понятій объ этомъ предметѣ, зна-
ющее число бѣлыхъ и сѣрыхъ мышей. Изучая ихъ,
онъ нашелъ способъ ихъ совокуплять. Тогда онъ
получилъ длинный рядъ опытовъ, соединяя постоянно бѣлыхъ
съ сѣрою. Вы, вѣроятно, ожидаете въ результатѣ по-
лученія нѣчужихъ. Ничуть не бывало. Мышенки рождались бѣлыми и
рыжими, со всѣми признаками чистой породы. Метисовъ
было вовсе; не было ничего пестраго или сѣраго
обѣими породами. Типъ той или другой возстановилъ-
ся совершенно. Случай этотъ, правда, чрезвычайный; но
который мы привели выше, не принадлежитъ къ
обыкновенныхъ. Слѣдовательно, обоимъ есть мѣсто въ
природѣ; ни тотъ, ни другой не владычествуетъ
чуждо.

Наблюдая отношенія, существующія между породъ,
приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: когда с-
мѣшиваются народы различныя, не принадлежащія къ одно-
му напимѣру: оселъ и лошадь, собака и волкъ или л-
и ихъ произведеніемъ всегда бываетъ ублюдокъ. На-
если породы сходны между собою, то онѣ при сово-
могутъ воспроизводить въ чистотѣ первоначальную
которой-нибудь изъ двухъ. Вотъ основныя начала, к
приложеніе плодотворно для науки. Тѣмъ не менѣе,
держимся отъ такихъ приложеній, пока не докаже-
подобное направленіе существуетъ также въ природѣ
вѣка. Предварительно мы еще займемся этимъ во-
по отношенію его къ животнымъ. Мы не нужно

доказательствъ для приведенныхъ мною явленій. Они достоверны, и мы должны признать ихъ, несмотря на наружное противорѣчіе. Природа иногда смѣшиваетъ, иногда рѣзко отдѣляетъ типы. Въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчающаго ея обыкновенному ходу. Ея силы то дѣйствуютъ заодно, то находятся въ борьбѣ между собою; она производитъ, хранитъ и разрушаетъ.

Но намъ не слѣдуетъ ограничиться такими общностями. Вглядываясь ближе въ явленія, мы найдемъ величайшее единство тамъ, гдѣ съ перваго взгляда замѣтили наиболѣе противоположностей. При смѣшеніи отдаленныхъ породъ, ублюдокъ носить на себѣ типъ, отличный отъ матери, не смотря на нѣкоторое сходство. Когда двѣ близкія между собою породы воспроизводятъ оба типа, мать также рождаетъ существо, на нее непохожее. Вотъ единообразіе явленій. Замѣьте одно, что въ послѣднемъ случаѣ дѣтенышъ болѣе сходенъ съ матерью, чѣмъ въ первомъ. Здѣсь, слѣдовательно, видно меньшее отклоненіе отъ общаго стремленія природы къ размноженію однихъ и тѣхъ-же типовъ. Разсмотримъ это стремленіе съ настоящей точки зрѣнія, и мы увидимъ, что отклоненіе еще незначительнѣе.

Можно сказать, что въ низшихъ классахъ животныхъ существуетъ только одинъ полъ, потому что всѣ особи одарены одинаковыми органами произведенія, и каждая изъ нихъ даетъ жизнь существу, совершенно съ нею сходному. Здѣсь, слѣдовательно, воспроизводится только одинъ типъ. Но въ классахъ, стоящихъ выше, два пола участвуютъ въ произведеніи новыхъ особей. Самка родитъ дѣтеныша, который представляетъ сходство съ нею, или съ отцомъ. Она производитъ такимъ образомъ два весьма опредѣленные и при сродствѣ своемъ до того различные типа, что самецъ и самка одной породы часто болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ отъ животныхъ близкой породы, но того-же пола. Истина нашихъ замѣчаній подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что, при классификаціи мало извѣстныхъ звѣрей, натуралисты нерѣдко причисляли самку и самца къ разнымъ породамъ. Можно найти много подобныхъ примѣровъ въ естественной исторіи животныхъ и птицъ.

Очевидно, что опыты г. Коладона въ цѣлости своей относятся къ указанному нами разряду явленій. Самка производитъ два типа: свой собственный и типъ самца. Изъ животнаго царства легко привести другіе примѣры, но такъ какъ выводъ изъ наблюденій г. Коладона рѣзко обозначенъ, то я довольствуюсь этимъ поразительнымъ примѣромъ.

Для насъ гораздо важнѣе открыть тѣ-же явленія шающіяся при такихъ-же условіяхъ въ физическомъ родѣ человѣка. Отъ наиболѣе различныхъ между словѣческихъ породъ происходятъ постоянно метизаты—есть плодъ соединенія бѣлой породы съ чер-такъ извѣстно, но столь-же достовѣрно воспроизвед-повъ обоихъ родителей, при соединеніи двухъ б-видовъ. Я много разъ замѣчалъ это явленіе, обще-пейскимъ народамъ. Оно не принадлежитъ къ числу-янныхъ, но намъ до этого нѣтъ дѣла. Смѣшеніе-раздѣляетъ, иногда-же соединяетъ типы. Отсюда при-къ основному выводу, что народы, составляющіе ви-родъ различныхъ, но близкихъ между собою, не м-даже въ случаѣ такого совокупленія, какое мы пр-жили выше, утратить своихъ первобытныхъ типовъ, непременно сохранились-бы въ части новыхъ по-Къ сохраненію ихъ содѣйствуетъ сверхъ того геог-ское распредѣленіе породъ на одной почвѣ. Нельзя-стить распредѣленія совершенно равнаго, исключ-образование многихъ группъ, съ значительнымъ пер-той или другой. Это условіе само по себѣ дѣлаетъ-возможнымъ пресѣченіе первобытныхъ типовъ.

Они исчезаютъ иногда вслѣдствіе насильственнаго-ленія. Отдѣльныя части племени могутъ быть ист-мечомъ непріятелей, но не цѣлый народъ, тѣмъ ме-лая порода. Конечно, гуанчи исчезли съ лица земли-ствіе этой причины, но они жили только на мале-островахъ. Караибовъ также нѣтъ болѣе на америк-островахъ, однако порода ихъ существуетъ на матер-Другихъ достовѣрныхъ примѣровъ такого рода я-ибо не вѣрю распространенному между моими соотеч-никами мнѣнію о конечномъ истребленіи древнихъ-цевъ на почвѣ занятой саксами.—Вопросъ этотъ, ка-дите потомъ, меня очень занимаетъ, и я намѣренъ-титъ ему краткое изслѣдованіе съ тѣмъ, чтобы этотъ-могъ служить примѣромъ. Замѣйте, впрочемъ, чт-отрицаю возможности такого факта, а говорю только-невѣроятности. Вспомните, что британцы были не в-и что они стояли на извѣстной степени образован-покажу, что послѣднее условіе значительно измѣня-ществующія между двумя народами отношенія. Каку-быль могли извлечь саксы отъ совершеннаго изгна-истребленія британцевъ? Они завоевали нашъ о-съ цѣлью доставить себѣ бблшія удобства жизни

оставляли въ то время важную часть богатствъ. Неужели саксы добровольно лишили себя такой выгоды, или побужденное ими племя отличалось такою любовью къ независимости и столь глубокимъ презрѣніемъ къ жизни, что предпочло смерть неизбежному порабощенію? Какъ ни сильны были природное мужество и страсть къ свободѣ британцевъ, они, однако, не обнаружили этихъ свойствъ въ эпоху, о которой здѣсь говорится. Доказательствомъ можетъ служить то, что они просили римлянъ возвратиться для ихъ защиты, и союзъ ихъ съ саксами, которыхъ они сами призывали, не находя другого средства къ оборонѣ противъ пиктовъ и скоттовъ. Подобной твердости нельзя допустить ни у британцевъ, ни у другихъ народовъ. Небольшое число людей могло обречь себя на вѣрную гибель; отъ цѣлаго народа этого нельзя ожидать. Даже римляне клали оружіе и сдавались.

Но съ другой стороны надобно предположить почти столь-же невѣроятную твердость и въ народѣ-истребителѣ. Надобно допустить постоянство жестокости и звѣрства, котораго нѣтъ въ человѣческой природѣ. Подобное предположеніе было сдѣлано и подвергалось разсмотрѣнію въ эпоху завоеванія Китая Чингисъ-ханомъ. Это происшествіе, можетъ быть, единственное въ исторіи, до того странно, что заслуживаетъ подробнаго изложенія. Я передамъ его словами Абеля-Ремюза: „въ то время, когда Чингисъ возвратился въ своего похода на западъ Еліу, Ту-цай нашёлъ случай казать племенамъ Китая услугу еще болѣе важную. Житицы были пусты; не было ни одной мѣры хлѣба; ни одного куска ткани. Тогда было представлено совѣту, что, такъ какъ китайцы не приносятъ никакой пользы государству, то слѣдовало-бы истребить все населеніе покоренныхъ областей и обратить эти земли въ хорошія пастбища, которыя могутъ служить большимъ пособіемъ для завоевателей. Единъ Ту-цай былъ въ состояніи отвратить это страшное предложеніе. Онъ объяснилъ хану, что войска его, подвижась къ южнымъ предѣламъ Китая, будутъ имѣть надобность во многихъ предметахъ, которые легко получаютъ при справедливомъ распредѣленіи поземельныхъ повинностей, торговыхъ пошлинъ и налоговъ на соль, вино, желѣзо, воскъ, произведенія горъ и озеръ. Такимъ образомъ,—приказавъ Ту-цай:—можно получить въ годъ 500 тысячъ унцій серебра, 80 тысячъ штукъ разныхъ тканей, болѣе 40 тысячъ винталовъ хлѣба, однимъ словомъ—все нужное для содержанія войскъ. Нельзя, слѣдовательно, сказать о "

селеніи, что оно бесполезно для государства“. По послѣ этого, что доводы Ту-цая убѣдили его слуша хотя монголы были страшно жестоки.

Народъ,—я разумѣю здѣсь многочисленное насел можетъ лишиться весьма обширныхъ владѣній. Случаи теперь, конечно, рѣдки и встрѣчаются только у дикихъ риканскіе туземцы, напримѣръ, уступили европе огромное пространство земли. Въ самомъ дѣлѣ, имъ было жить вмѣстѣ по причинѣ рѣзкой противополож Дикарь не имѣетъ собственности, ничего не знаетъ, чему не годенъ. Но въ исторіи Старога материка рѣчь не о дикаряхъ, а о варварахъ, т. е. племенахъ, у кот есть уже зародыши образованности.

У варваровъ существуетъ нѣкоторая промышлен Отсюда происходитъ невозможность добровольныхъ, и сильственныхъ переселеній цѣлаго народа. Вожди, п гающіе походъ съ цѣлью завоеваній, не въ состояніи за собою всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Человѣкъ, у раго есть собственность, рассчитываетъ: расчеты не у одинаковы;—одни идутъ, другіе остаются. Въ случаѣ з нія, побѣдителю не-для чего изгонять прежнее населе покоренной почвы. Ему, конечно, необходимъ простор ливо, если онъ ведетъ кочевую жизнь; но онъ д ствуется удаленіемъ только части побѣжденныхъ, и нужны подати, рабы и помощники. Оставшіеся въ я жители дѣлятся потомъ на двѣ половины: одни, даемые стремленіемъ къ независимости, добровольн кидаютъ родимый край, другіе заключаютъ какую-с дѣлку съ побѣдителями. Вотъ заключенія, которыя вывести, если не изъ исторіи, то изъ знанія человѣ природы. Скажу болѣе—исторія подтверждаетъ эти ченія. Можно думать, что вслѣдствіе частныхъ и огро переворотовъ, испытанныхъ кочевыми народами Аз одинъ изъ нихъ не остался въ предѣлахъ первобытн дины. Однако Абель-Ремюза, занимаясь татарскими нами, находилъ ихъ всѣхъ па прежнихъ мѣстахъ. исторія и филологія снабжали его достаточными дан

Говоря о гипотезѣ д-ра Причарда, я коснулся образованности и показалъ, что факты, приводимые имъ щиту своего мнѣнія, объясняются болѣе естественным зомъ черезъ смѣшеніе разныхъ породъ на одной Прибавлю, что мы рѣшительно не въ состояніи опредѣ точностью, какое вліяніе имѣетъ образованность на ф пропорціи тѣла въ отдѣльныхъ породахъ.

Нельзя, слѣдовательно, ни утверждать ни отрицать перемѣнъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ такого вліянія. Впрочемъ, вопросъ о переходѣ отъ дикаго состоянія къ просвѣщенію насъ не касается, ибо онъ относится къ эпохамъ столь отдаленнымъ и темнымъ, что онѣ выходятъ изъ предѣловъ исторіи. Мифологія и баснословныя преданія рисуютъ созданную воображеніемъ картину прошлаго. Но исторія не показываетъ намъ въ дикомъ состояніи ни одного народа, который потомъ самъ изобрѣлъ или заимствовалъ отъ другихъ науки и искусства. Подобное изложеніе сдѣлается возможнымъ современнымъ, когда у дикихъ племенъ Новаго міра (*) совершится этотъ переходъ, самый трудный изъ всѣхъ, какіе предстоятъ человѣческимъ обществамъ. Разказы о немъ услышать только далекіе потомки наши.

Дѣйствія образованности, уже зрѣлой, на формы и пропорціональность тѣла народа, котораго физическія примѣты измѣнились, вслѣдствіе ея отрѣшенія отъ дикаго быта, могутъ быть замѣчены только въ частныхъ случаяхъ, потому что образованность не одинаково распредѣляется по сословіямъ, и низшія мало въ ней принимаютъ участія. Вы, безъ сомнѣнія, будете согласны со мной; но я пойду еще далѣе, опираясь на непосредственные опыты. Вездѣ, гдѣ удавалось опредѣлить одинъ или нѣсколько типовъ, я находилъ эти типы во всѣхъ рядахъ общества, въ городахъ и селеніяхъ, отъ крестьянина и осѣдлаго работника, погруженныхъ въ глубочайшее невѣжество и бѣдность, до лицъ, принадлежащихъ къ древнимъ и пользующимся славою всякаго рода фамиліямъ. Эти сословія представляютъ, навѣрно, всѣ степени просвѣщенія; однако одинъ и тотъ-же типъ существуетъ во всѣхъ. Онъ, слѣдовательно, можетъ сохраняться при всѣхъ видоизмѣненіяхъ общественнаго быта. Другихъ доказательствъ намъ не нужно, и мы не поведемъ далѣе нашихъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, что я рассмотрѣлъ эту сторону занимающаго насъ предмета съ самыхъ важныхъ точекъ зрѣнія и не упустилъ изъ виду ничего необходимаго для знанія истины. Вопросъ былъ сложенъ и теменъ; я сталъ его упрощать и пояснить; надѣюсь, что вы вмѣстѣ со мною пришли къ убѣжденію, что главные физическіе признаки народа могутъ въ большинствѣ населенія оставаться неизмѣнными чрезъ длинный рядъ вѣковъ, не смотря на вліяніе климата, смѣшеніе породъ, иноплеменные нашествія и успѣхи образованности. Не забудьте, что мы ограничились розысканіями историческими временами, которыя наступаютъ для cadaго народа вмѣстѣ съ началомъ

щенія. Мы, слѣдовательно, должны встрѣтить у нынѣшнихъ народовъ, при измѣнившихся отгѣнкахъ и въ болѣе меньшей мѣрѣ, тѣ же черты, которыми они отличал эпоху ихъ вступленія въ исторію. Пришествіе новыхъ менѣе размножаетъ, какъ показано выше, а не смѣш типы, которыхъ число увеличивается по числу народовъ, вслѣдствіе ихъ смѣшеній между собою. Но старыя кажутся существовать, хотя и въ меньшемъ объемѣ, и чинѣ распространенія среднихъ породъ. Такимъ образомъ народы болѣе или менѣе образованныхъ, первобытно возникавшіе въ послѣдствіи типы, если они принадлежатъ значительнымъ частямъ населенія, могутъ существовать одновременно и не исключать другъ друга. Напротивъ они принадлежатъ малому числу, то они или исчезаютъ или остаются мало слѣдовъ. Позволительно ихъ отыскать потому что есть причины, способныя сохранить ихъ; должно удивляться отрицательному результату поименованныхъ. Успѣхъ былъ-бы гораздо удивительнѣе.

Начала, которыя насъ привели къ общему выводу, могутъ намъ также при его приложеніи. Прошу не терять изъ виду то, что мы сказали выше о числительномъ отношеніи и географическомъ распредѣленіи племенъ одной почвѣ. Черезъ наблюденіе мы узнаемъ насъ исторія сообщаетъ данныя о прошломъ; сравненіемъ опредѣляется отношеніе между тѣмъ и другимъ, когда народы, составляющихъ предметъ изслѣдованія, были въ условія, необходимыя для удержанія прежнихъ типовъ, видѣли, что эти условія преимущественно встрѣчаются въ большихъ массахъ; отсюда слѣдуетъ, что великія древности легче другихъ могутъ быть узнаваемы въ свѣтъ. — Не будемъ-же жалѣть о томъ, что отъ насъ ускользаютъ мелкія примѣсы, вошедшія въ составъ этихъ возбуждающія любопытство наше. Надобно умѣть удерживать собственную любознательность. Зато опредѣленія надѣются точнѣе, потому что разнообразіе типовъ толкуется съ толку и затрудняетъ изслѣдователя. Такое дѣло производитъ, между прочимъ, на умъ смутное воспоминаніе разлива варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію, долго потомъ не вошедшемъ въ обычные берега. Длинный списокъ народовъ пугаетъ воображеніе. Можно подумать, что обширныхъ владѣній имперіи было недостаточно помѣщенія однихъ варваровъ. Читатель раздѣляетъ наведенный ими на римлянъ: они кажутся ему безчисленными. Однако, нѣкоторые историки записали числа,

общили намъ данныя, на основаніи которыхъ можно составить себѣ болѣе вѣрное понятіе. Вотъ, что ускользаетъ отъ нашего вниманія, но чего не должно терять изъ виду.— Приведемъ главные примѣры: они послужатъ къ очищенію нашего ума отъ множества помрачающихъ его предубѣжденій. Ни греческихъ, ни латинскихъ писателей нельзя, конечно, упрекнуть въ намѣреніи уменьшить число враговъ. Напротивъ—они увеличивали его, дабы скрыть позоръ своего пораженія. Вестготы, вандалы, гунны, герулы, остготы, лонгобарды, норманны,—одни вслѣдъ за другими нападаютъ на Италію. Что осталось въ Италіи отъ этого множества варваровъ? Вестготовъ, вандаловъ и гунновъ не-зачѣмъ даже считать, потому что они только прошли по полуострову. Я не знаю, какія были силы геруловъ и остготовъ, когда они вошли въ Италію, но для меня довольно того, что герулы, тотчасъ по водвореніи своемъ въ Италіи, должны были вступить въ кровавую борьбу съ остготами и потерпѣли поражение. Объ ослабленіи побѣдителей можно составить себѣ понятіе по той малочисленной рати, которую они противопоставили Велизарію, хотя у нихъ было время и средства оправиться. Ихъ было сначала 50.000 человѣкъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ семитысячный отрядъ, положившій оружіе и переведенный въ Константинополь (5).—Въ Италіи сохранились, безъ сомнѣнія, остатки этихъ народовъ, хотя о нихъ не упоминается болѣе; но какое значеніе могли они имѣть въ массѣ италіанскаго населенія, какъ-бы ни было оно истощено предшествовавшими несчастіями? Долѣе другихъ удержались лонгобарды, которые владѣли значительною частью края, получившею отъ нихъ свое названіе. Но сколько ихъ было въ началѣ? Можетъ быть, 100.000 человѣкъ. Нормановъ, которые завоевали почти всю южную Италію, было также весьма немного; но въ этой горсти людей находились Роланды и Амадисы исторіи (6). Галлія получила новое имя и новыхъ властителей вслѣдствіе пришествія франковъ; вамъ, однако, извѣстно, какъ малочисленна была дружина Хлодвига. Впослѣдствіи Вильгельмъ Завоеватель покорилъ съ 60 т. человѣкъ всю Англію. Эти великія, достопамятныя завоеванія преобразили совершенно существовавшій до нихъ порядокъ вещей, но не могли произвести большихъ перемѣнъ въ типахъ покоренныхъ народовъ. Если потомки завоевателей частью сохранили физическія примѣты своихъ предковъ, то они составляютъ отдѣльныя небольшія группы и теряются въ массѣ населенія. Тѣ-же явленія повторяются и въ исторіи другихъ завоеваній, особенно такихъ, которыя

совершились посредствомъ одного нашествія. Вообще цѣлый народъ, а только часть его, иногда очень мидеть войною на другой и покоряетъ его.

Таковъ былъ обыкновенный ходъ вещей въ исторіи намъ хорошо знакомыя, времена. Здѣсь нѣтъ надобности входить въ разборъ цѣлей завоеванія. Но сколько завоевано совершенно съ цѣлями чисто-политическими, для утверждения собственнаго превосходства и преобладанія надъ другими государствами, а не для того, чтобы согнать народъ с родной почвы и поселиться на ней. Вамъ извѣстно, римляне при основаніи своего владычества постоянно ствовали такимъ образомъ. Я не безъ намѣренія привѣду примѣры римлянъ и варваровъ, разрушившихъ имъ. Вы, вѣроятно, напередъ угадали приложеніе.

Бываютъ, однако, завоеванія другого рода, произво, великія перемѣны чрезъ послѣдовательныя нашествія о и того-же народа. Ихъ волны идутъ одна за другою, смотря на значительныя промежутки и бѣдность с источника, постепенно накаплиются и образуютъ бол существующія массы. Такъ, саксы овладѣли Британіею, порода ихъ продолжается до сихъ поръ.—Другая пр смѣшенія народовъ, не столь поражающая воображеніе столь-же дѣйствительная, заключается въ древнемъ и с вѣковомъ рабствѣ. Если источникомъ рабства была и которую вели между собою родственныя, но не слити одинъ народъ племена, то коренные типы не подверг измѣненію. То-же самое можно сказать о тѣхъ случ когда война шла между сосѣдними народами одной п Если-же рабы доставлялись изъ чуждыхъ странъ п ствомъ военныхъ набѣговъ или торговли, то они, вслѣ своего разнообразнаго и пестраго происхожденія, состав смѣсь, принадлежавшую къ неопредѣлимой части насе Предположивъ даже,—ибо надобно имѣть въ виду в возможность,—что нѣкоторыя изъ этихъ породъ рабов перевѣсу своему надъ другими, могли уцѣлѣть до н времени, мы найдемъ, что ихъ типы, составлявшіе п лежность классовъ наименѣе многочисленныхъ, не пр вляютъ препятствій къ опредѣленію признаковъ, харак зующихъ цѣлый народъ. Разумѣется, что здѣсь дѣло преимущественно о древнемъ невольникѣ, оторванномъ своей родины и перенесенномъ на почву и къ племен торья ему равно чужды.

Мы обращались съ нашими вопросами къ исторіи ственной и къ исторіи гражданской. Изъ согласія о

видно, что прямые потомки всѣхъ великихъ народовъ, извѣстныхъ въ древности, должны существовать и теперь.—Замѣьте, что этотъ выводъ не перестаетъ быть истиннымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ нѣтъ средствъ его повѣрить на дѣлѣ, потому что происхожденіе отдѣльныхъ лицъ и ихъ сходство съ предками суть два различныхъ факта, которые могутъ быть соединены въ природѣ, но не должны быть смѣшиваемы между собою въ умѣ нашемъ. Я до сихъ поръ высказывалъ въ видѣ предположенія мою мысль, что у древнихъ народовъ были характеристическіе типы, потому что, прежде всего, намъ надобно было убѣдиться въ переходѣ этихъ типовъ къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, не смотря на дѣйствіе измѣняющихся, нами уже разсмотрѣнныхъ, причинъ. Убѣдившись въ этомъ, мы перейдемъ къ другому вопросу.—Вотъ еще новая выгода, происходящая отъ принятаго нами взгляда на предметъ.—Изъ предшествующаго разсужденія ясно, что если такіе типы существовали прежде, то они существуютъ и въ наше время. Путь намъ предстоящій очевиденъ: мы должны сначала опредѣлить посредствомъ наблюденій, есть-ли вообще и сколько различныхъ типовъ у народа, подлежащаго изученію. Открывъ такіе типы, слѣдуетъ восходить къ ихъ началу. Я могу, наконецъ, отдать вамъ отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ, познакомивъ васъ напередъ съ тѣми основаніями, на которыя они опираются. Вы должны знать существенные внѣшніе признаки, изъ которыхъ слагается типъ.

Признаки, заимствованные изъ формъ и размѣровъ головы и чертъ лица, занимаютъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто. Вы тотчасъ поймете сами въ чемъ дѣло, безъ предварительнаго изложенія началъ классификаціи въ естественныхъ наукахъ. По какимъ примѣтамъ мы узнаемъ человѣка? Не по росту, не по дородству его, не по цвѣту кожи или волосъ, а по лицу, т. е. по формѣ головы и по отношеніямъ (пропорціямъ), существующимъ между чертами лица. Достаточно взглянуть на одну эту часть тѣла, чтобы узнать человѣка, котораго нельзя отличить отъ толпы, если будемъ на него смотрѣть съ другой стороны. Такъ ваятель изображаетъ человѣка въ бюстѣ. Сходство тотчасъ становится очевиднымъ. Возьмите, потомъ, составленное въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ описаніе того-же человѣка; описаніе будетъ относиться къ нему, но не дастъ намъ вполне опредѣляющаго и отличающаго его отъ другихъ понятія. Слово не въ состояніи передать оттѣнковъ, составляющихъ особенность неопредѣлимаго, и описаніе относится ко всѣмъ создан-

нымъ по одному образцу, т. е. наиболѣе сходнымъ между собою индивидуумамъ. Другого, лучшаго способа для точнаго опредѣленія тождества породъ, по моему мнѣнію, нельзя найти, потому что онъ ближе всякаго другого представляетъ отличительные признаки недѣлимаго, отвлекая отъ названныхъ мною выше, какъ мнѣ кажется, преходящихъ отгѣнковъ (*). Ихъ перемѣна не измѣняетъ человѣка. Я принимаю къ соображенію видоизмѣненія волосъ, цвѣта кожи, роста, когда они составляютъ общую принадлежность, тогда они получаютъ даже большое значеніе; но взятыя отдѣльно, они суть нѣчто второстепенное и никакъ не могутъ служить признаками породъ, кромѣ крайнихъ случаевъ.—Замѣтьте, что чѣмъ строже я настаиваю на тождествѣ типовъ, тѣмъ болѣе должны вамъ внушать довѣрія мои приложенія къ исторіи.—Весьма можетъ быть, что природа, производя породы, дѣйствовала съ болѣею свободою. Я даже не сомнѣваюсь въ этомъ, потому что, придерживаясь преимущественно одного образца, она, вслѣдствіе причинъ намъ неизвѣстныхъ, уклоняется отъ него въ разныя стороны и доходитъ въ этихъ уклоненіяхъ до такъ-называемыхъ уродовъ. Ограничивая такимъ образомъ типъ, устраняя сходства, не соединяющія въ себѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ, мы уменьшаемъ число приложеній, но сообщаемъ имъ за то болѣе точности.

Чѣмъ обширнѣе группа съ опредѣленными уже признаками, тѣмъ достовѣрнѣе будутъ извлеченные нами выводы, потому что такую группу нельзя принять за случайное уклоненіе, не принадлежащее къ характеристикѣ народа.—Вотъ почему я старался въ рассказѣ о моихъ наблюденіяхъ дать вамъ понятіе о пестротѣ и разнообразіи однихъ и тѣхъ-же впечатлѣній. Послѣ сказаннаго доселѣ, вы можете съ довѣріемъ слѣдовать за мною, ибо въ подобныхъ предметахъ участіе происходитъ отъ основанной на чемъ-нибудь надежды дойти до истины. Вы, можно сказать, будете моимъ спутникомъ въ моихъ странствованіяхъ по Франціи, Италиі и части Швейцаріи. Вы будете присутствовать при моихъ наблюденіяхъ, но мы приступимъ къ ихъ приложенію только тогда, когда соберемъ ихъ въ достаточномъ числѣ и въ надлежащемъ объемѣ.—Тотчасъ по прибытіи на границу Бургундіи, я началъ замѣчать совокупность формъ и чертъ, которыя составляли особенный типъ. Чѣмъ далѣе я ѣхалъ, тѣмъ рѣзче и чаще выдавался этотъ типъ. Онъ очень часто попадался мнѣ вдоль дороги отъ Оксера къ Шалону. Я пріѣхалъ въ послѣдній городъ въ торговый день и поспѣшилъ

рынокъ, дабы разсмотрѣть лица окрестныхъ поселянъ. Я изъ этихъ лицъ, къ удивленію моему, вовсе не по-
или на тѣ, которыя я видѣлъ прежде. Типы тѣхъ и дру-
были до такой степени различны, что представляли
ершенную противоположность между собою. Описывать
здѣсь не мѣсто. Я это сдѣлаю впослѣдствіи, когда рѣ-
еть объ ихъ историческомъ названіи. Въ то время я не
волилъ себѣ никакихъ заключеній, потому что видѣлъ
ко небольшую часть провинціи и не могъ различать
мень, которыми она была населена. Я довольствовался
тъ, что замѣтилъ эти факты и сохранилъ ихъ въ памяти,
ожиданіи возможности употребить ихъ въ дѣло. Преоб-
ающій и весьма характеристическій типъ, который я за-
илъ до Шалона, попадался мнѣ часто на глаза во все
долженіе моей поѣздки по Бургундіи. Сущность его не
ѣнилась въ Ліонской области, но оттѣнки были уже не
Тоже можно сказать о Дофинѣ. Тотъ-же самый харак-
формъ и пропорцій, но съ переменною цвѣта кожи, про-
жается въ Савойи до Монъ-Сени. Признаюсь, такое сход-
чертъ у значительнаго числа людей, живущихъ на про-
нствѣ между Оксеромъ и Альпами, меня не мало уди-
ло, хотя оно согласовалось съ моими мнѣніями. Разумѣется,
не весь народъ былъ вылитъ въ одну форму, но я на-
лъ только одинъ рѣзко обозначенный типъ, за исклю-
емъ небольшой группы, видѣнной мною въ Шалонѣ.
Если-бы, слѣдуя другому плану, я положилъ въ осно-
е моихъ наблюденій цвѣтъ кожи, а не формы и отно-
ія частей, то нашелъ бы на обширномъ пространствѣ
ду Оксеромъ и Монъ-Сени различныя племена бургун-
въ, ліонцевъ, дельфинатцевъ и савояровъ, а не одно-
менный народъ съ разными оттѣнками цвѣта.
На этой землѣ жило въ глубокой древности оно изъ пле-
въ галльскихъ. Намъ все равно, какое именно. Впослѣд-
и римляне покорили этотъ народъ, смѣшались съ нимъ.
и-бы вамъ нужно было опредѣлить, какому изъ обоихъ
мень принадлежить описанный мною типъ, вы не ус-
ились-бы признать его галльскимъ, потому что меньшее
ло не въ состояніи передать своихъ внѣшнихъ призна-
въ большому. Но римское владычество уступаетъ мѣсто
тому—бургундскому. Вы должны будете, однако, остаться
прежнемъ выводѣ, не смотря на послѣдующее завоева-
кряя франками. Отношенія остаются тѣ-же.
Таково будетъ по необходимости ваше мнѣніе. Не скажу,
оно было и моимъ, потому что у меня въ то время не

образовалось еще никакого. Я былъ слишкомъ занятъ нею стороною моихъ наблюденій и не заботился о заключеніяхъ. Предо мною лежала Италія, и общалъ множество достойныхъ вниманія предметовъ. Я не ни пройти равнодушно мимо произведеній древняго искусства, ни посвятить имъ исключительнаго изученія: часть путешественниковъ заботятся только о томъ бы посмотрѣть на эти памятники, и довольствуются минаніями, соединенными съ искаженными остатками старыхъ вѣковъ. Но на этихъ самыхъ обломкахъ, на прахѣ древности, составляющихъ предметъ восторга клоненія для путешественниковъ, можетъ быть, существуетъ еще потомки людей, создавшихъ эти памятники, и ищутъ собою предковъ. Вотъ что мнѣ хотѣлось по въ надеждѣ, что, въ случаѣ успѣха, изслѣдованія и лучать для меня такую-же прелесть, какую имѣю археолога самые счастливые поиски.

Проѣзжая чрезъ Флоренцію, я воспользовался случаемъ, какой доставляла герцогская галлерея, для изученія такого типа. Я обратилъ преимущественно вниманіе на первыхъ императоровъ, потому что они происходили изъ древнихъ фамилій и не принадлежали, какъ многие изъ преемниковъ, къ чуждымъ племенамъ. Въ нихъ замѣчательно не только сходство формъ и пропорцій, но существуетъ между многими, но характеръ до такой степени резко опредѣленный, что его нельзя забыть и не спутать. Вы можете составить себѣ достаточное о немъ понятіе, взглянувъ на бюсты Августа, Секста Помпея, Тиверія, Германиана, Клавдія, Нерона, Тита, которые находятся въ Парижскомъ музее и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ точное описаніе типа: вертикальный поперечникъ коротокъ, вслѣдствіе чего лицо широко; такъ какъ верхушка черепа довольно высокая, а нижній край челюсти почти горизонтальный, очеркъ головы подходитъ спереди къ формѣ четверника. Это очертаніе до такой степени существенно и характерно, что та-же, но вытянутая въ длину, сохраняя всѣ прочія черты и представляя совершенно другое добіе римлянина, перестаетъ быть характеристическою частью головы выше ушей выпуклы, лобъ и носъ настоящій орлиный, т. е. горбъ начинается сзади и оканчивается не доходя до конца; основа носа горизонтальная. Передняя часть подбородка округлена.

Вы узнаете эти примѣты на бюстахъ и статуяхъ многихъ названныхъ, и другихъ, о которыхъ я не упомянулъ.

Но вы не вездѣ найдете эти признаки, потому что типъ не можетъ быть всеобщимъ въ народѣ.

Эти замѣчанія глубоко врѣзались мнѣ въ память, хотя и не много о нихъ думалъ. Вниманіе мое было развлечено множествомъ предметовъ, на пути изъ Флоренціи въ Римъ, черезъ Перуджію. Я полагалъ притомъ найти представитель древняго римскаго народа не на дорогѣ, а у цѣли моего путешествія. Но сверхъ ожиданія я узналъ ихъ, по поразительному сходству, уже на Монте-Джераландро, у самаго входа въ папскія владѣнія. Тѣ-же самыя примѣты были мною замѣчены на значительномъ числѣ лицъ по всей дорогѣ, въ Перуджіи, Сполето и т. д. до Рима. Мы ѣхали глѣнымъ обществомъ, и всѣ мы должны были признать неспоримое сходство. Не считаю нужнымъ прибавлять, что упомянутыя примѣты существуютъ и въ Римѣ, не смотря на пеструю смѣсь населенія. Объ этомъ уже говорили другіе. Но такихъ признаковъ типа не должно искать исключительно въ какомъ нибудь одномъ предмѣстіи или уголкѣ Рима: они встрѣчаются вездѣ, у лицъ обоого пола и всѣхъ сословій. Сходство относится не къ одному только бюсту, но къ цѣлому стану. Вы знаете, что римляне были средняго роста. Я не могу опредѣлительно сказать, какъ далеко этотъ типъ идетъ на югъ. Въ Неаполѣ онъ исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, не довольно рѣзко выступаетъ для того, чтобы его можно поставить въ числѣ характеристическихъ особенностей столицы. Тамъ преобладаетъ другая форма, о которой здѣсь не мѣсто говорить. Судя по нѣкоторымъ туземцамъ, я имѣю причины предполагать, что типъ, названный нами римскимъ, продолжается въ верхней части Неаполитанскаго королевства. Во всякомъ случаѣ онъ распространенъ къ сѣверу отъ Рима не только въ направленіи къ Перуджіи, какъ я сказалъ, но и въ другую сторону, къ Сиенѣ, Витербо и далѣе.

Эти наблюденія, при всей ихъ ограниченности, доставляютъ намъ полезныя и приложимыя къ исторіи свѣдѣнія. Я вовсе не думаю утверждать, что цѣлый народъ вылитъ въ одну форму. Достаточно и того, что есть такая общая большинству форма. Выше сказано, что черты, характеризующія нынѣшнихъ жителей этихъ странъ, принадлежали и древнему ихъ населенію. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что типъ императоровъ повторяется въ многочисленныхъ изображеніяхъ простыхъ воиновъ и частныхъ людей, которыхъ представляютъ найденные здѣсь барельефы и бюсты. Что же теперь думать о римскомъ народѣ? Можно

ли допустить, что онъ произошелъ отъ Энея и образуя чуждое Италіи и заключенное въ предѣлахъ города племя? Городское населеніе обыкновенно въ изъ сельскаго, особенно въ обширныхъ странахъ, былъ населенъ такимъ-же образомъ. Многіе изъ сосѣдственныхъ народовъ, между прочимъ сабины и большая часть сквовъ принадлежали тогда, какъ и теперь, къ одной съ римлянами. Но политическое раздѣленіе италіи племенъ, различіе ихъ именъ и интересовъ были до степени значительны, что историки почти всегда прѣдлагали имъ различное происхожденіе. Микали и Нибуhrъ поняли эти отношенія, и факты, мною излагаемы, должны служить къ подкрѣпленію ихъ мнѣній,

Иностранцы могутъ поселиться среди какого-нибудь народа, властвовать надъ нимъ, образовывать его, измѣнить имя и языкъ, не касаясь его общихъ физическихъ особенностей. Небольшое число людей въ состояніи одержать верхъ толпою и дѣйствовать на ея мнѣнія; но мы уже видѣли, что организмъ не такъ уступчивъ. Я не знаю у какого, наго или пришлаго, народа заимствовали этруски свой, учрежденія и искусства. Вопросъ этотъ еще не рѣшенъ⁽³⁾. Очевидно только то, что часть населенія перешла на другія, названныя мною, племена. Исторія говоритъ намъ, что населеніе Этруріи было смѣшанное, а наблюденія подтверждаютъ ея свидѣтельство. Я не вхожу въ разборъ всѣхъ составныхъ элементовъ этой смѣси, крыль одинъ, котораго происхожденіе было для меня время загадкою.

Одинъ изъ отличнѣйшихъ римскихъ живописцевъ того вѣка, написалъ портреты четырехъ великихъ поэтовъ Данта, Петрарки, Аріоста и Тасса. Этюды его были вѣшены по всѣмъ памятникамъ того времени. Онъ былъ добръ, что показалъ мнѣ собраніе своихъ рисунковъ. Сравнивая ихъ между собою, я пришелъ къ заключенію, что портреты Данта должны быть очень похожи, потому что почти не разнились одинъ отъ другого. Къ тому-же порціи его лица были такъ опредѣленны, и черты такъ судя по описанію, составленному однимъ изъ друзей перентинскаго поэта, что живописцу трудно было-бы не попасть въ сходство. У него была продолговатая и нѣсколько голова, лобъ высокій и развитый, носъ загнутый къ низу съ вздернутыми ноздрями (ailes du nez relevées) подбородокъ выдающійся.

Этотъ крѣпко обозначенный образъ произвелъ на

глубокое впечатлѣніе. Я не искалъ, впрочемъ, въ Тосканѣ повторенія такого типа, но, по странному случаю, приѣхавъ на границу по сіенской дорогѣ, я встрѣтилъ, или, можетъ быть, впервые замѣтилъ въ Радикофани нѣсколько сходныхъ съ нимъ лицъ. Одно изъ нихъ представляло живое подобіе Данта. Еще прежде, въ первый мой проѣздъ черезъ Флоренцію, я нашелъ въ галлерей великаго герцога нѣсколько такихъ фигуръ, между статуями и бюстами медичейской фамиліи. Онѣ попадались мнѣ также въ тамошнемъ обществѣ. Но я въ то время не обратилъ должнаго вниманія на это явленіе и не могъ дать себѣ яснаго отчета въ совокупности чертъ. Последнее пребываніе мое въ Тосканѣ было продолжительнѣе, и я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что замѣченный мною прежде типъ есть настоящій тосканскій. Мы видѣли, что онъ существовалъ въ эпоху Данта; я прибавлю, что къ нему должно причислить многихъ великихъ мужей флорентинской республики. Даже на памятникахъ этрусскаго искусства онъ обратилъ на себя мое вниманіе. Я продолжалъ наблюдать его въ Болоньѣ, Феррарѣ, Падуѣ и въ селеніяхъ, лежащихъ между этими городами. Въ Венеціи онъ не только часто встрѣчается, но существовалъ постоянно въ удивительномъ количествѣ. Онъ выдается такъ рѣзко, что его нельзя не узнать. Доказательствомъ можетъ служить голова Данта. Сходство такъ велико, что поражаетъ даже людей, которые не знаютъ, что такое типъ или порода, и замѣчаютъ только отдѣльныя явленія. Я стоялъ однажды въ Венеціи, въ галлерей венеціанской школы, передъ картиною, на которой изображенъ былъ одинъ изъ святыхъ, родившихся въ томъ краѣ. Видя, что я смотрю съ большимъ вниманіемъ, мой чичероне замѣтилъ мнѣ, что эта голова очень похожа на голову Данта. О количествѣ, въ какомъ этотъ типъ былъ распространенъ здѣсь прежде, я могъ судить по портретамъ дожей, собранныхъ въ бывшемъ дворцѣ ихъ. Я былъ пораженъ лежащимъ на всѣхъ этихъ портретахъ отпечаткомъ одной породы.

По мѣрѣ приближенія моего къ Милану, типъ этотъ попадался мнѣ все чаще. Иногда характеристическія черты его являлись въ такихъ преувеличенныхъ размѣрахъ, что подходили къ каррикатурѣ. Разъ мнѣ случилось остановиться часа на два въ одномъ селеніи: я отправился на площадь, гдѣ было собрано много крестьянъ. Я не могъ наглядѣться на нихъ, по причинѣ ихъ совершеннаго сходства съ однимъ изъ типовъ, видѣнныхъ мною во Франціи. Мнѣ казалось, что я перенесся на шалонскій рынокъ, гдѣ, какъ

я уже сказалъ вамъ, меня поразилъ у крестьянъ характеръ головы совершенно отличный отъ того, какой я до тѣхъ поръ видѣлъ въ Бургундіи. Тамъ меня изумило различіе, а здѣсь—сходство. Ошибиться было невозможно. Вспомните, въ какой чистотѣ и какъ часто я находилъ этотъ типъ въ Италіи. Я долженъ былъ признать существованіе рѣзко отмѣченной и многочисленной породы, распространенной по всему сѣверу италіанскаго полуострова. Но развѣ я не въ Цизальпинской Галліи и не видалъ такого-же народа въ настоящей Галліи, по ту сторону Альповъ? Почему-же не признать его, согласно съ исторіею, за галловъ? Для полнаго убѣжденія въ предполагаемомъ тождествѣ обоихъ населеній надлежало, однако, совершить много новыхъ наблюденій. Я долженъ былъ слѣдить за этимъ типомъ съ одного мѣста на другое, на какъ можно большемъ пространствѣ. Обратный путь мой шелъ черезъ ту часть Швейцаріи; которая нѣкогда принадлежала галламъ. Я могъ, слѣдовательно, найти тамъ одну изъ двухъ породъ, а можетъ быть и обѣ.

Ронская долина начинается у сѣвернаго склона Симплона. Первые жители, встрѣчаемые путешественникомъ, даже на вершинѣ горы,—германцы. Они отличаются отъ сосѣдей наружностью и языкомъ, ибо говорятъ по нѣмецки. Далѣе, въ Валѣ, измѣняются въ одно время языкъ и черты. Я слышу уже французское нарѣчіе и узнаю племя, съ которымъ познакомился въ Савойѣ, съ тѣми-же чертами и даже цвѣтомъ лица. Подѣзжая къ Женевѣ, я встрѣтилъ нѣсколько человекъ съ другимъ типомъ. Въ самой Женевѣ ихъ уже было много: они совершенно походили на людей, видѣнныхъ мною въ сѣверной Италіи и Шалонѣ. Все населеніе очевидно принадлежало къ двумъ отдѣльнымъ, рѣзко противоположнымъ между собою породамъ: у одной голова болѣе круглая, чѣмъ овальная, черты округленныя и ростъ средній; у другой продолговатая голова, высокій и широкій лобъ, носъ загнутый концомъ къ низу съ приподнятыми ноздрями (*ailes du nez*), подбородокъ сильно выдающійся и высокій ростъ. Необходимымъ слѣдствіемъ совокупнаго жительства этихъ породъ на одной почвѣ было образованіе многочисленныхъ среднихъ формъ. Я съ удовольствіемъ отмѣчалъ въ помѣсахъ характеристическія черты и искаженныя пропорціи чистыхъ типовъ. Слѣдуя порядку, въ какомъ они поставлены выше, я буду впредь называть эти типы первымъ и вторымъ. Имѣя въ виду продолжать-же наблюденія на новыхъ мѣстахъ, я рѣшился ѣхать къ Макону и Шалону черезъ Бресскую область (*Bresse*). Мнѣ хотѣлось,

такимъ образомъ, связать цѣпью непрерывныхъ изслѣдованій часть населеній, принадлежащихъ ко второму типу. Я напелъ дѣйствительно на большой дорогѣ, въ Бресской области, такую-же смѣсь тѣхъ-же элементовъ, но отношеніе частей было другое. Первый типъ преобладалъ до такой степени, что я едва могъ находить слѣды второго. Но послѣдній явился снова близъ Макона, вдоль рѣчнаго берега и по поднимающейся въ гору дорогѣ къ Шалону. Къ счастью, я пріѣхалъ въ Шалонъ въ самый день рынка и получилъ возможность повѣрить мои воспоминанія чрезъ сравненіе съ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Изъ этихъ наблюденій и другихъ, сдѣланныхъ мною еще прежде въ прочихъ частяхъ Франціи, можно будетъ, если не ошибаюсь, извлечь столь-же крѣпкое, сколько неожиданное подтвержденіе главныхъ идей, высказанныхъ вами въ изданной вами „Исторіи галловъ“.

Но я долженъ предварительно означить въ Галліи границы, въ которыхъ находятся данныя для предпринятыхъ мною сближеній. Такъ какъ я не былъ въ южныхъ областяхъ, примыкающихъ къ Пиринейскимъ горамъ и Средиземному морю, то не буду говорить о племенахъ басковъ и лигуровъ, которыя тамъ жили. Вы принимаете, что остальная Галлія принадлежала въ древности двумъ великимъ семьямъ народовъ, которыя различались по языку, обычаямъ и общественному быту. Числительное отношеніе ихъ между собою намъ неизвѣстно, но изъ нихъ состояла вся масса населенія. Я, съ своей стороны признаю, что настоящіе жители тѣхъ частей Франціи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, подходятъ подъ два до того опредѣленные и различные типа, что ихъ нельзя смѣшивать. Если-бы съ той эпохи, когда, по вашимъ словамъ, эти два племени стали единственными владѣтелями почвы, не было никакихъ инородныхъ примѣсей, то мы были-бы въ правѣ принять оба типа за принадлежность двухъ семей галльскихъ народовъ. Но съ тѣхъ поръ многіе другіе народы покоряли цѣлый край или нѣкоторыя его части. Какъ-же провести черту различія? Въ самомъ началѣ этого письма, при изложеніи общихъ понятій, мы постановили правило, имѣющее руководить насъ въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Оно уже не разъ было прилагаемо нами къ дѣлу. *Меньшее число никогда не передаетъ своего типа большому.* Вамъ извѣстно, какъ несоразмѣрно было отношеніе завоевателей, поселившихся въ Галліи, къ туземному населенію. Мы ограничимся пока этимъ замѣчаніемъ. Дальнѣйшіе доводы будутъ представлены послѣ.

Изъ двухъ племенъ, названныхъ вами галльскимъ и кимрскимъ, первое было, вѣроятно, самое многочисленное, потому что, по вашимъ словамъ, оно составляло древнѣйшее населеніе Галліи и занимало почти все ея пространство до появленія кимровъ. Изъ этого начальнаго историческаго раздѣленія жителей Галліи я заключаю, что первый типъ, который показался мнѣ наиболѣе многочисленнымъ, принадлежалъ галламъ, а второй — кимрамъ. Сравнивая ихъ географическое распредѣленіе, мы приходимъ къ тому-же выводу. Вы говорите, что упомянутыя племена жили отдѣльно: 1) восточную Галлію занимали галлы, въ тѣсномъ смыслѣ Цезаря, которыхъ вы называете тѣмъ-же именемъ; 2) въ сѣверной Галліи, которая заключала въ себѣ Белгику Цезаря и Арморикку, обитали племена, соединенныя вами подъ одно общее названіе кимровъ. Изъ вашего изложенія событій, относящихся къ восточной части, видно, что между тамошними галлами не могло быть большихъ чуждыхъ примѣсей, потому что кимры никогда не врывались туда съ оружіемъ въ рукахъ. Замѣтите, что я нашелъ рѣзко означенный типъ, который мы признали галльскимъ, именно въ той части Франціи, которая соотвѣтствуетъ восточной Галліи въ ея протяженіи съ сѣвера на югъ, т. е. въ Бургундіи, Ліонской области, Дофинэ и Савойѣ. Типъ этотъ такъ распространенъ тамъ, что я сначала не замѣтилъ никакого другого, за исключеніемъ одной мѣстности. Только на возвратномъ пути, занимаясь исключительно этимъ предметомъ, я встрѣтилъ второй типъ въ другихъ мѣстахъ той-же полосы.

Не смотря на черту, проведенную вами между землями, принадлежавшими обоимъ племенамъ, полагаю, что вы не думаете раздѣлять ихъ безусловно и не отрицаете возможности смѣшеній между ними. Такія смѣшенія были неизбежны, что видно даже изъ вашихъ изслѣдованій, приписывающихъ религіозныя вѣрованія друидизма кимрамъ, отъ которыхъ, по вашимъ словамъ, они были заимствованы обитавшими въ восточной полосѣ Галліи галлами. Намъ дѣлать до времени, когда они пришли въ соприкосновеніе. Довольно того, что мы знаемъ, что и тѣ и другіе были многочисленны, что они жили рядомъ и слились въ послѣдствіи въ одинъ народъ. Время, разумѣется, привело новыя переселенія и смѣшенія. Я буду держаться вашихъ названій для большаго согласія нашихъ розысканій. У перваго типа, которому вы дали имя галльскаго, голова округлена такъ, что приближается къ сферической формѣ; лобъ средній, немного выпуклый и опускающійся (*fuyant*) къ вискамъ;

глаза большіе и открытыя. Носъ начиная съ переносицы (depression à naissance), почти прямой, т. е. въ немъ нѣтъ значительнаго сгиба; конецъ носа и подбородка закругленные; ростъ средній. Вы видите, что черты здѣсь совершенно согласуются съ формою головы, и что это подробное описаніе можетъ быть выражено немногими словами, такъ какъ я сдѣлалъ выше, сказавъ что голова *болѣе круглая, чѣмъ овальная, черты округленныя и ростъ средній* *)

Обратимся теперь къ сѣверной полосѣ Галліи, гдѣ были главныя жилища кимрскихъ племенъ. Мы найдемъ здѣсь поводъ къ удивительнымъ сближеніямъ съ тѣмъ что было сказано прежде. Я объѣхалъ въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ путешествій большую часть бельгійской Галліи Цезаря, отъ устьевъ Соммы до устьевъ Сены. И что-же? Я замѣтилъ здѣсь въ первый разъ соединеніе чертъ, составляющихъ второй типъ. Иногда онъ являлся мнѣ въ такихъ рѣзкихъ очеркахъ, поражалъ меня: голова продолговатая, лобъ возвышенный и широкій, носъ горбатый и загнутый книзу, впадины вадернутыя, подбородокъ большой и выдающій впередъ, ростъ высокій. Мы остаемся на этихъ основныхъ наблюденіяхъ; они занимательны и важны для нашихъ будущихъ изслѣдованій по обширности своихъ приложеній. Ограничимся пока одною Франціею, продолжая начатое нами сравненіе. Достоверно, что этотъ типъ, видѣнный мною погнѣ въ Бургундіи, не могъ принадлежать германскому племени, отъ котораго эта провинція получила свое названіе, потому что онъ существуетъ на обширномъ пространствѣ въ Нормандіи и Пикардіи, куда никогда не проникали бургунды. Съ другой стороны, онъ не можетъ принадлежать скандинавскимъ норманамъ, потому что встрѣчается въ бургундіи и другихъ областяхъ восточной Галліи, гдѣ вовсе не было норманскихъ поселеній. Такимъ образомъ существованіе одного и того-же типа въ двухъ названныхъ нами провинціяхъ исключаетъ бургундовъ и нормановъ и застав-

*) Ни г. Дюмуленъ, ни Бори де Санъ-Венсаъ не обратили вниманія на различія, существующія между древними жителями Галліи, и довольствовались общою характеристикою этихъ племенъ. Ихъ описанія должны, слѣдовательно, относиться къ типу, наиболѣе распространенному, т. е. чистымъ галламъ Цезаря. Г. Дюмуленъ говоритъ положительно о головѣ болѣе круглой, чѣмъ овальной, что составляетъ признакъ перваго типа. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нимъ: другихъ же противорѣчій быть не можетъ, ибо онъ не входитъ въ подробный разборъ чертъ. Г. Бори говоритъ, что лобъ опускается къ вискамъ. Это естественное слѣдствіе округленной формы головы. Вы видите согласіе этихъ писателей съ моимъ описаніемъ.

ляетъ насъ возвратиться другимъ путемъ къ белгамъ и сарматамъ, которыхъ вы называете кимрами. Другая галльская порода находится тамъ также съ своими характеристическими чертами.

Сколько мнѣ извѣстно, никто не думалъ утверждать, что норманы истребили или выгнали вонъ все туземное население Нейстріи. Кромѣ фактовъ, мною уже изложенныхъ, и сужденіе которыхъ необходимо приводить къ заключенію, что нынѣшніе жители края суть потомки древнихъ галловъ (кимровъ), есть еще одно историческое обстоятельство, къ которому совершенно согласуется съ нашимъ выводомъ. Но какъ только они овладѣли Нейстріею и поселились въ ней, они приняли языкъ новой родины и забыли свой собственный. Только скудные остатки котораго сохранились въ юридическихъ памятникахъ. При всей жестокости и даже кровожадности, какую они обнаруживали во время своихъ набѣговъ, манеры въ устройствѣ гражданского быта могли служить примѣромъ для другихъ народовъ Средняго вѣка. Они развѣ въ качествѣ непріятелей; сдѣлавшись владѣльцами, начинаютъ беречь и совершенствовать пріобрѣтенное.

Я не знаю, сохранилась-ли часть ихъ потомства съ отчетливыми признаками своего происхожденія. Ни въ какомъ случаѣ потомство это не могло быть многочисленно, потому что народъ-завоеватель далеко уступалъ числомъ покоренному имъ населенію. Мы уже показали въ началѣ нашего изслѣдованія, что древніе типы могутъ быть находимы и въ большихъ массахъ, и имѣли возможность оправдать наши предположенія на дѣлѣ. Надобно притомъ вспомнить, какія въ древности представляла Франція для успѣха подобныхъ разсылокъ обширное пространство; население значительное во всѣхъ частяхъ, вслѣдствіе плодородной почвы и хорошаго климата, менѣе чужеземныхъ примѣсей, чѣмъ у другихъ народовъ, у которыхъ находимъ тѣже составныя породы; наконецъ болѣе точныя историческія свидѣтельства о различіи и о чистотѣ нѣкоторыхъ племенъ. Только однажды вся Галлія вела жестокую борьбу противъ чуждыхъ ей пришельцевъ, которые, не добываясь политической власти, а не исключительнаго обладанія почвою. По окончаніи борьбы, она благополучно перешла подъ римскимъ владычествомъ. Въмѣсто сопротивленія франкамъ, она помогала имъ такъ, что, не утративъ ни одного изъ собственнаго населенія, она получила незначительное приращеніе извнѣ. Такое стеченіе обстоятельствъ, способствующихъ къ сохраненію внѣшнихъ признаковъ нации, должно внушить сильное довѣріе къ тѣмъ выводамъ,

торыхъ мы дошли, особливо, когда вспомнимъ предосторожности, принятыя нами для избѣжанія ошибокъ при опредѣленіи рѣзкихъ признаковъ породъ.

Опираясь на эти основанія, мы можемъ спокойно продолжать наше сравненіе, не затрудняя себя розысканіями о различныхъ племенахъ, которыя тѣснились и смѣнялись другъ уга на одной и той-же почвѣ. Опредѣливъ однажды физическія примѣты обѣихъ галльскихъ породъ, мы безъ уда узнаемъ ихъ въ другихъ, нѣкогда принадлежавшихъ предкамъ земляхъ, если только они сохранялись тамъ въ достаточномъ количествѣ.

Начнемъ съ Англіи. Южную часть Великобританіи, въ томъ, соотвѣтствующемъ нынѣшней Англіи въ собственномъ смыслѣ, занимали, по вашему мнѣнію, тѣже кимры, которые владѣли сѣверною Галліею. Надобно теперь узнать, или-ли у нихъ одинакіе признаки. Но въ Англіи господствуетъ мнѣніе, что потомство этого народа не существуетъ уже. Я не считаю нужнымъ напоминать вамъ о томъ, что было сказано мною въ началѣ этого письма; выводы, мною представленные, до такой степени согласны съ законами словѣческой природы, что сами тотчасъ представляются вашему разуму. Къ тому-же вопросъ становится въ настоящемъ случаѣ чисто фактическимъ и опирается на свидѣтельство чувствъ. Я васъ могу увѣрить, что характеристическій типъ народа, которому нѣкогда принадлежала сѣверная Галлія, существуетъ до сихъ поръ въ Англіи, и что вообще онъ распространенъ по всему пространству саксонскихъ завоеваній. Онъ представляетъ намъ, слѣдовательно, ювнихъ британцевъ, владѣтелей края до пришествія саксовъ. Вы называете ихъ кимрами. Если о британцахъ не говорится болѣе въ исторіи покоренныхъ саксами земель, это потому только, что у нихъ не было ни политической зависимости, ни даже собственнаго гражданскаго быта. Они умерли для исторіи, особливо той, какую тогда писали, — не погибли; остатки ихъ уцѣлѣли въ такихъ размѣрахъ, якіе приличны великому, хотя постигнутому несчастіемъ роду. Я сказалъ уже, что въ Англіи утвердилось мнѣніе совершенномъ истребленіи и изгнаніи тамошнихъ британцевъ. Оно дѣйствительно основано на преувеличенныхъ свѣдѣніяхъ лѣтописей; однако, при болѣе внимательномъ реніи этихъ памятниковъ, мы найдемъ въ нихъ признаніе, что остатки покореннаго народа были обращены въ тяжкое рабство. Общій ходъ европейской исторіи въ теченіе Среднихъ вѣковъ доставилъ снова низшимъ, образовавшимся

изъ завоеванныхъ нѣкогда племень, классамъ гражданскую свободу. Возвративъ понемногу, при содѣйствіи усиливающейся промышленности, права свои, но утративъ прежнее имя, британцы вступили во все сословія общества. Успѣхи эти шли медленно; самое начало ихъ не было замѣчено, и потому гордость завоевателей и позоръ побѣжденных не изгладились: многіе прямые потомки британцевъ гордятся до сихъ поръ своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ саксовъ или нормановъ *).

Мнѣ остается упомянуть о Швейцаріи и сѣверной Италіи. Вы принимаете, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, гельветовъ за галловъ; я не сомнѣваюсь въ истинѣ вашего предположенія, потому что нашелъ у нынѣшнихъ швейцарцевъ отличительные признаки галльскаго племени. Вы не говорите, что они были смѣшаны съ кимрами. Я не въ правѣ утверждать, что это смѣшеніе существовало прежде, но могу доказать его на дѣлѣ въ настоящее время и при томъ въ такимъ размѣрахъ, которые заставляютъ предполагать, что оно произошло уже давно. Нынѣшняя Швейцарія раздѣляется на двѣ неравныя части: одну восточную, гдѣ, можно сказать, говорятъ только по-нѣмецки; другую южную и западную, въ которой также господствуетъ французскій языкъ, какъ въ самой Франціи, что весьма естественно, ибо населеніе вдвойнѣ принадлежитъ Галліи, не признанному мною происхожденію отъ галловъ и кимровъ.

Могли-ли-бы мы безъ предъидущихъ розысканій и открытій нами фактовъ узнать галловъ въ сѣверной Италіи, между сикулами, лигурійцами, этруссками, венетами, римлянами, готами и лангобардами? Но у насъ есть путеводная нить. Ваши изслѣдованія и согласіе всѣхъ историковъ неоспоримо доказываютъ, что галльскія племена нѣкогда властвовали въ сѣверной Италіи между Альпами и Аппенинами. Мы находимъ тамъ ихъ постоянныя жилища при первыхъ лучахъ исторіи; самыя достовѣрныя свидѣтельства представляютъ ихъ намъ со всѣми признаками великаго народа, отъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ эпохъ Рима. Вотъ все, что мнѣ нужно; мнѣ нѣтъ надобности за-

*) Мы уже замѣтили, что когда двѣ породы живутъ рядомъ на одной почвѣ, то языкъ самой многочисленной изъ двухъ не всегда получаетъ перевѣсъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о небольшой части населенія, сохранившей въ какомъ-нибудь углу свое древнее нарѣчіе. Въ княжествѣ Валлискомъ, гдѣ были смѣшаны обѣ породы, типъ кимровъ не такъ часто встрѣчается, какъ типъ галловъ, которыхъ вы принимаете за древнѣйшихъ обитателей Великобританіи.

таться другими народами, которые послѣ смѣшались съ
лами; не для чего говорить объ ихъ числительномъ от-
неніи, о свойствѣ ихъ языка и продолжительности ихъ
быванія въ Италіи. Достаточно того, что галлы тамъ жили
большомъ числѣ. Я видѣлъ черты ихъ соплеменниковъ
Трансальпійской Галліи, и узнаю эти-же черты въ Цис-
пійской. Вотъ уже фактъ общій намъ обоимъ, относи-
тельно Италіи. Но такъ какъ вы отличаете отдѣльные от-
ли одного и того-же племени, я съ своей стороны дол-
женъ допустить такое-же раздѣленіе. Вы отличаете въ Цис-
пійской и Трансальпійской Галліи галловъ и кимровъ.
Я видѣлъ кимровъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, которые вы
отводите, но въ другихъ, вами не показанныхъ. По-
нимъ,—не смотря на трудность сказать что-нибудь утвер-
дительное о столь отдаленномъ времени,—что, въ эпоху
ихъ первыхъ поселеній въ Италіи, кимры и галлы жили
врознь, не соединяясь между собою. Изъ приведенныхъ
и свидѣтельствъ видно, однако, что они вмѣстѣ воевали
противъ римлянъ, и что, слѣдовательно, смѣшеніе ихъ могло
произойти уже тогда. Циспаданская Галлія была, по вашимъ
словамъ, во власти кимровъ, которыхъ вы изображаете какъ
народъ чрезвычайно безпокойный, постоянно занятый дале-
кими и опасными походами. При первомъ столкновеніи рим-
ляны съ галлами въ Италіи, вы уже отличаете кимровъ.
Они были сосѣдями этрусковъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляла
значительная для такого народа граница Аппенинскихъ
горъ. Вѣроятно, что они неоднократно переходили черезъ
нее, прежде чѣмъ заставили трепетать римлянъ; можно
также предположить, что многіе изъ нихъ поселились среди
этрусковъ. Дѣло въ томъ, что я нашелъ ихъ племенной
культуры въ сѣверной Тосканѣ и убѣдился изъ наблюденія па-
мятниковъ, что онъ существовалъ уже въ древности. Вспом-
ните, что сѣверная часть Италіи, лежащая между Альпами
и Аппенинами, составляетъ обширную равнину, которую
окружаетъ рѣка По. Если кимры сначала заняли только
Циспаданскую Галлію, то неужели война, которая всегда
ведетъ къ большимъ перемѣщеніямъ, и миръ, слѣд-
ствиемъ котораго бывають обыкновенно сближеніе и смѣшеніе
народовъ, не могли въ теченіи вѣковъ разсѣять этотъ народъ
по всему пространству равнины. Ужасъ, наведенный гро-
зишмъ нашествіемъ Аттилы, не заставилъ-ли большую
часть населенія искать убѣжища на островахъ Адриатиче-
скаго моря, находящихся у устьевъ По, по берегамъ кото-
ра издавна жили кимры? Вы, вѣроятно, не забыли, что я

находилъ ихъ типъ на старыхъ портретахъ и решными жителями Венеціи.

Гораздо рѣже попадались мнѣ въ сѣверной знаки другой, т. е. чисто галльской породы. Впрочемъ не можетъ даже быть сравненія. Конечно, всего видѣть и всего изслѣдовать, но по это долженъ указать на пробѣлы, находящіеся въ деніяхъ. Изъ сказаннаго мною не слѣдуетъ за галльскій типъ рѣдокъ въ Италіи; но въ чистотѣ ленности своей онъ мнѣ встрѣчался рѣдко. С. ному замѣчанію, сдѣланному мною въ Милан думать, что онъ болѣе распространенъ, чѣмъ показалось. Въ одной изъ миланскихъ книжекъ нашелъ календарь на одномъ листѣ, подъ названіемъ картинкою, изображавшею два забавныя смѣялись другъ надъ другомъ. Это были каррикатуры галльского типа, принадлежавшія здѣсь въ древности населенію. Характеристика были изображены въ особенно-преувеличенномъ бы съ намѣреніемъ выставить существенныя противоположности между обоими и даже различіе роста: фигура кимра отличалась высокимъ ростомъ, а галлъ средняго роста. Рисовали безъ сомнѣнія, ни объ естественныхъ наукахъ, но онъ изобразилъ въ смѣшномъ и торія у него часто были передъ глазами рѣзкую между собою противоположность этому, что когда римляне говорятъ, по войнѣ своихъ съ этими племенами, о чреде галловъ, то рѣчь, по всей вѣроятности кимрахъ.

Они сначала обитали въ Циспаданской какъ они были ближе къ римлянамъ, на нихъ напали. Голова галльского исполина вывѣскѣ, находившейся на римскомъ лежала этому племени. Когда вы приводите свидѣтельство римлянъ о высокомъ относите эти слова къ кимрамъ, не радъ примѣтъ, которыя вы вовсе не принимаете въ вслѣдствіе историческихъ доводовъ, и принятое вами различіе. Я не зналъ этого пришелъ съ своей стороны къ заключенію отличались величиною отъ галловъ, средняго роста. Древніе писатели упомя-

прибавить
племени,

меньшею
въ; чеховъ
роостраненъ
время, но
ии потомъ.
одного рус-
ванные ему
за портреты
уществуютъ
ить; но для
кую я изло-
неніи къ во-
ы ѣхать са-
го трудовъ и

пями для уяс-
Германія, даже
рафіи быть раз-
чистыми герман-
дѣ населеніе смѣ-
амомъ началъ исто-
и два племени. Соб-
ворятъ только по нѣ-
и и Богеміи съ одной
и съ другой. Она, можно
о, которыхъ основное на-
чилъ отсюда, что Австрія
германцами, принадлежала
имѣсью какого-нибудь дру-
ая полоса досталась герман-
ельзя-ли предположить, что
и Австріи съ тамошними сла-
жкъ, такъ какъ на сѣверѣ они
Мнѣ хотѣлось найти подтвер-
родномъ австрійскомъ типѣ. Къ
ла изъ настоящихъ австрійцевъ.
показали уроженцевъ Вѣны и ея
по возможности, нѣмецкаго проис-
и я тотчасъ отличилъ два рѣзко
чисто славянскій, другой герман-
между собою достаточно формы

о жителяхъ восточной Европы: о славянахъ и венграхъ. Хотѣ мнѣ не случилось посѣтить ихъ родину, однако, у меня была полная возможность наблюдать ихъ отличительные типы. Войска австрійскаго императора въ королевствѣ Ломбардо-Венеціанскомъ почти исключительно состоятъ изъ силезцевъ, чеховъ, моравовъ, поляковъ и венгровъ. Во время моего пребыванія въ сѣверной Италіи, я воспользовался случаемъ для изученія этихъ народовъ. Комендантъ, баронъ Свинбурнъ, принялъ меня весьма вѣжливо и благосклонно и не только позволилъ мнѣ посѣщать казармы и производить нужныя наблюденія, но даже разрѣшилъ мнѣ брать съ собою живописца, который долженъ былъ снимать портреты съ указанныхъ мною лицъ. Эти приказанія были въ точности исполнены, и я нашелъ всѣ удобства, какихъ могъ желать. Я прежде всего старался опредѣлить тѣ черты, которыми каждое племя отличается отъ другихъ. Австрійско начальство было такъ благосклонно ко мнѣ, что соединяло въ одномъ мѣстѣ значительное число людей одного и того же происхожденія и языка. Я могъ, такимъ образомъ, наблюдать ихъ на досугъ, всматривался въ совокупность господствующихъ чертъ и сравнивалъ между собою различные народы. Но мнѣ не удалось найти у нихъ отличительныхъ племенныхъ знаковъ. Я вскорѣ замѣтилъ, что многіе изъ этихъ людей походили другъ на друга, хотя были уроженцами разныхъ странъ, и, наконецъ, успѣлъ отличить общій этимъ народамъ типъ. Я не думаю утверждать, что всѣ славянскіе народы вылиты въ одну форму; но очевидно, что есть извѣстныя характеристическія примѣты, которыя часто повторяются у всѣхъ ихъ.

Очеркъ головы, взятый спереди, представляетъ почти фигуру четвероугольника, потому что длина не многимъ превышаетъ широту; макушка плоская, а направленіе челюсти горизонтальное. Носъ короче разстоянія, отдѣляющаго его основаніе отъ подбородка; онъ идетъ почти прямо отъ переносицы, т. е. въ немъ нѣтъ опредѣленнаго сгиба. Тамъ, гдѣ такой сгибъ можно замѣтить, носъ является нѣсколько согнутымъ, такъ что конецъ легко приподнять къ верху; нижняя часть довольно широка, оконечность закруглена. Глаза нѣсколько впалые, лежатъ на одной линіи, и когда въ нихъ есть нѣчто особенное, то они менѣе, чѣмъ имъ слѣдовало бы быть по общимъ размѣрамъ головы. Брови не густы и близко подходятъ къ глазамъ, особенно у внутренняго угла отъ котораго они часто идутъ вкось. Невыдающийся ротъ съ довольно тонкими губами гораздо ближе къ носу, чѣмъ къ

вищу подбородка. Къ этимъ признакамъ надобно прибавить еще одинъ весьма странный, хотя общій всему племени, именно: рѣдкую, за исключеніемъ усовъ, бороду.

Таковъ типъ, повторяющійся съ большею или меньшею опредѣленностью у поляковъ, силезцевъ, моравовъ, чеховъ и венгерскихъ славянъ. Онъ также весьма распространенъ въ Россіи. Я не видалъ самъ русскихъ въ то время, но имѣлъ случай убѣдиться въ моемъ предположеніи потомъ. Въ особенности полагаюсь я на свидѣтельство одного русскаго путешественника, который принялъ показанные ему мною рисунки, изображающіе другихъ славянъ, за портреты русскихъ крестьянъ. Конечно, у этихъ народовъ существуютъ другія очертанія головы, что я могъ замѣтить; но для опредѣленія этихъ признаковъ съ цѣлью, какую я изложилъ выше, и для изслѣдованія ихъ въ отношеніи къ вопросамъ, насъ занимающимъ, надобно было-бы ѣхать самому въ славянскія земли и употребить много трудовъ и времени.

Я, однако, воспользовался этими наблюденіями для уясненія одного темнаго историческаго вопроса. Германія, даже въ наше время, можетъ относительно этнографіи быть раздѣлена на двѣ части: западную, занятую чистыми германцами, и большую половину восточной, гдѣ населеніе смѣшанное изъ германцевъ и славянъ. При самомъ началѣ историческихъ временъ, Эльба раздѣляла эти два племени. Собственная Австрія, которой жители говорятъ только по нѣмецки, лежитъ ниже Силезіи, Моравіи и Богеміи съ одной стороны, выше Каринтіи и Карніоліи съ другой. Она, можно сказать, вставлена въ раму земель, которыхъ основное населеніе есть славянское. Я заключилъ отсюда, что Австрія въ древности, до покоренія ея германцами, принадлежала славянамъ, быть можетъ съ примѣсью какого-нибудь другого племени. Вся эта восточная полоса досталась германцамъ вслѣдствіе завоеванія. Нельзя-ли предположить, что они смѣщались въ настоящей Австріи съ тамошними славянами и истребили ихъ языкъ, такъ какъ на сѣверѣ они истребили языкъ пруссовъ? Мнѣ хотѣлось найти подтвержденіе моей догадки въ народномъ австрійскомъ типѣ. Къ счастью, артиллерія состояла изъ настоящихъ австрійцевъ. Я попросилъ, чтобы мнѣ показали уроженцевъ Вѣны и ея окрестностей, доказаннаго, по возможности, нѣмецкаго происхожденія. Ихъ собрали, и я тотчасъ отличилъ два рѣзко обозначенные типа: одинъ чисто славянскій, другой германскій. Для различенія ихъ было достаточно форм-

головы. Австрійцы съ славянскими примѣтами, безъ стороннихъ примѣсей, походили совершенно на портреты, списанные по моему порученію съ другихъ славянъ.

Часть населенія Венгріи принадлежитъ, какъ я сказалъ, къ славянскому племени. Сколько я могъ замѣтить, широкая полоса этого края, захватывающая почти всю окружность и болѣе или менѣе заходящая внутрь, заселена славянами, т. е. племенемъ, которое носить на себѣ признаки, выше мною описанные, и говоритъ славянскимъ языкомъ. Среднія-же части Венгріи занимаетъ другой народъ, у котораго языкъ совершенно особенный. Онъ слыветъ у нихъ мадыарскимъ; мы называемъ его венгерскимъ.

Если замѣчаніе мое вѣрно, то изъ него слѣдуетъ, независимо отъ свидѣтельства исторіи, что между славянами поселилось племя, имъ чуждое. Извѣстно, что до нашествія варваровъ эти области были заселены даками и пр. Но мы не знаемъ, какіе это были народы. Быть можетъ, они принадлежали къ той-же породѣ, которая до сихъ поръ сохранилась въ тѣхъ странахъ и занимаетъ цѣлую половину Европы. Я предлагаю, впрочемъ, этотъ вопросъ мимоходомъ и не намѣренъ посвящать ему дальнѣйшихъ розысканій.

Что-же за народъ, или смѣсь народовъ, господствуетъ нынѣ въ средней Венгріи, называетъ себя мадыарами и слыветъ у насъ подъ именемъ венгровъ?

Я занимался этимъ вопросомъ со стороны отличій типа и пришелъ къ весьма любопытнымъ для меня выводамъ. Скажу вамъ прежде всего, что большая часть населенія, слывущаго за мадыарское или за потомковъ древнихъ венгровъ, принадлежитъ славянской породѣ. Я наблюдалъ людей, которыхъ родной языкъ былъ мадыарскій, и нашелъ между ними много такихъ, которые, несмотря на языкъ свой, чертами лица обличали славянское происхожденіе. Древніе мадыары, конечно, говорили не по-славянски; я докажу также, что у нихъ были совсѣмъ другія черты лица. Вотъ новое доказательство въ пользу мнѣнія, что славяне нѣкогда обладали нынѣшнею Венгріею. Они соединились съ пришельцами и приняли ихъ языкъ; съ другой стороны часть венгровъ, вслѣдствіе несоразмѣрнаго смѣшенія, утратила свой народный типъ. Политическое преобладаніе венгровъ доставило господство ихъ языку; числительный перевѣсъ славянъ упрочилъ существованіе ихъ типа.

Я долго и напрасно искалъ между австрійскими войсками совокупности физическихъ признаковъ, отличныхъ

отъ видѣнныхъ мною дотолѣ и приложимыхъ къ древнимъ венграмъ, или какому-нибудь другому племени, поселившемуся, по свидѣтельству исторіи, въ той странѣ. Мнѣ пришло, наконецъ, въ голову то, что я самъ видѣлъ въ другихъ мѣстахъ и слышалъ въ Миланѣ отъ одного италіанскаго ученаго, путешествовавшаго въ Венгріи. Онъ встрѣтилъ въ средней части края венгровъ небольшого роста и особеннаго вида, которыхъ считалъ потомками древнихъ завоевателей, т. е. гунновъ или мадьяровъ. При осмотрѣ тюрьмы (bagne) въ Венеціи, мнѣ показали нѣсколько венгровъ, изъ которыхъ одинъ, ростомъ ниже средняго, поразилъ меня своей наружностью. Я не могъ не вскрикнуть: вотъ гунны! Извините меня за это преждевременное восклицаніе. Вы увидите, что оно было не совсѣмъ неосновательно. Мои воспоминанія навели меня, наконецъ, на настоящую дорогу. При наблюденіяхъ моихъ въ миланскомъ замкѣ, о которыхъ я отдалъ вамъ отчетъ, я имѣлъ предъ собою только гренадеровъ и вообще великорослыхъ солдатъ. Я спросилъ: нѣтъ-ли венгровъ небольшого роста. Мнѣ показали одного; другихъ не было. Однако, я, къ великому удовольствію моему, узналъ тотъ-же складъ головы, который поразилъ меня въ Венеціи. Черты были менѣе рѣзки, но сходство было очевидное. Тогда мнѣ указали на казармы св. Франциска, гдѣ было много венгровъ такого роста, какой мнѣ былъ нуженъ. Я тотчасъ туда отправился и, благодаря любезности начальства, по распоряженію котораго люди были собраны, получилъ возможность удостовѣриться въ частомъ повтореніи искомаго типа. Ожиданія мои не были обмануты: я нашелъ его съ болѣвшими или мѣншими измѣненіями на всѣхъ представившихся мнѣ лицахъ. Я выбралъ, для снятія съ него портрета, венгра изъ окрестностей Дебречина, напоминавшаго формы и пропорціи, видѣнныя мною въ Венеціи. Когда живописецъ принялся за работу, за солдатомъ пришелъ унтеръ-офицеръ и вызвалъ его. Такое приказаніе показалось мнѣ сначала страннымъ: но потомъ, когда мнѣ объяснили поводъ къ нему, я нашелъ, что оно было довольно основательно. Меня обвиняли въ выборѣ самаго безобразнаго изъ солдатъ, котораго вездѣ считали за уродъ, представителемъ венгерскаго народнаго типа. Правда, что онъ былъ некрасивъ; но онъ представляетъ типъ во всей чистотѣ его, и я не могъ упустить случая. Къ счастью, у меня были средства къ оправданію. Я послалъ офицерамъ портреты нѣсколькихъ прекрасныхъ собою венгровъ по моему желанію съ тѣми же чертами въ замкѣ

именемъ ихъ именъ и мѣста рожденія. Я поручилъ сказать имъ при томъ, что послѣдній выборъ мой палъ на безобразнаго человѣка потому только, что я принималъ его за потомка древняго, поселившагося между ними племени. Доводы мои были хорошо приняты и доставили мнѣ позволеніе кончить портретъ.

По описанію типа, вы можете, м. г., судить объ его рѣзкомъ характерѣ и о тѣхъ слѣдахъ, какіе онъ долженъ былъ оставить въ своихъ естественныхъ видоизмѣненіяхъ или помѣсахъ. Голова круглая, лобъ мало развитый, низкій и уходящій назадъ; положеніе глазъ косое, такъ что внѣшній уголъ приподнять къ верху; носъ довольно короткий и сплюснутый, ротъ выдается впередъ; губы широкія; шея очень толстая, вслѣдствіе чего задняя часть головы кажется плоскою и какъ-бы образуетъ прямую линію съ затылкомъ; борода жидкая; ростъ малый. Вы согласитесь теперь, что восклицаніе, вырвавшееся у меня при видѣ венгра въ Венеціи, было отчасти оправдано воспоминаніями, вызванными во мнѣ безобразіемъ этого лица и именемъ его родины. Конечно, отсюда нельзя еще заключать о тождествѣ этого типа съ гуннскимъ; но у меня есть въ запасѣ другіе доводы, столь сильные, что послѣ нихъ не можетъ остаться никакого сомнѣнія. Мой портретъ-писанъ съ натуры; я не заимствовалъ ни одной черты изъ книгъ; я даже не заглядывалъ въ нихъ въ то время. Сравнимъ-же составленное мною описаніе съ древними свидѣтельствами о гуннахъ, которыя собраны г. Демуленомъ. Вотъ что Прискъ говоритъ объ Аттилѣ: онъ былъ малъ ростомъ; грудь у него была широка; голова чрезмѣрно большая; глаза маленькіе; борода рѣдкая; носъ сплюснутый; цвѣтъ лица смуглый. У Амміана Марцелина находимъ еще одну черту: гунны старѣютъ безъ бороды; у нихъ всѣхъ члены широкіе и крѣпкіе, шея толстая. Иорнандъ представляетъ почти полное описаніе гунновъ. Они, по его словамъ, безобразны, смуглы, малорослы; глаза у нихъ небольшіе и расположены криво; носъ сплюснутый; безбородое лицо походить на безобразный комъ мяса.

Вотъ точныя, подробныя и совершенно согласныя между собою описанія. Сравните ихъ съ тѣмъ, что я сказалъ объ одномъ изъ типовъ нынѣ существующихъ въ Венгріи. Слова мои могутъ быть приняты за древнее описаніе гунновъ. Съ другой стороны, приведенныя мною свидѣтельства древнихъ писателей примѣняются съ небольшими измѣненіями къ породѣ людей, еще живущей въ Венгріи. Я не упомянулъ

цвѣтъ кожи, потому что не нашелъ въ немъ ничего особеннаго; къ тому-же эти оттѣнки цвѣта переходчивы и съ рудомъ сохраняются, какъ я замѣтилъ выше *).

Итакъ, теперь достовѣрно, что у древнихъ гунновъ былъ отъ-же типъ, который я встрѣтилъ у венгровъ. Отсюда слѣдуетъ, что часть нынѣшняго венгерскаго населенія происходитъ отъ гунновъ; иначе надобно будетъ принять поеленіе въ этомъ краю другого народа. За нашествіемъ гунновъ въ 5-мъ столѣтіи (собственно въ 4-мъ) слѣдовало мадьярское въ 9-мъ. Мы можемъ убѣдиться въ сходствѣ или различіи внѣшнихъ признаковъ у этихъ двухъ народовъ только при пособіи тѣхъ началъ, которыя были выставлены мною во введеніи къ этому письму, при изложеніи общихъ понятій.

Надобно узнать, въ какой степени описанный нами уннскій типъ господствуетъ въ въ той части нынѣшняго венгерскаго населенія, которая говоритъ по-мадьярски. Личныя мои наблюденія доказываютъ его существованіе и даже наставляютъ предполагать, что онъ весьма распространенъ. Я не утверждаю, что онъ существуетъ во всей чистотѣ своей; но его можно узнать при большихъ или меньшихъ измѣненіяхъ въ помѣсахъ, отъ него происходящихъ. Свидѣтельство двухъ знаменитыхъ естествоиспытателей убѣждаетъ меня въ этомъ окончательно. Проѣзжая черезъ Женеву, я показывалъ мое собраніе портретовъ г. Декандоллю, принимающему живое участіе въ этой отрасли естественныхъ наукъ, на которую онъ обращалъ постоянное вниманіе въ своихъ путешествіяхъ. Посмотрѣвъ рисунки, изображавшіе славянскія племена, онъ съ перваго взгляда узналъ фигуру малорослаго венгра, который служилъ мнѣ типомъ, и сказалъ, что въ самой Венгріи она встрѣчается очень часто. Г. Бѣданъ (Beudant), совершившій, какъ вамъ извѣстно, минералогическое путешествіе въ тотъ край, обратилъ вниманіе на множество предметовъ, между прочимъ на человѣческія породы; онъ также призналъ показанное ему мною изображеніе за мадьярское или чисто венгерское. Онъ замѣтилъ только, что верхняя округлость головы слишкомъ сглажена, но что, впрочемъ, существенные признаки отъ этого не измѣнились.

*) Судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, гунны были смуглаго или темно-желтаго цвѣта. Большая голова Аттилы могла быть его личною особенностью. У того венгра, котораго я видѣлъ въ Венгріи, голова была нѣсколько велика для его поста, но я не знаю, можно-ли эту черту общему принадлеж-

Этотъ типъ въ чистотѣ своей и смѣшеніяхъ слишкомъ распространенъ и потому не можетъ, на основаніи изложенныхъ нами общихъ началъ, быть принятъ за исключительно гуннскій. Какъ ни многочисленно было это племя при вторженіи своемъ въ Европу, которой оно стало бичемъ, оно потомъ разсѣялось и внесло значительныя утраты; паденіе ихъ государства, вскорѣ послѣ смерти Атиллы, не мало содѣйствовало къ уменьшенію ихъ числа. Говорятъ даже, что они были совершенно истреблены въ то время; но мы знаемъ, какъ должно принимать подобныя выраженія. Надобно думать, что національныя черты гунновъ были сохранены и распространены мадьярами въ 9-мъ вѣкѣ.

Сильное впечатлѣніе, произведенное наружностью гунновъ на народы, застигнутые ихъ нашествіемъ, объясняется, сверхъ страшнаго безобразія пришельцевъ, еще и тѣмъ, что эта наружность была совершенно чужда не только европейскимъ, но даже извѣстнымъ въ то время азіатскимъ племенамъ. Нечего, слѣдовательно, удивляться тому, что современные лѣтописцы описали черты столь рѣзкія и отличительныя съ точностью, какой можно было-бы требовать отъ новыхъ натуралистовъ. Васъ вѣроятно поразило сходство ихъ изображеній съ составленнымъ мною описаніемъ части нынѣшняго населенія Венгріи; но сходство это простирается, не мало не ослабѣвая, еще далѣе, до другихъ весьма отдаленныхъ народовъ. Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, хотя и не занимаетесь отдѣльно этими вопросами. Кому не извѣстно особенное устройство головы, которымъ отличается великая отрасль рода человѣческаго, названная именемъ монгольской. Тождество ея съ гуннскою, очевидно, и не требуетъ для подтвержденія знаній естествоиспытателя. Мнѣ не нужно ссылаться на славное имя Палласа, который узналъ въ описаніяхъ гунновъ древними писателями признаки монгольской породы, ни приводить въ свидѣтели г. Демуплена, который изъ такого-же сравненія вывелъ тѣ-же заключенія.

Доказавъ сходство, мы должны извлечь изъ него полезныя для науки выводы. Въ основаніе мы положимъ нѣсколько новыхъ фактовъ и соображеній.

Вы знаете, что монгольскій типъ принадлежитъ не одному народу этого имени, а множеству другихъ, обитающихъ въ восточной Азіи. Онъ до такой степени распространенъ тамъ, что, по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, господствуетъ почти во всей восточной половинѣ этой части свѣта. Перерѣзавъ Азію вертикальною линіею, проходящею между обоими

Индійскими полуостровами у устьевъ Гангеса, вы раздѣлите ее на двѣ почти равныя между собою половины. Эти половины представляютъ такія-же рѣзкія различія въ своемъ географическомъ положеніи, какъ и въ наружномъ видѣ племенъ, ихъ населяющихъ. Почти во всѣхъ обитателяхъ восточнаго отдѣла лежитъ одинъ общій имъ отпечатокъ: голова у нихъ круглая, лобъ мало развитъ и загнутъ назадъ, носъ сплюснутый, скулы выдаются впередъ, ротъ нѣсколько выпуклый, губы толстыя, борода рѣдкая, ростъ средній или малый. Черты племенъ, населяющихъ вторую половину, представляютъ въ совокупности признаковъ своихъ родственное сходство съ европейскими. Поэтому мнѣ нѣтъ надобности ихъ описывать.

Я вовсе не думаю утверждать, что проведенная нами мысленно линія совершенно раздѣляетъ двѣ большія семьи человѣческаго рода. На западъ отъ нея, мы найдемъ рядъ народовъ, совершенно сходныхъ съ монгольской породой. Ихъ можно встрѣтить не только на крайнихъ предѣлахъ Азіи, но даже въ Европѣ. Однако, они такъ незначительны числомъ въ сравненіи съ облегающею ихъ массою остального, вовсе непохожаго на нихъ, населенія, представляютъ столь поразительное сходство съ жителями восточной Азіи и тянутся такою непрерывною цѣпью отъ этихъ обширныхъ пространствъ, что мы не можемъ не отнести туда ихъ колыбели. Такой выводъ, извлеченный изъ естественныхъ наукъ, вполне подтверждается историческими преданіями и сравненіемъ языковъ, возводящими къ одному и тому-же источнику всѣ народы монгольскаго типа, разсѣянные по западной Азіи и сосѣднимъ частямъ Европы. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ вѣтви этого племени, находимыя въ западной Азіи и въ Россіи, вышли изъ одного гнѣзда. Но что скажемъ мы, сдѣлавъ еще шагъ впередъ и встрѣтивъ тѣ-же общія черты у части жителей Венгріи? По аналогіи фактовъ, изложенныхъ нами выше, не въ правѣ-ли мы заключить изъ такого сходства о единствѣ происхожденія, не справляясь ни съ языкомъ, ни съ преданіями, ни съ исторіею мадяровъ? Этотъ родъ наведенія не въ состояніи, однако, привести насъ къ дальнѣйшимъ результатамъ: онъ не можетъ открыть намъ ни времени переселенія ихъ предковъ, ни странъ ими занятыхъ, или пройденныхъ, ни обстоятельствъ ихъ исторіи, предшествующихъ ихъ появленію въ Венгріи. Мы должны искать въ другихъ наукахъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. По словамъ ученыхъ филологовъ, основа мадярскаго языка есть финнская; но физическіе

признаки настоящихъ финновъ совсѣмъ другіе. Сравненіе народныхъ типовъ и языковъ приводитъ къ разнымъ, но не противоположнымъ между собою выводамъ. Въ настоящемъ случаѣ мы находимъ, что часть нынѣшняго населенія Венгріи пришла первоначально изъ восточной Азіи и что, съ другой стороны, она находилась въ тѣсной связи съ финскими племенами, отъ которыхъ заимствовала свой языкъ еще до пришествія своего на новую родину. Подтверждаетъ-ли исторія такое происхожденіе мадьяровъ и послѣдующія ихъ отношенія? Мы должны были-бы принять и то и другое. даже безъ ея дополнительныхъ свидѣтельствъ, но она, какъ вамъ извѣстно, обратила вниманіе на этотъ великій вопросъ и собственнымъ путемъ пришла къ такимъ-же заключеніямъ, какъ и мы. Задача была трудная. Дегинъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о народахъ восточной Азіи, показалъ намъ первобытныхъ жилища Гюнгъ-ну, ихъ могущество и упадокъ; онъ прослѣдилъ ихъ странствованія и сношенія съ финскими племенами и, наконецъ, узналъ ихъ въ тѣхъ гуннахъ, которые овладѣли Венгрією (*).

Такимъ образомъ, исторія указываетъ намъ на восточную Азію, какъ на колыбель народа, поселившагося въ Венгріи, и котораго предки были тѣсно связаны съ финнами. Она, слѣдовательно, согласна съ физиологією относительно ихъ происхожденія и съ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ въ вопросѣ объ ихъ отношеніи къ финнамъ.

Если-бы исторія всегда была въ состояніи находить при пособіи памятниковъ, ей одной принадлежащихъ, достовѣрное начало и кровную связь народовъ, то мы не имѣли-бы надобности въ дополнительныхъ объясненіяхъ другихъ наукъ. Но, восходя къ этимъ вопросамъ, она часто подвергается опасности сбиться съ прямой дороги, и ея заключенія нерѣдко оставались-бы сомнительными безъ новыхъ доводовъ, почерпнутыхъ изъ чуждыхъ ей источниковъ. Къ этому ряду принадлежатъ изслѣдованія Дегиня о гуннахъ. Они приобрѣли сначала общее довѣріе, но потомъ, вслѣдствіе усилій исторической критики, подверглись сомнѣнію. Абель Ремюза, котораго приговоръ имѣетъ большой вѣсъ, слѣдующимъ образомъ отозвался о мнѣніяхъ Дегиня: ихъ можно защитить, но трудностей много, и предметъ вообще требуетъ новаго пересмотра. Въ этомъ именно и состоитъ занимательность нашихъ розысканій. Съ одной стороны, Дегинъ, исходя изъ Монголіи, думаетъ слѣдить за однимъ и тѣмъ-же народомъ въ его далекихъ странствованіяхъ и сношеніяхъ съ финнами до прихода въ Венгрію; съ другой—я узнаю, по от-

личительнымъ и рѣзкимъ признакамъ породы, въ той части нынѣшняго населенія Венгріи, которая говоритъ финскимъ нарѣчіемъ, потомковъ племени, вышедшаго изъ восточной Азіи. Но я иду еще далѣе. Я нахожу, что этотъ типъ распространенъ въ такомъ количествѣ, что его нельзя считать исключительно принадлежностью гунновъ и ихъ потомства, но что онъ былъ у нихъ общій съ древними мадьярами, народомъ, по языку близкимъ съ финнами и поселившимся въ Венгріи четыре столѣтія послѣ гунновъ. На этомъ основаніи я утверждаю, что между гуннами и мадьярами существовала родственная кровная связь.

По мадьярскимъ преданіямъ, вождь ихъ Арпадъ, который привелъ ихъ въ Венгрію, происходилъ отъ Аттилы. Народное преданіе подтверждается въ этомъ случаѣ свидѣтельствомъ фізіологіи. Что касается до собственно финскаго типа, то онъ вѣроятно существуетъ въ томъ-же населеніи, но еще не былъ описанъ, и я не имѣлъ случая изучить его.

Изъ сравненія языковъ, съ цѣлью составить ихъ классификацію, въ Германіи возникла въ наше время цѣлая наука лингвистики. Вамъ извѣстна важность этой науки при рѣшеніи многочисленныхъ историческихъ вопросовъ, ибо вы сами пользовались ею съ успѣхомъ. Она равно занимательна и для фізіолога, потому что обращаетъ его мысль на великія задачи и служить ему проводницею въ его изслѣдованія о сродствѣ народовъ, хотя сродство языковъ не всегда совпадаетъ съ близостью породъ. Впрочемъ, оно очень часто ей соотвѣтствуетъ.

При сравненіи языковъ почти исключительно разсматриваются: ихъ лексикографическое содержаніе, т. е. слова; способъ употребленія этихъ словъ, составляющій предметъ грамматики, и духъ языковъ, — выраженіе недостаточно определенное и ясное, вслѣдствіе чего я не буду на немъ останавливаться. Вниманіе філологовъ было также обращено и на произношеніе, но вообще имъ слишкомъ мало занимались. Такъ какъ оно нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ къ области фізіологіи, то изъ него можно извлечь нѣсколько соображеній относительно нашего предмета. Вотъ почему я не теряю его изъ виду при изученіи породъ и дошелъ до результатовъ, которые не лишены занимательности. Начнемъ съ фактовъ общеизвѣстныхъ. Взрослый человѣкъ можетъ научиться правильно говорить на иностранномъ языкѣ, но ему не такъ легко будетъ усвоить себѣ надлежащее произношеніе. Рѣчь его будетъ согласна съ грамматикою и обычаемъ, слогъ правиленъ и чистъ, но ему не удастся вос-

произведеіе звуковъ въ должной чистотѣ. По строенію фразы онъ можетъ показаться туземцемъ, но выговоръ почти всегда обличить иностранца. Употребляя слова и обороты чужого языка, онъ сохранить часть звуковъ, свойственныхъ его родному. Онъ положить ударенія не на тотъ слогъ, или замѣнить звукъ для него непривычный и трудный другимъ, болѣе ему знакомымъ. Если-бы онъ даже захотѣлъ отказаться совершенно отъ родного языка и забыть его, то въ голосѣ его сохраняются неизгладимые слѣды прежней рѣчи, по которымъ можно будетъ узнать его происхожденіе. Нѣтъ болѣе общаго и вѣрнаго способа отличить иностранца отъ туземца. Такимъ образомъ, у отдѣльнаго человѣка выговоръ и особенности удареній переживаютъ слова и обороты забытаго имъ языка. Тоже самое, и еще въ большей степени, можно сказать о цѣломъ народѣ. Лицо можетъ до безконечности разнообразить свои отношенія къ той средѣ, въ которую оно перенесено; цѣлому народу это невозможно.

Случается, что народъ принимаетъ новый языкъ отъ небольшого числа пришельцевъ; но по недостатку непосредственныхъ сношеній, ему трудно усвоить себѣ вполнѣ и передать въ чистотѣ чуждое ему слово. Оно искажается въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, оборотахъ и выговорѣ своемъ. Принимая иностранный, живой языкъ, народъ поступаетъ съ нимъ такъ-же, какъ мы поступаемъ съ мертвыми языками. Каждый произноситъ ихъ по-своему: нетрудно отличить въ этомъ случаѣ англичанина, француза, нѣмца, италіанца, или испанца. Перемѣнивъ языкъ, народъ передаетъ своимъ потомкамъ часть первоначальнаго произношенія, котораго слѣды не стираются въ продолженіе многихъ вѣковъ, и при всемъ своемъ разнообразіи, могутъ служить признакомъ общаго происхожденія. Я обязанъ знаменитому Меццофанти, съ которымъ имѣлъ случай познакомиться въ Болоньѣ, подтвержденіемъ моихъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, мнѣній объ англійскихъ британцахъ.

Самое рѣзкое отличіе англійскаго языка отъ другихъ, употребительныхъ въ новой Европѣ, заключается въ чрезвычайной неправильности выговора. Познакомившись съ основными звуками какого-нибудь другого языка, можно, при пособіи нѣкоторыхъ правилъ, довольно хорошо произносить слово, даже не понимая ихъ значенія. Правильное произношеніе англійскихъ словъ возможно только при совершенномъ знаніи языка. Говоря со мною, Меццофанти сказалъ, что это свойство англійскаго языка досталось ему въ наслѣдство отъ галльскаго. Мнѣ неачѣмъ было спрашивать

его о томъ, какимъ путемъ совершилась эта передача, потому что мнѣ такъ-же, какъ ему, извѣстно было отношеніе британцевъ къ галламъ. Такимъ образомъ, онъ сообщилъ мнѣ новое и неожиданное доказательство въ подкрѣпленіе другихъ фактовъ, убѣдившихъ меня въ томъ, что британцы не переставали существовать на англійской почвѣ, послѣ покоренія ея саксами. Племя ихъ считали вымершимъ. Но филологъ узнаетъ ихъ потомковъ по звукамъ голоса, такъ, какъ я узнаю ихъ по чертамъ лица. Этихъ доводовъ, кажется, достаточно.

Къ сожалѣнію, Меццофанти, превосходящій всѣхъ современниковъ изумительнымъ знаніемъ языковъ, таитъ отъ насъ основу своего знанія. Онъ обязанъ имъ не огромной памяти своей и не врожденной, можно сказать, способности замѣчать и удерживать въ головѣ отдѣльныя слова и ихъ сочетанія, но уму въ высокой степени аналитическому, который проникаетъ въ духъ языковъ и усваиваетъ его себѣ. Онъ самъ сказалъ мнѣ, что болѣе изучаетъ духъ, чѣмъ букву. Что мы знаемъ о духѣ языковъ? Почти ничего. Если бы Меццофанти сообщилъ намъ результаты своихъ наблюденій, изъ нихъ образовалась-бы, быть можетъ, новая наука.

Изъ его словъ видно, какое вліяніе можетъ имѣть на произношеніе новаго языка другой, давно умершій, и какою прочностью и живучестью одарены звуки, повидимому, летучіе и переходящіе.

Наблюденія, сдѣланныя мною надъ нарѣчіями сѣверной Италіи, доставятъ намъ еще одинъ примѣръ.

Нарѣчія генуезское, піемонтское, миланское и бресціанское принадлежатъ сѣверной Италіи, т. е. тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда жили галлы. При всемъ разнообразіи, у нихъ есть общіе всѣмъ признаки, которыми они существенно отличаются отъ нарѣчій южной Италіи. Нельзя-ли найти въ этихъ общихъ и характеристическихъ чертахъ остатковъ прежняго, т. е. галльскаго языка? Удовѣряться въ этомъ не трудно. Поселившіеся по обѣимъ сторонамъ Альповъ галлы, отказавшись отъ собственнаго языка въ пользу латинскаго, должны были измѣнить послѣдній сообразно съ началами, которыя изложены нами выше. Мы сравнимъ эти обѣ отрасли галльскаго племени сначала относительно выговора, признака чрезвычайно важнаго для того, кто умѣетъ его цѣнить, и съ измѣненіемъ котораго искажается весь языкъ.

Французы, по крайней мѣрѣ парижане, утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ особенности выговора, то-есть они не воз-

вышаютъ голоса и не кладутъ удареній преимущественно на извѣстные слоги. Тѣмъ не менѣе, у нихъ есть такая особенность, которую люди хорошаго общества стараются, по возможности, не давать чувствовать. Удареніе полагается вообще на послѣдній слогъ: простой народъ значительно возвышаетъ при этомъ голосъ, въ особенности сельскіе жители въ цѣлой Франціи. Наоборотъ, настоящіе италіянцы отбрасываютъ удареніе на предпослѣдній слогъ; гласная, которою оканчивается слово, представляетъ латинское склоняющееся окончаніе. Французы, замыкая слово удареніемъ, сократили его. Таково направленіе языка даже въ тѣхъ словахъ, гдѣ за удареніемъ слѣдуетъ еще слогъ; въ такомъ случаѣ онъ не выговаривается и его по справедливости называютъ нѣмымъ.

Это свойство, сообщенное трансальпинскими галлами принятому ими латинскому нарѣчію, доведено, кажется, до еще большей степени у ихъ цисальпинскихъ соплеменниковъ. Когда я пріѣхалъ въ Италію черезъ Піемонтъ, меня приводила въ отчаяніе привычка жителей сокращать латинскія слова, ставя удареніе на послѣднемъ слогѣ. Словамнѣ весьма извѣстныя подвергаются тамъ такимъ усѣченіямъ, что я не успѣвалъ ихъ разслушать.

Изъ всѣхъ свойствъ языка, ударенія, не смотря на свою важность, наименѣе обращаютъ на себя вниманіе, и потому мы перейдемъ къ другимъ болѣе замѣтнымъ признакамъ. Въ французскомъ языкѣ есть нѣсколько звуковъ, которыми онъ существенно отличается отъ кореннаго италіанскаго. Въ томъ числѣ французское U. Вамъ извѣстно, какъ трудно южнымъ италіанцамъ выговорить этотъ звукъ, котораго у нихъ не существуетъ. Онъ могъ-бы служить для нихъ тѣмъ, чѣмъ шибболетъ былъ для іудеевъ. Однако, принадлежащее Трансальпинской Галліи и произносится и въ Цисальпинской, отъ западныхъ Альповъ до рѣки Минчіо, въ нарѣчіяхъ генуэзскомъ, піемонтскомъ, миланскомъ, бресціанскомъ и т. д. Въ этихъ-же нарѣчіяхъ мы находимъ даже французское *eu*, выраженное тѣми-же буквами, еще болѣе трудное для италіанца, чѣмъ U. Есть слова, въ которыхъ оно звучитъ такъ, какъ въ французскихъ *feu*, *reu*, *neuf* и т. д. Если-бы намъ не было извѣстно происхожденіе этихъ народовъ, то можно было-бы подумать, что они заимствовали приведенные нами звуки. Но они были сами галлы и потому не имѣли надобности въ такомъ заимствованіи. Принявъ латинскій языкъ, галлы, жившіе по обѣимъ сторонамъ Альпъ, видоизмѣнили его по однимъ и тѣмъ-же началамъ.

Другая особенность французскаго выговора относительно итальянскаго заключается въ богатствѣ и разнообразіи такъ называемыхъ носовыхъ звуковъ. У итальянцевъ, живущихъ къ югу отъ Аппенинскихъ горъ, этихъ звуковъ нѣтъ вовсе. Въ нарѣчіяхъ сѣверной Италіи они встрѣчаются очень часто.

Я собралъ много другихъ фактовъ такого рода, но не считаю нужнымъ приводить ихъ, полагая, что сказаннаго уже достаточно.

Не могу оставить Италіи, не упомянувъ о небольшомъ народѣ, котораго предки, говорятъ, играли великую роль въ исторіи и особенно занимаютъ васъ. Въ горахъ между Виченцою и Вероною живетъ иноплеменное населеніе. Его принимаютъ за остатокъ разбитыхъ Маріемъ кимбровъ. Ихъ называютъ даже этимъ именемъ, а также жителями семи или тринадцати общинъ, смотря по провинціи. Знакомство съ ними было для меня заманчиво во всѣхъ отношеніяхъ, и потому я принялъ намѣреніе посѣтить ихъ если можно лично, или, по крайней мѣрѣ, собрать о нихъ самыя точныя свѣдѣнія. Говорятъ, что какой-то датскій принцъ былъ у нихъ и узналъ своихъ соплеменниковъ. Если они въ самомъ дѣлѣ говорятъ датскимъ нарѣчіемъ и происходятъ отъ кимбровъ, которые сражались съ Маріемъ, то ихъ нельзя смѣшивать съ отраслью галловъ, которую вы называете кимрскою. Въ противномъ случаѣ надобно предположить, что они перемѣнили языкъ еще во времена Маріа, съ чѣмъ вы, конечно, не согласитесь. Не доѣзжая еще до тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ, я убѣдился, что ихъ нельзя считать за выходцевъ изъ Херсонеса Кимврійскаго. Въ Болоньѣ Меццофанти показалъ мнѣ написанную на ихъ языкѣ молитву Господню. Судя по образцу, нарѣчіе это вовсе не датское, а нѣмецкое, до такой степени чистое и легкое, что я не нашелъ ни одного непонятнаго мнѣ слова. Когда я пріѣхалъ въ Виченцу и потомъ въ Верону, время года не благопріятствовало путешествію въ горы. Ледъ, снѣга и дурныя дороги заставили меня отказаться отъ моего намѣренія. Молодой веронскій графъ Орти въ нѣкоторой степени вознаградила меня за эту неудачу, приказавъ отыскать въ городѣ нѣсколько изъ этихъ горцевъ, которые часто тамъ бывають. Мнѣ доставлена была возможность ихъ видѣть и говорить съ ними. Не позволяя себѣ никакихъ заключеній о ихъ наружномъ видѣ, по причинѣ малаго числа видѣнныхъ мною лицъ, я могу сказать мое мнѣніе объ ихъ языкѣ. Я заговорилъ съ однимъ изъ нихъ по нѣмецки: онъ отвѣчалъ мнѣ по своему, и совершенно поним

друга. Я удостовѣрился окончательно, что ихъ нарѣчіе отнюдь не скандинавское, а нѣмецкое.

Эти соображенія, извлеченныя изъ сравненія языковъ, достаточно доказали мнѣ, что торцы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не могутъ быть потомками Маріевыхъ кимбровъ. Мнѣ еще не были извѣстны историческія изслѣдованія, изданныя въ то время графомъ Джіованелли объ этихъ мнимыхъ кимбрахъ *). Графъ Орти былъ такъ любезенъ, что сообщилъ ихъ мнѣ. Впослѣдствіи докторъ Лабіо доставилъ мнѣ экземпляръ этой книги. Графъ Джіованелли, руководимый побужденіями, сходными съ тѣми, которыя я изложилъ выше, и другими, о которыхъ я умалчиваю, искалъ въ писателяхъ, принадлежащихъ временамъ упадка Римской имперіи, слѣдовъ нѣмецкаго народа, поселившагося въ сѣверной Италіи до пришествія лангобардовъ. Онъ нашелъ достовѣрныя свидѣтельства объ этомъ событіи, съ точнымъ опредѣленіемъ времени, обстоятельствъ и причинъ. Въ панегирикѣ Эннодія Теодориху остготскому находятся слѣдующія слова: „Ты принялъ безъ ушерба для римскихъ землевладѣльцевъ въ предѣлы Италіи цѣлое племя аллемановъ, которые, лишившись по собственной винѣ прежняго короля своего, пріобрѣли такимъ образомъ новаго. Племя, постоянно грабившее наши области, стало стражемъ Римской имперіи; бѣгство изъ родины обратилось ему въ пользу, ибо оно нашло себѣ у насъ болѣе богатую землю“. Письмо, написанное Кассіодоромъ отъ имени Теодериха, короля Остготскаго, къ Хлодвигу, королю франковъ, объясняетъ причины и обстоятельства, при которыхъ совершилось это переселеніе аллемановъ: „Побѣдоносная десница ваша покорила племена аллемановъ, пораженные уже другими тяжкими для нихъ событіями и проч. Остановите напоръ вашъ противъ изнуренныхъ остатковъ, ибо они пріобрѣли право на пощаду, потому что, какъ сами видите, бѣжали подъ защиту вашихъ родственниковъ. Будьте милосердны къ тѣмъ, которыхъ страхъ заставилъ укрыться въ нашихъ владѣніяхъ... Достаточно и того, что царь ихъ палъ вмѣстѣ съ гордынею своего народа“ **).

Отсюда ясно, что мнимые кимбры суть южные германцы, принадлежавшіе къ союзу аллемановъ, которыхъ имя распространилось потомъ на всѣ племена германскія. Такимъ

*) Delle origine delle sette et tredici comuni e d'altre popolazioni Allemane abitanti fra l'Adige e la Brenta nel Trentino nel Veronese e nel Vicentino. Memoria del Bened. Giovanelli Trento, 1828.

**) Gassiod. Variar. 11. 41.

образомъ опровергается сильное возраженіе противъ родства, предполагаемаго вами между кимбрами и кимрами ⁽¹⁰⁾. Впрочемъ, изслѣдованія мои о фізіологическихъ признакахъ народовъ не имѣютъ ничего общаго съ этою частью вашей исторіи и совершенно отъ нея независимы.

Я исполнилъ обѣщанія, высказанныя мною въ началѣ этого письма и въ самомъ заглавіи, доказавъ, что у народовъ, которыхъ я имѣлъ случай наблюдать, существуютъ опредѣленные типы, переходящіе отъ одного поколѣнія къ другому. Выводы мои подтверждаются свидѣтельствами исторіи. Я постановилъ начала и приложилъ ихъ къ народамъ, занимающимъ большую часть Европы; всѣми силами стараясь найти истину, я не позволялъ себѣ рѣзкихъ, догматическихъ приговоровъ и не отступалъ отъ осторожности, необходимой при обсужденіи предмета столь новаго и труднаго. Поэтому смѣю надѣяться, что мои убѣжденія будутъ приняты вами, и что они возбудятъ участіе не въ однихъ васъ. Я могъ-бы распространить объемъ моей статьи, увеличивъ число приводимыхъ доказательствъ, но вопросъ отъ этого не сталъ-бы яснѣе. Къ тому-же я берегъ время моихъ читателей. Предметы, обращающіе на себя и дробящіе ихъ вниманіе, такъ многочисленны и разнообразны, что писатель долженъ заботиться о краткости изложенія. Иначе его не станутъ читать. Вотъ почему я приводилъ только самые сильные доводы, стараясь, впрочемъ, о томъ, чтобы сжатость не вредила ясности. Вы не будете, слѣдовательно, обвинять меня въ поверхностномъ изложеніи предмета, потому что я на небольшомъ числѣ страницъ коснулся столь многихъ вопросовъ.

Возможныя приложенія такъ многочисленны, что, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, превышаютъ силы отдѣльнаго лица. Я ограничился тѣми, за которыя могъ отвѣчать. У насъ нѣтъ еще матеріаловъ для полнаго обзора европейскихъ народовъ. Сколько любопытныхъ вопросовъ могло-бы рѣшить изученіе древности германскаго народа, занимающаго пространство отъ Альповъ до Скандинавіи, и которому мы обязаны столь многими стихіями новой образованности. Какъ желательно было-бы узнать покороче живущія въ южной Франціи и въ сѣверной части Пиринейскаго полуострова племена, которыхъ, по имени ихъ предковъ, начинаютъ называть пберами. Критическое изученіе языковъ и историческія изслѣдованія уже доставили намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, но никто еще не пытался опредѣлить различные типы, характерныя отдѣльныя семьи европейскихъ

скаго населенія. Я достаточно видѣлъ этихъ типовъ для того, чтобы сказать утвердительно, что ихъ существуетъ нѣсколько, но не довольно для распредѣленія ихъ на группы и для уясненія ихъ отношеній къ исторіи. До сихъ поръ не описанъ даже типъ басковъ, хотя высокая древность этого народа и его владычество въ Иберіи доказаны знаменитымъ ученымъ *), хотя вы говорите о немъ въ вашей исторіи галловъ, хотя труды г. Фориеля общають пролить на него новый свѣтъ ⁽¹¹⁾.

Можно надѣяться, что такіе пробѣлы скоро исчезнутъ. Эти народы — сосѣди Франціи и почти со всѣхъ сторонъ прилегають къ ней. Надобно только внимательно изслѣдовать ихъ и не довольствоваться поверхностнымъ обзоромъ. Намъ лучше извѣстны наши антиподы, чѣмъ сосѣди, — дикія племена, чѣмъ народы съ древнею образованностью, — такіе, у которыхъ вовсе нѣтъ историческихъ памятниковъ, чѣмъ другіе, озарившіе свѣтомъ исторію не только своей, но и чужой древности.

Ученые, принимавшіе участіе въ послѣднихъ, предпринятыхъ съ цѣлью открытій, путешествіяхъ, обращали особенное вниманіе на наблюденія такого рода. Благодаря ихъ трудамъ, жители многочисленныхъ острововъ Тихаго океана лучше и тщательнѣе описаны, чѣмъ обитатели почти всѣхъ остальныхъ частей свѣта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наука болѣе-бы выиграла чрезъ собраніе точнѣйшихъ свѣдѣній о народахъ и земляхъ Стараго материка.

Двѣ ученныя экспедиціи отправлены въ Грецію и Египетъ.

Если меня не обманываетъ память моя, то на гробницѣ египетскаго царя, о которой я говорилъ вамъ выше, представлены два весьма различные, существовавшіе въ Египтѣ, типа: одинъ, принадлежавшій простому народу, другой — высшимъ сословіямъ. Доселѣ обращали вниманіе только на послѣдній. Онъ, говорятъ, еще существуетъ у коптовъ. Вѣроятно, между ними сохранился и другой; я предложу этотъ вопросъ ученымъ, которые могутъ рѣшить его на мѣстѣ. Сравненіе этихъ двухъ типовъ съ прочими, которые находятся въ самомъ Египтѣ у коптовъ или у феллаховъ, въ Нубіи, въ Абиссиніи, даже, быть можетъ, въ Аравіи, населеніе которой, по моему мнѣнію, не есть однородное, можетъ привести къ разрѣшенію важныхъ вопросовъ.

Другая экспедиція, отправленная въ Морею, по малому

*) Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelt der Baskischen Sprache; von Wilh. von Humboldt. Berlin 1821.

объему отмѣреннаго для ея наблюденій пространства, едва-ли будетъ въ состояніи отличать въ нынѣшнемъ населеніи потомство пеласговъ отъ настоящихъ эллиновъ. Невѣроятно, чтобы первые были совершенно истреблены или вытѣснены изъ всѣхъ частей Греціи. Малтъ-Брунъ, опираясь на собственныя и чужія розысканія, нашелъ слѣды пеласговъ въ языкѣ ихъ прежней родины. Можетъ быть теперь или впослѣдствіи, по заключеніи мира и открытіи болѣе обширныхъ сношеній, представится возможность возстановить, посредствомъ основательнаго, соединеннаго съ здоровою критикою, изученія типовъ, первоначальное различіе между пеласгами и эллинами въ новой Греціи, такъ какъ мы возстановили различіе галловъ и кимвровъ во Франціи.

Между тѣмъ я могу сообщить вамъ о жителяхъ Мореи нѣсколько новыхъ свѣдѣній, которыми подтверждаются мои общіе выводы. У насъ обыкновенно толкуютъ о характеристическихъ признакахъ греческой головы безъ точныхъ и ясно опредѣленныхъ понятій. Однако, точность въ этомъ случаѣ тѣмъ необходимѣе, что памятники греческаго искусства не представляютъ одного общаго имъ всѣмъ характера и отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ.

Большая часть боговъ и лицъ, принадлежащимъ героическому времени, изображены по одному образцу, составляющему такъ называемый идеалъ красоты. Формы и размѣры головы и чертъ до того правильны, что ихъ можно описать съ математическою точностью. Типъ этотъ узнается тотчасъ по правильному овалу лица, прямому лбу и носу и отсутствію раздѣляющей ихъ впадины. Въ цѣломъ такъ много гармоніи, что существованіе означенныхъ чертъ необходимо условливаетъ прочія имъ соотвѣтствующія. Но не таковъ характеръ лицъ принадлежащихъ историческому періоду. Почти всѣ они, философы, ораторы, воины, поэты отличаются отъ описаннаго вышетаipa и составляютъ отдѣльную группу. Она столько-же далека отъ первой, сколько приближается къ обыкновеннымъ европейскимъ лицамъ. Я не считаю нужнымъ говорить о ней подробнѣе.

Если-бы у насъ не было другихъ средствъ, кромѣ памятниковъ греческаго искусства, то мы были-бы въ правѣ принять героическій или миѳическій типъ, вслѣдствіе его противоположности съ дѣйствительностью, за чисто-идеальный. Но воображеніе наше легче создаетъ уродовъ, чѣмъ образцы красоты. Это начало такъ вѣрно, что оно одно въ состояніи убѣдить насъ въ дѣйствительномъ существованіи означеннаго типа въ древней Греціи и тѣхъ странахъ, ко-

торыя заимствовали отъ нея свое населеніе. Быть можетъ, онъ существуетъ и доселѣ. Можно только предположить, что онъ былъ всегда весьма рѣдокъ, а теперь, если сохранился, сталъ еще рѣже.

Гг. Штакельбергъ и Бронштедъ, путешествовавшіе въ Мореѣ, сообщили мнѣ весьма любопытныя для меня наблюденія. Они утверждаютъ, что героическій типъ уцѣлѣлъ тамъ во всей чистотѣ своей и въ такомъ количествѣ, что составляетъ отличительный характеръ части населенія. Въ горахъ Аркадіи живутъ теперь влахи, которыхъ языкъ, смѣшанный съ ново-греческимъ, вошелъ въ употребленіе у окрестныхъ жителей. Горные пастухи даже носятъ имя влаховъ, что подало поводъ къ заключенію объ ихъ происхожденіи отъ этого народа, а не отъ древнихъ аркадцевъ. Я не могу допустить такого мнѣнія. Г. Штакельбергъ нашелъ между ними много чисто греческихъ лицъ; а г. Бронштедъ увѣрялъ меня, что прекрасныя формы греческаго типа встрѣчались ему если не чаще, то столь-же у пастуховъ Аркадіи, какъ у майнотовъ, которые представляютъ потомство лакедемонцевъ. Итакъ, несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, типъ этотъ сохранился на небольшомъ пространствѣ многократно опустошенномъ мечемъ, огнемъ, голодомъ и язвою, среди населенія, которое никогда не было многочисленно, и въ продолженіи долгой своей зависимости отъ жестокихъ властителей, не разъ вызывало и испытывало всѣ ужасы ихъ мести.

Но число настоящихъ потомковъ древнихъ эллиновъ еще значительнѣе, чѣмъ можно думать, судя по тому, что я сказалъ выше.

Мы видѣли, что въ Греціи сверхъ героическаго существовалъ еще другой типъ, представителей котораго находимъ въ большей части великихъ людей историческаго времени. Послѣдній типъ былъ особенно распространенъ въ древности, чему доказательствомъ служатъ тѣ-же памятники. Онъ преобладаетъ и въ настоящее время. Меня убѣждаетъ все, что я видѣлъ лично или слышалъ отъ другихъ. Впрочемъ, здѣсь не нужно доказательствъ, потому что явленіе это есть необходимый выводъ изъ предыдущаго. Едва-ли какой народъ сохранилъ съ такою вѣрностью, какъ греки, языкъ своихъ предковъ. Ни у одного не найдемъ большаго количества древнихъ обычаевъ, нравовъ и преданій. Стѣны Аргоса, Микенъ и Тиринна, которыхъ древность была признана въ гомерическія времена, стоятъ донинѣ. Странствующие рапсоды до сихъ поръ поютъ тѣмъ-же напѣвомъ и тѣми-же

словами о достопамятныхъ событіяхъ; они сами представляютъ живое подобіе тѣхъ предшественниковъ, о которыхъ вызываютъ воспоминаніе; сходство наружныхъ чертъ подкрѣпляется въ этомъ случаѣ сходствомъ происшествій. Новые греки стоятъ относительно образованности ниже своихъ предковъ, жившихъ въ лучшія времена ихъ исторіи; но ихъ можно смѣло сравнить съ предшествовавшими поколѣніями, которыя приготовили позднѣйшую славу. Природа осталась та-же. При равно благопріятныхъ условіяхъ, она способна къ такому-же развитію. Необразованныя и грубыя поколѣнія, подъ вліяніемъ финикіянъ и египтянъ, развили, съ безпримѣрною у другихъ народовъ быстротою, науки и искусство. Почему-же потомкамъ ихъ не совершить, при пособіи окружающаго ихъ европейскаго просвѣщенія, еще болѣе скорыхъ успѣховъ.

Не подумайте, что, указывая на существованіе въ Греціи двухъ типовъ, я отношу ихъ къ двумъ историческимъ породамъ той страны. Подобныхъ вопросовъ нельзя рѣшать съ такою поспѣшностью. У меня были подъ рукою всѣ нужныя данныя, когда дѣло шло объ отысканіи связи между историческими наименованіями галльскихъ племенъ и рѣзкими типами, которые я нашелъ между ними. Въ настоящемъ случаѣ такихъ данныхъ недостаточно; поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями, могущими принести пользу тѣмъ изслѣдователямъ, которые займутся этимъ вопросомъ на мѣстѣ.

Первый изъ означенныхъ типовъ безъ сомнѣнія чистый; этого нельзя сказать утвердительно о второмъ. Онъ могъ произойти отъ соединенія перваго съ какимъ-нибудь другимъ, намъ неизвѣстнымъ. Въ немъ нѣтъ ни однообразія, ни оригинальности. Его надлежало-бы прослѣдить по всему пространству Греціи, принимая это имя въ самомъ обширномъ его значеніи. Мы между прочимъ встрѣтимъ тамъ народъ еще недостаточно изслѣдованный. Онъ говоритъ языкомъ ему одному принадлежащимъ; пришелъ неизвѣстно откуда, и неизвѣстно когда занялъ настоящія жилища свои. По крайней мѣрѣ люди, въ которыхъ я предполагалъ наиболѣе свѣдѣній по этому предмету, не могли сказать мнѣ ничего достовѣрнаго. Албанцы суть, вѣроятно, остатокъ древнѣйшаго населенія. Они въ Греціи тоже, что баски по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ, бретонцы во Франціи, валлисы въ Англіи, наслѣдники эрсскаго языка въ Шотландіи и Ирландіи. Такъ какъ иностранное происхожденіе албанцевъ не можетъ быть доказано ни преданіями, ни исторіею, ни сравненіемъ языковъ, то почему не принять ихъ за пе-

ласговъ *). Я видѣлъ албанцевъ въ Венеціи и заказалъ съ нихъ портреты; но я не рѣшусь высказать идей, пришедшихъ мнѣ тогда въ голову, пока не увѣрюсь положительно, что видѣлъ настоящій албанскій типъ, и пока приведенныя выше догадки о происхожденіи этого народа не будутъ признаны истинными или ложными ⁽¹²⁾.

Аравія, Персія и Индія требуютъ также особеннаго вниманія. Великіе результаты, къ которымъ привело насъ въ недавнее время изученіе языковъ индійскаго полуострова, заставляютъ желать, чтобы путешественники, или европейцы, поселившіеся въ томъ краѣ, занялись опредѣленіемъ преобладающихъ въ Индіи типовъ. Можно думать, что основное различіе тамошнихъ языковъ, показанное г. Бюрнуфомъ (сыномъ), совпадаетъ отчасти съ различіемъ фیزیологическихъ примѣтъ, которыми отмѣчены отдѣльныя индійскія племена. Такая аналогія замѣтна съ самаго начала исторіи, свидѣтельствующей, что два древнѣйшіе народа Индіи представляли рѣзкую противоположность по цвѣту кожи и географическому положенію ⁽¹³⁾.

Потомки персовъ существуютъ до сихъ поръ подъ именемъ парсовъ или гебровъ. Сравнительное изученіе типа гебровъ и тѣхъ народовъ, среди которыхъ они теперь живутъ, при пособіи данныхъ, заимствованныхъ изъ средствъ языковъ, вѣроятно содѣйствовало-бы къ уясненію темныхъ историческихъ вопросовъ **). Я сказалъ выше, что населе-

*) Господство славянскаго языка въ сѣверной и западной Греціи можетъ привести къ мнѣнію о преобладаніи славянскаго типа. Но я имѣлъ случай замѣтить, что этого типа нѣтъ ни у кроатовъ, ни у далматинцевъ. Г. Беданъ сдѣлалъ тоже замѣчаніе. Все это заставляетъ насъ думать, что потомки древнихъ грековъ существуютъ въ большемъ числѣ даже между народами, говорящими другимъ языкомъ. Впрочемъ, исторія и языкъ албанцевъ доказываютъ, что и они не чистой породы. Вы утверждаете, что нѣкогда земля ихъ была заселена галлами. Я самъ видѣлъ въ Далмаціи кимрскія лица. Искомый нами типъ будетъ только тогда достовѣрно опредѣленъ, когда его найдутъ въ частяхъ Греціи или въ странахъ, гдѣ прежде жили пеласги. Къ тому-же, надобно, чтобы отъ соединенія его съ героическимъ типомъ происходили признаки, характеризующіе лица историческаго періода.

**) Г. Бюрнуфъ (сынъ), изучая отношенія языковъ санскритскаго и зендскаго къ европейскимъ, нашелъ, что первый ближе къ греческому, а второй—къ германскимъ. Не странно-ли, что я, съ своей стороны, имѣю причины думать, что идеалъ греческой красоты существуетъ или существовалъ въ Индіи. У меня подъ глазами памятники. Между тѣмъ, видѣнныя мною на гробницѣ египетскаго царя фигуры, которыхъ Бельцони называетъ персами, представляютъ величайшее сходство съ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ германскихъ типовъ. Фигуры эти, впрочемъ, обезображены въ атласѣ Бельцони.

е Аравіи, по моему мнѣнію, не есть однородное. Какая угая страна представляетъ любителямъ этнографіи болѣе ширное поприще для изслѣдованій? Изъ всѣхъ народовъ, обрѣтшихъ громкое имя въ исторіи, можетъ быть, одни бы никогда не подвергались чужеземному игу; немногіе роды ходили такъ далеко отъ своей родины и расселись на такомъ обширномъ пространствѣ; близкое сходство абскаго языка съ другими расширяетъ еще болѣе сферу ихъ отношеній.

Въ предлагаемыхъ вамъ изслѣдованіяхъ я строго воздерживался отъ всякихъ уклоненій отъ моего предмета. Я далъ типы въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно существуютъ; указывалъ на совокупность и свойство признаковъ, изъ которыхъ они слагаются; рассматривалъ ихъ существованіе въ данномъ періодѣ, а не въ безграничномъ времени; однимъ словомъ, я довольствовался тѣмъ, что могъ узнать положительно, и не заходилъ далѣе. Очевидно, собранные мною факты и извлеченные изъ нихъ выводы могутъ быть замѣнены другими; я самъ указалъ на возможность ихъ существованія и видоизмѣненій. Ограниченный, такимъ образомъ, предметъ представляетъ, вѣ въ своихъ пределахъ, полный просторъ мнѣніямъ всякаго рода.

Называя типомъ совокупность опредѣленныхъ признаковъ, я употребляю слово, имѣющее одно и то-же значеніе въ разговорномъ языкѣ и въ естественныхъ наукахъ, и, такимъ образомъ, устраняю возможность какого-либо недоразумѣнія относительно мѣста, принадлежащаго въ общей классификаціи тѣмъ группамъ, къ которымъ относится это выраженіе. Оно равно прилично породѣ и ея отрасли, роду и племени и т. д. Подъ первобытнымъ или чистымъ типомъ, я разумѣю такой, который образовался не изъ соединенія другихъ, намъ извѣстныхъ. Болѣе обширнаго значенія я не придаю этому выраженію.

Первобытные типы опредѣляются слѣдующимъ образомъ. Подобно замѣтить самыя рѣзкія различія отдѣльныхъ лицъ и потомъ привести въ извѣстность дѣйствительно-ли эти различия повторяются довольно часто для образованія племенъ, болѣе или менѣе значительныхъ, смотря по объему населенія. Результатомъ существованія нѣсколькихъ типовъ въ одной и той-же почвѣ будутъ многочисленныя помѣси, главныя стихіи которыхъ узнать не трудно, если число племенъ ограничено. Правда, что отъ двухъ породъ могутъ выйти множество промежуточныхъ отгѣнковъ. Непредусмотренный наблюдатель не будетъ знать, на чемъ ему остано-

вить глаза; безконечная смѣсь и пестрота явленій, особенно тамъ, гдѣ преобладаютъ смѣшанныя породы, заставляютъ его думать, что общихъ и постоянныхъ признаковъ нѣтъ вовсе. Лица, принадлежащія къ чистымъ породамъ, покажутся ему въ такомъ случаѣ новыми видоизмѣненіями, усложняющими безвыходный хаосъ. Но хаосъ этотъ уяснится и придетъ въ порядокъ, когда вниманіе изслѣдователя обратится на крайнія противоположности. Тогда онъ получитъ возможность усмотрѣть, что онѣ повторяются часто съ однообразными признаками. Обѣ крайнія группы увеличиваются въ объемѣ, по мѣрѣ усиленныхъ наблюдений, и чѣмъ рѣзче высказывается противоположность ихъ формъ, тѣмъ несомнѣннѣе становится ихъ первобытность. Поднявшись такимъ образомъ до основныхъ типовъ, мы для достиженія послѣдней степени достовѣрности, должны прослѣдить ихъ въ разнообразныхъ оттѣнкахъ, которые образуются отъ ихъ совокупленій.

Мы упомянули о возможности преобладанія смѣшанныхъ породъ. Случиться можетъ, что отъ двухъ чистыхъ типовъ произойдетъ, вслѣдствіе ихъ постоянныхъ и равномерныхъ соединеній, третій средній, наиболѣе распространенный. Поэтому не должно принимать числительный перевѣсъ породы за доказательство ея первобытности, но надобно употребить средства, мною указанныя, для рѣшенія вопроса объ ея происхожденіи.

Я не говорилъ въ этомъ письмѣ о нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ, особенно характеризующихъ тѣ группы, которыхъ внѣшніе признаки мною описаны. Предметъ этотъ входилъ въ составъ моихъ изслѣдованій и находится въ связи съ ихъ цѣлью, но его можно было на время оставить въ сторонѣ. Если-бы я былъ въ состояніи въ немногихъ словахъ удовлетворить любознательности читателей, то, конечно, не усомнился-бы сообщить вамъ мои замѣчанія. Но вопросъ этотъ труднѣе всѣхъ тѣхъ, о которыхъ шла рѣчь въ моемъ письмѣ, отчасти по самой природѣ своей, но особенно по разнообразію точекъ зрѣнія, съ которыхъ его можно разсматривать. Есть, впрочемъ, одна общая: вездѣ и во всѣ времена приписывались отдѣльнымъ народамъ особенныя нравственныя свойства и наклонности ума. Причины этихъ отличій не входили въ соображеніе. Для упрощенія задачи надобно, слѣдовательно, устранить всякое изслѣдованіе о причинахъ и довольствоваться рѣшеніемъ вопроса о существованіи нравственныхъ отличій, соотвѣтствующихъ внѣшнимъ признакамъ, которыми отмѣчены отдѣльныя группы рода чело-

ческаго. Но въ такомъ случаѣ мы придемъ не къ необходимой связи, а къ простому совпаденію, открывающему прище самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Тѣмъ не мѣнѣе, опредѣленное наблюденіями отношеніе между нравственнымъ характеромъ и фізіологическими признаками нація или народа могло бы, независимо отъ вопроса о причинахъ, доставить любопытные и удовлетворительные для насъ выводы (14).

Даже при такой наружной простотѣ, задача эта слишкомъ сложная, и я не могу приступить къ ней въ настоящемъ случаѣ. Я поставилъ себѣ цѣлію разобрать фізіологическіе признаки человѣческихъ породъ въ связи ихъ съ исторіею и указалъ только на самые очевидные и положительные изъ нихъ. Желая скрѣпить новый союзъ исторіи съ фізіологіею, я боялся поколебать его разборомъ неясныхъ и отвлеченныхъ отношеній.

Примѣчанія Т. Н. Грановскаго.

1) Греческій писатель, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Геродотъ, доказывающій происхожденіе жителей Колхиды отъ египтянъ сходствомъ внѣшнихъ признаковъ и общимъ этимъ народамъ обычаемъ обрѣзанія. (Кн. II, гл. 104). Свидѣтельства Геродота и другихъ писателей привели Вольнея къ заключенію, что египтяне принадлежали къ черной, эіопской породѣ. Неосновательность этого мнѣнія теперь не подлежитъ сомнѣнію. Уже Blumenbachъ утверждалъ, что въ Египтѣ существовали три различные типа: эіопскій, индійскій и барабрскій или берберскій *), который встрѣчается чаще другихъ. Первый подтверждаетъ слова Геродота и другія извѣстія древнихъ о египтянахъ. Онъ отличается выдающимися впередъ челюстями, толстыми губами, широкимъ и плоскимъ носомъ и выпуклыми глазами. Характеристическіе признаки второго состоятъ изъ длиннаго и тонкаго носа, продолговатыхъ глазъ, которыхъ вѣки идутъ, подымаясь отъ переносицы къ вискамъ; высоко стоящихъ ушей; короткаго туловища и длинныхъ ногъ. Третій или берберскій типъ, въ которомъ многіе видятъ результатъ смѣшенія арабской и эіопской крови, представляетъ нѣчто среднее между двумя первыми. Въ немъ особенно замѣтна полнота мягкихъ частей, короткій подбородокъ, повислыя щеки, глаза на выкатѣ и вообще наклонность къ тучности **). Новѣйшія изслѣдованія неоспоримо до-

*) Племя Барабра, по мнѣнію многихъ этнографовъ, въ томъ числѣ Риттера, родное Берберамъ сѣверной Африки, живетъ въ нижней Нубіи. Впрочемъ, оно не похоже на Blumenbachово описаніе. Барабра или Берберини (такъ называютъ ихъ въ Каирѣ) отличаются стройнымъ и худощавымъ тѣлосложеніемъ. Prichard, II. 184. Вотъ что говоритъ о нихъ русскій путешественникъ, г. Рафаловичъ: тѣлосложенія всѣ они худощаваго и весьма стройнаго; верхнія и нижнія оконечности у нихъ нѣсколько длинны, но отличаются художественнымъ совершенствомъ контуровъ; руки и ноги малы и красивой щегольской формы, какъ у египтянъ; мускулы развиты бѣдно, икръ почти нѣтъ; жира въ подкожной клетчаткѣ не встрѣчаешь. Записки Географ. общества, кн. IV стр. 171.

**) Prichard, *Naturgeschichte des Menschengeschlechts, nach der dritten Auflage des Englischen Originals mit Anmerkungen und Zusätzen*, herausgegeben von R. Wagner. T. II, стр. 252.

являютъ, что населеніе древняго Египта было смѣшанное, съ обладаніемъ, однако, кавказской породы, измѣнившей подъ вліяніемъ климата бѣлый цвѣтъ кожи на мѣдно-красный и темный. „Нынѣшніе копты,—говоритъ Шамполліонъ-младшій,—представляютъ пеструю смѣсь всѣхъ народовъ, которые одинъ за другимъ владычествовали въ Египтѣ. У нихъ напрасно ищутъ отличительныхъ признаковъ настоящей египетской породы *)“. Богатая, съ трехъ сторонъ открытая врагу, долина Нила искони манила къ восточныхъ завоевателей и хищныя племена Африки. Отличный образецъ африканской этнографіи, Давезакъ, находитъ въ чертахъ египетскихъ явные слѣды монгольской крови, указывающіе на событія, оминаніе о которыхъ не сохранилось въ исторіи **).

Изображенія, находящіяся на древнихъ памятникахъ Египта, представляютъ поразительное разнообразіе народныхъ типовъ, до нѣкоторой мѣры вѣрно переданныхъ художниками. Негры постоянно являются въ видѣ побѣжденныхъ, данниковъ, рабовъ, или даже приносимыхъ въ жертвъ. Весьма замѣчательны въ этнографическомъ отношеніи рисунки, найденные въ большомъ храмѣ Ибсамбульскомъ (въ Фивахъ), представляющіе царя (Сезостриса), который держитъ въ рукахъ по шею надцать головъ побѣжденныхъ имъ непріятелей. Здѣсь соединены различныя племенные типы западной Азии и Африки. Характеристическія черты семита, вѣроятно еврея, тотчасъ бросаются въ глаза зрителю. Лицо царя (судя по рисунку, находящемуся въ восточномъ атласѣ Розеллини, № 79) отличается выраженіемъ того величія, которое составляетъ постоянную принадлежность фигуръ, изображающихъ высшія сословія египетскаго народа. Продолговатые, узкіе отверстия въѣвъ глаза и толстыя, рѣзко-обозначенныя губы суть единственные отклоненія отъ главныхъ признаковъ кавказской породы.

Винкельманъ замѣтилъ, что уши египетскихъ статуй постоянно больше, чѣмъ у греческихъ. Это замѣчаніе страннымъ образомъ подтверждается въ изслѣдованіяхъ Дюро-де-ла-Маль, который, разсматривая черепа египетскихъ мумій, нашелъ, что въ нихъ слуховой проходъ лежитъ на одной линіи съ глазами. Впослѣдствіи, де-ла-Маль встрѣтилъ въ Парижѣ Конта, занимавшагося преподаваніемъ египетскаго языка, и могъ повѣрить на живомъ лицѣ наблюденія надъ муміей. Уши этого конта стояли такъ высоко, что ихъ можно было принять за небольшіе рога. Трудно, впрочемъ, сказать, только этотъ признакъ былъ общимъ всему народу, составленному изъ самыхъ разнородныхъ частей ***). Нѣкоторые натуралисты

*) Champollion-Figeac, Egypte ancienne p. 27.

**) Esquisse générale de l'Afrique, p. 18.

*) Prichard, II. 267.

замѣтили въ муміяхъ особенную форму зубовъ, но теперь доказано, что это явленіе было слѣдствіемъ свойства пицы, которую употребляли египтяне, или обычая подпиливать зубы, существующаго и у другихъ народовъ *). Нельзя также не вспомнить о самомъ древнемъ изъ извѣстныхъ намъ френологическихъ наблюдений. Осматривая поле битвы при Пелузіумѣ, Геродотъ нашелъ, что черепа персовъ, которые были здѣсь убиты и погребены отдѣльно отъ побѣжденныхъ ими противниковъ, значительно уступали въ твердости и крѣпости черепамъ послѣднихъ. Персидскій черепъ,—говоритъ онъ,—можно пробить насквозь маленькимъ камешкомъ; египетскій едва можно разбить большимъ камнемъ; (кн. III, гл. 12). Изслѣдованія новыхъ ученыхъ служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами о пестромъ составѣ египетскаго населенія. Изъ четырехъ египетскихъ череповъ, описанныхъ Зоммерингомъ (Sömmering), два нисколько не отличаются отъ европейскаго, и одинъ представляетъ чисто африканскую форму. Въ собраніи Блуменбаха находились три черепа египетскихъ: одинъ изъ нихъ носилъ на себѣ большую часть признаковъ эоипской породы; другой походилъ совершенно на черепъ бенгальскаго индійца **).

2) Причардъ ***), повидимому, противорѣчитъ Эдвардсу, говоря, что евреи болѣе или менѣе приняли внѣшніе признаки тѣхъ народовъ, среди которыхъ живутъ съ давняго времени. Въ сѣверныхъ странахъ Европы они обыкновенно русы. У англійскихъ евреевъ—голубые глаза и свѣтлые волосы; у нѣмецкихъ и польскихъ очень часто встрѣчаются рыжія бороды. Въ Индіи можно видѣть совершенно черныхъ евреевъ. Но Эдвардсъ допускаетъ перемѣну въ цвѣтѣ кожи и волосъ и доказываетъ только неизмѣняемость формъ и пропорцій.

3) Гуанчами назывались древніе жители Канарійскихъ острововъ ****), принадлежавшіе, по вѣроятностямъ, атлантической или берберской породѣ. Самыя достовѣрныя и полныя свѣдѣнія о племени гуанчей собраны Сабиномъ Бертело (Sabin Berthelot) въ этнографическомъ отдѣлѣ его сочиненія *Histoire naturelle des îles Canaries*. Бертело доказываетъ, между прочимъ, что гуанчи не были совершенно истреблены испанцами, и говоритъ по этому поводу слѣдующее: „три столѣтія иноплеменнаго владычества не могли изгладить народныхъ чертъ. Онѣ сохранились въ нѣкоторыхъ округахъ у горныхъ пастуховъ и въ живущихъ на возвышенностяхъ

*) Ibid.

**) Prichard, II, 249.

***) II, 2. 615.

****) Мы употребляемъ названіе гуанчей въ томъ смыслѣ, который ему обыкновенно дается, хотя это имя принадлежало собственно только жителямъ одного острова Тенерифа.

В населенія и даетъ себя тотчасъ замѣтить. У мужчинъ заго-
тей, болѣе или менѣе смуглый цвѣтъ кожи; овальное, костлявое
; черты правильныя; лобъ выпуклый и нѣсколько узкій; большіе
е глаза темнаго, иногда зеленоватаго цвѣта; волосы густые,
о вьющіеся и переходящіе отъ черныхъ къ темно-рыжимъ; носъ
ный, но безъ горба; ноздри широкія; губы толстыя; ротъ боль-
бѣлые и правильно расположенные зубы; тѣлосложеніе сухое
ѣпкое. Мускулы рѣзко обозначены; ростъ, вообще, выше сред-
*)).

Остатки караибскаго племени, которому нѣкогда принадлежали
льскіе острова и значительная часть противоположнаго мате-
разсѣяны теперь вдоль приморскихъ странъ, лежащихъ между
ими Ориноко и Амазонской рѣки. Число караибовъ замѣтно
ышается.

а) Туземнымъ племенамъ Новаго свѣта, повидимому, не суждено
ршиться того перехода отъ дикаго быта къ образованности, о
ромъ говоритъ Эдвардсъ. Они представляютъ намъ теперь другое,
енѣ любопытное, хотя скорбное зрѣлище цѣлой породы, посте-
но сходящей съ лица земли.

Число индійцевъ въ Сѣверной Америкѣ было уже весьма незна-
льно, когда туда прибыли первые европейскіе переселенцы. Все
мное населеніе едва-ли превышало 200.000 душъ; самое могу-
твенное изъ краснокожихъ племенъ, жившихъ къ сѣверу отъ
сики, не могло выставить пяти тысячъ человѣкъ, способныхъ
тъ оружіе **). Судьба сѣверо-американскихъ индійцевъ съ XVI
тія извѣстна. Въ ожесточенной борьбѣ съ бѣлыми пришелъ
погибли цѣлые народы, до послѣдняго человѣка. Другіе до
ослабѣли, что въ настоящее время состоятъ изъ немногихъ
йствъ. Въ 1849 году, по сю сторону Миссиссипи (т. е. между
рѣкою и Атлантическимъ океаномъ), считалось только 30.000
йцевъ. Остальные ушли далѣе на западъ, отъ пресѣдующаго
разлива англо-американской породы. Но обширныя пустыни,
щіяся у подошвы чистыхъ горъ, не спасутъ своихъ красно-
ихъ жителей отъ стоящей имъ неизбѣжной гибели. Крикіе
оспа... з... сребленіе... отръ-
... 40, по
Читатели

наши могутъ найти въ извѣстномъ сочиненіи Кетлина о нравахъ и обычаяхъ сѣверо-американскихъ туземцевъ потрясающій разсказъ о гибели народа мандановъ, нѣкогда сильнаго и многочисленнаго. Въ 1838 году ихъ оставалось только 2000. Оспа истребила послѣдній, оставшійся въ живыхъ вождь племени, добровольно рѣшилъ себя голодомъ.

Благія вліянія европейской образованности мало замѣтны въ бытѣ сѣверо-американскихъ дикарей. Скорѣе можно принять, что она протѣивна ихъ нравственной природѣ и дѣйствуетъ на нихъ разрушительно. Примѣры, впрочемъ рѣдкіе, племена, ведущія осѣдлую жизнь подъ надзоромъ и властью Вашингтонскаго правительства и занимающихся земледѣліемъ и ремеслами, не могутъ служить опроверженіемъ указанныхъ нами фактовъ *). Благо и самоотверженныя усилія христіанскихъ миссіонеровъ не были въ нихъ порѣ увѣнчаны желаннымъ успѣхомъ. Изъ однообразныхъ лобъ католическаго духовенства и проповѣдниковъ, принадлежащихъ ко всѣмъ сектамъ протестанства, видно, что христіанство распространяется только внѣшнимъ образомъ, не проникая въ бинъ одичалыхъ и загрузѣвшихъ въ язычествѣ сердець. Осваиваясь на собственныхъ и сдѣланныхъ другими учеными насѣненіяхъ такого-же рода, извѣстный естествоиспытатель и путешеникъ Марціусъ говоритъ, что семейство чисто американской не можетъ существовать среди бѣлаго населенія долѣе 4-го или 5-го поколѣнія; что оно обыкновенно вымираетъ ранѣе, какъ отравленное несродною ему образованностью. Съ другой стороны многочисленные остатки древности, находимые на огромномъ пространствѣ между Висконсиномъ и Флоридою, служатъ явнымъ подтвержденіемъ, что здѣсь нѣкогда жили земледѣльческіе народы, знакомые съ употребленіемъ серебра, мѣди и свинца; колоссальныя развалины городовъ и памятниковъ всякаго рода, въ Средней Южной Америкѣ еще громче говорятъ о прошедшей цивилизаціи. Способности краснаго человѣка къ высшей гражданской и общественной жизни, астрономическія свѣдѣнія мексиканцевъ и перуанцевъ не подлежатъ сомнѣнію. У бразильскихъ дикарей сохранились юридическіе символы, въ которыхъ нельзя не узнать обломковъ цѣлой системы сложныхъ общественныхъ отношеній. Сличеніе этихъ данныхъ настоящимъ бытомъ американскихъ туземцевъ привело Марціуса къ слѣдующему заключенію, которое, въ случаѣ, если вѣрность его будетъ доказана, выражаетъ великій и общій всему человечеству законъ историческаго развитія. Такъ называемое дикое со-

*) Кетлинъ и другіе отдають рѣшительное преимущество дикимъ свободнымъ индійцамъ надъ тѣми, которые живутъ подъ властью Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и приняли уже нѣкоторую образованность.

ываетъ двоякое; одно предшествуетъ образованности, какъ и, соответствующая дѣтству народной жизни степень развитія; наступаетъ для народа впоследствии, тогда, когда онъ истощитъ до дна запасъ отмѣренныхъ ему Провидѣніемъ духовныхъ силъ, какъ отжившій организмъ, разлагается на стихійныя части. Американцы прошли, по мнѣнію Марціуса, чрезъ возможный періодъ, по природнымъ условіямъ, періодъ образованности и нынѣ находятся въ второмъ состояніи дикости, изъ котораго нѣтъ никакого выхода, кромѣ смерти. Коренное американское население представляетъ явные признаки такого разложенія. Оно распалось на отдѣльныя части, составляющія около 1.400 отдѣльныхъ народовъ, каждый изъ которыхъ имѣющихъ свои языки и нарѣчія. Нѣкоторые языки отличаются исключительнымъ достояніемъ немногихъ семействъ. Рядомъ живущія племена, состоящія изъ нѣсколькихъ сотъ душъ, не знаютъ другъ друга. Этотъ процессъ разложенія, очевидно, начался много вѣковъ тому назадъ. Мексика и государство перуанцевъ приходили уже къ упадку въ эпоху покоренія ихъ испанцами. На сѣверѣ, первые англійскіе мореходы нашли дикарей, которые охотою и неспособныхъ даже отвѣчать на вопросы о занятияхъ строителяхъ огромныхъ земляныхъ укрѣпленій, насыпей и дамбъ, которыми устлана равнина Миссиссипи *).

Провергая мнѣніе Марціуса, другой ученый путешественникъ, Гумбольдтъ (**), говоритъ, что оно можетъ быть допущено только относительно Сѣверной Америки, но что на югѣ, особенно въ Перу, туземная порода не только не вымираетъ, но даже грозитъ истребленіемъ потомкамъ бѣлыхъ завоевателей края. На это можно возражать — цифрами, какія находятся въ сочиненіи самого Чудина, который свидѣлствуетъ объ уменьшеніи индійскаго населенія въ Перу въ трехъ послѣднихъ вѣкахъ ***). Но еще важнѣе въ этомъ отношеніи сильное возрастаніе смѣшанныхъ или цвѣтныхъ породъ, происходящихъ отъ соединеній европейской, африканской и америнской крови. Разнообразныя помѣси, составляющія результатъ соединеній, уже получили рѣшительный перевѣсъ надъ чистыми креолами, т. е. потомками европейцевъ, и должны, повинуясь, рано или поздно образовать господствующее населеніе Южной Америки. Фактъ этотъ былъ замѣченъ еще Азерою (D. Felix Azara, Voyage en Amérique méridionale. Paris, 1809), когда онъ говоритъ, по поводу парагвайскихъ метисовъ: „метисы (происходящіе отъ соединенія европейской и индійской крови) состав-

Martius, Die Vergangenheit und Zukunft der amerikanischen Menschheit. Deutschen Vierteljahrsschrift. 1839. Ч. II. стр. 235—270.
 Peru. Т. II. стр. 369.
 Тамъ-же Т. II, стр. 367.

ляютъ въ Парагваѣ большинство такъ называемыхъ испанцевъ. Мнѣ кажется, что они превосходятъ европейскихъ испанцевъ ростомъ, красотою формъ и даже бѣлизною кожи. Эти факты заставляютъ думать, что породы облагораживаются вслѣдствіе смѣшенія и что европейская возьметъ верхъ надъ американскою“. Опредѣлить движеніе цвѣтнаго населенія въ республикахъ Южной Америки не возможно по недостатку точныхъ статистическихъ свѣдѣній. Мы приведемъ однако нѣсколько цифръ, заимствованныхъ нами изъ путешествія въ Бразилію Rugendas'a (*Voyage dans le Brésil* Paris, 1825).

		Бѣлыхъ. Цвѣтныхъ. Негровъ. Индійцевъ.			
Въ 1824 г., въ	Мексикѣ	считалось:	1.360.000;	2.070.000;	8.400; 3.430.000
" " " "	Гватемалѣ	"	190.000;	320.000;	10.000; 965.400
" " " "	Колумбій	"	600.000;	720.000;	470.000; 854.000
" " " "	Ла-Платѣ	"	475.000;	305.000;	70.000; 1.150.000
" " " "	Бразиліи	"	843.000;	628.000;	1.987.500; 300.000

Надобно при этомъ замѣтить, что въ жилахъ большей части лицъ, причисляющихъ себя къ бѣлой, т. е. аристократической породѣ, течетъ также смѣшанная кровь. О разнообразіи и числѣ цвѣтисей такого рода можно судить по длинному списку ихъ названій, который помѣщенъ въ упомянутомъ нами сочиненіи Чуди о Перу. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ названій:

Плодь бѣлаго челоуѣка и негритьянки называется:		Mulato.
— бѣлаго и индіанки	Mestizo.	
— индійца и негритьянки	Chino.	
— бѣлаго и мулатки	Cuarteron.	
— бѣлаго съ местицею	Creole.	
— бѣлаго съ чиною	China blanca.	
— бѣлаго съ квартераную	Quintero.	
— негра и мулатки	Zambo negro.	
— негра и местицы	Mulato oscuro.	
— негра съ чиною	Zambo chino.	
— индійца съ мулаткою	China oscura и т.	

Мы кончимъ наши замѣчанія словами одного изъ отличнѣйшихъ знатоковъ предмета, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. „Не подлежитъ сомнѣнію, — говоритъ Пѵппигъ, — что краснокожій челоуѣкъ не имѣетъ близости европейской образованности и умираетъ въ ея атмосферѣ, какъ отъ ядовитаго дуновенія, безъ содѣйствія крѣпкихъ напитковъ, заразительныхъ болѣзней или войны. Многократныя попытки правительствъ не въ силахъ были водворить въ этой породѣ привычекъ нравственно-гражданской жизни, ибо ей недостаетъ способности къ самоусовершенствованію. Такой недостатокъ дѣлаетъ бесполезными глубоко-обдуманые и челоуѣколюбивые планы вос-

ия, которые изложены въ сочиненіяхъ даровитыхъ и благонамѣнныхъ людей, и оправдываетъ сравненіе американскихъ туземцевъ съ тою низшею, но отмѣченною особенною фізіономіею растительностью, которая развивается на почвахъ только-что возникшихъ моря и исчезаетъ при появленіи растений высшаго рода. Какъ возмущаетъ наше чувство противъ подобнаго предположенія, но мы не менѣе мы смотримъ на американцевъ, какъ на обреченную или отрасль человѣчества. Опустѣвшія пространства займётъ дружелюбнѣе крѣпкая духомъ, дѣятельная семья народовъ, идущихъ съ востока. Повинуясь своему призванію, она постоянно подвигается впередъ и покоряетъ себѣ самыя отдаленныя и дикія пустыни Нововаго міра, между тѣмъ, какъ туземное племя ложится къ смертному сну и скоро исчезнетъ даже изъ памяти новаго народа. Быть можетъ, что менѣе, чѣмъ чрезъ столѣтіе, изслѣдованія о первыхъ жителяхъ цѣлой части свѣта сдѣлаются частью археологій, и только тогда будетъ возможно понять и почувствовать вполне трагическую загадочную сторону исторіи американскихъ племенъ *).

5) Изъ рѣчей, которыя Проконій (de Bel. Goth. III. 4. 21) произноситъ въ уста Тотилы, видно, что у готовъ было до 200.000 воиновъ, способныхъ носить оружіе. Вообще, число готовъ въ Италіи было гораздо значительнѣе, чѣмъ полагаетъ Эдвардсъ. То же можно сказать и о лангобардахъ.

6) Число норманновъ, основавшихъ государство Обѣихъ Сицилій, было въ самомъ дѣлѣ ничтожно въ сравненіи съ объемомъ покоренныхъ ими областей. Но въ дружинѣ и совѣтѣ норманскихъ вождей было мѣсто всякому смѣлому и даровитому человѣку, негра на его родину и происхожденіе. Фридрихъ II (Гогенштауфенъ), въ войскѣ котораго были всегда большіе отряды, составленные изъ однихъ магометанъ, наслѣдовалъ политику своихъ норманскихъ предшественниковъ.

7) Исторія подтверждаетъ мнѣніе Эдвардса о томъ, что цвѣтъ кожи и волосъ не можетъ служить надежнымъ признакомъ природы и подверженъ значительнымъ перемѣнамъ. Въ сочиненіи Причарда, собрано наиболѣе относящихся къ нашему предмету фактовъ и наблюденій, приведено много примѣровъ такого перехода волосъ и кожи отъ одного цвѣта къ другому. Греческіе и римскіе писатели говорятъ о галло-кимрскихъ племенахъ, что они были блѣлокуры. Современныя ирландскіе памятники называютъ ирландцевъ русыми и рыжими. Но теперь во Франціи, въ Ирландіи и въ сѣверной Шотландіи, именно тамъ, гдѣ наиболѣе сохранилось остатковъ древняго, т. е. кельтическаго или галло-кимрскаго населенія, темные волосы составляютъ господствующій признакъ, а свѣтлые—

*) Статья „Indier“ въ энциклопедіи Эрша и Грубера.

исключеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, особенно городахъ, замѣчено то-же явленіе *). Между финскими племями есть русые и черно-волосые.

8) Оставляя въ сторонѣ неразрѣшенный и едва-ли разрѣшимъ на основаніи чисто-историческихъ свидѣтельствъ вопросъ о происхожденіи этрусковъ, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о внѣшнихъ признакахъ этого загадочнаго народа, на которые мы можемъ судить о нихъ по изображеніямъ, сохранившимся въ памятникахъ этрусскаго искусства, въ особенности на саркофагахъ. Изображенныя лица представляютъ полныя, округленныя формы, глаза у нихъ большіе; носъ довольно короткій и широкій; подбородокъ толстый и нѣсколько выдающійся впередъ. Вообще, въ изображеніяхъ малорослыхъ и даже неуклюжихъ фигурахъ съ большими головами, короткими и толстыми руками, можно, говоритъ Причардъ, усмотрѣть „obesos et pingues Etruscos“ **). Борода у нихъ бритая, въ положеніяхъ видно спокойствіе и даже нѣкоторая изнѣженность. Типъ, замѣченный Эдвардсомъ, очевидно пришлый, и привился къ слѣдствію, потому что масса тосканскаго населенія сохраняетъ поръ главныя характеристическія черты древнихъ этрусковъ. „Изумительно,—говоритъ Нибуръ,—до какой степени рѣзко отличаются другъ отъ друга, даже въ настоящее время, разныя племена, составлявшія населеніе древней Италіи. Другъ мой Аддингтонъ обратилъ мое вниманіе на этотъ предметъ. Когда вы будете въ Италіи,—сказалъ онъ мнѣ,—замѣтите на тосканской границѣ различіе породъ. Эта граница отдѣляла этрусковъ отъ лигуровъ. Крайнему удивленію моему, я встрѣтилъ у этрусковъ тѣ-же формы, тѣ-же круглыя и полныя лица, какія находятся на древнихъ памятникахъ“ ***).

9) Предположеніе Дегина о тождествѣ гунновъ и гюн-ну основано на своемъ распространеніи Гиббону, который принялъ его на свой счетъ и внесъ, какъ доказанный фактъ, въ свое великое твореніе „Исторіи Римской имперіи“. Самъ Дегинъ былъ такъ убѣжденъ въ нѣ своей гипотезы, что не считалъ даже нужнымъ подкрѣпить ее положительными доводами. Ему достаточно было сходства звуковъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ сближеній. Повиднѣйшія изслѣдованія этого предмета были, повидимому, неизвѣстны Эдвардсу. Мы знаемъ въ немногихъ словахъ ихъ результаты. Народъ, который именуетъ гунновъ навелъ ужасъ на Европу въ IV-мъ столѣтіи, въ V-мъ грозилъ ей совершеннымъ порабоженіемъ, состоялъ изъ пестрой смѣси племенъ турко-монгольскаго и финскаго происхожденія.

*) Prichard. Т. III, отд. 1, стр. 211—223.

**) Prichard. Т. III, отдѣлъ 1, стр. 287.

***) Vorträge über die Geschichte der Menschheit und Völkerkunde, стр. 329.

Ихъ смѣшеніе произошло у подножія Уральскихъ горъ, искон-
 родины финновъ, куда зашли племена, вытѣсненные войною и
 ими неизвѣстными намъ причинами изъ жилищъ своихъ въ
 ней Азіи. Опредѣлить время прихода невозможно. Настоящіе
 мы, въ тѣсномъ смыслѣ, были по всей вѣроятности монголы. Въ
 верженіе нашихъ словъ мы приведемъ слова извѣстнаго на-
 ориенталиста, отца Іакинѳа. „Поколѣніямъ, т. е. владѣтель-
 ствамъ (родамъ), занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ наз-
 ваніе монголовъ, не потому, чтобы они происходили изъ дома
 монголовъ, но потому, что сей домъ, усилившись, наконецъ, всѣ
 племена псковѣнія своего племени покорилъ своей власти и со-
 здѣлалъ какъ-бы новое государство, которое мало-по-малу привыкли
 называть монголами-же, по прозванію господствующаго дома. Симъ
 зовомъ разныя монгольскія поколѣнія и прежде назывались об-
 щими именами: татанцевъ, киданей, хойхоровъ (уйгуровъ), тул-
 евъ, сянбійцевъ, хунновъ и проч.“ *). Владычество хунновъ
 и гунновъ въ Монголіи, носившей такимъ образомъ ихъ имя,
 продолжалось отъ 214 г. до Р. Х.—93 г. по Р. Х.: съ другой сто-
 роны, надобно замѣтить, что это имя было далеко распространено
 по востокъ. Оно находится, между прочимъ, въ клинообразной над-
 писи персепольской, содержащей въ себѣ названія народовъ, вхо-
 дящихъ въ составъ персидскаго государства, и разобранной Лас-
 пѣсомъ. Гунны (Hunâ), о которыхъ здѣсь говорится, занимали об-
 ласть, лежащую къ югу отъ Колхиды **). По словамъ Козьмы, со-
 славшаго въ VI-мъ столѣтіи по Р. Х. особенныя свѣдѣнія о тог-
 дашней Индіи ***), такъ называемые бѣлые гунны жили вдоль сѣ-
 вернаго берега рѣки Инда и составляли могущественный народъ.
 Когда распалось государство Аттилы, имя гунновъ перешло на мно-
 зество племенъ ему подвластныхъ, хотя эти племена по происхо-
 жденію своему и не принадлежали къ грознымъ пришельцамъ IV-го
 столѣтія. Подобное явленіе повторялось въ исторіи монгольскихъ за-
 воеваній. Современники называли монголами не однихъ только со-
 славниковъ Чингисъ-Хана, но всю разнородную массу, изъ ко-
 торой слагались его ополченія. Аттила и его племя принадлежатъ,
 очевидно, къ монгольской породѣ (замѣтимъ, впрочемъ, что Причардъ
 относитъ финновъ къ одной породѣ съ монголами). Описанія
 древнихъ писателей, на которыхъ ссылается Эдвардъ, такъ
 согласны между собою, что не позволяютъ сомнѣ-
 ній въ своей вѣрности. Монгольскій типъ выступаетъ передъ
 нами во всей своей опредѣленности. Юрнандъ какъ-бы предвидѣлъ

) Записки о Монголіи, 1, 157.

) Ritter, Erdkunde VII, 93—95.

) Въ извѣстномъ сочиненіи Christiana topographia.

будущія возраженія и споры и заключилъ заимствованное имъ Приска изображеніе наружности гуннскаго царя, слѣдующими словами, которыхъ нельзя не принять въ соображеніе: „онъ носилъ въ себѣ признаки своего происхожденія (*originis suæ singa restituens*)“. Слѣдовательно, Атила можетъ служить намъ представителемъ цѣлаго типа, котораго характеристическія черты въ немъ соединялись. Клапротъ *) говоритъ, что страхъ, наведенный гуннами, имѣлъ вліяніе на древнихъ писателей и былъ отчасти причиною того, что они представили намъ черты этого народа въ искаженномъ и обезображенномъ видѣ. Но описанія Ам. Марцеллина, Приска, Сидонія Аполлинарія, Иорнанда соотвѣтствуютъ совершенно настоящему монгольскому типу, и если мы будемъ смотрѣть на нихъ съ этой точки зрѣнія, то не найдемъ въ нихъ ничего преувеличеннаго или карикатурнаго. Мы укажемъ нашимъ читателямъ на записки о Монголіи отца Іакинфа. Тамъ находится (Т. I, стр. 169), описаніе монголовъ, которое совершенно сходно съ тѣмъ, что Иорнандъ говоритъ объ Атилѣ и гуннахъ вообще.

Связь мадьяровъ съ гуннами доказать не трудно. Мадьяры принадлежатъ, какъ извѣстно, къ финнскому (чудскому) племени, которое составляло значительную часть народа, или, правильнѣе сказать, ополченія. Выше сказано, что имя гунновъ пережило ихъ государство. Оно досталось, между прочимъ, въ наслѣдство нѣкоторымъ изъ финнскихъ племенъ, которыя вообще не заявили въ исторіи воинственнаго характера, сообщеннаго имъ временнымъ соединеніемъ съ турко-монголами. Угры или венгры, именующіе себя мадьярами, долѣе другихъ сохранили этотъ характеръ и памяти связи своей съ гуннами. Извѣстный францисканскій монахъ Рюйбрекъ, ѣздившій въ 1253 году посломъ къ монгольскому хану, говоритъ о народѣ паскатиновъ, (башкировъ), у которыхъ одинъ языкъ съ венграми. Изъ земли башкировъ, по словамъ этого путешественника, вышли гунны, впоследствии названные венграми.

Мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь мнѣніе ученыхъ, отрицающихъ гунновъ за славянъ. Что гунны увлекли въ свои движенія славянъ, не подлежитъ сомнѣнію; равно достоверно и то, что имя гунновъ осталось во многихъ славянскихъ мѣстностяхъ нѣкогда имъ подвластныхъ; но смѣшивать эти два племени невозможно.

10) Лучшее изслѣдованіе о „Семи и тринадцати общинахъ“ принадлежитъ Шмеллеру (*Schmeller, Über die sogenannten Cibern der VII und XIII Communen und ihre Sprache*; помещено въ запискахъ Баварской Академіи наукъ. 1838. Т. II, с. 3, стр. 557 и д.). Мы заимствуемъ изъ этого изслѣдованія с

*) Tableaux historiques de l'Asie, стр. 238.

ишіе факты. Тринадцать веронскихъ общинъ (tredecî communi) занимаютъ самыя возвышенныя мѣста въ горахъ, изъ которыхъ тѣкаетъ рѣка Проньо. Этотъ небольшой народъ состоитъ изъ 100 душъ нѣмецкаго происхожденія; подъ владычествомъ венецианской республики онъ пользовался многими нынѣ несуществующими правами. Еще въ концѣ VIII столѣтія, всѣ чиновники 13 общинъ должны были разумѣть нѣмецкій языкъ, который употреблялся и въ проповѣдяхъ духовенства. Въ настоящее время нѣмецкій языкъ сохранился только въ двухъ мѣстечкахъ, Гіаццѣ и Кампонтано, въ которыхъ считается вмѣстѣ около 1800 душъ. На востокъ оттуда, на высотѣ между Астикю и Брентою, лежатъ семь общинъ (sette communi), образовавшія подъ владычествомъ Венеціи родъ небольшой, одаренной значительными правами, республики. Населеніе состоитъ изъ 30.000 душъ. Въ южной части этихъ общинъ нѣмецкій языкъ уже вышелъ или выходитъ изъ употребленія. Онъ сохранился только въ немногихъ мѣстностяхъ и то преимущественно у женщинъ и дѣтей. Мужчины всѣ могутъ говорить италіански. Богатые и почетные люди даже не употребляютъ этого языка. Жители тринадцати и семи общинъ выдаютъ себя потомковъ тѣхъ кимвровъ, которыхъ Марій разбилъ при Веронѣ. Языкъ ихъ обличаетъ другое происхожденіе. Шмеллеръ, отличный знатокъ этого предмета, нашелъ, что жители общинъ говорятъ варо-тирольскимъ нарѣчіемъ верхне-нѣмецкаго языка, которое соответствуетъ XII и XIII столѣтіямъ. По всей вѣроятности, эти общины составились изъ вызванныхъ триентскими епископами, которые много занимались горными промыслами, нѣмецкихъ рудокоповъ. Окрестные жители до сихъ поръ называютъ жителей общинъ комками рудокоповъ (Sanorî—Knappen, Bergknappen).

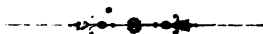
11) Кромѣ приведеннаго Эдвардсомъ сочиненія В. Гумбольдта, читатели наши найдутъ нѣсколько дѣльных замѣчаній объ истокъ басковъ въ „Исторіи южной Галліи подъ германскимъ владычествомъ“ Фориеля (Т. II, 340—357). Но знаменитый авторъ не смѣлъ изложить вполне своихъ изслѣдованій объ этомъ народѣ, такъ какъ можетъ древнѣйшемъ обладателѣ галльской почвы, отнятой у кельтовъ.

12) Въ 1835 году вышло сочиненіе Ксиландера: „Die Sprache der Albanezen oder Schkipetaren“, изъ котораго видно, что языкъ албанцевъ не походитъ на греческій и не обличаетъ вовсе близкаго родства между этими народами.

13) Лассенъ въ своемъ классическомъ твореніи объ индійскихъ древностяхъ („Indische Alterthumskunde“, стр. 361), признаетъ также двѣ главныя породы въ восточной Индіи, арійскую и санскую, которыхъ фізіологическія отличія еще не были достаточно опредѣлены. Но, кромѣ этихъ двухъ породъ, индійскій полу-

островъ заключаетъ въ себѣ много племенъ неизвѣстнаго намъ происхожденія.

14) Эдвардсъ поступилъ благоразумно, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о нравственныхъ свойствахъ отдѣльныхъ человѣческихъ породъ. При настоящемъ состояніи наукъ нельзя ожидать удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса, но нельзя также не признать, что опредѣленіе фізіологическихъ признаковъ народа тогда только получить настоящее значеніе для исторіи, когда будетъ показана связь этихъ признаковъ съ духовными и нравственными особенностями даннаго племени. Эдвардсъ доказываетъ неизмѣняемость породъ въ фізіологическомъ отношеніи. То-же самое начало можно провести и въ исторіи нѣкоторыхъ народовъ, сохранившихъ основныя черты своего первобытнаго характера чрезъ всѣ перевороты и внѣшнія вліянія, которымъ они подвергались въ теченіи столѣтій. Надобно пока собирать факты для соображеній. Въ одной изъ слѣдующихъ частей сборника *) мы представимъ нашимъ читателямъ сводъ современныхъ свидѣтельствъ о характерѣ галловъ отъ vystупленія ихъ на театрѣ исторіи до новыхъ временъ.



*) „Сборникомъ“ Грановскій называетъ „Магазинъ Землевѣдѣнія“, въ которомъ была напечатана эта статья. Обѣщанной статьи о галлахъ Грановскій не написалъ.

Прим. ред.

Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I-го въ 1799 году.

Составлена по Высочайшему повелѣнію Государя Николая I-го. Пять томовъ. Сочиненіе полковника Милютина. СПб. 1853.

Большей части русскихъ читателей, вѣроятно, уже давно извѣстны первые три тома „Исторіи войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I-го“. Вышедшими недавно IV и V томами достойнымъ образомъ заключается превосходный трудъ полковника Милютина. Его книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя необходимы каждому образованному русскому, и займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто въ обще-европейской исторической литературѣ.

Въ ожиданіи подробнаго, уже приготовленнаго для „Московскихъ Вѣдомостей“ отчета, мы поздравляемъ нашу публику съ важнымъ приобрѣтеніемъ и считаемъ не излишнимъ познакомить ее въ бѣгломъ обзорѣ съ содержаніемъ двухъ послѣднихъ томовъ книги г. Милютина. При этомъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ ея значеніи для новѣйшей исторіи вообще.

Дѣйствія русскихъ войскъ, отправленныхъ въ 1799 году императоромъ Павломъ I-мъ противъ Франціи, составляютъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи войнъ, вызванныхъ французскою революціею. Театромъ этихъ дѣйствій были Италія, Швейцарія и Голландія. Успѣхъ не вездѣ увѣнчалъ предпріятія русскихъ полководцевъ, но славы намъ досталось довольно. Отвѣтственность за неудачи должна большею частью пасть на тогдашнихъ союзниковъ Россіи, которыхъ своекорыстная политика, оплошность и нерѣшительность положили преждевременный конецъ подвигамъ русскихъ армій. Несмотря на важность этихъ событій, въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ ни одного удовлетворительнаго сочиненія о войнѣ 1799 года. Исторіи

россійско-австрійской кампаніи, изданная въ 1825 году С. С. Фуксомъ, содержитъ въ себѣ только поверхностный обзоръ дѣйствій Суворова съ весьма любопытными, но не всегда точно переведенными съ оригиналовъ, и вообще небрежно напечатанными приложеніями. Авторъ, который, какъ извѣстно, находился во все продолженіе кампаніи при особѣ Суворова, завѣдывалъ его походною канцеляріею и велъ всю офиціальную переписку, былъ, очевидно, не въ состояніи воспользоваться выгодами своего положенія. Многочисленные сочиненія, вышедшія за-границею о кампаніяхъ 1799 года, не могутъ, не смотря на относительныя достоинства свои и даже желаніе нѣкоторыхъ писателей представить безпристрастную оцѣнку событій, удовлетворить требованіямъ исторической истины, потому что они составлены на основаніи одностороннихъ источниковъ, безъ всякаго знанія обильныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Россіи. Читатели найдутъ обстоятельное подтвержденіе нашихъ словъ въ краткомъ, но весьма отчетливо и добросовѣстно составленномъ указателѣ источниковъ и событій, которыми пользовался г. Милютинъ для своей книги. Указатель этотъ приложенъ къ IV-му тому и самъ по себѣ заслуживаетъ благодарности всѣхъ занимающихся новѣйшею исторіею Европы. Изъ этого приложенія нетрудно составить себѣ понятіе объ отношеніи г. Милютина къ его предшественникамъ.

„Исторія войны Россіи съ Франціею“, есть трудъ въ полномъ смыслѣ слова самостоятельный и оригинальный. Автору хорошо извѣстно все, что было писано до него объ его предметѣ, но онъ заимствуетъ свѣдѣнія не изъ вторыхъ рукъ, а непосредственно изъ офиціальныхъ актовъ и другихъ памятниковъ, большею частью еще не изданныхъ и хранящихся въ государственныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ. Можно смѣло сказать, что книга, о которой здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ въ первый разъ полное и правдивое изложеніе какъ военныхъ событій, такъ и дипломатическихъ сношеній, происходившихъ въ 1799 году. Приведенные полковникомъ Милютинымъ дипломатическіе акты и документы другого рода проливаютъ яркій и для большинства западныхъ историковъ, можетъ быть, неожиданный свѣтъ на дѣйствія союза, образовавшагося противъ Франціи въ предположѣнный годъ XVIII-го столѣтія. Высокое прямодушіе императора Павла, рыцарское безкорыстіе, съ какимъ онъ принялъ участіе въ борьбѣ, представляютъ странную противоположность съ образомъ дѣйствій другихъ союзниковъ. Въ 1799 году республиканской Франціи грозила несравненно

большая опасность, чѣмъ въ 1792. Суворовъ не походилъ на герцога Брауншвейгскаго. Читатели узнаютъ изъ книги г. Милютина обстоятельства, остановившія побѣдное шествіе великаго полководца и не позволившія ему прибавить къ длинному ряду прежнихъ подвиговъ новые, еще болѣе громкіе и уже зрѣло обдуманые и приготовленные къ исполненію.

Г. Милютинъ пользовался сокровищами открытыхъ ему по волѣ Государя Императора государственныхъ архивовъ не только какъ трудолюбивый и добросовѣстный собиратель, но какъ истинный историкъ, умѣющій извлекать изъ массы разнородныхъ матеріаловъ ихъ внутренній смыслъ и сущность. Приложенія къ „Исторіи войны Россіи съ Франціею“, занимающія цѣлую половину книги, составляютъ сами по себѣ драгоценный подарокъ исторіи, но, повторяемъ, не въ этомъ одномъ заключается заслуга г. Милютина. Его собственное изложеніе событій отличается необыкновенною ясностью и спокойствіемъ взгляда, не отуманеннаго никакими предубѣжденіями и тою благородною простотою, которая, по нашему мнѣнію, составляетъ необходимую принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія. Намъ рѣдко случалось читать книгу, въ такой степени поучительную и увлекательную, а, между тѣмъ, авторъ, очевидно не заботился о сообщеніи своей книгѣ того рода занимательности, который болѣе всего требуетъ публика, читающая историческія сочиненія. Онъ оставилъ въ сторонѣ анекдотическую часть, столь рѣзко выдающуюся впередъ въ жизни Суворова, сдѣлавшагося еще при жизни героемъ преданій, ходившихъ не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ классахъ русскаго и всего европейскаго общества. Зато немногія характеристическія черты, мастерски вставленныя полковникомъ Милютинымъ въ его рассказъ, тѣмъ сильнѣе поражаютъ читателя.

Четвертый томъ „Исторіи войны Россіи съ Франціею“ содержитъ въ себѣ изложеніе военныхъ дѣйствій нашихъ въ Швейцаріи и оканчивается рѣшительнымъ разрывомъ между австрійскимъ и русскимъ дворами. Каждому изъ насъ случалось слышать рассказы стариковъ и читать отдѣльные эпизоды изъ чудеснаго похода, совершеннаго въ Швейцаріи русскими войсками, по выходѣ ихъ изъ Италіи. Въ самой Швейцаріи, подвиги нашихъ соотечественниковъ оставили неизгладимое вѣчатлѣніе въ памяти жителей. Непривычныя къ горной природѣ солдаты взбирались въ виду смѣлаго и предприимчиваго непріятеля

чины Альповъ по тѣмъ

пинкамъ, пробитымъ только одними охотниками. Мы не можемъ не привести нѣсколькихъ страницъ, заимствованныхъ нами изъ главы 58-й, носящей названіе: „С. Готардъ“:

„Со стороны Италіи позиція на С. Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные потоки Соречіа и Тремола, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури, или въ зимнія вьюги; нерѣдко, одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6.800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ—Госписъ (Hospice, Ospizio), въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ; эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамерзшихъ въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ спасали жизнь. Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ въ Швейцарію свою малочисленную армію... Обходное движеніе князя Багратіона и Барановскаго къ верховьямъ рѣчки Соречіа заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однако-жъ они держались еще шагъ за шагомъ, останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и, наконецъ, поднялись на самую вершину горы. Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ одолѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Бригада Гюдена, уже подкрѣпленная ближайшими войсками Луазона, заняла сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однако-жъ войска Фёрстера и Швейковскаго отважно пошли на приступъ. Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ: укрываясь за утесами и камнями, республиканцы цѣлили, какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерей; но войска русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленные присутствіемъ Суворова и Великаго Князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго: уже до 1.200 человекъ вышло изъ строя. Однако-жъ упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился во что-бы то ни стало выбить непріятеля изъ сильной позиціи. Видя упорное сопротивленіе французовъ на С. Готардѣ, фельдмаршалъ опасался за колонну Розенберга, о которой не имѣлъ еще никакихъ извѣстій. Время было дорого; день уже приближался къ

черу, а князь Багратионъ все еще взбирался на крутыя
бра С. Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ,
неимоверными усилиями карабкались со скалы на скалу,
подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и
обычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на
и недостижимыя выси. Войска были утомлены до край-
ности, гора казалась имъ безконечною; вершина ея какъ
что безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По вре-
намъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ,
всѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже 4 часа пополудни,
когда Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на С. Готардъ.
Въ то-же время и князь Багратионъ появился, наконецъ, на
южной вершинѣ, противъ лѣваго фланга непріятеля. Фран-
цузы, не ждавшіе никакъ нападенія съ той стороны, поки-
нули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отсту-
пать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С. Готардъ.
Утомленные до изнеможенія, войска стягивались мало-по-
ли на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ
двѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣ-
ли его капуцины. Настоятель (пріоръ), 70-лѣтній старикъ,
блѣдный какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату,
гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. „Нѣтъ, святой
отецъ, — сказалъ ему Суворовъ:—какъ ни голодны мы, но
после всего должны помолиться Богу; отслужите намъ
мессу, а затѣмъ и въ трапезу“... Усердно молился рус-
скій полководецъ на вершинѣ С. Готарда. После молебствія
пошелъ онъ въ домъ съ нѣсколькими изъ своихъ прибли-
женныхъ; капуцины угощали русскихъ картофелемъ и го-
хомъ. Суворовъ былъ веселъ, разговаривалъ съ настояте-
лемъ на разныхъ языкахъ; хвалилъ христіанскіе подвиги
шельниковъ и благодарилъ ихъ за гостепріимство. Обра-
дованный монахъ дивился разнообразнымъ знаніямъ и на-
стоятельности русскаго генерала. Они разстались весьма до-
вольные другъ другомъ; Суворовъ, напутствуемый благосло-
віями капуциновъ, отправился къ войскамъ“.

Слѣдующая 59-я глава содержитъ въ себѣ описаніе
дѣйствій Суворова отъ перехода русскихъ войскъ чрезъ
швейцарское подземелье и атаки Чортова моста до вступленія
въ Муттенскую долину. Нигдѣ и никогда, быть можетъ,
не обнаружались геній и отвага безсмертнаго полководца,
какъ въ эти два дня (15-го и 16-го сентября), при сопря-
женномъ съ трудностями всякаго рода переходѣ отъ Аль-
брехта до Муттена, на разстояніи всего 16 верстъ. Но
огромные труды и устраненныя препятствія не привели Су-

ворова къ задуманной цѣли. Несчастное Цюрихское дѣло разстроило всѣ его планы. Въ сочиненіи г. Милютина дѣло это изложено со всѣми его печальными, но не безславными для насъ подробностями. Результаты извѣстны. Послѣ пораженія Корсакова подъ Цюрихомъ и тѣхъ поступковъ, которыми австрійское правительство вызвало справедливое недовѣріе и негодованіе императора Павла, Суворову нельзя и незачѣмъ было долѣе оставаться въ Швейцаріи.

„Хотя цѣль похода, говорить г. Милютинъ, и не была достигнута, хотя союзники принуждены покинуть всю Швейцарію, однако-же неудачная эта компанія принесла русскому войску болѣе чести, чѣмъ самая блистательная побѣда. Нѣсколько тысячъ русскихъ, заброшенныхъ въ самую недоступную часть Альповъ, въ продолженіе 16-ти дней боролись непрерывно со всѣми препятствіями суровой природы, переносили тяжкія лишенія, голодъ, непогоду, и несмотря на изнуреніе, геройски дрались вездѣ, гдѣ только встрѣчались съ непріателемъ. Чрезвычайныя затрудненія, свойственныя вообще горной странѣ, особенно въ позднее время года, должны были-бы казаться неодолимыми для русскаго солдата, привыкшаго къ простору родимыхъ равнинъ, къ раздолью необозримыхъ степей. Однако-же грозные великаны Альповъ, съ своими снѣжными вершинами, съ отвѣсными ребрами, съ мрачными ущельями, нисколько не испугали нашихъ войскъ. Смѣло проходили они съ артиллеріею и вьюками тамъ, гдѣ ступали до нихъ только привычные охотники. Въ одномъ мѣстѣ на пути русской арміи попалась надпись на скалѣ: „Здѣсь прошелъ пустынный“. Сколько разъ случалось русскимъ войскамъ взбираться на снѣговые хребты! Сколько разъ, дрожа отъ стужи, перебирались они въ бродъ, выше колѣна въ водѣ, чрезъ быстрые горные потоки. Промоченные до костей страшнымъ ливнемъ, они вдругъ были застигаемы снѣгомъ, вьюгой, метелью; мокрая одежда покрывалась лдяною корой. Съ трудомъ добравшись, наконецъ, до вершины горъ, солдаты ночевали на снѣгу или на голыхъ скалахъ и не имѣли ни одного прута, чтобъ отогрѣть окостенѣлые члены. По нѣскольку дней оставаясь безъ провіанта, братски дѣлились они между собою ничтожными крохами, которыя находили въ ранцахъ убитыхъ французовъ, и даже приносили добродушно начальникамъ часть добычи своей. Офицеры и генералы сами были не въ лучшемъ положеніи: лишившись своихъ вьюковъ, они не имѣли ни пищи, ни обуви, ни теплой одежды; солдаты кое-какъ на ночлегахъ чинили своимъ офицерамъ остатки

говъ. При самомъ бѣдственномъ положеніи русскихъ
 сѣ, никогда не слышалось ни ропота, ни жалобъ. Не
 это было на душѣ; подъ-часъ ворчали солдаты на погоду,
 горы, на голодъ; но унынія не знали; не заботились
 се о томъ, что окружены непріятелемъ; не боялись ни-
 лько встрѣчи съ французами. Напротивъ того, русскіе
 вко и желали скорѣе сразиться съ противникомъ, чтобы
 ти, наконецъ, изъ тяжкаго положенія. Въ успѣхъ боя
 то не сомнѣвался, несмотря на всю несоразмѣрность въ
 ихъ, несмотря на всѣ преимущества на сторонѣ непріа-
 та. Французы имѣли въ горной войнѣ гораздо болѣе на-
 ча и сноровки, чѣмъ русскіе; умѣли искусно пользоваться
 стностью; стрѣляли мѣтко; имѣли хорошую артиллерію. За-
 русскіе брали отвагою и штыками; вездѣ, гдѣ только
 гли, бросались прямо въ рукопашную схватку, и на го-
 дный желудокъ, молодецки расправлялись съ противни-
 къ. Самъ Суворовъ переносилъ съ изумительною твердостью
 труды физическіе и страданія нравственныя. То подъ
 лдемъ проливнымъ, то въ мятель и вьюгу, 70-лѣтній пол-
 кодецъ ѣхалъ бодро на казачьей лошади, въ обыкно-
 ной своей легкой одеждѣ. Можно представить себѣ, какъ
 жно было тревожить фельдмаршала опасное положеніе
 в арміи. По свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ приближен-
 ныхъ его, были минуты, когда онъ даже отчаявался спасти
 се войско; однакожъ и тутъ сохранилъ всю свою силу, ду-
 шевную и твердую рѣшимость спасти, по крайней мѣрѣ, честь
 сскаго оружія.—„Не дамъ костей своихъ врагамъ“,—го-
 рилъ онъ:—„умру здѣсь, и пусть на могилѣ моей будетъ
 надпись: Суворовъ, жертва измѣны, но не трусости“... Пе-
 редъ войсками фельдмаршалъ старался неизмѣнно сохранять
 дружность спокойную. Въ числѣ весьма извѣстныхъ анек-
 довъ о Суворовѣ, рассказываютъ, будто-бы въ Муттенской
 битвѣ находясь совершенно въ безвыходномъ положе-
 ни, полководецъ нашъ, чтобы скрыть тревожное состояніе
 души своей, велѣлъ подать шкатулку, въ которой всегда
 хилъ онъ съ собою всѣ свои ордена и другіе знаки Монар-
 хихъ милостей; медленно раскладывалъ передъ собою всѣ
 и украшенія, любовался ими и приговаривалъ: „вотъ это
 Очаковъ! это за Прагу!“... и такъ далѣе. Однажды на по-
 рождѣ, когда колонна съ необыкновенными трудами проби-
 лась по недоступнымъ горамъ, солдаты, въ присутствіи
 многого Суворова, начали было ворчать: „Старикъ нашъ вы-
 шилъ изъ ума; Богъ вѣсть что завелъ насъ!“... Слыша э-
 бственными ушами, онъ вдругъ обратился къ свѣ

свить и громко сказалъ: „Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ! Такъ точно они хвалили въ Турчинѣ и Польшѣ“. Въ другой разъ, также на походѣ, замѣтивъ, что солдаты выбились изъ силъ и начинали унывать, Суворовъ во всю силу затынулъ пѣсню: „Что дѣвушкѣ сдѣлалось? Что красной случилось?“.. Общій хохотъ раздался въ колоннѣ, и солдаты ободрились. На ночлегахъ и привалахъ Суворовъ иногда подходилъ къ солдатскому кружку, вмѣшивался въ разговоры, по обыкновенію шутилъ, смѣшилъ разными поговорками. Появленіе стараго вождя еще имѣло дивное вліяніе на войско. Суворовъ умѣлъ оживить его въ обстоятельствахъ самыхъ безотраднѣхъ. Указывая впереди высокія горы или неприступную позицію непріятельскую, фельдмаршалъ только твердилъ о побѣдѣ, о славѣ, о милости царской; по прежнему называлъ солдатъ: „чудо-богатыри“, „чада Павловы“,—и по прежнему отвѣчали ему восторженные клики: „рады стараться, отецъ нашъ! веди, всюду пойдемъ за тобою!“..

Остальная часть IV тома посвящена послѣднимъ дѣйствіямъ русскихъ войскъ на театрѣ войны и удаленію Суворова съ этого театра. Главное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаютъ сношенія Россіи съ другими членами образовавшагося противъ Франціи союза. Читатели найдутъ здѣсь чрезвычайно много новаго и въ высокой степени занимательнаго. Мы укажемъ для примѣра на сардинскія дѣла, въ которыхъ такъ рѣзко обнаруживались съ одной стороны великодушная политика императора Павла, съ другой—корыстные виды тогдашняго австрійскаго правительства.

Въ V томѣ разсказана несчастная участь англо-русской экспедиціи въ Голландіи, гдѣ Германа постигла та-же судьба, какую Корсаковъ испыталъ въ Швейцаріи. И въ этомъ случаѣ мы въ правѣ сказать, не навлекая на себя упрека въ патріотическомъ пристрастіи, что виною неудачи были отчасти слишкомъ медленныя дѣйствія нашихъ союзниковъ. Исторія этого похода, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ является на русскомъ языкѣ. Авторъ „Исторіи войны Россіи съ Франціею“ представляетъ самый ясный и отчетливый выводъ изъ сочиненій иностранныхъ писателей, свѣренныхъ и дополненныхъ имъ при пособіи богатыхъ и еще неизданныхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Неудачная экспедиція не осталась, однако, безъ выгодъ для англичанъ, которые овладѣли значительною частью батавскаго флота. Чрезъ это они въ сущности достигли своей главной цѣли. Всѣ невыгоды и главный уронъ понесли русскіе. Изъ 17.000 человекъ, отправленныхъ изъ Ревеля въ августѣ

99 года, къ январю 1800 г. осталось на лицѣ только 10.539 чевѣкъ, въ томъ числѣ 3.308 больныхъ. Весьма любопытенъ, новости подробностей и ясному взгляду на цѣлое, разазъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ австрійцевъ противъ франзовъ въ Италіи, и объ участіи, какое принимали въ этихъ йствіяхъ русскія войска, находившіяся на эскадрѣ адмирала Ушакова. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава, въ которой разсказана осада Анконы. Едва-ли гдѣ раскрылись къ явно непріязненные намъ виды нашихъ союзниковъ. тѣмъ слѣдуетъ основанное на официальныхъ актахъ ложеніе политическаго состоянія Европы въ промежуткѣ ѣ конца кампаніи 1799 г., до возстановленія общаго мира 1801г. Послѣдніе дни Суворова и его кончина описаны въ обой главѣ.

Къ сочиненію г. Милютина приложены многочисленные аны и карты, необходимые не для однихъ только военхъ читателей. Изъ бѣглаго очерка, нами представленнаго, татели могутъ составить себѣ понятіе о богатствѣ содержнія двухъ послѣднихъ томовъ сочиненія, которое, по всей роятности, не замедлитъ обратить на себя вниманіе учехъ западной Европы. Автору можно спокойно ждать ихъ иговора, ибо онъ является передъ ними съ трудомъ номъ и оригинальнымъ значительно раздвигающимъ кругъ шихъ знаній о великихъ событіяхъ, происходившихъ въ ропахъ въ концѣ прошлаго вѣка. Исправляя ошибочныя ѣнія, пущенныя въ ходъ иностранными писателями, тѣдствие явнаго недоброжелательства Россіи, или по недѣвію, полковникъ Милютинъ сохраняетъ вездѣ высокое пристрастіе, воздающее по заслугамъ и врагамъ, и союзкамъ. Книга его можетъ вызвать возраженія, но никто станетъ у нея оспаривать значенія первокласснаго историскаго труда.

Чтенія Нибура о древней исторіи.

B. G. Niebuhr. Vorträge über alte Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten. 3 Bde. Berlin. 1847—1851.

I.

Изданіе историческихъ и филологическихъ лекцій, читанныхъ Нибуромъ въ Бонскомъ университетѣ, предпринятое его сыномъ, наконецъ, приближается къ концу. Чисто-историческій отдѣлъ уже весь готовъ. Семь вышедшихъ до сихъ поръ томовъ содержатъ въ себѣ курсы древней этнографіи, древней исторіи (Востокъ и Грецію) и римской исторіи. Курсы эти составлены большею частью по запискамъ бывшихъ слушателей Нибура, потому что въ его собственныхъ бумагахъ оказалось мало пособій для издателей. Въ теченіи двадцати лѣтъ, прошедшихъ со смерти великаго историка, идеи, высказанныя имъ съ кафедры Бонскаго университета, находились въ исключительномъ обладаніи его слушателей. Многое было пущено въ ходъ не только подъ чужимъ именемъ, но даже въ искаженномъ видѣ. Теперь лекціи напечатаны, и любознательные читатели могутъ сами оцѣнить большую или меньшую степень добросовѣстности и умѣнья, съ какими пользовались этимъ богатымъ источникомъ тѣ немногіе, которые имѣли къ нему доступъ. Но, кромѣ ихъ общаго значенія въ наукѣ, лекціи Нибура представляютъ для насъ занимательность другого рода. Мы знали автора „Римской исторіи“ какъ геніальнаго критика и глубоко-мысленнаго изслѣдователя; теперь онъ является намъ съ новой стороны, превосходнымъ повѣствователемъ, мужемъ живого, увлекательнаго слова. Читая лекціи Нибура, можно понять вполне глубокое впечатлѣніе, которое онъ производилъ на его аудиторію. У него не найдемъ того обдуманнаго, академическаго краснорѣчія, которымъ отличаются чтенія знаменитыхъ французскихъ профессоровъ, напр. Гизо или

льмена; его рѣчь проста и чужда всякихъ риторическихъ
рашеній, но въ ней есть теплота и сила, происходящая
изъ сознанія преподавателя, что предметъ, имъ излагаемый,
ходится совершенно въ его власти, исполнѣ ему покоренъ.
Нибуръ былъ одаренъ необыкновенною способностью перенос-
иться въ прошедшее не только воображеніемъ, но личнымъ
вмѣщеніемъ. Въ этомъ заключается творческая, чисто-поэти-
ческая сторона его таланта. Когда онъ начиналъ говорить
какомъ-либо значительномъ лицѣ греческой или римской
исторіи, онъ тотчасъ извлекалъ изъ своей изумительной памяти
современную обстановку, припоминая малѣйшія подроб-
ности и отношенія, и становился самъ въ ряды горячихъ
исверженцевъ, или враговъ описываемаго лица. О немъ
можно безъ преувеличенія сказать, что онъ пережилъ серд-
цѣ борьбу всѣхъ великихъ партій Греціи и Рима. Ули-
чить Нибура въ пристрастіи не-трудно, тѣмъ болѣе, что онъ
находилъ нужнымъ скрывать своихъ личныхъ мнѣній и
читалъ себя въ правѣ произносить рѣшительные приговоры
надъ величайшими дѣятелями и событіями всеобщей исто-
рии; но самые рѣзкіе и несправедливые изъ этихъ приго-
ровъ поучительны для мыслящаго читателя, потому что
ихъ основаніи почти всегда лежатъ какой-нибудь ус-
лышанный отъ вниманія другихъ историковъ фактъ, или
искорбленное нравственное чувство. Такой способъ изложе-
нія исторіи, конечно, не можетъ служить образцомъ или при-
меромъ для другихъ. Онъ былъ по плечу Нибуру. Но обы-
кновенный преподаватель, который вздумаетъ идти по его
бѣдамъ и позволить себѣ такіа частыя сближенія явленій
древней и новой исторіи, такой смѣлый языкъ относительно
фактовъ и событій, неизбѣжно навлечетъ на себя заслуженный
рекъ въ смѣшной самонадѣянности и произволѣ.

Изъ трехъ выше названныхъ нами курсовъ первое мѣсто
принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія „Чтеніямъ о древней
исторіи“ въ особенности послѣдней части, которая содержитъ
себѣ изложеніе судебъ Греціи, отъ начала македонскаго
владычества до смѣны его римскимъ. Нибуръ, какъ видно
изъ его переписки, много занимался этимъ временемъ, бѣд-
ствовалъ источниками и печальнымъ по содержанію, но весьма
важнымъ для римской исторіи. Онъ читалъ древнюю исто-
рию въ Бонскомъ университетѣ два раза: лѣтомъ 1826 года
въ зимнемъ семестрѣ 1829—30. Сверхъ того, издатели
пользовались въ видѣ дополненій лекціями 1845 года, объ-
ясняющими исключительно періодъ отъ Херонейской битвы
до паденія Коринфа. Въ порядкѣ разсказа Нибуръ слѣдовалъ

всѣмъ извѣстному извлеченію, составленному Юстиномъ изъ утраченнаго сочиненія Трога Помпея.

Исторіи древняго Востока, или, лучше сказать, семитическихъ и земскихъ племенъ,—потому что Китай не входитъ вовсе, а Индія только эпизодически въ составъ разсматриваемыхъ нами чтеній,—Нибуръ посвятилъ самую малую часть своего курса, главное содержаніе котораго составляетъ греческая исторія. Вообще, первыя 18 лекцій не могутъ вполнѣ удовлетворить читателя, знакомаго съ великими открытіями и трудами, совершенными съ 1830 года на поприщѣ восточныхъ древностей; но нельзя также не подивиться вѣрности взгляда, которымъ Нибуръ смотрѣлъ на настоящее состояніе и будущія судьбы своей науки. „Мы стоимъ,—говоритъ онъ, на порогѣ новой эры для древней исторіи. Прошедшіе вѣка Ниневіи, Вавилоніи и Персіи выступаютъ наружу, и древнѣйшія времена подымутся изъ мрака совершенно ясными и опредѣленными въ своихъ частностяхъ. Конечно, у этихъ народовъ нѣтъ индивидуальнаго, собственно человѣческаго, того, что есть у грековъ, римлянъ и новыхъ народовъ, но ихъ бытъ и его измѣненія уяснятся совершенно. Новое настоящее наступитъ для древняго міра, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ появятся такія изслѣдованія объ исторіи упомянутыхъ народовъ, въ сравненіи съ которыми наши теперешнія знанія будутъ тѣмъ-же, чѣмъ была химія сто лѣтъ тому назадъ въ сравненіи съ химією Берцелиуса“. (1. 74). Не забудемъ, что эти слова были сказаны съ кафедръ Бонскаго университета въ 1829 году, когда ни Ботта, ни Лейярдъ не думали начинать своихъ розысканій, и полковникъ Ролинсонъ еще не думалъ приступать къ разбору клинообразныхъ надписей.

При всей относительной краткости и неполнотѣ своей, отдѣлъ „Чтеній о древней исторіи“, посвященный Востоку, содержитъ въ себѣ много прекрасныхъ и поучительныхъ страницъ. Надобно при этомъ вспомнить, что Нибуру былъ извѣстелъ не одинъ только древній Востокъ, и что знанія его не были исключительно почерпнуты изъ книгъ. Еще въ ранней молодости онъ составилъ себѣ весьма живыя и подробныя представленія о странахъ и народахъ Азіи, по разсказамъ отца своего, знаменитаго путешественника Карстена Нибура. Впослѣдствіи эти свѣдѣнія были дополнены обширною начитанностью и личными сношеніями съ путешественниками всякаго рода, которыхъ Нибуръ любилъ спрашивать обо всемъ, на что не находилъ удовлетворительнаго отвѣта въ книгахъ. Собранные такимъ образомъ и

ищенные критикою матеріалы служили ему пособіемъ для вѣрки древнихъ свидѣтельствъ. Такія сличенія привели о къ слѣдующему сужденію о степени достовѣрности Герота относительно исторіи азіатскихъ народовъ. Нибуръ полагаетъ, что отецъ исторіи странствовалъ въ качествѣ купца, добно другимъ грекамъ того времени, которыхъ любознательность и врожденная цѣлому народу предприимчивость екли за предѣлы греческаго міра. Эти странствующие торвцы, удовлетворяя двоякой потребности знанія и корысти, ходили глубоко въ Азію съ произведеніями своей родины другими товарами, купленными или вымѣненными на догъ. По мнѣнію Нибура, свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Геротомъ, не всѣ равнаго достоинства. Такъ, напр., Ассирія и вилонія изображены превосходно, потому что историкъ лъ самъ въ тѣхъ краяхъ, вѣроятно, разумѣлъ тамошніе ыки и собралъ на мѣстѣ, изъ хорошихъ источниковъ, жныя ему свѣдѣнія; но Мидію онъ зналъ плохо, по чужимъ зсказамъ, вслѣдствіе чего его собственное изложеніе сбививо и исполнено противорѣчій. Тоже замѣчаніе можно сдѣть относительно Египта. Природныя свойства страны и историческія судьбы съ царствованія Псамметиха, т. е. того времени, когда начинаются точныя и достовѣрныя еданія, описаны какъ нельзя лучше; но тамъ, гдѣ у Герота не было средствъ къ собственному изслѣдованію факвъ, онъ принималъ ихъ на вѣру и повторялъ безъ повѣрки е слышанное имъ отъ жрецовъ объ египетской древности. исто-гелленская ясность ума и мѣткая наблюдательность родота обнаруживаются преимущественно при изображеи народныхъ свойствъ и особенностей. Въ этомъ отношеи, онъ едва-ли имѣетъ себѣ равныхъ между древними, за ключеніемъ одного Тацита. Замѣченное Геродотомъ родство жду колхидянами и египтянами, противъ котораго возаетъ большая часть новыхъ ученыхъ, нашло въ Нибурѣ льнаго заступника. Но еще съ большимъ жаромъ защиаетъ онъ сказанія греческаго историка о племенахъ восной Европы противъ нападокъ Шлецера. „Показанія Герота,—говоритъ онъ,—часто подвергаются насмѣшкамъ со ороны людей довольно ученыхъ, но не основательныхъ въ оихъ сужденіяхъ. Таковъ былъ Шлецеръ. У него не было уса, хотя онъ могъ-бы оказать великія заслуги исторіи, ли-бы подъ конецъ не опустился и не облѣнился, вдавнсь въ несчастную полипрагматію, въ которой запутался. ть хотѣлъ бытъ политикомъ, дабы получить большее знаніе, не заботился о приращеніи своихъ свѣдѣній, и такъ

какъ онъ былъ весьма живой человѣкъ, то писалъ горячо и запосчиво. Противъ древнихъ, всего классическаго и въ особенности противъ Геродота, онъ питалъ рѣшительную ненависть. Вообще онъ настоящій варваръ. Онъ занялъ-бы высокое мѣсто въ наукѣ и оставилъ-бы по себѣ великую память, если-бы не помрачилъ ее самъ. Ему кажется смѣшнымъ Геродотъ, утверждающій положительно, что сѣверъ богатъ золотомъ, а теперь вниманіе цѣлой Европы обращено на уральскіе золотые рудники. Слѣдовательно, Геродотъ и скандинавскіе жители, говорящіе о пермскомъ золотѣ и также осмѣянные Шлецеромъ, правы. Эти рудники перестали разрабатываться, или были преданы забвенію вслѣдствіе невѣжества монгольскихъ племенъ. Золото древняго міра добывалось частью изъ этихъ странъ, преимущественно изъ Урала, частью изъ Лидіи, Фракіи и Македоніи; потомъ изъ галльскихъ рудниковъ, частью съ границъ Египта и Нубіи; небольшое количество приходило изъ Аравіи и черезъ Карѳагенъ изъ внутренней Африки. Изъ этихъ источниковъ древніе получали такъ много золота, что оно относительно было дешевле, чѣмъ теперь, и сравнительная его цѣнность съ серебромъ была ниже. Аѳинскій золотой статеръ, который у древнихъ равнялся 20 драхмамъ, въ настоящее время стоитъ 32 драхмы серебра“. (1. 135). Мы нарочно привели характеристическій отзывъ Нибура о Шлецерѣ. Русскимъ читателямъ, конечно, покажется страннымъ упрекъ въ лѣности и легкомысліи, обращенный къ автору изслѣдованій о Несторѣ.

Возвратимся къ Геродоту. Четвертая книга его творенія даетъ нашему автору поводъ къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Геродотъ оставилъ намъ до того удавшееся ему описаніе скиѳовъ, что тотъ, кто не ослѣпленъ предразсудками, не только можетъ узнать этотъ народъ въ его настоящемъ видѣ, но даже опредѣлить породу, къ которой онъ принадлежалъ. Съ этимъ описаніемъ согласно и прекрасное, не уступающее Геродотову, изображеніе того-же народа Гиппократомъ въ сочиненіи *De aëre, aquis et locis*. Мнѣніе людей, которые въ новѣйшія времена вообразили себѣ, что скиѳы, видѣнные Геродотомъ, не составляли опредѣленнаго народа, но что онъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ вообще кочевыхъ жителей украинскихъ степей, непонятно и свидѣтельствуетъ о большомъ легкомысліи. Безспорно, что позднѣйшіе писатели, уже съ Плинія и Мелы, приходили въ затрудненіе отъ этого имени и называли имъ всѣхъ жите-

лей Украины безъ разбора. Впослѣдствіи этотъ обычай распространился далѣе. Источники III-го столѣтія называютъ скивами германскія племена, жившія въ тѣхъ странахъ. Готы, герулы и т. д. носятъ въ изящномъ литературномъ языкѣ имя скивовъ; такимъ образомъ, Дексиппъ далъ своей исторіи готскихъ нашествій названіе *Σκιδνικά*.... Изъ словъ Геродота и еще болѣе изъ словъ Гиппократата видно, что скивы были монгольское племя. Послѣдній говоритъ, что они были мясисты и жирны, съ весьма мало обозначенными суставами и сочлененіями мускуловъ и костей. Это поразительная особенность монгольскихъ народовъ. У нихъ круглое лицо, круглый черепъ, страннѣйшій разрѣзъ глазъ; но замѣчательнѣе всего то, что мускуловъ и костей почти не видно. Они какъ-будто исчезаютъ. Определенность формъ теряется подъ толстою и жирною кожею. При сравненіи народовъ южной Европы съ сѣверными; мы найдемъ между ними рѣзкое различіе: у южныхъ жителей, у италіанцевъ, у грековъ и еще въ болѣе-шей степени у настоящихъ азіатцевъ и у барбаресковъ очертаніе мускуловъ на рукахъ и на ногахъ бросается въ глаза. Этого вовсе нѣтъ у египтянъ, что имѣло величайшее вліяніе на ихъ ваяніе. У другихъ, названныхъ мною, южныхъ племенъ, мускулы въ такой необыкновенной степени развиты и обозначены, что я понялъ, почему древніе ваятели и художники не нуждались въ анатоміи. Ваятель могъ изучить на живомъ тѣлѣ все, что ему было нужно знать изъ анатоміи: мертвая наука не нужна была тому, кто могъ прослѣдить на живомъ тѣлѣ всю игру мускуловъ. Прекрасно натянутая кожа не скрывала ихъ. Великое различіе между статуями древнихъ и новыхъ художниковъ заключается, слѣдовательно, не въ лицахъ, хотя оно обнаруживается и здѣсь, потому что новые ваятели облегчаютъ себѣ дѣло, давая лицамъ одно общее выраженіе, а въ игрѣ мускуловъ. Для того, чтобы вполне уяснить себѣ это различіе, надобно сравнивать древнія и новыя статуи при факельномъ освѣщеніи. Такое изученіе доставляетъ большое удовольствіе. Древніе статуи оживаютъ и представляютъ на поверхности своей безконечное богатство, все разнообразіе живыхъ мускуловъ; наоборотъ, въ новыхъ мы не находимъ этой прозрачности: онѣ совершенно гладки; въ нихъ не видно жизни и движенія. Даже произведенія великихъ мастеровъ кажутся мертвыми. Барельефы Торвальдсена можно поставить на ряду съ древними, но не статуи его. У египтянъ мускулы крѣпкіе, но имъ недостаетъ живости и звенія египетск

янія происходитъ частью отъ свойства массы, которую они употребляли для статуй, ибо они держались несчастной мысли, что надобно выбирать самые крѣпкіе, жесткіе матеріалы. Насколько племена германскія и сарматскія стоятъ въ этомъ отношеніи ниже южныхъ европейцевъ, настолько превосходятъ они монголовъ. Въ описаніи Геродота мы узнаемъ послѣднихъ. Дальнѣйшимъ доказательствомъ монгольскаго происхожденія скивовъ служатъ отдѣльныя черты ихъ быта. У нихъ, между прочимъ, были паровыя бани, въ которыхъ они доводили себя до опьянѣнія, посыпая на раскаленные камни въ закрытыхъ палаткахъ одуряющія зелья. Такой-же обычай существовалъ прежде у камчадаловъ. Наконецъ, нельзя не узнать монголовъ по неопрятности, страсти къ пьянству и войлочнымъ палаткамъ. (I, 179—181).

Приведенныя нами слова показываютъ, къ какимъ разнообразнымъ соображеніямъ подавали Нибуру поводъ свѣдѣтельства древнихъ писателей.

Персидская исторія занимаетъ въ „Чтеніяхъ“ болѣе мѣста, нежели исторія другихъ народовъ Востока. Любопытно мнѣніе Нибура о національномъ характерѣ персовъ. Несмотря на владычество чуждыхъ народовъ, несмотря на внутренніе перевороты и смѣшенія съ другими племенами, черты древнихъ персовъ сохранились у поклонниковъ огня въ Іездѣ и Керманѣ. Черты эти гораздо жестче, чѣмъ у персовъ-магометанъ. Это столько-же странно, какъ и великое различіе, существующее между коптами-христіанами и магометанскими жителями Египта, хотя послѣдніе, должно быть, такіе-же потомки египтянъ, принявшихъ исламъ. Отсюда видно, что національныя черты измѣняются не однѣми внѣшними, причинами, какъ, на примѣръ, климатомъ, но подвержены вмѣстѣ съ характеромъ народа вліянію религіи и образа жизни. Къ особенностямъ персовъ всѣхъ вѣковъ принадлежатъ доведенныя до высочайшей степени раболѣпіе и низость. Персъ никогда не былъ свободнымъ и гордымъ человекомъ; въ этомъ отношеніи онъ не только рѣзко отличается отъ араба, но даже отъ соплеменнаго ему курда. Курдъ гордъ, прямодушенъ, не поддается гнету и предпочитаетъ всему приволье жизни подъ шатромъ; персіанинъ, напротивъ, рабъ въ полномъ смыслѣ слова; у него, притомъ, много дарованій, ума, и онъ умѣетъ облекать свои пороки въ пріятную и красивую форму. Для него не существуетъ другихъ понятій, кромѣ шаха и раба. Характеръ персовъ рѣзко выдается въ Геродотовомъ разсказѣ о Прекраспѣ и Камбисѣ. Камбисъ, поразивъ Прекраспова сына стрѣлою въ сердце.

просилъ у отца, похожъ-ли онъ теперь на пьянаго *). Прексаспъ отвѣчалъ ему: сами боги не могли-бы удачно стрѣлить. Этотъ отвѣтъ отца надъ трупомъ сына совершенно въ персидскомъ духѣ, и каждый персидскій вельможа отвѣчалъ-бы такимъ-же образомъ.—Къ тому-же, персы необычайно жестоки, что видно въ изобрѣтенныхъ ими казняхъ и утонченныхъ пыткахъ, напримѣръ, въ жизни Артаксеркса. Это свойство сохранилось у нихъ до нынѣшняго времени... Востокъ рано развратился, и нигдѣ не найдемъ такой нравственной порчи, какая проходитъ черезъ всю исторію древняго Востока. Отъ Средиземнаго моря до Китая и Японіи азіатскіе народы испорчены и нравственно извращены: исправить ихъ можетъ только европейское владычество (I, 153.). Не смотря на всѣ недостатки, ошибки и неудачи англичанъ, ихъ иго, по мнѣнію Нибура, полезно и благотворно для Индіи. Эту мысль онъ высказываетъ нѣсколько разъ.

Въ немногихъ страницахъ, посвященныхъ Дарію Истаспу, показано вполне важное значеніе его царствованія. Дарію заочно обязано государство, случайно сложившееся изъ завоеваній его предшественниковъ, возможностью двухсотлѣтняго существованія. Его учрежденія не только сохранились до временъ македонскаго владычества, но проникли и въ Индію, гдѣ ихъ застали европейцы. Индійскія субы отвѣтствуютъ вполне персидскимъ сатрапіямъ, и положеніе субадаря, относительно ввѣренной ему области и верховной власти, представляетъ поразительное сходство съ положеніемъ сатраповъ. Самыя войны Дарія носятъ на себѣ другой характеръ, нежели войны Кира и Камбиса. Видно, что онѣ были предприняты съ цѣлью придвинуть государство къ естественнымъ границамъ. На юго-западѣ такую границу сдѣлался Индъ. При послѣдующихъ персидскихъ царяхъ народы Пятирѣчья (Пенджаба) свергли съ себя иноземное владычество, и Александръ долженъ былъ воевать въ странахъ, нѣкогда покоренныхъ Даріемъ. Геродотъ говоритъ, что, кромѣ индусовъ, арабы повиновались сыну Исса. Въ настоящее время невозможно опредѣлить ни объема, ни степень персидскаго владычества въ Аравійскомъ полуостровѣ, но стоитъ замѣтить, что одно изъ послѣднихъ предпріятій, задуманныхъ Александромъ, было направлено противъ Аравіи. Можно предположить, что македонскій за-

*) Прексаспъ передалъ Камбису отзывы персовъ, которые обвиняли своего сына въ излишней склонности къ вину. Герод. III, 34—35.

воеватель имѣлъ въ виду возстановленіе на востокѣ границъ, данныхъ Даріемъ своему государству. Знаменитый походъ Дарія противъ скифовъ объясняется двоякою цѣлью. Съ одной стороны надобно было однажды на всегда обезпечить сѣверныя области персидской монархіи отъ набѣговъ кочевыхъ хищниковъ, покорить или отбросить далѣе въ ихъ степи эти безпокойныя племена. Съ другой стороны, надобно было овладѣть всѣми берегами Чернаго моря и обратить его въ персидское озеро. Мы уже видѣли, какую важность имѣли для древняго міра земли, лежавшія на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго. Кромѣ золота, шедшаго изъ далекой Скиіи черезъ упомянутое море въ Грецію, послѣдняя получала отъ черноморскихъ колоній значительную часть произведеній, которыя ей нужны были для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей ея населенія. Оттуда получала она всякаго рода соленую и вяленую рыбу, составлявшую, какъ извѣстно, главную пищу грековъ. Значительное количество потреблявшагося въ Греціи хлѣба получалось тѣмъ-же путемъ. Предметы вывоза изъ Греціи далеко не равнялись цѣною съ предметами ввоза. Аѳины, находясь на высшей степени богатства и промышленной дѣятельности, постоянно отправляли въ черноморскія колоніи много денегъ, кромѣ товаровъ, такъ что торговый балансъ склонялся, по выраженію Нибура, на сторону колоній.

Мы не послѣдуемъ за великимъ историкомъ въ его изслѣдованіяхъ объ источникахъ греческой исторіи, составляющихъ довольно обширное и поучительное введеніе къ самой исторіи. Намъ еще не разъ придется приводить впослѣдствіи мнѣнія Нибура объ отдѣльныхъ писателяхъ греческой древности. Скажемъ, однако, напередъ, что, при всей геніальности своей, при необычайной способности сводить въ одно цѣлое разсѣянные по разнымъ памятникамъ отрывки изъ утраченныхъ нами писателей, Нибуръ не всегда оставался вѣренъ собственному требованію осторожной критики. Увлекаясь творческимъ воображеніемъ, онъ, на основаніи немногихъ сохранившихся строкъ, произносилъ приговоръ цѣлымъ твореніемъ и опредѣлялъ его большую или меньшую для насъ важность. Чтенія, посвященные имъ началу греческой исторіи, содержатъ въ себѣ много остроумныхъ, обличающихъ глубокаго знатока, замѣчаній и намековъ, но въ цѣломъ не представляютъ особенной занимательности читателю, знакомому съ позднѣйшими трудами по этой части. Любопытно было-бы впрочемъ, прослѣдить въ частностяхъ вліяніе нибуровыхъ идей и предположеній на современ-

менное состояніе науки. Мы предоставляемъ такой трудъ ученымъ, исключительно посвятившимъ себя изученію древности. Книга Грота, извѣстная читателямъ „Прописеевъ“ изъ подробнаго и основательнаго разбора, составляемаго профессоромъ Леонтьевымъ, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, явныя доказательства того вліянія, о которомъ мы упомянули. Взглядъ Грота на развитіе аѳинской исторіи и на характеръ аѳинскаго народа, навлекшій автору обвиненіе въ пристрастіи, представляетъ удивительное сходство съ тѣмъ, что Нибуръ сказалъ о томъ-же предметѣ за много лѣтъ до выхода въ свѣтъ перваго тома „Греческой исторіи“. Здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ не о простомъ заимствованіи чужихъ мыслей, а о томъ законномъ и неизбежномъ дѣйствіи, которое гениальныя умы обнаруживаютъ на дальнѣйшія судьбы своей науки. Недоказанныя ими предположенія, ихъ бѣглыя намеки составляютъ обильное послѣдствіе для послѣдующихъ поколѣній и опредѣляютъ надолго въ ту или другую сторону дѣятельность этихъ поколѣній.

Глубокое сочувствіе Нибура къ Аѳинамъ и главнымъ личностямъ аѳинской исторіи высказывается на каждой страницѣ. Аѳины стоятъ у него по праву на первомъ планѣ при изложеніи великой борьбы Греціи съ персами. Изложенію этихъ событій предшествуетъ общая оцѣнка греческой жизни до V-го столѣтія до Р. Х.

„Къ существенно-характеристическимъ чертамъ отдѣльныхъ эпохъ принадлежитъ особенно чрезвычайное различіе въ болѣе или менѣе быстромъ движеніи жизни, которая въ нѣкѣтой эпохѣ движется съ неимоверною скоростью, въ другія-же времена тянется медленно и незамѣтно, такъ что цѣлыя поколѣнія проходятъ безъ всякихъ видимыхъ перемѣнъ. Я уже указалъ на этотъ разнообразный ходъ исторіи въ моихъ чтеніяхъ о новѣйшей исторіи. Такого рода соображенія вносятъ дѣйствительную жизнь въ древнюю исторію и ставятъ ее рядомъ съ современною, переживаемою нами исторіею. Не удивительно, что на нее вообще смотрять, какъ на нѣчто такое, чего въ дѣйствительности никогда не было: обыкновенно ее не понимаютъ, и при сужденіи о событіяхъ древности прилагаютъ совсѣмъ не тѣ законы, какіе прилагаются къ новой исторіи, которая, въ свою очередь, совсѣмъ не такъ понимаема, какъ-бы должно понимать ее. Упомянутое нами различіе въ болѣе или менѣе ускоренномъ ходѣ событій въ особенности поразительно въ греческой исторіи. Уже къ началу персидскихъ войнъ обнаруживается усиленное движеніе жизни; съ этого вре-

мени до конца пелопонезской войны, въ продолженіи 80-ти лѣтъ, развитіе совершается съ такою быстротою, что народъ проходить, можно сказать, всѣ крайности добра и зла, всѣ возможныя измѣненія въ литературѣ и всемъ бытъ и переходить съ неудержимою скоростью отъ увядающей юности къ совершенной зрѣлости. Нѣчто подобное видѣли мы въ новѣйшей исторіи Германіи отъ вступленія на престолъ Фридриха II-го въ 1740 году до конца прошедшаго столѣтія. Такія времена обозначаются обыкновенно именемъ одного лица, какъ, напр., вѣкъ Перикла, Людовика XIV, Фридриха Великаго. Но эти лица, именами которыхъ обозначаются извѣстныя эпохи, суть сами произведенія своего времени и не столько независимые дѣятели, сколько его органы... Иногда же проходятъ цѣлыя столѣтія безъ всякихъ великихъ и существенныхъ измѣненій. Такое однообразіе жизни находимъ мы въ Италіи въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ; такое-же время представляютъ намъ первый и второй вѣкъ римской имперіи, въ особенности-же второй и третій“.

„Конечно, въ до-писистратовской Греціи не было совершеннаго застоя, было даже много жизни, но эта жизнь въ сущности вращалась на одномъ мѣстѣ и не подвигалась впередъ. Въ такія эпохи медленнаго развитія мало обнаруживается внѣшней дѣятельности, люди почти не живутъ въ современности, зависятъ отъ прошедшаго и обращаютъ свои мысли болѣе къ послѣднему, назадъ, нежели впередъ, къ будущему. Тамъ, гдѣ подобное состояніе народа есть здоровое, оно обличаетъ юную, готовую къ великому развитію жизнь: таково было, напр., въ англійской литературѣ время, предшествовавшее Шекспиру, въ италіанской—время передъ Дантомъ, то есть XIII-е столѣтіе. Но бываютъ также періоды, когда такой застой не предвѣщаетъ никакого развитія, а только представляетъ продолженіе стараго, существующаго безъ внутренней жизни, безъ способныхъ развернуться въ будущемъ зародышей, и потому обреченнаго на неизбежную смерть. Такимъ образомъ во Флоренціи литература XV-го столѣтія продолжала свое существованіе до XVIII-го. Въ эпохи юности, когда въ тишинѣ созрѣваетъ великое,—причемъ, конечно, можетъ случиться и то, что самыя значительныя явленія уже совершились и замкнули собою періодъ предшествовавшаго развитія,—въ такія эпохи исторія представляетъ намъ нѣчто особенное. Человѣкъ погруженъ всею своею дѣятельностью въ гражданскую жизнь, исполняетъ свой долгъ, но событія, около него совершающіяся, теряютъ для него занимательность тотчасъ по совершеніи.

Такъ, напр., изъ первой миланской хроники XI-го столѣтія видно, что тогдашніе люди не приписывали ни себѣ, ни современникамъ своимъ никакого значенія, и что ихъ вниманіе исключительно было обращено на прошлое. Германцы XI-го столѣтія также считали себя и своихъ современниковъ за самыхъ обыкновенныхъ людей. Вообще та эпоха не гордится собою, не считаетъ себя героическою, и только личности, принадлежащія прошедшему, привлекаютъ къ себѣ ея участіе. Въ подобномъ состояніи находилась Греція почти до самыхъ персидскихъ войнъ; этимъ объясняется, почему тогда не было исторіи и даже прозы вообще, почему мало заботились о настоящемъ и о только-что минувшемъ: вниманіе было обращено къ героическому періоду, какъ къ чему-то высшему: Этотъ періодъ составлялъ живой міръ, въ которомъ греки, какъ потомки героевъ, видѣли самихъ себя, въ которомъ они жили и дѣйствовали. Отсюда происходитъ и то, что древнѣйшіе эпическіе поэты почти до 60-й олімпіады заимствуютъ содержаніе своихъ пѣсенъ изъ однихъ источниковъ съ Гомеромъ, который представилъ героическій періодъ во всей его красотѣ. Но по мѣрѣ того, какъ исчезало могущество и обаяніе прошедшаго, какъ усиливалась занимательность и содержаніе настоящаго, это настоящее, уже значительно развитое, самодовольно сознавшее свое достоинство, стало переносить поэзію отъ прошедшаго къ себѣ самому и такимъ образомъ образовался поэтический рассказъ. Но такъ какъ въ настоящемъ было много такого, чего нельзя было передать стихами, то за поэтическимъ рассказомъ послѣдовалъ историческій, въ которомъ событія удобнѣе сохранялись для памяти. Прежде другихъ выступилъ Гекатей и рассказалъ о томъ, что въ его памяти случилось, что онъ самъ видѣлъ въ своихъ путешествіяхъ, и что слышалъ о различныхъ народахъ. За повѣствованіями этого рода слѣдуетъ прагматическая исторія“. (1, 361—363.)

Нибуръ подвергаетъ строгой, но едва-ли вполне справедливой критикѣ сказанія Геродота о персидской войнѣ. Нельзя, напримѣръ, никакъ согласиться, что у Геродота не было предшественниковъ, и что онъ пользовался только одними преданіями, да творченіемъ эпическаго поэта Херила. Самое сравненіе рассказовъ, ходившихъ въ Греціи въ послѣдней половинѣ V-го столѣтія о Ксерксовомъ походѣ, съ рассказами, живущими въ устахъ египетскихъ арабовъ о французской экспедиціи 1799 года, никакъ не можетъ, по нашему мнѣнію, быть допущено. Ни въ народномъ характерѣ, ни въ степени образованности, на которой стояли Геродо-

товъ современники, не было ничего общаго съ египетскими арабами въ концѣ прошлаго столѣтія. Извѣстно, какъ сильно воображеніе восточныхъ народовъ дѣйствуетъ на историческое изложеніе ближайшихъ событій. Это явленіе объясняется самымъ свойствомъ восточной исторіи, состояніемъ тамошней науки и всѣмъ складомъ мысли, составляющимъ характеристическое отличіе азіатца отъ европейца. Бонапартъ явился въ Египтъ существомъ высшаго рода и произвелъ на умы поклонниковъ пророка впечатлѣніе до того сильное, что оно наложило особенную печать чудеснаго на всѣ событія, связанныя съ исторіею французской экспедиціи. Подобный процессъ рѣшительно не могъ совершиться въ ясномъ и отчетливомъ умѣ грека; въ противномъ случаѣ намъ пришлось-бы отказаться отъ утвержденнаго вѣками критической разработки довѣрія къ источникамъ греческой исторіи вообще. Невозможно также предположить, что до Геродота никто не далъ себѣ труда записать подробности борьбы, рѣшившей споръ между греческимъ и варварскимъ міромъ, особливо если примемъ мнѣніе самого Нибура, утверждающаго, что Геродотъ началъ писать свое твореніе въ первое десятилѣтіе Пелопонезской войны, слѣдовательно, около 70-ти лѣтъ послѣ Мараѳонской битвы и около 60-ти послѣ Платейской. Впрочемъ, въ лекціяхъ своихъ 1826 года Нибуръ упоминалъ о Харонѣ Лампсакскомъ, который написалъ двѣ, не дошедшія до насъ книги о персидскихъ войнахъ и былъ предшественникомъ Геродота. Предположеніе Нибура о подложности этого сочиненія, которое могло, по его словамъ, появиться вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ подобныхъ произведеній въ александрійскую эпоху, не имѣетъ рѣшительно основанія. Мы не имѣемъ также никакого права принимать утраченную поэму Херила Самосскаго за одинъ изъ источниковъ Геродота. Хериль, какъ доказано всѣми повѣйшими изслѣдованіями, былъ моложе отца исторіи, могъ отъ него заимствовать историческія данныя для задуманнаго поэтическаго труда и никакъ не могъ служить образцомъ или путеводителемъ Геродоту.

Трудно также сказать, почему именно Нибуръ думаетъ, что находящееся въ VII-й книгѣ Геродота исчисленіе племенъ, составлявшихъ войско Ксеркса, и описаніе ихъ оружія заимствованы историкомъ цѣликомъ у Херила. Скорѣе можно сдѣлать обратное заключеніе. Описаніе оружія въ особенности, кажется, Нибуру нелѣпымъ и вовсе не согласнымъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о древней Азіи. Смѣемъ думать, что великій творецъ „Римской исторіи“ произнесъ это обвине-

ніе на Геродота въ минуту критическаго увлеченія, если позволено такъ выразиться. Пестрый составъ персидскаго войска, въ который входили дружины почти всѣхъ азіатскихъ и нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, объясняетъ разнообразіе оружій. На мараѳонскомъ полѣ найдены были стрѣлы съ заостренными камнями въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ дикари Тихаго Окена. Стрѣлы эти лежали въ землѣ рядомъ съ металлическимъ оружіемъ, обличавшимъ совсѣмъ другую степень цивилизаціи. Если между падшими при Мараѳонѣ ратниками Датиса и Артаферна находились дикари, незнакомые съ употребленіемъ металловъ, то какъ можемъ мы удивляться разнообразію одеждъ и вооруженій въ войскѣ Ксеркса, которое далеко превосходило и числомъ, и составомъ войско, бывшее подъ Мараѳономъ? По словамъ Геродота, въ ополченіи, которому Ксерксъ дѣлалъ смотръ на Дорискской долинѣ, было 46 различныхъ племенъ. Безпристрастный читатель найдетъ въ наружномъ описаніи этихъ племенъ много любопытнаго, очень мало неправдоподобнаго и ничего безобразно-нелѣпаго (fratzenhaftes). Напротивъ, самое разнообразіе одежды и оружія превосходно характеризуетъ не только войско, но и самое государство, которому служили рядомъ либіецъ, употреблявшій вмѣсто копья обожженный съ конца колъ, кочевой сагартъ, вооруженный однимъ кинжаломъ, да арканомъ, въ родѣ южно-американскаго лассо, и мало-азіатскій грекъ, облеченный въ блестящій, но тяжелый доспѣхъ, котораго отдѣлка могла быть достаточнымъ доказательствомъ его умственнаго превосходства надъ другими соратниками. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о недостоверности Геродотовыхъ извѣстій относительно числа Ксерксовыхъ воиновъ; вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, надъ которыми историку не зачѣмъ долго останавливаться. Ясно, что цифры Геродотовы невѣрны; но какое средство поправить его ошибку? Фукидидъ едва-ли не самый точный и положительный историкъ древняго міра, былъ не въ состояніи опредѣлить число грековъ, сражавшихся при Мантиней. Какъ-же можно требовать вѣрныхъ цифръ отъ Геродота, особливо когда дѣло идетъ о войскѣ, число котораго, вѣроятно, не было извѣстно самому персидскому царю? Греческому историку не оставалось ничего другаго, какъ только собрать слухи, ходившіе о безчисленномъ множествѣ враговъ, и внести собранныя имъ извѣстія въ свою книгу. Вообще, Востокъ мало дорожитъ вѣрностью въ статистическихъ данныхъ и мало объ нихъ заботится; едва-ли когда-либо была съ точ-

ностью опредѣлена числительная сила большой азіатской арміи. Гротъ приводитъ по этому-же поводу весьма любопытное мѣсто изъ записокъ барона Тота. Во время войны русскихъ съ турками въ 1770 году, когда турецкая армія стояла у Бабадага, близъ Балканскихъ горъ, великій визирь потребовалъ къ себѣ барона Тота и спросилъ у него: какъ велика числомъ турецкая армія? Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и что въ случаѣ надобности онъ самъ-бы обратился къ визирю съ этимъ вопросомъ. Визирь сказалъ прямо, что ему совершенно неизвѣстно число ввѣренныхъ ему войскъ.— Откуда-же мнѣ знать то, что вамъ не извѣстно?—отвѣчалъ Тотъ.—Изъ австрійскихъ газетъ; вѣдь, вы ихъ читаете,—сказалъ великій визирь.

Съ другой стороны нельзя не согласиться, что въ Геродотовыхъ разсказахъ о Ксерковомъ походѣ есть многое, чего теперь при недостаткѣ другихъ свидѣтельствъ, невозможно понять или объяснить. Огромное превосходство персидскаго флота надъ греческимъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Почему-же Ксерксъ не отрядилъ часть этого флота для разоренія береговъ Пелопоннесскихъ? Выгоды такой мѣры были очевидны и не требовали глубокихъ соображеній. Вообще, во всѣхъ дѣйствіяхъ персидскаго флота есть что-то непонятное; онъ рѣшительно не пользуется своимъ числительнымъ перевѣсомъ и сражается съ греками при постоянно неблагоприятныхъ для себя условіяхъ, въ узкихъ проливахъ, гдѣ греки не могли быть обойдены съ фланговъ, а персамъ невозможно было развернуть всей своей боевой линіи. То-же самое можно замѣтить и о сухопутномъ войскѣ Ксеркса. Оно дѣйствуетъ съ какою-то осторожностью, похожею на робость, непостижимую при такихъ силахъ. Разоривъ Аѣины, персы оставили въ покоѣ Элевзинъ, лежащій отъ Аѣинъ на разстояніи какихъ-нибудь четырехъ нѣмецкихъ миль. Конница персидская, составлявшая, по всей вѣроятности, лучшую часть арміи, и которой нечего было бояться встрѣчи съ врагами, потому что у грековъ почти вовсе не было конницы, не предпринимаетъ, однако, ничего рѣшительнаго и не ходитъ далѣе Фриасійскаго поля, сколько намъ извѣстно. На Мегару, граничащую съ Аттикой, персы не сдѣлали даже и покушенія. Какимъ образомъ все населеніе Аттики могло найти пристанище и достаточное продовольствіе на небольшомъ островѣ Саламинѣ и Трезенѣ? Всѣ эти вопросы, предложенные Нибуромъ, остаются и вѣроятно навсегда останутся нерѣшенными. Многое, но не все объясняется робкимъ характеромъ Ксеркса и его неопытностью въ военномъ дѣлѣ.

Превосходно характеризуетъ Нибуръ дѣятельностьThemistocles, который, по его справедливому замѣчанію, не оцѣненъ еще надлежащимъ образомъ. Онъ является намъ не съ столь опредѣленными чертами, какъ, напримѣръ, Периклъ или Демосѣенъ. Но Фукидидъ питалъ къ нему глубочайшее уваженіе и вполне сознавалъ важность совершенныхъ имъ подвиговъ и оказанныхъ заслугъ. Кому, какъ неThemistocles, обязаны Аѣины флотомъ, укрѣпленіемъ гавани и города, успѣшнымъ исходомъ Персидской войны и главными основами своего будущаго величія? Къ сожалѣнію, не всѣ планыThemistocles были исполнены. По отступленіи персовъ, онъ хотѣлъ оставить совершенно разоренныя ими Аѣины и выстроить новый городъ въ Пирей. Новая, придвинутая къ самому морю, Аѣины представили-бы болѣе удобствъ торговому населенію, и легче была-бы защита противъ врага. Аѣиняне изъ благоговѣйной привязанности къ мѣсту, гдѣ жили ихъ предки, гдѣ стоялъ храмъ Аѣины-Плѣады и Эрехѣея и т. д., отвергли совѣтъThemistocles,—и, конечно, горько каялись въ этомъ, когда Лисандръ явился передъ ихъ городомъ. Themistocles опредѣлилъ отношенія иностранцевъ въ Аѣинахъ, доставилъ метѣкамъ не только выгодное и болѣе прочное положеніе, но даже открылъ имъ возможность къ достиженію гражданства въ Аѣинахъ. Если-бы его идеи получили дальнѣйшее развитіе въ эпоху аѣинской гегемоніи, то, конечно, союзники не поддались-бы такъ легко обѣщаніямъ Спарты. Главною причиною ихъ отложенія была политическая исключительность аѣинянъ, не хотѣвшихъ дѣлиться съ союзными городами своимъ гражданствомъ. Это было уже замѣчено и древними. Мѣра, принятаяThemistocles относительно метѣковъ, доставила опустошенному городу въ самомъ скоромъ времени населеніе, далеко превышавшее то, которое во время персидскаго нашествія принуждено было искать убѣжища на островѣ Саламинѣ.

„Обыкновенно, продолжаетъ Нибуръ, Themistocles противопоставляютъ Аристиду, какъ мужа добродѣтельнаго, человѣку искусному и ловкому, чрезъ что у послѣдняго нѣкоторымъ образомъ отрицается добродѣтель, и онъ самъ является какимъ-то грѣшникомъ. Настоящая причина этого мнѣнія заключается въ необычайномъ величійThemistocles, вызвавшемъ зависть. Согласно съ исходящимъ изъ сущности политеизма воззрѣніемъ (το θεῶν μισοῦρόν), самые боги завистливыми глазами смотрѣли на счастье Поликрата. Это понятно. Греческіе боги смотрятъ недовѣрчиво на возвышенныя стремленія человѣчества, потому что эти стре-

нія слишкомъ приближаютъ къ нимъ человѣка. Такая идея лежитъ въ основѣ политеизма и античныхъ воззрѣній на прошедшее и настоящее. Φθόνος, недоброжелательство боговъ къ человѣку, проходитъ черезъ всю исторію.

„Большинство съ трудомъ выносить все великое и прекрасное, и чтобы отдѣлаться отъ этого тяжелаго для него чувства, оно заботливо ищетъ слабостей и недостатковъ великихъ людей. Не изъ искренняго уваженія къ добродѣтели, а для того, чтобы унижить умственное величіе, мелкія души противопоставляютъ великому мужу, не лишенному, впрочемъ, нравственной чистоты, другого, у котораго эта нравственная чистота является дѣйствительнымъ, но при томъ исключительнымъ свойствомъ. Рѣдко оправдываются слова Горация: *virtutem incolumem odimus, sublatam ex oculis quaerimus invidi*; обыкновенно ограниченная честность и отрѣшенная отъ генія нравственность высоко цѣнятся даже послѣ смерти, какъ-будто только подъ такимъ условіемъ могутъ существовать эти качества во всей полнотѣ своей. Люди, въ которыхъ нѣтъ ничего чистаго, радуются возможности славить добродѣтель, именно тамъ, гдѣ она не опирается на высокій разумъ. Такая зависть имѣла большое вліяніе на сужденіе о Ѳемистоклѣ и Аристидѣ. Я прошу не обвинять меня въ намѣреніи снять съ Аристиды вѣнецъ его славы. Я вѣрю всѣмъ похваламъ, которыя ему воздаются; я вѣрю, что его добродѣтель вполне заслужила то уваженіе, которое питала къ нему древность; но я возражаю противъ тѣхъ сравненій, въ которыхъ онъ почти всегда возвышается на счетъ Ѳемистокла. Ѳемистоклъ выше. Для друзей Аристиды, для всѣхъ, его видѣвшихъ и знавшихъ чистоту его мнѣній, жизнь его имѣла безконечное значеніе, но Ѳемистоклъ несравненно болѣе сдѣлалъ для спасенія и величія родины. — Вообще, объ Аристидѣ думаютъ, что онъ былъ очень бѣденъ, но это несправедливо. Уже Димитрій Фалерскій основательно замѣтилъ, что Аристидъ никакъ не могъ быть бѣденъ, потому что онъ былъ архонтомъ эпонимомъ, слѣдовательно, принадлежалъ къ самому богатому классу гражданъ, то-есть къ *πεντακοσιμεδιμοις*, потому что въ его время эту должность могли занимать только пентакосіомедимны, которые всѣ были эвпатриды; это былъ еще листокъ изъ вѣнца эвпатридовъ. Всѣ толки о бѣдности Аристиды произошли отъ того, что по смерти его республика дала приданое его дочери. Мы видимъ здѣсь то-же самое отношеніе, какъ и при общественныхъ погребеніяхъ великихъ римлянъ, напримѣръ, Валерія Публиколы; отсюда также вы-

вели заключеніе, что люди, которыхъ погребала на свой счетъ *plebes*, а иногда *plebes* и *curiae* вмѣстѣ, умирали въ крайней бѣдности. Новые писатели пошли еще далѣе: они вообразили себѣ, что Валерій Публикола умеръ нѣкоторымъ образомъ въ богадѣльнѣ. Такое участіе республики было не бездѣлица, потому что въ Римѣ большіе похороны обходились очень дорого, и когда сенатъ и народъ принимали на себя издержки, то они оказывали почеть покойнику и услугу его наслѣдникамъ.

Нельзя при этомъ случаѣ не отдать должной справедливости благодарной воспріимлемости аѣинскаго народа ко всѣмъ великимъ и патріотическимъ идеямъ. Когда Θεμισтокль предложилъ употребить на постройку флота принадлежавшіе всѣмъ гражданамъ доходы съ серебряныхъ рудниковъ, предложеніе его было тотчасъ принято. А, между тѣмъ, большая часть тогдашнихъ аѣинянъ едва добывали себѣ насущный хлѣбъ, и, конечно, лишались многого, жертвуя государству своею скромною долею доходовъ съ рудниковъ. Впрочемъ, такія черты не рѣдки въ аѣинской исторіи! Величайшіе люди Аѣинъ—Θεμισтокль, Перикль и Демосѣенъ—хорошо знали эту сторону національнаго характера и умѣли на нее дѣйствовать въ видахъ общей пользы.

Нибуръ вполне убѣжденъ въ совершенной невинности Θεμισтокла. Онъ приписываетъ его изгнаніе ненависти Спарты, которая не могла ему простить аѣинскихъ укрѣпленій и вообще заслугъ его Аѣинамъ; къ тому-же въ самихъ Аѣинахъ противъ Θεμισтокла образовалась сильная аристократическая партія, во главѣ которой стоялъ сынъ Мильтіада, Кимонъ, временно затмившій Θεμισтокла, который не былъ полководцемъ, славою своихъ военныхъ подвиговъ, въ особенности побѣдою при Эвримедонтѣ. Трудно себѣ представить, какихъ цѣлей могъ достигнуть Θεμισтокль, участвуя въ преступныхъ замыслахъ Павсанія, раскрывшаго впервые передъ лицомъ всей Греціи темную сторону спартанскаго характера. Извѣстно, какіе слухи ходили въ древности о самоубійствѣ Θεμισтокла и о причинахъ, побудившихъ его къ такому поступку. Во времена Аристофана уже господствовало убѣжденіе, что Θεμισтокль предать себя смерти, дабы избавиться отъ необходимости служить персидскому царю, осыпавшему его благодѣяніями, противъ своихъ соотечественниковъ; слѣдовательно, мнѣніе ближайшаго потомства уже было на сторонѣ великаго гражданина, падшаго жертвою несправедливости современниковъ. Самый родъ смерти, избранный Θεμισтокломъ и вызвавшій

справедливое сомнѣніе, объясняется слѣдующимъ образомъ Нибуромъ.—„Конечно,—говоритъ онъ:—Θемистоклъ не могъ отравить себя бычачьею кровью, потому что кровь четвероногихъ неядовита. Но сто лѣтъ тому назадъ синильная кислота добывалась у насъ изъ крови. Почему-же не допустить, что древніе, о химическихъ свѣдѣніяхъ которыхъ мы слишкомъ низко думаемъ, знали, хотя и не вполне, средство извлекать изъ крови самый смертельный изъ всѣхъ ядовъ? Если у этого препарата не было никакого особеннаго имени, то его могли за-просто называть бычачьею кровью“. Вообще Нибуръ безпрестанно нападаетъ на господствующее еще въ наше время представленіе о состояніи отдѣльныхъ наукъ и искусствъ въ древнемъ мірѣ. Приводимъ слѣдующія слова, сказанныя по поводу Кимоновыхъ побѣдъ надъ персами: „я давно уже замѣтилъ, что мореплаваніе, морская тактика древнихъ и устройство ихъ галеръ подвергаются слишкомъ презрительнымъ отзывамъ. Галеры должно представлять себѣ какъ нѣчто, соотвѣтствующее нашимъ пароходамъ. Главная цѣль была одна и та-же: возможность независимаго отъ вѣтра плаванія. Устройство древней галеры весьма было похоже на устройство пароходовъ; мѣсто нынѣшнихъ машинъ занимали человѣческія руки, которыя сообщали судну силу, необходимую для плаванія противъ вѣтровъ и теченій. Галеры были весьма легкія суда, назначенныя для скорого бѣга, съ какъ-можно меньшею массою, дабы движущая сила находилась какъ-можно въ большемъ отношеніи къ этой массѣ. Въ своемъ родѣ, онѣ представляли нѣчто ужасное. На случай благоприятнаго вѣтра, на нихъ, какъ и на пароходахъ, имѣлось небольшое число парусовъ.“

Жалобы, вызванныя гегемоніею Аѣинъ, были отчасти справедливы. Нигдѣ эти отношенія не изложены съ такимъ высокимъ безпристрастіемъ и съ такою вѣрностію, какъ у Θукидида. Но Θукидидъ не во всемъ оправдываетъ союзниковъ, почти добровольно, вслѣдствіе собственнаго равнодушія къ общему дѣлу Греціи, подпавшихъ подъ владычество Аѣинъ. Требованія ихъ не всегда были справедливы, ибо большею частью основаны были на ариѣметическомъ расчетѣ. Жители Наксоса и Пароса рассуждали, напримѣръ такимъ образомъ: „въ Аѣинахъ 20,000 гражданъ, у насъ 5,000: наши отношенія, слѣдовательно, какъ 4:1; зато если у всѣхъ союзниковъ 100,000 гражданъ, то Аѣинамъ принадлежитъ только пятая часть власти“. Нибуръ справедливо вооружается противъ такого чиста вѣшняго и, по его словамъ, презрѣннаго способа опредѣлять взаимныя отношенія

членовъ политическаго союза. Не числомъ своихъ гражданъ и не однимъ флотомъ завоевали Аѣины то высокое положеніе, которое онѣ занимали въ Греціи, и котораго законность не оспариваетъ у нихъ всеобщая исторія.

Самыя гордыя надежды Ѳемистокла на будущее величіе родного города были не только оправданы, но и превзойдены въ эпоху Перикла. Мы смѣло можемъ назвать эту эпоху самымъ свѣтлымъ пунктомъ древней исторіи. Да и, вообще, едва-ли какой народъ достигалъ такого гармоническаго и всесторонняго развитія своихъ силъ, какого достигли тогда аѣиняне. Образованность, которая обыкновенно бываетъ принадлежностью немногихъ, поставленныхъ въ особенно выгодное положеніе, гражданъ, была въ Аѣинахъ доступна всѣмъ и каждому и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Воспитаніе аѣинянина совершалось жизнью, а не въ школѣ. Онъ могъ обойтись безъ грамотности, и не смотря на то, стать наряду съ самыми просвѣщенными людьми своего времени, потому что жилъ въ такой умственной средѣ, которой вліяніе было неотразимо. Глазъ его привыкалъ съ дѣтства къ изящнымъ формамъ пластической красоты, его со всѣхъ сторонъ окружавшей въ памятникахъ искусства; сужденіе его изощрялось постояннымъ участіемъ въ судебныхъ и политическихъ преніяхъ, въ которыхъ расточали свое краснорѣчіе величайшіе ораторы Греціи; происходившія подъ открытымъ небомъ, приглашавшія всѣхъ къ участію, бесѣды философовъ, непрерывные толки объ искусствѣ, составлявшемъ одинъ изъ главныхъ интересовъ общественной жизни, наконецъ дѣйствія драматическихъ представленій, которыя имѣли цѣлью не простую забаву, а соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ назиданіе, довершали умственное развитіе аѣинянина, которому обстоятельства отказали въ возможности учиться въ молодости. Одна способность чувствовать красоты эсхиловыхъ или софокловыхъ трагедій свидѣтельствуетъ о высококомъ просвѣщеніи и строгомъ вкусѣ аѣинянъ того времени. Имъ не нужно было сложной завязки, хитро веденной интриги, однимъ словомъ тѣхъ средствъ, къ которымъ принуждены бываютъ прибѣгать величайшіе драматическіе писатели для возбужденія любопытства въ своихъ зрителяхъ. Ко всему сказанному, къ необыкновенной воспріимлемости богато одареннаго природою южнаго племенн, надобно прибавить историческія обстоятельства, въ высшей степени благопріятныя. Аѣины были торговое и промышленное государство; ихъ жители предавались самой разнообразной дѣятельности, но въ итогъ у аѣинскаго гражданина было

несравненно болѣе досуга, нежели трудомъ челоуѣка нашего времени. Жизнь заключается въ условіяхъ частной, сложной, какъ наша. Жена и гражданинъ большую часть дома жилъ мало. Вся его дѣятельность и частная, проходила подъ откровенномъ обмѣнѣ мыслей и впечатлѣніями. Такой бытъ неминуемо для личностей, которыя сошлись въ Аѣны. Со времени сосредоточіемъ гелленской умственной обѣднѣла великими художниками своими въ единственномъ утверждалъ права на славу. техническая часть искусства развивалось въ Аѣнахъ, по естественное слѣдствіе торговли находило приложенье къ цѣлѣйшей до Целопоннезской войнѣ аѣинскіе богачи гордились на свой счетъ государственныхъ хоромъ, выставленныхъ именами, и другими обязательствами въ эпоху, нами описанными, но служили доніе въ республикѣ.

Конечно, не Периклъ и великія явленія, котораго именемъ, но онъ столько болѣе, нежели кто либо, основана была на безпримѣна другиму и на дѣятельнаго мужа. По образу даже выше Темистокла.

Отдавая справедливость Нибуру произносить, которыми измѣненіями аѣинскихъ государствъ, далеко не вполнѣ изъяснить просовъ принадлежащихъ власти ареопага не бытъ сомнѣнію. Бытъ допустилъ такую неос

и до
приним
итическ
въ семе
ой-нибу
торону т
стоящая
еже св
словам
енія, вст
звѣнны
быть пр
выбывши
въ немъ
такъ ка
хъ начал
енію въ не
во съ тѣ
иначе о
бранный
ганіе въ
жнность;
переходѣ
ю. Такъ
своими
цество эт
наго знат
стр. 29—
дидише,
по избран
мъ и тѣмъ
въ ввести
къ не по
избраніе ос
почему
быть арх
онъ дѣйст
до, достигъ
представл
чанія Нибу
дѣднихъ кл

ихъ опасеній усиливавшемуся демосу, сохранить въ государствѣ сильное, на охранительномъ началѣ основанное учрежденіе, которое могло оказать великія услуги въ критическія минуты народной жизни. Нибуръ полагаетъ, что во время перидскихъ войнъ ареопагъ пользовался неограниченною властью, соотвѣтствовавшею римской диктатурѣ. Мы оставляемъ это мнѣніе на отвѣтственности великаго историка. Извѣстно, что при Периклѣ, по предложенію друга его Эфіальта, судебная власть ареопага была значительно ограничена. Но въ немъ собственно состояло это ограниченіе, мы достовѣрно не знаемъ.

„Периклъ и Эфіальтъ заботились объ усиленіи народнаго собранія. Объ нихъ обоихъ можно сказать, что они не знали, что дѣлали, потому что они безспорно повредили республикѣ. Гдѣ обращеніе крови совершается съ такою быстротою, какъ въ аеипскомъ народѣ, тамъ не для чего ускорять ходъ; лучше внести какія-нибудь замедленія въ ходъ, потому что застоя нечего бояться. Эфіальтъ былъ, изъ сомнѣнія, вполне честный человѣкъ, его нельзя упрекнуть ни въ эгоизмъ, ни въ честолюбіе; но, по моему мнѣнію, такое обвиненіе падаетъ на Перикла, котораго я ни въ какомъ случаѣ не могу оправдать. Периклъ сознавалъ свое дѣяніе на народъ, который жилъ его жизнью; его убѣжденія, сказанныя имъ умно и съ жаромъ, проникали въ душу народа. Всѣ его предложенія принимались. Отношеніе его къ ареопагу было совсѣмъ другое. Слово Перикла не имѣло такого могущества, если-бы ему пришлось говорить передъ ограниченнымъ по числу членовъ собраніемъ ареопага. Онъ вообще не имѣлъ возможности высказать передъ ареопагомъ своего мнѣнія, потому что не засѣдалъ въ немъ, не имѣлъ надежды вступить въ него съ тѣхъ поръ, какъ дѣланіе архонта перестало быть избирательнымъ. Если-бы нововводители не замѣнили избранія жребіемъ, то Периклъ могъ-бы сдѣлаться эпонимомъ, вступить въ ареопагъ и уже подчинить его себѣ. Теперь ему пришлось употребить другія средства.—Ареопагъ представляетъ замѣчательный примѣръ того, что называется *esprit de corps*, въ лучшемъ смыслѣ этого, выраженія. Такой *esprit de corps* существовать до французской революціи въ парижскомъ парламентѣ, тогда члены передавали другъ другу достоинство и независимость, отражавшіяся на всемъ ихъ образѣ жизни. Легкомысленный членъ парламента былъ презираемъ даже теми людьми, которые охотно мирились съ легкомысліемъ его остального міра. Такимъ-же наслѣдственно передаю-

щимся духомъ отличаются члены извѣстныхъ фамилій въ Англіи; онъ составляетъ сущность, основу, на которой держатся государственныя учрежденія, замѣняя внутреннимъ побужденіемъ отсутствіе прекратившагося внѣшняго принужденія. Въ такихъ государствахъ, какъ Англія, политическія мнѣнія существуютъ неизмѣнно въ отдѣльныхъ семействахъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Какой-нибудь Россель, измѣнившій видамъ и перешедшій на сторону торизма, былъ-бы чудовищнымъ явленіемъ. Это настоящая и благотворная аристократія. У ареопага былъ также свой духъ: легкомысленный, презрѣнный человѣкъ, по словамъ, сказаннымъ Исократомъ въ эпоху общаго разложенія, вступая въ ареопагъ, долженъ по необходимости измѣниться, принять другой образъ мыслей. Поэтому, ареопагъ былъ превосходнымъ учрежденіемъ. Онъ состоялъ изъ выбывшихъ изъ должности архонтовъ, которые засѣдали въ немъ во все продолженіе остальной жизни своей. Но такъ какъ ареопагъ былъ представителемъ охранительныхъ началъ, выраженіемъ разума въ республикѣ, то поступленію въ него должно было предшествовать испытаніе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ архонты стали избираться по жребію; иначе онъ обратился-бы во вздорное учрежденіе. Всякій избранный по жребію архонтъ обязанъ былъ выдерживать испытаніе въ чистотѣ жизни (*докимадія*) предъ вступленіемъ въ должность; потомъ, сложивъ съ себя званіе архонта, при переходѣ въ ареопагъ онъ подвергался вторичному испытанію. Такъ поступали италіанскіе города Среднихъ вѣковъ съ своими пестами. Перикль и Эфіальтъ унизили могущество этого судилища, по словамъ Аристотеля, глубочайшаго знатока отдѣльныхъ государственныхъ учреждений“. (II, стр. 29—32).

Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы судилище, по полнявшееся, какъ видимъ, по жребію, а не по избранію могло быть проникнуто до такой степени однимъ и тѣмъ-же духомъ,—какъ говоритъ Нибуръ.—Случай могъ ввести въ ареопагъ членовъ недостойныхъ, которые никакъ не получили-бы доступа къ нему если-бы прежнее избраніе осталось въ силѣ. Съ другой стороны, непонятно, почему Перикль долженъ былъ отказаться отъ надежды быть архонтомъ и потомъ членомъ ареопага. Если-бы онъ дѣйствительно домогался этихъ почестей, то, вѣроятно, достигъ-бы ихъ и по жребію. Преобразование ареопага представляло болѣе трудностей.

Справедливѣе намъ кажутся другія замѣчанія Нибура. Онъ оправдываетъ Перикла въ допущеніи бѣдныхъ клас-

совъ аѳинскаго народа къ участию въ богатствахъ республики, достигнувшей высшей степени благосостоянія и получавшей огромные доходы. Не хорошъ былъ, по мнѣнію Нибура, только способъ, употребленный Перикломъ, т. е. плата за участіе въ народныхъ и судебныхъ собраніяхъ. Но здѣсь, кажется, у Перикла была еще другая цѣль: онъ хотѣлъ доставить бѣднѣйшему аѳинянину возможность пользоваться своими правами и воспитать его для жизни въполнѣ гражданской. Въ этомъ заключается различіе между законами Перикла и римскими *leges frumentariae*, которые Нибуръ съ ними сравниваетъ. Вождь аѳинскаго демоса имѣлъ въ виду не одно утоленіе голода бѣдныхъ классовъ, но и умственное ихъ развитіе. Его мѣры нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствовали мѣрамъ новыхъ правительствъ касательно народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, при избыткѣ населенія, которымъ уже начинали страдать Аттика и вся остальная Греція, при закрывшейся возможности высылать колоніи въ прежнихъ размѣрахъ, Периклъ могъ еще имѣть въ виду предупрежденіе государственныхъ переворотовъ.

Пелопоннесскою войною кончилось кратковременное, но принесшее плодъ для всей дальнѣйшей исторіи человѣчества, процвѣтаніе греческой жизни. Война эта носитъ на себѣ особенный характеръ разрушенія: у враждовавшихъ сторонъ не было опредѣленной, ясно обозначенной цѣли. Споръ могъ, слѣдовательно, кончиться только совершенною побѣдою одной и уничтоженіемъ другой. Но и побѣдителямъ дорого обошлось торжество: *proprium periculum fecerunt, qui vicerunt*.

„Цвѣтущее состояніе Греціи передъ Пелопоннесскою войною относится къ послѣдующему времени такъ, какъ Германія предъ Тридцатилѣтнею войною—къ Германіи послѣ Тридцатилѣтней войны, или Италія до нашествія французовъ при Карлѣ VIII—къ Италіи послѣ этого нашествія. Это можно сказать не только о нравственныхъ и духовныхъ отношеніяхъ, но и о разореніи страны, хотя съ этой стороны Греція менѣе пострадала (?). Юношескій возрастъ Греціи кончился рано, вмѣстѣ съ эпическими и первыми лирическими поэтами; Пелопоннесскою войною замыкается свѣжая пора зрѣлаго возраста. Сравнивая даже Демосѳена, одного изъ величайшихъ умовъ, являвшихся въ исторіи, почти одиноко стоящаго между своими современниками, съ людьми, жившими до Пелопоннесской войны, мы найдемъ, что поэзія уже исчезла. Она не долго сохранилась въ жизни послѣ паденія Аѳинъ, какъ отраженный горами блескъ заходящаго

солнца. Въ вѣкъ Августа люди, которыхъ молодость совпадаетъ съ междоусобными войнами и битвою при Акціумѣ, совершили, по водвореніи относительной тишины и спокойствія, безсмертные труды, но труды эти по происхожденію своему принадлежатъ прошедшему. То-же самое можно сказать о Пелопоннесской войнѣ въ приложеніи ко всей литературѣ и къ цѣлому складу жизни. За движеніемъ, вызваннымъ Пелопоннесскою войною, слѣдуетъ общая усталость; какъ во Франціи черезъ 10-ть лѣтъ послѣ начала революціи прекращаются всѣ стремленія къ созданію новыхъ формъ, останавливаются умственная производительность и предприимчивость, такъ и въ Греціи все было утомлено и хило. Мечтанія и надежды были истощены и изношены. Война началась съ большою свѣжестью силъ; многое въ жизни и искусствѣ уже достигло высшей степени развитія; многое приближалось къ этой степени. Трагедія еще до войны стояла такъ высоко, что не могла уже выше подняться; значительнѣйшія драмы явились, правда, въ самые годы войны, но онѣ суть плоды предыдущаго развитія. Въ комедіи было много безымянныхъ мастеровъ: величайшій между ними Аристофанъ. Но въ трагедіи съ Софокломъ нѣкого сравнить. Ходъ образовательныхъ искусствъ былъ другой; они шли впередъ и во время войны и послѣ, и достигли такой оконченности, тонкости и красоты, о которыхъ прежде не имѣли понятія. Къ тому-же времени принадлежитъ образованіе и развитіе прозы, которая дотолѣ не существовала какъ искусство. Могущество и богатство Греціи были истреблены войною. До 431 года Греція была цвѣтущею странюю, но богатство ея истощилось, и даже области, не испытывшія разоренія, потерпѣли сильные удары вслѣдствіе напряженій и поборовъ Спарты. Къ этому присоединилось глубокое нравственное огрубѣніе, общее разложеніе; чувства ненависти и озлобленія окрѣпли; чувства довѣрія и расположенія къ ближнимъ вымерли. Вмѣстѣ съ ними погибло : невосвратно юношеское возрѣніе на будущее время. Люди несли жизнь, какъ долгъ; жили безъ радостей, безъ надеждъ на нѣчто лучшее, свѣтлое, на исполненіе мечтаній и замысловъ“.

„Пелопоннесская война есть самая безсмертная изъ всѣхъ войнъ, потому что она обрѣла величайшаго историка изъ всѣхъ, доселѣ существовавшихъ. Фукидидъ достигнулъ высшаго, доступнаго историку совершенства, касательно твердости, ясности и живого изложенія, Въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ, можетъ быть, сравнился-бы Тацитъ,

если-бы до насъ дошли утраченныя книги его исторіи: въ тѣхъ, которыя сохранились, онъ еще не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Фукидиду. У Тацита нѣтъ такой непринужденности и наглядности. Фукидидъ пишетъ такъ, какъ-будто онъ еще присутствуетъ при описываемомъ и видитъ его своими глазами. Въ этомъ онъ неподражаемъ; вѣроятно въ послѣднихъ книгахъ Ливія была такая-же наглядность, хотя въ другомъ родѣ. Мы находимъ ее также въ рѣчахъ у Саллюстія. Можетъ быть она была и въ утраченныхъ книгахъ его. Прежнія порицанія Фукидида безсмысленны: у него и у Демосѣена каждое слово тяжело вѣситъ“. О Ксенофонтѣ Нибуръ отзывался очень строго: онъ находитъ, что Ксенофонтъ относится къ Фукидиду, какъ Глеймъ въ Гѣте. „Его исторія никуда не годится: она написана лживо, нерадиво, на скорую руку“. Не безъ причины удивляется Нибуръ Ксенофонтову пристрастію къ Спартѣ въ виду несчастій, которыя ея гегемонія навлекла на Грецію.

Прекрасно характеризуетъ Нибуръ послѣдніе годы Перикловой жизни, совпадающей съ началомъ Пелопоннесской войны. „Достоверно,—говоритъ онъ:—что Периклъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ нападеній; это объясняется обстоятельствами. По происхожденію онъ принадлежалъ къ аристократіи; по наклонностямъ и убѣжденію онъ стоялъ за демось и старался укрѣпить его. Но такъ какъ онъ окончательно разорвалъ прежнія, еще до него ослабленныя связи, существовавшія въ государствѣ, то порядокъ вещей, имъ созданный, не могъ быть органическимъ. Его правленіе не было творческое, органически развивающее, но чисто личное: благоденствіе и вліяніе Аѣинъ зависѣли отъ его лица; это была счастливая анархія подъ вліяніемъ великаго человѣка. Для будущаго не было создано ничего крѣпкаго. Но кто знаетъ, падаетъ-ли вина такого ощущенія на великаго мужа? Кто можетъ утвердительно сказать, что въ этомъ ходѣ вещей не было необходимости? Часто за счастливейшею эпохою слѣдуетъ неизбѣжно время упадка; счастье отдѣльныхъ лицъ или поколѣній ведетъ за собою упадокъ цѣлаго. При Периклѣ выступила наружу въ Аѣинахъ личность во всей силѣ своей. Покорность исчезла въ народѣ. Въ молодости Перикла государствомъ правили Ѳемистоклъ и Аристидъ, потомъ Ѳемистоклъ и Кимонъ, Кимонъ одинъ, наконецъ самъ Периклъ съ нѣсколькими старшими его годами Кимономъ, и еще позже—съ Фукидидомъ Алопекскимъ. Они составляли совокупность великихъ аѣинскихъ государъ“

ныхъ мужей. Но въ послѣдніе годы Перикла выступаетъ на сцену толпа даровитыхъ людей, которые хотятъ управлять государствомъ. У нихъ было знаніе государственнаго дѣла и извѣстная степень образованности, въ особенности риторической, которая въ молодости Перикла была исключительною принадлежностью немногихъ, подобно ему замѣчательныхъ людей, и которою Периклъ самъ, можетъ быть, обладалъ не въ такой высокой степени, какъ его молодые соперники. Ни у кого изъ этой толпы не было, впрочемъ, укрѣпленной на прочномъ основаніи системы. Весьма немногіе изъ нихъ (Алкивиадъ былъ еще очень молодъ) хотѣли вызвать къ жизни тѣни древней аристократіи; большая часть состояла изъ демагоговъ, людей честолюбивыхъ, смотрѣвшихъ на Перикла, какъ на устарѣвшаго, заслонявшаго имъ дорогу человѣка, высокое положеніе котораго составляло предметъ желаній каждаго изъ нихъ. Такъ возникли нападки противъ Перикла, по печальному, но совершенно естественному ходу человѣческой жизни, который также повторяется въ литературѣ и наукѣ. Великіе люди пробиваютъ новые пути, но тѣ, которые обязаны имъ всѣмъ своимъ значеніемъ и существованіемъ, смотрятъ на нихъ, особливо въ смутныя времена, какъ на препятствія, мѣшающія ихъ собственному ходу. Гдѣ пульсъ народной жизни бьется медленнѣе, тамъ могутъ быть отношенія другого рода“. (II, стр. 54).

Нелѣпыя толки о личныхъ причинахъ, будто-бы побудившихъ Перикла къ начатію войны, не заслуживаютъ опроверженія. Оправданіе аѣинскаго государственнаго мужа находится въ безпристрастномъ разсказѣ Фукидида, который отнюдь не принадлежалъ къ числу его безусловныхъ почитателей. Пелопоннесская война была дѣломъ необходимости. Столкновеніе между Спартою и Аѣинами было неизбежно: происшествія въ Корцирѣ служили только вѣншиимъ поводомъ. Но начало войны было несчастливо для аѣинянъ. Они, очевидно, не ожидали разоренія, которому подверглась Аттика со стороны Пелопоннессцевъ, истреблявшихъ оливковыя деревья, виноградники и вообще собственность земледѣльческаго класса. Праздное, заключенное въ стѣнахъ великаго города, населеніе смотрѣло издали на эти опустошенія, и какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сваливало вину на людей, стоявшихъ во главѣ правительства, въ особенности на Перикла. Эти жалобы усилились съ появленіемъ страшнаго мора въ Аѣинахъ. Замѣчательно, что зараза, съ такою силою дѣйствовавшая въ Атикѣ, весьма

слабо обнаружилась въ Пелопоннезѣ. Извѣстно, что Нибуръ приписываетъ заразительнымъ болѣзнямъ большое историческое значеніе. По его мнѣнію, великія заразы почти всегда совпадаютъ съ эпохами упадка цивилизацій. Онѣ служатъ рубежами между отходящимъ, вымирающимъ порядкомъ вещей и зарождающимся новымъ. Читатели наши найдутъ въ „Чтеніяхъ о древней исторіи“ много относящихся къ этому предмету остроумныхъ, хотя не вполне доказанныхъ предположеній. Могучимъ органомъ поднявшейся противъ Перикла оппозиціи была комедія, игравшая въ общественномъ мнѣніи такую-же роль, какую играютъ въ новой Европѣ политическіе журналы. Изъ комедій Аристофана видно, какія средства употребляли комические поэты для достиженія своихъ цѣлей. Пользуясь безграничною свободою, они не щадили ни лицъ, ни учреждений. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на массу зрителей эти смѣлыя до цинизма выходки противъ мужей, занимавшихъ высшія должности въ республикѣ, эти недоказанныя обвиненія, или, лучше сказать, клеветы, поднятыя въ грязи площадныхъ толковъ и облагороженные изящною поэтическою формою. Аристофанъ былъ безспорно величайшій комическій поэтъ всѣхъ вѣковъ, но ссылаться на его мнѣнія о современныхъ ему дѣятеляхъ аѳинской исторіи безразсудно. Въ немъ съ особенною силою и, можно сказать, съ ожесточеніемъ отразилось мнѣніе извѣстной политической партіи, и въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ другомъ, его творенія могутъ служить историческимъ источникомъ.

Мы уже замѣтили выше любовь Нибура къ Аѳинамъ. Это чувство высказывается почти на каждой страницѣ его разсказа о Пелопоннезской войнѣ. Къ Спартѣ онъ рѣшительно нерасположенъ, и мы вполне сочувствуемъ великому историку. Спартанцы первые сообщили войнѣ тотъ жестокий характеръ, которымъ она отличается отъ всѣхъ предыдущихъ междоусобій, происходившихъ на греческой почвѣ. Прибавимъ къ этому, что жестокость Спарты была обдуманная, холодная; она истекала изъ политическаго расчета, между тѣмъ, какъ самыя темныя дѣла аѳинскаго демоса совершены были подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія и нерѣдко вели за собою раскаяніе. Спартанцамъ вмѣняютъ въ особенное достоинство ихъ снисхожденіе къ провинившимся военачальникамъ. Строгость, которую обнаруживали аѳиняне въ подобныхъ обстоятельствахъ, часто называютъ неблагодарностью. Но Спарта не менѣе была строга, когда дѣло шло объ опущеніи ея собственныхъ выгодъ. Она была снис-

сходительна только въ тѣхъ случаяхъ, когда вина обращалась ко вреду другихъ. Исторія представляетъ много примѣровъ безнаказаннаго нарушенія договоровъ и оскорбленій всякаго рода, нанесенныхъ союзникамъ со стороны спартанскихъ сановниковъ. Въ доказательство того, какъ мало можно полагаться на рассказы, пущенные въ ходъ недоброжелателями Аѣинъ. Нибуръ приводитъ слѣдующій любопытный фактъ: аѣинскій полководецъ Пахесъ оказалъ республикѣ важную услугу покореніемъ возставшей Митилены. Въмѣсто награды, онъ былъ преданъ суду, и предупредилъ грозившій ему приговоръ добровольною смертью. Въ такомъ видѣ дошли эти происшествія до потомства. Примѣръ Пахеса служить, говорятъ, разительнымъ доказательствомъ легкомыслія и несправедливости аѣинянъ. Но въ греческой анемологіи сохранилось стихотвореніе, показывающее совсѣмъ съ другой стороны все это дѣло. При взятіи Митилены, Пахесъ изнасиловалъ двухъ тамошнихъ благородныхъ женъ, которыя потомъ принесли на него жалобу его соотечественникамъ. Побѣдоносный полководецъ могъ разсчитывать на ненависть аѣинянъ противъ глубоко ихъ оскорбившихъ митиленцевъ, но чувства правды и сожалѣнія къ несчастнымъ жертвамъ взяли верхъ надъ народнымъ озлобленіемъ. Пахесъ долженъ былъ умереть. Спартакимъ начальникамъ сходились съ рукъ и не такіе поступки. Единственный спартаецъ той эпохи, внушающій къ своей личности глубокое сочувствіе и уваженіе,—Брасидъ. Къ сожалѣнію, онъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Кромѣ великихъ дарованій, онъ отличался благородствомъ и возвышеннымъ, рѣдкимъ между его соотечественниками, возрѣніемъ на обще-греческія дѣла.

Относительно Клеона, Нибуръ раздѣляетъ господствующее и едва-ли справедливое мнѣніе. Въ VI-мъ томѣ Гротовой „Исторіи Греціи“ находится превосходная и, по нашему мнѣнію, вѣрная оцѣнка дѣятельности и характера Клеона. Этому человѣку пришлось заступить мѣсто Перикла среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ геніальныхъ дарованій, которыхъ, конечно, у Клеона не было. Но, съ другой стороны, едва-ли возможно допустить, чтобы человѣкъ до того жалкій и ничтожный, какимъ Клеона изображаютъ Фукидидъ и Аристофанъ, могъ выдвинуться впередъ изъ толпы образовавшихся въ блестящую эпоху Периклова владычества государственныхъ людей. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Клеонъ заслоняетъ всѣхъ своихъ соперниковъ, пользуется постояннымъ вліяніемъ на народъ и обнаруживаетъ въ отдѣльныхъ, пристрастно противъ него передан-

ныхъ намъ, случаяхъ ясный и здравый взглядъ на современные событія. Примѣромъ можетъ служить дѣло о взятіи острова Сфактеріи, подробно и обстоятельно разобранное Гротомъ. Оно приноситъ большую честь Клеону. Несчастье его заключается въ непріязни, которую къ нему питали величайшій поэтъ и величайшій историкъ того времени. Фукидидъ, обыкновенно столь безпристрастный и спокойный цѣнитель людей, очевидно не любитъ Клеона. Онъ сообщаетъ намъ всѣ ошибки послѣдняго и едва намекаетъ на обстоятельства, которыми эти ошибки въ нѣкоторой степени оправдываются. Фукидидъ, между прочимъ, строго осуждаетъ Клеона за жестокія мѣры, предложенныя имъ противъ жителей Митилены и Скіоне. Зачѣмъ-же умалчиваетъ онъ имя оратора, предложившаго еще худшія, болѣе несправедливныя мѣры противъ мелійцевъ, и не произноситъ надъ нимъ такого-же приговора? Безразсудно было со стороны афинянъ отправленіе Клеона во Фракію, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ геніальнымъ Брасидомъ и защищать противъ него важнѣйшія колоніи республики, отъ которыхъ зависѣло въ то время рѣшеніе войны. Но самое это довѣріе показываетъ, что Клеонъ не былъ въ глазахъ своихъ согражданъ тѣмъ презрѣннымъ шуткомъ, какимъ его представляютъ.

Смерть Брасида была несчастьемъ для цѣлой Греціи. Онъ одинъ могъ примирить враждебныя стороны на условіяхъ разумныхъ и умѣренныхъ. Значительныя личности Алкивиада и Лисандра, опредѣляющія ходъ происшествій во второй половинѣ Пелопоннесской войны, далеко ниже Брасида въ безкорыстіи и чистотѣ намѣреній.

„Имя Алкивиада, — говоритъ Нибуръ:—принадлежитъ къ числу самыхъ громкихъ именъ древняго міра; о немъ много толкуютъ, не показывая обыкновенно его характеристическихъ, отличительныхъ свойствъ. Большею частью говорятъ объ его красотѣ, объ его любезности, забывая то, что въ немъ главное, что составляетъ его значеніе. Его внѣшнія качества до такой степени бросались въ глаза, что вредили ему, заслоня собою его блестящія дарованія. Мы, вообще, представляемъ себѣ Алкивиада, какъ человѣка, любующагося собственною красотою, выше всего ставящаго безумныя забавы, и упускаемъ изъ виду ту сторону его характера, которую намъ раскрыла исторія. Весьма немногіе понимаютъ его настоящимъ образомъ; новые писатели часто отзываются о немъ не только непріязненно, но даже съ пренебреженіемъ; весьма извѣстныя сочиненія содержатъ въ себѣ непрости-

тельно опрометчивыя, даже презрительныя сужденія обь Алкивіадѣ. По мнѣнію древнихъ, онъ былъ человѣкъ необыкновенный и принадлежалъ къ числу тѣхъ демоническихъ явленій, которыя иногда показываются въ исторіи, опредѣляя участь цѣлыхъ народовъ и странъ и, перевѣсивая вліяніемъ одной своей личности счастье и политику цѣлыхъ государствъ. Фукидидъ, котораго нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ Алкивіаду, говоритъ положительно, что отъ него зависѣла судьба Аѣинъ, и что если-бы Алкивіадъ не отдѣлилъ сначала поневолѣ, потомъ добровольно, своей участи отъ участи роднаго города, то ходъ Пелопоннесской войны принялъ-бы совсѣмъ другой оборотъ, и что одно это лицо могло рѣшить споръ въ пользу аѣинянъ. Это господствующее мнѣніе всей древности; всѣ значительные писатели древняго міра смотрѣли на Алкивіада съ этой точки зрѣнія. Только новые писатели думаютъ обь немъ иначе и говорятъ о немъ, какъ о безумномъ гулякѣ, котораго никакъ нельзя поставить на ряду съ великими государственными мужами древности. Аристофанъ, который по уму не уступаетъ Фукидиду, но безконечно расходится съ нимъ во всемъ остальномъ, выразилъ свое сужденіе обь Алкивіадѣ въ „Лягушкахъ“ въ видѣ шутокъ, но въ такое время, когда Алкивіада надобно было снова поднять въ общественномъ мнѣніи. Это сужденіе содержитъ въ себѣ все, что можно сказать обь Алкивіадѣ. По словамъ Аристофана, появленіе такого чудовищнаго, демоническаго существа въ республикѣ составляетъ, конечно, несчастье и опасность; но тамъ, гдѣ есть подобное существо, надобно ему подчиниться и не оказывать ему бесполезное сопротивленіе. У Алкивіада совсѣмъ особенный характеръ. Во всей древней исторіи я не знаю никого, съ кѣмъ-бы его можно было сравнить. Правда, мнѣ приходилъ Цезарь въ голову. Онъ также рано началъ позволять себѣ политическія вольности, нарушавшія строгую, обычную законность; но въ немъ есть нѣчто другое; онъ несравненно разсудительнѣе Алкивіада. У Алкивіада была (въ этомъ всѣ согласны) не политическая, а тираническая натура, φύσις τυραννική. Онъ не могъ никакъ приноровиться къ государству и законамъ, не могъ спокойно довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое отведено ему было политическими учрежденіями его родины. Цезарь былъ не таковъ. Онъ, конечно, также иногда уклонялся отъ законности и стремился выше, но это стремленіе у него было прикрито, стояло на второмъ планѣ, до извѣстной поры его жизни; вообще, онъ до самаго своего консульства былъ

гражданиномъ республики. Къ тому же, Цезарь былъ практическій человѣкъ, дѣйствовавшій въ формахъ даннаго государства. У Алкивіада, напротивъ, не было смысла для такой дѣятельности: онъ былъ страшный эгоистъ, заботился только о себѣ и о своей власти; республика должна была повиноваться. Аѣины вынесли отъ него много такого, чего не стерпѣли-бы отъ другого гражданина; но дѣлать было нечего, — только при такихъ условіяхъ можно было рассчитывать на Алкивіада. Нелзя, впрочемъ, не признать, что съ лѣтами онъ становится значительно лучше, и что въ послѣдніе годы его жизни, послѣ его вторичнаго разрыва съ родиною, въ немъ обнаружились патріотическія чувства, показывающія, что въ зрѣломъ возрастѣ онъ сталъ несравненно лучшимъ гражданиномъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ съ самой ранней юности наглымъ образомъ обнаружилъ притязаніе на ту-же власть и то-же положеніе въ государствѣ, какими пользовался его опекунъ, — Периклъ. Всѣ сознавали, что онъ былъ великій полководецъ и великій государственный человѣкъ, но онъ не любилъ ничего, что требовало тщательной работы, строгой добросовѣстности и постоянства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ безсовѣстенъ; но тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать на сердца, въ Аѣинахъ или внѣ Аѣинъ, тамъ, гдѣ надобно было запугать или убѣдить народъ, направить къ своимъ цѣлямъ политику другихъ государствъ, или начальствовать надъ войсками, тамъ онъ былъ великій художникъ. Въ войскѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго; онъ былъ рѣшительно великій полководецъ. Въ личности его было нѣчто въ самомъ дѣлѣ очаровательное, подчинявшее ему все, что его окружало. Онъ сознавалъ эту власть и пользовался ею, какъ хотѣлъ. Такія истинно демоническія натуры рѣдко употребляютъ свое могущество на добро. Ничто имъ не противится, всѣ сознаютъ ихъ превосходство надъ собою: онѣ-же не признаютъ надъ собою ни божественнаго, ни человѣческаго закона; порою онѣ добровольно подчиняются этимъ законамъ, являются благородными, великодушными, исполненными любви, но при первомъ требованіи эгоизма сбрасываютъ съ себя принужденіе. Тогда люди кажутся имъ насѣкомыми, которыхъ они ставятъ ни во что. Таковъ былъ Алкивіадъ. Въ новѣйшія времена подобнымъ могуществомъ обладалъ въ большей степени Мирабо, въ меньшей Фоксъ. Они причаровывали къ себѣ все, что къ нимъ приближалось, но оба уступали Алкивіаду. Наполеонъ былъ слишкомъ практическій человѣкъ. Такая-же, сохранившая свою чистоту, натура была у Демос-

еена: это высшее въ исторіи, но тотчасъ является зависть и начинаетъ грызть. Впрочемъ, подобныя лица рѣдко остаются чистыми; большею частью, они отдаются дьяволу. Катилина былъ человѣкъ въ этомъ родѣ, а не дюжинный злодѣй“. (II, стр. 106—111).

Страшная участь аѣинскаго флота и сухопутныхъ войскъ подъ Сиракузами опредѣлила позднѣйшія мнѣнія о предпріятіяхъ аѣинянъ въ Сициліи. Мы привыкли смотрѣть на сиракузскую экспедицію только чрезъ развязку ея, нанесшую Аѣинамъ ударъ, отъ котораго онѣ не могли оправиться. Нибуръ не повторяетъ обвиненій, которыя обыкновенно по этому поводу возводятся на Аѣины и, въ особенности, на Алкивіада. Мысль о завоеваніи Сициліи могла придти въ голову истинно государственному человѣку и легко могла быть осуществлена при тогдашнихъ средствахъ аѣинской республики и при постоянныхъ междоусобицахъ сицилійскихъ городовъ. О выгодахъ такого завоеванія можно составить себѣ понятіе уже изъ того обстоятельства, что Сицилія снабжала хлѣбомъ Пелопоннессъ. Цвѣтущее состояніе острова, на которомъ впослѣдствіи сошлись, споря о владычествѣ надъ историческимъ міромъ, Римъ и Карѣагенъ, великолѣпіе его городовъ и обширная торговля этихъ городовъ явствуютъ изъ всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ. Въ Сициліи, по геніальной мысли Алкивіада, должна была рѣшиться Пелопоннесская война. Чтѣ могли противопоставить отрѣзанныя отъ своей житницы Спарта и ея союзники аѣинамъ, усиленнымъ всѣми богатствами Сициліи? Аѣиняне не сомнѣвались въ успѣхѣ задуманнаго ими предпріятія. Мало того, они думали о распространеніи своихъ владѣній на западъ, о покореніи Сардиніи и самаго Карѣагена. Въ надеждахъ этихъ не было ничего преувеличеннаго и несбыточнаго: войны Діонисія и Агаѣокла обличаютъ внутреннюю слабость тогдашняго Карѣагена. А, между тѣмъ, могущество сиракузскихъ вождей никакъ не могло выдержать сравненія съ могуществомъ Аѣинъ, не говоря о геніи Алкивіада, передъ которымъ ничтожны и Діонисій, и Агаѣоклъ. Нибуръ прекрасно сравниваетъ по этому поводу характеръ римскихъ и аѣинскихъ войнъ. Римляне воевали потому, что безъ войнъ или внутреннихъ смутъ имъ было нечего дѣлать: скука одолевала цѣлый народъ. Аѣиняне такъ не скучали праздностью, но отъ избытка внутреннихъ силъ отъ жажды новыхъ ощущеній и великихъ событій. Епроче, аѣинянину было хорошо и дома. „У него были великіе праздники, поэты и воспріимлемость для всего прекраснаго“.

наго. Аттическіе поэты по преимуществу заслуживаютъ названія благотворительныхъ мужей; ихъ звуки, какъ лира Амфіона, укрощали дикія страсти толпы и занимали ее собою. Когда сердца были преисполнены пѣсенъ и дивныхъ трагедій, тогда въ Аѣинахъ всѣ были счастливы и веселы, никто не чувствовалъ своей бѣдности, не искалъ сильныхъ душевныхъ потрясеній“. Но именно при такомъ настроеніи народа, онъ легко поддавался на великія, представленныя ему съ политической стороны, предпріятія. Римлянинъ имѣлъ въ виду практическую цѣль, результатъ войны; аѣинянинъ находилъ наслажденіе въ подвигѣ, хотя и онъ далеко не былъ чуждъ политическаго разсчета. При содѣйствіи Алкивіада, успѣхъ сицилійской экспедиціи почти не подлежалъ сомнѣнію. Даже первыя дѣйствія Никія были довольно удачны, но мнительность и робкая осторожность этого несчастнаго полководца дали дѣлу другой оборотъ. Никій не воспользовался первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ прибытіемъ аѣинянъ въ Сиракузы, пропустилъ драгоцѣнное время и далъ Алкивіаду возможность принять изъ Спарты тѣ мѣры, конечнымъ слѣдствіемъ которыхъ было паденіе Аѣинъ.

Роковой геній Алкивіада раскрылся по всей полнотѣ своей въ эпоху его изгнанія. Алкивіадъ открылъ спартамъ глаза на опасность, которая имъ грозила, и былъ виновникомъ новой, болѣе рѣшительной системы войны. Въмѣсто ежегодныхъ вторженій въ Аттику, пелопоннезцы заняли, по его совѣту, на разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ Аѣинъ небольшой городокъ Декелею, укрѣпили его и непрерывными разореніями не давали оправиться сельскому населенію. На помощь Сиракузамъ былъ отправленъ Гилиппъ, настоящій представитель тогдашняго спартанскаго характера, соединявшій съ достоинствами искуснаго полководца совершенное отсутствіе политической чести или, лучше сказать, честности. Алкивіаду-же были обязаны Аѣины вмѣшательствомъ Персіи въ Пелопоннезскую войну и отпаденіемъ значительной части своихъ прежнихъ союзниковъ. Персидскій флотъ пришелъ на помощь къ спартамъ, которые, сверхъ того, получали отъ персидскаго царя значительное денежное пособіе. Узкая, антинаціональная политика Спарты обнаружилась гораздо прежде Анталкидова мира: уже во время Пелопоннезской войны, Спарта продала персамъ независимость своихъ мало-азіатскихъ соплеменниковъ. Еслибы Алкивіадъ не остановился во-время и не употребилъ той-же дѣятельности, какую онъ обнаружилъ ко вреду Аѣинъ,

въ ихъ пользу, то участь послѣднихъ рѣшилась-бы нѣсколькими годами ранѣе. Тѣ самые сатрапы, которыхъ онъ убѣдилъ оказать пособіе Спартѣ, сдѣлались орудіями его совершенно измѣнившихся намѣреній.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ познакомить читателей со всѣми подробностями Нибурова изложенія послѣднихъ годовъ Пелопоннесской войны. По нашему мнѣнію, это одинъ изъ самыхъ удачныхъ отдѣловъ въ „Чтеніяхъ о древней исторіи“. Жививо затронутая событіями, отдѣленными отъ насъ разстояніемъ двадцати двухъ вѣковъ, личность историка высказывается въ каждомъ сужденіи, имъ произносимомъ. Не всѣ эти сужденія справедливы; о многихъ мы даже рѣшительно не знаемъ, на какихъ данныхъ они основаны, но едва-ли найдется мыслящій читатель, способный устоять противъ впечатлѣнія этихъ горячихъ, дышащихъ чувствомъ современника, страницъ.

Несчастья, испытанныя Аѣинами, привели многихъ гражданъ къ убѣжденію въ необходимости внутреннихъ преобразованій. Политическія формы Перикловой эпохи, установившіяся подъ вліяніемъ исключительно демократическихъ идей, не могли соотвѣтствовать требованіямъ республики, нуждавшейся въ крѣпкой, способной сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ государственныя силы, власти. Нибуръ справедливо замѣчаетъ, что въ тогдашнихъ Аѣинахъ не было правительства въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Личное вліяніе Перикла замѣняло отчасти недостатокъ учреждений; Периклъ стоялъ во главѣ народа и сообщалъ рѣшеніямъ народныхъ собраній нѣкоторую послѣдовательность и единство; у него не было преемниковъ: Алкивиадъ выдавался впередъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые его особенно занимали, но онъ не имѣлъ того цѣльнаго значенія въ республикѣ, какое принадлежало его опекуну. Короче, Аѣинамъ въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, нуженъ былъ диктаторъ, а политическіе реформаторы, о которыхъ мы упомянули выше, заботились только объ установленіи прочнаго аристократическаго элемента. Попытки эти оказались, какъ и слѣдовало ожидать, неудачными.

Въ числѣ лицъ, игравшихъ въ то время значительную роль, есть одно, надъ которымъ нельзя не задуматься исторiku. Мы говоримъ о Бераменѣ. Мужественная кончина въ періодъ владычества 30-ти тирановъ, къ числу которыхъ онъ самъ принадлежалъ, доставила Берамену назаслуженную славу героическаго характера. Разбирая подробно его предыдущую жизнь, нѣкоторые новые историки пришли къ

заключенію совѣтъмъ другого рода. Шлоссеръ въ своей древней исторіи (т. I, отд. II) называетъ Өерамена предателемъ и, вообще, произноситъ надъ нимъ самый жестокий приговоръ. Мнѣніе Нибура кажется намъ достойнѣе истиннаго историка, умѣющаго цѣнить вліяніе времени и обстоятельствъ на дѣйствія отдѣльных людей.

„Өераменъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ характеровъ древней исторіи; я когда-нибудь буду писать о немъ. Онъ былъ отличный полководецъ, счастливъ, неутомимъ, искусенъ; онъ обладалъ необыкновеннымъ, быть-можетъ необработаннымъ наукою, но могучимъ краснорѣчіемъ. Притомъ онъ былъ, чего наименѣе можно было ожидать, человѣкъ благонамѣренный и справедливый; его огорчала всякая неправда и все неразумное, но такъ какъ онъ жилъ только въ настоящемъ, въ текущемъ мгновеніи, то онъ не заботился ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Этимъ объясняются его внезапные переходы отъ одной партіи къ другой, когда та, къ которой онъ принадлежалъ, его болѣе не удовлетворяла или не принимала его справедливыхъ совѣтовъ. Такимъ-же образомъ отставалъ онъ отъ новой партіи, когда былъ ею недоволенъ, или когда старая обращалась къ нему съ разумными предложеніями. Такая измѣнчивость доставила ему прозваніе котурна. Сандалии дѣлались на одну ногу, котурнъ на обѣ, такъ что его можно было надѣвать по произволу на правую и на лѣвую ногу. Өераменъ часто мѣнялъ партіи. О немъ много было писано, но тѣ немногіе новыя историки, которые имъ занимались, не справились съ нимъ. Я понимаю его совершенно и думаю, что характеръ его можно изобразить вполнѣ. Не смотря на всѣ его заблужденія и грѣхи, я не могу его не любить: онъ тяжело искупилъ свои проступки. Человѣкъ, которому угрожаетъ паденіе, и падающій вслѣдствіе похвальныхъ побужденій, лучше того, кто остался чистымъ по неспособности и отсутствію соблазновъ. Поэтому, Өераменъ меня не отталкиваетъ отъ себя; напротивъ, я раздѣляю чувство, которое онъ вообще внушалъ въ древности. Цицеронъ его любитъ, хотя онъ, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ отдѣльные поступки его жизни и вовсе не былъ намѣренъ ихъ защищать. У него есть, конечно, дѣла, которыхъ нельзя оправдывать, но которыя можно извинить, потому что за ними слѣдуетъ всегда прекрасное обрѣзъ, лучшему и желѣтѣ дурное: сердце было самое открытое, а боялось признать ственной винѣ и гмилось къ ся ис:

Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые смотрѣли на тогдашнюю порчу аѳинской демократіи, какъ на нѣчто, чему надлежало положить конецъ, которые желали перемѣны учрежденій и надѣялись этою перемѣною водворить въ Греціи миръ“ (II, 168). Далѣе говорить о немъ Нибуръ: „Веселость, съ которою онъ выпилъ за здоровье Критія чашу съ цикутою, обличаетъ спокойствіе человѣка необычайныхъ силъ, но утомленнаго жизнью, отъ которой онъ хочетъ отдѣлаться, какъ отъ тяжелой ноши“ (II, 202). Къ сожалѣнію, до насъ не дошло превосходное сочиненіе, написанное Өераменомъ въ оправданіе себя. У Лисія (*Contra Eratosch.* p. 127, *Reis*). находятся подлинныя мѣста. Рѣчь, которую Ксенофонтъ влагаетъ въ уста Өерамену, по мнѣнію Нибура, поддѣльная и написана самимъ историкомъ. Вообще, Нибуръ, какъ мы уже показали выше, не любитъ Ксенофонта и говоритъ тутъ-же (201), что всѣ его рѣчи на одинъ ладъ; еракійцы, персы, аѳиняне, люди всѣхъ партій говорятъ у него однимъ и тѣмъ-же языкомъ, то-есть нѣсколько распушеннымъ (*etwas liederlicher Manier*) языкомъ самого Ксенофонта.

Смуты, предшествовавшія изгнанію 30-ти тирановъ и восстановленію аѳинской независимости, подали поводъ Нибуру къ слѣдующимъ словамъ, которыя съ одной стороны характеризуютъ его лично, съ другой могутъ служить превосходнымъ образцомъ истиннаго возрѣнія на людей, призванныхъ дѣйствовать въ смутныя времена исторіи.

„Эти событія представляютъ намъ поучительное доказательство того, что не должно судить о нравственномъ достоинствѣ человѣка по цвѣту политической партіи, къ которой онъ принадлежалъ, и что нельзя сказать: такой-то принадлежитъ къ такой-то партіи, слѣдовательно, онъ дурной человѣкъ, или, наоборотъ—хорошій. Подобныя сужденія составляются безъ труда, но въ нихъ нѣтъ истинны; исторія учитъ насъ другому, лучшему: часто подъ знаменами самаго благороднаго дѣла стоятъ самые порочные люди, и наоборотъ, въ рядахъ дурной партіи мы нерѣдко встрѣчаемъ благороднѣйшихъ людей, воображающихъ, что они дѣлаютъ добро, тогда какъ поступки ихъ вредны и неразумны, потому что они ошиблись въ цѣли или недальновидны. Это явленіе повторилось и въ Аѳинахъ. Өразибулъ былъ отличный, безукоризненный гражданинъ; но съ нимъ вмѣстѣ, въ числѣ начальниковъ, стоялъ за правое дѣло и участвовалъ въ восстановленіи прежняго порядка Анить, впослѣдствіи обвинитель Сократа. Обвинитель Сократа, виновникъ его ги-

бели едва-ли могъ быть хорошимъ и добрымъ человекомъ: онъ былъ религіозный лицемѣръ. Наоборотъ, между находившимися въ городѣ противниками Эразибула были вѣроятно превосходные люди Самъ Сократъ и, безъ сомнѣнія, большая часть его друзей оставались въ городѣ *). Я навѣрно былъ-бы въ Пирей или въ Филѣ, но никакъ не бросилъ-бы камня въ того, кто остался въ Афинахъ, а только пожалѣлъ-бы о немъ“ (II, 211).

Въ слѣдующей статьѣ мы отдадимъ читателямъ „Пропилеевъ“ отчетъ въ содержаніи остальныхъ „Чтеній о древней исторіи“, посвященныхъ печальнымъ, но поучительнымъ временамъ упадка греческой жизни.

II.

За Пелопоннѣзскою войною слѣдуетъ въ „Чтеніяхъ о древней исторіи“ обзоръ исторіи персидской до возстанія младшаго Кира противъ Артаксеркса. Читателямъ „Пропилеевъ“ извѣстно, какое участіе принимали въ этомъ возстаніи греческіе наемники, которыхъ походъ и отступленіе подробно описаны въ лучшемъ изъ сочиненій Ксенофонта. Мы привели уже мнѣніе Нибура объ этомъ писателѣ. Какъ-бы нехотя признаетъ Нибуръ достоинство Анабазиса; но отзывъ его о личности самого сочинителя слишкомъ строгъ, хотя и въ немъ есть доля истины. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на превосходный отдѣлъ, посвященный отступленію 10-ти тысячъ грековъ въ IX-мъ томѣ Гротовой „Исторіи Греціи“. Нибуръ вмѣняетъ Ксенофонту въ вину самое участіе его въ походѣ. Другіе шли, говоритъ, онъ, наемниками ради денегъ,—Ксенофонтъ пошелъ изъ энтузіазма. Трудно найти въ Анабазисѣ признаки такого энтузіазма. Причины, побудившія молодого афинскаго всадника, Сократова ученика, стать въ ряды Кировыхъ мисѳофоровъ, были весьма просты. Послѣ Пелопоннѣзской войны жизнь въ униженныхъ Афинахъ не представляла ничего особенно привлекательнаго даровитому и жаждавшему дѣятельности юношѣ. Другъ его, беотіецъ Проксенъ писалъ ему изъ Сардъ, гдѣ онъ находился при особѣ Кира, о предстоящихъ персидскому государству переворотахъ и звалъ его къ себѣ. Ксенофонтъ принялъ охотно это приглашеніе. Не легко было греку, въ особенности афинянину, устоять противъ троякаго

*) Надобно при этомъ вспомнить, что Эразибулъ и его партія держались въ Пирей, а олигархи съ своими приверженцами—въ самомъ городѣ.

искушенія: войны, славы и странствованій по землямъ, о которыхъ въ Греціи ходили только смутные слухи.

Клеарха и другихъ начальниковъ греческаго наемнаго войска въ службѣ Кира Нибуръ не безъ основанія сравниваетъ съ полководцами Тридцатилѣтней войны, о которыхъ говорить слѣдующее: „Досадно, что на такихъ людей смотрятъ, какъ на героевъ; это признакъ совершеннаго незнанія исторіи; у Банера, какъ и у Клеарха, были таланты великаго полководца; но, подобно Паленгейму, онъ является намъ чудовищемъ, какихъ, слава Богу, не встрѣчаемъ въ новѣйшихъ войнахъ Европы“.

Сраженіе при Кунаксѣ положило конецъ наступательному движенію грековъ; но съ него начинается тотъ рядъ великихъ подвиговъ, которые доставили сборной наемной дружинѣ всемірно-историческое значеніе. Мы не считаемъ нужнымъ повторять всѣмъ знакомыя подробности отступленія 10 тысячъ грековъ. Но едва-ли до того времени могло развиться въ душѣ грека такое глубокое сознаніе собственнаго превосходства надъ народами Востока. Войны Мараѳона, Фермопилъ и Платей стояли на родной почвѣ; непріятель превосходилъ ихъ числомъ; за то на ихъ сторонѣ было много другихъ условій успѣха. Но спутники Ксенофонта находились совсѣмъ въ другомъ положеніи. Имъ надлежало прокладывать себѣ путь на родину чрезъ земли имъ вовсе неизвѣстныя, населенныя племенами, которыхъ имена дотолѣ не доходили до греческаго уха; имъ предстояла равно трудная борьба съ природою горныхъ и холодныхъ странъ, съ голодомъ и, наконецъ, съ врагами, которые напирали на нихъ со всѣхъ сторонъ, спереди и сзади. Прибавимъ къ тому, что лучшіе ихъ вожди были у нихъ отняты измѣною при самомъ началѣ отступленія. Надобно было замѣнить ихъ людьми новыми, едва извѣстными войску и не успѣвшими еще заслужить его довѣрія. Между этими новыми вождями первое мѣсто принадлежитъ безъ сомнѣнія Ксенофону. У Грота есть нѣсколько умныхъ, по этому поводу написанныхъ страницъ (томъ IX, страницы 113—118). Онъ показываетъ, до какой степени Ксенофонтъ былъ обязанъ своимъ быстрымъ возвышеніемъ и вліяніемъ на умы сподвижниковъ той системѣ воспитанія, которая принадлежала къ числу отличительныхъ признаковъ аѳинскаго гражданина и была одною изъ причинъ его несомнѣннаго превосходства надъ остальными греками. Въ рядахъ грековъ, которыхъ Киръ собралъ подъ свои знамена и привелъ къ Кунаксѣ, были, конечно, люди болѣе опытные, чѣмъ Ксенофонтъ, въ военномъ дѣлѣ

и столь-же мужественные. Между ними было много ветерановъ Пелопоннесской войны. Но когда войско падало духомъ въ виду почти неодолимыхъ препятствій, когда самые храбрые думали только о честной смерти, тогда афинянинъ Ксенофонтъ, привыкшій къ волненіямъ народнаго собранія, находилъ слова и идеи, возстановлявшія бодрость и надежду. Уроки софистовъ и риторовъ принесли пользу на бранномъ полѣ. Ксенофонтъ равно умѣлъ, по словамъ Грота, мыслить, говорить и дѣйствовать. Только въ Афинахъ могъ онъ найти условія для такого гармоническаго и разнообразнаго развитія способностей, данныхъ ему природою.

Гротъ почти совершенно согласенъ съ Нибуромъ относительно возможныхъ результатовъ сраженія при Кунаксѣ. Побѣда Кира могла-бы обнаружить большое вліяніе на участь древняго міра. Киръ вполнѣ сознавалъ значеніе греческой образованности, по крайней мѣрѣ въ политическомъ смыслѣ. Онъ былъ окруженъ греками и доставилъ-бы несомнѣнно на Востокъ гелленизму то вліяніе, которое онъ приобрѣлъ вслѣдствіе Александровыхъ завоеваній. Эти завоеванія могли даже сдѣлаться невозможными, если-бы Киру удалось осуществить свои планы. За то преобразованное, скрѣпленное греческими элементами персидское государство могло-бы явиться опаснымъ врагомъ для Греціи и разыграть относительно упадавшихъ республикъ ту роль, которая потомъ досталась на долю Македоніи.

Участіе, принятое спартамцами въ Кировомъ предпріятіи, увлекло ихъ въ войну съ Артаксерксомъ. Когда Агезилай принялъ начальство надъ спартанскимъ войскомъ въ Малой Азіи, при немъ было только 30 настоящихъ спартанцевъ. Они занимали главныя должности въ арміи, состоявшей изъ періэковъ и вольноотпущенныхъ гелотовъ. Число спартанскихъ гражданъ въ то время не превышало тысячи. Государство должно было по необходимости беречь ихъ только въ качествѣ начальниковъ или офицеровъ вообще. Мнѣніе Нибура о самомъ Агезилаѣ представляетъ рѣзкую противоположность съ похвалами, которыми обыкновенно осыпаютъ спартанскаго царя его древніе и новые біографы. Агезилая дѣйствительно нельзя причислить къ великимъ людямъ Греціи. Онъ былъ хорошій полководецъ и былъ чуждъ той жестокости, котѣрою вообще отличались его соотечественники, въ особенности современникъ и соперникъ его Лисандръ. У него было много личныхъ друзей; но онъ простиралъ свою пріязнь до непозволительнаго пристрастія. При нѣкоторомъ добродушіи, у него были чисто спартан-

скіе пороки, презрѣніе къ праву, глубокій эгоизмъ и отсутствіе всякаго высшаго, гелленскаго національнаго чувства. Счастливый возвратъ 10 тысячъ грековъ внушилъ Агезилаю мысль о возможности легкихъ завоеваній въ Персіи; но несмотря на довольно усиленный ходъ его дѣйствій въ Малой Азіи, онъ не совершилъ ничего важнаго. Побѣды его надъ персами весьма незначительны въ сравненіи съ побѣдами Александра или даже съ битвами V-го столѣтія. Вообще, въ немъ есть нѣчто узкое и ограниченное; скажемъ, впрочемъ, въ оправданіе Агезилая, что ему недостало времени для полнаго раскрытія плановъ, съ которыми онъ пришелъ въ Азію. Онъ принужденъ былъ поспѣшить возвратиться въ Грецію, потому что большая часть прежнихъ союзниковъ Спарты подняли противъ нея оружіе и заставили ее думать о собственной безопасности.

Недавняя гегемонія Спарты была потрясена въ своихъ основахъ коринескою войною. Греческія республики, отложившись отъ Аѣинъ, во время Пелопоннесской войны испытывали уже сладость спартанскаго владычества и горько жалѣли о своихъ прошлыхъ отношеніяхъ. Ненависть къ надменной Спартѣ сдѣлалась общимъ чувствомъ греческаго міра. Къ сожалѣнію, Аѣины были не въ состояніи воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ. Причиною тому была бѣдность республики, которая еще не успѣла оправиться отъ недавнихъ бѣдствій и потому требовала тяжелыхъ жертвъ отъ острововъ, которые охотно перешли снова на ея сторону. Недостатокъ источниковъ не позволяетъ намъ вполне оцѣнить великія услуги, оказанныя въ эту эпоху Аѣинамъ Θразибуломъ и Конономъ. Безъ послѣдняго едва-ли было-бы возможно быстрое возстановленіе аѣинскихъ укрѣпленій. Извѣстно, что Кононъ помогъ въ этомъ случаѣ своимъ согражданамъ деньгами, которыя онъ получилъ отъ персидскаго правительства и отъ Эвагора, царя кипрскаго.

Нибуръ указываетъ на два важныя явленія, характеризующія эпоху коринеской войны, именно на первыя попытки образованія союзовъ, имѣвшихъ цѣлью независимость греческихъ республикъ, и на измѣненія, введенныя въ греческую тактику Ификратомъ. Относительно Анталкидова мира великій историкъ согласенъ съ большею частью писателей, упоминающихъ объ этой покорной сдѣлкѣ спартанцевъ съ персами. Здѣсь не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній. Никогда еще политическій эгоизмъ Спарты не высказывался съ такимъ безстыдствомъ.

Новая, скрѣпленная условіями Анталкидова мира, геге-

монія Спарты была еще тягостнѣе первой и неминуемо вела къ возстанію поработенной, но еще не совершенно обезсиленной Греціи. Извѣстно, какимъ рядомъ политическихъ преступленій, какими нарушеніями народнаго права спартанцы вызвали къ бою Θивы, дотолѣ мало замѣтныя въ греческой исторіи. Въ великой личности Эпаминонда воплотились, можно сказать, и гнѣвъ Греціи на унизительное иго и надежды мыслящихъ умовъ на политическое возрожденіе родины. Пораженіе спартанцевъ при Левктрѣ было событіе неожиданное, удивившее самихъ побѣдителей. Нравственное впечатлѣніе, произведенное этою битвою, было для Спарты вреднѣе понесеннаго ею урона въ людяхъ, хотя и послѣдній былъ довольно значителенъ. Впродолженіе восьми лѣтъ Эпаминондъ былъ первымъ человѣкомъ въ греческомъ мірѣ и держалъ въ своихъ рукахъ его судьбу. Умирая, онъ унесъ съ собою не только созданное имъ величіе Θивъ, но цѣлую систему политическихъ идей. Многое изъ начатаго имъ съ благими намѣреніями обратилось въ послѣдствіи ко вреду Греціи, потому именно, что Эпаминонду не удалось довершить свое дѣло. Онъ ясно понималъ, что возстановленіе греческихъ республикъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали до Пелопоннесской войны, было невозможно. Мѣсто исчезавшихъ гражданскихъ доблестей, отсутствіе тѣхъ духовныхъ силъ, на которыя преимущественно опиралась независимость государствъ, побѣдившихъ при Саламинѣ и при Платеѣ, онъ хотѣлъ замѣнить внѣшними ручательствами (гарантіями) политической независимости для отдѣльных республикъ. Съ этою цѣлью возвратилъ онъ свободу Мессеніи и старался связать въ одинъ союзъ разрозненные между собою города Аркадіи. Лучшаго оплота нельзя было противопоставить честолюбивымъ видамъ Спарты. Участіемъ своимъ въ дѣлахъ Θессаліи и Македоніи онъ тѣснѣе связалъ судьбу этихъ странъ съ судьбами Греціи, дотолѣ мало о нихъ помышлявшей. Предвидѣлъ-ли Эпаминондъ опасность, которая грозила отсюда Греціи? Не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, отъ его зоркаго взгляда не скрылась важность этихъ земель, и онъ спѣшилъ ввести ихъ въ задуманную имъ систему равносильныхъ государствъ. На гегемонію Θивъ Эпаминондъ смотрѣлъ какъ на нѣчто преходящее. Не ее поставилъ онъ цѣлью своихъ подвиговъ. Съ законною, дозволенною только истинно великимъ людямъ гордостью шель онъ къ осуществленію своей теоріи, своей личной задачи. Θивы служили ему только орудіемъ. Въ политической дѣятельности Эпаминонда мы найдемъ гораздо болѣе теоретическихъ

элементовъ, чѣмъ уThemistocles, или даже у Перикла, жившихъ въ эпоху отношеній болѣе простыхъ и естественныхъ. Сраженіе при Мантиней положило конецъ подвигамъ Эпаминонда. Передъ смертью онъ спросилъ, кто изъ еиванскихъ полководцевъ остался въ живыхъ. Лучшіе пали, тѣ, которымъ онъ довѣрилъ завѣтныя думы свои. Роль Эивъ была кончена; имъ оставалось только съ честью выйти изъ борьбы, утратившей смыслъ. Цицеронъ называетъ Эпаминонда величайшимъ мужемъ Греціи; почти то-же говоритъ о немъ Полибій. Ихъ мнѣніе основано на высокихъ свойствахъ еивскаго вождя, а не на результатахъ его дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить лицо болѣе чистое, болѣе благородное, менѣе причастное къ мелкимъ страстямъ и побужденіямъ. Къ идеальному образу Эпаминонда старались приблизиться лучшіе между позднѣйшими политическими дѣятелями Греціи, Тимолеонъ и Филопемениъ. Какъ гражданинъ Эивъ и какъ эллинъ, онъ вполне совершилъ долгъ свой, и мы не въ правѣ обвинять его за то, что сѣмъ, брошенное имъ, не возшло благодатною жатвою. Онъ ослабилъ Спарту и какъ-бы втянулъ въ греческія дѣла Македонію. Возрожденная Мессенія не забыла въ виду общей бѣды своихъ частныхъ страданій и отомстила Спартѣ на счетъ всей Греціи, поддерживая въ Пелопоннезѣ, выгоды македонскихъ государей.

Послѣдній отдѣлъ „Чтеній о древней исторіи“, заключающій въ себѣ періодъ македонскаго преобладанія въ Греціи, проникнутъ горькимъ, въ частности пристрастнымъ противъ Македоніи чувствомъ. Такое чувство со стороны Нибура весьма понятно и придаетъ его рассказамъ что-то теплое и вызывающее сочувствіе читателя. Нибуръ, конечно, не хуже другихъ понималъ жестокою историческую необходимость, жертвою которой сдѣлались греческія государства. Онъ указываетъ самъ на причины упадка, на глубокую порчу греческой жизни, на неизбѣжную казнь, но совершители этой казни внушаютъ ему отвращеніе. Подчасъ это отвращеніе заходитъ слишкомъ далеко; оно нарушаетъ спокойствіе чисто историческаго созерцанія. Историкъ становится чело-вѣкомъ: онъ готовъ обнажить мечъ и стать въ ряды защитниковъ давно проиграннаго дѣла. Онъ, очевидно, несправедливъ противъ Александра, даже противъ тѣхъ грековъ, которые преклонились предъ яркою звѣздою македонскаго завосвателя. Мы уже не разъ указывали на рѣдкія способности Нибура переноситься въ прошедшее и жить въ немъ всѣмъ сердцемъ. Признаемся, мы, съ своей стороны, не мо-

жемъ отказать въ сочувствіи великому историку, негодующему противъ Македоніи. Можно-ли быть равнодушнымъ зрителемъ безжалостнаго истребленія всего живого и свѣтлаго въ Греціи? Кто изъ македонянъ, за исключеніемъ Великаго Александра, можетъ называться истиннымъ эллиномъ?

„Въ Филиппѣ,—говоритъ Нибуръ:—надобно умѣть отличить явленіе природы отъ нравственнаго существа. Филиппъ былъ безспорно необыкновенный, изъ ряду выходящій человекъ, и мнѣніе древнихъ, что создатель македонскаго государства совершилъ подвигъ болѣе трудный, чѣмъ Александръ, который приложилъ къ дѣлу уже готовыя силы, совершенно вѣрно. Другой вопросъ, былъ-ли онъ добрый и благородный человекъ. Что въ немъ были благородныя наклонности, этого я не намѣренъ отрицать. У него есть чисто человѣческія, прекрасныя черты; онъ былъ другъ друзей своихъ и умѣлъ являться съ свѣтлой стороны тѣмъ, кто былъ къ нему близокъ. За то онъ ставилъ цѣль свою выше всего: никогда мысль о чести, о вѣрности, о добродѣтели, о совѣсти, не могла отвлечь его отъ предположенной цѣли. Александръ стоялъ выше его по воспитанію. Филиппъ провелъ дѣтство свое при полуварварскомъ дворѣ, которому неизвѣстно было даже чувство стыда. Онъ съ колыбели говорилъ по-гречески; но духъ у него былъ не греческій. Конечно онъ былъ въ Ѡивахъ. Однако извѣстіе о томъ, что онъ былъ воспитанъ въ домѣ Эпаминонда, должно быть принято съ значительными ограниченіями. И кто можетъ сказать, что молодой князь былъ въ состояніи опфнать скромную и безыскусственную доблесть Эпаминонда!“

Нибуръ отзываясь, впрочемъ, съ должнымъ уваженіемъ о необыкновенныхъ дарованіяхъ и дѣятельности Филиппа. Укажемъ для примѣра на стр. 321 и 322 тома II-го, гдѣ въ немногихъ словахъ изъяснена важность Филипповыхъ нововведеній въ войскѣ.

Къ лучшимъ мѣстамъ въ „Чтеніяхъ о древней исторіи“ принадлежатъ страницы, посвященныя Демосѣну. Нибуръ нашелъ въ аѣинскомъ ораторѣ родную себѣ душу. Отзывы его о Демосѣнѣ исполнены глубокой, почтительной любви.

„Демосѣну было тогда (когда онъ выступилъ противъ Филиппа за Олинѣ) около 34-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ находился на настоящей высотѣ мужскаго возраста, когда внѣшеская живость умѣряется опытомъ и размышленіемъ. О немъ много говорено; древность имъ много занималась. Теперь рѣчи его читаются болѣе ради ихъ собств. восходства, а не ради эпохи и личности Демос

гораздо важнѣе сама по себѣ, нежели изслѣдованія о жалкомъ времени, когда онъ жилъ: новѣйшіе ученые больше говорятъ о немъ, чѣмъ знаютъ его. Изученіе такихъ личностей, какъ напримѣръ Цицеронъ и Гете, еще важнѣе, нежели чтеніе ихъ твореній, потому что только такимъ образомъ мы можемъ узнать, до какой степени эти люди отличаются отъ обыкновенныхъ, и какъ высоко они стоятъ надъ общимъ уровнемъ. Поэтому письма ихъ бываютъ весьма поучительны. Въ рѣчахъ Демосеена надобно болѣе всего обратить вниманіе на самую личность оратора. Едва-ли встрѣтимъ въ исторіи положеніе болѣе трагическое. Истина рано открылась Демосеену; онъ видѣлъ, какія неисправимыя ошибки совершались вокругъ него, и какъ все шло къ гибели, а онъ не имѣлъ возможности помочь. Задолго до прихода бѣды, онъ скорбно слѣдилъ за ея приближеніемъ, тогда какъ другіе обманывали себя надеждами и легкомысленно жили день за днемъ. Демосеенъ испилъ съ чистѣйшею любовью къ родинѣ горькую чашу предвидѣнія. Такой человѣкъ, конечно, не могъ быть веселъ: всѣ его рѣчи проникнуты скорбію, задумчивостью и печалію. Въ нихъ нѣтъ веселости. Въ рѣчахъ Цицерона, именно въ тѣхъ, которыя были сказаны непосредственно послѣ его консульства, есть что-то радостное, глубокое чувство счастья, чего вовсе нѣтъ у Демосеена. Но величіе его заключается въ томъ, что онъ неутомимъ, что его не останавливаетъ никакое несчастье, никакое оскорбленіе, что его не смущаетъ равнодушіе или плохое исполненіе его печальныхъ совѣтовъ, хотя его же обвиняютъ впослѣдствіи въ томъ, что послушались его. Безъ отдыха придумываетъ онъ мѣры, годныя для каждой новой минуты; онъ постоянно совѣтуетъ, требуетъ и закликаетъ.

„Онъ нашелъ дѣла, въ самомъ печальномъ положеніи: только предъ битвою при Херонѣ, когда онъ склонилъ грековъ къ союзу съ Аѣинами, могъ онъ одно мгновеніе надѣяться на успѣхъ. Тогда наслаждался онъ всѣмъ счастьемъ, къ какому онъ былъ способенъ. Греція распадалась, Филиппъ былъ могущественъ, и всюду поднималась его партія; во многихъ городахъ измѣнники дѣйствовали за Филиппа; въ Аѣинахъ было мало такихъ, но господствовавшіе вездѣ развратъ и порча нравовъ помогали Филиппу. Нѣкоторыя республики перешли совершенно на его сторону. Въ Аѣинахъ съ Демосееномъ стояли нѣсколько даровитыхъ и благонамѣренныхъ, но ему совершенно чуждыхъ людей: таковъ былъ Ликургъ, человѣкъ высокой честности, но зараженный сикофантіей: *accusatorem facitavit*, по выраженію

Дигерона. Онъ былъ озлобленъ и находилъ удовлетвореніе въ жалобахъ и доносахъ на другихъ; Демосеенъ никогда не обвинялъ такимъ образомъ. Еще хуже было то, что многие весьма честные люди смотрѣли на дѣла съ самой презрительной точки зрѣнія. Фокіонъ, котораго обыкновенно называютъ образцомъ добродѣтели, постоянно и болѣе нежели кто-либо другой вредилъ своему отечеству; онъ принесъ пользу только въ послѣдней крайности. Тогда его личность произвела нѣкоторое впечатлѣніе, но не его добродѣтель спасла Аѣины, а Антипатръ, вспомнившій, что Фокіонъ былъ старый противникъ Демосеена и всѣхъ ненавистниковъ Македоніи. Онъ не былъ предателемъ, какимъ, быть можетъ, былъ Эсхинъ и навѣрно Филократъ; онъ былъ неспособенъ къ измѣнѣ, но онъ составилъ себѣ несчастное убѣжденіе въ неизбежномъ торжествѣ Филиппа, вбилъ себѣ въ голову, что судьба Аѣинъ уже рѣшена, и вездѣ всѣми силами противодействовалъ Демосеену, думая, что дѣло уже кончено, и что сопротивление можетъ сдѣлать еще болѣе тягостною для родины предстоящую ей участь. Иронія жизни, выражаясь словами одного знаменитаго писателя, поставила его на сторону Филиппа. Въ такомъ положеніи, при общемъ распаденіи Греціи, безъ поддержки въ государствѣ, гдѣ демократія дошла до крайнихъ предѣловъ, среди измѣнчиваго, отвыкшаго отъ войны народа, съ плохими и несчастными полководцами предпринялъ Демосеенъ борьбу съ Филиппомъ, стоявшимъ во всемъ величіи власти и дарованій. Это былъ безспорно самый смѣлый подвигъ, когда-либо предпринятый восторженнымъ и необыкновеннымъ мужемъ, создававшимъ въ себѣ нравственную силу, способнымъ на все великое.

„Аѣины сиротствовали, когда Демосеенъ выступилъ на сцену. Превосходство аѣинянъ заключалось въ ихъ воспримчивости. Ни одинъ уголокъ въ мірѣ не произвелъ такого числа великихъ людей, какъ Аѣины, и нигдѣ народъ не былъ въ такой степени доступенъ впечатлѣніямъ, производимымъ великими личностями. Но время было несчастное. Народъ попалъ въ дурныя руки, и только благопріятствующая судьба спасла его отъ совершенной гибели. Къ несчастію, Платонъ отдалился отъ государства. При его великомъ умѣ, онъ-бы могъ совершить несказанное добро, еслибы подошелъ къ народу поближе и не пренебрегъ его способностью принимать впечатлѣнія. Къ тому-же самый народъ не всегда былъ воспримчивъ и стоялъ въ то время гораздо ниже, чѣмъ во время Пелопоннесскаго вѣка.“

нежели впоследствии, при Демосеенѣ. Демосеенъ поднималъ снова аѳинянъ и развилъ въ нихъ духъ болѣе крѣпкій и благородный“.

„Когда онъ явился въ народномъ собраніи, онъ нашелъ испорченный демагогами и обманываемый льстецами народъ, съ которымъ немного можно было сдѣлать хорошаго. Силою терпѣнія, таланта и патріотизма приобрѣлъ онъ мало по малу довѣріе своихъ согражданъ, такъ что тысячи необразованныхъ людей шли за нимъ, какъ дѣти за отцомъ. Этимъ вліяніемъ онъ былъ единственно обязанъ своему слову, своимъ достоинствамъ и высокой любви къ отечеству, потому что онъ никогда не занималъ должности, которая могла-бы доставить ему средства понужденія, и жилъ въ государствѣ до того распущенномъ, что никто не былъ въ состояніи повелѣвать. Его личное вліяніе было могущественнѣе, чѣмъ самыя мудрыя рѣшенія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть: рѣчь его увлекала людей, и въ управленіи ими онъ обнаруживалъ все превосходство дарованій, полученныхъ имъ отъ Бога. Онъ принадлежалъ къ числу величайшихъ администраторовъ: изслѣдованіе его плановъ доставляетъ высокое наслажденіе. Въ то время въ Аѳинахъ, какъ въ эпоху революціи, господствовало стремленіе къ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ; это стремленіе обыкновенно прежде всего развивается въ ограниченныхъ умахъ, не заботящихся о томъ, найдутся-ли для новыхъ учрежденій способные люди. Демосеенъ вовсе не думалъ о перемѣнахъ: онъ зналъ, что можно сдѣлать изъ настоящаго и понималъ, что лучшее государственное устройство заключалось въ немъ самомъ. Ему надлежало бороться съ неистовыми нападеніями тѣхъ, кому не правилась его роль, и съ самыми пошлыми интересами толпы. Тысячи бѣдняковъ до того были воодушевлены имъ, что отказались въ пользу государства отъ пособія, которое получали въ качествѣ державныхъ членовъ того государства; отвыкшій отъ военной службы народъ пришелъ въ воинственный восторгъ и снова привыкъ защищать отечество. Это болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Александръ, когда онъ съ 30-ю тысячами человѣкъ проникъ до Инда. Александръ могъ повелѣвать, у него была власть надъ подданными. Демосеенъ, пробуждая возвышенныя чувства, доводилъ своихъ согражданъ до высочайшаго самоотверженія. Все выше подымались воспитанные имъ аѳиняне, все доступнѣе становились они всему прекрасному и великому. Его враги расточали клевету, но поведение аѳинянъ относительно Демосеена было безукоризненное. Съ

такимъ возрожденнымъ имъ народомъ онъ могъ предпринять дѣло, исходъ котораго, былъ, конечно печальный; но если бы сраженіе при Хероней могло быть отсрочено года на два, или если-бы побѣда перешла на другую сторону, что очень легко могло случиться, то Аѣины возстали-бы въ новой силѣ и молодости“ (томъ II, стр. 336—341).

Демосѣена, какъ и многихъ великихъ людей, въ томъ числѣ самого Наполеона, часто обвиняли въ недостаткѣ личнаго мужества. Вотъ что говоритъ по этому поводу Нибуръ: „Въ день Херонейской битвы Демосѣенъ сражался, какъ и всякій другой, въ рядахъ аѣинскаго войска. Въ жалкихъ анекдотахъ о жизни великихъ мужей безпрестанно повторяется, что Демосѣенъ потерялъ свой щитъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Что онъ бѣжалъ съ другими,—этому я охотно вѣрю. Самые безстрашные полководцы бываютъ увлечены среди общаго бѣгства. Кто видалъ войну вблизи, тому это извѣстно. Даже какой-нибудь Ахиллъ не могъ-бы устоять среди разстроенной и бѣгущей массы: она непременно увлечетъ его съ собою. При изученіи греческой исторіи мы все не принимаемъ къ соображенію, что содержаніе Плутарховыхъ біографій большею частью крайне плохо. Въ александрійское время писалось очень много всякой дряни, въ особенности анекдотовъ и біографій: Плутархъ пользовался ими, хотя самъ писалъ несравненно лучше. Его анекдоты заимствованы изъ сборниковъ, не имѣющихъ никакого права на довѣріе, и основаны частью на слухахъ, частью на свидѣтельствахъ писателей величайшей *χαρις*; къ тому-же, у Плутарха вовсе нѣтъ критики. Прежде на него смотрѣли какъ на одно изъ главныхъ украшеній древней литературы. По личному характеру, по образу мыслей, онъ, конечно, принадлежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи у него много общаго съ Монтанемъ, съ которымъ у него вообще большое сходство: для меня онъ даже еще любезнѣе и благороднѣе, чѣмъ Монтанъ. Если-бы Плутархъ жилъ въ другое время, онъ былъ бы такимъ же скептикомъ какъ Монтанъ, и слѣдовалъ-бы господствующему вкусу; но такъ какъ онъ жилъ въ эпоху суевѣрія, то онъ предался ему и изъ всѣхъ силъ старался быть суевѣрнымъ, что ему болѣе или менѣе удастся. Ни у того, ни у другого нѣтъ критики; да они смѣялись-бы надъ нашею критикою, потому что оба были убѣждены въ невозможности положительнаго знанія исторіи и потому считали главною задачею историка пріятное изложеніе происшествій. Въ этомъ заключалась, собственно, цѣль Плутарха. Историкъ, читающій

съ идеями болѣе зрѣлаго времени, сто разъ выйдетъ изъ себя, если, по принятому обычаю, будетъ смотрѣть на него какъ на историческаго свидѣтеля. Онъ вовсе не историкъ. Непонятно спокойствіе, съ какимъ онъ рассказываетъ величайшій вздоръ. Я охотно его читаю и всякій филологъ долженъ читать его произведенія, не только біографіи, но и нравственныя сочиненія: у него цѣлая сокровищница отрывочныхъ извѣстій. Онъ такъ-же пріятель, какъ Монтанъ; онъ не строгій философъ, но добродушный старикъ, который чрезвычайно много читалъ и не можетъ достаточно наговориться. Первый, кто двадцать лѣтъ тому назадъ указалъ мнѣ на настоящее значеніе Плутарха, что меня въ то время весьма поразило, былъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. „Я готовъ на все согласиться, лишь-бы Плутарха не считали историкомъ“,—сказалъ онъ мнѣ.—Я былъ тогда еще очень молодъ, но слова его мнѣ часто приходятъ на память.—Къ тому-же Плутархъ писалъ ужасно скоро и вовсе не избѣгалъ противорѣчій. Отъ этого происходятъ такія странности! Напримѣръ: онъ не усомнился внести въ жизнь Демосеена самыя вздорныя басни, такъ что нельзя не спросить, какъ онъ могъ отзываться съ почтительнымъ удивленіемъ объ этомъ человѣкѣ, если вѣрилъ всему тому, что самъ писалъ о немъ. Сверхъ глупой исторіи о Гарпалѣ, къ распространенію которой онъ наиболѣе содѣйствовалъ, онъ-же рассказываетъ о бѣгствѣ Демосеена. Онъ не зналъ, можно-ли было долѣе стоять, или нѣтъ; онъ не зналъ, что такое война. Только въ книгахъ своихъ вычиталъ онъ, что надобно умирать за отечество, и не понималъ, что когда бѣжитъ цѣлое войско, тогда отдѣльному человѣку остается только бѣжать вмѣстѣ съ прочими, или быть раздавленнымъ подъ ногами бѣгущихъ“. (II, 358—360).

„У Демосеена было много весьма умныхъ современниковъ, но всѣ они стояли гораздо ниже его. Многіе изъ нихъ, вслѣдствіе нравственнаго различія, были его врагами и противниками. Въ числѣ такихъ былъ Демадъ, грубый матросъ, одаренный величайшимъ послѣ Демосеена талантомъ. Демадъ былъ сынъ гребца; въ молодости онъ занимался тѣмъ-же ремесломъ; внушеніе генія побудило его выступить всенародно ораторомъ на вѣчѣ; безъ всякаго изученія, остроуміемъ, талантомъ, въ особенности способностью импровизаціи возвысился онъ до того, что пріобрѣлъ большую власть надъ народомъ и нерѣдко нравился ему болѣе самого Демосеена. Съ безстыдствомъ, доходившимъ до премодушія, высказывалъ онъ громко все, что думалъ самъ и

вмѣстѣ съ нимъ осталъная чернь. Чернь была очень довольна, ибо онъ сообщалъ ей сознаніе, что можно быть порочнымъ, не подвергаясь поруганію. За такое сознаніе люди обыкновенно бываютъ благодарны. Демадъ—замѣчательное лицо; онъ не былъ золъ и, по моему, гораздо лучше Эсхина. У Эсхина есть притязаніе быть хорошимъ гражданиномъ; онъ осмѣливается даже поносить истинно хорошихъ гражданъ: во всемъ этомъ — ложь и обманъ. Въ ненависти Эсхина противъ Демосфена видна и злоба посредственности противъ генія, и политическая непріязнь, и зависть умственной и нравственной низости ко всякому превосходству. Демадъ, напротивъ, смотрѣлъ на дѣло простодушно и высказывалъ прямо, что конечно прежде были другія времена, но что теперь все прежнее прошло невозвратно, и что теперь каждый долженъ больше всего заботиться о себѣ; при управленіи государственнымъ надобно какъ можно болѣе добывать денегъ, чтобъ можно было весело пожить. Онъ выражался безъ застѣнчивости. Впрочемъ, у него не было ни къ кому ненависти. Отсюда объясняются его отношенія къ Демосфену: онъ его не ненавидѣлъ, но, вѣроятно, находилъ его страшно глупымъ. Ему случалось иногда оказывать республикѣ дѣйствительныя услуги: въ смутныя времена благородный челоуѣкъ бываетъ часто вреденъ, а дурной полезенъ“. (П. 405—407).

Съ особенною похвалою отзывается Нибуръ о Гиперидѣ, хотя еще ему не были извѣстны новѣйшія открытія, познакомившія насъ ближе съ этимъ ораторомъ. Мы сказали выше о непріязненномъ и весьма понятномъ чувствѣ, которое Нибуръ питалъ противъ македонскаго владычества въ Греціи. Къ сожалѣнію, это чувство помѣшало ему отдать должную справедливость Александру и насладиться вполнѣ этою изящною, чисто-эллинскою личностью. Нибуръ, столь недовѣрчивый къ свидѣтельствамъ писателей позднѣйшей Греціи, повторяетъ за ними всѣ недоказанныя и даже частью опровергнутыя обвиненія, возводимыя на Филиппова сына. При всемъ предубѣжденіи, Нибуръ, какъ-бы скрѣпя сердце, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ всемірно-историческое значеніе Александра: „Александръ былъ для Востока тѣмъ, тѣмъ Карлъ Великій былъ для Запада. Наряду съ Рустомомъ, онъ главный герой персидскихъ сказокъ и романовъ. Значеніе его, чрезвычайно важное для насъ, состоитъ въ томъ, что онъ измѣнилъ видъ тогдашняго міра. Онъ началъ то, что теперь, несмотря на всѣ препятствія, приближается къ осуществленію, именно—торжество Европы надъ Азіею.

Онъ первый побѣдоносно привелъ европейцевъ на Востокъ. Роль Азіи приходила къ концу: она была обречена служить Европѣ. Александръ сдѣлался народнымъ героемъ Греціи, хотя онъ для грековъ былъ такимъ-же иноплеменникомъ, какъ Наполеонъ для французовъ“.

Замѣчательно, что при оцѣнкѣ великой попытки Александра слить въ одну семью всѣ народы своего огромнаго царства, попытки, результатомъ которой была эллинизация Востока, Нибуръ становится на разстояніи 22-хъ вѣковъ горячимъ защитникомъ идей, или, лучше сказать, предразсудковъ, съ которыми долженъ былъ бороться македонскій завоеватель. Съ точки зрѣнія исключительно греческой національности, жители завоеванныхъ Александромъ странъ были варвары, и природою, и исторіею обреченные на безвыходное рабство. Это мнѣніе, принятое греческою наукою за неоспоримое положеніе, развитое до крайнихъ результатовъ народнымъ самолюбіемъ, нашло грубыхъ, но рѣшительныхъ толкователей и приверженцевъ въ македонскихъ полководцахъ, которымъ были непонятны великодушныя стремленія ихъ государя. Эллинизмъ и варварство утратили для Александра свое племенное значеніе; онъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на двѣ различныя степени образованности. Равняя, относительно политическихъ правъ, старыхъ своихъ подданныхъ съ новыми, онъ призвалъ послѣднихъ къ участию въ недоступной для рабовъ греческой образованности. Въ языкѣ Нибура слышится странный отголосокъ мнѣній, которыя могли господствовать въ народныхъ собраніяхъ въ Греціи и въ македонскомъ войскѣ, но которымъ уже нѣтъ болѣе мѣста въ наукѣ.

Вообще, отдѣль, посвященный Александру Великому, неудовлетворителенъ, хотя мыслящій читатель найдетъ и здѣсь много прекраснаго и истинно-поучительнаго. Мы приведемъ для примѣра слѣдующую характеристику печальной, но не лишенной трагическаго величія эпохи. Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ братьяхъ Менторѣ и Мейнонѣ, родосскихъ выходцахъ, занимавшихъ высокія должности въ персидскомъ государствѣ.

„Они представляли,—говоритъ Нибуръ:—относительно способностей и нравственныхъ свойствъ совершенное сходство съ вождями лиги въ эпоху 30-ти-лѣтней войны: они были греки, но ничуть не лучше тогдашнихъ варваровъ, т. е. персовъ. Въ это несчастное время, злое начало въ человѣкѣ пришло къ спокойному и полному сознанію самого себя. Все чистое, благородное, совѣсть, свойственный даже

орочнымъ людямъ стыдъ дурныхъ и безчестныхъ дѣлъ совершенно исчезли, что очень нерѣдко бываетъ у жителей Юстока. То-же самое видимъ мы у полководцевъ лиги и Калленштейнова войска, равно какъ и у современныхъ имъ испанскихъ генераловъ. Можно говорить что угодно о касильской чести, но нѣтъ, конечно, безсовѣстнѣе касильскихъ полководцевъ, начиная съ Фердинанда. Они показали себя не одной только Америкѣ. Спинола составляетъ похвальное исключеніе, но одна ласточка не приноситъ лѣта. У предприимчивыхъ и даровитыхъ людей IV столѣтія до Р. Х., у рековъ и у персовъ, были тѣ-же самыя понятія, которыя мы находимъ въ книгѣ Макиавелли о государѣ: „люди—сволочь, на нихъ не надо смотрѣть какъ на братьевъ, созданныхъ по образу божества. Любовь, самоотверженіе, привязанность—глупость и ложь; все дѣло въ могуществѣ и въ удовлетвореніи страстей нашихъ“.—Макиавелли самъ не держится тихъ правилъ, но они господствовали въ его время; онъ не видалъ другихъ пружинъ для человѣческихъ поступковъ и признавалъ ихъ за самыя дѣйствительныя. Вѣрность слову читалась безуміемъ, клятва была не что иное, какъ слово, усиленное съ намѣреніемъ ловчѣе обмануть. Эта страшная порча заразила всѣхъ. Филиппъ также не избѣжалъ заразы и часто дѣйствовалъ на основаніи господствовавшихъ понятій, хотя по природѣ своей онъ былъ выше ихъ и не разъ обнаруживалъ человѣческія чувства, вовсе незнакомыя Юльшинству. Мы еще встрѣтимся съ Мемнономъ: проклетіе, тяготящее надъ подобными эпохами, заключается именно въ томъ, что такіе люди, какъ Мемнонь, являются главными силами исторіи, и что благороднѣйшія личности должны вступать въ сношенія съ ними для достиженія своихъ цѣлей; вотъ, почему Демосеень и греческіе патріоты принуждены были искать связи съ Мемнономъ и ожидали отъ него спасенія, хотя они его очень хорошо понимали. Болѣе ужасной части не можетъ испытать народъ. Вотъ, что нужно знать и понимать для того, чтобы измѣрить все злополучіе тѣхъ временъ“.

Третій томъ „Чтеній о древней исторіи“ начинается вопросомъ о значеніи греческой исторіи послѣ Херонейскаго сраженія. Заслуживаютъ-ли эти времена, вообще намъ мало извѣстныя, болѣе подробнаго историческаго изложенія? Нибуръ отвѣчаетъ утвердительно.

„Паденіе Греціи не даетъ намъ права произнести надъ нею рѣшительный приговоръ и сказать, что она заслужила столь тяжкую участь. Потомки были, конечно, и

но мы съ прискорбіемъ должны извинить многія слабости и многіе пороки угнетеннаго народа. Всѣ старыя учрежденія, даже религія, вымерли, и замѣнить утраченное было нечѣмъ. У фантазіи обрѣзаны крылья, а тамъ, гдѣ нѣтъ фантазіи, тамъ гибнетъ все высокое и благородное: жадное наслажденій и прибыли животное заступаетъ мѣсто разумнаго существа. Человѣкъ тогда только бываетъ великъ, когда у него есть цѣль, стоящая выше его животной природы. Въ народѣ было столько-же, можетъ быть, даже болѣе ума, чѣмъ прежде; по крайней мѣрѣ было несравненно больше знаній, учености, понятій; недоставало только великаго духа предковъ и всего, что съ этимъ духомъ было связано и отъ него зависѣло. У позднѣйшихъ грековъ нѣтъ ни лирики, ни эпоса. Въмѣсто древней величавой трагедіи у нихъ комедія. Зато они сдѣлали великіе успѣхи во всемъ, что непосредственно касается жизни. Въ сферѣ мышленія болѣе тонкости и школьной правильности, но настоящей философіи природы нѣтъ болѣе. Политической опытности много, но политическихъ ораторовъ уже не находимъ. Не было также недостатка въ историкахъ, которые превосходили древнихъ практическимъ пониманіемъ и обширными свѣдѣніями: относительно государственной мудрости Полибій не уступаетъ Фукидиду, но у него нѣтъ того дивнаго генія и той пламенной фантазіи, которая одушевляетъ твореніе Фукидида...“ (III, 3).

Нѣсколько далѣе Нибуръ говоритъ по тому-же поводу: „Съ послѣднею вспышкою греческихъ силъ въ Ламійской войнѣ кончилось все. Краснорѣчіе исчезло съ перемѣною обстоятельствъ. У ораторовъ не стало слушателей; могущество слова прошло безслѣдно. Позднѣйшія рѣчи сухи и вялы. Никто не обращалъ болѣе вниманія на то, что ораторская рѣчь должна занимать средину между поэзіей и прозой. Лирики нѣтъ, прозою писали много. Новая комедія и разсказы, заимствованные изъ обыкновенной жизни, были въ большомъ ходу безъ примѣси чего-либо высшаго. Въ философіи возникаетъ *стоя*, произведенія времени, склонившаго голову передъ рокомъ и искавшаго величія только въ отдѣльных личностяхъ. Стоя есть не чисто греческое произведеніе; въ ней гораздо болѣе восточнаго, нежели думаютъ: Зенонъ былъ не даромъ финикіянинъ. Все идетъ къ одной цѣли: люди хотятъ утѣшить себя въ печальной современности, хотятъ себя убѣдить, что нѣтъ ничего истиннаго, что прекрасная, свѣтлая старина есть басня, что и тогда на свѣтѣ было ничуть не лучше, чѣмъ теперь. Профессоръ Тиршъ, съ

которымъ я когда-то спорилъ объ этой эпохѣ, утверждалъ, что никогда умственная жизнь въ Аѣинахъ не была такъ пріятна, какъ во время Менадра. Я думаю совсѣмъ другое. По моему, то была пора большой утонченности, весьма распространенной образованности, но эта образованность заключалась въ формахъ, въ наружныхъ явленіяхъ. Прежней, изнутри бьющей жизни не было“.

Намъ кажется, что приведенныя выше слова Нибура относятся не къ одной только описываемой имъ эпохѣ греческой жизни. Читая ихъ, трудно удержаться отъ грустнаго раздумья. Можетъ быть Нибуръ вовсе не имѣлъ въ виду никакихъ аналогій, но онъ собралъ всѣ признаки, по которымъ можно узнать разложеніе общественной жизни вообще. Исторія все болѣе и болѣе становится наукою, основанною на опытахъ, хотя уроки ея безплодны для большинства.

Предѣлы нашей статьи, къ сожалѣнію не позволяють намъ передавать русскимъ читателямъ превосходныя страницы, заключающія въ себѣ исторію послѣдней борьбы, принятой Аѣинами за независимость Греціи. Нибуръ еще разъ возвращается къ Демосѣену, объясняетъ его участіе въ извѣстномъ дѣлѣ Гарпала и показываетъ, до какой степени бессмысленны обвиненія, которымъ подвергается аѣинскій ораторъ по этому дѣлу. Тѣ-же самые люди, которые называютъ его трусомъ, упрекали его въ корыстолюбіи. Это было дѣло партіи озлобленной и безнравственной. Слухи, ею пущенные дошли до нашего времени и имѣли большое вліяніе на мнѣніе, сложившееся о Демосѣенѣ. Немногіе историки дали себѣ трудъ повѣрить по уцѣлѣвшимъ памятникамъ основательность обвиненій, взводимыхъ на Демосѣена. Иначе свидѣтельство Павсанія (II, 33. 5) обратило-бы на себя большее вниманіе. Еще менѣе найдемъ писателей, способныхъ, подобно Нибуру, почувствовать все, что чувствовалъ Демосѣенъ, и понять вполнѣ его трагическое величіе. Весьма замѣчательны также отзывы Нибура о Гиперидѣ и о Фокіонѣ. Перваго онъ очень остроумно, хотя не знаемъ—на сколько справедливо, сравниваетъ съ Шериданомъ.

Войны діадоховъ не внушаютъ нашему историку никакого участія. Онъ начинаетъ изложеніе принадлежащихъ сюда событій слѣдующими словами:

„Для меня въ цѣлой исторіи нѣтъ ничего запутаннѣе этихъ войнъ. Я много разъ ихъ перечитывалъ, дабы уяснить ихъ себѣ, однако, несмотря на счастливую ролю былъ одаренъ съ дѣтства, я не могъ“

подробностей и часто въ нихъ путаюсь. Для настоящихъ лекцій мнѣ надобно готовиться и наводить справки, и все-таки я не могъ привести въ порядокъ пеструю массу событий. Путаница происходитъ отъ того, что передъ нами проходитъ цѣлая толпа людей, которые не отличаются другъ отъ друга никакими достойными вниманія признаками. Вопросъ постоянно одинъ и тотъ-же: который изъ этихъ разбойниковъ одолѣетъ другихъ, — но ни одинъ изъ нихъ не внушаетъ къ себѣ сочувствія. Птоломей, по моему мнѣнію, еще самый лучший; онъ былъ полезенъ Египту; правленіе его было разумно: владѣнія его при немъ процвѣтали и благоденствовали; но нравственно онъ не вызываетъ участія. Личность его для насъ не занимательна. Единственное по характеру значительное лицо—это Эвменъ; всѣ остальные сильны только оружіемъ. Въ древнѣйшей греческой исторіи великіе мужи встрѣчаются намъ на каждомъ шагу; но всѣ эти македонцы оставляютъ насъ совершенно равнодушными; намъ все равно кто-бы ни побѣдилъ. Даже трагическая кончина Лисимаха не производитъ впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что я съ большимъ участіемъ смотрѣлъ-бы на бой быковъ, гдѣ благородное животное защищается противъ стай направленныхъ на него собакъ. Я желалъ-бы, чтобы земля раскрылась и поглотила всѣхъ македонцевъ. Съ такими чувствами, конечно, не легко заниматься этою частью исторіи“. (III. 61).

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отдѣлѣ „Чтеній о древней исторіи“ разсѣяно множество глубокомысленныхъ замѣчаній и новыхъ взглядовъ на лица и событія. Укажемъ, между прочимъ, на характеристику Дмитрія Фалерейскаго, на страницы, посвященныя исторіи Родоса и т. д.

Исторія Пирра изложена въ „Чтеніяхъ о древней исторіи“ съ особенною любовью. По нашему мнѣнію, это одна изъ лучшихъ частей въ третьемъ томѣ. Никогда еще блестящая и геніальная, но безплодная личность эпирскаго вождя не была изображена такъ вѣрно и увлекательно. Читатели „Прописеевъ“ вѣрно не найдутъ излишнимъ переводъ слѣдующихъ страницъ. „Есть люди, которымъ врождена сила, чарующая сердца другихъ; иногда это замѣтно уже въ дѣтяхъ, но исчезаетъ вмѣстѣ съ дѣтствомъ. Такого рода чарующимъ могуществомъ надъ сердцами обладалъ Пирръ; во все продолженіе своей жизни онъ привлекалъ къ себѣ людей открытымъ умомъ, добродушіемъ, прекрасными свойствами воина: ни у одного государя военныя свойства не представляются намъ съ такой поэтической сто-

роны. Прелести двухлѣтнаго ребенка не могъ противостоять варваръ, къ которому онъ былъ принесенъ по смерти своего отца. Дѣятельность была постоянною и главною цѣлью Пирровой жизни: война была его важнѣйшимъ дѣломъ. Онъ велъ ее какъ художникъ; выиграть битву, воспользоваться побѣдою,—доставляло ему художественное наслажденіе; поворотъ военнаго счастья, неудача,—никогда не лишали его мужества. Онъ постоянно надѣялся воротить все потерянное. Онъ былъ похожъ на игрока, которому нѣтъ дѣла до того, проигрываетъ-ли онъ, или выигрываетъ. Я не знаю другого полководца, который-бы такъ любилъ войну ради наслажденія, ею доставляемаго. Разумѣется, въ томъ заключалось нѣчто страшное для его подданныхъ: Пирръ былъ-бы ужаснымъ явленіемъ, если-бъ въ немъ не было такъ много благородства и истинно-человѣческихъ свойствъ. Другіе вели войну изъ корыстныхъ или властолюбивыхъ разсчетовъ; онъ воевалъ ради своего таланта, вслѣдствіе внутренней потребности, такъ какъ поетъ поэтъ и творитъ художникъ. Скорое окончаніе войны было ему непріятно. Такъ настоящій охотникъ доволенъ оленемъ или лисицею, только по мѣрѣ трудностей, какія представляла охота. У Пирра было правило никогда не доводить побѣды до послѣднихъ крайностей, чтобъ не положить слишкомъ скорого конца охотѣ (III, 172). Не смотря на упадокъ Пирра въ послѣдніе годы его жизни, онъ единственный человѣкъ того времени, на котораго можно смотрѣть съ радостью. Среди всеобщаго разврата, онъ не обнаруживаетъ строгихъ правилъ, но тѣмъ не менѣе является благороднымъ человѣкомъ. Даже сообщество Димитрія Поліоркета не могло испортить его. Дурные поступки его исходятъ не изъ порочныхъ или корыстныхъ побужденій, какъ, напримѣръ, у макендонскихъ государей, а изъ пылкости. Онъ чувствовалъ потребность дружбы, былъ откровененъ и прямодушенъ. Древность вообще отдавала ему должную справедливость. Недостатокъ его заключался въ его непостоянствѣ; у него не было никакой цѣли; онъ жилъ только для дѣятельности. Онъ не думалъ объ обязанностяхъ государя и дѣйствовалъ, какъ честный человѣкъ, не связанный никакимъ долгомъ, ищущій удовлетворенія въ проявленіи своей отваги. Молодость его была богата наслажденіями и благородными подвигами, но онъ ничего не оставилъ, ничѣмъ не запасся къ старости: такая жизнь не позволительна государю. Подобно Карлу XII, Пирръ существовалъ не столько для государства, сколько для себя. Только у него, да у Алкивіада, между древними, встрѣчаемъ чно

рыцарскій характеръ. Пирръ велъ войну противъ римлянъ такъ, какъ рыцари, которые на турнирахъ бились на жизнь и на смерть для того только, чтобы получить награду изъ прекрасныхъ рукъ. Онъ скоро забылъ о своихъ побѣдахъ и такъ плѣнился прекрасными сторонами римскаго характера, что поступилъ несправедливо съ своими союзниками. Желательно было-бы, чтобы такія *δοῦλεῖαι*, какая образовалась между Пирромъ и римлянами, возникали почаще между политическими и литературными партіями. Этотъ благородный мужъ обладалъ также высокою образованностью: онъ писалъ свои записки, и хотя не былъ самъ поэтомъ, но далъ содержаніе нѣсколькихъ эпиграммъ, обличающихъ истинно поэтическій умъ и не носящихъ на себѣ характера того времени. Ихъ приписываютъ Леониду Тарентскому, но съ эпиграммами послѣдняго ихъ никакъ нельзя сравнивать“. (III. 311).

Мы заключимъ наши выписки изъ „Чтеній о древней исторіи“ изложеніемъ попытокъ Агиса и Клеомена обновить спартанское государство. Превосходныя изслѣдованія Грота о Ликурговомъ законодательствѣ заключаютъ въ себѣ самую вѣрную, хотя несогласную съ основными мнѣніями О. Мюллера, оцѣнку этихъ попытокъ. Вотъ какъ смотрѣлъ на этотъ предметъ Нибуръ, за 20 лѣтъ до Грота. Упомянувъ о жалкомъ состояніи общественной нравственности въ Спартѣ, онъ говоритъ: „уваженіе спартанцевъ къ старинѣ просто смѣшно. Они берегли мертвыя формы и воображали себѣ, что сохраняютъ золотое время своей исторіи. Когда въ лирѣ прибавились двѣ новыя струны, эфоры отрѣзали ихъ: они не хотѣли допустить новыхъ мелодій! Даже въ покроѣ платья или обуви не позволялись нововведенія: такимъ образомъ спартанцы думали удержать духъ Ликурговыхъ учрежденій, а между тѣмъ роскошь и корыстолюбіе распространялись между гражданами. Только къ концу Спарты явились люди, въ которыхъ еще разъ вспыхнуло прежнее пламя, Агисъ и Клеоменъ. Плутархъ ставитъ ихъ на ряду съ Гракхами. Агисъ былъ юноша исполненный сердца, ума и любви, и потому Плутархъ его хорошо понималъ, Но Клеоменъ выходитъ изъ его сферы: онъ приписываетъ ему сентиментальность, которая такъ-же не къ лицу Клеомену, какъ и Мирабо. Агисъ былъ очень молодъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Въ то время власть царей въ Спартѣ была такъ-же ничтожна, какъ власть дожей въ позднѣйшей Венеціи: все могущество перешло въ руки эфоровъ. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Спарта, оставалось не болѣе 700 граж-

данъ, которые среди великаго числа свободныхъ лакедемонцевъ и илотовъ занимали положеніе венеціанскихъ нобилей. Изъ этихъ семисотъ только у ста семействъ была собственность. Послѣднимъ принадлежали всѣ 9.000 участковъ Ликурговыхъ, потому что законы не прилагались къ женщинамъ, у которыхъ, по этой причинѣ, скоплялись огромныя богатства. У остальныхъ гражданъ не было собственности: они были въ высшей степени бѣдны и обременены долгами. Упадокъ Спарты былъ совершенный: часть ея владѣній отошла къ Аркадіи и Аргосу. Члены царской фамиліи и другія знатныя лица отправлялись за границу и служили съ наемными дружинами иностраннымъ государямъ“ (III, 379).

Въ виду такого упадка, Агисъ задумалъ переворотъ, далеко превышавшій его силы, и послѣдствій котораго невозможно было опредѣлить заранѣе. Онъ хотѣлъ возстановить въ первобытной чистотѣ Ликурговы учрежденія. Но кто изъ современниковъ Агиса имѣлъ надлежащее понятіе объ этихъ учрежденіяхъ, которыя тогда утратили историческую дѣйствительность и представлялись воображенно какимъ-то идеальнымъ порядкомъ вещей? Читатели наши найдутъ у Грота подробное объясненіе этого нерѣдкаго въ исторіи явленія. Люди, недовольные настоящимъ, часто обращаются къ прошедшему и пересоздаютъ его сообразно съ своими надеждами и требованіями. Въ прошедшемъ ищутъ они формы для будущаго. Такого рода антикварныя построенія общественныхъ отношеній едва-ли когда имѣли успѣхъ, но они немало содѣйствовали къ порчѣ исторіи, какъ науки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мечты Агиса и его друзей значительно подѣйствовали на позднѣйшія, перешедшія къ намъ представленія о Ликурговомъ законодательствѣ.

Реформа, предпринятая Агисомъ, касалась самыхъ щекотливыхъ сторонъ гражданской жизни, именно отношеній собственности. Объемомъ своимъ она далеко превышала планы Гракховъ. Агисъ думалъ отобрать у ста семействъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась вся поземельная собственность спартанскаго государства, ихъ огромныя владѣнія и раздѣлить ихъ снова по образцу Ликурга на 19,500 участковъ. Изъ этихъ 19,500—4,500 участковъ назначались спартанцамъ, число которыхъ должно было наполниться чрезъ принятіе новыхъ гражданъ; остальные 15,000 должны были принадлежать періекамъ. Сверхъ того, Агисъ уничтожилъ всѣ долговыя обязательства.

„Чистота намѣреній и безкорыстіе Агиса не г

никакому сомнѣнію: онъ самъ, его мать и бабка принесли огромныя жертвы, потому что его семейство было самое богатое въ государствѣ и обладало самыми обширными землями, особенно черезъ бабку Агиса, Аахидамію. Но другіе не были такъ безкорыстны. Почти всегда негодяи обращаютъ въ собственную пользу перевороты; задуманные благородными людьми. У меня также былъ хорошій, нынѣ уже умершій пріятель, который 4-го августа 1789 года съ величайшимъ самоотверженіемъ отказался отъ значительныхъ феодальныхъ правъ: принося такія жертвы, онъ и люди ему подобные надѣялись, что другіе пойдутъ по ихъ слѣдамъ, но другіе думали только о собственныхъ выгодахъ. Съ Агисомъ случилось тоже самое, что съ Солономъ, о которомъ есть слѣдующее сказаніе: друзья Солона, узнавши объ его намѣреніяхъ, надѣлали долговъ, и когда долговыя обязательства были уничтожены (или значительно измѣнены въ пользу должниковъ), они сохранили позорно пріобрѣтенное богатство (III. 383.)

Трагическая развязка Агисовыхъ замысловъ извѣстна. Онъ заплатилъ жизнью за вѣру въ возможность воскресить прошедшее. Клеоменъ, котораго обыкновенно считаютъ продолжателемъ Агисовыхъ начинаній, былъ человѣкъ другого рода и другихъ силъ. Уже въ древности находимъ двойное воззрѣніе на него: уже тогда были у него страстные поклонники и горькіе порицатели.

„Полибій, въ качествѣ ахейца и мегалопольскаго гражданина, питалъ противъ него горькое чувство и называетъ его тираномъ, что очень можно допустить, потому что Клеоменъ не боялся проливать кровь для достиженія своихъ цѣлей. Другіе, которыхъ не коснулись дѣла его, смотрятъ на Клеомена, какъ на послѣдняго великаго грека. Онъ былъ безспорно великій человѣкъ и въ другомъ родѣ, нежели Филопемень: онъ-бы могъ возстановить Грецію. Между современниками Филархъ былъ его пламеннымъ поклонникомъ; между позднѣйшими писателями у него также много почитателей, напримѣръ Плутархъ, который преклоняется предъ Клеоменомъ, но въ то-же время очень уважаетъ Арата и потому находится въ большомъ затрудненіи, когда рѣчь идетъ объ ихъ столкновеніи, хотя они такъ-же противоположны другъ другу, какъ огонь и вода. Полибій не скрываетъ своей ненависти къ нему, но признаетъ въ немъ необыкновенно замѣчательнаго человѣка, великаго полководца съ изумительнымъ характеромъ, всѣхъ увлекавшаго за собою и господствовавшаго надъ всѣми, кто приходилъ съ

нимъ въ сношеніе. Отрицать у Клеомена его огромныя дарованія, ясность взгляда и невѣроятную силу воли невозможно; были-ли его поступки справедливы и нравственны—это другой вопросъ. Здѣсь можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Когда доброе и милое дитя, какъ Агисъ, начинается опасное дѣло и приводитъ въ движеніе тяжесть, которую поднять или остановить оно не въ силахъ, то это не что иное, какъ ребячество; но когда такой исполинъ, какъ, Клеоменъ, предпринимаетъ подобное дѣло, и двигая массу, которая паденіемъ своимъ можетъ все задавить, носить въ себѣ силы, достаточныя для того, чтобы сдержать ея напоръ и дать ей правильное направленіе, тогда оцѣнка предпріятія должна быть совсѣмъ другая. Клеоменъ приступилъ къ своему плану обдуманно и сознательно. Для возрожденія Лаконіи онъ употребилъ частію тѣ-же мѣры, которыя сдѣлали смѣшнымъ Агиса и принесли пользу однимъ только несостоятельнымъ должникамъ. Но его приемы были другіе. Имя спартанцевъ исчезло, остались одни лакедемонцы. Положивъ конецъ этому различію, онъ далъ жителямъ Лаконіи новую собственность. Выгоды этого раздѣла были до того значительны, что можно забыть несправедливость самого поступка. Величіе подвига заставило умолкнуть его противниковъ. Греки смотрѣли на подобныя явленія другими глазами, нежели мы: если-бы Платонъ жилъ во времена Клеомена, онъ конечно не нашелъ-бы ничего дурного въ совершенныхъ имъ перемѣнахъ. Клеоменъ особенно отличается отъ современниковъ своихъ высокимъ философическимъ и литературнымъ образованіемъ. Великое вліяніе стоической философіи простиралось и на него: онъ былъ окруженъ людьми замѣчательными по уму, знаніямъ, философическому образу мыслей; Сферъ изъ Ольвіи находился при немъ съ самой юности его и имѣлъ, повидимому большое вліяніе на него. Онъ вовсе не похожъ на человѣка, получившаго спартанское воспитаніе, и на людей того времени вообще. О домашней жизни его сохранилось достовѣрное извѣстіе (изъ Филарха у Атеней IV, с. 21), которое показываетъ его съ самой любезной стороны. Онъ понималъ свое положеніе, сравнивалъ ничтожество спартанскихъ государей съ величіемъ македонскаго владычества и ясно видѣлъ, что только презрѣніемъ къ внѣшнему блеску и личными качествами можно возстановить значеніе Спарты. Онъ умѣлъ соединить спартанскую строгость съ изяществомъ. Въ разговорѣ онъ былъ, по свидѣтельству древнихъ, весьма пріятенъ; у него было мало потребностей, и потому онъ самъ жилъ очень

просто, но иностранцевъ принималъ и угощалъ по обычаямъ ихъ родины. Умомъ, веселою бесѣдою, всею личностью своею онъ покорилъ себѣ сердца грековъ. Въ жизни его встрѣчаются два страшные поступка, которые показываютъ, какъ трудно жить во времена, когда неодолимые препятствія загораждаютъ прямой путь правды. Мы говоримъ объ умерщвлении эфоровъ и объ убійствѣ Архидама. Эфоры составляли, конечно, наростъ въ государствѣ: они исказили все государственное устройство въ Спартѣ, уничтожили царскую власть и замѣнили ее собственною тиранніею; но Клеоменъ развязалъ узелъ ужаснымъ и—признаться—безполезнымъ образомъ, потому что вліяніе его на народъ было безгранично, всѣ голоса были за него, слѣдовательно, незачѣмъ было проливать кровь. Онъ не былъ ни тѣмъ чистымъ героемъ, какимъ его представляетъ Филархъ, ни чудовищемъ. Въ его время господствовали тѣ-же нравственныя начала, которыя впослѣдствіи проповѣдывалъ Гоббесъ: *bellum contra omnes*. Цѣнились только умѣнье и успѣхъ, о правдѣ и долгѣ не было рѣчи. Клеомена и Макиавелли надобно мѣрять одною мѣрою.—На сколько участковъ раздѣлилъ Клеоменъ Лаконію, неизвѣстно; знаемъ только, что онъ могъ выставить четыре тысячи гоплитовъ и что принялъ въ число гражданъ много иностранцевъ и періэковъ. При раздѣлѣ собственности политическіе противники царя теряли не болѣе другихъ: даже изгнаннымъ имъ до возстановленія порядка лицамъ были отведены надлежащіе участки. Подробныхъ свѣдѣній о реформѣ у насъ нѣтъ. Нельзя сравнивать Арата съ Клеоменомъ: послѣдній былъ безконечно выше. Что значилъ Аратъ, уроженецъ небольшого и незначительнаго Сикіона, хотя онъ происходилъ отъ богатыхъ родителей, передъ спартанскимъ царемъ Ираклидомъ? Аратъ уже былъ близокъ къ старости, а молодой Клеоменъ стоялъ во всей свѣжести силъ и начинаній; первому удалось счастливо совершить нѣсколько предпріятій, но всѣ знали, что ему недостаетъ личнаго мужества; Клеоменъ былъ герой и великій полководецъ. Аратъ зналъ только старыя формы и въ нихъ однихъ искалъ спасенія; спартанскій царь стремился къ созданію новыхъ формъ, сообразныхъ съ его цѣлями и съ настоящимъ. Обоихъ ихъ характеризуетъ ихъ тактика: Аратъ даже и не думалъ отмѣнить старинное военное устройство ахейцевъ; они не переняли македонской фаланги, а удержали древнюю греческую съ короткими пиками вмѣсто огромныхъ сариссъ, хотя ахейцы не были связаны никакими военными преданіями. У спартанцевъ были

ія преданія; но несмотря на суевѣрное уваженіе къ
жнему вооруженію, Клеомень преобразовалъ спартанскую
тику и ввелъ македонскую. Далѣе Клеомень окружилъ
я, вопреки спартанскимъ обычаямъ, людьми просвѣщен-
ми и учеными; для него не существовала спартанская
лабѣя, въ немъ не было ничего грубаго или изыскан-
наго. Напротивъ, Аратъ былъ необразованъ, разсудителенъ
ограниченной сферѣ, тупъ“ (III. 389—363).

Съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ объ Аратѣ можно
взвѣснить еще подробнѣйшую характеристика, находящуюся
331 стр. того-же тома. Вѣрнѣе трудно опредѣлить ха-
рактеръ и дѣятельность знаменитаго сикіонца. Въ другомъ
отѣ (ст. 462), Нибуръ говоритъ, что Арату, также какъ и
допемону, который, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ пре-
ходилъ Арата, недоставало музъ и харитъ, т. е. той
ищной образованности, которая составляетъ отличитель-
ную черту всѣхъ великихъ афинянъ.

Надѣмся, что изъ многочисленныхъ выписокъ нашихъ
гатели „Прописеевъ“ могутъ составить себѣ понятіе о
тѣ и отчасти о самой формѣ „Чтеній о древней исторіи“.
Въ такомъ случаѣ цѣль составителя этой статьи будетъ со-
вершенно достигнута. Разбирать по частямъ твореніе, издан-
ное такъ долго послѣ смерти великаго историка, указывая
ощутительные недосмотры и даже ошибки—дѣло беспо-
дное и притомъ нетрудное. Почти цѣлая четверть вѣка
шла съ того времени, когда лекціи были записаны слу-
телями Нибура. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ
жизни, по крайней мѣрѣ относительно частныхъ; нерѣдко
же преподаватель увлекался своею творческою фантазіей,
т. е. избыткомъ того качества, безъ котораго невозможенъ
никій историкъ. Мы не скрывали этихъ увлеченій. Не
въ приговоры Нибура справедливы, не всѣ мнѣнія его
справедливы. Но можно смѣло сказать, что ни одна изъ его не-
справедливостей или погрѣшностей не исходитъ изъ незна-
ния или недобросовѣстности. Онъ владѣлъ всѣмъ матеріаломъ
жизни и распоряжался имъ честно. Въ самыхъ ошибкахъ
его есть нѣчто глубоко поучительное для всякаго мысля-
щаго писателя.

О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ.

(С. М. Соловьеву и К. Д. Кавелину).

Вопросъ о родовомъ бытѣ, подавшій у насъ поводъ къ такому жаркимъ и плодотворнымъ преніямъ, былъ поднятъ почти въ одно время въ русской и въ нѣмецкой ученой литературѣ. Мнѣніе, высказанное еще въ прошломъ столѣтіи Мезеромъ (Möser, Osnabrückische Geschichte), о различіи между осѣдлыми, преданными земледѣлію племенами саксовъ и воинственными, полукочевыми суевами имѣло, какъ и вѣстно, продолжительное вліяніе на историческія изслѣдованія о древнемъ германскомъ бытѣ. Двойственный характеръ этого быта, представляющаго съ одной стороны селеніе селянъ, крѣпко привязанныхъ обычаями и учрежденіями къ родной почвѣ, съ другой—многочисленныя, находящіяся въ постоянномъ движеніи толпы бездомныхъ удалцовъ, ищущихъ войны и новыхъ жилищъ, получилъ въ предположеніи Мезера готовое и удобное, хотя не подкрѣпленное достаточными свидѣтельствами объясненіе.

Нынѣ рѣчь идетъ уже не о различіи между саксами и суевами (хотя еще недавно Гаушъ построилъ на этомъ различіи всю свою теорію племенныхъ германскихъ правъ и въ общинномъ и дружинномъ устройствѣ вообще. Мыслъ Мезера въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ обратилась въ цѣлое, систематическое ученіе, завершителемъ котораго былъ Эйхгорнъ. Знаменитый историкъ нѣмецкаго права опредѣляетъ характеръ древнихъ германскихъ общинъ внѣшними отношеніями собственности и сосѣдства, и только мимоходомъ, но съ свойственною ему дальновидностью, намекаетъ на возможное значеніе родовыхъ или кровныхъ связей. Съ необыкновенною ясностью изображаетъ онъ отличія общиннаго быта отъ дружиннаго и выводитъ отсюда главныя явленія германской исторіи.

*) Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte. § 18. Примѣчаніе.

Немногія ученія книги нашего вѣка пріобрѣли такую громную и притомъ вполне заслуженную извѣстность, какъ Исторія нѣмецкаго государственнаго и гражданскаго права“ Эйхгорна. Пять изданій обширнаго и дорогого сочиненія видѣтельствуя о запросѣ публики и о неуспѣхахъ автора, не перестававшаго пополнять и исправлять рудъ свой. Эйхгорнъ основалъ цѣлую историко-юридическую школу, послѣдователи которой принадлежатъ не одной ерманіи. Во всѣхъ странахъ Европы ученые заговорили въ общинахъ и дружинахъ, прилагая эти готовыя формы въ исторію собственнаго отечества. Явленія, найденныя Эйхгорномъ въ германской старинѣ, были признаны всеобщими, истинными. Весьма немногимъ приходило въ голову сомнѣніе въ дѣйствительномъ сходствѣ древне-германской общины съ ея новыми изображеніями.

Нельзя не замѣтить однако, что національныя предубѣжденія и твердая увѣренность въ собственномъ превосходствѣ надъ другими народами имѣли большое вліяніе на господствующія въ Германіи понятія о родной старинѣ. Нѣмецкіе писатели утверждаютъ, что, въ эпоху ихъ первыхъ столкновеній съ римлянами, германцы уже далеко оставили за собою дикое состояніе, и вслѣдствіе особенныхъ свойствъ, которыми исключительно надѣлила ихъ природа, стояли несравненно выше прочихъ народовъ, проходившихъ чрезъ тѣ же ступени развитія. Всякая попытка объяснить отдѣльныя явленія древне-германскаго характера или быта аналогіями, заимствованными извнѣ, долгое время считалась признакомъ исторической тупости, неспособной оцѣнить германизмъ въ его самостоятельной красотѣ. Остроумное сближеніе Вильгельма германскихъ учрежденій съ афганскими не только не обратило на себя должнаго вниманія, но даже было дурно принято; Гизо подвергся самымъ рѣзкимъ нареканіямъ за то только, что привелъ для сравненія съ германцами отзывы путешественниковъ о нравахъ дикихъ племенъ Америки. Современныя Цезарю германцы жили, по словамъ ихъ ученыхъ потомковъ, общинами, въ маркахъ, которыя раздѣлялись на находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга, на составлявшія частную собственность отдѣльныхъ членовъ пашни и усадьбы. Поземельная собственность опредѣляла гражданское значеніе лица и вообще служила основою общинныхъ отношеній. Съ другой стороны, воинственныя склонности германцевъ находили себѣ просторъ и удовлетвореніе въ дружинѣ, которая принимала въ ряды свои юношей, скукавшихъ мирнымъ бытомъ общины, безземель-

ныхъ людей, которые надѣялись пріобрѣсти войною собственность и права, съ нею соединенныя; наконецъ, всѣхъ тѣхъ кому нельзя было оставаться дома, вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, всѣхъ ухотившихъ отъ кровавой мести, преслѣдованій закона, и т. д. При такомъ можно сказать, симметрическомъ порядкѣ вещей, въ которомъ самыя противоположныя учрежденія были искусно прилажены одно къ другому, германцы получили возможность самаго полного и разнообразнаго развитія. Они соединяли въ себѣ качества, которыя рѣдко или почти никогда не встрѣчаются въ одномъ и томъ-же народѣ: высокую нравственную чистоту, возможную только при условіяхъ ослѣдлой, семейной жизни, и блестящую, жаждавшую опасностей всякаго рода удалъ, которую находимъ у юныхъ, плутоучевыхъ, стоящихъ на порогѣ исторіи и гражданственности народовъ. Система, которой выводы мы здѣсь въ немногихъ словахъ представили, сложилась изъ ученыхъ трудовъ и патріотическихъ мечтаній; но ей нельзя отказать въ строгой послѣдовательности, а главнымъ защитникамъ ея — въ глубокомъ знаніи. Къ сожалѣнію, ученики Мезера и Эйхгорна довольствовались приращеніемъ и разработкой матеріаловъ, но не умѣли выработать изъ новыхъ матеріаловъ новыхъ идей. Такимъ образомъ, важный вопросъ родовомъ бытѣ, съ котораго начинается исторія всякаго рода, остался внѣ сферы ихъ изслѣдованій. Примѣромъ можетъ служить Вайцъ, авторъ еще неконченной и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной исторіи нѣмецкаго права, написанной съ явной цѣлью дополнить результаты новѣйшихъ розысканій пробѣлы, находящіяся въ трудѣ Эйхгорна. Онъ, между прочимъ, нѣсколько разъ упоминаетъ и о родовомъ бытѣ, но относитъ его къ доисторическому порядку вещей. „Неоспоримо“, — говоритъ онъ: — „что община и государство выросли изъ семейства; но исторіи нѣтъ дѣла для этихъ переходовъ: она принимаетъ общину уже готовую, совершившую предшествовавшее развитие“ *). Такой отзывъ не удовлетворительный самъ по себѣ, ибо онъ просто обходитъ трудность, становится еще страннѣе, когда вспомнимъ, что важность родовыхъ отношеній въ государственной жизни древнихъ давно уже была всѣми признана. Извѣстно, какъ много занимался Нибуръ составомъ римскихъ родовъ. Еще ближе къ намъ, въ исторіи древнѣйшаго русскаго права коснулся того-же незабвенный Эверсъ. Между германистами

*) Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte I. 44.

ли не ошибаемся, Вильда первый посвятилъ этому предмету нѣсколько замѣчательныхъ страницъ въ своей „Истории нѣмецкаго уголовного права“. Но первое полное и систематическое изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у германцевъ вышло не ранѣе 1844 года. Мы говоримъ о книгѣ Зибеля, котораго труды поставили въ затрудненіе послѣдователей тарой историко-юридической школы и уже вынудили у нихъ нѣсколько значительныхъ уступокъ *). Не всѣ выводы Зибеля могутъ быть, впрочемъ, приняты наукою. Въ увлеченіи полемики, онъ зашелъ слишкомъ далеко; и, не довольствуясь указаніемъ на неоспоримые слѣды родового быта въ позднѣйшихъ учрежденіяхъ, предпринялъ построение родового государства, основанное, разумѣется, не на положительныхъ данныхъ, а на аналогіяхъ и наведеніи. Мы послѣдуемъ за нимъ въ этихъ уклоненіяхъ отъ настоящей цѣли изслѣдованія и ограничимся разборомъ историческихъ свидѣтельствъ, которыми доказывается существованіе у германцевъ родового быта со всѣми его послѣдствіями.

Начнемъ съ вопроса о томъ, дѣйствительно-ли у германскихъ племенъ была въ то время, когда съ ними познакомились римляне, настоящая поземельная собственность? Съ имъ вопросомъ, очевидно, связанъ другой—о внутреннемъ строеніи общинъ.

Источниками въ этомъ случаѣ намъ могутъ служить только свѣдѣнія, находимыя у Цезаря и Тацита. Другихъ свидѣтельствъ рѣшительно нѣтъ. Ссылки на памятники, возникшіе послѣдствіи, въ эпоху переселенія народовъ и образованія новыхъ государствъ на римской почвѣ, не должны быть допускаемы. Четырех-вѣковыя сношенія съ Римомъ не могли имѣть вліянія на Германію и не произвести въ бытѣ ея перемѣнъ значительныхъ перемѣнъ. Выслушаемъ прежде говорящаго къ нашему предмету слова названныхъ выше писателей.

Цезарь говоритъ о племени суевовъ: „privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno loco incolendi causa licet. Neque multum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque sunt venationibus“, т. е. у нихъ нѣтъ вовсе частной, раздѣ-

*) Sybel. Entstehung des Deutschen Königthums, 1844. Сравн. разл. этой книги, написанный Вайцемъ и помѣщенный въ историческомъ журналѣ Шмидта (Schmidt. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1845 г. III, 13—41. Тамъ-же помѣщенъ и отвѣтъ Зибеля на эту критику. III. 294—348).

ленной межами поземельной собственности; они не остаются болѣе года на одномъ мѣстѣ для обработки полей своихъ. Хлѣба употребляютъ мало, но большею частью питаются молокомъ и мясомъ стадъ своихъ; также много промышленяютъ охотою. De B. G. IV. 1. Далѣе говорится о германцахъ вообще, при сравненіи ихъ съ галлами: „Agricoltura non student, majorque pars victus eorum in lacte, caseo, carne consistit. Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos *gentibus cognationibus que hominum, qui una coierint*, quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt“. Земледѣліемъ мало занимаются; пища ихъ состоитъ преимущественно изъ молока, сыра и мяса; ни у кого изъ нихъ нѣтъ опредѣленныхъ, отмежеванныхъ участковъ земли; начальники и старшины выдѣляютъ ежегодно землю, опредѣляя по собственному усмотрѣнію мѣсто и количество отдѣльнымъ родамъ и семействамъ, живущимъ вмѣстѣ. Черезъ годъ они заставляютъ мѣнять участки. Ibid. VI, 22.

Полтора вѣка спустя, Тацитъ пишетъ: „agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant et superest ager“. Владѣніе землею переходитъ поочередно отъ одного землевладѣльца къ другому, по числу ихъ; отдѣльные участки выдѣляются соразмѣрно съ достоинствомъ каждого изъ участниковъ. Обширныя пространства облегчаютъ раздѣлъ; пашни мѣняются ежегодно, но земли остается еще довольно. Germ. стр. 26.

Свидѣтельства эти достаточно ясны. Изъ нихъ видно состояніе народа, только-что переходящаго отъ кочевой къ осѣдлой жизни, еще незнакомаго съ настоящею поземельною собственностью. Описывая образъ жизни свободныхъ германцевъ, Тацитъ говоритъ, что они стыдились добывать потомъ то, что можно было приобрести кровью, и возлагали полевые работы на женщинъ и рабовъ. Главнымъ занятіемъ германца была война. Въ мирное время онъ ходилъ на охоту или предавался праздности *). Какъ-же согласить съ этими показаніями великаго римскаго историка описаніе земле

*) *Pigrum quin immo et iners videtur sudore acquirere quod possit sanguine parare.* Germ. 14. Quotiens bella non ineunt, multum venatibus plus per otium transigunt dediti somno ciboque—delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia. c. 15. Ср. Цезаря de B. G. VI, 24.

цѣльческой общины, обличающей своимъ устройствомъ и господствующими въ ней правами высокую степень гражданскаго развитія, на которой римляне нашли германцевъ? Но Мезеръ, Эйхгорнъ, и по ихъ слѣдамъ другіе толкуютъ извѣстія Цезаря и Тацита сообразно съ требованіями собственной системы. Они относятъ все сказанное завоевателемъ Галліи о германцахъ къ однимъ суевамъ, которые подъ начальствомъ Аріовиста перешли на лѣвый берегъ Рейна и юпились тамъ съ римскими легіонами; слѣдовательно, говорятъ нѣмецкіе ученые, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, изъ всѣхъ германцевъ одни суевы находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Цезаремъ; прочія-же, жившія за Рейномъ, племена ему были извѣстны только по слухамъ. Ошибочныя извѣстія, вкравшіяся въ записки о галльской войнѣ, перешли къ позднѣйшимъ писателямъ, между прочимъ и къ Тациту, который въ 26-й главѣ своего сочиненія о германцахъ повторилъ, не повѣривъ ихъ надлежащимъ образомъ, слова Цезаря, принявшаго учрежденія отдѣльнаго племени за характеристическое отличіе цѣлаго народа. Онъ вѣрно описалъ быть дружинный, но не имѣлъ понятія объ общинѣ. Нетрудно замѣтить, сколько произвольно натянутого въ такомъ толкованіи, отвергающемъ *оба главныя изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ* о земледѣліи у древнихъ германцевъ. Цезарь принадлежитъ къ числу самыхъ положительныхъ, можно сказать, математически точныхъ писателей древности. Описанія его кратки, но всегда содержатъ въ себѣ все существенное о данномъ предметѣ. Зарейнскіе германцы были ему извѣстны не по однимъ слухамъ, потому что онъ лично былъ за великою рѣкою, воевалъ съ сѣверными германцами и, сверхъ того, могъ въ самой Галліи собрать подробныя свѣдѣнія объ обычаяхъ народа, тѣсная связь котораго съ галльскими белгами не подлежитъ сомнѣнію. Можно-ли предположить со стороны этого геніальнаго и любознательнаго ума грубое невѣжество или непростительное равнодушіе къ вопросу о политическомъ и гражданскомъ бытѣ племенъ, съ которыми судьба уже не разъ сводила римлянъ, и которыя, вслѣдствіе новыхъ завоеваній республики, сдѣлались ея ближайшими и опаснѣйшими сосѣдями въ Европѣ. Еще съ меньшимъ правомъ заподозрѣна достовѣрность Тацитова показанія. Знаменитый историкъ жилъ около 150 лѣтъ послѣ Цезаря. Въ теченіи этого времени римляне почти не переставали воевать съ германцами и узнали ихъ короче. Тациту могли служить источниками: изустные рассказы римскихъ воиновъ, которые не только участвовали въ за-

рейнскихъ походахъ, но бывали въ плѣну у германцевъ и своими глазами видѣли образъ жизни варовыхъ побѣдителей; рассказы многочисленныхъ германцевъ, находившихся въ имперской службѣ; наконецъ, сочиненія, въ родѣ потерянной исторіи германскихъ войнъ, написанной Плиніемъ старшимъ, который, кромѣ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ событій, вѣроятно имѣлъ подъ руками другіе письменные матеріалы. Нельзя-же допустить, что Тацитъ, осматрительности и добросовѣстности котораго отдають полную справедливость всѣ изслѣдователи нѣмецкой старины, разобравшіе каждую строку его Германіи, списалъ буквально извѣстія Цезаря о поземельной собственности у германцевъ и не далъ себѣ труда глубже вникнуть въ дѣло, котораго важность не могла однако ускользнуть отъ него. Нужно-ли говорить здѣсь о покушеніяхъ насильственно измѣнить ясный смыслъ тацитовыхъ словъ и вложить въ нихъ прямое противорѣчіе Цезарю? *) Многіе объясняютъ ежегодную мѣну полей системою плодоперемѣннаго хозяйства **).

Изъ всего вышесказаннаго выходитъ, что мы по необходимости должны ограничиться относительно времени, предшествующаго переселенію народовъ, извѣстіями, которыя находятся у Цезаря и у Тацита, и принять ихъ въ ближайшемъ, буквальный смыслѣ, не прибѣгая къ искусственнымъ, болѣе или менѣе произвольнымъ и затемняющимъ сущность дѣла объясненіямъ.

Ни у того, ни у другаго изъ этихъ писателей не упоминается о маркѣ, составляющей, по мнѣнію Эйхгорна и его школы, краеугольный камень древне-германскаго политическаго и земскаго устройства. Слово марка имѣетъ нѣсколько значеній ***). Собственно оно означаетъ границу, *limes*. Но сверхъ того, подъ нимъ разумѣются: а) служащіе границею, находящіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга ****); б) совокупность земель; принадлежащихъ общинѣ, и, наконецъ, в)

*) Waitz. I. 23.

**) Eichhorn I. § 14. Landau, die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwicklung. 1854. Стр. 52—63. Въ книгѣ Ландау собрано все, что можно сказать о существованіи трехпольнаго хозяйства у германцевъ. Но доводы его не убѣдительны. Онъ заключаетъ отъ позднѣйшаго къ предыдущему.

***) Наша древняя *вервь* представляетъ нѣчто соотвѣтствующее германской маркѣ.

****) Обыкновенно границею марки былъ лѣсъ. Яковъ Гриммъ (*Deutsche Rechtsalterthümer*, Berl. 1844) полагаетъ, что марка означала первоначально просто лѣсъ. Рубежъ или граница есть позднѣйшее, производное значеніе. На исландскомъ языкѣ *Mörk* значитъ лѣсъ, а *Mark*—рубежъ.

самая община, которой члены называются потому *commarchani*. Занятый исключительно мыслью о родовомъ бытѣ и опираясь на молчаніе римскихъ памятниковъ, Зибель, безъ всякой надобности, относитъ марку къ позднѣйшимъ временамъ *). Допуская вполне достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ намъ Цезаремъ и Тацитомъ, мы, однако, не въ правѣ отрицать все то, о чемъ не говорятъ эти писатели. Мезеръ и Эйхгорнъ не безъ основательныхъ причинъ принимаютъ глубокую древность марки и причисляютъ ее къ кореннымъ германскимъ учрежденіямъ; но ихъ взглядъ на самую марку невѣренъ, потому что они не хотятъ признать перемѣлъ, которыя произошли въ ея внутреннемъ устройствѣ со временъ Цезаря до того времени, когда она предстаетъ намъ въ полномъ историческомъ свѣтѣ. Мы привели уже Эйхгорново опредѣленіе марки. Это первоначальная германская община, члены которой, или *commarchani*, суть простые сосѣди, соединенные землею, на которой они вмѣстѣ живутъ, и отъ нея заимствующіе свое гражданское значеніе. Только тотъ настоящій, полноправный членъ общества, у кого есть своя собственная земля. Юридическія отношенія полноправныхъ жителей марки основаны на договорѣ: ибо ихъ нельзя ни откуда вывести, кромѣ предварительнаго соглашенія участниковъ. Имѣли-ли Эйхгорнъ и его послѣдователи въ виду такой договоръ, очевидно противорѣчащій господствующему между германистами воззрѣнію на государство, мы не знаемъ, но обойтись безъ него имъ невозможно. Ихъ марка есть не органическій начатокъ гражданского развитія, а искусственное произведение челоѳической воли. Sie ist nicht naturwüchsig, по нѣмецкому выраженію.

Предъ авторитетомъ славныхъ именъ Мёзера, Эйхгорна и примыкающаго къ нимъ Я. Гримма (*Deutsche Rechtshüter*, стр. 405 и слѣд.) умолкли на время прямые свѣдѣтельства источниковъ. А, между тѣмъ, многіе изъ новыхъ изслѣдователей живо чувствовали недостаточность господствующаго понятія о маркѣ. Примѣромъ можетъ служить Кембль, авторъ превосходнаго сочиненія объ англо-саксахъ **). Кембль обладаетъ высокими учеными достоинствами. Съ обширными историческими и филологическими знаніями у

*) Надобно, впрочемъ, сказать, что самъ Эйхгорнъ въ 5-мъ изданіи (стр. 57) своего сочиненія счелъ нужнымъ оговориться и нѣсколько ограничить значеніе, какое онъ прежде давалъ маркѣ. Вайцъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, полагающее ее въ основаніе политическаго устройства у германцевъ. I. 31.

**) Kemble. *The Saxons in England*. London, 1849. 2 т

него соединяется глубокое и живое пониманіе германской древности. Тѣмъ не менѣе, онъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, хотя съ другой стороны это противорѣчіе показываетъ его вѣрный историческій смыслъ. Принимая, по примѣру Мёзера, и Эйхгорна, марку за основу общественнаго устройства у германцевъ, Кембль (стр. 54) называетъ ее „добровольнымъ союзомъ свободныхъ людей“. Такой добровольный союзъ предполагаетъ, какъ мы уже замѣтили, предварительное соглашеніе, договоръ, нѣчто въ родѣ *contrat social*. Но на предыдущихъ и слѣдующихъ страницахъ той-же книги мы находимъ совсѣмъ другое. „Марка содержитъ въ себѣ совокупность земель, принадлежащихъ коренной (*original*) *cognatio*, роду или колѣну (стр. 43)“ Далѣе (на стр. 56) эта мысль высказана еще яснѣе и обстоятельнѣе: „Марка представляется мнѣ большимъ союзомъ или соединеніемъ семействъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ богатства, значенія и вліянія: нѣкоторыя изъ этихъ семействъ ведутъ свое происхожденіе прямо отъ общаго родоначальника или отъ племеннаго героя; родство другихъ сомнительнѣе, потому что тѣмъ болѣе растетъ населеніе и увеличивается число родичей, тѣмъ далѣе отходятъ они отъ общаго корня; сверхъ того, можно вступить въ общину посредствомъ брака, усыновленія, даже чрезъ отпущеніе на волю; но всѣ члены признаютъ соединяющую ихъ связь братства, родства или *sibsceaft* *). Всѣ они составляютъ одну единицу относительно другихъ, такихъ-же общинъ“. Здѣсь дѣло идетъ не просто о сосѣдяхъ, а о родичахъ, т. е. о родовомъ бытѣ, при которомъ марка получаетъ иное значеніе. Къ сожалѣнію, Кембль не пошелъ далѣе: у него не достало мужества отказаться отъ вѣры въ существованіе поземельной собственности и цвѣтущаго земледѣлія у древнихъ англо-саксовъ. Можно подумать, что онъ, подобно большей части нѣмецкихъ ученыхъ, рассматриваетъ этотъ вопросъ не столько съ научной, сколько съ національной точки зрѣнія. Иначе трудно понять его нерѣшимость: опровергая главные изъ отдѣльныхъ положеній старой системы, онъ остается ей вѣренъ въ цѣломъ.

Шаткія опоры, поддерживающія зданіе, воздвигнутое нѣмецкимъ патріотизмомъ, ищущимъ въ прошедшемъ оправданія своимъ настоящимъ притязаніямъ, съ каждымъ днемъ оказываются несостоятельнѣе. Теперь трудно доказать, что

*) Замѣтимъ что *sippe*, родство и родня, означаетъ также миръ. Въ англо-саксонскомъ переводѣ Евангелія слово миръ передано чрезъ *sybbe*.

германцы были изобрѣтателями земледѣлія въ сѣверной и средней Европѣ, что довели они его до высокой степени и передали потомъ славянамъ. Еще недавно, въ числѣ немногихъ и весьма неубѣдительныхъ доводовъ въ пользу этого мнѣнія, находилось распространеніе германскаго плуга и его названія между славянскими племенами. Однако, Яковъ. Гриммъ сомнѣвается въ германскомъ происхожденіи слова плугъ, котораго онъ не нашелъ вовсе въ древнѣйшихъ памятникахъ (готскихъ), гдѣ оно замѣнено другими, совсѣмъ не похожими на него словами: *Hoha* и *Sulh* (*Deutsche Grammatik*, III, 114). *Leo* (*Malberg. Glosse*) идетъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что германцы заимствовали и орудія, и выраженія, относящіеся къ земледѣлію, у кельтовъ.

Слова Цезаря: *gentibus cognationibusque hominum qui una coierint*—указываютъ намъ на составъ населенія первоначальной германской общины или марки. Семьи и цѣлые роды живутъ вмѣстѣ. Только родичъ, членъ рода, есть настоящий членъ общины. Противники родового быта, утверждающіе, что только обладаніе землею сообщало германцу значеніе полноправнаго члена марки, напрасно ссылаются на Тацита. Изъ его словъ трудно вывести такое заключеніе. У него сказано прямо, что до совершеннолѣтія или торжественнаго принятія оружія, юноши составляютъ часть отцовскаго дома, потомъ часть общины, т. е. становятся ея членами. *Ante hoc* (до совершеннолѣтія) *domus pars videntur, mox reipublicae*. *Germ.* с. 13. Черезъ четыреста лѣтъ послѣ Тацита, готы еще держались этого правила; юноша, способный носить оружіе, пользовался у нихъ полными правами свободнаго человѣка или гражданина: *Sic juvenes nostri qui ad exercitum probantur idonei indignum est ut ad vitam suam disponendam dicantur infirmi, et putentur domum suam non regere, qui creduntur bello posse tractare*. *Gothis aetatem legitimum virtus facit, et qui valet hostem confodere, ad omni se jam debet tuitione vindicare*. *Cassiodori Var.* 1, 38. Вообще, мы желали-бы встрѣтить хотя одно положительное свидѣтельство источниковъ въ пользу поземельной собственности и ея вліянія на общественное значеніе лица у древнихъ германцевъ. На это можно сказать, что у дошедшихъ къ намъ римскихъ писателей и въ другихъ памятникахъ очень мало данныхъ относительно родового быта у германцевъ. Конечно, такихъ данныхъ мало, но онѣ существуютъ и притомъ въ количествѣ, достаточномъ для совершеннаго оправданія опирающейся на нихъ системы, хотя эта система, независимо отъ частныхъ историческихъ фактовъ, истекаетъ.

изъ общихъ законовъ, которымъ подчинено въ развитіи своемъ всякое гражданское общество. Родовой бытъ не только стоитъ въ началѣ такого развитія, но дѣйствуетъ на него впослѣдствіи и отражается въ учрежденіяхъ позднѣйшаго, чисто государственнаго порядка.

Приведемъ, однако, главныя изъ касающихся нашего предмета свидѣтельствъ.

Сверхъ приведенныхъ выше словъ Цезаря о родахъ и семьяхъ вмѣстѣ живущихъ, онъ говоритъ, что дружины Аріовиста, располагаясь въ боевомъ порядкѣ, становились родъ къ роду, по родамъ. *Germani suas copias eduxerunt, generatimque constituerunt...* De B. G. I. 51. Тоже самое, но еще опредѣлительнѣе и яснѣе, показываетъ Тацитъ. „Идя въ битву, германцы строились клиномъ, причемъ соблюдался извѣстный порядокъ: у каждаго рода и у каждой семьи было свое опредѣленное мѣсто. *Non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates.* Germ. 7. У лонгобардовъ, по словамъ Павла Діакона, *fara* означало часть дружины и въ то-же время родъ. II. 9. Подтвержденіе этому находимъ въ лонгобардскихъ словаряхъ, гдѣ *fara*=*genealogia, generatio, parentella* *). Законъ аллемановъ упоминаетъ о спорахъ, возникающихъ между родами: *Si qua contentio orta fuerit inter duas genealogias de termino terrae eorum.* Tit. 84. Законъ вестъ-готовъ не различаетъ соѣдства отъ родства и соединяетъ ихъ подъ одни опредѣленія: *nec pater pro filio, nec filius pro patre, nec uxor pro marito, nec maritus pro uxore, nec frater pro fratre, nec vicinus pro vicino, nec propinquus pro propinquo ullam calumniam pertimescat.* (VI. 1. 8.).

Собранныя здѣсь свидѣтельства принадлежатъ нѣсколькимъ столѣтіямъ и доказываютъ не только существованіе родовыхъ формъ, но даже ихъ положительное вліяніе на жизнь германскаго народа какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Но запасъ нашъ еще не истощенъ. Германскія нарѣчія сохранили неизгладимые слѣды давно умершаго порядка вещей. Вотъ нѣсколько сюда принадлежащихъ словъ:

Въ древнихъ рукописныхъ саксонскихъ словаряхъ латинское *fratrueles* переведено: *gelondan*, что собственно значить: люди, живущіе вмѣстѣ, на одной землѣ *). Это Цезаревы *gentes cognationesque qui una coierint*, родичи=со-

*) Waitz. I. 221.

**) Kemble. The Saxons in England, I. 56, 89.

сѣди. У тѣхъ-же англо-саксовъ слово *maeghte* употребляется въ двоякомъ значеніи: родственниковъ или родичей и земли завоеванной и заселенной членами одного рода *). Укажемъ также на тѣсно связанныя между собою слова: *Adel* (*Adal* и *Odal* (*Uodal*)). Первое означаетъ родъ, второе—владѣнія рода **). Другія выраженія, характеризующія самый составъ родовыхъ общинъ и слагающагося изъ нихъ государства, будутъ приведены ниже.

Изъ сказаннаго доселѣ мы позволимъ себѣ вывести слѣдующія заключенія объ образѣ жизни и бытѣ древнихъ германцевъ.

Древне-германская община есть ничто иное, какъ родъ. Члены рода живутъ сосѣдями въ деревняхъ, или отдѣльными дворами на общей землѣ, маркѣ, обнесенной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною границею ***). Это граница рода: на нее положено заклѣтіе. Ее охраняютъ языческіе боги (являющіеся демонами послѣ введенія христіанства) и безчеловѣчно жестокія постановленія исключительно родовой общины ****). Смерть ожидаетъ инородца, самовольно переступающаго завѣтный рубежъ. Земля марки окружена гибелью, по словамъ древней, приведенной Кемблемъ пѣсни *****). Все, лежащее въ предѣлахъ марки, принадлежитъ роду. Почва дѣлилась на двѣ части; одна содержала въ себѣ усадьбы и пашни, въ которыхъ родичи должны были ежегодно мѣняться участками; въ другой заключались общіе выгоны, луга и лѣса. Въ первой половинѣ могъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, совершиться постепенный переходъ къ полной частной собственности; вторая несравненно долѣе носила характеръ общаго владѣнія. Слѣды этого быта сохранились особенно долго на Скандинавскомъ полуостровѣ и до сихъ поръ еще не совершенно изгладились въ Германіи, несмотря на длинный рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, когда Цезарь и Тацитъ записали извѣстія, собранныя ими о германцахъ. Сказанное ими объ отсутствіи поземельной собственности у германцевъ отнюдь не противорѣчитъ перво-

*) Lappenberg. Geschichte von England, I. 583.

**) Waitz, I. 66.

***) Это зависѣло отъ мѣстности. Понятно, что когда Германія была покрыта густыми лѣсами, и по словамъ нѣмецкой поговорки „бѣлка бѣгала по семи миль, прыгая съ дерева на дерево“, т. е. не спускаясь на землю, жилия мѣста находились на полянахъ, окруженныхъ лѣсомъ.

****) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, 518—20.

*****) The Saxons, I. 47.

начальному, чисто родовому устройству марки, но даже можетъ служить къ объясненію ея позднѣйшей формы, которая описана Эйхгорномъ, и гдѣ частная собственность отдѣльныхъ членовъ общины, образовавшаяся изъ участковъ, прежде переходившихъ изъ рукъ въ руки, существуетъ рядомъ съ общимъ владѣніемъ лугами и лѣсомъ. На вопросъ о возможности такого порядка вещей, о какомъ намъ говорятъ Цезарь и Тацитъ, можно отвѣчать многочисленными аналогіями, заимствованными изъ быта другихъ народовъ. Не считаемъ нужнымъ указывать на всѣмъ извѣстные, представляющіе большое сходство съ германскими, обычаи славянскихъ племенъ. Оранскій арабъ считаетъ своею собственностью только сѣмена, употребленныя имъ на посѣвъ, а не самую пашню. Въ Ягирскомъ округѣ, Мадраасской области, землевладѣльцы ежегодно мѣняются землями; афганскія племена подвергаются новому раздѣлу земель даже по истеченіи десятилѣтняго срока владѣнія. Страбонъ и Діодоръ упоминаютъ о подобномъ обычаѣ, существовавшемъ у нѣкоторыхъ племенъ Иллиріи и Пиринейскаго полуострова *). Цейссъ весьма вѣрно характеризуетъ древне-германскій бытъ словами: прочной опредѣленной собственности еще нѣтъ. Человѣкъ еще не привязался къ почвѣ, которая находится въ общемъ владѣніи. Пищу ему доставляютъ домашній скотъ и охота. Земледѣліе снабжаетъ только необходимѣйшими средствами существованія; война составляетъ любимое занятіе. Но эту подвижную, непостоянную жизнь нельзя, однако, назвать кочевой. Она занимаетъ средину между земледѣльческою и кочевой. У подобныхъ народовъ есть родина и жилища, но они легко ихъ покидаютъ ради новыхъ странъ **). Не собственность, а происхожденіе, принадлежность къ роду опредѣляли значеніе лица въ такой общинѣ. Иностранцу не было въ ней мѣста. Но родовыя сязи заключались не въ одномъ кровномъ родствѣ: родъ увеличивался не чрезъ рожденіе только. Въ составъ его можно было вступить извнѣ, посредствомъ усыновленія или брака. Вообще, женщины служили часто посредницами и примирительницами родовъ, смягчая ихъ начальную исключительность. Англо-саксонская поэзія недаромъ называетъ женщину *freodowebbe*, ткущую миръ. Этотъ превосходный эпитетъ показываетъ ея значеніе въ основанномъ на родовыхъ отношеніяхъ обществѣ. Пріобщен-

*) Примѣры эти собраны у Кембля. 1, 39.

**) Zeiss. Die Deutschen und die Nachbarstämme, 52 и 53 стр.

ный посредствомъ брака или другимъ образомъ къ чуждой дотолѣ общинѣ, инородецъ становился ея родичемъ, потомкомъ ея родоначальника. Вымышленное, искусственное родство заступало мѣсто кровнаго. Исторія древней Греціи и Рима представляетъ множество аналогическихъ явленій *), дающихъ намъ возможность вполне понять переходъ отъ естественнаго, основаннаго на единствѣ крови, рода къ искусственному, который обыкновенно является уже частью государства. Такимъ полукочевымъ бытомъ германскихъ народовъ можно объяснить ихъ блужданія съ мѣста на мѣсто, постоянную тревогу, въ которой они находятся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ перваго ихъ появленія въ исторіи, т. е. нашествія кимбровъ и тевтоновъ. Родина германца заключалась не въ данной мѣстности, а въ родѣ его. Она была подвижная; не мѣстность сообщала названіе роду, поселившемуся въ ней на болѣе или менѣе долгій срокъ и обратившему ее въ свою временную марку, а, наоборотъ, имя рода переносилось съ одного конца Германіи на другой. Имена урочищъ могутъ служить полезнымъ, хотя въ большей части случаевъ недостаточнымъ, пособіемъ для изученія германскихъ переселеній. Эта путеводная нить часто рвется въ рукахъ изслѣдователя, и нѣтъ никакой возможности связать порванные концы. „Мы не должны удивляться, говоритъ Кемблѣ: встрѣчая среди такого безостановочнаго, обширнаго и общаго движенія, каковы были переселенія нашихъ предковъ, родовыя имена Германіи, Норвегіи, Швеціи и Даніи на нашихъ (т. е. англійскихъ) берегахъ. Не только небольшое число странниковъ, носившихъ знаменитое родовое имя, но одинъ человекъ могъ собрать вокругъ себя толпу товарищей, охотно соединявшихся подъ прославленное героическими преданіями имя рода (т. е. образовать искусственный родъ). Такимъ образомъ, Гарлинги и Вельзинги, имена, тѣсно связанныя съ великимъ эпосомъ германскихъ и скандинавскихъ народовъ, повторяются во многихъ мѣстахъ Англіи“ **). Ученый историкъ англо-саксовъ полагаетъ, что большая часть мѣстныхъ названій произошла отъ родовыхъ, и потому приложилъ въ концѣ 1-го тома своей книги цѣлый списокъ такихъ названій.—Когда улеглось великое движеніе народовъ, и германцамъ закрылась прежняя возможность переселеній на югъ или западъ, ихъ связь съ

*) См. Niebuhr. Röm. Geschichte 1, 345 и слѣд. Fr. Hermann. Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer, §§ 5, 99, 101.

**) The Saxons, 1. 58.

родною почвою стала крѣпче. Значеніе марки измѣнилось. Она перестала быть мѣстомъ только временнаго пребыванія рода. Прикованный къ отцовской почвѣ германецъ требовалъ болѣе прочныхъ и опредѣленныхъ отношеній собственности. Ежегодный обмѣнъ пашень находился въ очевидномъ противорѣчьи съ выгодами и цѣлями отдѣльныхъ владѣльцевъ. Въ томъ-же направленіи дѣйствовали римскія вліянія и христіанство, которое, усиливая значеніе семейства, тѣмъ самымъ ослабляло родовое начало. Сказать, когда и какъ именно совершилась перемѣна у cadaго германскаго народа порознь, нельзя, по недостатку источниковъ, но можно догадываться, что мѣсто ежегодныхъ раздѣловъ заступили болѣе продолжительные сроки владѣнія, вытѣсненные въ свою очередь наслѣдственностью участковъ. Между помянутыми, принадлежащими этой переходной эпохѣ, особенно важенъ для насъ эдиктъ франкскаго короля Хильпериха, изданный въ 574 году: а) *Placuit atque convenit, ut si quis vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitutus fuerit, quamdiu filii aduxerint, terra habeant sicut et lex salica habet.* б) *Et si subito filios defuncti fuerint, filia simili modo terras accipiat istas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitutus fuerit terras accipiant, non vicini.* (Pertz Monumenta, IV, 10). Этотъ законъ отмѣняетъ прежній порядокъ наслѣдства, предоставляя ближайшимъ родственникамъ, т. е. дѣтямъ умершаго право наслѣдовать предпочтительно предъ сосѣдями, т. е. родичами. Семейство выдѣляется изъ рода *).

Мы сказали выше, что слѣды первоначальной, т. е. родовой марки долго существовали въ Скандинавіи и еще не совершенно исчезли въ Германіи. Въ XI столѣтіи сельское устройство въ Даніи было еще основано на началѣ общаго владѣнія. Мы постараемся изложить главныя черты этого устройства. Каждое селеніе или деревня состояла изъ *тофтовъ*, расположенныхъ вдоль двухъ крестообразно пересѣ-

*) Sybel. Entstehung des deutschen Königthums, стр. 25 — 27. Эдиктъ Хильпериха содержитъ въ себѣ неоспоримыя доказательства въ пользу родоваго быта. Доказательства эти тѣмъ убѣдительнѣе, что самый памятникъ возникъ на римской почвѣ. Видно, что Вайцъ не знаетъ, какъ примирить такое рѣшительное свидѣтельство съ собственною теоріею. Waitz. Das alte Recht der Salischen Franken, стр. 130. Мы не привели нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, на которыя ссылается Зибель, напр. франкскій законъ *de chripescuda*, потому что смыслъ его намъ не ясенъ и едва ли можетъ безъ натяжки служить подтвержденіемъ Зибелевой системы. Тоже самое скажемъ и о замѣчательной статьѣ „*Si de parentilla*“. Здѣсь трудно рѣшить, о чемъ идетъ рѣчь, о семьѣ или о родѣ.

кавшихся улицъ. Подъ именемъ тофта разумѣлись: домъ, хозяйственный строеніе, дворъ и садъ поселянина, обнесенные тыномъ или другою оградой. Улицы и перекрестокъ посрединѣ селенія находились въ общемъ владѣніи и не могли быть застроены или заняты другимъ образомъ. Принадлежавшія такой общинѣ пашенныя земли были разбиты на нѣсколько клиновъ. Всякій клинъ (*Kamp*) былъ тщательно измѣренъ веревкою, и въ немъ выдѣлены участки всѣмъ владѣльцамъ тофтовъ. Участки эти были иногда крайне малы, но отъ правила нельзя было отступить, и большманъ (землевладѣлецъ или жилецъ, отъ *boel*, *bool* — жилище) имѣлъ клочекъ земли въ каждомъ клинѣ. Когда деревня не представляла болѣе достаточнаго простора своимъ жителямъ, и въ ней нельзя было устроить новыхъ тофтовъ, избытокъ населенія (по всей вѣроятности младшіе сыновья большмановъ) уходилъ изъ деревни и строилъ себѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, новыя жилища. Такой выселокъ назывался *торъ* и находился въ зависимости отъ аделъби (*Adelbye*) или старой общины. Родовая связь между ними была такъ крѣпка, что послѣдній, оставшійся въ живыхъ большманъ стараго селенія могъ, въ теченіе трехлѣтняго срока, принудить переселенцевъ къ возврату на прежнія мѣста *) Въ изложенномъ нами устройствѣ датскаго селенія уже нѣтъ ежегодныхъ раздѣловъ земли, но всѣ послѣдствія этого древнѣйшаго обычая сохранились. Стѣснительныя опредѣленія родовой собственности еще не изгладились. Каждый клинъ или *Kamp* обведенъ межею, но между отдѣльными участками нѣтъ рубежей. Датское правительство рано вступило въ борьбу съ этимъ порядкомъ вещей: оно предоставило большману право обмѣна земли съ сосѣдями, вслѣдствіе чего онъ получилъ возможность собрать въ одно цѣлое свои разбросанные въ нѣсколькихъ клинахъ участки. Кромѣ того, ему разрѣшено было приобрѣтать земли за предѣлами общиннаго владѣнія. Такая собственность называлась *ornit* и ставила своего владѣльца въ положеніе, совершенно отличное отъ того, какое онъ занималъ въ родномъ селеніи. Онъ выходилъ изъ-подъ опеки родовой общины и дѣлался полнымъ хозяиномъ, собственникомъ въ настоящемъ значеніи слова. Еще большее подтвержденіе Це-

*) *Dahmann. Geschichte von Dänemark*, T. I. стр. 133—37. Къ сожалѣнію, у меня не было превосходной статьи Гансена (*Hanssen. Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit*, у Фалка, *Neues Staatsb. Magazin*, T. III et VI), которою пользовался Дальманъ и почти всѣ новѣйшіе наследователи германской и скандинавской древности.

заревыхъ и Тацитовыхъ извѣстій находимъ мы въ самой Германіи. Въ прошедшемъ столѣтіи крестьяне Фрикгофской общины (Frickhofen), въ Нассаускомъ герцогствѣ, ежегодно дѣлили по жребію принадлежавшія ихъ общинѣ земли. На Гундсрюкенѣ подобный обычай сохранился до сихъ поръ: тамъ въ округахъ Мерцигъ, Отвейлеръ и Саарлуи есть общины, въ которыхъ земля переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, въ опредѣленные сроки отъ 3-хъ до 18 лѣтъ. Она не составляетъ частной собственности и принадлежитъ селенію или общинѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Въ рейнской Баваріи встрѣчаемъ такія-же явленія *) Наконецъ, не далѣе какъ въ 1805 году, крестьяне селенія Трантовъ, что на рѣкѣ Пенѣ, въ сѣверной Германіи, еще смотрѣли на землю, какъ на общую собственность и ежегодно дѣлили ее между собою. Въ раздѣлѣ участвовалъ также пасторъ селенія **). Очевидно, это слѣды родового владѣнія.

Не смотря на многочисленныя, изъ историческихъ памятниковъ и языка заимствованныя данныя, свидѣтельствующія о преобладаніи родовыхъ формъ у германцевъ долгое время послѣ ихъ вступленія въ исторію, мы считаемъ, однако, невозможнымъ полное и подробное изображеніе этихъ формъ. Попытку, сдѣланную Зибелемъ, нельзя назвать удачною, хотя отдѣльныя части его изслѣдованія заслуживаютъ большаго вниманія и обнаруживаютъ значительный критическій талантъ. Едва-ли найдемъ у кого другого болѣе вѣрное и отчетливое опредѣленіе родового государства. Зибель находитъ совершенно безплоднымъ споръ, когда-то поднятый о различіи рода естественнаго отъ искусственнаго, ибо эти формы равно часто встрѣчаются намъ въ исторіи и основаны на одномъ и томъ-же началѣ. Главное здѣсь состоитъ въ правильномъ пониманіи рода вообще и въ умѣнны отличить значеніе родового старшины отъ власти отца семейства.

Въ такомъ смѣшеніи заключается основной недостатокъ книги, впрочемъ превосходной, въ которой впервые и притомъ непревзойденнымъ до сихъ поръ образомъ сближены для взаимнаго уясненія древности славянскаго и германскаго права. Эверсъ (Das aelteste Recht der Russen) начинается вездѣ съ отца семейства, у котораго рождаются сыновья и внуки и, такимъ образомъ расширяютъ домашній кругъ;

*) Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung. München, 1854. стр. 6.

**) Статья: Ueber die Feldordnung und den Ackerbau der alten Germanen. въ Историческомъ журналѣ Шмита. 1845 г. III, 253.

но онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или внѣ государства основано на нравственномъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственные, а не юридическія отношенія. Государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, тѣмъ болѣе что послѣдняя является вполне только въ государствахъ, отъ котораго, она получаетъ нужныя для ея внѣшняго существованія юридическія опредѣленія. Семейство превращается въ государство не вслѣдствіе увеличивающагося числа членовъ, а чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ, сознательную или безсознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовью, но еще гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагается въ родѣ (*gens*), и потому мы можемъ назвать его прямо государствомъ; мы знаемъ, что родовая связь часто основана на вымыслѣ, но родовыя отношенія чрезъ это нисколько не слабѣютъ. Такъ какъ внутреннее начало этого союза есть нѣчто духовное, относящееся къ области воли и договора, то оно также можетъ быть выражено настоящими родственниками, какъ и посторонними, дѣйствующими въ духѣ родства. Вотъ, въ чемъ заключается различіе между родовымъ государствомъ и всѣми другими гражданскими союзами. Но не должно думать, что этотъ вымыселъ возникъ изъ потребности сообщить союзу благозвучное имя, торжественное богослуженіе или неопредѣленное чувство единства: напротивъ, онъ долженъ служить руководительною нитью во всѣхъ отношеніяхъ новаго государства, которое свято чтитъ образецъ свой и не отступаетъ отъ него. Существенный признакъ и законъ родового государства состоитъ въ томъ, что всѣ его гражданскія учрежденія облечены въ формы семейства; отсюда заимствуетъ оно свой характеръ даже тамъ, гдѣ родовые и мѣстные союзы внѣшнимъ образомъ совпадаютъ между собою. Это первый шагъ, означающій въ естественномъ развитіи народовъ пробужденіе политическаго сознанія. Народъ ищетъ соответствующихъ его потребностямъ формъ, и ему прежде всего представляется та, въ которой замкнута была его доисторическая жизнь,—форма семейства. На нее опираются общества, находящіеся въ дѣтскомъ возрастѣ; изобиліе мифовъ, возникающихъ именно на этой почвѣ, очень понятно. Можно сказать, что основная мысль такой системы, принимающей государство за семейство, содержитъ въ себѣ мифическую истину, поэтически прекрасный и глубокий смыслъ; но тѣмъ очевиднѣе становится, по достиженіи высшей ступени, ограниченность этой системы и ея неудовлетворительность для

разума. Итакъ, сравненіе государства съ семействомъ можетъ быть вѣрно, но понятіе, выводящее государство изъ семейства, какъ естественнаго основанія, ложно. Всѣ отношенія, истекающія изъ такого чувства, должны исчезнуть и сокрушиться при первомъ столкновении съ развитымъ чисто гражданскимъ порядкомъ вещей, т. е. съ настоящимъ государствомъ *).

Соединеніе нѣсколькихъ родовъ составляетъ высшее политическое единство сотни **) или гау ***). Начальниками какъ отдѣльныхъ родовъ, такъ и высшихъ, изъ ихъ соединенія образовавшихся союзовъ были *старшины*. Здѣсь возникаетъ вопросъ о происхожденіи и объемѣ власти этихъ старшинъ и объ отношеніи ихъ къ древне-германскому дворянству, той *nobilitas*, о которой говоритъ Тацитъ, не оставившій, къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этомъ словѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что древніе германцы обыкновенно соединяли понятіе о власти съ понятіемъ старшинства. Англо-саксонское *Ealdordom* равно означаетъ отношенія короля къ подданнымъ, вождя дружины къ его воинамъ, мужа къ женѣ ****). Беда, въ церковной исторіи англо-саксовъ, говоритъ, что у саксовъ не было куниговъ или королей, *sed satrapas plurimos suae genti praepositos*. Въ саксонскомъ переводѣ этого сочиненія Альфредомъ Великимъ слово *satrapae* передано чрезъ *ealdormen*. Эти-же саксонскіе *satrapa* называются иногда *majores natu* (*annales Petaviani*). У франковъ выраженіе *senior* и *major natu* означаетъ вообще челоѣка, занимающаго высокое положеніе въ государствѣ. Старшины племени узипетовъ называются у Цезаря *majores natu*. У фризовъ *aldirman* есть судья; *atha* (отцы см. фризскій словарь Рихтгофена) начальники вообще. Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно, хотя ихъ можно было-бы привести гораздо болѣе. Такое соединеніе понятій власти и физическаго старшинства не можетъ быть случайнымъ. Оно указываетъ на родовое устройство, въ которомъ власть находится въ рукахъ старѣйшинъ. Но кто-же были эти старѣйшины?

*) Entstehung des d. Königsthum, 17.

**) Зибель принимаетъ сотню за первоначальное соединеніе нѣсколькихъ родовъ, отвлекая отъ ея числительнаго значенія. Сотня, слѣд., не есть округъ, какимъ она является впоследствии (франкская *centena*, и т. д.), а союзъ.

***) Округъ. Eichhorn, § 14, n. a. Grimm. R. A. 496.

****) Sybel, 43.

Цезарь нѣсколько разъ упоминаетъ о нихъ, употребляя выраженіе *magistratus* и *principes*. *Magistratus ac principes* завѣдуютъ ежегоднымъ раздѣломъ полей. B. G. VI. 22. *In pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum et pagorum inter suos jus dicunt, contraversiasque minuunt... quum bellum civitas aut inlatum defendit aut infert, magistratus qui eo bello praesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur.* VI. 23. Надобно, слѣдовательно, отличать три рода властей: *principes regionum* и *principes pagorum* въ мирное время и *magistratus*, избираемые для войны съ несравненно бѣльшими правами. Споръ о значеніи округовъ, которые Цезарь разумѣлъ подъ словами *pagus* и *regio*, удовлетворительно рѣшается параллельнымъ мѣстомъ у Тацита: *principes qui jura per pagos vicosque reddunt.* Cerm. 13. *Vicus* соотвѣтствуетъ отдѣльной общинѣ, роду. *Regio* въ такомъ случаѣ есть округъ, занимаемый родомъ или общиною, марка; *pagus* обыкновенно = гау, вмѣщающей въ себѣ, какъ уже сказано, нѣсколько родовъ или марокъ. Свидѣтельство Цезаря тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно вполне подтверждается позднѣйшими источниками. Извѣстно, что изъ всѣхъ германскихъ народовъ саксы наименѣе подвергались внѣшнимъ вліяніямъ: они позже другихъ приняли христіанство и долѣе сохранили древній бытъ и обычаи. Беда говоритъ объ нихъ: *non habebant regem iidem antiqui Saxones, sed satrapas plurimos suae genti prae-positos, qui ingruente belli articulo mittunt aequaliter sortes et quemcumque sors ostenderit, hunc tempore belli ducem* (Heretogan, въ переводѣ Альфреда В.) *omnes sequuntur et huic obtemperant. Peracto autem bello rursum aequalis potentiae omnes sunt satraepae.* Hist. Eccl. V. 10. Сочинитель житія св. Лебуина, жившій послѣ Беды и пользовавшійся его сочиненіемъ, говоритъ о саксахъ: *Singulis pagis principes praeerant singuli.* Pertz, Mon. II. 361. Изъ словъ Беды видно, что въ военные вожди избирались тѣ-же *principes* или, какъ онъ ихъ называетъ, *satraepae*, которые въ мирное время судили и рядили каждый въ своемъ округѣ. Мы едва-ли ошибемся, принявъ это показаніе Беды за правило, котораго держались древнѣйшіе германцы, современники Цезаря и Тацита.

Вникая въ смыслъ извѣстій, сообщаемыхъ авторомъ „Германіи“, мы должны признать, что начало свободнаго избранія вообще преобладало у германцевъ. О „*principes qui jura reddunt*“ сказано прямо, что они избираются въ народныхъ собраніяхъ. Нельзя иначе объяснить и другого знаменитаго

мѣста: *reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*. Germ. с. 7. Такой обычай, повидимому, противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о родовомъ бытѣ. Для устраненія возможныхъ по этому поводу возраженій, необходимо уяснить себѣ Тацитово слово *nobilitas*. Это тѣмъ труднѣе, что въ самыхъ твореніяхъ великаго историка мало данныхъ для рѣшенія имъ заданной загадки. Мы должны объяснить ее извнѣ, т. е. при пособіи стороннихъ источниковъ и болѣе или менѣе произвольныхъ и удачныхъ соображеній.

Вайцъ посвятилъ значительный отдѣлъ своей исторіи германскаго государственнаго права разбору многочисленныхъ системъ, излагающихъ происхожденіе германскаго дворянства. Но его критика неудовлетворительна, ибо она довольствуется опроверженіемъ чужихъ мнѣній и не находитъ прочнаго основанія для собственной теоріи. Ближе другихъ подошелъ къ истинѣ, намъ кажется, Зибель, которому, впрочемъ, много помогъ Эйхгорнъ, съ обычнымъ мастерствомъ своимъ коснувшійся значенія древней германской аристократіи, но оставившій въ сторонѣ вопросъ объ ея происхожденіи. Въ настоящее время едва-ли кому придетъ въ голову отрицать существованіе отдѣльнаго благороднаго сословія у древнихъ германцевъ. Сверхъ многочисленныхъ мѣстъ у Тацита, гдѣ *nobiles* прямо отдѣляются отъ остальной массы свободныхъ германцевъ, мы можемъ указать на положительныя свидѣтельства писателей позднѣйшаго времени, какъ-то: Нитарда, Гукбальда, сочинителя житія св. Лебуина, на *translatio S-ti Alexandri*, и т. д. Изъ этихъ памятниковъ видно, что саксы въ IX-мъ столѣтіи еще раздѣлялись на благородныхъ, свободныхъ и лассовъ, т. е. полусвободныхъ (*sunt qui eorum lingua edelingui, sunt qui frilingui, sunt qui lassi dicuntur*). У саксовъ, какъ мы уже видѣли, долѣе чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Германіи сохранились обычаи старины; у нихъ никакъ не могло образоваться позднѣйшее служебное дворянство; слѣдовательно, саксонскіе эделинги соотвѣтствуютъ Тацитовымъ *nobiles*. Этого мало. Почти у cadaго германскаго племени существуютъ знаменитые роды, изъ которыхъ избираются куниги или цари: *reges ex nobilitate*. У франковъ—Меровинги, у остъ-готовъ—Амалы, у вестъ-готовъ—Балты, у лонгобардовъ—Гунгинги и Литинги, у баваровъ встрѣчаемъ даже пять знатныхъ родовъ: *Huosidroza, Fagana, Nahilinga, Anniona; isti sunt quasi primi post Agilolfingos, qui sunt de genere ducali. Lex Bajuvariorum, tit. 2. с. 20*. Замѣчательно, что такіе царственные роды, *stirpes regiae*, встрѣчаются у племенъ, не знавшихъ

надъ собою царской власти. У херусковъ, сколько намъ извѣстно, не было царей. Славный вождь ихъ Арминій никогда не носилъ этого титула, хотя начальствовалъ надъ всѣми силами народа. Страбонъ называетъ его просто полемархомъ (*dux*, *Heretog*, воевода). Онъ даже палъ жертвою своего честолюбія, *regnum affectans*, но когда въ возникшихъ послѣ него междоусобіяхъ погибло все дворянство херусковъ (*amissis per interna bella nobilibus*), народъ отправилъ пословъ въ Римъ за Италикомъ, послѣднею отраслю царственнаго рода. Tacit. Ann. XI. 16. У батавовъ насъ поражаетъ то-же явленіе. Въ источникахъ нѣтъ ни одного намека на существованіе у нихъ царей; тѣмъ не менѣе, Тацитъ, которому такъ хорошо были извѣстны происходившія въ Германіи событія, говорить по поводу батавскаго возстанія, что *Julius Paulus et Claudius Civilis, regia stirpe, multo ceteros antebant*. Hist. IV. 13. Объяснить это странное противорѣчіе можно только неопредѣленною терминологіею римскихъ писателей, не отличавшихъ настоящихъ царей, которымъ повиновались цѣлые народы (напр. готы), отъ областныхъ князей или старшинъ, т. е. *principes*. Доказательства, приводимыя Зибелемъ, не допускаютъ никакого сомнѣнія *). Вотъ, почему слово *rex* такъ часто встрѣчается и такъ мало имѣетъ значенія подъ перомъ писателей IV-го и V вѣка. Въ войскѣ Теодорика Великаго было такъ много куниговъ (*reges*), по словамъ Эннодія, что число ихъ равнялось почти числу простыхъ воиновъ **). По занятіи германскими племенами римскихъ провинцій являются начала настоящей монархіи, и слово *rex* получаетъ важность, какую оно дотолѣ не имѣло.

Мы сказали выше, что *Adal* или *Adel* первоначально значило родъ, *genus*, *prosapia*. См. Grimm, R. A. 265. Аделингъ или эделингъ значитъ собственно родичъ, членъ рода. То-же самое можно сказать и о германскомъ имени царя. Англосаксонское *суп*=родъ, *genus*; отсюда прилагательное *супе*, *generosus* и существительное *супинг*, *rex*. На древнемъ верхнегерманскомъ языкѣ *chuninc* происходитъ отъ *chuni*, родъ. Кунингъ и адалингъ суть по преимуществу родичи, представители рода, наиболѣе близкіе къ родоначальнику. Изъ этихъ семействъ состоитъ древне-германская аристократія; изъ ея рядовъ избираются вожди цѣлыхъ народовъ и отдѣльных родовъ. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи сохранившіяся генеалогіи англо-саксонскихъ государей. Онѣ всѣ

*) Sybel, 96—116.

**) Michelet. Hist. de France. I. 198.

восходить до Водана. Даже во времена христіанства англосаксонскіе короли дорожили этими свидѣтельствами своего происхожденія отъ языческаго божества, которому поклонялись ихъ предки.

Изслѣдованія о родовомъ бытѣ и его вліяніи на дальнѣйшее развитіе германскаго государства еще далеко не замкнуты. Мы указали здѣсь только на главные изъ выработанныхъ уже результатовъ и на важнѣйшіе вопросы. Много любопытныхъ частныхъ оставлено нами въ сторонѣ, потому что онѣ заслуживаютъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Сюда принадлежитъ система взаимнаго ручательства (*Gesammtbürgschaft*), въ которой есть очевидные слѣды родового быта и значеніе позднѣйшихъ, искусственныхъ родовъ (напр. дитмарсенскихъ), являющихся въ германской исторіи. Сближеніе германскаго родового быта съ тѣмъ-же порядкомъ у славянъ и кельтовъ можетъ привести къ самымъ плодотворнымъ для науки выводамъ. Но для такого изслѣдованія не довольно однихъ историческихъ знаній. Здѣсь необходимо содѣйствіе филологіи. Г. Буслаевъ, котораго прекрасные труды на этомъ поприщѣ уже принесли столько пользы, могъ-бы значительно подвинуть вопросъ, насъ занимающій, простымъ собраніемъ и сличеніемъ словъ, относящихся къ родовому быту у главныхъ европейскихъ народовъ. Заслуга была-бы великая и доставила-бы совершившему ее полное право на глубокую признательность историковъ.

Испанскій эпосъ.

Новыя изслѣдованія о Сидѣ.

изy. Recherches sur l'histoire poilitique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Tome I. Leyde.

Книга г. Дози вышла около четырехъ лѣтъ тому назадъ; о она приобрѣла извѣстность только въ тѣсномъ кругу ученыхъ, занимающихся исторіею Испаніи. Издавая свои замѣательныя изслѣдованія, г. Дози вовсе не имѣлъ въ виду ольшинства читателей: онъ писалъ для специалистовъ. Вниательное чтеніе книги, заключающей въ себѣ болѣе 700 границъ мелкой печати, требуетъ усилій и терпѣнія со гороны читателя. Это рядъ критическихъ статей, въ котоыхъ разбираются подробно свидѣтельства источниковъ и руды новыхъ писателей, относящіеся къ исторіи средневѣовой Испаніи, преимущественно къ XI-му столѣтію. Г. Дози—олландецъ и занимаетъ каѳедру восточныхъ языковъ въ ейденскомъ университетѣ. Сочиненіе его написано по франузски. Несмотря на нѣкоторую сухость, изслѣдованія г. Дози редставляютъ весьма много новаго и занимательнаго.

Труды испанскихъ историковъ, жившихъ въ теченіе трехъ ослѣднихъ столѣтій, до сихъ поръ, по справедливому заѣчанію нашего автора, не утратили своей цѣны. Къ сожаѣнію, этимъ ученымъ, съ неутомимымъ усердіемъ занимаимся разработкою памятниковъ отечественной старины, нерставало весьма важнаго, можно сказать необходимаго пообія; они не знали арабскаго языка, безъ котораго невозможно полное знаніе средне-вѣковой Испаніи. Во второй поовинѣ XVIII-го столѣтія Казири издалъ извѣстный каталогъ Эскуриальской бібліотеки, въ которомъ помѣстилъ много ыписокъ изъ арабскихъ источниковъ, относящихся къ испанской исторіи. При всей своей важности трудъ этотъ вскорѣ казался неудовлетворительнымъ. Казири плохо зналъ по

арабски: переводы его невѣрны, выборъ статей обнаруживаетъ отсутствіе историческаго смысла и критики. Въ 1821 году появилось, наконецъ, сочиненіе, со всѣхъ сторонъ встреченное громкими похвалами ученыхъ и, повидимому, удовлетворявшее давнившимъ требованіямъ науки. Мы говоримъ объ „Исторіи Испаніи подъ владычествомъ мавровъ Іосифа Конде, составленной исключительно по арабскимъ памятникамъ. Конде очень рѣдко приводитъ имена писателей, изъ которыхъ онъ заимствуетъ отдѣльныя свѣдѣнія; въ предисловіи къ своему сочиненію исчисляетъ всѣ рукописи, которыми пользовался. Въ самомъ разсказѣ его есть какое-то простодушіе, заставляющее предполагать въ авторѣ челоѣка добросовѣстнаго и честно изучившаго свой предметъ. „Исторія Испаніи подъ владычествомъ мавровъ“ была переведена на нѣсколько языковъ и служила въ продолженіи 30-ти лѣтъ для историковъ-неоріенталистовъ замѣною недоступныхъ имъ арабскихъ источниковъ. Можно навѣрное сказать, что съ 1820 года до настоящаго времени не вышло изъ одной извѣстной книги о средневѣковой Испаніи безъ обширныхъ заимствованій изъ Конде. Такъ поступали французы—Россеу де-Ст. Иллеръ (Rosseeuw de St.-Hillaire) Гоме, нѣмцы—Шефферъ и Ашбахъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ изложили исторію средневѣковой Испаніи. Они довольствовались сличеніемъ арабскихъ писателей, переведенныхъ Конде, съ свидѣтельствами христіанскихъ памятниковъ. Едва-ли кому приходило въ голову заподозрить у чужую честность испанскаго оріенталиста, хотя его часто упрекали въ сбивчивомъ изложеніи, не всегда вѣрномъ переводѣ арабскихъ подлинниковъ и неспособности къ критическому оцѣнкѣ находившихся у него подъ рукою матеріаловъ. Занимаясь литературою испанскихъ арабовъ, г. Дози долженъ былъ безпрестанно прибѣгать къ книгѣ Конде и нашелъ въ ней странныя ошибки и неточности. Болѣе подробныя розысканія привели его, наконецъ, къ слѣдующему заключенію: „знаніе арабскаго языка у Конде не простиралось далѣе алфавита (?). Замѣняя чрезвычайнымъ богатствомъ воображенія отсутствіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, онъ съ неслыханною наглостью сочинялъ сотнями хронологическія цифры, создавалъ тысячами историческіе факты и выдавалъ свои вымыслы за вѣрный переводъ арабскихъ текстовъ.

„Vois que fourbe sur fourbe à nos yeux il entasse
Et ne fait que jouer des tours de passe-passe“.

(P. Corneille, „Le Menteur“, V, 7).

„Новѣйшіе историки, не подозрѣвая подлога, котораго они сдѣлались жертвами, простодушно повторяли всѣ эти небылицы; иногда они даже заходили далѣе своего наставника, стараясь согласить его вымыслы съ извѣстіями латинскихъ и испанскихъ лѣтописцевъ, которые такимъ образомъ искажались въ свою очередь“.

Трудно допустить безусловно справедливость приведеннаго нами мнѣнія. Г. Дози неоспоримо доказалъ, что Конде былъ плохой знатокъ арабскаго языка, и что у него вовсе не было критическаго смысла. Но едва-ли можно предполагать съ его стороны сознательное желаніе обмануть ученую Европу. Книга Конде не принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ мистификацій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ исторіи нашей науки. Источникомъ ошибокъ, находимыхъ въ „Исторіи мавровъ“, было невѣжество автора, который, обманывая себя, обманулъ и другихъ. Во всякомъ случаѣ, книга его потеряла всякое право на довѣріе къ ней и отнынѣ не имѣетъ никакого значенія въ наукѣ. Строгое сужденіе г. Дози опирается, впрочемъ, на многочисленныя данныя и на согласіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ французскихъ оріенталистовъ, Рено, Дефремери и другихъ, которые, подобно лейденскому профессору, имѣли случай свѣрить рассказы Конде съ тѣми рукописями, на которыя онъ ссылагается въ своемъ предисловіи. Образчикомъ знаній и критики Конде можетъ служить слѣдующій случай. Въ эскуріальской бібліотекѣ хранится сочиненіе Ибн-аль-Аббара, заключающее въ себѣ біографіи знатныхъ испанскихъ мавровъ, которые прославились своимъ поэтическимъ талантомъ. По ошибкѣ переплетчика листы этой рукописи перемѣшаны, такъ что къ началу одной біографіи часто пришитъ конецъ другой, не имѣющей съ первою ничего общаго. Авторъ „Исторіи мавровъ въ Испаніи“ сдѣлался жертвою оплошнаго переплетчика и безъ малѣйшаго подозрѣнія перевелъ, какъ умѣлъ, нужныя для него біографіи. Такимъ образомъ, миролюбивые писатели являются у него къ концу своей жизни и совершенно неожиданно для читателя—полководцами, государственными мужами и т. д.

Въ настоящемъ видѣ своемъ труды г. Дози не что иное, какъ превосходные, критически разработанные матеріалы для будущаго историка Испаніи. Изъ изслѣдованій лейденскаго профессора можно извлечь довольно полное представленіе о характерѣ образованности, которая развила у арабовъ, покоровшихъ Пиринейскій полуостровъ. Образованность эта была исключительно аристократическая. Она была обязана

своимъ блескомъ и движеніемъ сначала покровительству калифовъ Омеядовъ, жившихъ въ Кордовѣ; потомъ — мелкимъ династіямъ, которыя въ началѣ XI-го столѣтія раздѣлили между собою наслѣдіе падшаго калифата. Арабская Испанія XI-го столѣтія напоминаетъ во многомъ Италію XIV-го и XV-го вѣковъ. Умственная жизнь народа, выражавшаяся преимущественно въ поэзіи, сосредоточивалась при дворахъ многочисленныхъ династовъ. Арабскіе князья полагали свою славу въ щедротахъ, которыми они осыпали современныхъ имъ поэтовъ; но произведенія этихъ поэтовъ, отличающіяся вышшею отдѣлкой и изяществомъ формы, никакъ нельзя назвать народными въ настоящемъ значеніи слова. Они содержатъ въ себѣ такъ много искусственного, условнаго и доступнаго только однимъ высшимъ классамъ общества, что не могли имѣть вліянія на образованность низшихъ сословій. Однородное явленіе представляетъ намъ искусственная поэзія провансальскихъ трубадуровъ, которая развилась въ рыцарскихъ замкахъ южной Франціи, служила выраженіемъ аристократическихъ нравовъ и идей и потому не могла сдѣлаться общимъ достояніемъ не понимавшаго ее народа. Наука наравнѣ съ поэзіей пользовалась великодушнымъ покровительствомъ арабскихъ государей въ Испаніи. Въ X-мъ столѣтіи, во владѣніяхъ кордовскаго калифа считалось до 70-ти большихъ книгохранилищъ и до 17-ти высшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ блестящій періодъ продолжался собственно только до второй половины XI-го столѣтія, то есть до появленія въ Испаніи альморавидовъ. Африканскіе пришельцы удержали напоръ христіанъ на магометанскія государства Піринейскаго полуострова; но они принесли съ собою религіозный фанатизмъ, давно охладѣвшій у нихъ прежде-поселившихся на европейской почвѣ единовѣрцевъ и несовмѣстный съ дальнѣйшимъ развитіемъ ученой или изящной литературы.

Еще во времена Кордовскаго калифата испанскіе мавры для войнъ своихъ съ христіанами принуждены были покупать рабовъ, составлявшихъ потомъ весьма значительную часть мусульманскихъ войскъ на Піринейскомъ полуостровѣ. Этимъ саклабамъ (напоминающимъ турецкихъ янычаровъ и египетскихъ мамелюковъ) обыкновенно ввѣряли калифы охраненіе собственной особы. Мелкіе династы XI-го столѣтія были не въ состояніи защищать себя противъ христіанскаго оружія и по необходимости уступили мѣсто пришлымъ изъ Африки династіямъ. Цвѣтущая порайскусственно вызванныхъ къ жизни литературы и науки прошла

Массы народа смотрѣли равнодушно на упадокъ просвѣщенія, имъ чуждаго и порою оскорблявшаго сохранившееся у нихъ религіозное чувство. Вообще арабской образованности не доставало самостоятельности. Она могла развиваться только подъ вліяніемъ особенно благоприятныхъ условій; ей необходимо было покровительство богатой и сильной аристократіи. Почва ислама неудобна для возращенія на ней цвѣтовъ человѣческаго мышленія. Г. Дози посвятилъ, между прочимъ, нѣсколько любопытныхъ страницъ (81—123) Аль-Мотассиму, князю Альмерійскому, знаменитому любителю поэзіи и наукъ. Эти страницы внушаютъ читателю участіе къ благородной умственной дѣятельности Мотассима и писателей, изъ которыхъ преимущественно состоялъ дворъ его. Въ государствахъ западной Европы того времени мы, конечно, не найдемъ ничего подобнаго: но впечатлѣніе, производимое описаніями г. Дози, непродолжительно. Образцы, которые ученый авторъ „Изслѣдованій о средневѣковой Испаніи“ приводитъ изъ произведеній поэтовъ, жившихъ въ Альмеріи при Мотассимѣ, подтверждаютъ вполне сказанное нами выше о характерѣ арабской поэзіи въ Испаніи. Она служила пріятнымъ занятіемъ изнѣженному и досужему сословію, а не выраженіемъ задушевной жизни цѣлаго народа. Вотъ, на примѣръ, одно изъ самыхъ знаменитыхъ стихотвореній той эпохи, сдѣлавшееся почти народнымъ, потому что всѣ его знали наизусть и пѣли его. Оно принадлежитъ Ибн-аль-Хаддаду, призванному поэтомъ Андалузій.

„Мнѣ говорятъ: покинь долину Акикскую, бѣги отъ любимой, но не внемлющей любви твоей дѣвы; не возвращайся болѣе къ Аль-Одайбѣ, къ тому ручью, гдѣ ты встрѣтилъ гордую красавицу, потому что тамъ снова поразятъ тебя огромный мечъ и стрѣлы милой дѣвы, покрытой алмазами, наполняющей воздухъ благовоніями. Да, меня не допустили къ тебѣ, но никто не можетъ изгнать образа твоего изъ души моей; вдали отъ тебя, мнѣ кажется, что ты всегда со мною. О, друзья, восхваляющіе меня за мое смиреніе предъ судьбою и за то, что я предпочитаю сонъ бдѣнію! Я не заслуживаю похвалъ вашихъ; засыпая, я увѣренъ, что ты, возлюбленная, явишься мнѣ въ сновидѣніи“.

Одинъ изъ сыновей Мотассима, Раффи-ад-Даула, слылъ за великаго поэта. Въ доказательство его дарованій г. Дози приводитъ стихи, написанные имъ къ другу.

„Чаши, о Абуль-Ала, наполнены виномъ и ходятъ по рукамъ веселыхъ собесѣдниковъ; вѣтеръ тихо колышетъ вѣтви деревьевъ; въ воздухѣ раздается пѣніе птицъ. а гор-

лицы воркуютъ, сидя на самыхъ высокихъ вѣткахъ. Приди-жь и пей на берегу этого ручья вино чистое и красное, о которомъ можно подумать, что оно выжато изъ ланитъ милаго кравчаго, который намъ его подноситъ“.

Несмотря на двойной прозаическій переводъ, чрезъ который прошли эти стихотворенія, они сохраняютъ, въ особенности второе, слѣды первоначальной прекрасной формы. Но, сравнивъ ихъ содержаніе съ содержаніемъ первыхъ произведеній испанской народной поэзіи, мы поймемъ, почему Аль-Мотассимъ и другіе сходные съ нимъ владѣтели должны были искать защиты и покровительства у африканскихъ магометанъ, мало цѣнившихъ умственное наслажденіе, но ходившихъ въ бой съ непоколебленною вѣрою въ слово пророка.

Большую и главную половину книги г-на Дози занимаютъ изслѣдованія о Сидѣ. Кому не извѣстно это имя? Изъ кастильскаго героя Сидъ давно обратился въ представителя средневѣковаго рыцарства, въ его общемъ, благороднѣйшемъ значеніи. Благодаря Гердеру, романсы о Сидѣ перестали быть исключительнымъ достояніемъ испанской литературы. Они переведены почти на всѣ европейскіе языки и принадлежатъ по своему характеру къ небольшому числу всѣмъ доступныхъ и всѣми любимыхъ произведеній чисто народной поэзіи. Но историческая извѣстность кастильскаго рыцаря до сихъ поръ не соотвѣтствовала той славѣ, какую увѣнчала его поэзія. Еще въ XV-мъ столѣтіи извѣстный испанскій писатель Фернанъ Пересъ де Гусманъ выразилъ свои сомнѣнія въ истинѣ событій, о которыхъ упоминаютъ романсы о Сидѣ. Сомнѣнія эти не прекращались до нашего времени. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Масдеу (Masdeu) посвятилъ почти цѣлый томъ своей „Критической исторіи Испаніи“ разбору извѣстій о Сидѣ. Онъ высказалъ результатъ своихъ розысканій въ слѣдующихъ словахъ: „У насъ нѣтъ о знаменитомъ Сидѣ ни одного свидѣтельства положительнаго и достовѣрнаго, или заслужившаго мѣсто въ лѣтописяхъ нашего народа. Мы не только ничего о немъ не знаемъ, но у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ его существованія“. Г. Дози справедливо вооружается противъ неумѣстнаго скептицизма испанскихъ историковъ и возстановляетъ, на основаніи неоспоримыхъ свидѣтельствъ, историческое лицо Родрига Діаца, прозваннаго Сидомъ и Кампеадоромъ. Мы представимъ нашимъ читателямъ краткій обзоръ самыхъ источниковъ, въ которыхъ содержатся матеріалы для возможной біографіи Сиды. 1) Едва-ли не древнѣйшій изъ этихъ па-

мятниковъ есть латинское стихотвореніе о Сидѣ, принадлежащее XII столѣтію и свидѣтельствующее о томъ, какъ рано подвиги Сиды перешли въ сферу поэзіи. (*Edélestand du Méril. Poésies populaires latines du moyen âge, Paris 1847, pg. 284 и слѣд.*); 2) поэма о Сидѣ, „*El poema del Sid*“, возникшая по всей вѣроятности въ началѣ XIII столѣтія, и 3) почти современная съ поэмою стихотворная хроника „*La Cronica rimada del Cid*“. Къ этимъ двумъ памятникамъ примыкаютъ, по характеру и содержанію: 4) романсы о Сидѣ (*Romanceso del Cid*), собранные впервые Хуаномъ де Эскобаръ. Изъ прозаическихъ памятниковъ назовемъ слѣдующіе: 5) найденную въ Августинскомъ монастырѣ Св. Изидора въ Леонѣ лѣтопись, которую издалъ въ 1792 году Риско, подъ названіемъ „*Gesta Roderici Campedocti*“. Масдеу не признавалъ подлинности этой лѣтописи и отрицалъ существованіе самой рукописи. Неосновательность его возраженій нынѣ доказана. „*Gesta Roderici*“ относятся къ началу XIII столѣтія. Сочинитель писалъ до вторичнаго взятія Валенціи христіанами въ 1238 году. 6) „*Cronica general*“ Альфонса X-го, названнаго ученымъ. Альфонсъ X-й жилъ, какъ извѣстно, въ XIII-мъ столѣтіи. Четвертая часть его общей лѣтописи содержитъ въ себѣ весьма любопытныя, частью изъ арабскихъ источниковъ заимствованныя свѣдѣнія о Сидѣ. Изданная въ 1512 году „*Cronica del Sid*“, по рукописи, хранившейся въ монастырѣ св. Петра Карденьскаго, есть не что иное, какъ плохая и относительно новая передѣлка той части общей хроники Альфонса X-го, въ которой разсказаны подвиги Сиды.

Въ источникахъ для біографіи Сиды, слѣдовательно, нѣтъ недостатка. Но Масдеу и писатели сходныхъ съ нимъ мнѣній основываютъ свои сомнѣнія на отсутствіи свидѣтельствъ, современныхъ Сиду. Дѣйствительно, всѣ памятники, нами исчисленные, принадлежатъ позднѣйшему времени. Испанскія лѣтописи, современные Сиду, не упоминаютъ о немъ. Но можно-ли изъ этого заключить, что самое существованіе кастильскаго героя есть фактъ недоказанный? Положимъ, что молчаніе современниковъ о такомъ лицѣ, какъ Родригъ Диасъ, въ самомъ дѣлѣ странно; но развѣ всѣ лѣтописи того времени дошли до насъ? Г. Дози приводитъ, между прочимъ, краткую лѣтопись Петра, епископа Леонскаго, излагающую исторію царствованія Альфонса VI-го и содержащую въ себѣ нѣсколько извѣстій о Сидѣ. Петръ Леонскій былъ современникъ Сиды, и его словъ достаточно для опроверженія сомнѣній Масдеу и другихъ скептиковъ. Лѣтопись епископа Петра потеряна, но отрывки изъ нея сохранились

въ сочиненіи Сандовалѣ „Cinco Reyes“, напечатаннаго въ 1615 году. Сверхъ того, критики, разбиравшіе преданія о Сидѣ, опустили изъ виду существованіе другихъ памятниковъ, неоспоримо доказывающихъ историческое существованіе самого героя. Такъ, напримѣръ, въ Бургосѣ находится подлинный актъ брачнаго договора между Родригомъ Діацомъ и Хименою, дочерью Діего, графа Овиедскаго. Актъ этотъ, писанный готическими буквами на пергаментѣ, составленъ 19 іюля 1074 года. Имя Родриго Діаца встрѣчается также въ нѣсколькихъ грамотахъ, принадлежащихъ второй половинѣ XI-го столѣтія. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти о немъ ужъ говорятъ лѣтописи южной Франціи: около того-же времени онъ ужъ успѣлъ сдѣлаться героемъ народной поэзіи, которая, конечно, украсила дѣйствительность, но не могла, однако, создать ее изъ ничего. Въ виду такихъ данныхъ, всякій скептицизмъ долженъ былъ-бы умолкнуть. Г. Дози наноситъ ему рѣшительный ударъ. Онъ нашелъ въ готской библіотекѣ сочиненіе Ибнъ-Бассама о поэтахъ, жившихъ въ Испаніи въ V-мъ столѣтіи гиджры. Эта рукопись содержитъ въ себѣ, между прочимъ, подробное описаніе покоренія Валенціи Сидомъ, составленное въ 1109 году, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ паденія Валенціи и черезъ десять—послѣ смерти Сиды. Это древнѣйшее лѣтописное свидѣтельство о Камнеадорѣ полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ. Оно носитъ на себѣ печать еще не охладѣвшей ненависти къ христіанскому вождю. Слѣдуя указаніямъ г. Дози, мы сообщимъ нашимъ читателямъ краткій очеркъ дѣйствительной, отрѣшенной отъ поэтическихъ примѣсей жизни Сиды; потомъ мы разсмотримъ тѣ измѣненія, которымъ подвергся его образъ въ теченіе вѣковъ въ памятникахъ, созданныхъ народною фантазіею. Руководителемъ нашимъ будетъ постоянно г. Дози, у котораго отдѣлъ о Сидѣ обработанъ съ необыкновеннымъ талантомъ и полнымъ знаніемъ предмета.

Имя Родриго Діаца встрѣчается въ первый разъ въ грамотѣ Фердинанда I-го отъ 1064 года. Годъ его рожденія неизвѣстенъ. Отца онъ лишился еще въ дѣтствѣ своемъ. Когда, по смерти Фердинанда I-го, владѣнія его перешли къ дѣтямъ, Родригъ остался при дворѣ старшаго сына, Санхо Кастильскаго, и, повидимому, уже игралъ значительную роль. Междоусобія Санхо съ братьями и сестрами дали Родригу, которому король ввѣрилъ начальство надъ всѣмъ своимъ войскомъ, возможность обнаружить тѣ великія свойства, которыми онъ впослѣдствіи прославился. Въ 1071 году Санхо

и братъ его Альфонсъ, король Леонскій, условились кончить споръ свой судомъ Божиимъ, т. е. битвою. Побѣжденный былъ обязанъ уступить свои владѣнія побѣдителю. Сраженіе произошло у деревни Гольпехары. Кастильцы были разбиты. Альфонсъ, увѣренный въ точномъ исполненіи условій, запретилъ своимъ воинамъ преслѣдовать бѣглецовъ и не хотѣлъ проливать крови будущихъ подданныхъ. Но Родригъ уговорилъ Санхо нарушить условіе. „Враги наши отдыхаютъ послѣ побѣды (сказалъ онъ ему ночью): если мы на разсвѣтъ нападѣмъ на нихъ снова, то одолѣмъ въ свою очередь“. Санхо принялъ не совсѣмъ честный совѣтъ и съ остатками разбитаго войска напалъ рано утромъ на брата. Застигнутые въ располхъ леонцы разсѣялись; самъ Альфонсъ попался въ плѣнъ. Вскорѣ потомъ донъ Санхо погибъ при осадѣ города Заморы, который онъ хотѣлъ отнять у сестры своей Урраки. Всѣ его владѣнія перешли по наслѣдству къ брату его Альфонсу VI-му, который предварительно долженъ былъ подвергнуться унижительному обряду и присягнуть въ томъ, что онъ не принималъ участія въ смерти убитаго предательскимъ образомъ брата. Присягу эту принималъ Родригъ Діацъ. Понятно, что Альфонсъ не могъ любить надменнаго вассала, который былъ причиной его плѣна и свидѣтелемъ его униженія. Это не помѣшало, впрочемъ, Родригу жениться на близкой родственницѣ короля, Хименѣ, дочери графа Овѣдскаго. Около 1081 года Родригъ былъ изгнанъ изъ владѣній Альфонса VI-го. Мы не знаемъ, что послужило поводомъ къ этому изгнанію, но съ него начинается та часть жизни Сиды, въ теченіе которой онъ сдѣлался любимцемъ испанскаго народа.

Слѣдующіе за тѣмъ годы Сидъ провелъ большею частью на службѣ князя Юсуфа-Аль-Мутамина Сарагосскаго, изъ рода Бени-худовъ. Вотъ, почему названный нами выше арабскій писатель говорить о Сидѣ, что онъ обязанъ былъ своей славой Бени-худамъ. Родригъ не только принималъ участіе въ распряхъ магометанскихъ династовъ, но онъ помогалъ имъ противъ христіанскихъ владѣтелей, именно противъ Санхо Рамирица, короля Аррагонскаго и Наварскаго и противъ Раймунда Беренгара, графа Барселонскаго. У Родрига была своя собственная дружина, въ родѣ италіанскихъ кондотъ. Самъ онъ былъ не что иное, какъ смѣлый кондотьеръ, мало заботившійся о соблюденіи уставовъ рыцарской чести. Не онъ одинъ жилъ такимъ образомъ въ тогдашней Испаніи; знаменитый родственникъ и сподвижникъ его Альваро Фанецъ служилъ съ наемною дружиною арабскому князю,

которому принадлежала Валенція. Дружина эта состояла, по словамъ лѣтописи, изъ бродягъ всякаго рода. Альваро Фанецъ не обращалъ вниманія на различіе вѣръ; онъ принималъ въ ряды своихъ магометанъ и христіанъ безъ разбора. Зато воины его приобрѣли незавидную извѣстность. Они грабили, жгли селенія и убивали жителей несчастныхъ мѣстностей, черезъ которыя лежалъ ихъ путь. Плѣнниковъ своихъ они часто продавали въ рабство за одинъ хлѣбъ, кружку вина или фунтъ рыбы. Плѣнники, которыхъ нельзя было продать, подвергались несравненно худшей участи: имъ рѣзали языки, выкалывали глаза и травили ихъ пріученными къ этому дѣлу собаками. Г. Дози нашелъ въ источникахъ подробности до того отвратительныя, что не рѣшился сообщить ихъ своимъ читателямъ. Къ сожалѣнію, народный герой испанской поэзіи не отличался отъ современниковъ мягкостью нрава, и дружина его ни въ чемъ не уступала дружинѣ Альваро Фанеца. Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи находящееся въ лѣтописи о Сидѣ (Cesta) письмо Беренгара Барселонскаго. Письмо это, въ которомъ барселонскій графъ обвиняетъ Сиду въ томъ, что онъ поклоняется горамъ и хищнымъ птицамъ, а не истинному Богу, оканчивается слѣдующими словами: „Господь отомститъ вамъ за разрушенные вашимъ насиліемъ и поруганные храмы его“.

Счастье измѣнило Беренгару въ войнѣ съ Сидомъ, который разбилъ и взялъ его въ плѣнъ. Мы переведемъ съ перевода г-на Дози то мѣсто поэмы о Сидѣ, въ которомъ описывается освобожденіе барселонскаго графа изъ плѣна. Оно даетъ поразительно вѣрное понятіе о грубой и оригинальной эпохѣ, къ которой принадлежатъ эти событія.

„У Сиды моего, донъ Родрига, идетъ большая стряпня. Графу донъ Реймонду (Беренгару) нѣтъ до этого дѣла; ему приносятъ яства и готовятъ ихъ передъ нимъ, а онъ не хочетъ ѣсть. Онъ смѣется надъ всѣми кушаньями. „Я не съѣмъ ни одного куска за всѣ богатства цѣлой Испаніи. Пусть погибнетъ тѣло мое и пропадетъ душа моя, когда такіе оборванцы (*mal calrados*) побѣдили меня въ битвѣ“. Послушайте, что говоритъ теперь мой Сидъ Рюи Діацъ: „Отвѣдайте, графъ, этого хлѣба, выпейте вина; если вы сдѣлаете то, о чемъ я прошу, вы не будете болѣе плѣнникомъ; если нѣтъ, вамъ не видать никогда зѣмли христіанской“. Графъ донъ Реймондъ отвѣчаетъ: „ѣшьте, Родригъ, и предавайтесь радости, а я уморю себя, потому что я не хочу ѣсть“. До третьяго дня они не могли уговорить его; пока они дѣлили богатую добычу, они не могли убѣдить

его проглотить кусокъ хлѣба. Мой Сидъ сказалъ: „Съѣшьте что-нибудь, графъ; если вы не станете ѣсть, вамъ не видать болѣе христіанъ; но если вы съѣдите вдоволь для меня, я освобожу васъ и еще двухъ рыцарей и отпущу васъ домой“. Когда графъ услышалъ это, онъ сталъ повеселѣе. „Сидъ, если вы сдѣлаете, что обѣщаете, я буду удивляться вамъ до конца жизни“. — „Ѣшьте-же, графъ, а послѣ обѣда я отпущу васъ и двухъ другихъ. Но знайте, что изъ всего того, что вы потеряли, а я добылъ на полѣ битвы, я не отдамъ вамъ ни одной фальшивой денежки; я ничего не отдамъ вамъ изъ всего потеряннаго вами, потому что оно мнѣ нужно для моихъ вассаловъ, которые служатъ при мнѣ и терпятъ нужду; я ничего не дамъ вамъ. Я беру у васъ и у другихъ и плачу вассаламъ“. Графъ радуется; онъ требуетъ воды, чтобы умыть себѣ руки, и ему подаютъ воду, подаютъ тотчасъ. Графъ собирается кушать вмѣстѣ съ рыцарями, которыхъ Сидъ отпускаетъ съ нимъ. Боже мой, съ какою охотою принимается онъ за это дѣло! Напротивъ его сидитъ тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. „Если вы мало станете ѣсть, графъ, не вдоволь для меня, мы останемся здѣсь, мы не покинемъ другъ друга“. Тогда графъ сказалъ: „отъ всей души и съ большой охотой“. Онъ обѣдаетъ проворно съ двумя рыцарями; мой Сидъ на него смотритъ и радуется тому, что графъ донъ Реймондъ такъ хорошо дѣйствуетъ руками. „Если позволите, мой Сидъ, мы готовы въ дорогу. Прикажите, чтобы намъ подали коней, и мы поѣдемъ тотчасъ. Съ того дня, какъ я сталъ графомъ, я не ѣлъ съ такой охотой. Не забуду удовольствія, которое испыталъ теперь“. Имъ подали трехъ отлично осѣдланныхъ коней, хорошее платье, шубы и плащи. Графъ донъ Реймондъ скачетъ среди двухъ другихъ рыцарей. Кастильянецъ провожаетъ ихъ до крайней черты стана. „Вы ѣдете, графъ, на полную свободу. Благодарю васъ за то, что вы мнѣ оставляете; когда вамъ захочется отмстить мнѣ, и вы станете искать меня, вы меня легко найдете; если-же вы не прикажете меня искать и оставите меня въ покоѣ, у васъ будетъ въ барышахъ кое-что изъ вашего или моего добра“. — „Веселитесь, мой Сидъ, будьте здоровы и невредимы; я расплатился съ вами за этотъ годъ; никому не придетъ въ голову искать васъ“. Графъ припширилъ коня и пустился въ путь; дорогой онъ поворачивалъ голову и посматривалъ назадъ: онъ боялся, чтобы Сидъ не раскаялся. За всѣ сокровища въ мірѣ не поступилъ-бы такъ безукоризненный рыцарь: онъ никогда не совершилъ безчестнаго дѣла“.

Видно, графъ барселонскій былъ другого мнѣнія. Есть причины думать, что характеръ его побѣдителя былъ ему извѣстенъ лучше, чѣмъ жившему цѣлымъ столѣтіемъ позже поэту. Суровая простота и драматическое движеніе, составляющія принадлежность приведеннаго нами отрывка изъ поэмы о Сидѣ, по справедливости обратили на себя вниманіе г-на Дози. Намъ, однако, кажется, что онъ не замѣтилъ весьма характеристической черты. Родригъ готовъ выпустить на волю плѣннаго графа, но изъ взятой въ битвѣ добычи онъ не уступить ничего, *ни даже фальшивой денежки*. Съ особенною энергіею и нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти слова. Таковы были феодальные герои XI столѣтія не въ одной Испаніи, но во всей западной Европѣ. Рыцарскія понятія только-что начинали развиваться и еще не успѣли сгладить предшествовавшей грубости феодальныхъ нравовъ. Сидъ не скрываетъ своей любви къ чужому добру. Онъ совершаетъ часть своихъ подвиговъ ради добычи и денежныхъ выгодъ. Онъ ведетъ настоящую торговлю съ магометанскими князьями: одни покупаютъ у него его услуги, другіе—просто миръ. Владѣлецъ альбарацинскій платилъ Сиду ежегодно 10.000 динаровъ; столько-же получалъ онъ изъ Альпуенты, 6.000 изъ Мурвiedро, 6.000 изъ Сегорбіи, 4.000 изъ Херики, 3.000 изъ Альменары, 12.000 изъ Валенціи, пока не овладѣлъ совсѣмъ послѣднимъ городомъ. Это исчисленіе еще неполно. Въ книгѣ г. Дози можно найти много подробностей, показывающихъ, какіе огромные доходы бралъ Родригъ съ меча своего.

Въ промежуткахъ между непрерывными войнами, въ которыхъ принималъ корыстное участіе, изгнанный Сидъ служилъ и королю своему, Альфонсу VI Кастильскому; но ему долго не удавалось смягчить гнѣвъ короля. Въ 1092 году Сидъ ходилъ вмѣстѣ съ Альфонсомъ на альморавидовъ, въ южную Испанію. Въ виду непріятеля, превосходнаго числомъ, Альфонсъ разбилъ укрѣпленный лагерь на горѣ: Сидъ сталъ передъ нимъ внизу, на равнинѣ, выражая такимъ образомъ намѣреніе прикрыть своей дружиной королевское войско. Альфонсъ былъ глубоко оскорбленъ высокомеріемъ вассала и осыпалъ его упреками. Для избѣжанія еще худшихъ послѣдствій, Сидъ поспѣшилъ удалиться и ушелъ ночью къ Валенціи, давно составлявшей цѣль его желаній.

Ослабленная внутренними смутами Валенція со всѣхъ сторонъ была окружена врагами. Сосѣдніе князья, христіане и магометане равно старались овладѣть богатымъ городомъ. По смерти послѣдняго государя, царствовавшего въ

Валенціи, городомъ правилъ совѣтъ, составленный изъ самыхъ значительныхъ по положенію своему жителей. Это было нѣчто въ родѣ аристократической республики. Во главѣ совѣта стоялъ Ибн-Джахафъ, человѣкъ безъ дарованій, но властолюбивый, искавшій себѣ опоры извнѣ. Онъ сносился съ альморавидами и съ Сидомъ, въ надеждѣ современемъ противопоставить ихъ другъ-другу. Г. Дози очень обстоятельно излагаетъ исторію Валенціи во второй половинѣ XI столѣтія. Мы заимствуемъ изъ его изслѣдованій только тѣ факты, которые относятся непосредственно къ Сиду. Лѣтомъ 1093 года Сидъ обложилъ Валенцію. Осада, подробности которой сохранены намъ арабскими писателями, продолжалась около года. Жители, напрасно рассчитывавшіе на помощь своихъ единовѣрцевъ, были доведены до послѣдней крайности. Они толпами выходили изъ города и предавали себя произволу Сидовыхъ наемниковъ, дабы избѣжать голодной смерти. Желая ускорить паденіе Валенціи, Родригъ запретилъ пускать въ свой лагерь этихъ выходцевъ; захваченныхъ имъ въ плѣнъ мавровъ онъ жегъ на кострахъ и травилъ живыхъ собаками. 15-го іюня 1094 года городъ сдался. Сначала Сидъ очень благосклонно обходился съ побѣжденными и заслужилъ ихъ признательность. По его приказанію, были задѣланы всѣ обращенныя къ городу окна крѣпостныхъ башенъ, дабы нескромныя взгляды не могли проникать во внутренность магометанскихъ домовъ. Онъ также приказалъ христіанамъ кланяться маврамъ и уступать послѣднимъ дорогу при встрѣчѣ съ ними на улицѣ. Но кротость эта продолжалась недолго. При описаніи жестокостей, совершенныхъ Сидомъ въ Валенціи, авторъ разбираемаго нами сочиненія слишкомъ полагается на пристрастныя свидѣтельства арабскихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, Родригъ былъ суровый властелинъ. Желая овладѣть богатствами Ибн-Джахафа, онъ предалъ его пыткамъ и потомъ казнилъ за утайку нѣкоторыхъ драгоценностей. Ибн-Джахафъ былъ сожженъ живой вмѣстѣ съ семнадцатью другими почетными маврами. Въ числѣ ихъ погибъ, по предположенію г. Дози, Абу-Джафаръ-аль-Бати, замѣчательный писатель, сочиненіемъ котораго объ осадѣ Валенціи Сидомъ воспользовался для своей хроники Альфонсъ X. Родригъ умеръ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ въ 1098 году. Черезъ четыре года послѣ его смерти христіане принуждены были снова покинуть Валенцію и уступили ее альморавидамъ. У Сиды осталось трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери. Сынъ былъ убитъ въ войнѣ съ маврами. Потомки его существовали еще въ

XIV столѣтіи и жили въ городѣ Валенціи. Старшая дочь Сиды, Христина, вышла замужъ за донна Рамиро, инфанта Наварскаго; вторая, Марія, была супругою Раймонда III, графа Барселонскаго.

Изъ этого краткаго, но по достовѣрнымъ источникамъ составленнаго очерка можно видѣть, что историческій Сидъ во многомъ отличается отъ того Сиды, о которомъ поютъ испанскіе романсы. Г. Дози показалъ, впрочемъ, что въ поэтическихъ памятникахъ средневѣковой Испаніи образъ кастильскаго героя подвергся послѣдовательнымъ измѣненіямъ, соотвѣтствующимъ переменамъ, которыя произошли въ политическомъ бытѣ и образѣ мыслей испанскаго народа. Ослушникъ, наказанный гнѣвомъ Альфонса VI нарушитель договоровъ, наемный слуга арабскихъ князей, жестокій властитель Валенціи, обращается постепенно въ томнаго любовника Химены и представителя самыхъ утонченныхъ понятій о рыцарской чести и вѣрности. Приступая къ вопросу о древности отдѣльныхъ поэтическихъ памятниковъ, которыхъ героемъ является Сидъ, г. Дози отрицаетъ совершенно вліяніе арабовъ на испанскую поэзію, о которомъ такъ много толковали другіе ученые. Извѣстно, что Конде приписывалъ арабамъ самую форму романа; Гаммеръ нашелъ у нихъ первыя *ottave rime*; Форіэль посвятилъ цѣлую главу своего знаменитаго сочиненія о провансальской поэзіи изслѣдованію отношеній, существовавшихъ между арабскою и провансальскою литературами. Ученый знатокъ романскихъ литературъ, Фердинандъ Вольфъ давно выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности арабскихъ вліяній на поэзію южныхъ народовъ Европы. Къ сожалѣнію, превосходные труды Вольфа не пользуются должною извѣстностію и не всѣмъ доступны, потому что онъ печаталъ ихъ статьями въ періодическомъ изданіи (Вѣнскихъ Лѣтописяхъ) и не издавалъ отдѣльно. Вотъ что говоритъ г. Дози:

„Арабо-испанская поэзія—классическая, потому что она подражала древнимъ образцамъ, была исполнена образовъ, заимствованныхъ изъ жизни въ пустынѣ, непонятныхъ для массы народа и еще въ большей степени для иностранцевъ. Языкъ поэтической былъ языкъ мертвый; сами арабы понимали его и писали на немъ только вслѣдствіе долгаго и основательнаго изученія древнихъ поэмъ, какъ, напримѣръ, Моаллакъ, Гамазы, Дивана—шести поэтовъ, комментаторовъ и старыхъ лексикографовъ. Иногда даже поэты ошибались въ употребленіи нѣкоторыхъ устарѣвшихъ словъ. Эта удивлявшаяся во дворцахъ поэзія обращалась не къ народу, а

къ людямъ образованнымъ, вельможамъ и князьямъ. Могла-ли поэзія, столь ученая, доставлять образцы смиреннымъ и невѣжественнымъ кастильскимъ жонглерамъ? Что касается до благородныхъ трубадуровъ Прованса, то прекрасныя дамы, пиры, турниры и война не оставляли имъ досуга, необходимаго для многолѣтняго изученія арабскихъ стихотвореній. Я сказалъ: многолѣтняго, и не беру назадъ своего выраженія. Даже въ настоящее время можно найти много ориенталистовъ, вполне понимающихъ обыкновенный арабскій языкъ историковъ, но ошибающихся почти на каждомъ шагѣ, когда дѣло идетъ о переводѣ стихотвореній. Языкъ поэтовъ требуетъ особаго изученія. Тотъ, кто хочетъ свободно читать арабскихъ поэтовъ, долженъ посвятить на это цѣлыя годы. Языкъ поэзіи отличается, конечно, у всѣхъ народовъ отъ языка прозы; но нигдѣ это различіе не обозначилось такъ рѣзко, какъ у арабовъ“.

Къ подтвержденію мнѣнія Г. Дози служить отсутствіе повѣствовательныхъ произведеній у испанскихъ арабовъ, у которыхъ почти исключительно процвѣтала лирика. Нашему автору извѣстны только два стихотворенія такого рода, не имѣющія, впрочемъ, ничего общаго съ романсами. У арабовъ нѣтъ вовсе романсовъ, и предположеніе, что мавританскіе романсы, „romans moriscos“, переведены на испанскій съ арабскаго, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Эти вычурныя пропзведенія принадлежатъ XVI и XVII столѣтіямъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу „Исторіи испанской литературы“ Тикнора находятся любопытныя указанія на существованіе у испанскихъ мавровъ чего-то въ родѣ народной поэзіи. До сихъ поръ, на сѣверномъ берегу Африки, тангерскіе и тетуанскіе мавры поютъ пѣсни, содержащія въ себѣ брань на жителей Кордовы и Гранады и другіе намеки изъ временъ магометанскаго владычества надъ Пиринейскимъ полуостровомъ. Лейденскому профессору были также, повидимому, неизвѣстны многіе образцы повѣствовательной поэзіи у арабовъ, о которыхъ говорится въ вышеупомянутыхъ примѣчаніяхъ. (Томъ II, стр. 680).

Пороки Сиды были принадлежностью цѣлой касты, а не одного лица; въ глазахъ современниковъ они были великими качествами. Непокорный вассаль высказывалъ громко и заявлялъ дѣлами образъ мыслей всего феодальнаго сословія. Надобно, сверхъ того, сказать, что кастильское дворянство, далеко уступавшее въ силѣ и значеніи аррагонскому и французскому, постоянно стремилось къ такому-же поло-

женію въ государствѣ. Тѣмъ большее сочувствіе внушалъ ему строптивый Родригъ, котораго вся жизнь прошла въ распряхъ съ Альфонсомъ VI. Стихотворная хроника и древнѣйшіе романсы съ особенною любовью указываютъ на эту сторону въ характерѣ Сиды. Не заботясь объ исторической точности, они приписываютъ ему всѣ великія дѣла Фердинанда I, хотя настоящая дѣятельность Сиды начинается уже при сыновьяхъ этого короля. Когда (говоритъ стихотворная хроника) императоръ германскій потребовалъ отъ Фердинанда присяги въ вѣрности, послѣдній не зналъ, что дѣлать, и горько жаловался на судьбу свою. Жалобъ этихъ никто не слушалъ. Наконецъ, онъ рѣшился послать за Родригомъ, который отвѣчалъ должнымъ образомъ на требованія германскаго императора и потомъ разбилъ соединенныя силы всѣхъ европейскихъ народовъ, грозившія его королю. Во время переговоровъ о мирѣ, Фердинандъ отправился съ Родригомъ, по словамъ той-же хроники, въ непріятельскій лагерь, гдѣ никто не могъ отличить короля отъ вассала. Фердинандъ предлагаетъ, наконецъ, Сиду престолъ свой, отъ котораго послѣдній отказывается.

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного истиннаго событія; тѣмъ не менѣе, онъ не лишенъ занимательности. Изъ него можно, съ одной стороны, видѣть древнѣйшее воззрѣніе на Сиду, съ другой—особенное, можно сказать, ей исключительно принадлежащее свойство древней испанской поэзіи. Въ ней мало лирическихъ элементовъ; нѣтъ ничего мечтательнаго; она заимствуетъ свое содержаніе изъ сферы дѣйствительной, изъ исторіи. Но здѣсь воображеніе поэтовъ создаетъ, въ угоду народной гордости, небывалыя событія и не полагаетъ никакихъ границъ своимъ правамъ. Оно по своему передѣлываетъ исторію. Черезъ столѣтіе послѣ смерти Фердинанда I, его эпоха уже была совершенно преображена народными поэтами. Ему была предоставлена отчасти та-же роль, какую Карлъ Великій играетъ въ романахъ каролингскаго цикла. Сидъ замѣняетъ Роланда и Оливьера.

Мы видѣли отношенія Сиды къ королю. Старинный романсъ поетъ также объ его поступкахъ съ папою.

Разсказъ, содержащійся въ этомъ романсѣ, принадлежитъ къ той-же сферѣ, къ которой относятся баснословныя войны Фердинанда I, его побѣда надъ германскимъ императоромъ и взятіе кастильцами Парижа. Сидъ никогда не былъ въ Римѣ. Свиданіе его съ папою—дѣло народнаго воображенія, которое приводило своего любимца въ соприкосновеніе со всѣми властями того времени. Замѣтимъ впрочемъ, что Сидъ

не былъ исключительно представителемъ одного феодальнаго сословія: низшіе классы народа также присвоили его себѣ. По нѣкоторымъ преданіямъ, мать Сиды была простая поселянка; по другимъ, отецъ его былъ мельникъ. Зятья его, инфанты Каріонскіе, жаловались, по свидѣтельству романа, на то, что имъ, сыновьямъ королей, родственникамъ императоровъ, пришлось жениться на дочеряхъ пахаря. Такимъ образомъ Сидъ принадлежить по рожденію двумъ сословіямъ, къ которымъ преимущественно обращалась народная поэзія. Поэты того времени, по вѣрному замѣчанію Дози, жонглеры, переходили изъ замка въ замокъ, изъ деревни въ деревню и пѣли тамъ свои произведенія. Повидимому они мало посѣщали города, потому что горожане, вѣроятно слишкомъ занятые матеріальными интересами, рѣдко являются въ поэмахъ и романахъ. Жонглеры говорятъ только о дворянахъ, да о крестьянствѣ—сословіяхъ, которыя, по положенію своему въ Кастиліи, были тѣсно между собою связаны и за-одно поддерживали феодальныя начала. Отношенія кастильскихъ городовъ были совсѣмъ другія: пользуясь значительными муниципальными льготами, они очень рѣдко вступали въ споръ съ монархическою властью и доставили ей въ эпоху Фердинанда и Изабеллы, своими ополченіями или германдадой, рѣшительный перевѣсъ надъ феодальнымъ дворянствомъ.

Возьмемъ теперь другую сторону Сиды, также смягченную въ послѣдствіи. Всякому образованному читателю извѣстно, какимъ страстнымъ и почтительнымъ любовникомъ является Сидъ въ романахъ позднѣйшаго происхожденія. Стихотворная хроника представляетъ его отношенія къ Хименѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Родригъ женился на ней противъ собственной воли, въ угоду королю, желавшему положить конецъ междоусобіямъ, которыхъ театромъ была Кастилія. Бракъ былъ, слѣдовательно, чисто политическій. Характеръ самой Химены не отличался въ началѣ особенною женственностью. Она отправляется ко двору короля Фердинанда съ жалобою на Родрига, убившаго ея отца и державшаго въ плѣну ея братьевъ. Король объясняетъ ей смутное положеніе государства и трудность наказать ея обидчика. Когда Химена Голецъ услышала эти слова, „ради Бога, государь“, сказала она: —не сердитесь на меня за то, что я предложу вамъ. Я вамъ покажу, какъ можно успокоить Кастилію и другія государства ваши. Выдайте меня замужъ за Родрига, за того, кто убилъ отца моего“.

Мы совершенно согласны съ слѣдующими замѣчаніями

г. Дози. Химена предлагаетъ свою руку Родригу не вслѣдствіе пламенной страсти, а изъ чувства долга. Она не любитъ Родрига, но жертвуетъ собою, ибо надѣется отвратить такимъ образомъ бѣдствія, угрожающія Кастиліи. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ романсовъ проглядываетъ, впрочемъ, личное чувство женщины, неясная надежда на счастье. „Тотъ, кто надѣлалъ мнѣ такъ много зла, окажетъ мнѣ, быть можетъ, и добро“,—говоритъ она.—Родригъ сначала отвѣчаетъ отрицательно на предложеніе Фердинанда вступить въ бракъ съ Хименою, но потомъ женится и живетъ съ нею счастливо. Чувство рыцарской любви къ женщинѣ и почтительное обращеніе съ нею принадлежать, наравнѣ съ чувствомъ рыцарской вѣрности государю, къ позднѣйшимъ явленіямъ средневѣковой испанской жизни. XI-му вѣку они были почти неизвѣстны. Женщина въ тогдашней Испаніи была вѣрною подругою и отголоскомъ мнѣній мужа, а не идоломъ, принимающимъ поклоненіе обожателей. Въ извѣстномъ сочиненіи принца донъ Хуана Эммануила, въ „Графѣ Луканорѣ“, находится весьма любопытный рассказъ объ Альварѣ Фанецѣ и его супругѣ. Одинъ изъ родственниковъ Альвара замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ подчиняется своей женѣ, доннѣ Васкуньянѣ. Донъ Альваръ общалъ ему скорый отвѣтъ и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ съ нимъ и женою на прогулку. Рыцари ѣхали впереди, дама слѣдовала за ними. На дорогѣ имъ встрѣтилось стадо коровъ, и донъ Альваръ сказалъ своему родственнику: „посмотрите, братъ мой, какія у насъ здѣсь прекрасныя лошади“.—Какъ, лошади? вѣдь, это коровы!“ — „Я боюсь не сошли-ли вы съ ума, братъ мой. Это настоящія лошади“. Рѣшеніе спора представлено было подѣхавшей къ тому времени доннѣ Васкуньянѣ. Сначала ей самой показалось, что она видитъ коровъ, но узнавъ мнѣніе мужа, тотчасъ съ нимъ согласилась, ибо была увѣрена, что онъ никогда не ошибается. Нѣсколько разъ во время прогулки повторилъ донъ Альваро свой опытъ съ однимъ и тѣмъ-же успѣхомъ, и тѣмъ доказалъ бѣдному родственнику, который начиналъ сомнѣваться въ свидѣтельствѣ собственныхъ глазъ, неосновательность его предположеній. Отсюда произошла испанская поговорка: когда мужъ говоритъ, что ручей течетъ обратно къ источнику, добрая жена должна ему вѣрить и съ нимъ соглашаться. Въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи Химена походитъ на донну Васкуньяну. Особенно въ поэмѣ о Сидѣ хорошо обрисованы ея покорность и безграничная преданность волѣ супруга. Отъ нея вѣетъ нравственной чистотой,

удаляющей возможность всякаго сравненія съ героинями бретанскаго цикла, которыя безъ зазрѣнія совѣсти отдають руку убійцѣ отца или супруга, уступая голосу любви. Для нихъ не существуетъ понятій о долгѣ и нравственныхъ приличіяхъ. Г. Дози полагаетъ, что романы бретанскаго цикла не имѣли успѣха въ Испаніи по причинѣ господствующаго въ нихъ воззрѣнія на женщинъ.

Къ числу самыхъ характеристическихъ эпизодовъ поэтической біографіи Сиды принадлежитъ сватовство и женитьба инфантовъ коріонскихъ на его дочеряхъ. Сватомъ былъ самъ король Альфонсъ VI. Нехотя согласился Сидъ исполнить волю короля и выдалъ дочерей за инфантовъ.

„Сидъ мой жилъ въ Валенціи со всѣми вассалами своими; при немъ находились оба зятя его, инфанты коріонскіе. Тогда, знайте это,—случилось очень нехорошее происшествіе. Левъ сорвался съ цѣпи, которою онъ былъ прикованъ, и вышелъ изъ клѣтки. Тѣ, которые стояли на дворѣ, исполнены страха; спутники Кампеадора обернули руки, вмѣсто щитовъ, плащами: они окружають кровать и не хотятъ покинуть своего господина. Фернандъ Гонзалецъ *) не зналъ, куда спрятаться. Онъ не нашелъ двери ни въ комнату, ни въ башню; страхъ его былъ такъ великъ, что онъ забился подъ кровать. Діего Гонзалесъ выскочилъ въ дверь, крича: „никогда не видать мнѣ болѣе Коріона!“ Испуганный, онъ спрятался за давяльную (винограда) и вымарать свой плащъ и панцырь. Тогда проснулся тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. Онъ видитъ своихъ храбрыхъ воиновъ около кровати своей.—„Что случилось съ вами, товарищи, чего хотите вы?“—„Ахъ, многоуважаемый господинъ, левъ насъ засталъ въ расплохъ“. Но Сидъ сперся на локоть и всталъ. Накинувъ плащъ на плечи, онъ прямо пошелъ ко льву. Когда левъ завидѣлъ его, ему стало стыдно передъ Сидомъ: онъ склонилъ голову. Мой Сидъ, донъ Родригъ, взялъ его за гриву, отвелъ въ клѣтку и заперъ. Всѣ бывшіе тамъ удивлялись; оставивъ дворъ, они возвратились потомъ въ палаты. Сидъ позвалъ зятьевъ своихъ, но ихъ не могли отыскать; ихъ зовутъ, но они не откликаются; наконецъ, ихъ нашли, и они явились. Оба были очень блѣдны. Никогда не придется вамъ слышать такихъ насмѣшекъ, какія говорились въ то время. Мой Сидъ Кампеадоръ не позволялъ болѣе смѣяться надъ зятьями, но инфанты коріонскіе

*) Одинъ изъ инфантовъ. Его не должно смѣшивать съ Фернандомъ Гонзалецомъ, который сдѣлалъ героемъ отдѣльнаго цикла романсовъ.

считали себя жестоко оскорбленными; они пришли въ бѣшенство отъ того, что съ ними случилось“.

Вскорѣ послѣ приключенія со львомъ, Родригъ одержалъ большую побѣду надъ маврами. Инфанты не показали особеннаго мужества въ битвѣ, однако, они получили на свою долю хорошую часть добычи. Тогда они рѣшились воротиться домой съ супругами своими. Родригъ согласился ихъ отпустить и далъ имъ въ провожатые племянника своего Фелеца Муніоса. При самомъ началѣ путешествія, коріонскіе инфанты обнаружили вполнѣ свое коварство: они хотѣли убить и ограбить богатаго мавра, Сидова друга, у котораго нашли гостепріимный пріемъ. Но у нихъ были еще худшіе замыслы, которые они намѣрены были привести въ исполненіе въ дремучемъ лѣсу. Здѣсь остановились на ночлегъ инфанты. На разсвѣтъ они отправили впередъ свою свиту и остались наединѣ съ своими супругами. Въ надеждѣ на безнаказанность, вѣроломные рыцари высказали дочерямъ Сиды свою ненависть и желаніе отомстить за обиды, нанесенныя имъ въ Валенціи. Бѣдныя жены умоляютъ инфантовъ отрубить имъ головы знаменитыми мечами Коладаю и Тизономъ, которые Сидъ далъ зятьямъ, снаряжая ихъ въ дорогу. Предатели не слушаютъ моленій и до изнеможенія бьютъ женъ своихъ шпорами и ремнями. Когда жертвы ихъ жестокости перестали уже кричать отъ боли, инфанты оставили ихъ лѣснымъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, а сами пустились въ дальнѣйшій путь. Но вѣрный Фелецъ Муніосъ видѣлъ издали поступокъ инфантовъ и во-время явился на помощь двоюроднымъ сестрамъ. Онъ привелъ ихъ въ чувство, напоилъ холодной водой и, посадивъ на своего коня, вывелъ изъ лѣса. Когда Сидъ узналъ о томъ, что случилось, „онъ долго думалъ и молчалъ. Потомъ онъ поднялъ руку и коснулся ею бороды своей. Хвала Христу, Владыкѣ міра! Инфанты коріонскіе оказали мнѣ большую честь. Клянусь этою бородою, до которой никто не дотрогивался, инфанты недолго будутъ радоваться своему дѣлу. Я съумѣю выдать дочерей моихъ замужъ“.

Сидъ дѣйствительно отомстилъ зятьямъ своимъ; они принуждены были отдать назадъ богатое приданое, мечи Коладу и Тизона, и всенародно сознаться въ безчестномъ поступкѣ. Дочери Сиды вышли вторично замужъ за инфантовъ наварскаго и аррагонскаго. Г. Дози полагаетъ, что жонглеръ, которому мы обязаны поэмою о Сидѣ, руководился въ этомъ эпизодѣ личною ненавистью къ двумъ знатнымъ фамиліямъ Гомесъ и коріонскихъ инфантовъ. Трудно доказать вѣрность

этого предположенія. Для насъ важнѣе всего черты жестокыхъ феодальныхъ нравовъ, которыхъ представителями явились коріонскіе инфанты. Прибавимъ сверхъ того, что въ поэмѣ о Сидѣ нравы и обычаи настоящіе выставлены не такъ рѣзко и сурово, какъ въ стихотворной хроникѣ, которая, очевидно, ближе къ народному преданію.

Мы привели выше нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что Родригъ не всегда строго держалъ данное слово. Конечно, въ этомъ отношеніи онъ такъ-же отступаетъ, какъ и во многихъ другихъ, отъ правилъ рыцарской чести. Но современники едва-ли ставили ему въ укоръ эту черту, о которой не безъ удовольствія упоминаютъ поэтические памятники. Когда изгнанный Сидъ выѣзжалъ изъ Бургоса (разсказываетъ поэма о немъ), ему понадобились деньги. Онъ велѣлъ набить пескомъ два большіе сундука и обманулъ двухъ бургонскихъ евреевъ, которымъ заложилъ эти ящики за 600 марокъ. Евреи повѣрили ему на слово, привяли песокъ вмѣсто обѣщанныхъ драгоценностей и обязались не открывать сундуковъ въ теченіе цѣлаго года. Позднѣйшій поэтъ, излагая этотъ случай, прибавляетъ, что въ этихъ ящикахъ хранилось „злато Сидова слова“. У жонглера XIII столѣтія вовсе нѣтъ такихъ понятій. Онъ просто разсказываетъ происшествіе, въ которомъ, по его мнѣнію, обнаруживались умъ и хитрость кастильскаго героя. Вообще, честность и правдолюбіе не считались на Пиринейскомъ полуостровѣ, въ эпоху Сиды, необходимыми принадлежностями феодальнаго воина. Здѣсь видно вліяніе магометанскихъ нравовъ. „Воевать—значить обманывать“, — сказалъ Магометъ. — Когда Родригъ жилъ въ Валенціи, онъ, по словамъ Ибн-Бассана, заставлялъ себѣ читать сказанія о подвигахъ арабовъ. Никто изъ магометанскихъ вождей не возбуждалъ въ немъ такого восторга и не внушалъ къ себѣ такого участія, какъ Аль-Мохалабъ, прозванный лжецомъ. Къ этому Мохалабу обратился современный арабскій поэтъ съ слѣдующимъ стихомъ: „Ты былъ-бы благороднѣйшій изъ витязей, еслибы ты имѣлъ привычку говорить правду“. Упрекъ поэта не помрачилъ, повидимому, чести арабскаго героя. Г. Дози приводитъ о немъ другое, болѣе положительное и согласное съ идеями той эпохи свидѣтельство: „Аль-Мохалабъ былъ ученый знатокъ корана; ему извѣстны были слова пророка, сказавшаго, что всякая ложь будетъ сочтена за таковую, за исключеніемъ трехъ случаевъ: лжи, сказанной для примиренія двухъ ссорящихся; лжи мужа, обѣщающаго что-ни-

будь женѣ своей, и лжи война, произносящаго угрозы предъ битвою“.

Во всеобщей хроникѣ Альфонса X характеръ Сиды является намъ уже нѣсколько смягченнымъ. Король-лѣтописецъ не могъ питать сочувствія къ мятежному вассалу и охотно приводитъ заимствованныя имъ изъ арабскихъ источниковъ показанія о жестокости Сиды. Зато онъ изображаетъ его отношенія къ Альфонсу VI въ лучшемъ и болѣе приличномъ настоящему рыцарству видѣ, чѣмъ стихотворная хроника и даже поэма.

По мѣрѣ укрѣпленія въ Испаніи монархическихъ понятій и рыцарскихъ идей, составители романсовъ болѣе и болѣе стираютъ суровыя черты настоящаго Сиды и приближаютъ его къ своей эпохѣ. Эти романы вытѣснили изъ народнаго употребленія другіе, болѣе древніе памятники поэзіи, въ которыхъ дѣйствительность отразилась чище и вѣрнѣе. Можно сказать, что исторія и поэзія дѣйствовали въ этомъ случаѣ за-одно. Историческія компіляціи XVI и XVII столѣтій, упоминающія о Сидѣ, возникли подъ вліяніемъ идей, совершенно чуждыхъ XI вѣку. Даже Филиппъ II увлекся общимъ направленіемъ и питалъ глубокое уваженіе къ памяти представителя строптивой аристократіи, которая такъ долго задерживала въ Испаніи прочное укрѣпленіе монархическаго начала.

Оканчивая обзоръ прекрасной книги г. Дози, мы подѣлимся съ нашими читателями пріятнымъ извѣстіемъ о его намѣреніи издать полную исторію средневѣковой Испаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ современныхъ ученыхъ никто не можетъ выполнить эту задачу съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ. Да будетъ намъ позволено еще выразить одно желаніе. Русская литература крайне бѣдна переводами произведеній средневѣковой поэзіи. Поэма о Сидѣ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ памятниковъ этой поэзіи и способна возбудить участіе всякаго образованнаго читателя. Простотою формы, занимательностью содержанія она несравненно выше рыцарскихъ романовъ XII и XIII столѣтій, написанныхъ въ остальной Европѣ: это чисто эпическое произведеніе. Неужели никто изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и ученыхъ не возьметъ на себя труда подарить насъ переводомъ замѣчательнаго памятника, изъ котораго лучше чѣмъ изъ многотомныхъ разсужденій, можно понять жизнь Пиринейскаго полуострова въ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ его исторіи?

Нѣсколько словъ о покойномъ Николаѣ Григорьевичѣ Фроловѣ.

Четвертый томъ „Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій“ выходитъ въ свѣтъ по смерти издателя, приготовившаго его къ печати и на смертномъ одрѣ выправлявшаго корректурные листы послѣднихъ статей. Друзья покойника, принявшіе на себя обязанность продолжать начатое имъ предпріятіе, нашли этотъ томъ совершенно готовымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является на судъ читателей. Дѣло ихъ, слѣдовательно, впереди.

Но съ принятою ими на себя обязанностью соединена другая, къ сожалѣнію, не всегда выполняемая у насъ въ Россіи. Сколько благородныхъ и заслуженныхъ дѣятелей всякаго рода сошло у насъ въ могилу, не вызвавъ своею смертію признательной и безпристрастной оцѣнки совершенныхъ ими трудовъ! Люди близкіе какъ-будто совѣстятся говорить о дорогомъ для нихъ покойникѣ; посторонніе, которымъ нечего бояться упрека въ лицепріятіи, при самомъ искреннемъ желаніи сказать что-нибудь, должны молчать по недостатку свѣдѣній. А, между тѣмъ, ничто не даетъ человѣку такой твердости въ исполненіи обязанностей, ничто такъ не укрѣпляетъ его въ трудѣ и честной борьбѣ, какъ увѣренность въ томъ, что по смерти его ему воздано будетъ должное, и что посильная дѣятельность его найдетъ благодарныхъ цѣнителей.

Николай Григорьевичъ Фроловъ родился въ исходѣ 1812 года. На седьмомъ году отъ рожденія, онъ уже поступилъ въ пажескій корпусъ, куда былъ принятъ по Высочайшему повелѣнію, въ уваженіе заслугъ отца его, храбраго воина, убитаго въ чинѣ генераль-майора, подъ Полоцкомъ. Въ 1830 году, Фроловъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ. Онъ любилъ службу и зани-

мался ею съ тою добросовѣстностью, которая составляла отличительную черту его характера. Несмотря на то, онъ вышелъ черезъ четыре года въ отставку. Побудительнымъ поводомъ къ этому поступку, на который онъ рѣшился не безъ борьбы съ самимъ собою, была горячая потребность высшаго образованія, не дававшая ему покоя. Онъ уѣхалъ въ Дерптъ, а оттуда въ Германію, гдѣ провелъ около пяти лѣтъ въ постоянной работѣ. Тамъ встрѣтилъ онъ первую супругу свою (Е. П. Галахову), женщину необыкновенно умную и просвѣщенную, влияние которой окончательно утвердило его въ намѣреніи посвятить себя наукѣ. Трудность заключалась въ выборѣ предмета занятій. Любознательность Фролова долго не позволяла ему остановиться на одной какой-нибудь отрасли знанія и требовала самой разнородной пищи. Съ этою цѣлью онъ въ 1837 году поселился въ Берлинѣ и слушалъ въ тамошнемъ университетѣ курсы исторіи, философіи, права и естественныхъ наукъ. Многія изъ ученыхъ знаменитостей, которыми въ то время такъ богатъ былъ Берлинъ, знали лично Фролова, цѣнили надлежащимъ образомъ его благородныя стремленія и помогали ему своими совѣтами. Но планъ, по которому онъ трудился, былъ слишкомъ обширенъ и потому не могъ быть выполненъ. Къ счастью, Фроловъ умѣлъ во-время остановиться: изъ разнообразныхъ занятій своихъ онъ вынесъ не пресыщеніе и усталость, а многосторонне развитый умъ и непоколебимую вѣру въ достоинство всѣхъ частей науки. Въ лекціяхъ знаменитаго Риттера онъ, наконецъ, нашелъ то, чего онъ такъ долго и такъ жадно добивался. Эти лекціи опредѣлили всю его послѣдующую дѣятельность. Въ бумагахъ покойника сохранились слѣды его юношескихъ думъ и исканій. Неустановившіяся, бродившія въ немъ идеи искали себѣ выхода и выраженія; онъ много писалъ въ этотъ періодъ своей жизни, но писалъ для себя и для немногихъ близкихъ ему людей. Всѣ эти опыты проникнуты чистою любовью къ добру и къ истинѣ. Видно, что вниманіе молодого писателя рано остановилось на вопросахъ, которые не переставали занимать его до самой кончины. Развалины Картезіанскаго монастыря, близъ Павіи, внушили ему горячо прочувствованную статью объ отношеніи жизни созерцательной къ жизни дѣятельной. Результатомъ посѣщенія Женевской тюрьмы было цѣлое изслѣдованіе, обнаруживающее не одно участіе къ предмету, но и добросовѣстное изученіе всѣхъ исправительныхъ системъ, какія въ то время были въ ходу.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Россіи, болѣзнь

упруги, вскорѣ потомъ умершей, побудила Фролова снова покинуть родину и провести еще нѣсколько лѣтъ за границею. Испытанный горькими личными утратами, онъ крѣпче привязался къ наукѣ, надежной цѣлительницѣ душевныхъ ранъ. Онъ много путешествовалъ, видѣлъ большую часть Европы и учился не по однѣмъ книгамъ, заготовляя материалы для будущихъ скромныхъ, съ цѣлью общей пользы, и не извѣстности задуманныхъ имъ трудовъ. Когда вышелъ первый томъ „Космоса“, Фроловъ тотчасъ принялся за переводъ этого творенія, которымъ великій естествоиспытатель завершалъ свое поприще. Три тома русскаго перевода „Космоса“ давно находятся въ рукахъ нашей публики. Они снабжены пояснительными дополненіями и примѣчаніями, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ и которыя свидѣлствуютъ о рѣдкомъ трудолюбіи и добросовѣстности переводчика. Сверхъ того, Фроловъ намѣревался приложить къ своему переводу полное обзорѣніе дѣятельности Александра Гумбольдта, въ которую, можно сказать, входитъ вся исторія естественныхъ наукъ съ конца прошлаго столѣтія. Но этотъ трудъ, изъ котораго извлечено было нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ „Современникъ“, не удовлетворилъ самого автора, много разъ возвращавшагося къ нему съ новымъ жаромъ и оставившаго въ бумагахъ своихъ только, незадолго до смерти, снова написанную исторію первыхъ путешествій Гумбольдта.

Съ 1847 года Фроловъ постоянно жилъ въ Россіи. Поселившись въ Москвѣ, гдѣ у него былъ немногочисленный, но горячо любившій и уважавшій его кругъ друзей, онъ, несмотря на новыя, поразившія его несчастья и потери, остался вѣренъ дѣлу, которому думалъ посвятить всѣ силы свои. Понимая вполнѣ значеніе сравнительнаго землевѣдѣнія, созданнаго почти на глазахъ нашихъ Гумбольдтомъ, Риттеромъ и ихъ даровитыми послѣдователями, онъ хотѣлъ участвовать въ перенесеніи на русскую почву этой еще новой и у насъ столь мало извѣстной науки. Въ эти планы и надежды не входили никакіе расчеты личнаго самолюбія. Источникомъ ихъ было чувство, которое мы смѣло позволимъ себѣ назвать гражданскимъ. Способный понимать науку въ ея самостоятельномъ, независимомъ величіи, покойный другъ нашъ смотрѣлъ на нее преимущественно съ точки зрѣнія пользы, какую она можетъ принести Россіи. Вотъ, откуда черпалъ онъ свое неослабное рвеніе. Онъ очень хорошо зналъ, что труды собирателя и переводчика ученыхъ сочиненій обращаютъ на себя мало вниманія и не даютъ правъ

на почетную извѣстность, но это не мѣшало ему работать до изнеможенія.

Русское Географическое общество, къ числу членовъ котораго принадлежалъ Н. Г. Фроловъ, неоднократно обращалось къ нему съ предложеніями, доказывающими довѣріе, какимъ онъ пользовался со стороны людей, наиболѣе способныхъ къ вѣрной оцѣнкѣ его трудовъ и знаній. Ему, между прочимъ, предложено было взять на себя редакцію географическаго словаря Русской Имперіи. Недовѣріе къ собственнымъ силамъ побудило Фролова отклонить отъ себя это порученіе. Слѣдя съ живымъ участіемъ за блестящею и обширною дѣятельностью Географическаго общества, онъ надѣялся служить ему частными изданіями, направленными къ той-же цѣли и проникнутыми тѣмъ-же духомъ. Такимъ образомъ родилась въ немъ мысль о „Магазинѣ Землеводѣнія и Путешествій“, съ дополненіями, имѣвшими состоять изъ „Собранія старыхъ и новыхъ путешествій“. Обстоятельства, не зависѣвшія отъ воли издателя, не позволили ему осуществить вполнѣ свои предположенія. Съ 1852 года вышло три тома „Магазина“. Многочисленные, частью совершенно готовые, частью заказанные матеріалы для „Собранія старыхъ и новыхъ путешествій“, войдутъ въ „Магазинъ“ особеннымъ отдѣломъ. Друзья покойника исполняютъ свято его волю и постараются вполнѣ передать публикѣ все то, что онъ такъ заботливо и безкорыстно для нихъ готовилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, безкорыстіе и самоотверженіе Фролова нельзя было дѣйствовать. Онъ жертвовалъ деньгами, временемъ, наконецъ, даже здоровьемъ, безъ всякихъ надеждъ на личное вознагражденіе. Кромѣ общей пользы, у него ничего не было и не могло быть въ виду. Цѣна, положенная имъ за его книги, была такъ незначительна, что, даже въ случаѣ самой успѣшной продажи, она не въ состояніи была бы покрыть издержки изданія. Назначивъ высокую плату за оригинальныя статьи, онъ надѣялся дать молодымъ талантливымъ ученымъ возможность трудиться надъ любимомъ его наукою. Богатая книгами и географическими картами, собранная имъ еще въ то время, когда денежные средства его были крайне ограничены, библіотека предоставлялась свободному пользованію всѣхъ участниковъ въ „Магазинѣ“.

Первый томъ „Магазина“ былъ довольно холодно принятъ журнальною критикою и читателями. Намъ кажется, что причина этой неудачи заключается въ пестротѣ статей, рѣзко переходящихъ отъ строго ученаго къ чисто популярному способу изложенія. Отсюда происходитъ какая-то не-

опредѣленность въ характерѣ цѣлой книги. Тѣмъ не менѣе, она содержитъ въ себѣ нѣсколько статей истинно превосходныхъ, которыхъ было-бы достаточно для успѣха всякаго ученаго сборника. Второй и третій томы были счастливѣе перваго. Изъ нихъ видно, что Фроловъ приобрѣлъ большую опытность въ своемъ дѣлѣ и вѣрнѣе сталъ понимать дѣйствительныя потребности русской публики. Въ предисловіи ко второму тому, составленному изъ переводовъ географическихъ статей Риттера и „Воззрѣній на природу“ Александра Гумбольдта, издатель ясно высказалъ мысль, заставлявшую его такъ часто обращаться къ иностраннымъ литературамъ. „Вносить въ отечественную словесность произведенія чуждыхъ литературъ,—говоритъ онъ:—значить дѣлать ее соучастницею въ движеніи всемірной литературы. Черезъ это созданія человѣческой мысли расширяютъ свой кругъ дѣйствія, приобретаютъ, внѣ своей тѣсной родины, новое отечество и, подъ другимъ небомъ, воздѣлываемыя другою рѣчью, приносятъ новые плоды. Чужеземныя творенія только переложеніемъ на народный языкъ дѣлаются истиннымъ достояніемъ нашей отечественной почвы и могутъ на ней плодотворно перерабатываться; испытуемая, повѣряемая нашимъ роднымъ говоромъ, только помощью изящнаго переводнаго языка эти творенія соглашаются съ нашимъ народнымъ духомъ, приспосабливаются къ потребностямъ народной образованности, входятъ въ умственное обращеніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ и всемірно-историческое мѣрило для нашихъ туземныхъ литературныхъ произведеній“. Эти слова, опредѣляя точку зрѣнія самого Фролова, могутъ въ то-же время служить превосходнымъ отвѣтомъ на толки людей, утверждающихъ, что намъ не для чего переводить ученыя творенія Запада, потому что тѣ, кого занимаетъ содержаніе подобныхъ книгъ, читаютъ ихъ въ подлинникѣ, а другимъ онѣ вовсе не нужны.

По поводу перевода географическихъ статей Риттера намъ случалось слушать другія, столь-же основательныя и дѣльныя возраженія, къ сожалѣнію, находящія всегда готовый отголосокъ въ массѣ, такъ называемыхъ, любителей *легкаго чтенія*. По мнѣнію многихъ, издатель „Магазина“ не долженъ былъ-бы помѣщать въ своемъ изданіи статей до такой степени неясныхъ и трудныхъ. Ихъ, по крайней мѣрѣ, надобно было-бы передѣлать, приворовить къ свойствамъ русскаго ума, который по всемъ любитъ ясность и простоту,—говорили критики, которыхъ мы имѣемъ въ виду.—Но трудность пониманія Риттеровыхъ статей существуетъ въ равной степени

для нѣмца и для русскаго, на обоихъ языкахъ. Эта трудность состоитъ не столько въ тяжеломъ изложеніи, сколько въ новизнѣ идей, къ которымъ мы еще не успѣли привыкнуть и для яснаго уразумѣнія которыхъ необходимы многостороннія свѣдѣнія. Въ настоящее время, этихъ глубокомысленныхъ теорій никакъ нельзя сдѣлать популярными и общедоступными, по той причинѣ, что онѣ не вполне выработались и не представляютъ замкнутаго въ себѣ цѣлаго. Мы должны пока принимать идеи Риттера въ той формѣ, въ какой онѣ вышли и выходятъ изъ-подъ пера гениальнаго географа, не посягая на эту форму, которую еще трудно отдѣлать отъ содержанія. Печатавъ переводъ Риттеровыхъ изслѣдованій, Фроловъ имѣлъ въ виду не большинство читателей, которымъ онѣ въ той-же книгѣ далъ самое изящное изъ твореній Гумбольдта, а тѣхъ немногочисленныхъ, но горячихъ, разсѣянныхъ по разнымъ концамъ нашего отечества *тружениковъ*, до которыхъ никогда не дойдетъ подлинникъ Риттера. И если нѣмецкая мысль, прикосновеніемъ своимъ къ одному изъ такихъ, вдали отъ центровъ просвѣщенія изнывающихъ русскихъ умовъ, оплодотворить его и подвинетъ къ самостоятельной дѣятельности на поприщѣ юнаго землевѣдѣнія, то цѣль, которую поставилъ себѣ издатель „Магазина“, будетъ вполне достигнута и трудъ его богато вознагражденъ. Знакомый съ современнымъ состояніемъ географическихъ наукъ и съ ихъ литературою, Фроловъ твердо шелъ своей дорогой, прислушиваясь къ мнѣнію настоящихъ цѣнителей и не обращая вниманія на дешевые совѣты придирчиваго и взыскательнаго диллетантизма.

Третій томъ, въ которомъ помѣщено много статей, написанныхъ русскими учеными, служить доказательствомъ, что предпріятіе Фролова было по достоинству оцѣнено представителями нашего просвѣщенія. Со всѣхъ сторонъ: изъ Сибири, съ Кавказа, получалъ онъ письма съ предложеніями сотрудничества, матеріаловъ. Нельзя было не радоваться такому, можно сказать, съ боя взятому успѣху. Но эта радость была не продолжительна. Часть полученныхъ писемъ осталась безъ отвѣта. Въ то самое время, когда передъ нимъ расширялось поприще благотворной и отрадной дѣятельности, когда ему, повидимому, предстояло успокоеніе послѣ испытанной тяжкими страданіями жизни, Богу угодно было положить конецъ этой жизни. Фроловъ скончался 15-го января 1855 года, на 43-мъ году отъ рожденія, въ Черниговскомъ имѣніи своей супруги. Онъ умеръ спокойно, съ твердымъ сознаніемъ своего положенія и съ неокладѣвшимъ

участиемъ ко всему, что любилъ въ дни молодости и здоровья. Только съ послѣднимъ бѣніемъ сердца, затихла въ немъ потребность дѣлать добро и приносить пользу.

Слово труженикъ у насъ давно получило ироническое, оскорбительное для того, къ кому оно относится, значеніе. А между тѣмъ это слово выражаетъ рѣдкое въ высшей степени благородное свойство. Гордясь богатыми дарами, которыми природа такъ щедро надѣлила русскаго человѣка, въ особенности его способностью исправлять въ нѣсколько часовъ упущенія, происходящія отъ цѣлыхъ мѣсяцевъ лѣни и праздности, мы какъ-будто свысока смотримъ на всякую упорную и непрерывную дѣятельность. Мы готовы называть труженикомъ каждаго, кто подчинилъ свой день извѣстному, неизмѣнному порядку, и никогда не откладываетъ до завтра то, что онъ долженъ сдѣлать сегодня. Къ числу такихъ тружениковъ принадлежалъ Фроловъ. Природа не обидѣла его дарами своими, обстоятельства часто давали ему возможность пользоваться совершеннымъ досугомъ; но онъ носилъ въ душѣ непреклонное, до жестокости доходившее чувство долга. Умирая, онъ имѣлъ право сказать, что сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ предѣлахъ отмѣренной ему Провидѣніемъ жизни. Такое сознаніе было для него тѣмъ утѣшительнѣе, что онъ глубоко вѣрилъ въ нравственную силу просвѣщенія, которому такъ честно и безкорыстно служилъ съ ранней молодости своей.

1855-й годъ богатъ утратами для Россіи. Передъ славными кончинами севастопольскихъ защитниковъ блѣднѣетъ тихая, хотя мужественная смерть скромнаго труженика науки. Но его отсутствіе будетъ замѣтно въ тѣсныхъ рядахъ того войска, которому Россія ввѣрила знамя своей образованности.

Лекціи изъ средней исторіи Т. Н. Грановскаго *).

I.

Введеніе въ исторію среднихъ вѣковъ.

Предметомъ настоящаго чтенія будетъ исторія среднихъ вѣковъ. Вамъ извѣстно, что этимъ именемъ называется отдѣленіе, содержащее въ себѣ около десяти вѣковъ отъ исхода V до исхода XV или начала XVI. Самое названіе среднихъ вѣковъ есть недавнее: не ранѣе какъ въ началѣ прошлаго столѣтія нѣмецкій ученый Лёшеръ написалъ сочиненіе о смутныхъ временахъ папства, когда три знаменитыя женщины располагали папскою тiarою; этой монографіи онъ предпослалъ краткое введеніе, въ которомъ употребилъ означенное выраженіе. Чрезъ двадцать лѣтъ послѣ того онъ написалъ обстоятельный обзоръ исторіи среднихъ вѣковъ подъ названіемъ: „Geschichte der mittleren Zeit“. Съ этихъ поръ и принято въ обыкновеніе подраздѣлять христіанскую исторію на среднюю и новую; но это дѣленіе совершенно произвольное и отнюдь не научное. Собственно, средній вѣкъ не представляетъ такой законченности, какой вправдѣ мы отъ него требовать. Конечно, событія, которыми ознаменованы конецъ XV и начало XVI, очень важны и отдѣляютъ вѣка предыдущіе отъ послѣдующей исторіи, но отдѣляютъ не столь рѣзко, чтобы могли служить рубежами. Между средними вѣками и новой исторіей существуетъ внутренняя связь—связь религіозная. Нельзя по этой причинѣ проводить такой рѣзкой границы между христіанскими народами и вслѣдствіе того нельзя подраздѣлять исторію этихъ народовъ на два отдѣла, насильственно разрывать между ними ту внутреннюю духовную связь, которая единитъ собою средніе и новые вѣка, которая лежитъ въ основѣ и

*) Напечатаны въ 1862 г. въ журналѣ „Время“.

характеръ всѣхъ христіанскихъ обществъ. Самыя границы между исторіей среднихъ вѣковъ и древней исторіей не совершенно опредѣлены. Обыкновенно принимаютъ за рубежъ между этими отдѣлами исторіи принятіе христіанской вѣры Константиномъ Великимъ, другіе—паденіе западной римской имперіи. Въ сущности, всѣ эти подраздѣленія не имѣютъ большой важности: великій отдѣлъ исторіи, составляющій самъ по себѣ органическое цѣлое, не заключается однимъ какимъ-либо событіемъ или годомъ; нельзя сказать, что такимъ-то годомъ заключается древняя исторія и начинается средняя: между той и другой лежитъ неопредѣленное пространство времени, которое обыкновенно называютъ переходнымъ. Не вдругъ умерло язычество, и не вдругъ явилось христіанство, и не вдругъ оно побѣдило язычество. Эта-то борьба между христіанствомъ и язычествомъ и составляетъ содержаніе переходной эпохи; ее можно начать съ паденія римской республики и окончить Карломъ Великимъ. Еще въ большемъ объемѣ можно сказать, что всѣ средніе вѣка представляются какъ переходная эпоха между древнимъ, вполнѣ замкнутымъ историческимъ развитіемъ и новымъ, въ которомъ мы живемъ. Здѣсь совершается разработка древнихъ и новыхъ элементовъ; здѣсь связуется новое съ древнимъ. Впродолженіи всей средней исторіи мы замѣчаемъ постоянное броженіе идей, какіе-то фантастическіе замыслы, никогда недостигаемые. Съ одной стороны античный міръ глубоко укоренился въ духѣ народовъ, а съ другой стороны уже возникалъ элементъ германскій и христіанскій. Отсюда-то беспорядочное, хаотическое броженіе, которымъ отличается средневѣковое общество. Правильнѣе было-бы раздѣлить исторію на два отдѣла: языческій—древняя исторія и христіанскій—новая; но мы должны подчиниться господствующему, хотя несовершенно вѣрному раздѣленію, и излагать исторію среднихъ вѣковъ, какъ нѣчто особенное. Но нельзя сказать, что это переходное время не отмѣчено особенными, ему принадлежащими признаками, о которыхъ я и упомяну.

Вамъ извѣстно, какимъ театромъ ограничивалась древняя исторія, гдѣ именно совершались ея событія. Оставивъ въ сторонѣ Китай и Индію, имѣвшихъ, конечно великое значеніе въ исторіи рода человѣческаго, мы должны положительно сказать, что этимъ театромъ были берега Средиземнаго моря. Здѣсь жили главные народы древняго міра; къ Средиземному морю прилегали персидская монархія, историческіе народы Африки; сюда выдавались полуострова южной Европы: Греція, Италія, Пиринейскій полуостровъ;

все остальное лежало какъ-бы внѣ исторіи. Но строго говоря, мы еще расширили рубежи древняго міра. Галлія вошла въ составъ римскаго міра уже при паденіи римской республики. Къ сѣверу отъ Рима жили народы, которые уже давно стучались въ ворота римской имперіи, но не пускались на завоеванія—это племена германскія и славянскія. Значительная часть земного шара—Америка, еще не существовала для человѣчества, пятая-же часть свѣта завоевана европейскими мореплавателями уже въ XVIII столѣтіи. Слѣдовательно, самый театръ древняго міра отличенъ отъ того, на которомъ совершались событія среднихъ вѣковъ. Не только вся Европа входила въ составъ историческихъ дѣятелей, но и Азія тѣснѣе примкнула къ Европѣ вслѣдствіе религіозной системы, тамъ возникшей, вслѣдствіе большаго общенія между народами: одни уже крестовые походы положили основу несокрушимыхъ связей.

Далѣе, народы древняго міра рѣзко отдѣлялись одни отъ другихъ не только учрежденіями, племенными особенностями и языкомъ, но и религіозными вѣрованіями, которыя представляли удивительную пестроту и разнообразіе; и всѣ эти религіозныя системы стояли въ враждебныхъ отношеніяхъ между собою; и люди, и боги принимали участіе въ этихъ распряхъ. Отсюда истекаетъ этотъ безпощадный характеръ античныхъ войнъ: сами боги оправдывали эту жестокость. Когда Римъ соединилъ въ одномъ Пантеонѣ всѣ божества древности, то этимъ высказалъ только распаденіе античныхъ религіозныхъ идей, подобно тому, какъ распадалось нравственное и политическое могущество древняго міра. На другой почвѣ, подъ вліяніемъ высшихъ началъ должно было совершиться примиреніе рода человѣческаго—слиянiе его въ одну семью, хотя конечный результатъ его не совершился еще и теперь. Такого разнообразія, такой пестроты мы не встрѣтимъ въ средней исторіи. Двѣ господствующія религіозныя системы возникли въ Азіи и раздѣлили міръ на двѣ половины: христіанство и исламъ. Большая часть среднихъ вѣковъ наполнена борьбами между христіанствомъ и исламомъ. Христіанство, изъ Палестины распространившееся за западъ и проникшее ко всѣмъ народамъ европейскаго материка, связало эти народы и дало Европѣ тотъ духъ единства, на которомъ основывается превосходство ея надъ остальными частями свѣта; въ христіанствѣ лежатъ начала и основаніе общей европейской образованности. Черезъ шесть вѣковъ послѣ христіанства въ Аравіи возникъ исламъ. Способъ распространенія ислама былъ совершенно другой, це-

жели какой употреблялся при распространении христіанства: онъ разносился на остріѣ меча арабовъ. Начало ислама отличено успѣхами его. Съ неслыханною быстрою онъ распространился въ Азіи, Африкѣ и даже Европѣ угрожалъ опасностью съ Пиринейскаго полуострова и изъ Византіи; но успѣхи были непродолжительны, ибо исламъ носилъ въ себѣ условія разложенія; христіанство-же обладало кромѣ высшаго начала еще большими преимуществами. Борьба оказалась неравною. Сначала христіанство должно было по-видимому уступить; и хотя исламъ завоевалъ нѣкоторыя христіанскія земли: Сирію, Малую Азію, сѣверную Африку, перешелъ на Пиринейскій полуостровъ, но въ концѣ среднихъ вѣковъ начинается обратное движеніе завоеваній, и онъ теряетъ всѣ земли. Исламъ могъ принести лишь внѣшнее просвѣщеніе. Между кораномъ и истиннымъ просвѣщеніемъ лежитъ глубокое различіе. Образование магометанъ было искусственное, внѣшнее, заимствованное; оно не было образованіемъ народнымъ, оно было только образованіемъ высшихъ аристократическихъ сословій. Не такова образованность христіанская: она проникаетъ въ самые низшіе слои общества, она доступна всякому, но объ этомъ подробнѣе будетъ сказано далѣе.

■ Какъ-бы то ни было, пестрота и разнообразіе религіозныхъ системъ древняго міра, стоявшихъ въ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, исчезли и уступили мѣсто единству. Христіанство господствуетъ въ Европѣ, а исламъ въ главныхъ частяхъ Азіи. Восточная Азія занята борьбою между буддизмомъ и брамизмомъ; но эти формы предшествовали среднему вѣку и не обнаруживали на жизнь его никакого вліянія.

Продолжая далѣе развивать различіе между древнимъ міромъ и средними вѣками, мы должны обратить вниманіе на самыя формы гражданской жизни. Вы видѣли въ исторіи древняго міра, какъ разнообразны были эти формы, начиная отъ восточной монархіи до республикъ, возникшихъ въ Греціи и Италіи. Казалось, родъ человѣческій истощилъ свою изобрѣтательность на созданіе политическихъ формъ. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи новый міръ повторяетъ съ нѣкоторыми измѣненіями явленія, знакомыя намъ уже изъ древней исторіи. Но между этими безчисленными общинами постоянно одно государство возвышалось надъ другими и обращало на себя общее вниманіе. Отъ этого древнюю исторію можно излагать по отдѣльнымъ государствамъ. Сначала являются великіе народы Востока: ассириане,

потомъ вавилоняне, за ними персы; далѣе отъ персидскаго государства, которое подчинило всѣ историческіе народы, можно перейти къ Греціи, которая вытѣснила Персію изъ этого положенія и замыкаетъ свое историческое движеніе македонской монархіей; потомъ слѣдуетъ переходъ къ Риму, который осуществилъ собою для древняго міра идею всемірной монархіи. Слѣдовательно, въ каждую данную эпоху исторія вращается около одного какого-нибудь народа, и каждый народъ древняго міра представляетъ собою нѣчто отдѣльное, особенное и въ политикѣ, и въ религіозномъ отношеніи. Мы видимъ, что въ древней исторіи народы слѣдуютъ преемственно одинъ за другимъ, смѣняютъ другъ друга. Такого явленія мы не найдемъ въ средней исторіи. Въ средніе вѣка между народами болѣе равенства; въ Европѣ нѣтъ народа владычествующаго, преобладающаго, около котораго-бы вращалась исторія. Иногда, благодаря нѣкоторымъ условіямъ и явленіямъ великихъ личностей, нѣкоторые государства выступаютъ впередъ и налагаютъ владычество на другихъ. Но оно не бываетъ продолжительно. Конечно, германское племя является вначалѣ владычествующимъ; изъ рядовъ его выходятъ основатели династій, изъ рядовъ его вышелъ и тотъ великій монархъ, котораго можно назвать собирателемъ западной Европы. Но съ нимъ и оканчивается господство германскаго племени; послѣ него выступаютъ новыя государства: Франція, государства Пиринейскаго полуострова, Италія, Британія, Скандинавскаго полуострова. Каждое изъ этихъ государствъ живетъ своею жизнью. Европейскія государства составляли до сихъ поръ тѣсно связанную систему, въ основѣ которой лежала мысль, что никакое государство не должно возвышаться до такого значенія, что могло-бы быть опаснымъ для другихъ государствъ: это система политическаго равновѣсія. Этого не было въ древнемъ мірѣ, этого не признавалъ и средній вѣкъ, хотя это существовало въ немъ на самомъ дѣлѣ. Конечно, нѣмецкіе императоры стремились къ наложенію своей власти на другія государства западной Европы, но извѣстно, каковы были эти попытки. Однимъ словомъ, въ исторіи среднихъ вѣковъ вы найдете нѣсколько народовъ, равныхъ между собою, неподчиненныхъ и имѣющихъ одновременное, одинаковое вліяніе.

Наконецъ надобно замѣтить самое важное отличіе средней исторіи отъ древней и новой: это — совершенное измѣненіе понятія о національности. Народовъ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ знаетъ новая исторія, въ средней исторіи нѣтъ

Государства раздѣляются на сословія, и каждое сословіе составляетъ отдѣльное цѣлое, имѣющее свои интересы, свои цѣли, часто противоположные видамъ цѣлаго государства: это понятіе было чуждо среднему вѣку; тамъ не было народности, были одни сословія. Сколь упорно и даже жестоко было это понятіе въ древнемъ мірѣ, настолько-же ослабѣло въ средній вѣкъ. Когда германцы утвердились на римской почвѣ, тогда возникъ новый порядокъ вещей, совершенно отличный отъ древняго. Въ древнемъ мірѣ политическая жизнь сосредоточивалась въ городахъ; каждый городъ представлялъ государство (*civitas*). Въ средніе вѣка политическая жизнь вышла не изъ городовъ. Въ городахъ, въ замкахъ жили властители, потомки древнихъ германцевъ. Чѣмъ далѣе мы идемъ въ исторію среднихъ вѣковъ, тѣмъ рѣзче становится характеръ этой системы. Отъ VII до XI вѣка города не имѣли никакой роли въ политической жизни; судьбы западной Европы рѣшались феодальными владѣтелями, классомъ господствующимъ, надменнымъ, презиравшимъ всякую другую власть. У него вездѣ одни интересы: феодалы англійскіе подаютъ руку французскимъ; феодалы французскіе помогаютъ феодаламъ Пиринейскаго полуострова и. т. д. Въ концѣ XI вѣка выступаютъ на сцену города въ видѣ общинъ, столь-же исключительныхъ, какъ и власть феодальныхъ владѣтелей. Весь интересъ городовъ заключается въ томъ, какъ бы избавиться отъ власти барона или монастыря; въ этомъ стремленіи города помогаютъ другъ-другу и составляютъ обширные союзы, каковы: ганзейскій, союзъ прирейнскихъ городовъ, союзъ ломбардскій, нѣкогда игравшій такую важную роль. Выше ихъ стоитъ болѣе общая по идеѣ—церковь, но она не дружитъ сословіямъ; она ведетъ съ ними постоянную борьбу, условливаемую отчасти высшими ея началами, отчасти личными цѣлями и страстями ея представителей. Наконецъ сословіе вилановъ — масса, отринутая отъ всякой государственной дѣятельности, на долю которой достались одни труды и лишенія и которая ищетъ своего счастья на чужбинѣ. Однимъ словомъ, понятія объ отечествѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, не существуетъ. Слѣдовательно, здѣсь не было народности въ томъ смыслѣ, какова она была въ древнемъ мірѣ, или какъ ее понимаютъ въ настоящее время. Здѣсь дѣйствуетъ не народъ, а дѣйствуютъ сословія, и притомъ враждебныя между собою. Можно сказать, что народности слагаются только къ концу среднихъ вѣковъ въ XV вѣкѣ. Это развитіе идеи національности современно идеѣ монархической власти; монархи составляютъ

какъ-бы центры этого развитія; они-то, опираясь на народную массу, подавляютъ упорство отдѣльныхъ сословій. Эта борьба монарховъ и народностей съ отдѣльными сословіями составляетъ главный интересъ XVI и XV столѣтій. Здѣсь мы видимъ зачатки жизни новоевропейскихъ народовъ, здѣсь первые начала монархій, которыя дѣйствуютъ въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ. Однимъ словомъ, средній вѣкъ представляетъ намъ нѣсколько характеристическихъ признаковъ, отличающихъ его отъ древняго и новаго міра; но, тѣмъ не менѣе, онъ есть ничто иное какъ переходная эпоха, не представляющая полного, окончательнаго развитія элементовъ, которые предоставлены новой исторіи. Онъ какъ-бы истощилъ жизненные элементы и передалъ новымъ народамъ умственное достояніе, какъ богатство, которымъ онъ самъ не могъ пользоваться. Этихъ немногихъ указаній достаточно, чтобы уяснить различіе средняго вѣка отъ древняго и новаго. Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ относительно духовнаго, умственнаго содержанія исторіи среднихъ вѣковъ, о которой было много противоположныхъ мнѣній, самыхъ разнообразныхъ воззрѣній. Конечно, эти приговоры были основаны на различныхъ доводахъ. Писатели XVI, XVII и XVIII вѣковъ отзывались объ умственной жизни среднихъ вѣковъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Такъ называемые гуманисты, приверженцы классической школы, съ презрѣніемъ смотрѣли на памятники средневѣковой литературы и отвергали ихъ. Далѣе реформаторы и ихъ приверженцы смотрѣли съ пренебреженіемъ на средніе вѣка, какъ на время исключительнаго преобладанія католицизма.

Исходя изъ другихъ началъ, XVIII вѣкъ, вѣкъ отрицательной философіи, воспользовался обвиненіями гуманистовъ и реформаторовъ и прибавилъ къ нимъ свои собственныя; онъ провозгласилъ средніе вѣка вѣками безплоднаго варварства. Если прочесть воззрѣнія Вольтера и другихъ современныхъ ему писателей XVIII вѣка, то міръ среднихъ вѣковъ представится міромъ непроходимаго варварства, мрака, жестокости и дикости, такъ что отъ такой картины отворотить лицо всякій, кто дорожитъ успѣхами и достоинствами человѣческаго рода. Отрицательная философія XVIII вѣка не могла оцѣнить явленій средневѣковой жизни; она осуждала и средневѣковое государство, и средневѣковую церковь, и средневѣковый складъ мыслей; къ искусству среднихъ вѣковъ XVIII вѣкъ не имѣлъ никакого сочувствія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эти взгляды уступили мѣсто другимъ, противоположнымъ. Реакція началась въ Германіи еще до

конца прошедшаго столѣтія. Вамъ извѣстно, какое великое литературное движеніе совершилось во второй половинѣ XVIII столѣтія. Здѣсь не мѣсто излагать подробную исторію этого движенія, но надо указать на одну школу, важную для насъ по тому вліянію, которое она имѣла. Романтическая школа, во главѣ которой можно, поставить Новалиса, Тика и братьевъ Шлегелей, даровитыхъ ученыхъ, обладавшихъ поэтическимъ талантомъ, обратилась къ изученію средневѣкового искусства. Такъ какъ дотолѣ эта сторона искусства не была обработана и вполнѣ оцѣнена, то юные, пылкіе и даровитые писатели внесли въ него весь энтузіазмъ изученія. Нѣтъ сомнѣнія, что это изученіе памятниковъ средневѣкового искусства принесло большую пользу; но писатели романтической школы увлеклись слишкомъ далеко: они не только противопоставили средневѣковое искусство античному, но поставили его выше послѣдняго. Изъ сферъ чисто-литературныхъ это воззрѣніе перешло въ область науки и принесло большую пользу, хотя и внесло отчасти много ложныхъ представленій. Въ исходѣ XVIII столѣтія Германія потерпѣла пораженіе отъ Франціи, а въ началѣ нынѣшняго находилась въ зависимости отъ нея. Національное чувство было глубоко оскорблено такою зависимостью. Франція явилась въ Германію представительницею враждебныхъ, ненавистныхъ идей, унижительныхъ для народной гордости германцевъ. Тогда вмѣстѣ съ политической реакціей соединилась реакція литературная. Недовольные дѣйствительностью, германскіе ученые обратились къ прошедшему, а въ среднихъ вѣкахъ они нашли удовлетвореніе своему самолюбію. Естественнымъ образомъ, это время сдѣлалось любимымъ предметомъ занятій; тогда и средневѣковое искусство и даже формы средневѣковой жизни сдѣлались предметомъ уваженія и ставились въ примѣръ настоящему времени: въ современности видѣнъ упадокъ. Такимъ образомъ, отъ одной крайности западная Европа перешла къ другой; вмѣсто того мрачнаго времени, какимъ представляли его французскіе писатели XVIII вѣка, прошедшее является предметомъ преувеличеннаго и незаслуженнаго уваженія. Передъ средними вѣками нѣмецкіе писатели преклонились какъ предъ высшими образцами простой и болѣе здоровой поэзіи, какъ передъ временемъ развитія лучшихъ сторонъ человѣческой души. Во всѣхъ явленіяхъ того времени находили глубокій смыслъ и поэзію; грубость и жестокость называли простотою нравовъ, — необходимою спутницею героизма. Надо сказать притомъ, что основательное изученіе исторіи среднихъ вѣ-

ковъ началось тогда-же и принесло результаты положительныя и прочныя, но идеальный взглядъ на это время уступилъ мѣсто другому, болѣе основательному. Эти идеи разошлись по остальной Европѣ. Французскіе литераторы цѣликомъ приняли эти преувеличенныя сужденія; то-же было и въ Англіи. Въ настоящее время мы, русскіе, непричастные движенію западной жизни, можемъ спокойнѣе смотрѣть на этотъ вопросъ и составить себѣ ясное понятіе о различіи среднихъ вѣковъ отъ древней исторіи; укажемъ теперь на ту особенную часть средневѣковой жизни, которая подвергалась большимъ нареканіямъ въ XVI вѣкѣ, именно на жизнь умственную и искусство. Конечно, человѣку, исключительно воспитанному на памятникахъ классической древности, трудно понять произведенія среднихъ вѣковъ; человѣку, привыкшему къ спокойной, ясной красотѣ греческой поэзіи, покажется странною средневѣковая поэзія; человѣку, привыкшему къ древней исторіи, не очень пріятно будетъ читать средневѣковыя лѣтописи; но для того, кто сохранилъ живое чувство для историческихъ явленій, открывается большой интересъ въ средневѣковой поэзіи, правда, непохожей на греческую, но тѣмъ не менѣе имѣющей свое значеніе. Поэзія среднихъ вѣковъ пропитана религіознымъ элементомъ. Религія положила свою печать на всѣ произведенія средневѣкового искусства, и это составляетъ существенное отличіе его отъ искусства древняго. Потомъ еще есть одна сторона въ этомъ искусствѣ, чуждая древнему міру: это субъективность. Какъ религія положила свою печать на средневѣковыя эпопеи, на средневѣковое зодчество и ваяніе, такъ отдѣльная личность высказалась въ пѣсняхъ италіанцевъ, въ пѣсняхъ нѣмецкихъ миннезенгеровъ, поющихъ любовь каждый на свой ладъ. Слѣдовательно, въ средневѣковой литературѣ есть два господствующихъ направленія: религіозное и личное чувство.

О наукѣ среднихъ вѣковъ мы привыкли отзываться съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ: она называется схоластикой. Въ схоластикѣ различаются два періода: въ первомъ періодѣ схоластика является смѣлою, юною наукою, которая стремится разрѣшить разомъ всѣ вопросы, занимающіе умъ человѣческій; но, не имѣя къ тому никакихъ средствъ и орудій, она изнемогаетъ въ этомъ отважномъ и благородномъ стремленіи. Во второмъ періодѣ схоластика обращается въ пустую игру логическими формами. Вообще, средніе вѣка отнюдь не были такъ бѣдны умственною жизнью, какъ полагали писатели XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Съ другой стороны, неспра-

редливо было-бы поставить средневѣковую науку выше древней. Умственная жизнь, какъ и всѣ другія стороны средневѣковой жизни, носить на себѣ характеръ переходной эпохи. Это время какого-то стремленія къ идеаламъ и броженія идей, разладъ со старымъ, требовавшимъ примиренія. Такое примиреніе античнаго съ новымъ совершено въ новой исторіи, въ исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій.

Источники средневѣковой исторіи гораздо разнообразнѣе изученіе ихъ представляетъ болѣе трудностей, чѣмъ источники древней исторіи. Сверхъ лѣтописей мы встрѣчаемъ въ каждой странѣ огромное количество письменныхъ памятниковъ другого рода: различные документы, юридическіе акты, грамоты; далѣе слѣдуютъ памятники средневѣковаго искусства, памятники частной жизни и пр. Не говоря уже объ огромной массѣ этихъ памятниковъ, которыхъ не въ состояніи одолѣть никакое трудолюбіе, чтеніе ихъ требуетъ наній филологическихъ. Сверхъ того многія грамоты среднихъ вѣковъ поддѣльны; нужно обладать большимъ критическимъ тактомъ, чтобы подлинное отличить отъ подложнаго.

Лѣтописи написаны большею частью по-латыни. Онѣ возникли въ монастыряхъ въ самое темное время европейской исторіи и чрезвычайно скудны подробностями. Въ каждомъ монастырѣ велась своя лѣтопись; для этого назначался одинъ изъ монаховъ, наиболѣе грамотный, который и велъ лѣтопись до года своей смерти, оставляя продолженіе ея своему преемнику. Подъ вліяніемъ возникшихъ идей о томъ, что лѣтописи исполнены поэзіи, представляютъ занимательное чтеніе, многіе, не видавшіе ихъ въ глаза, говорили о нихъ въ восторгъ, какъ полныхъ свѣжей, добродушной и наивной поэзіи. На самомъ дѣлѣ большая часть ихъ сухи и суть ничто иное какъ голый перечень событій; онѣ писаны юдьми, отрѣшившимися отъ интересовъ міра, записывавшими преимущественно событія монастырскія и только мимоходомъ событія мірскія. Такихъ лѣтописей, въ которыхъ выступала-бы личность рассказчика, лѣтописей, исполненныхъ занимательности, немного. Монахъ записываетъ съ некоторою подробностью только тѣ событія, которыя касаются до монастыря и разныя явленія природы, какъ-то: затмѣнія солнца, землетрясенія, неурожай, заразительныя болѣзни. Все это онъ вноситъ въ свою лѣтопись. Если война идетъ въ окрестностяхъ монастыря, то онъ сообщаетъ о ней вскользь подробностей; но если театръ войны далекъ, то къ ней касается ея только мелькомъ.

Вотъ, напримѣръ, что записано о Карлѣ Мартелѣ, это высокой личности, остановившей напоръ непріятелей, с двухъ сторонъ грозившихъ христіанскому міру: „Карлъ, прозванный Молотомъ, лѣтомъ ходилъ на югъ къ пиринейскимъ горамъ, а зимою на саксовъ“. Впослѣдствіи временъ лѣтописи становятся богаче содержаніемъ, подробнѣе и занимательнѣе; но все еще находятся въ собственности монашескаго сословія. Обыкновенно люди, посвятившіе сея этому званію, были мало знакомы съ міромъ, не заботились объ изложеніи фактовъ въ прагматическомъ порядкѣ съ обозначеніемъ причинъ и слѣдствій. Часто встрѣтишь извѣстнаго лѣтописца, что была засуха въ такомъ-то году, да умеръ аббатъ; тамъ, гдѣ монахъ не умѣлъ связать двухъ событій, обыкновенно оговаривался благочестивой формой: „такъ Богъ угодно“. Таковы лѣтописи VIII, IX, X и XI вѣковъ. Одна изъ этихъ-то сухихъ указаній можно создать живую отдаленную картину вѣмецкихъ общинъ, и мы видимъ образъ такого возсозданія.

II.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

Изложенію исторіи среднихъ вѣковъ я намѣренъ предпослать введеніе, заключающее въ себѣ обзоръ исторіи древняго міра. Мы должны, прежде, нежели приступимъ къ исторіи среднихъ вѣковъ, познакомиться покороче съ тѣмъ наслѣдіемъ, которое имъ оставила древность, вывести итоги античной жизни, опредѣлить элементы, съ которыми неразрѣшимо придется встрѣтиться въ жизни народовъ новой Европы. Это введеніе я начну съ Юлія Цезаря—съ того переворота, который совершилъ великій римлянинъ въ судьбахъ своего отечества... Великихъ людей недаромъ называютъ переворотчиками: и жизнь, и природа, и исторія окружаютъ насъ символами, внутренній смыслъ которыхъ скрытъ для толпы; только великіе люди переводятъ его на языкъ общепонятный, всѣмъ доступный, дѣлаютъ общимъ достояніемъ значеніе этихъ символовъ. Разсматривая съ этой точки Юлія Цезаря, мы увидимъ, что онъ объяснилъ всѣмъ, сдѣлавъ общепонятнымъ то опасеніе съ одной стороны, то чаяніе съ другой, которое таилось въ груди каждаго мыслящаго римлянина. Онъ высказалъ, что римская республика перестала существовать, что нужны были новыя формы на мѣсто старыхъ, съ которыми надо проститься навсегда. Между тѣмъ эти обреченныя на гибель формы были хранимы и вѣ-

таны семью вѣками прекрасной римской жизни; съ этими рмами были связаны всѣ лучшія, славныя воспоминанія млянъ; въ нихъ видны были и доблести Рима, и недостатки его, онѣ глубоко проникли въ жизнь и нелегко было зставаться съ ними. Почему-же Юлій Цезарь такъ смѣло пожилъ руку на эти формы? Почти о всякомъ великомъ повѣкѣ господствуютъ различныя воззрѣнія, существуютъ зличныя мнѣнія, но ни о комъ можетъ-быть не раздаваться столько противоположныхъ между собою сужденій, какъ Цезарѣ. Когда Цезарь палъ подъ ударами убійцъ, когда тпъ его былъ выставленъ на зрѣлище римскому народу, Римъ раздались два голоса: голосъ упрековъ и нареканій, и голосъ глубокой скорби и громкой похвалы. По спрадливому выраженію одного новѣйшаго историка, эти два юса продолжаютъ звучать еще до сихъ поръ. Одни смовли на него какъ на человѣка, оказавшаго великія зауги римскому міру, другіе какъ на нарушителя права, жертвовавшего личноу честолюбію всѣмъ, что дорого для жданина и человѣка. Для современниковъ понятно было раздвоеніе; понятно, почему Цезарь заслужилъ съ одной роны великую любовь желавшихъ въ то время новаго поика вещей, съ другой—страшную ненависть, которую пили къ нему ревностные защитники и поборники старины; были люди, въ которыхъ боролись эти два чувства—лювь къ лицу и ненависть къ дѣлу. Таковъ самъ убійца заря—Брутъ. Но вглядываясь, если такъ можно выразиться, резь девятнадцать вѣковъ въ лицо, которое стоитъ на бежѣ античнаго міра и представляетъ рѣдкую противоположность съ коренными римскими понятіями, и римскими жденіями, намъ пора-бы установить болѣе ясное обьгъ и твердое мнѣніе. Здѣсь не мѣсто входить въ полную графію Цезаря,—я укажу на нѣкоторыя черты ея.

Потомокъ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Юліевъ, безъ нѣкоторой гордости напоминавшій о своей родо-вной, доходившей до боговъ, Цезарь былъ связанъ родомъ съ важнѣйшими главами демократической партіи. рій былъ женатъ на его теткѣ. Во время Сулльской вой—той кровавой реакціи, которою аристократія отпраздноа свою побѣду надъ демократіей, Цезарь тогда былъ ько шестнадцати лѣтъ, красивый, изнѣженный, очень имавшійся своею наружностью и притомъ дерзкій мальсб. Во время торжества Суллы, статуи Марія были низгнуты и скоро было запрещено возстановлять ихъ; Цеь возстановилъ эти статуи, свидѣтельствуя тѣмъ о своемъ

сочувствіи къ грубому воину, который нѣкогда безсознательно, руководимый только жестокой ненавистью къ аристократіи, сталъ во главѣ низшихъ классовъ римскаго общества. Сулла произнесъ надъ нимъ рѣзкій приговоръ, только родственными связями, ходатайствомъ близкихъ людей спасенъ былъ Цезарь. Но Сулла разгадалъ въ немъ будущаго Цезаря; въ отвѣтъ спросившимъ его сказалъ онъ: „въ этомъ мальчикѣ кроется нѣсколько Маріевъ“. Молодость свою Цезарь посвятилъ забавамъ и увеселеніямъ, которыми предавалась богатая римская молодежь, и ученію. Едва ли не самый образованный человекъ онъ былъ въ то время. Умственные занятія его были самыя разнообразныя; онъ былъ глубокой знатокъ греческой и римской литературы, занимался грамматикой, писалъ стихи, составлялъ календарь, былъ самъ великимъ писателемъ. Притомъ онъ участвовалъ во всемъ развратѣ тогдашняго римскаго общества; онъ видѣлъ лицомъ къ лицу всѣхъ значительныхъ людей тогдашняго времени съ ихъ пороками, надеждами, честолюбивыми замыслами. Политическая роль досталась ему относительно поздно; но мы уже встрѣчаемъ его въ знаменитомъ заговорѣ Катилины. Конечно, изъ дошедшихъ извѣстій Саллюстія, изъ рѣчей Цицерона нельзя составить надлежащаго понятія о заговорѣ Катилины; очевидно, дѣло клонилось къ разрушенію существовавшихъ политическихъ формъ, имѣлись въ виду самыя смѣлыя преступныя нововведенія. Цезарь былъ посвященъ въ заговоръ; но онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ остороженъ, чтобы принять явное участіе; подозрѣнія падали на Цезаря, но уликъ не было. Саллюстій сохранилъ знаменитую рѣчь Юлія Цезаря, которую произнесъ онъ въ сенатѣ послѣ этого заговора. Древніе историки часто влагали въ уста своихъ героевъ рѣчи, ими самими сочиненныя; но эта рѣчь носитъ печать истинныя узнаемъ черты, которыя могутъ принадлежать только одному Цезарю. Между прочимъ, онъ высказалъ въ томъ собраніи съ наибольшею заботливостью мысль, противорѣчащую древнимъ римскимъ преданіямъ, что нѣтъ загробѣнія жизни *).

Эти слова были подмѣнены Катономъ; Цезарю было трудно оправдаться въ безбожіи. Эта рѣчь принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ памятниковъ того времени, она важна для изученія той эпохи. Между прочимъ, укажемъ на одно замѣчательное мѣсто, гдѣ Цезарь отъ

*) De conjuratione Catilinae historia, cap. LI.

есть возможность повторенія такого кровопролитія, какое
 было совершено при Маріѣ и Суллѣ. Онъ говоритъ, что не-
 зрѣвшее прошло, нравы смягчились, проскрипціи невоз-
 можны, а, между тѣмъ, и не подозреваетъ, что проскрипціи
 импирата далеко оставили за собой проскрипціи Маріа.
 Какъ бываетъ иногда ошибоченъ взглядъ самыхъ великихъ,
 вѣдущихъ людей: поверхность была чиста; нравы мягки,
 форма изящная; но подъ этой внѣшностью кипѣли дикія
 страсти, скрывались неслыханныя жестокости. Но таковы
 концы природы: отъ варварства къ образованности пере-
 ходъ труденъ, отъ образованности къ варварству недалеко.
 Въ результатѣ изъ всего сказаннаго выходитъ, что въ эпоху
 говора Катилины Цезарь представлялся не съ самой вы-
 дной стороны—изнѣженный вертопрахъ, занимавшійся
 своею наружностью, одеждою, прической и т. д., че-
 ловѣкъ знаменитый въ Римѣ любовными связями, расточи-
 тельностью, участникъ въ заговорѣ, цѣлью котораго было
 крушеніе формъ, освященныхъ древностью, не призна-
 вшій римскихъ боговъ,—такимъ является Цезарь въ эту
 эпоху своей жизни. Его одинокіе труды, посвященные наукѣ,
 и глубокія думы еще оставались въ тайнѣ; способности
 государственнаго человѣка, дарованія первокласснаго пол-
 ковника не были никому извѣстны. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ
 любимецъ народа; низшій классъ смотрѣлъ на него, какъ на
 одного изъ вождей въ предстоявшей окончательной борьбѣ
 аристократіею. Этимъ положеніемъ, этою любовью онъ
 былъ обязанъ смѣлости, блестящимъ внѣшнимъ качествамъ,
 аснорѣчію и явнымъ обнаруживаніемъ пристрастія къ
 делу демократической партіи; но ему предстояло одолѣть
 гущественныя препятствія. Римъ былъ богатъ знамени-
 мыми личностями въ эпоху предшествовавшую перевороту;
 потому не вполне цѣннымъ значеніе этихъ личностей,
 и ихъ какъ-бы заслоняетъ собою великій образъ Цезаря,
 между тѣмъ, они жили въ Римѣ, присутствовали въ се-
 натѣ, предводительствовали войсками. Таковы Помпей,
 Крассъ, Лукуллъ, Цицеронъ и другіе, которые въ другое,
 знаменитое время обратили-бы на себя общее вниманіе
 своими дарованіями. Извѣстно, какимъ образомъ составилъ
 свойственный союзъ между Помпеемъ, Крассомъ и Цезаремъ.
 Это явленіе даже нѣкоторымъ образомъ изумительно: ка-
 кимъ образомъ Помпей, безспорно великій гражданинъ тог-
 дняшняго Рима, знаменитый своими побѣдами на востокѣ,
 получившій отъ народа названіе „великаго“; какимъ обра-
 зомъ Крассъ, самый богатый изъ римскихъ гражданъ, со-

стояніе котораго простиралось до ста милліоновъ серебромъ на наши деньги; кромѣ богатства замѣчательный еще военными дарованіями, человѣкъ замѣчательнаго ума,—какимъ образомъ они вошли въ дружбу, поставили наряду съ собой человѣка, еще неознаменовавшаго себя никакимъ подвигомъ? Но это показываетъ то вліяніе, которымъ пользовался Цезарь, на общественное мнѣніе. У него было много враговъ, но и много страстныхъ обожателей, горячихъ приверженцевъ. Нельзя сказать, что положеніе его, отправляшагося въ Галлію, доставшуюся ему по раздѣлѣ провинцій было очень благопріятно. У него было на нѣсколько милліоновъ серебромъ долгу; родовое состояніе онъ успѣлъ уже промотать; на долю его досталась провинція, которую должило завоевывать оружіемъ, и это завоеваніе Галліи совершено было въ теченіи десяти лѣтъ. До трехъ милліоновъ человѣкъ погибло въ этомъ завоеваніи; галлы славились воинственностью, неспособностью переносить какое-либо владычество надъ собою; страна ихъ, особенно сѣверо-западная часть ея, была болотиста, мало было удобства для сообщенія, для продовольствія войска. Дважды переправлялся Цезарь чрезъ узкій проливъ, отдѣляющій Галлію отъ Британіи, и внесъ, такъ-сказать, въ географію новую страны; дважды переходилъ онъ черезъ Рейнъ и онъ-то началъ наступательныя движенія противъ Германіи. Поход Цезаря въ Галлію поставили его не только наряду, но выше великихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ. Теперь онъ могъ дѣйствовать открыто, ему не для чего было скрывать свои цѣли: онъ прямо объявилъ себя вождемъ народной партіи и противникомъ аристократіи. Но что такое была римская аристократія? Въ чемъ заключались ея требованія съ одной стороны? Въ чемъ заключались требованія римской демократіи съ другой? вмѣсто прежняго патриціата мы застаемъ въ Римѣ аристократію новаго рода: въ первыхъ, въ видѣ остатковъ прежнихъ патриціевъ; во-вторыхъ, въ видѣ знаменитыхъ плебейскихъ родовъ, достигшихъ высокихъ почестей и значительнаго богатства; итакъ, родовая и служебная аристократіи слились въ одно цѣлое, въ рукахъ антипатровъ были колоссальныя богатства, въ рукахъ ихъ сосредоточилась вся власть; народъ ненавидѣлъ ихъ, завидовалъ имъ, но подчинялся ихъ волѣ. Борьба между аристократіей и народомъ въ послѣдніе вѣка войны не походила на величавую борьбу между патриціями и плебеями. Въ этой борьбѣ видно естественное стремленіе угнетеннаго сословія къ утвержденію состоянія, къ уравни-

авъ, къ достиженію тѣхъ благъ, безъ которыхъ нѣтъ
 лной гражданской жизни. Борьба римскихъ антиспатовъ
 римскою чернью въ позднѣйшую эпоху представляетъ
 мъ другую картину: здѣсь была борьба наглого власто-
 бія и корыстолюбія съ ненавистью и завистью, возбуж-
 нною въ массѣ зрѣлищемъ благъ, ей недоступныхъ. Раз-
 ать былъ общій какъ тому, такъ и другому классу, лишь
 ражался въ различныхъ формахъ: развратъ римскаго
 гиспата, воспитаннаго на греческомъ языкѣ, напитааннаго
 жеземными понятіями, отличался отъ грубаго разврата
 остолудина своей утонченностью и роскошью; но тотъ и
 угой были равно испорчены. Средства къ удовлетворенію
 ихъ стремленій были многочисленны и разнообразны.
 чти весь историческій міръ былъ завоеванъ римлянами;
 въ страны около Средиземнаго моря были обращены въ
 мскія провинціи; туда-то отправлялись римскіе магнаты
 а поправленія своихъ состояній. Посредствомъ притѣсне-
 ввѣренныхъ имъ провинцій добывали они деньги, нуж-
 я на расточительную жизнь и покупку голосовъ. Въ
 овомъ вѣкѣ до Р. Х. всѣ высшія должности должны были
 иматься вслѣдствіе купли голосовъ народа, надобно было
 зать народу игры, которыя стоили страшныхъ издержекъ,
 обно было раздавать безденежно хлѣбъ. Провинціи были
 доставлены безнаказанному притѣсненію со стороны пра-
 гелей. Кому могли жаловаться римскія провинціи, оскор-
 нныя или ограбленныя проконсулами или пропреторами?
 ды сами участвовали въ злоупотребленіяхъ преступни-
 къ; приговоръ былъ несомнителенъ. Слѣдовательно, всѣ
 шнія должности доступны были только людямъ богатымъ
 знатнымъ; издержки, которыхъ требовали эти должности,
 ывались насчетъ провинцій. Таково было положеніе
 тнаго сословія. Съ другой стороны, плебейское сословіе
 се не представлялось такимъ, каково оно было нѣкогда:
 сто трудолюбиваго, суроваго сословія сельскихъ плебеевъ
 встрѣчаемъ многочисленный городской пролетаріатъ; но
 пролетаріи не могутъ идти въ сравненіе съ мирными
 ѣйшими пролетаріями; между тѣмъ, какъ ново-европей-
 з требуютъ труда, котораго не всегда можетъ достать
 въ общество,—римскіе требовали праздности, требовали,
 бы государство кормило ихъ на свой счетъ, продавали
 и голоса въ коллекціяхъ знатнымъ искателямъ государ-
 енныхъ должностей и въ то-же время глубоко ненави-
 ии ихъ и завидовали имъ. Не при Цезарѣ открылась эта
 ная сторона римскаго общества; она была понята и за-

мѣчена прежде его, и были великіе граждане, заплатившіе жизнью за свои великодушныя попытки залѣчить язвы отечества. Такова попытка Граковъ, которые хотѣли раздачу государственныхъ земель доставить массою средства жителю собственнымъ трудомъ. Эта попытка не оцѣнена еще и теперь; ихъ считаютъ за нынѣшнихъ социалистовъ, посягающихъ на общее достояніе, между тѣмъ, какъ Гракхи требовали раздачи государственныхъ земель, находящихся въ пользованіи аристократовъ. Если-бы эта попытка удалась, то она подѣйствовала-бы благотворно какъ на аристократію, такъ и на демократію; но нельзя было ей исполниться при тогдашней порчѣ всего общества. Цезарь обладалъ слишкомъ глубокимъ практическимъ смысломъ, глубокимъ пониманіемъ вещей, чтобы повторить такія попытки. Онъ показалъ, что дѣло идетъ не о примиреніи двухъ враждебныхъ сословій, не о сохраненіи обветшалыхъ формъ, но о совершенномъ измѣненіи государственнаго порядка, о подчиненіи высшему началу, и это высшее начало нашелъ онъ въ своей личности. Но, разумѣется, онъ не успѣлъ-бы въ своихъ намѣреніяхъ, если-бы не сталъ во главѣ демократіи, если-бы не высказалъ краснорѣчиво ея потребности, жалобъ и нуждъ, если-бы не сдѣлался органомъ римской демократіи, которымъ онъ сдѣлался на время; можно-бы подумать, что борьбу, которую онъ началъ съ самымъ могущественнымъ сословіемъ, кончится его собственною гибелью. У Секста были болѣе легіоновъ, болѣе приверженцевъ, болѣе денежныхъ средствъ; но Цезарь былъ въ величайшей степени геніаленъ, его противники были люди только даровитые. На полѣ Фавсальскомъ рѣшился вопросъ, кто великій полководецъ: Помпей или Цезарь, вопросъ между окрѣпнувшими легіонами Цезаря и храброй, но непривычной къ военной дисциплинѣ, аристократической молодежи Рима. Слѣдствіемъ было паденіе сенатской партіи и рядъ нелыханныхъ побѣдъ въ Египтѣ, Азіи, западной Африкѣ, Испаніи; вездѣ побѣдаль онъ войска сената и туземныхъ государей, которые соединились съ сенатомъ. Этимъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ сокрушилъ Цезарь сильныхъ своихъ противниковъ. На всѣхъ концахъ римскаго міра, во всѣхъ провинціяхъ шла война за новый и старый порядокъ вещей; побѣда осталась на сторонѣ новаго. Въ чемъ заключался новый порядокъ? Какіе замыслы Цезаря? Чѣмъ хотѣлъ онъ замѣнить устарѣлыя, разлагавшіяся формы римской республики? Не онъ первый подалъ примѣръ насильственныхъ переворотовъ въ Римѣ. За сто лѣтъ слишкомъ до него начались внутренніе

смуты, борьба ожесточенныхъ партій, изъ которыхъ каждая требовала преобразованія государства сообразно съ своею частною цѣлью. Начиная съ Гракховъ, которые думали произвести реформу, основанную на справедливомъ распредѣленіи собственности, Марій, который думалъ дать перевѣсъ демократическимъ элементамъ, Сулла, побѣдитель Марія и демократической партіи, упрочившій на время торжество аристократіи,—все эти примѣры должны были возбудить честолюбіе знатныхъ и даровитыхъ гражданъ, показали возможность стать выше законовъ и править государствомъ сообразно съ частною цѣлью отдѣльной партіи. Еще худшее начинаніе мы видимъ въ заговорѣ Катилины, имѣвшемъ цѣлью разграбить Римъ при содѣйствіи взбунтованныхъ рабовъ. Но Цезарь не принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые руководствуются переходящими побужденіями честолюбія; онъ умѣлъ соединить свои цѣли съ общими потребностями эпохи; онъ понималъ, что Римъ не вселенная. На разстояніи девятнадцати вѣковъ намъ нетрудно возвыситься до этой идеи; но для римскаго гражданина, для римлянина, воспитаннаго въ преданіяхъ римскихъ, необыкновенно трудно было стать на эту точку зрѣнія. Цезарь понималъ, что Римъ не міръ и что не его назначеніе было служить опорой римскаго могущества. Являясь сначала вождемъ демократіи развращенной и лѣнливой, Цезарь постепенно переходитъ къ другому положенію: сталъ во главѣ всѣхъ національныхъ оппозицій, во главѣ всѣхъ утѣсненныхъ противъ всѣхъ утѣснителей. Вотъ, почему онъ находилъ такъ много сочувствія именно въ провинціяхъ: тамъ рѣчь шла не объ однихъ минутныхъ интересахъ, но обо всемъ, что дорого для человѣка, о личной свободѣ, о неприкосновенности правъ и собственности — и Цезарь явился могучимъ органомъ этихъ требованій. Понятно теперь, почему такъ раздвоилось мнѣніе относительно Цезаря, почему аристократы ненавидѣли его, тогда какъ, напротивъ, чернь и провинціи любили его и благоговѣли передъ нимъ. На сторонѣ враговъ Цезаря было историческое формальное право, основанное на давности; на сторонѣ Цезаря было вѣчное право, которое не могло быть подавлено правомъ историческимъ. Послѣ страшнаго кровопролитія онъ покорилъ Галлію и обратилъ ее въ римскую провинцію; несмотря на то, галлы были ему преданы; онъ составилъ изъ нихъ лучшій легіонъ,—легіонъ жаворонокъ. Это было великое нововведеніе. Легіоны римскіе обыкновенно составлялись изъ римскихъ гражданъ; и вдругъ является легіонъ иностранцевъ, незнакомыхъ еще съ латин-

скою рѣчью. Далѣе, когда побѣда стала на сторонѣ Цезаря, онъ посадилъ въ снать иностранцевъ и галловъ, еще недавно получившихъ право римскаго гражданства. Народъ ропталъ, смѣялся надъ этими новыми отцами отечества; на нихъ сыпались эпиграммы, на улицахъ прибываемы были объявленія, афиши, гдѣ приказывалось не показывать дороги въ снать новымъ сенаторамъ. Такимъ образомъ выражалъ свое неудовольствіе народъ. Но, оставивъ въ сторонѣ насмѣшки, Цезарь не остановился на этомъ. Реформа, имъ задуманная, была одна изъ самыхъ великихъ, которыя были когда-либо совершены въ судьбахъ государствъ; онъ заботился объ освобожденіи провинцій изъ гнета римскаго, объ уменьшеніи правъ аристократовъ, однимъ словомъ, о совершенномъ измѣненіи всѣхъ тѣхъ началъ, которыя были обыкновеніемъ древней римской жизни. Цезарь можно-сказать, вполне вошелъ въ ту роль, которую назначили ему провинціи: въ снать собрались предстатели всѣхъ областей, изъ которыхъ составилъ римскій міръ; Цезарь даетъ жителямъ провинцій право римскаго гражданства, старается распространить его далѣе: всѣ медики и ученые, жившіе въ Римѣ, получили право римскаго гражданства. Дабы сблизить провинціаловъ съ римскими гражданами, онъ болѣе 80.000 гражданъ выселилъ въ колоніи. Мы уже видѣли, до какой степени мало обязательны были для Цезаря преданія старины. Извѣстно, какая упорная и ожесточенная борьба была между Римомъ и Карфагеномъ: сенатскимъ опредѣленіемъ повелѣно было разрушить и никогда не возстановлять города. Одинъ позднѣйшій историкъ рассказываетъ, что Цезарь посѣтилъ развалины Карфагена, заснулъ здѣсь и видѣлъ цѣлое плачущее войско; онъ рѣшился колонизировать городъ; такимъ-же образомъ онъ поступилъ и съ Коринфомъ. Ему, между прочимъ, приписываютъ намѣреніе, которое около 400 лѣтъ послѣ него исполнилъ Константинъ Великій, т. е. что онъ хотѣлъ перенести столицу изъ Рима на востокъ, но не въ Византію, а на развалины древняго Иліона. Тамъ, въ новомъ городѣ, чуждомъ аристократическихъ преданій, думалъ онъ получить большую возможность осуществить свое намѣреніе. Но ему предстояли неодолимые препятствія, которыхъ онъ не могъ сокрушить. Какъ ни велико было его могущество, оно было безгранично. Въ привычныхъ понятіяхъ римскихъ осталось такъ много республиканскихъ элементовъ, что онъ долженъ былъ дѣлать уступки той партіи, во главѣ которой стоялъ. При самомъ началѣ междоусобныхъ войнъ, незадолго до Фарсальской битвы, въ походѣ шла

рѣчь объ уничтоженіи долговъ и раздѣла земель — не въ томъ смыслѣ, какъ предлагали Гракхи, имѣя въ виду лишь государственную собственность, но о грубомъ грабежѣ богатыхъ. Цезарю падо было много усилій, чтобы положить конецъ этимъ стремленіямъ: конечно, такого рода стремленія обнаруживались лишь въ городѣ—Римѣ. Но италіанскіе народы имѣли другое отличительное свойство. Цицеронъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ, которыя весьма драгоцѣнны, потому что представляютъ мнѣніе того времени, горько жалуется на совершенное равнодушіе своихъ сосѣдей къ тому, что дѣлалось въ Римѣ: имъ было все равно, побѣдила-ли народная партія, побѣдила-ли аристократія, лишь-бы они могли свободно обрабатывать поля свои. Весьма важно такое показаніе: мы видимъ утомленіе въ массахъ, которыя жаждали покоя, равнодушіе къ тѣмъ формамъ, подѣ сънью которыхъ существовали римляне. Цезарь, съ одной стороны, имѣлъ дикія требованія своей партіи, съ другой стороны—равнодушіе, апатію сельскаго народонаселенія Италіи, нерѣшительность провинцій, утратившихъ вслѣдствіе угнетеній свою энергію, наконецъ, могущественное противодѣйствіе аристократіи, которая все еще была сильна; она наполняла сенатъ, занимала высшія должности, начальствовала легіонами самого Цезаря, считала въ рядахъ своихъ самыхъ смѣлыхъ и даровитыхъ людей того времени. Мнѣніе людей мыслящихъ цезаревой партіи высказано въ двухъ письмахъ, которыя приписываютъ историку Саллюстію. Эти письма можно назвать политическими памфлетами. Въ нихъ мы найдемъ рѣшительный приговоръ надъ республиканскими формами. Цезарь отзывается о республикѣ, какъ о тѣни безъ образа и формы. Прежде всего, неизвѣстный сочинитель писемъ нападаетъ на сенатъ, испорченный, корыстолюбивый, занятый только личными интересами. Авторъ доказываетъ необходимость внести въ сенатъ новый элементъ—пополнить его провинціалами; требуетъ, чтобы Цезарь положилъ конецъ несчастному положенію провинціи: „omnia tibi componenda sunt“, говоритъ онъ, обращаясь къ Цезарю, высказываетъ, что надо проститься съ республикой; но слово „гех“ не упоминалось, потому что Цезарь не могъ принять это имя, противъ котораго такъ много писали римскіе писатели, пѣли римскіе поэты, ненависть къ которому воспитывалась семью вѣковыми преданіями. Цезарь удовольствовался титуломъ императора, который носили полководцы, онъ занялъ всѣ государственныя должности, назначилъ себя диктаторомъ, однимъ словомъ, онъ соединилъ всѣ власти, которыя принадлежали

отдѣльнымъ сановникамъ. Въ этомъ стремленіи къ единству онъ думалъ составить для римскаго міра одно общее законодательство, онъ хотѣлъ узнать этотъ міръ во всѣхъ его подробностяхъ; знаменитымъ математикамъ и географамъ поручено было составить точныя карты римскихъ областей. Но такое состояніе было напряженное, незаконное; каждую минуту Цезарь долженъ былъ опасаться взрыва: онъ чувствовалъ, что земля была не тверда подъ его ногами. Онъ не совершилъ вполнѣ той реформы, намекъ на которую встрѣчается во многихъ памятникахъ; замыслы остались замыслами; великіе подвиги Цезаря ограничились сокрушеніемъ республики, послѣ него она сдѣлалась имперією. Вамъ извѣстно, какъ среди приготовленій къ войнѣ съ троянами погибъ Цезарь; но не забудьте, что въ числѣ убійцъ его находились люди, ему близкіе, которые предводительствовали его легіонами въ войнѣ Сулльской и въ войнахъ междоусобныхъ; въ ряду заговорщиковъ стояли люди совершенно различныхъ направленій, характеровъ; тутъ были лица глубоко убѣжденные. Защитники стараго порядка, которые смотрѣли на Цезаря, какъ на государственнаго преступника; съ этой точки зрѣнія ихъ дѣло было законное. Другіе имѣли иныя побужденія. Примѣръ Цезаря былъ соблазнителенъ; они хотѣли разыгрывать если и не его роль, потому что она имъ была не по плечу, то получить большее значеніе, большую власть; тутъ много было личныхъ ненавистей, оскорбленныхъ самолюбій, много безпокойныхъ умовъ, жаждавшихъ переворота и нововведеній, видѣвшихъ въ заговорѣ поприще для своей дѣятельности. Слѣдовательно, заговоръ былъ составленъ не одною партіей; тутъ были люди, которые вовсе не думали о республикѣ: о республикѣ думалъ Брутъ и другіе подобные ему мечтатели. Катонъ, отчасти и Цицеронъ, питавшіе искреннюю любовь къ родинѣ, защищали старый порядокъ вещей древнихъ римлянъ, но въ сущности мало на нихъ походили. Стоитъ взглянуть въ Брута и Катона, и вы увидите людей воспитанныхъ подъ вліяніемъ греческой философіи, проникнутыхъ стоицизмомъ, который они принимали за древнюю римскую доблесть. Древняя доблесть отличалась энергіей; но этой энергіи мы не найдемъ у Катона, еще менѣе у Брута. Брутъ былъ человѣкъ высокой образованности, проникнутый идеями стоической философіи; онъ находился въ тѣсной связи съ Цицерономъ; но Цезарь явился сокрушителемъ того порядка вещей, котораго Брутъ считалъ себя защитникомъ. Брутъ вошелъ въ заговоръ и Цезарь палъ отъ руки его; но видно было, что смерть Це-

заря не была оправдана въ его глазахъ, онъ не пришелъ къ единству и примиренію съ самимъ собою. По свидѣтельству римскихъ писателей, когда Брутъ палъ при Филиппѣ, послѣднія слова его выражали отчаяніе о добродѣтели, невѣріе въ добродѣтель. Эти слова имѣютъ великое значеніе: Брутъ отчаивался въ той добродѣтели, которую онъ считалъ добродѣтелью,—въ добродѣтели античной. По его понятію, онъ совершилъ доброе дѣло, вонзивъ кинжалъ въ сердце Цезарю. Такимъ образомъ Брутъ является лицомъ въ высшей степени трагическимъ, носящимъ двойственность представленія—любовь къ старинѣ и предчувствіе чего-то новаго, передъ чѣмъ старина является несостоятельною, безсильною. Въ другомъ отношеніи стояли къ Цезарю жаждавшіе новаго порядка вещей. Когда Цезарь былъ убитъ и тѣло его положено на костеръ, то вокругъ костра тѣснились иностранцы—евреи, галлы, пришедшіе со всѣхъ сторонъ міра въ вѣчный городъ; они оплакивали человѣка, отъ котораго ожидали облегченія участи своей родины.

Страннымъ является тогдашнее настроеніе умовъ. Цѣлый міръ исполненъ какихъ-то предчувствій. Какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ являются прорицанія, предсказанія, вездѣ ожидаютъ переменъ въ формахъ жизни. Каждый толкуетъ это по-своему: одни ожидаютъ конца міра,—другіе наступленія золотого вѣка. Когда Августъ овладѣлъ Римомъ, то, чтобы не раздражать народнаго воображенія и не возбуждать опасныхъ замысловъ, онъ велѣлъ сжечь книги предсказаній. Для язычниковъ осуществителемъ этого новаго порядка явился Цезарь. Между тѣмъ въ забытомъ, презираемомъ уголкѣ римскаго міра родился другой обновитель міра. Въ то самое время, какъ античныя формы распадаются и нравственность античная подвергается отрицанію,—въ то самое время зарождается начало новой религіи, имѣвшей цѣлью смѣнить эти формы другими, основанными на другихъ началахъ.

III.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ ПРИ ПЕРВЫХЪ ИМПЕРАТОРАХЪ.

Прежде, нежели приступимъ къ изложенію судебъ римскаго міра послѣ Цезаря, посмотримъ на состояніе его при первыхъ императорахъ, укажемъ на причины его неудержимаго упадка,—явленія, которымъ условилось вторженіе германскихъ племенъ на римскую почву и окончательное за-

мираніе остатковъ прежняго быта. Начнемъ съ обзора состоянія Италіи. Глядя на карту римскаго міра, на богатныя области, подвластныя Риму, можно-бы подумать, что сокровища, стекающіяся отсюда въ Римъ, должны были имѣть благотворное вліяніе на Италію; но, всматриваясь ближе въ это цѣлое, проникая глазами далѣе за блестящую поверхность, мы увидимъ явленія, отъ которыхъ сердце стѣсняется скорбью. Съ одной стороны, мы видимъ огромныя богатства, съ другой—зародышъ общаго обѣднѣнія. Италія отнюдь не принадлежала къ числу богатыхъ странъ; она представляла великолѣпное зрѣлище для путешественника, но производительныя силы ея были ничтожны, не потому, что природа отказала ей въ томъ, но историческія условія сложились такъ невыгодно, что она должна была питаться извнѣ, какъ чужеяное растеніе и зато и должна была пострадать.

Начнемъ съ самаго Рима. Хотя Римъ въ эпоху Августа былъ не очень просторенъ (въ Европѣ много городовъ, которые болѣе тогдашняго Рима: онъ не имѣлъ и тридцати верстъ въ окружности), но народонаселенія было въ немъ 2,000,000. Трудно понять, какимъ образомъ могло умѣститься такое огромное народонаселеніе на такомъ пространствѣ, занятомъ Римомъ, который притомъ вмѣщалъ значительныя пустыри; въ немъ считалось 1700 дворцовъ и 4600 громадныхъ зданій, въ которыхъ нанимали квартиры пролетаріи. Это объясняется постройкою римскихъ домовъ въ шесть-семь этажей, образомъ жизни бѣднаго населенія, множествомъ рабовъ, которыхъ помѣщеніе было самое тѣсное; изъ двухъ милліоновъ народонаселенія можно положить 700,000 рабовъ; потомъ, между свободнымъ классомъ надобно отличать людей богатыхъ отъ бѣдной черни. Во время Августа фамилій сенаторовъ было около 1000, фамилій всадниковъ—10,000; эти фамиліи пользовались значительнымъ достаткомъ, вели роскошную жизнь; хотя при Августѣ, который сократилъ число сенаторовъ до 600, многіе изъ сенаторовъ не могли жить сообразно съ своимъ положеніемъ; но достойнѣйшимъ изъ нихъ даны были Августомъ средства для жизни, другіе были исключены. При Августѣ сенаторскій цензъ состоялъ изъ 1,200,000 сестерцій; всадническій цензъ состоялъ изъ $\frac{1}{4}$ сенаторскаго. Кромѣ того, между фамиліями сенаторовъ и всадниковъ были люди, обладавшіе несмѣтными богатствами, награбленными на всѣхъ концахъ римскаго міра. О грабительствѣ правителей можно заключить по дѣлу Верреса, противъ котораго Цицеронъ сказалъ свои безсмертныя рѣчи. Верресъ, бывши въ продолженіи трехъ

лѣтъ правителемъ Сициліи, награвилъ болѣе четырехъ милліоновъ серебра, до двѣнадцати милліоновъ серебромъ на наши деньги; прибавьте къ тому грабительство чиновниковъ Верреса и откупщиковъ податей и налоговъ. Слѣдовательно, изъ сказаннаго доселѣ мы видимъ, что въ Римѣ было нѣсколько фамилій, которыя обладали несмѣтными богатствами и принадлежали исключительно сословію сенаторовъ и всадниковъ. Остальное народонаселеніе состояло изъ городскихъ плебеевъ (*plebs urbiū*), изъ многочисленныхъ пришельцевъ, которые стекались въ вѣчный городъ, чтобы жить удобнѣе и безъ труда; сверхъ того, съѣзжались многіе иностранцы для промысловъ. Но каково-же было занятіе этой массы народа? Торговымъ городомъ Римъ не былъ; всѣ потребные продукты привозились извнѣ: хлѣбъ изъ Сициліи, западной Африки и Египта, вино, масло—изъ южной Галліи и Испаніи; другіе товары съ востока; короче, ничего не производилось въ Римѣ. Богатыхъ купцовъ не было; имъ было нѣтъмъ торговать въ городѣ, и притомъ римскимъ аристократамъ неприлично было торговать; единственныя торговли были денежныя обороты, даваніе въ займы денегъ, участіе въ откупахъ и подрядахъ государственныхъ; но для этого нужно было жить въ провинціяхъ. Слѣдовательно, оставалась мелочная торговля, которая предоставлялась иностранцамъ и людямъ низшаго происхожденія; но и эта мелочная торговля не могла быть значительна по особеннымъ условіямъ римской жизни. Богатый римлянинъ не покупалъ почти ничего, не имѣлъ нужды въ ремеслахъ; все дѣлалось у него дома, его рабами; рабы служили ему, изготовляли ему одежду, обувь, домашнюю утварь. Были даже особые рабы, которые удовлетворяли умственнымъ способностямъ своихъ господъ; ученые рабы занимали должности бібліотечарей, переписывали рукописи своихъ господъ, служили чтецами. Выгодная отрасль промышленности была скупать мальчиковъ, обучать ихъ греческому и латинскому языку, вообще давать имъ образованіе и потомъ перепродавать по дорогой цѣнѣ. Такіе рабы воспитывались въ Греціи и были учителями своихъ господъ. Многимъ изъ нихъ въ эпоху имперіи посчастливилось: отпущенные на волю, они играли значительныя роли при Клавдіѣ и Неронѣ. Несравненно ниже стоялъ другой классъ рабовъ, покупаемый на всѣхъ рынкахъ извѣстнаго римскаго міра; различныхъ по языку и народностямъ, дикихъ африканцевъ, уроженцевъ Кавказа, германцевъ, которые для того сходились въ Италію, чтобы обрабатывать землю и пасти стада своего господина.

Положеніе этихъ рабовъ было ужасное; ихъ держали какъ дикихъ звѣрей, на ночь запирали въ огромные дома; такому рабу не было ни брака, ни надежды на свободу. Можно представить себѣ положеніе общества, среди котораго жили милліоны этихъ людей полудикихъ и ожесточенныхъ. Уже не разъ Римъ стоялъ на краю гибели отъ рабскаго населенія. Побѣда, одержанная Крассомъ надъ рабами, возмущившимися подъ начальствомъ Спартака, имѣла не менѣе значенія, какъ побѣда надъ кареагенянами. Слѣдовательно, свободнаго труда не было. Само государство удовлетворяло своимъ потребностямъ тѣмъ-же путемъ: были государственные рабы (*servi publici*); были государственныя фабрики для выдѣлки оружія для войскъ. Откуда было развиться промышленности? Теперь насъ поражаетъ вопросъ: чѣмъ-же жили массы бѣдныхъ жителей Рима? Трудно себѣ составить понятіе о страшной бѣдности низшаго класса римскаго населенія. Многія изъ лицъ, принадлежащихъ къ этому классу, не имѣли вовсе настоящихъ жилищъ: они проводили ночи подъ портиками общественныхъ зданій; промысла трудно было найти въ Римѣ, гдѣ всѣ работы производились рабами. Что-же ихъ привлекало и чѣмъ питались они? Уже давно скопленіе людей вынудило правительство оказывать пособіе ежедневною выдачею хлѣба. При Цезарѣ въ началѣ число такихъ лицъ, получавшихъ вспоможеніе хлѣбомъ изъ казны, простиралось до 170,000, но такъ какъ мѣра, выдававшаяся одному лицу, была достаточна для двухъ человѣкъ, мужа и жены, то, слѣдовательно, число такихъ лицъ простиралось до 340,000 человѣкъ. Каждый мѣсяцъ гражданинъ, имѣвшій право получать эти вспоможенія, бралъ записку, по которой въ извѣстные дни выдавалось ему изъ общественныхъ магазиновъ по пяти мѣръ пшеницы. Цицеронъ увѣряетъ, что $\frac{1}{3}$ государственныхъ доходовъ уходила на содержаніе черни. Цезарь успѣлъ свести эти огромныя цифры до 170.000, слѣдовательно до 340,000; при Августѣ число это поднялось до 200,000, слѣдовательно до 400,000. Августъ видѣлъ, до какой степени это было вредно и тягостно для государства и думалъ о совершенномъ прекращеніи этихъ пособій; но долженъ былъ остановиться на препятствіяхъ: прекращеніе повело-бы за собой самый страшный бунтъ римской черни, которая ни къ чему не была годна, но, въ случаѣ прекращенія, готова была взяться за оружіе и биться самымъ отчаяннымъ образомъ. Отдѣлаться отъ нея не было возможности: думали раздачею земель обращать плебеевъ въ колонистовъ; но плебеи предпочитали бѣдную и праздную жизнь въ го-

родѣ трудолюбивой жизни колонистовъ; впрочемъ, и участь колонистовъ не была совершенно обезпечена.

Кромѣ ежедневной выдачи хлѣба, въ особенные торжественные дни производилась выдача вина, масла и т. д. Наконецъ, при всякомъ избраніи въ государственныя должности, каждый кандидатъ давалъ великолѣпныя игрища; рано сталъ раздаваться въ Римѣ крикъ черни: „*rapem et circenses*“!.. Игры эти давались съ такимъ великолѣпіемъ, что часто истощали все состояніе кандидата, которое, конечно, можно было скоро поправить на счетъ правительства, хотя доходы во время императоровъ были сокращены, и императоры чрезвычайно облегчали участь провинцій. Слѣдовательно, большая часть римскаго свободнаго народонаселенія питалась подаеніемъ отъ правительства; но, кромѣ того, оставалось множество такихъ, которые не имѣли ни крова, ни хлѣба. Положеніе этого класса было самое печальное, тѣмъ болѣе, что помочь невозможно было ничѣмъ этому классу, испорченному привычкою жить подаеніемъ, безъ собственнаго труда. Это былъ пролетаріатъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова, лѣнивый и ни къ чему неспособный. Въ другихъ городахъ Италіи положеніе низшаго класса было лучше, ибо туда не стекалось столько голоднаго народонаселенія; но, съ другой стороны, жители Италіи часто подвергались страшнымъ опасностямъ во время междоусобныхъ войнъ. Примѣръ подаль Сулла. Когда Сулла одержалъ побѣду надъ Маріемъ, ему нужно было поблагодарить по заслугамъ своихъ легіонеровъ: двадцать три легіона получили обѣщаніе земель въ Италіи; но земель свободныхъ не было; а если и были, то находились во власти аристократической партіи, во главѣ которой сталъ самъ Сулла. Откуда-же взять Суллѣ земли? Онъ отдалъ своимъ двадцати тремъ легіонамъ (около 100,000 человекъ) нѣсколько городовъ въ Италіи со всѣми ихъ землями, со всѣмъ имуществомъ горожанъ. Съ музыкой, пѣснями, въ боевомъ порядкѣ вступали они въ города и выгоняли изъ нихъ домовладѣльцевъ. Можно представить себѣ, какое вліяніе должно было это имѣть на судьбу Италіи! Изгнанные изъ наслѣдственныхъ домовъ и земель, италіанцы обращались изъ достаточныхъ въ пролетаріевъ: они уходили въ Римъ и приобщались къ той-же черни. Новые владѣльцы не долго пользовались своими награбленными участками. Это были ветераны, сжившіеся съ лагерной жизнью, отвыкшіе отъ трудовъ земледѣльцевъ, привыкшіе во время войны къ нѣсколько разгульной жизни. Большая часть въ скоромъ времени промотала свое имущество, данное Суллою, и жила

потомъ въ Римѣ насчетъ правительства, готовая пристать къ каждому честолюбцу: армія Катилины почти вся состояла изъ этихъ ветерановъ Суллы. Примѣръ Суллы, нашелъ подражателей. Такъ, Цезарь, по окончаніи междоусобной войны, долженъ былъ отблагодарить свои легіоны. Но Цезарь дѣлалъ это съ возможною умѣренностью, или вознаграждая владѣльцевъ деньгами, или награждая деньгами тѣхъ изъ воиновъ, которые предпочитали ихъ землѣ; при Цезарѣ конфискація имѣла характеръ относительно мягкій; но эти конфискации въ другое время сопровождались страшною жестокостью; такъ, при второмъ триумvirатѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сорокъ три легіона (около 200,000) получили земли въ Италіи. Августъ отдалъ имъ восемнадцать городовъ въ лучшихъ частяхъ ея. Могъ-ли быть кто-либо увѣренъ въ правѣ собственности? Результатомъ тревогъ и насильственныхъ переворотовъ было совершенное исчезновеніе мелкихъ землевладѣльцевъ. Нѣкогда это были лучшіе классы римскаго народонаселенія; эти сельскіе плебеи имѣли по семи югеровъ земли, воспитанные въ простомъ быту, честные, преданные отечеству; изъ нихъ-то составлялись непобѣдимые легіоны, которые были обыкновенно виновниками первыхъ и лучшихъ побѣдъ Рима. Мелкому землевладѣльцу нельзя было держаться при новомъ порядкѣ вещей; никто не вѣрилъ въ право, всякій спѣшилъ продавать свой участокъ и удалялся въ Римъ; оттого такое стеченіе въ Римѣ. Вся масса италіанскихъ земель перешла въ руки богатыхъ фамилій сенаторовъ и всадниковъ; образовались огромныя помѣстья (latifundi) съ обширными пастбищами, великолѣпными виллами, парками; пашней почти совсѣмъ не было; для римской аристократіи было выгоднѣе имѣть пастбища и торговать скотомъ, нежели хлѣбомъ,—ибо хлѣбъ привозился изъ Сициліи, западной Африки, Египта. Но послѣдствія такого хозяйства нетрудно было предвидѣть. Сама Италія не производила хлѣба; въ случаѣ неурожая или бури, которая разметывала флотъ съ хлѣбными запасами, въ Италіи начинался голодъ. Правительство было въ безпрестанномъ страхѣ, что съѣстные припасы придутъ не во-время и на это преимущественно было обращено вниманіе римскаго правительства. Только въ сѣверной Италіи, Цизальпинской Галліи, долины рѣки По мы находимъ лучшее хозяйство; тамъ найдете остатки свободнаго населенія; тамъ были виноградники, пашни; но этотъ клочекъ земли не могъ прокормить остальной Италіи. При переходѣ отъ республики къ имперіи Италія болѣе пострадала, чѣмъ выиграла: въ провинціяхъ сердца

были обрадованы, здѣсь-же напротивъ. Въ такомъ положеніи находилась Италія при началѣ имперіи: богатые аристократическія фамиліи владѣли почти всею землею и число этихъ фамилій было незначительно; масса народонаселенія состояла изъ пролетаріевъ, жившихъ въ Римѣ и пользовавшихся подаваніемъ правительства и рабовъ, дѣлавшихъ невозможнымъ свободный трудъ и свободныя ремесла. Только сѣверная Италія представляетъ исключеніе, но она не могла залѣчить язвы цѣлаго.

Разсмотримъ состояніе другихъ провинцій. Я не войду въ подробности административнаго раздѣленія, которое мѣнялось часто. Такъ, въ послѣднее время республики было пятнадцать провинцій, при Августѣ девятнадцать, при Неронѣ тридцать четыре. Мы будемъ разсматривать провинціи по большимъ массамъ; ихъ мы раздѣлимъ по характеру цивилизаціи и по языку на двѣ половины: греческую—восточную, западную—латинскую. Побѣжденная Римомъ Греція сохранила превосходство своей образованности, наложила свое вліяніе на Римъ, гдѣ греческій языкъ въ такомъ-же употребленіи, какъ французскій языкъ въ высшемъ обществѣ нынѣшней Европы; молодые образованные римляне писали по-гречески, говорили между собой по-гречески, къ крайнему негодованію приверженцевъ старыхъ римскихъ нравовъ. Это вліяніе началось рано, во время Пуническихъ войнъ. Цензоръ Катонъ возставалъ противъ этого вліянія, но, наконецъ, долженъ былъ уступить потоку, и въ восемьдесятъ лѣтъ сталъ учиться греческому языку и выучился. Скучная образованность западныхъ племенъ Европы, Пиринейскаго полуострова, Галліи, Британіи, не могли противопоставить римскому вліянію такого-же препятствія, какое представляло греческое вліяніе. Латинскій языкъ сдѣлался господствующимъ въ этихъ мѣстахъ.

Начнемъ съ запада. Въ духовномъ завѣщаніи Августъ заклиналъ своихъ преемниковъ не переступать черезъ завѣтные рубежи римской имперіи—Рейнъ и Дунай. Такая попытка отравила послѣднія минуты его жизни. Вспомните пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу, недалеко отъ нынѣшняго Липпе. Варъ погибъ съ тремя легіонами, считая и конные отряды, и вспомогательныя войска (около 23,000). Для такого государства какъ Римъ, заключавшій въ себѣ всю западную Европу, южную Европу до Дуная, Малую Азію, Сирію до Аравіи, Египетъ и всю сѣверную Африку со всѣми островами Средиземнаго моря, это пораженіе не могло нанести существеннаго вреда; войско-же римлянъ состояло

изъ 3,000,000 человѣкъ. Но, несмотря на то, потеря была не-вознаградима; несмотря на то Августъ былъ глубоко пораженъ этою потерей. Въ самомъ дѣлѣ утрата была нравственная: она поколебала убѣжденіе германцевъ въ непобѣдимости римскаго оружія. Три легіона съ ихъ орлами погибли совершенно. Поэтому Августъ запрещалъ своимъ преемникамъ переходить чрезъ Дунай; римскіе легіоны должны были стоять у завѣтныхъ рубежей и отражать нападены германскихъ народовъ, тогда еще неопасныя. Но силою событій преемники Августа отступили отъ его положеній, и при Тиверіѣ римляне далеко дѣйствовали за Рейномъ и Дунаемъ.

Все народонаселеніе при Августѣ простиралось за 100 милліоновъ; сюда входили самые лучшіе народы, самые образованные, самые богатые, самые воинственные. Съ начала міра не существовало такого государства по богатству средствъ всякаго рода; можно сказать, что въ великихъ людяхъ недостатка не было. Провидѣніе судило на долю его все, что было нужно для того, чтобы подчинить остальные части міра и внести въ нихъ свою образованность; казалось, существованіе его будетъ вѣчно, а не прошло четырехъ вѣковъ какъ это огромное, богатое, цвѣтущее государство начало разлагаться самымъ жалкимъ, самымъ постыднымъ образомъ. Причина этого разложенія заключалась въ немъ самомъ; не германцы сокрушили римскую имперію, а сама она отдалась имъ, вслѣдствіе внутренней органической порчи, точившей ее. Августъ обвелъ имперію рубежами—Рейномъ и Дунаемъ съ сѣвера; на западъ простиралась она до Атлантическаго океана; на югъ—до великой степи Сахары, на востокъ—до Ефрата; иногда римляне проникали и до Тигра, но, вообще, владѣнія ограничивались Ефратомъ; далѣе на сѣверъ отъ этой границы до нашихъ нынѣшнихъ владѣній на Кавказѣ; Черное море было усѣяно римскими городами, прежними греческими колоніями; къ сѣверу отъ Чернаго моря нельзя опредѣлить постоянной границы; Таврида принадлежала римлянамъ; къ сѣверу кочевали воинственные племена, тревожившія владѣнія римлянъ, но еще не грозившія тою побѣдою, которая обрушилась на западную Европу къ концу IV вѣка въ видѣ гунскаго нашествія. Не должно думать, что всѣ земли на одинаковыхъ основаніяхъ повиновались Риму. Однѣ изъ нихъ были настоящіе провинціи, на краяхъ которыхъ въ первыя времена италіанскаго могущества существовали царства съ своими династіями; но эти царства платятъ дань, цари признаютъ себя подданными Рима.

Такъ, Арменія часто была причиною распри между римлянами и парфянами, в послѣдствіи между римлянами и персами; то парфяне сажали своего царя, то римляне; но обыкновенно Арменія повиновалась римлянамъ.

Въ западныхъ провинціяхъ позднѣйшая была Британія; можно сказать, что Цезарь открылъ ее какъ невѣданную часть свѣта. До какой степени ложны понятія римлянъ о Британіи, мы видимъ изъ сочиненій Іосифа Флавія уже въ I столѣтіи по Р. Х. Онъ утверждалъ, что Британія равна всему остальному римскому міру. Не ранѣе 60-ти годовъ I столѣтія Британія была окончательно завоевана до границъ нынѣшней Шотландіи. Чрезвычайно быстро возникаютъ города съ римскими именами, съ римскими зданіями; аристократія британская прельстилась искушеніями римской цивилизаціи, отправляла своихъ сыновей учиться въ Римъ; стала добиваться римской службы, перемѣнила родной языкъ на латинскій. Во II вѣкѣ она представлялась уже какъ цивилизованный край; только сѣверныя горы Шотландіи давали убѣжище хищнымъ племенамъ; римлянамъ не было выгодно проникать въ бесплодныя горы; западная часть—нынѣшній Валлисъ—сохранилъ долѣе свои обычаи и преданія. Несравненно важнѣе по богатству и по средствамъ была Галлія. Она примкнула къ римскимъ провинціямъ, когда Цезарь сокрушилъ форму римской республики. На галловъ издавна дѣйствовало вліяніе Греціи. Извѣстно, что за шесть вѣковъ до Р. Х. на южномъ берегу Галліи основана была (фокейцами) финикійцами, отплывшими отъ береговъ Малой Азіи, колонія Массилія, нынѣшній Марсель. Дѣятельные, трудолюбивые и предприимчивые массильоты не только въ городѣ, но далеко за предѣлы города распространили греческія идеи и вліяніе; такъ, что даже и тогда, когда римскій элементъ получилъ перевѣсъ въ IV столѣтіи, христіанскіе проповѣдники должны были говорить свои проповѣди на греческомъ языкѣ, потому что онъ былъ господствующимъ. Вліяніе массильотовъ на Галлію было благотворное. Слѣдовательно, римскіе правители нашли уже въ Галліи начатки образованности. Когда Галлія примкнула къ Риму, высшія сословія Цезарь принималъ въ сенатъ, способствовалъ галламъ вступать въ римскіе легіоны. Это могущественное свойство Рима усвоить себѣ чуждыя національности, обнаружилось и въ Испаніи. Въ эпоху, о которой идетъ теперь рѣчь, Испанія не вполнѣ была покорена римскому оружію; но уже при первыхъ императорахъ мы находимъ болѣе 400 городовъ, изъ которыхъ многіе имѣли право латинскаго гражданства;

въ городахъ господствуетъ латинскій языкъ, римская образованность. Особенное вліяніе на романизацию Испаніи имѣлъ Серторій, который перенесъ свое оружіе на Пиринейскій полуостровъ и продолжалъ войну съ приверженцами Суллы. Серторій создалъ въ Испаніи небольшое подобіе Рима, у него былъ сенатъ; по его вліянію, знаменитые испанскіе юноши скинули съ себя испанскія одежды и надѣли римскія тоги. Однимъ словомъ, еще при Серторіѣ Испанія проникнулась римскимъ вліяніемъ; только на сѣверѣ римляне должны были усмирять возстаніе басковъ. Слѣдовательно, мы видимъ Британію, Галлію, Испанію, покрытыми римскими колоніями, муниципіями, римскими зданіями, римскими легіонами; высшія сословія провинцій говорили латинскимъ языкомъ, посылали дѣтей своихъ въ римскія школы, однимъ словомъ, приобщались совершенно римской цивилизаціи. Знатнѣйшіе изъ провинціаловъ переселялись даже въ Италію; имъ есть мѣсто даже и въ рядахъ римскаго сената. Подобной же участи подверглись всѣ западные острова Средиземнаго моря, острова Балеарскіе, Сардинія, Корсика, нѣкогда принадлежавшіе Картегену и перешедшіе подъ римское владычество. Къ числу самыхъ богатыхъ цвѣтущихъ римскихъ провинцій принадлежала Африка. Вамъ извѣстно, что древній Картегенъ былъ разрушенъ по волѣ римскаго народа, что запрещено было и даже положено проклятіе на того, кто вздумаетъ возстановить стѣны такъ долго-враждебнаго города; но это заклятіе не было обязательно при цезаряхъ: Картегенъ быстро возникъ при нихъ изъ развалинъ и снова сталъ на ряду съ именитѣйшими и образованнѣйшими городами римскаго міра. Но не въ одномъ Картегенѣ сосредоточивалось римское образованіе въ Африкѣ; вся западная Африка покрылась римскими городами: нынѣшняя Константина, Цитра, нынѣшній Такиръ, Оранъ и др., были цвѣтущими и богатѣйшими городами при римскихъ императорахъ. На каждомъ шагу странникъ, путешествующій по сѣверному берегу Африки, начиная отъ Туниса до Александріи, встрѣчаетъ слѣды римскаго господства; дороги, водопроводы, многочисленные надписи—все свидѣтельствуетъ о многочисленномъ населеніи и богатствѣ края. Я сказалъ, что отсюда Римъ получалъ значительную часть хлѣбныхъ припасовъ; и въ этихъ странахъ верхъ взяла римская образованность; но Риму приходилось имѣть дѣло въ своихъ владѣніяхъ въ западной Африкѣ съ постоянно находившимися въ тревогѣ жителями горныхъ хребтовъ, которые отдѣляютъ сѣверный берегъ Африки отъ безплодной степи Сахары, съ тѣми са-

мыми кабилами и берберами, съ которыми въ настоящее время имѣють дѣло французы.

Подвигаясь далѣе на востокъ, пройдя страшную, песчаную степь, съ которой мы знакомились въ описаніи похода Катона Утическаго, мы приходимъ въ Киренаику, населенную нѣкогда греками; и такимъ образомъ мы вступаемъ въ половину восточную, переходимъ отъ латинскаго міра къ греческому.

Но прежде, нежели начнемъ обзоръ этихъ провинцій, я упомяну о нѣкоторыхъ провинціяхъ западной или латинской половины, которыя не вошли въ мой обзоръ; именно о тѣхъ, которыя въ послѣдствіи составляли Иллирійскую префектуру. Эти земли лежатъ къ сѣверо-востоку отъ Италіи и къ югу отъ Дуная: Панонія, Иллирія, Далмація и т. д. Земли эти еще недавно были присоединены къ римской имперіи, именно во время первыхъ императоровъ; римское образованіе еще не успѣло здѣсь пустить глубокихъ корней, но и здѣсь уже возникали римскія колоніи, города съ латинскими наименованіями, прокладывалась дорога для легіоновъ, однимъ словомъ, приготовлялись всѣ внѣшнія условія римской образованности. Нынѣшняя Вѣна (Windabona) возникла довольно рано.

Переходимъ теперь къ восточному міру — греческому. Полуудикіе народы на Западѣ, неуспѣвшіе развитъ самобытной цивилизаціи, легко подчинились римскому вліянію; не таково было отношеніе римлянъ къ востоку, гдѣ Греція распространила свои идеи, свой языкъ на неограниченное пространство Азіи и въ Восточной Африкѣ; съ этимъ вліяніемъ не легко было спорить Риму; онъ могъ пользоваться свободно политическимъ владычествомъ, но не могъ вытѣснить греческаго образованія и даже самъ покорился его вліянію. Эти восточныя области, связанные единствомъ языка, единствомъ образованія въ самыхъ сословіяхъ, представляли тѣмъ не менѣе чрезвычайно пестрое и разнообразное зрѣлище. Мы начнемъ обзоръ съ Африки, именно Киренаики. О Киренаикѣ самой мало что можно сказать, и при римскихъ императорахъ она осталась такою-же, какой была въ цвѣтущее время греческой цивилизаціи: прекрасная, богатая, знаменитая садами, славная разведеніемъ растенія Sylphium, о которомъ такъ часто упоминають римскіе гастрономы. Несравненно важнѣе для Рима былъ Египетъ. Вы знаете, чрезъ сколько рукъ прошелъ Египетъ, прежде нежели подчинился римскому владычеству. Покоренный персами, онъ перешелъ къ Македоніи; при распаденіи монархіи

Александра великаго онъ образовалъ собою самостоятельную монархію, но ее нельзя уже было назвать собственно египетскою; господствующая династія, господствующее сословіе были греческіе. Александрія былъ городъ всемірный съ преобладаніемъ греческаго элемента; въ немъ считалось слишкомъ 300,000 свободныхъ жителей и можно положить немного менѣе того числа рабовъ. По правильности города, по красотѣ и великолѣпію зданій, по прекрасному и удобному для торговли положенію, Александрія была безспорно первымъ городомъ міра и можно сказать, что всѣ извѣстные народы тогдашняго міра сходились въ Александрію. Здѣсь цѣлую часть города занимали евреи; большая часть жителей состояла изъ грековъ; изъ самыхъ отдаленныхъ частей Азіи приходили сюда купцы съ своими товарами. Римляне держали обыкновенно въ Александріи своего правителя съ обыкновенной силой чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, но господствующій языкъ все-таки оставался греческій. Августъ не довѣрялъ египетскому характеру, и всего болѣе боялся за Египетъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была провинція невѣрная, готовая всегда отложиться: съ одной стороны остатки древняго египетскаго населенія, туземная масса, сохранила свой прежній фанатизмъ, ненависть ко всему иностранному; съ другой стороны высшій классъ, сохранявшій всѣ элементы греческаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ страданіе какъ политическое, такъ и религіозное, равнодушіе къ политическимъ формамъ и нелюбовь къ своимъ властителямъ. Такъ отзываются объ Александріи всѣ римскіе писатели единогласно. Августъ запретилъ римскимъ всадникамъ, безъ особеннаго на то приказанія, вступать на почву египетскую, какъ-бы бояся ненависти народной, которая могла во главѣ войска поставить человѣка, могущаго сдѣлаться независимымъ и, такимъ образомъ, оторвать отъ римской имперіи цѣлую область. По географическому положенію своему Египетъ могъ-бы держаться и сдѣлаться независимымъ отъ римской имперіи, еслибы во главѣ его сталъ даровитый и дѣятельный человѣкъ. Римъ могъ опасаться всего этого, а между тѣмъ отъ Египта еще въ большей степени, нежели отъ южной Африки зависѣло продовольствіе хлѣбомъ Рима. Между тѣмъ, какъ при императорахъ такъ щедро раздавалось право римскаго гражданства въ другихъ провинціяхъ, природный египтянинъ могъ не иначе получить его, какъ сдѣлавшись сперва гражданиномъ города Александріи. Въ Александріи мы не находимъ городского сената, которымъ управляются обыкновенно всѣ города римской

имперіи. Римское правительство боялось придать какому-либо тѣнь самостоятельности этой богатой массѣ. Египетъ управлялся императорскимъ намѣстникомъ, облеченнымъ относительно Египта большими правами, нежели намѣстники другихъ провинцій; между тѣмъ, самъ онъ въ сенатѣ стоялъ ниже другихъ правителей. Римскій сенатъ хотѣлъ всячески унижить эту область. Изъ Египта мы переходимъ въ Сирію. Завоеванія Александра Великаго распространили здѣсь греческій языкъ. Селевкиды была македонская династія, окруженная греческими сановниками. Греки жили въ городахъ Сиріи: Антіохіи, Селевкіи и другихъ. Высшія сословія говорили по-гречески, читали греческія книги, наслаждались произведеніями греческаго искусства и поэзіи; они были оторваны отъ родного края, но это была меньшая часть населенія; массы-же коснѣли въ неподвижности. Но римское правительство было спокойнѣе насчетъ Сиріи; оно не принимало здѣсь такихъ жестокихъ мѣръ, какъ въ Египтѣ. Повсюду римское правительство оказывало уваженіе къ туземнымъ религіямъ, какъ-бы ни были противны они римскимъ вѣрованіямъ. Римское правительство силилось свести всѣ эти вѣрованія въ одну систему, привести къ единству, поставить всѣхъ боговъ въ римскомъ пантеонѣ. Я уже сказалъ, что границею римскаго владычества на востокъ былъ обыкновенно Евфратъ, но часто также римскіе легіоны проникали до Тигра. Сосѣдомъ Рима здѣсь было Парфянское государство. На самыхъ окраинахъ римскаго міра лежатъ нѣсколько небольшихъ царствъ, съ ихъ династіями, которыхъ государи находятся въ совершенной зависимости отъ римскихъ намѣстниковъ, принимаютъ ихъ приказанія, исполняютъ ихъ волю. Но и эти мелкія династіи недолго держались; уже въ I столѣтіи по Р. Х. онѣ всѣ исчезаютъ одна за другой. Снисходительнѣе являются римляне къ городамъ, которые представляютъ часто самостоятельное правленіе и только подчиняютъ ихъ областнымъ правителямъ, проконсуламъ, пропреторамъ. Нѣкоторые города составляютъ даже союзъ; таковъ былъ союзъ : ликійскихъ городовъ, во главѣ которыхъ стоялъ особенный сановникъ. Вообще римлянинъ неохотно касался особенности народнаго быта, который не мѣшалъ ему; онъ не оскорблялъ народныхъ правъ безъ крайней надобности; опрометчиваго со стороны римскаго сената мы не находимъ ничего.

Нѣкогда изъ частей Сиріи двѣ имѣли право на наше вниманіе. Во-первыхъ, бытъ торговыхъ финикіянъ-купцовъ, которые, по выраженію пророка, стояли на ряду съ царями.

Но время Финикіи миновало; она утратила свое прежнее значеніе; торговля, которой славилась Финикія, перешла изъ Тира въ Александрію. Тиръ сохранилъ только пурпурныя фабрики, гдѣ выдѣлывались пурпурныя одежды для римскихъ сановниковъ. Безконечно значительнѣе Финикіи Іудея съ ея священными для насъ религіозными вѣрованіями, съ ея упорнымъ и мрачнымъ сопротивленіемъ римскому владычеству. Нельзя сказать, что римляне оказывали нетерпимость въ отношеніи іудеевъ. Большой уступки въ пользу іудейскихъ вѣрованій нельзя было и требовать отъ римскихъ сановниковъ. Вступая въ Іерусалимъ, римскіе сановники оставляли у воротъ города боговъ языческихъ и не оскорбляли видомъ ихъ іудейскаго города, но полного согласія между ними быть не могло. Страшныя возстанія слѣдовали одно за другимъ. Іудеи продолжали все еще ожидать своего Мессію, когда уже Спаситель совершилъ свой подвигъ искупленія. Массы продолжали ожидать, но внѣшнимъ мірскимъ образомъ; они думали, что Мессія силою меча покоритъ имъ всѣ другіе народы. Эта мысль въ I и II вѣкѣ поддерживала ихъ надежды и подвигала ихъ на новыя возстанія.

Малая Азія осталась тѣмъ-же цвѣтущимъ садомъ, какимъ была во время греческой колонизаціи; слишкомъ пятьдесятъ великолѣпныхъ городовъ вычисляютъ намъ на этой почвѣ современники; города эти ведутъ значительную торговлю, сохраняютъ много внутренней свободы, отличаются богатствомъ, просвѣщеніемъ, всѣми удобствами жизни. Нигдѣ нельзя было такъ хорошо жить эпикурейцу, какъ въ этой части римскаго міра, гдѣ все соединилось для наслажденія: и прекрасное небо, и природа, и историческая обстановка, и самыя богатства, накопленныя въ этихъ странахъ трудолюбивымъ народонаселеніемъ. Несмотря на поборы римскихъ сановниковъ, Малая Азія была неисчерпаемымъ источникомъ богатства.

Я уже сказалъ, что до нынѣшнихъ закавказскихъ владѣній простирались римскія области. Римляне также имѣли дѣло съ тѣми горцами, съ которыми Россія теперь ведетъ войну; оттуда римляне получали значительное число рабовъ; здѣсь находились тѣ рынки, куда привозились для продажи невольники извнутри Азіи и Египта въ плѣнъ римлянамъ. Безчисленное множество народныхъ языковъ раздававшихся здѣсь ставило римлянъ въ необходимость держать огромное количество переводчиковъ.

Наконецъ, мы заключимъ нашъ обзоръ, сказавъ нѣ-

сколько словъ о самой Греціи. Конечно, она уже далеко не была тѣмъ, чѣмъ въ цвѣтущее свое время. Эта переменна отразилась не только въ политическихъ учрежденіяхъ, но даже и въ матеріальномъ бытѣ. Уже Страбонъ, путешествуя по Греціи, находилъ отъ множества городовъ только однѣ развалины; очевидно, что внутреннія распри, война съ внѣшними врагами, уменьшили ея населеніе, нанесли ей неисчислимыя язвы, но въ глазахъ остального римскаго міра эта почва была священна. Сюда, именно въ Аѣины, пріѣзжали учиться дѣти знаменитыхъ римскихъ гражданъ; сюда удалялись римскіе государственные люди для поучительнаго отдыха; здѣсь въ уединеніи они занимались науками. Когда Германикъ послѣ своей славной побѣды въ Германіи, проѣзжалъ чрезъ Грецію, отправляясь занять мѣсто наместника Сиріи, онъ выѣхалъ изъ Аѣинъ безъ всякой свиты, только въ сопровожденіи одного ликтора. Онъ, такъ сказать, при вѣздѣ въ этотъ городъ, сложилъ съ себя все величіе римскаго сановника; онъ не желалъ оскорбить аѣинянъ напоминаніемъ ихъ зависимости отъ римлянъ, онъ не хотѣлъ показаться властителемъ. Римскіе императоры оказывали грекамъ большія милости; даже Неронъ искалъ греческихъ рукоплесканій преимущественно предъ другими. Но могущество Греціи преимущественно заключалось въ ея идеяхъ, въ ея прошедшемъ; матеріальнаго значенія въ настоящее время она имѣла мало. Греки еще сохранили много остроумія, много способностей, но они утратили всѣ гражданскія доблести своихъ предшественниковъ, они допускали римлянъ разбирать ихъ ссоры и распри.

Такимъ былъ римскій міръ въ I столѣтіи по Р. Х. въ началѣ имперіи; онъ заключалъ въ себѣ лучшія земли Европы, Азіи и Африки. Населеніе этого міра простиралось до ста милліоновъ и еслибы можно опредѣлить прочность государства и цивилизаціи по матеріальнымъ признакамъ, то конечно, римское государство въ томъ видѣ, какимъ оно является въ I вѣкѣ, можетъ назваться вѣчнымъ, несокрушимымъ. Вы видѣли въ какихъ прекрасныхъ странахъ лежало это государство; какое огромное населеніе было заключено въ немъ, какая масса идей была распространена здѣсь. На всемъ пространствѣ видимъ города, соединенные удивительными путями сообщенія. Стоить взглянуть на остатки римскаго шоссе, чтобы убѣдиться въ громадности ихъ; въ половинѣ среднихъ вѣковъ приписывали исполненіе ихъ исполинамъ-феямъ. Въ такой степени постройки казались имъ выше силъ человѣческихъ. Отъ одного конца имперіи

до другого шли эти каменные дороги, по которымъ проходили римскіе легіоны, по которымъ возились разные товары; въ городахъ видимъ великолѣпныя книгохранилища, участіе въ просвѣщеніи всеобщее. Смотря на эти явленія, можно-ли было предвидѣть упадокъ, гибель римской цивилизаціи?

IV.

АВГУСТЪ, ТИВЕРІЙ, КАЛИГУЛА, КЛАВДІЙ, НЕРОНЪ.

Мы знаемъ, какимъ образомъ совершился переходъ отъ римской республики къ римской имперіи; причиною этого переворота было не честолюбіе Цезаря, а внутреннія причины, таившіяся въ самомъ организмѣ римскаго государства. Долготерпѣніе провинцій было истощено; притѣсненіямъ, злоупотребленіямъ проконсульской власти не было мѣры и границы. Во имя страданія утѣсненныхъ провинцій, во имя требованій низшихъ классовъ Рима и Италіи, Цезарь подымаетъ оружіе противъ сената, хранителя республиканскихъ формъ: формы эти оказались несостоятельными при новыхъ требованіяхъ. Фарсальская побѣда и послѣдовавшее за нею пораженіе республиканской партіи по смерти Цезаря кончилась торжествомъ триумвировъ, изъ которыхъ одному суждено было получить наслѣдіе Цезаря въ лучшемъ видѣ. Замѣчательно, до какой степени сами заговорщики не были убѣждены въ сочувствіи народа къ своему дѣлу: убивъ Цезаря, они скрылись въ Капитоліи, созвали своихъ вооруженныхъ рабовъ и ждали, что скажетъ народъ; народъ въ свою очередь, пораженный страшною вѣстью, долго безмолвствовалъ, долго не трогался; наконецъ чрезъ нѣсколько дней послѣдовала постыдная мирная сдѣлка между приверженцами Цезаря и ихъ противниками. Забота о будущей формѣ была оставлена въ сторонѣ; рѣшено было подѣлить провинціи, рѣшено, что во главѣ государства останется сенатъ; консулы и другія прежнія власти были восстановлены, но продолжительнаго мира не могло быть. Извѣстна исторія второго триумvirата. Вооруженный однимъ именемъ Цезаря, девятнадцатилѣтній Октавій, его племянникъ, привлекъ на свою сторону его легіоны, одолѣлъ республиканскую партію, одолѣлъ потомъ своихъ товарищей, Лепида и Антонія. При Августѣ дѣло Цезаря окончательно утвердилось. При Цезарѣ еще были люди, упорно таившіе, глубоко хранившіе надежды и сожалѣнія о прошедшемъ; Августъ овладѣлъ римскимъ міромъ, когда всѣ народы изнемогали отъ утом-

ленія, когда общимъ желаніемъ былъ покой, и этой потребности покоя удовлетворилъ Августъ. Странное, можно сказать, двуликое явленіе! Въ молодости Октавій является тріумвиромъ хитрымъ, кровожаднымъ, не скрывавшимъ наглого честолюбія; послѣ битвы при Акціумѣ, когда не оставалось ни соперниковъ, ни открытыхъ враговъ, видимъ императора Августа, умѣреннаго, заботливаго правителя, подъ управленіемъ котораго залѣчены были язвы римскихъ провинцій отъ долгихъ междоусобій. Августъ не измѣнилъ внѣшнихъ формъ, не принялъ новаго титула, заботливо скрывалъ отъ согражданъ свое величіе, свою власть; онъ старался не выходить изъ толпы. Въ формахъ жизни былъ онъ чрезвычайно простъ, какъ-бы боясь оскорбить народъ внѣшнимъ блескомъ. Послѣ страшныхъ проскрипцій, которыя проложили ему дорогу, онъ снизошелъ до степени простого гражданина. Когда дѣло шло объ избраніи сановниковъ, онъ старался выбирать людей, ему преданныхъ, но не употреблялъ насилій: вообще, онъ не любилъ крутыхъ мѣръ; онъ ходилъ въ собраніи отъ одного къ другому, прося подачи голоса въ пользу его кандидата. Ни въ образѣ жизни, ни въ жилищѣ, ни въ одеждѣ нельзя было узнать властителя Рима и подвластныхъ ему областей; а, между тѣмъ, перемѣна совершилась: въ рукахъ его сосредоточена была вся власть, къ которой шелъ Цезарь, власть безъ названія; новыхъ титуловъ не было, но всѣ должности римской республики—и диктаторство, и консульство, и трибунство, и цензорство, и санъ великаго первосвященника, и вѣчная проконсульская власть надъ провинціями—соединены были въ одномъ лицѣ. Нельзя сказать, что Августъ дурно употребилъ свою власть. Провинціи, ужаснувшіяся торжества республиканской партіи, вздохнули свободнѣе при Августѣ: онъ произвелъ значительную, замѣченную современниками, но неопѣченную перемѣну въ способѣ управленія провинціями, раздѣливъ ихъ на два разряда: такіа провинціи, гдѣ власть утверждена была на прочномъ основаніи, гдѣ нечего было опасаться ни возстанія, ни нападенія, были предоставлены сенату; другія провинціи, пограничныя или не совсѣмъ успокоенныя, взялъ онъ себѣ подъ именемъ цезарскихъ, куда императоръ назначалъ своихъ намѣстниковъ. Въ сенатскія—сенатъ избиралъ попрежнему изъ бывшихъ консулами въ правители, но списокъ кандидатовъ подвергался предварительному разсмотрѣнію Августа; вмѣсто слѣплого жребія былъ введенъ болѣе разумный способъ избранія: Августъ избиралъ въ свои прави-

тепн людей ему извѣстныхъ. Во времена республики, когда консулъ слагалъ годичную власть, обремененный долгами, при разстроенномъ состояніи, онъ достигалъ высшихъ должностей куплею голосовъ, получалъ въ качествѣ проконсула провинцію, куда отправлялся на годъ самодержавнымъ царемъ, а съ нимъ родственники и его заимодавцы, которыхъ онъ удовлетворялъ на счетъ ввѣренной провинціи; тамъ находилъ онъ компаніи откупщиковъ изъ римскихъ всадниковъ, бравшихъ на откупъ подати и облегчавшихъ такимъ образомъ проконсулу насильственный сборъ. Жаловаться на проконсула было некому, ибо въ сенатѣ были соучастники злоупотребленій; грабежи оставались безнаказанными. Самая краткость срока дѣлала еще худшимъ положеніе провинцій; каждый проконсулъ спѣшилъ устроить свои обстоятельства, поправить свое имѣніе; черезъ годъ онъ удалялся, являлся другой съ такою-же цѣлью. Никогда, можетъ-быть; не тяготѣло одно сословіе надъ другимъ такъ, какъ тяготѣла римская аристократія надъ провинціями; она питалась ихъ кровью и потомъ. Вотъ почему провинціи съ такимъ участіемъ слѣдили за подвигами Цезаря, оказывали радостное содѣйствіе, оплакивали его смерть, съ такимъ страхомъ смотрѣли на попытки возстановить республику. При Августѣ проконсулы получали жалованье; это измѣнило ихъ отношенія къ провинціямъ; каждый римскій сановникъ получалъ извѣстную часть хлѣба, масла, овощей, мяса, рыбы, и, сверхъ того, на каждыя, по выраженію лѣтописца, давалось по наложницѣ. Обезпеченный въ своихъ потребностяхъ, проконсулъ не могъ такъ безстыдно грабить, какъ въ то время, когда не выдавалось никакого жалованья. Доказательствомъ того, что эти мѣры принесли плоды, служить то обоготвореніе, предметомъ котораго сдѣлался Августъ преимущественно на востокѣ, гдѣ люди обладаютъ живымъ воображеніемъ и легче увлекаются; тамъ ставили ему храмы, жертвенники, статуи, поклонялись какъ божеству. Римъ пересталъ быть всепоглощающимъ городомъ; вниманіе римскихъ правителей обратилось и на провинціи, явилось стремленіе облегчить ихъ участь. Здѣсь совершается сліяніе въ одну большую семью этихъ безчисленныхъ народовъ; тотъ самый процессъ, который въ продолженіи семи вѣковъ римской исторіи поддерживалъ римское владычество, при императорахъ является въ несравненно большемъ размѣрѣ — въ размѣрѣ orbis romanі. Здѣсь можно привести рассказъ Светонія по этому случаю. Однажды, когда Августъ отправился для посѣщенія провинцій, что дѣлалъ иногда, чтобъ удостовѣриться въ

исполненіи обязанностей правителей, его галера встрѣтилась съ египетской, нагруженной товарами, привозившимися въ Римъ; египтяне, узнавъ, что на встрѣченной ими галерѣ находился самъ Цезарь, просили позволенія поклониться ему: явились въ бѣлыхъ одеждахъ, съ еиміамомъ, и принесли поклоненіе какъ божеству; Августъ велѣлъ за то надѣть на нихъ римскія тоги. Въ этомъ символѣ выражалось сліяніе народовъ въ одну великую семью. Но настоящимъ основателемъ новыхъ государственныхъ формъ, начала которыхъ, заложенныхъ Цезаремъ, развиты были Августомъ, можно сказать былъ Тиверій. Извѣстно, въ какомъ видѣ дошла до насъ память о Тиверіѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ жестокихъ государей; онъ нашелъ заслуженную кару, ибо историкомъ его былъ Тацитъ. Подъ безсмертнымъ перомъ великаго писателя имя Тиверія предано вѣчному позору; но, отдавая полную справедливость его благородному негодованію, должно признаться, что взгляды Тацита одно-стороненъ: Тацитъ смотрѣлъ на Тиверія глазами римлянина и республиканца. Не такъ должно смотрѣть на него, чтобы оцѣнить его дѣятельность. Положеніе Тиверія при вступленіи на престолъ было самое затруднительное; требовалась великая отвага, великая осторожность. Августу было легко править: ему значительно помогала общая усталость; но когда выросло новое поколѣніе, язвы залѣчились — партіи поднялись снова съ своими надеждами и требованіями. Республиканская партія смотрѣла на Августа, какъ на старика, который смертью своей откроетъ свободное поприще для ихъ дѣятельности, и ждала его смерти. Кто-же былъ представителемъ этой партіи? Сенатъ, аристократія. Конечно, аристократія римская значительно измѣнилась въ своемъ составѣ, начиная съ Цезаря до Августа; вы видѣли, что Цезарь ввелъ въ сенатъ множество иноплеменниковъ; Августъ, какъ *magister morum*, очистилъ сенатъ отъ этой унижительной для его достоинства чужеземной примѣси; онъ поднималъ сенатъ въ общемъ мнѣніи массы, давъ сенаторамъ средства жить сообразно съ своимъ положеніемъ. Но Августъ не исключалъ и иностранцевъ: великія заслуги сообщали имъ право римскаго гражданства; сдѣлалъ то, что талантливому иноземцу можно было возвыситься до высшихъ почестей. При Августѣ Римъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на триумфъ Корнелія Бальбы, родомъ испанца. Современный историкъ съ удивленіемъ говорить, что иностранецъ съ триумфомъ шествуетъ въ Капитолій. Этого еще не видалъ Римъ, но этотъ иностранецъ оказалъ великія услуги и сѣлъ между отцами

римскаго государства. Многіе другіе получали такую-же честь отъ Августа. Не надо упускать изъ виду современныхъ извѣстій; при Августѣ въ Италіи вздорожала земля. Провинціальная аристократія начинаетъ переселяться въ Римъ, куда призывалъ ее Августъ обѣщаніями, гдѣ открыты двери въ сенатъ. Эта аристократія покупаетъ помѣстья и содѣйствуетъ также къ сліянію, къ утвержденію единства между народами, Рима съ провинціями. При такомъ составѣ, можно подуматъ, сенатъ долженъ-бы былъ измѣниться въ понятіяхъ, въ направленіи; но этого не было. Новые пришельцы скоро пріобщились къ желаніямъ и сожалѣніямъ о древнихъ республиканскихъ формахъ; для тѣхъ не было другого идеала, какъ республика, такая форма, гдѣ всѣмъ правили они. Одни жалѣли о прошедшемъ по своекорыстнымъ разсчетамъ, другіе дѣйствительно были убѣждены. Сенатъ сдѣлался сердцемъ оппозиціи, имѣвшей въ рядахъ своихъ самыхъ богатыхъ, самыхъ образованныхъ и даровитыхъ людей. Дѣти сенаторовъ получали то-же образованіе, какъ во время республики; въ этой формѣ хранились преданія о прошедшемъ, это сословіе было представителемъ прошедшаго противъ новаго порядка вещей, который водворили императоры, стоя во главѣ арміи. Республика при Августѣ окончательно должна была отречься отъ своихъ надеждъ; утвердилась не монархія въ нынѣшнемъ смыслѣ, а единодержавіе—суровое, подозрительное, при Августѣ еще мягкое, но жестокое при его преемникахъ, когда партіи успѣли отдохнуть и могли думать о возможности возврата къ прошедшему.

Послѣдніе годы августовой жизни были потрясены семейными раздорами. Вторая жена его, Ливія, была женщина честолюбивая и безпокойная. Она преслѣдовала со всею ненавистью дочь его Юлію и ея сына. Цѣль была та, чтобы доставить престолъ своему сыну. Юлія умерла въ изгнаніи, дѣти ея отъ Агриппы погибли. Единственнымъ членомъ августова семейства оставался Тиверій. Тиверій происходилъ изъ дома Клавдіевъ, который чрезъ всю римскую исторію носить жестокій характеръ, и Тиверій не измѣнилъ этому характеру. Августъ не любилъ Тиверія, но, уступая желанію супруги, онъ осыпалъ его почестями. Впослѣдствіи отношенія между Августомъ и Тиверіемъ до того были тягостны, что Тиверій уѣхалъ на островъ Родосъ, откуда возвратился въ Римъ незадолго до смерти Августа, а когда Августъ умеръ въ Нави, въ 14 г. по Р. Х., Тиверій остался наследникомъ престола. Но на чемъ основывались права Тиверія?

Трудно сказать, на чемъ основывались и права Августа. На завѣщаніи Юлія Цезаря? Но Юлій Цезарь не могъ оставить завѣщанія насчетъ престолонаслѣдія; такого завѣщанія не сдѣлалъ даже Тиверій. Понятіе о престолонаслѣдіи было чуждо римскому міру, закона не было никакого, и Тиверій былъ только фактической наслѣдникъ. Тиверій, когда заступилъ Августа, былъ немолодъ: ему было за пятьдесятъ лѣтъ; онъ былъ высоко образованъ, знатокъ римской и греческой литературы, знаменитый полководецъ, составившій себѣ репутацію походами противъ племенъ Придунайскихъ, потомъ начальствовавшій войсками на Рейнѣ. Онъ былъ нелюбимъ вотчимомъ; у него вообще не было друзей; онъ былъ человѣкъ умный, даровитый, но жестокій, подозрительный и крутого характера. Онъ понялъ, что въ сенатѣ для него нѣтъ опоры, что сенатъ, который терпѣлъ Цезаря ради его генія, Августа ради обстоятельствъ, смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, незаконно захватившаго власть. Въ то время, повторяю, не могли еще развиться понятія о престолонаслѣдіи. Многіе сенаторы сами почитали себя имѣвшими полное на престолъ право; многіе ненавидѣли Тиверія изъ личныхъ побужденій. Первые годы его правленія были счастливы для народа. По словамъ Тацита, онъ отказался отъ громкихъ титуловъ, которые поднесъ ему народъ и рабочій сенатъ; вычеркивая величавыя имена, которыя писали къ нему въ бумагахъ, онъ говорилъ, что для рабовъ онъ господинъ, для войска императоръ, а въ сенатѣ подписывался только „принсепс“. Онъ заботился о народѣ, кормилъ его, но не баловалъ играми. Въ войскахъ начались безпорядки: войско понимало, что только имъ поддерживается власть императора. По провинціямъ вспыхнули мятежи въ регіонахъ, требовавшихъ прибавки жалованья и сокращенія срока службы. Тиверій, строгій блюститель дисциплины, жрѣбя сердце, долженъ былъ сдѣлать уступки. Народъ римскій, праздный, развратный, не внушалъ ни довѣрія, ни сочувствія. Вниманіе Тиверія было обращено на провинціи; для провинцій не было лучшаго правителя, и самъ Тацитъ признаетъ это, хотя многого не понималъ относительно провинцій. „Тиверій,—говоритъ онъ:—облѣнился, не заботился о правильной смѣнѣ правителей провинцій“. Между тѣмъ, то выходило изъ очень правильнаго размышленія, ибо каждая смѣна вела за собой большія неудобства. Относительно злоупотребленій онъ былъ безпощадно строгъ; жалобы провинціаловъ всегда находили его готовымъ выслушивать ихъ; производилъ слѣдствія строго и безпристрастно.

Сверхъ того, былъ чрезвычайно бережливъ; эта бережливость была въ пользу провинцій; расточительность вела въ послѣдствіи къ жестокости, къ насильственному присвоенію частной собственности, конфискаціямъ и казнямъ, что употребляется нынѣ только на востокъ. Относительно Рима Тиверій велъ себя иначе. Первоначально онъ поднялъ сенатъ, отнявъ у комицій право избранія сановниковъ. Можете судить о степени равнодушія въ римскихъ массахъ. Эта мѣра не вызвала ни возстанія, ни сильнаго ропота. Народъ, повидимому, не ропталъ на отнятіе права, которое перестало доставлять выгоды; онъ оставался равнодушнымъ вслѣдствіе своего разврата и упадка патріотическихъ чувствъ. Народъ какъ-бы добровольно отказался отъ своего права: выборъ не приносилъ столько доходовъ, искатели должностей менѣе тратили денегъ. Само правительство снабжало хлѣбомъ народъ, давало игры. Народъ покорился волѣ императора. Тиверій, отнявъ у народнаго собранія право избирать сановниковъ, перенесъ это право сенату. Ослабивши съ этой стороны народъ, повидимому Тиверій усилилъ сословіе, наиболѣе для него опасное, именно сенатъ: отнынѣ въ сенатѣ избирались сановники; сенатъ-же наполнялся представителями древнихъ римскихъ учреждений, древняго римскаго духа; здѣсь только сохранились преданія и сожалѣніе о прошедшемъ и надежды на возвратъ этого прошедшаго. Но Тиверій очень хорошо понялъ значеніе своего дѣла: сенатъ былъ у него подъ рукою, онъ могъ дѣйствовать на него легче и удобнѣе, нежели на массы; ему были извѣстны имена подающихъ голоса, были извѣстны партіи; онъ обращался лично къ каждому сенатору съ просьбой, которая равнялась приказанію подать голосъ въ пользу его кандидатовъ. Сосредоточивъ большую часть законодательной и нѣкоторую часть исполнительнѣйшей власти въ рукахъ сената, Тиверій тѣмъ болѣе подозрительно смотрѣлъ на это сословіе, опасался его. Съ этихъ поръ начинается борьба между сенатомъ и римскими императорами, кровавые слѣды которой находимъ въ римской исторіи.

Тиверій имѣлъ двоякій характеръ. Римскіе историки, и величайшій между ними Тацитъ, представляютъ его чудовищнымъ тираномъ; между тѣмъ, у нихъ-же вырываются признанія другого рода. Видно, что провинціи любили Тиверія; видно, что онъ радѣлъ объ ихъ благосостояніи; жестокость Тиверія была обращена преимущественно на Римъ, на сенатскія фамиліи, иногда и на людей низшаго сословія въ Римѣ, возбуждавшихъ его подозрѣніе. Провинціи, можн

сказать, благоденствовали. Причины другихъ отношеній понять нетрудно. Вы видѣли, какъ страшно тяготѣла республика надъ провинціями, какъ разнились интересы республики отъ интересовъ провинцій. Конечно, съ воспоминаніемъ о римской республикѣ соединялось много прекраснаго, великаго и славнаго; но это великое, прекрасное и славное и не принадлежало провинціямъ. Отъ этого порядка вещей для нихъ оставался гнетъ постоянный и неслыханный въ исторіи. Въ Римѣ Тиверію приходилось бороться съ явными и тайными оппозиціями; явныя оппозиціи явно и нерѣшительно высказывались въ сенатскихъ засѣданіяхъ; тайныя злоумышленія были несравненно чаще. Не только между сенатскими потомками древнихъ аристократическихъ фамилій находимъ защитниковъ прежняго порядка вещей, но въ самомъ семействѣ цезаря находимъ мы ихъ отголосокъ. Старшій братъ его, Друзъ, умершій еще при Августѣ, не скрывалъ своего сочувствія къ республиканскимъ формамъ; республиканская партія смотрѣла на него какъ на возстановителя республики по смерти Августа. Еще съ большею любовью смотрѣли они на сына Друза, наслѣдовавшаго отцовскую славу и убѣжденіе, на Германика. Юный полководецъ рано приобрѣлъ громкую славу въ Германіи, оттого и прозванъ Германикомъ; онъ жилъ душой прошедшимъ, онъ принадлежалъ къ числу благородныхъ, но терявшихся въ безполезныхъ усиліяхъ мечтателей, которые думали воскресить прошедшее. Тиверій преимущественно былъ администраторъ, государственный человѣкъ. Не изъ-за любви къ человѣчеству Тиверій покровительствовалъ провинціямъ, не изъ благородныхъ побужденій, но изъ любви къ порядку, которая свойственна справедливости строгой, холодной, отчасти изъ ненависти къ аристократіи, которой не давалъ онъ поживиться насчетъ провинціаловъ. Но душа ожесточалась постоянными подозрѣніями. Тиверій былъ отъ природы смѣлъ, но ежеминутная опасность сдѣлала его подъ старость мнительнымъ и трусливымъ. Онъ покинулъ Римъ, боясь жить въ Римѣ; удалился на островъ Капрею и окружилъ себя всевозможными предосторожностями. Тамъ, окруженный граматиками, риторамъ и астрологами, по словамъ Свѣтонія, проводилъ онъ, дряхлый старикъ, старческіе годы въ самомъ отвратительномъ развратѣ, о которомъ новыя времена конечно не имѣютъ понятія; но руки его не ослабли, мысль сохранила прежнюю энергію; отсюда правилъ онъ судьбами Рима, и его неясныя, невсмысленныя приказанія приводили въ смущеніе сенатъ. Радить сохранилъ намъ нѣсколько этихъ посланій его.

нихъ видно и желаніе Тиверія быть непоняту, и видно угрызеніе совѣсти. Не входя въ подробности жизни Тиверія, укажу на главные факты. Германикъ, внушившій опасеніе Тиверію, умеръ на тридцать четвертомъ году въ Сиріи. Общественное мнѣніе подозрѣвало Тиверія въ отравленіи племянника; орудіемъ Тиверія былъ Пизонъ, правитель Сиріи. По общему убѣжденію въ Римѣ, Тиверій долженъ былъ удовлетворить требованію раздраженнаго народа: Пизонъ былъ преданъ суду. Изъ превосходнаго разсказа Тацита очевидно, что у Пизона была какая-то тяжелая тайна на душѣ; быть-можетъ онъ не хотѣлъ выдать Тиверія, разоблачить данныя ему инструкции; онъ не дождался приговора и предалъ себя смерти. Еще съ большей ненавистью вооружилось общественное мнѣніе противъ жены Тиверія; но она нашла защитницу въ своей матери Юліи, имѣвшей большое вліяніе при Августѣ и сохранившей его при сынѣ. У Тиверія оставался наслѣдникъ, сынъ Друза; но Друзъ внушилъ подозрѣніе отцу. Отчасти виновникомъ дурныхъ отношеній между Тиверіемъ и Друзомъ былъ префектъ преторіанцевъ Сеянъ; онъ-то раздражалъ императора безпрестанными доносами. Друзъ умеръ отравленный; въ этомъ преступленіи не былъ виноватъ Тиверій, но виновата его супруга, которая находилась въ связи съ Сеяномъ и которой Сеянъ обѣщалъ жениться на ней по смерти Тиверія. У Сеяна были честолюбивые замыслы: чтобы занять мѣсто цезаря, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ смерти Тиверія, который ему неограниченно вѣрилъ. Ближайшими родственниками оставались сыновья Германика; двое изъ нихъ погибли; супруга его Агрипина подверглась той-же участи; оставался меньшей сынъ, который сопровождалъ Тиверія на островъ Капрею, впоследствии столь знаменитый Калигула, котораго судьба сохранила на горе римскому народу. Въ то время, какъ Тиверій жилъ на островѣ Капреѣ, исполнителемъ его приказаній, главнымъ распорядителемъ въ Римѣ, оставался Сеянъ; власть его была огромная: онъ былъ начальникомъ преторіанской стражи. Нужно сказать о значеніи этого войска, которое имѣло впоследствии такое огромное вліяніе на судьбу римской имперіи. Вамъ извѣстно, что ставка римскаго военачальника называлась „praetorium“, и преторіанцы составляли первоначально стражу полководца изъ избраннаго войска, постоянную, необходимую для охраненія особы полководца. Когда римская республика пала, когда Августъ началъ утверждать другія формы правленія, то онъ придвинулъ къ самому Риму преторіанскую стражу, которая находилась при немъ въ качествѣ берега-

телей его особы, какъ императора, т. е. начальника войска; но вооруженные воины не могли вступать въ Римъ; они жили за городомъ, въ казармахъ; число ихъ сначала было незначительно, но потомъ при каждомъ императорѣ оно увеличивалось. Они рѣдко ходили на войну, большею частью жили подлѣ Рима и служили лучшею порукою за безопасность императоровъ. Мѣсто начальника преторіанцевъ давалось людямъ, къ которымъ императоръ имѣлъ полное довѣріе. Такою-то властью былъ облеченъ Сеянъ, оставшійся главнымъ исполнителемъ воли Тиверія. Но замыслы Сеяна были открыты; онъ погибъ. Надобно прочесть эпизодъ у Тацита; здѣсь превосходно выраженъ характеръ Тиверіева правленія (*Annalium lib. V, cap. 4—9*). Тиверій нерѣшительно дѣйствовалъ противъ Сеяна: онъ былъ неувѣренъ въ успѣхѣхъ, онъ боялся Сеяна; онъ видѣлъ, что далъ слишкомъ много власти, но уже было поздно; онъ обращается къ сенату съ двусмысленными грамотами, какъ-бы пробуетъ сенатъ, не рѣшится-ли онъ дѣйствовать противъ Сеяна, хоть и зналъ, что его сенатъ ненавидѣлъ. Общее мнѣніе было противъ этого временщика. Участь его была ужасна; даже его малолѣтніе дѣти были преданы самой позорной смерти, особенно малолѣтняя дочь, предварительно обезчещенная палачемъ. Всѣ друзья его, которые выразили какое-либо участіе къ судьбѣ его, подверглись гоненію и большею частью казни. Немногіе друзья Сеяна спаслись. Замѣчательнъ отвѣтъ одного сенатора, котораго обвиняли въ сношеніяхъ съ Сеяномъ: „Я былъ близокъ къ Сеяну, потому-что раздѣлялъ заблужденіе императора“. Тиверій пощадилъ его. Вскорѣ послѣ Сеяна погибла Агрипина, вдова Германика. Трудно найти судьбу болѣе трагическую. Время было ужасное. Для того, чтобы безпрепятственнѣе преслѣдовать личныхъ враговъ своихъ, Тиверій воскресилъ старинный законъ объ оскорбленіи народнаго величества (*lex de laesa majestate populi*), существовавшій во времена республики. Дѣйствительно, этому закону подвергался всякій оскорбитель народа римскаго, однако, онъ рѣдко прилагался, а въ послѣднее время республики совсѣмъ не примѣнялся. Тиверій воскресилъ его, но въ свою пользу: оскорбитель его личности былъ оскорбителемъ и римскаго народа, потому-что онъ былъ представителемъ римскаго народа, верховнымъ сановникомъ. Этотъ законъ получилъ неопредѣленное значеніе: ему подвергались и настоящіе заговорщики, и тѣ, которые позволяли себѣ неприличное выраженіе предъ изображеніемъ императора. Непристойное слово, сказанное передъ статуей императора, не-

приличное выраженіе, употребленное человѣкомъ, у котораго на рукѣ былъ перстень съ изображеніемъ императора, составляли уже достаточную причину для обвиненія. Достаточно было показаніе недовольнаго раба, чтобы подвергнуть знатнаго римлянина слѣдствію, которое кончалось казнью или конфискаціей. Но доносчики были не между одними рабами. Образовался цѣлый классъ людей — *delatores*; объ этомъ страшномъ классѣ римскаго общества римскіе писатели оставили много замѣчательныхъ, потрясающихъ подробностей. Эти *delatores* большею частью принадлежали къ высшей римской аристократіи; ихъ можно причислить къ тому-же разряду людей, которые въ послѣднее время республики жаждали переворотовъ государства для своей личной пользы, къ числу которыхъ принадлежалъ Катилина, какимъ его изображаютъ Салюстій и Цицеронъ. Большею частью эти *delatores* были люди даровитые, честолюбивые, но безнравственные, разоренные, прибѣгавшіе ко всѣмъ средствамъ для поправленія своихъ обстоятельствъ. Многіе отличались ораторскимъ талантомъ, и такой талантъ былъ нуженъ: они говорили предъ сенатомъ; возражать имъ было опасно; защитникъ человѣка, обвиненнаго въ нарушеніи закона *de majestate*, часто подвергался участи обвиненнаго, или оставался на замѣчаніи. вмѣстѣ съ этими аристократическими обвинителями дѣйствовали также и лжесвидѣтели. Обвинители принадлежали къ высшему классу общества, лжесвидѣтели выбирались изъ самыхъ низшихъ рядовъ его; ихъ поощряли обѣщаніемъ награды; за всякимъ приговоромъ за оскорбленіе величества императора или народа слѣдовала конфискація имѣнія; часть этихъ имѣній поступала въ казну, другая отдѣлялась въ награду обвинителей и лжесвидѣтелей. Потому самое нелѣпое обвиненіе находило готовыхъ свидѣтелей. Съ нашей точки зрѣнія несовсѣмъ понятно такое безнравственное явленіе. Оно объясняется многими обстоятельствами римской жизни, во первыхъ, самымъ воспитаніемъ молодежи. Молодые римляне знатнаго сословія при императорахъ такъ-же продолжали воспитываться, какъ ихъ отцы и дѣды; ихъ учили преимущественно краснорѣчію. Во время республики это искусство было необходимо; при императорахъ оно утратило свое практическое значеніе, но воспитаніе оставалось одно и то-же. Во времена республики юный гражданинъ, желая пачать свое политическое поприще, выступалъ обвинителемъ какого-нибудь государственнаго сановника, преступившаго власть свою; въ этомъ не было ничего постыднаго: это обли-

чало въ гражданѣ любовь къ закону, неависть къ неправдѣ. Теперь такое явленіе сдѣлалось почти невозможнымъ, такая дѣятельность пресѣклась; но обвинители и теперь говорили во имя старыхъ преданій; многіе изъ нихъ были люди съ великими ораторскими дарованіями. Тацитъ говоритъ о нихъ съ глубокимъ, вполне заслуженнымъ негодованіемъ, но отдаетъ справедливость имъ въ отношеніи ихъ дарованій, которыми, къ несчастію, многіе изъ нихъ были одарены на гибель гражданъ. Такое же указаніе можно найти въ письмахъ Плинія-младшаго: тамъ въ нѣсколькихъ письмахъ есть подробное извѣстіе о Регулѣ-delatore, во II столѣтіи дѣйствовавшемъ при Домиціанѣ; онъ былъ человѣкъ чрезвычайно образованный, литераторъ съ большимъ вкусомъ, но желчный, самолюбивый, мстившій какъ за самую страшную обиду, такъ и за невинную насмѣшку, завистливый, готовый обвинять всѣхъ и cadaго. Замѣчательно то впечатлѣніе, которое Регулъ производилъ въ римскомъ обществѣ: при появленіи его говорить боялись, молчать также было опасно; молчаніе могло быть объяснено въ другую сторону. Этотъ-то порядокъ вещей завелъ Тиверій въ Римѣ. По справедливому выраженію римскаго историка, продолжались междоусобія въ сенатѣ, гибли лучшіе граждане за то, что ихъ считали враждебными системѣ Тиверія, обвиняли въ нарушеніи народнаго величества. Послѣдніе годы своего правленія Тиверій провелъ на островѣ Капреѣ. Тацитъ и Светоній увѣряютъ, что Тиверій въ продолженіи одиннадцати лѣтъ не возвращался изъ Капреи въ Римъ, что онъ будто нѣсколько разъ подѣзжалъ къ стѣнамъ города, но никогда не осмѣливался вѣхаться въ него. Сверхъ того на островѣ онъ велъ жизнь распутную и былъ обезображенъ позорною болѣзнію; поэтому самому онъ стыдился показаться римскому народу и боялся за жизнь свою. Послѣ Тиверія остались его записки, различныя комментаріи—памятники очень важныя, но къ несчастію утраченныя. Эти комментаріи изучалъ Кай Цезарь, который оставался при Тиверіи на островѣ Капреѣ и котораго рано разгадалъ Тиверій. Однажды Тиверій заболѣлъ, ему сдѣлалось дурно и онъ оставался нѣсколько часовъ безъ движенія. Преемникъ Сеяна Макронъ провозгласилъ императоромъ Кая Цезаря. Но Тиверій очнулся. Макронъ понялъ, что ему грозила опасность и задушилъ слабаго старика подушками. Такимъ образомъ кончилось это правленіе, нанесшее самыя страшныя удары не только республиканскимъ учрежденіямъ, но и сенату. Но у Тиверія, по крайней мѣрѣ, въ государственномъ правленіи

лежить идея: онъ дѣйствовалъ въ пользу провинцій, ослабляя римскую аристократію, при которой невозможно было благоденствовать провинціямъ. Когда-же Тиверій умеръ и мѣсто его заступилъ воспитанникъ его, сынъ благороднаго Германика, Калигула, тогда началась эпоха унижительная, какихъ мало встрѣчались въ исторіи человѣчества.

По смерти Тиверія, мѣсто его заступилъ Кай Цезарь, прозванный еще въ дѣтствѣ своемъ воинами римскихъ легионовъ Калигулой; ему было 25 лѣтъ отъ роду, когда онъ началъ дѣйствовать Тиверію. Народъ римскій привѣтствовалъ его радостно; причины этой радости были слѣдующія: во первыхъ, ненависть, которую всѣ сословія римскаго народонаселенія питали къ Тиверію; во-вторыхъ, память о Германикѣ, отцѣ Калигулы, молодомъ, блистательномъ полководцѣ, который оставилъ столько сожалѣній по себѣ въ Римѣ; наконецъ, дѣла, общанія Калигулы въ первые дни правленія. Все это соединилось не только къ обольщенію народа, но и сената. Тиверій съ его глубокимъ умомъ рано понялъ Калигулу: онъ пророчилъ въ немъ страшнаго бича римскому народу; предсказаніе его оправдалось. Первые дни были прекрасны: Калигула явился въ Римъ изъ Капреи, гдѣ онъ находился до самой кончины Тиверія; онъ началъ тѣмъ, что отмѣнилъ законъ о преступленіи противъ величества, возвратилъ всѣхъ изгнанныхъ, сжегъ много документовъ, на основаніи которыхъ могли быть, по его мнѣнію, преданы суду многіе знатнѣйшіе граждане Рима, и праздновалъ вступленіе на престолъ великолѣпными играми; онъ первый ввелъ въ обычай давать подарки протеріанцамъ и войску, такъ называемые *donativa*. Нѣтъ сомнѣнія, что Калигула въ эти счастливые дни своей жизни дѣйствовалъ чистосердечно; для притворства не было причины. Но въ самомъ началѣ его правленія нельзя было не замѣтить разстройства умственныхъ способностей, признаковъ помѣшательства, которое обнаружилось очень рано. Бюсты и изображенія его, дошедшіе до насъ, обличаютъ въ немъ болѣзненное тѣлосложеніе: онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, по временамъ только тѣло пухло; лицо постоянно блѣдное, глаза сверкающіе; этому лицу онъ придавалъ странное выраженіе постоянными гримасами. Онъ былъ не лишенъ дарованій, образованія: вообще всѣ знатные римляне были хорошо воспитаны; но онъ и между образованными могъ назваться весьма образованнымъ; у него былъ ораторскій талантъ, онъ любилъ говорить рѣчи, отличался восторженнымъ, нѣсколько напыщеннымъ, по страстнымъ краснорѣчіемъ, любилъ показываться передъ наро-

домъ, любилъ искусство, и особенно драматическое, бралъ уроки декламациі у знаменитаго въ то время актера; на играхъ, которыми онъ тѣшилъ римлянъ и на которыя Августъ и Тиверій были скупы, онъ не считалъ унижительнымъ самому являться. Къ литературѣ его отношенія были другія: при Тиверіи начались строго преслѣдоваться сочиненія, въ которыхъ новый порядокъ подвергался осужденію; смѣлыя выходки нерѣдко навлекали смерть на сочинителя. Калигула разрѣшилъ не только чтеніе, но даже продажу сочиненій, исполненныхъ республиканскаго духа, негодованія противъ новыхъ формъ. Но это отношеніе къ сенату и народу продолжалось недолго. Калигулѣ нетрудно было быть великодушнымъ и щедрымъ въ началѣ, вслѣдствіе огромныхъ сокровищъ, которыя были оставлены бережливымъ Тиверіемъ: онъ оставилъ 130 милліоновъ серебромъ — если принять въ соображеніе цѣнность нашихъ денегъ, то это выйдетъ 800 мил. серебромъ. Калигула щедро расточилъ этотъ запасъ, не заботясь о будущемъ; черезъ годъ сокровищъ не стало. Но расточительность обратилась въ привычку; а любовь народная основывалась на этой расточительности. Надобно было прибѣгнуть къ новымъ способамъ добывать деньги. Древній міръ относительно экономическихъ вопросовъ былъ крайне неопытенъ; источники государственныхъ доходовъ отнюдь не были такъ разнообразны, какъ теперь. Только крайней бережливостію Тиверій могъ скопить тотъ запасъ, который онъ завѣщалъ Калигулѣ. У Калигулы не было ни бережливости, ни умѣнья, но онъ нашелъ самый легкій способъ пополнять казну чрезъ конфискацію частной собственности. Законъ *de laesa majestate* не былъ возстановленъ, но Калигулѣ дѣлалъ хуже: безъ предварительнаго суда, безъ соблюденія нѣкоторыхъ формъ, которыми ограждалась личность подсудимаго, однимъ своимъ повелѣніемъ онъ обрекалъ на смерть гражданъ, ему ненавистныхъ и подозрительныхъ по своему богатству и подвергалъ ихъ опалѣ; разумѣется, эти жертвы принадлежали къ сенаторскимъ фамиліямъ. Поводовъ къ казнямъ было много. У Калигулы умерла сестра Друзиллина, къ которой онъ былъ очень близокъ; онъ предался отчаянной скорби, приказалъ причислить ее къ богамъ и, такимъ образомъ, задалъ римскому народу кровавую загадку. Тотъ, кто надѣвалъ трауръ по ней, подвергался опасности: онъ, слѣдовательно, не признавалъ ее богиней, ибо по богинямъ траура не носили; кто не надѣвалъ траура, тотъ, слѣдовательно, не принималъ участія въ потерѣ императора. Многіе граждане заплатили жизнью за подобную выдумку

Калигулы. Когда онъ былъ боленъ, одинъ римлянинъ, вѣроятно, желая обратить на себя милостивое вниманіе императора, далъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія Калигулы, принести себя въ жертву богамъ, и Калигула по выздоровленіи велѣлъ ему исполнить свой обѣтъ, а имѣніе его взять въ казну. Вступивши однажды на эту дорогу, Калигула не могъ остановиться. Самое обыкновенное объясненіе такого поведенія заключается въ томъ, что онъ былъ сумасшедшій, притомъ злой и безнравственный, испорченный дурнымъ воспитаніемъ и примѣрами при дворѣ Тиверія и наконецъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился. Быть-можетъ въ цѣлой исторіи древней и новой Европы мы не найдемъ примѣра такого шаткаго положенія, какъ положеніе первыхъ римскихъ императоровъ. Власть римскихъ императоровъ была чисто фактическая, права не было: каждый изъ императоровъ носилъ сознаніе, что смерть его будетъ принята съ восторгомъ, что большая часть римлянъ смотритъ на нихъ, какъ на похитителей, и каждый считалъ себя вправѣ захватить эту власть. Надо было опираться на легіоны, подкупая ихъ деньгами. Тиверій умѣлъ держаться необыкновенной строгостью; онъ поддерживалъ дисциплину. для провинцій онъ былъ отличный правитель; но несмотря на то, онъ не избѣгъ насильственной смерти, и убійцы его не были казнены. Можно себѣ представить, какъ это подѣйствовало на Калигулу! Страхъ потерять власть, подозрительность, начатки помѣшательства,—все это соединилось для того, чтобы представить психологическую загадку характера Калигулы. У него буквально, можно сказать, кружилась голова. Расточивъ награбленное въ Римѣ, онъ отправился обирать провинціи. Галлія,—цвѣтушая, богатая область, была первымъ поприщемъ его дѣятельности. Калигула принялъ полу-сумасшедшія мѣры. Такимъ образомъ онъ продавалъ съ аукціона вещи дома Цезарей; всякая мелочь ихъ дворца продавалась весьма дорогою цѣною, на томъ основаніи, что она напоминала подданнымъ объ ихъ повелителяхъ; при продажѣ присутствовалъ самъ Калигула, самъ набавлялъ цѣну и заставлялъ подымать ее, самъ назначалъ покупателей, а отказываться несовсѣмъ было безопасно. Съ этимъ соединялъ онъ забавы, обличавшія его сумасшествіе. Такъ, въ Ліонѣ (Lugdunum) онъ назначилъ состязаться всѣмъ галльскимъ поэтамъ, писавшимъ по-латыни; назначены были призы, награды за лучшія стихотворенія; плохихъ поэтовъ заставлялъ слизывать языкомъ все написанное и бросалъ въ Рону. Но ему, сверхъ того, хотѣлось поравняться и въ военной

славѣ со своими предшественниками. Онъ двинулся противъ Британіи, съ легіонами подошелъ къ берегу моря и раздумалъ; велѣлъ воинамъ набрать раковинъ и объявилъ себя побѣдителемъ океана, потому что несъ добычу, отнятую у него. Потомъ отправился противъ германцевъ; перешелъ черезъ Рейнъ и возвратился назадъ, не видавъ ни одного германца; онъ велѣлъ изъ легіоновъ отобрать всѣхъ русыхъ и рыжихъ воиновъ и съ триумфомъ вести ихъ въ Римъ, какъ плѣнныхъ германцевъ. Между Италіей и Сициліей онъ хотѣлъ построить мостъ. Безумные, дикіе замыслы его оскорбляли всѣхъ благородныхъ римлянъ, наводили страхъ на безсмысленныя массы. Кромѣ Светонія и Тацита, у насъ есть весьма любопытный памятникъ—описаніе посольства александрійскаго еврея Филона, ходатайствовавшего по дѣлу своихъ единовѣрцевъ; онъ былъ представленъ Калигулѣ, видѣлъ императора, бесѣдовалъ съ нимъ и оставилъ любопытное описаніе. Съ каждымъ днемъ, можно сказать, увеличивались раздражительность и сумасшествіе; подъ конецъ Калигула требовалъ себѣ божескаго поклоненія. Не съ него начался обычай причислять къ богамъ императоровъ, но только не при жизни, а по смерти. Калигула поставилъ свою статую въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго; многимъ статуямъ велѣлъ отбить головы и придѣлать свое изображеніе; но скоро почелъ унизительнымъ для себя стоять рядомъ съ Юпитеромъ и выстроилъ себѣ особый храмъ, гдѣ по нѣскольку часовъ стоялъ на пьедесталѣ и принималъ поклоненіе. Онъ продавалъ мѣста жрецамъ за большія деньги, и такимъ образомъ приобрѣлъ новый источникъ для поправленія денежныхъ средствъ. Онъ сталъ являться къ народу въ одеждѣ и атрибутахъ различныхъ божествъ, даже женскихъ: Юноны, Венеры и Діаны; рассказывалъ о своихъ сношеніяхъ съ прочими богами, о побѣдахъ надъ Юпитеромъ. Четыре года терпѣли римляне это унизительное владычество; наконецъ, между самими преторіанцами, которыхъ онъ осыпалъ и деньгами, и оскорбленіями, составилъ заговоръ, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ старыхъ центуріоновъ Херея. Заговорщикъ убилъ Калигулу во дворцѣ. Тогда Римъ представлялъ странное и печальное зрѣлище. Сенатъ собрался немедленно для совѣщанія о новомъ правительствѣ. Мнѣніе большинства было возстановить республику; полицейскіе солдаты (*cohortes urbanae*) были на сторонѣ сената; между преторіанцами, особенно офицерами, нѣсколько голосовъ раздѣляли такое-же мнѣніе; но внѣ сената и кромѣ небольшого числа воиновъ, согласныхъ съ его

мнѣніемъ, не было сочувствія къ республикѣ. Сенать про-
велъ цѣлую ночь въ совѣщаніяхъ и вдругъ узналъ, что
новый императоръ уже провозглашенъ. Во время тревоги
преторіанцы бросились грабить дворецъ; въ одной изъ от-
даленныхъ комнатъ одинъ преторіанецъ нашелъ спрятав-
шагося человѣка, вытащилъ его и узналъ въ немъ дядю
Калигулы, Клавдія. Преторіанцы провозгласили его немед-
ленно императоромъ и взяли съ собою въ лагерь; на другой
день безсильный сенать преклонился предъ ихъ выборомъ.
Изъ всѣхъ членовъ августовской фамиліи ни одинъ не обра-
щалъ на себя такъ мало вниманія, какъ сынъ знаменитаго
отца Друза, братъ Германика. Клавдій постоянно былъ пред-
метомъ насмѣшекъ и презрѣнія въ собственномъ семействѣ;
онъ былъ разсѣянъ до крайности; когда онъ родился, мать
получила къ нему отвращеніе, она не любила его; онъ былъ
безобразенъ, отличался опрометчивостью, безпамятствомъ,
просто сказать глупостью, имѣлъ тяжелое пониманіе, гово-
рилъ не то, что хотѣлъ, языкъ якобы ему не повиновался,
былъ совершенно неловокъ. Августъ стыдился его, Тиверій
презиралъ, Калигула пощадилъ, потому что онъ не внушалъ
никакого опасенія. Забытый, загнанный Клавдій началъ за-
ниматься наукой; онъ былъ не лишенъ нѣкотораго ума, но
умъ скрывался подъ странною, невыгодною наружностью.
Наставникъ его былъ Титъ-Ливій; онъ совѣтовалъ ему упо-
требить досугъ, котораго у Клавдія было много, на изученіе
римскихъ древностей; по отзывамъ нѣкоторыхъ, даже лю-
дей враждебныхъ Клавдію, онъ былъ глубокой знатокъ древ-
ности, но мало было у него такта; онъ составилъ подробное
описаніе междуусобной войны Цезаря и триумвировъ, и здѣсь
откровенно рассказываетъ о преступленіяхъ своихъ родствен-
никовъ цезарскаго дома. На государственныя дѣла не
имѣлъ никакого вліянія и не вмѣшивался въ нихъ. При Ка-
лигулѣ онъ назначенъ былъ консуломъ, но это былъ лишь
пустой титулъ. Такимъ образомъ прошла жизнь Клавдія до
провозглашенія императоромъ. Онъ былъ не готовъ для этого
возвышенія, оно застало его врасплохъ. Но правиль-ли онъ?
Можно было напередъ предвидѣть, что Клавдій будетъ править
Римомъ не своимъ умомъ, а подъ вліяніемъ людей его окружав-
шихъ. За него правили его вольноотпущенники: Поли-
бій, Палласъ, Нарцисъ, въ рукахъ которыхъ была и собствен-
ность, и жизнь гражданъ; они составили себѣ огромныя
богатства. Это одна изъ характеристическихъ сторонъ рим-
ской жизни. Мы уже видѣли положеніе образованныхъ ра-
бовъ въ Римѣ, занимавшихъ при господинѣ такія долж-

ности, которыя занимають теперь люди свободные: секретари, чтецы были изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ. Надо замѣтить, что у римскихъ гражданъ было особое понятіе о чести. Тѣ самые сенаторы, которые не стыдились рукоплескать самымъ жестокимъ поступкамъ, сочли-бы за униженіе для себя личную службу въ домѣ цезаря. Римскіе цезари жили одиноко въ своихъ дворцахъ; обыкновенно ихъ общество состояло изъ этихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, составлявшихъ дворъ императора. Но еще большею властью пользовалась супруга его Мессалина, извѣстная по энергическимъ грязнымъ стихамъ Ювенала, и потомъ Агрипина. Между Мессалиной и вольноотпущенниками шла борьба: они не любили Мессалины, Мессалина ненавидѣла ихъ. Вы найдете превосходную характеристику того времени въ изслѣдованіи профессора Кудрявцева: „Римскія женщины по Тациту“. Несмотря на очень благія начинанія, Клавдій постоянно возбуждалъ смѣхъ въ народѣ своимъ появленіемъ, а онъ любилъ являться передъ народомъ, любилъ искренно справедливость, самъ засѣдалъ въ судахъ и отличался нѣкоторымъ здравомысліемъ. Какъ антикварій, онъ старался возстановить обычаи страны, которые потеряли всякое значеніе. Къ числу замѣчательныхъ памятниковъ царствованія Клавдія принадлежитъ вновь устроенная гавань при устьяхъ Тибра, потомъ устройство канала, посредствомъ котораго Клавдій хотѣлъ спустить Фуцинское озеро (lacus Fucinus) въ Средиземное море. Описаніе Тацита даетъ намъ вѣрное понятіе о работахъ надъ этимъ каналомъ и празднествахъ, совершенныхъ при окончаніи его. Десять тысячъ человѣкъ работали надъ этимъ каналомъ; для него нужно было прорѣзать нѣсколько горъ. День спуска озера ознаменованъ былъ торжествами. Клавдій въ этотъ день хотѣлъ видѣть дѣйствительное сраженіе; для этого приготовлено было 19.000 преступниковъ-гладіаторовъ, которые должны были биться на-смерть. Весьма немногіе изъ нихъ спаслись, и имъ даровано было прощеніе. Озеро, впрочемъ, осталось на прежнемъ мѣстѣ, потому что каналъ былъ неудачно вырытъ. Несмотря на то, что отъ природы онъ не былъ жестокъ, въ Римѣ часто совершались казни по волѣ жены и вольноотпущенниковъ. Клавдій ничего не зналъ, ничего не видѣлъ, онъ былъ весьма разсѣянъ. Ему случалось нынче кого-нибудь приговорить къ смерти, а завтра онъ велитъ пригласить его къ столу. Многое совершалъ онъ подъ вліяніемъ вина. Общее вниманіе было обращено на Мессалину, предавшуюся своимъ прихотямъ. Множество гражданъ были

лишены жизни за то только, что у нихъ сады были лучше мессалининыхъ. Мессалина обманывала Клавдія на каждомъ шагѣ; дошедши до крайней степени разврата, она, наконецъ, при жизни Клавдія торжественно признала свой бракъ съ молодымъ римляниномъ Силіемъ, который ей понравился, бракъ былъ совершенъ съ великолѣпными обрядами и торжествомъ въ виду всего народа. Вольноотпущенники донесли объ этомъ императору и тогда только она была обличена и казнена. Но Клавдій на другой-же день забылъ объ этомъ и спрашивалъ: „гдѣ Мессалина? почему она не идетъ сюда?“ Клавдій искалъ себѣ новой супруги, или, лучше-сказать, новой владычицы, и нашелъ эту супругу въ лицѣ Агрипины, дочери Германика. Агрипина была извѣстна въ Римѣ преступными отношеніями къ брату своему Калигулѣ; но на нее палъ выборъ Клавдія, потому что она была хороша собой и умна. Она принесла съ собой Клавдію роковое приданое — знаменитаго Нерона. У Клавдія, собственно, отъ Мессалины оставался сынъ Британикъ, но когда онъ вступилъ во второй бракъ съ Агрипиной, то она умѣла овладѣть умомъ старика и заставила его назначить преемникомъ не сына Британика, а своего собственнаго сына отъ перваго брака съ Кнеемъ Домиціемъ Агенобарбомъ — Нерона. Агрипина была съ нимъ въ разводѣ, и какъ она извѣстна была своими порочными наклонностями, такъ и его репутація была не лучше, такъ что самъ Домицій Агенобарбъ говорилъ, что „отъ меня и отъ Агрипины можетъ произойти только чудовище“. И, въ самомъ дѣлѣ, это чудовище родилось. Для скрѣпленія связей, Неронъ былъ обрученъ съ Октавіей, дочерью Клавдія. Есть причины думать, что Клавдій подъ конецъ жизни горько раскаялся въ устраниніи Британика отъ престола, опасаясь за участь сына, переданнаго такимъ образомъ распоряженію пасынка, и могъ измѣнить свое рѣшеніе. Между Агрипиной и отпущенниками шла та-же борьба, которая стоила жизни Мессалинѣ, но Агрипина была осторожна; она постаралась сбыть съ рукъ Клавдія. Мы приведемъ по этому случаю характеристическую черту этого времени. Въ это время въ Римѣ была женщина Локуста, извѣстная своимъ искусствомъ составлять яды; она имѣла цѣлый магазинъ ядовитыхъ травъ, вела ими торговлю и давала средства избавляться отъ ненавистныхъ людей; она, по выраженію Тацита, была въ числѣ средствъ правительства (*diu inter instrumenta regni habita. Annalium lib. XII, cap. 66*). Эта Локуста снабдила и Агрипину ядомъ, отъ котораго умеръ Клавдій. Партія непріятелей Агрипины увеличивалась и

смертью Клавдія она ускорила свое паденіе. Цѣлая исторія не представляетъ такого страшнаго, чудовищнаго разврата. Но несмотря на эти темныя стороны древней жизни, видно хотя медленное развитіе новыхъ началъ. Такъ Клавдіемъ издано было постановленіе, которое ограничивало власть господина. Онъ не могъ казнить раба и бросить его безъ признанія больного. Это было для того времени неслыханное нововведеніе; въ этомъ мы видимъ развитіе человѣчества, проникновеніе новыхъ началъ, которыя впоследствии были провозглашены христіанствомъ. Клавдій, я сказалъ, умеръ отравленный на четырнадцатомъ году своего правленія. Философъ Сенека написалъ по этому поводу сатирическое сочиненіе: „*Luctus de morte Claudii Caesaris*“, забавный панегирикъ, въ которомъ Клавдій былъ выставленъ въ самомъ смѣшномъ видѣ; здѣсь осмѣивается и наружность его, и неловкость его. Замѣчательно то, что Сенека порицаетъ между прочимъ, самыя благородныя намѣренія императора, его любовь къ провинціаламъ, его желаніе уравнивать ихъ въ правахъ съ римлянами. Сенека влагаетъ въ уста его слова, что рано или поздно всѣ жители римскаго міра будутъ равны, но притомъ прибавляетъ: „къ счастью, парки прервали дни его, чтобы осталось хотя нѣсколько иностранцевъ для породы“. Такимъ образомъ, благородныя намѣренія императора встрѣтили порицаніе не только со стороны черни, но со стороны просвѣщеннаго и величайшаго философа, который въ теоріи говорилъ совершенно другое.

Подобно Калигулѣ Неронъ прекрасно началъ свое царствованіе. Ему было семнадцать лѣтъ, когда онъ заступилъ мѣсто Клавдія. Разумѣется, сначала правилъ не онъ; онъ руководствовался преимущественно совѣтами Бурра, который былъ префектомъ, былъ старый заслуженный воинъ, сохранившій древній римскій патріотизмъ, и Сенеки, одного изъ даровитѣйшихъ и умныхъ людей того времени, о которомъ не разъ придется говорить при изслѣдованіи этого періода. О характерѣ Сенеки, по крайней мѣрѣ, въ первые годы его дѣятельности, нельзя отозваться съ особенною похвалою. При Клавдіи онъ жилъ въ изгнаніи и отомстилъ ему язвительной сатирой, не дѣлающей чести его сердцу, хотя въ ней виденъ талантъ и остроуміе. При Неронѣ онъ игралъ двоякую роль: онъ даетъ Нерону хорошіе совѣты, но отъ времени до времени увлекается личнымъ пристрастіемъ, эгоистическими побужденіями; въ цѣломъ вліяніе его было благотворно. Шесть лѣтъ прошли счастливо, только Агрипина своимъ честолюбіемъ, своими кознями возмущала

иногда спокойствіе этой эпохи, но безъ особенно дурныхъ послѣдствій на государство. Никто не предвидѣлъ въ Неронѣ чудовища, какимъ онъ явился въ послѣдствіи. Юноша превосходно образованный, даже артистъ, онъ былъ хорошій музыкантъ, имѣлъ драматическій талантъ, но именно въ этихъ притязаніяхъ на художества и обнаружилась дурная сторона его характера: зависть и ненависть къ людямъ, которые превосходили его своимъ талантомъ. Съ какою-то психологическою постепенностью раскрывается этотъ характеръ. Сначала онъ дѣйствуетъ жестоко въ кругу близкихъ людей: Британикъ, сводный его братъ, умеръ отравленный за объдомъ; съ матерью, которая употребляла всѣ недостойныя средства, чтобы держать его въ повиновеніи, онъ приходилъ въ враждебное столкновеніе. Бурръ, который сдерживалъ его, умеръ. Когда не стало Бурра, онъ сталъ дѣйствовать свободнѣе, онъ пошелъ по слѣдамъ Каликулы; началъ гнать знатныхъ людей въ Римѣ за ихъ образъ мыслей, за ихъ богатство; и богатство, и благородный образъ мыслей были равно преступны въ глазахъ Нерона. Низшіе классы мало страдали; онъ тѣшилъ ихъ великолѣпными играми, до которыхъ самъ былъ большой охотникъ; но въ мыслящихъ людяхъ, истинныхъ патріотахъ возбуждалъ ужасъ и презрѣніе. Отношеніе его къ матери кончилось матереубійствомъ. Отравленіе Британика поразило Агрипину, которая надѣялась въ немъ найти себѣ опору. Отрѣшенная отъ участія въ дѣлахъ, оскорбленная Агрипина, предвидѣвшая свою участь въ Римѣ, удалилась въ южную Италію. Но вдали отъ Рима опасности для нея было еще болѣе: тамъ можно было скорѣе сбыть ее съ рукъ. Въ числѣ ея враговъ былъ и Сенека. Прочтите у Тацита страшное описаніе ея смерти, о мѣрахъ, которыя были приняты сыномъ, дабы мать не избѣгла своей участи. Затрудненіе Нерона оставалось только въ выборѣ средствъ: ядъ и мечъ казались неприличными къ этому необыкновенному злодѣянію, возмущающему нравственное чувство человека. Вольноотпущенникъ Аницетъ, бывшій прежде дядькою Нерона, взялся за это дѣло и придумалъ новое средство умертвить мать Нерона. Онъ предложилъ построить такого рода корабль, который-бы могъ разрушиться на водѣ; на этомъ кораблѣ пригласить къ себѣ ѣхать Агрипину, и такимъ образомъ утопить ее. Предложеніе Аницета было одобрено, корабль построенъ. Отъ Нерона немедленно было послано письмо къ Агрипинѣ, въ которомъ онъ дружески просилъ ее, чтобы она приплыла на корабль въ Римъ и жила при дворѣ. Но роковой корабль, среди тихой звѣздной ночи

плывшій по морю, не оказалъ надлежащаго дѣйствія. Корабль хотя разрушился на водѣ, но Агрипина спаслась. Догадавшись въ намѣреніяхъ Нерона, она тотчасъ извѣстила его, что покровительствомъ боговъ и императора она спаслась отъ кораблекрушенія. Неронъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса и тотчасъ послать отрядъ воиновъ убить ее. Ночью этотъ отрядъ явился къ дому, гдѣ находилась Агрипина, и умертвилъ ее. Извѣстіе объ этомъ поразило ужасомъ Римъ. О состояніи умовъ можно судить по слѣдующему. Сенатъ не зналъ что дѣлать: молчать? но зналъ, что этимъ Неронъ оскорбится; привѣтствовать?—но какъ привѣтствовать чело-вѣка, совершившаго самое ужасное изъ преступленій? Самъ Неронъ явился въ сенатъ и произнесъ рѣчь, въ которой оправдывалъ и даже восхвалялъ свое дѣло; эта рѣчь, къ стыду Сенеки, была написана Сенекой. Наконецъ сенатъ рѣшился благодарить Нерона за услугу, оказанную государству; только сенаторъ Petus Thrasea во время совѣщаній вышелъ молча изъ сенатскаго собранія, будучи замѣченъ Нерономъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ стойковъ, которые одни поддерживали человѣческое достоинство въ развратномъ Римѣ. Когда сенатъ льстилъ Нерону, Тразея молча удалился, ибо говорить не было возможности. Эта нѣмая оппозиція возбудила гнѣвъ Нерона. Доносчики получили приказаніе обвинить Тразею въ уклоненіи отъ лежащихъ на немъ обязанностей сенатора: почему онъ постоянно молчалъ? Если зналъ лучшее, то отчего не говорилъ? А если не зналъ, то почему не одобрялъ предложенное цезаремъ и гласно не заявлялъ истину? Не только на самого Тразею, но на его друзей и родственниковъ пало обвиненіе. Тразея предвидѣлъ свою участь. Когда происходило сенатское совѣщаніе въ Римѣ были предприняты предосторожности, и сенатъ окруженъ стражею. Тразея хотѣлъ идти въ сенатъ, но друзья ему отсовѣтовали. Тацитъ приводитъ причину. Они говорили: „если ты явишься, то никто не станетъ защищать тебя; напротивъ, станутъ оскорблять и бранить, и всѣ примутъ въ этомъ участіе, чтобы показать свою привязанность къ Нерону“. Тразея остался, и его домъ наполнился посѣтителеми, приходившими изъ сената извѣщать его о ходѣ дѣлъ. Наконецъ приговоръ произнесенъ: Тразеѣ велѣно умереть. Когда онъ былъ извѣщенъ объ этомъ, то обратился къ гостямъ, благодарилъ ихъ за участіе и просилъ удалиться, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ цезаря. Бесѣдовалъ съ друзьями о безсмертіи души, о цѣли бытія, благословилъ ихъ на предстоящій подвигъ, просилъ жену остаться въ

живыхъ и заботиться о дочери, потомъ удалился въ комнату и предалъ себя смерти. Тацитъ прекрасно рассказываетъ также о смерти Сенеки, который ею искупилъ всѣ свои пороки.

Можно было-бы подумать, что такъ умирали одни стоики, но вотъ судьба эпикурейца. Въ числѣ друзей Нерона былъ нѣкто Петроній, нѣкоторое время служившій государству, хотя безъ охоты. Когда кончился срокъ его консульства, онъ возвратился въ Римъ и началъ вести жизнь эпикурейца. Тацитъ говоритъ, что его нельзя назвать расточителемъ или обжорою, ибо онъ былъ человѣкъ съ изящнымъ вкусомъ и пользовался наслажденіями по законамъ моды и вкуса. Неронъ подружился съ Петроніемъ и его вліяніе возбудило зависть другихъ любимцевъ, особенно Тигеллина, который оклеветалъ Петронія. Императоръ хотѣлъ ѣхать въ южную Италію, Петроній отправился за нимъ; но на дорогѣ, получивъ приказаніе остановиться, понялъ свою судьбу. Остановившись въ своей виллѣ, онъ принялъ друзей, обѣдалъ съ ними, купался, занимался дѣлами, награждалъ однихъ рабовъ, а другихъ наказалъ, приказалъ читать себѣ мелкія стихотворенія, вѣрно въ родѣ дошедшихъ до насъ эротическихъ, любимыхъ римскимъ обществомъ; потомъ открылъ себѣ жилы, написавъ передъ смертью къ Нерону письмо, въ которомъ высказалъ все свое презрѣніе къ нему. Такимъ образомъ, онъ умеръ спокойно, весело, продолжая наслаждаться до конца. Такъ-же умеръ и другой эпикуреецъ Оттонъ. Въ жизни человѣка бываютъ такія минуты, когда онъ наскучить жизнью и умираетъ съ готовностью, насъ поражающею. Жизнь въ Римѣ не была здоровой: она была одержима болѣзнью, отсутствіемъ вѣрованій и убѣжденій, началъ, безъ которыхъ человѣкъ слабъ. У римлянъ не было ни Бога, ни отечества, и потому они мало дорожили жизнью. Образованія было много, но оно не шло въ пользу и только усиливало воспріимчивость. Образованіе полезно, если оно производитъ благопріятныя впечатлѣнія; но образованные римляне только живѣе чувствовали общественные недуги и страданія и иначе понимали жизнь. Но страсти Нерона разыгрались. Смерть матери была началомъ новаго правленія Нерона. Въ немъ были замѣтны слѣды того помѣшательства, которое мы видѣли въ Калигулѣ. Укажемъ на нѣкоторыя характеристическія черты. Вамъ извѣстно гоненіе, поднятое на христіанъ, еще непонятыхъ, еще новыхъ въ римскомъ мірѣ. Въ то время, когда исчезла древняя цивилизація и развивался стоицизмъ, въ мірѣ уже существовала болѣе

сильная стихія, непонятая, отверженная, — стихія христіанская, находившая прибѣжище между бѣдными иностранцами, рабами и государственными сановниками. Тѣмъ не менѣе христіане, рѣзко отличавшіеся своимъ духомъ, были предметомъ глубочайшей ненависти. Тацитъ называетъ христіанскую религію ненавистною роду человѣческому, „odium generis humani“. Въ первый разъ христіане обратили на себя большое вниманіе, когда Неронъ воздвигъ на нихъ гоненіе. Поводомъ къ гоненію былъ пожаръ въ Римѣ. Страшный пожаръ постигъ вѣчный городъ и истребилъ большую часть зданій; этотъ пожаръ лишилъ насъ многихъ драгоценныхъ памятниковъ древняго искусства, древней литературы. Римъ, вновь выстроенный, отличался широкими улицами, красивыми зданіями, въ особенности принадлежавшими частнымъ лицамъ, парками, звѣринцами; отъ прежняго Рима осталось мало, и потеря со стороны искусства и литературы невознаградима. Разсказываютъ, что во время пожара Неронъ читалъ стихи и игралъ на лирѣ: онъ славилъ пожаръ Иліона. По этому поводу возникла молва, будто-бы самъ Неронъ зажегъ Римъ, чтобы имѣть понятіе о пожарѣ Иліона. Этой молвѣ не вѣрить даже Тацитъ; но она показываетъ общее мнѣніе о Неронѣ. Такъ какъ молва была пущена въ ходъ, то надобно было приписать кому-нибудь вину, и обвиненіе пало на христіанъ; на нихъ было воздвигнуто страшное гоненіе. Мѣры наказаній, какія постигли христіанъ, были достойны жестокаго характера императора. Неронъ далъ народу праздникъ. Ночью сады были освѣщены страннымъ образомъ: христіане, прикованные къ столбамъ, были обернуты горячими веществами и зажжены по приказанію Нерона. Такимъ образомъ горѣли они, какъ живые факелы на могилахъ древняго міра. Это возбудило ненависть даже въ самихъ римлянахъ, привыкшихъ къ кровавымъ зрѣлищамъ. Жестокости Нерона вызвали нѣсколько заговоровъ. Между погибшими лицами былъ поэтъ Луканъ, юноша, погибшій безъ вины, за славу своей поэмы и идей, въ ней высказанныхъ, и Сенека не избѣгнулъ такой-же участи. Онъ не могъ потворствовать всѣмъ порокамъ Нерона, навлекъ на себя его гнѣвъ и получилъ приказаніе выбрать себѣ родъ смерти. Онъ умеръ съ спокойствіемъ и мужествомъ, достойнымъ стоицизма. Печаленъ этотъ примѣръ необычайно геніальнаго человѣка, который понималъ благороднымъ образомъ и жизнь, и достоинства человѣка, а, между тѣмъ, самъ не умѣлъ сохранить этого достоинства. Это лицо представляетъ сочетаніе слабого характера съ великимъ умомъ, разногласіе теоріи съ жизнью.

Мы не будемъ говорить подробно о жестокостяхъ Нерона. Главною заботой его были искусства; онъ являлся передъ народомъ пѣвцомъ, музыкантомъ, живописцемъ; онъ занимался всѣми родами искусства, участвовалъ во всѣхъ состязаніяхъ, и горе тому, кто превосходилъ цезаря въ искусствѣ. Недовольствуясь рукоплесканіями въ Римѣ, наводнивъ кровью Италію, Неронъ отправился въ Грецію, отчизну искусствъ, и получилъ такія-же рукоплесканія, вынужденныя страхомъ. Это былъ страшный артистъ, которому не аплодировать было опасно. Средиѣтихъ безумныхъ занятій онъ получилъ извѣстіе о движеніи съ запада легіоновъ. Первый толчекъ далъ Юлій Виндексъ (Julius Vindex); этотъ благородный галлъ, оскорбленный поведеніемъ императора, призвалъ соотечественниковъ сбросить иго Нерона. Въ то-же самое время начинается движеніе легіоновъ на Рейнѣ и въ Испаніи. Виндексъ погибъ; но движеніе испанскихъ легіоновъ приняло опасный характеръ; во главѣ стоялъ старый полководецъ Гальба, прославившійся долгой, честной службой; ему было за семьдесятъ лѣтъ; будучи выбранъ легіонами въ императоры, онъ пошелъ на Италію. Вѣсть о движеніи испанскихъ и германскихъ легіоновъ распространилась и на востокъ; всюду готовились мятежи. Въ Римѣ Неронъ былъ оставленъ всѣми; преторіанцы, непривыкшіе къ войнѣ, боявшіеся столкновенія съ опытными ветеранами легіоновъ, представляли ненадежную опору. Въ продолженіи двухъ дней скрывался Неронъ; на третій—сенатъ объявилъ его врагомъ отечества и опредѣлилъ ему смерть, и Неронъ приказалъ своему отпущеннику убить себя. Послѣднія слова его были: „qualis artifex pereo!“ Такимъ образомъ, онъ умеръ вѣрнымъ жрецомъ искусства.

Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны.

Отмѣна въ 1851 году преподаванія греческаго языка въ большей части русскихъ гимназій не безъ причины изумила и, смѣю сказать, опечалила всѣхъ принимающихъ къ сердцу судьбы русскаго просвѣщенія и знакомыхъ съ ходомъ его развитія. Этою мѣрой безспорно нарушалось строгое единство системы, оправдавшей на дѣлѣ въ семнадцатилѣтнее, столь богатое успѣхами всякаго рода, министерство графа С. С. Уварова. Державная мысль, которой графъ Уваровъ былъ счастливымъ и искуснымъ истолкователемъ, ясно опредѣлила задачу русскаго просвѣщенія, возвративъ насъ къ кореннымъ началамъ русской жизни, отъ которыхъ въ продолженіе полутора столѣтія мы болѣе или менѣе постоянно уклонялись. Исключительное и вредное преобладаніе иноземныхъ идей въ дѣлѣ воспитанія уступило мѣсто системѣ, истекшей изъ глубокаго пониманія русскаго народа и его потребностей. Эта система, изгоняя изъ нашихъ учебныхъ заведеній все ненужное, случайно занесенное извнѣ, значительно усилила чисто научную и ученую часть. Неоспоримые факты доказываютъ, какъ быстро двинулась у насъ наука въ эти семнадцать лѣтъ и насколько стала она независимѣе и самостоятельнѣе. Обязанности русскаго преподавателя, отъ профессора университета до сельскаго учителя, были опредѣлены съ возможною отчетливостію. Каждому указана была цѣль его трудовъ, состоявшая въ преподаваніи слушателямъ *нужныхъ имъ* знаній въ надлежащей полнотѣ и современномъ, достойномъ науки видѣ, безъ стороннихъ, неидущихъ къ преподаванію примѣсей. Умственная связь Россіи съ европейскою образованностью не была ослаблена; но отношеніе

измѣнилось къ нашей выгодѣ. Мы продолжали учиться у старшихъ братьевъ нашихъ, мы не отреклись отъ благъ просвѣщенія, но приобрѣли право критики и самостоятельнаго приговора.

Мѣры, принятыя въ 1851 г. противъ преподаванія древнихъ языковъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, остановили правильное развитіе системы, зрѣло обдуманной и превосходно приводимой въ исполненіе. Люди, понимавшіе дѣло, были тѣмъ болѣе огорчены, что мѣры эти должны были неизбежно вести къ усиленію тѣхъ именно идей, противъ которыхъ онѣ очевидно были направлены.

Споръ между такъ называемымъ *реальнымъ* и *классическимъ* образованіемъ, основаннымъ на знаніи древнихъ языковъ, давно начался въ Европѣ. Одностороннее направленіе, господствовавшее въ западныхъ школахъ, рано вызвало противодействие общественнаго мнѣнія. Монтенъ и Баконъ уже указывали на большія стороны современныхъ имъ педагогическихъ методовъ, хотя ни того, ни другого, въ особенности Монтеня, нельзя назвать реалистомъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Записные филологи признавали недостатки воспитанія, главною цѣлью котораго было образованіе хорошихъ латинистовъ. Знанія, приобретаемые въ училищахъ 16 и 17 столѣтій, могли быть прилагаемы къ жизни только весьма немногими лицами; настоящія потребности огромнаго большинства учащихся не находили себѣ удовлетворенія. О народномъ образованіи, въ обширномъ смыслѣ, не могло быть рѣчи при такомъ направленіи. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы ученныя школы трехъ послѣднихъ столѣтій постоянно достигали даже той ограниченной цѣли, которую онѣ преимущественно имѣли въ виду. Тяжелый методъ преподаванія требовалъ страшнаго напряженія памяти, но рѣдко обращался къ мышленію и отнималъ у большей части учениковъ всякую охоту къ занятіямъ. Дѣло критики было, слѣдовательно, легкое. Здѣсь было-бы неумѣстно изложеніе полемики, начавшейся еще въ эпоху Тридцатилѣтней войны и продолжающейся донинѣ. Нельзя однако не замѣтить, что, начиная отъ Вольфганга Ратиха, который, сколько намъ извѣстно, первый выступалъ съ готовою педагогическою системою противъ существовавшихъ въ его время учебныхъ методовъ, до современнаго намъ, заслужившаго громкую извѣстность прусскаго педагога Дистервега, всѣ противники исключительно-классическаго образованія сходятся въ основныхъ началахъ своей теоріи. Они требуютъ отъ школы непосредственнаго примѣненія къ цѣлямъ жизни; ослабляя

научный элемент преподаванія въ пользу практически-пригоднаго или такъ называемаго реальнаго, они хотять дѣйствовать какъ можно болѣе на разсудокъ ученика и оставляютъ какъ можно менѣе дѣла памяти и фантазіи; наконецъ, они требуютъ отъ самыхъ методовъ преподаванія какъ можно большей легкости, простоты и однообразія. Во всемъ этомъ есть безспорно много справедливаго, вѣрнаго, но столѣтній опытъ успѣлъ показать недостатки и положительно вредныя стороны новыхъ теорій общественнаго воспитанія, получившихъ особенно важное значеніе для Европы съ тѣхъ поръ, какъ въ числѣ ихъ защитниковъ явились такіе писатели, какъ Жанъ-Жакъ Руссо, и такіе благородные, самоотверженные наставники юношества, какъ Песталоцци. Девизомъ преобразователей было, какъ намъ кажется, худо понятое изреченіе: *non scholae, sed vitae discendum* (надобно учиться не для школы, а для жизни).

Въ 1747 году въ Берлинѣ возникла первая, заслуживающая этого названія, реальная школа. Основатель ея, пасторъ Гекеръ, ввелъ для своихъ воспитанниковъ преподаваніе всѣхъ полезныхъ въ житейскомъ быту наукъ, искусствъ и ремеслъ, начиная съ древнихъ языковъ до выдѣлки кожъ. Ежедневное число учебныхъ часовъ состояло изъ *одиннадцати*, не считая времени, которое шло на приготовленіе уроковъ. По странному, но характеристическому случаю, первое имя, встрѣчаемое въ спискахъ пансіонеровъ Берлинской реальной школы, было имя *Николаи*, столь извѣстнаго въ послѣдствіи книгопродавца, писателя и журналиста. Онъ всю свою жизнь ратовалъ за *просвѣщеніе*, понималъ подъ этимъ отрицаніе всякаго рода предрассудковъ. Но по мнѣнію Николаи и его друзей, всѣ вѣрованія, идеи и убѣжденія человѣчества, которыхъ нельзя доказать математически или ощупать рукою, принадлежатъ къ числу вредныхъ предрассудковъ. Конечно, не одинъ Николаи вышелъ изъ Берлинской реальной школы съ такой идеей о просвѣщеніи. Тѣмъ не менѣе, реализмъ дѣлалъ быстрые успѣхи. „Эмилъ“, этотъ краснорѣчивый протестъ противъ искусственнаго воспитанія, написанный человѣкомъ, который не вѣрилъ въ пользу просвѣщенія и науки—„Эмилъ“ сдѣлался настольною книгою матерей семействъ и воспитателей. Европейскіе государи съ живымъ участіемъ слѣдили за педагогическими опытами Базедова; давали ему денегъ на изданіе сочиненій, которыми онъ надѣялся произвести переворотъ въ дѣлѣ общественнаго образованія, и поддерживали своими щедротами учрежденный имъ въ Дессау „филантропинъ“. Еще

большее и вполне заслуженное вниманіе обратила на себя дѣятельность Песталоцци.

Настала французская революція. Событія двигались съ быстротою, не допускавшею въ зрителяхъ никакихъ другихъ ощущеній, кромѣ удивленія или ужаса. Но буря пронеслась, и умы нѣсколько успокоились; тогда явилась потребность уяснить смыслъ пережитыхъ потрясеній и отыскать ихъ причины. Такихъ причинъ нашлось много. Между прочимъ въ число причинъ французской революціи попало преподаваніе древнихъ языковъ и древней исторіи въ школахъ. Этимъ путемъ,—говорили близорукіе обвинители классическаго образованія,—проникають развившіяся въ Греціи и Римѣ республиканскія идеи въ незрѣлые умы юношества, отрываютъ ихъ отъ дѣйствительности и поселяютъ въ нихъ опасныя мечты свободы и равенства. Такимъ образомъ, бѣдныя заведенія, въ которыхъ процвѣтали еще древніе языки, подверглись двоякому нареканію. Съ одной стороны, ихъ упрекали въ томъ, что они стоятъ далеко отъ жизни и не приготавливаютъ воспитанниковъ своихъ къ практической дѣятельности; съ другой, они должны были отвѣчать за страшный переворотъ, до дна возмутившій жизнь европейскаго общества. Противорѣчіе, заключающееся въ этихъ обвиненіяхъ, очевидно. Вообще, вопросъ былъ поставленъ съ крайнимъ легкомысліемъ. Французы временъ Людовика XV и XVI не отличались вовсе глубокимъ знаніемъ классической древности или даже пристрастіемъ къ ней. Люди, участвовавшіе въ революціи, заимствовали свои идеи не изъ греческихъ или римскихъ писателей, а изъ ближайшихъ источниковъ современной имъ литературы, менѣе подчиненной вліяніямъ древности, чѣмъ литература предъидущаго XVII столѣтія; между главными дѣятелями революціи встрѣчается столько-же, если не болѣе, математиковъ; врачей и натуралистовъ, сколько и людей съ общимъ образованіемъ, которое въ тогдашней Франціи не было уже исключительно основано на филологическихъ знаніяхъ. Что въ эпоху революціоннаго опьяненія парижскіе парикмахеры и портные, отрекаясь отъ христіанскихъ именъ, данныхъ имъ при крещеніи, величали себя Солонами, Брутами и Катонами,—ничего не доказываетъ, кромѣ жалкаго невѣжества ремесленнаго класса, котораго свѣдѣнія о великихъ людяхъ Греціи и Рима ограничивались знаніемъ именъ. Позволимъ себѣ рассказать по этому поводу слѣдующій случай. Въ эпоху отпаденія отъ Испаніи ея американскихъ владѣній, жители Парагвая провозгласили у себя, по примѣру сосѣдей,

республиканскую форму правленія, но были въ большемъ затрудненіи насчетъ титулованія новыхъ властей. По счастью, у кого-то нашелся разрозненный томъ сочиненій Роллена, содержавшій въ себѣ часть Римской исторіи. Руководствуясь своимъ знаніемъ, только-что почерпнутымъ изъ открытой ими книги, законодатели парагвайскіе ввели немедленно въ употребленіе званіе диктатора, консуловъ и т. д. Едва-ли кому придетъ, однако, въ голову заподозрить ихъ въ намѣреніи перенести на свою почву политическія формы и идеи Римской республики? Французская революція не одинокое, не безпримѣрное явленіе въ новой исторіи. Ей предшествовала свобода Нидерландовъ, англійская революція семнадцатаго вѣка, провозглашеніе республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Она тѣснѣе связана съ этими событіями, нежели съ преданіями классическаго міра. Никто, однако, не думалъ выводить образа мыслей и дѣйствій Вильгельма Оранскаго, Кромвеля или Франклина изъ Фукидида и Тита Ливія. И, несмотря на все, что можно было сказать въ защиту классическаго образованія, предупрежденное противъ него общественное мнѣніе болѣе и болѣе дружилось съ реальнымъ направленіемъ. Политическія обстоятельства помогали этому направленію. Небывалое развитіе промышленности, послѣдовавшее за миромъ 1815 г., побудило европейскія правительства усилить средства техническаго образованія для подданныхъ. Сверхъ специальныхъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью заведеній, въ большей части обыкновенныхъ общеобразовательныхъ училищъ, въ гимназіяхъ и т. д., введено преподаваніе естественныхъ и математическихъ наукъ, почти всегда къ ущербу чисто-классическаго элемента. Безразсудно было-бы возставать противъ явленій, въ которыхъ выражалась существенная потребность, но, удовлетворяя этой потребности, не слѣдуетъ терять изъ виду другихъ, быть можетъ, высшихъ благъ и цѣлей воспитанія. Не о единомъ хлѣбѣ сѣтъ *человѣкъ*. Рѣшительный перевѣсъ положительныхъ, примѣняемыхъ къ матеріальнымъ сторонамъ жизни знаній надъ тѣми, которыя развиваютъ и поддерживаютъ въ сердцахъ юношества любовь къ прекрасному, хотя, быть можетъ, и неосуществимымъ идеаламъ добра и красоты, неминуемо приведетъ европейское общество къ такой нравственной болѣзни, отъ которой нѣтъ другаго лѣкарства, кромѣ смерти. Въ настоящее время Европа покрыта реальными заведеніями всякаго рода, отъ высшихъ (Bürgerschulen) до элементарныхъ, но на томъ-же началѣ основанныхъ школъ. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній вовсе изгоняютъ препода-

ваніе древнихъ языковъ и близкихъ къ нимъ предметовъ (древняя исторія излагается гораздо короче средней и новой), другія допускають ограниченное небольшимъ числомъ учебныхъ часовъ преподаваніе латинскаго языка. Впрочемъ, споръ объ отношеніи классическаго элемента къ реальному еще не конченъ, еще не найдена возможность согласить ихъ въ одной гармонической системѣ народнаго воспитанія.

Говорить-ли о печальныхъ событіяхъ 1848 года? Роль, какую въ то время играли нѣкоторые изъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ въ качествѣ членовъ Франкфуртскаго парламента, повидимому укрѣпила прежнее предубѣжденіе противъ „ученыхъ школъ“, откуда могли выйти люди съ такимъ вреднымъ образомъ мыслей. Но развѣ гимназіи или университеты, гдѣ обращено особенное вниманіе на древніе языки и древнюю исторію, служатъ исключительными расадниками революціонныхъ идей? Самое извѣстное изъ реальныхъ заведеній въ Европѣ, Политехническая школа, со дня своего основанія сохранила республиканское направленіе. Альфортская ветеринарная школа постоянно высылала своихъ воспитанниковъ на баррикады, какъ только въ Парижѣ подымался какой-нибудь мятежъ. Австрійское правительство заводило у себя техническія и реальныя училища; оно никогда не оказывало большаго поощренія классическому образованію, а вѣнскіе студенты составили академическій легіонъ. И что общаго между греко-римскимъ міромъ и идеями коммунизма и социализма, возмущающими западныя массы? Не ближе-ли эти идеи, не родственнѣе-ли такъ-называемому реализму? Сохрани насъ Богъ отъ намѣренія заподозрѣвать въ дурномъ какую-либо науку. Наукъ вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Каждая заключаетъ въ себѣ часть божественной истины, открывающейся нашему разуму съ разныхъ сторонъ въ духъ и во внѣшней природѣ. Не естественныя науки произвели французскую революцію или нынѣшнія нравственныя болѣзни западной Европы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ рѣшительное преобладаніе въ воспитаніи, какъ всякая односторонность, вредно и опасно. Задача педагогій состоитъ въ равномерномъ (гармоническомъ) развитіи всѣхъ способностей учащагося, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой. Знакома юношу только со внѣшнею природою и съ ея механическими и химическими законами, естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму. Само по себѣ, оно не въ состояніи удовлетворить нравственнымъ по-

требностямъ человѣка. Шлецеръ, говоря о вліяніи отдѣльныхъ наукъ на просвѣщеніе народовъ, сказалъ, что можно представить себѣ цѣлый народъ отличныхъ математиковъ, погруженный въ глубокое варварство. Почти то-же можно сказать и о естествовѣдѣніи. Можно предположить существованіе народа натуралистовъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ и твердыхъ понятій о добрѣ и злѣ. Прибавимъ, что въ настоящую минуту естественныя науки находятся на особенной ступени развитія. Гордясь недавними и дѣйствительно блестящими успѣхами, онѣ присвоиваютъ себѣ право окончательнаго рѣшенія вопросовъ, въ продолженіе тысячелѣтій занимающихъ разумъ человѣческій и постоянно вынуждающихъ у него сознаніе собственнаго безсилія. Такое самоупоеніе науки конечно не можетъ быть продолжительно. Рано или поздно, она должна признать снова существованіе роковыхъ граней, за которыя не дано перешагнуть нашей любознательности. Но въ ожиданіи неизбежнаго возврата къ болѣе трезвымъ и согласнымъ съ законами разума возрѣніямъ, естествовѣдѣніе сообщаетъ юнымъ умамъ холодную самоувѣренность и привычку выводить изъ недостаточныхъ данныхъ рѣшительныя заключенія. Оно много содѣйствовало къ развитію образованномъ поколѣніи Запада той безотрадной и безсильной на великіе нравственные подвиги положительности, которая принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ явленій нашей эпохи.

Но если польза, приносимая естественными науками, соединена, какъ показано выше, съ нѣкоторымъ вредомъ, то, повторяемъ, виною тому не самыя науки, а мѣсто, данное имъ въ господствующихъ системахъ воспитанія, упускающихъ изъ виду цѣлый рядъ способностей и потребностей, которыя такимъ образомъ остаются безъ надлежащей воздѣлки и удовлетворенія. Мы привели выше девизъ реалистовъ: „надобно учиться не для школы, а для жизни“. Принимая это изреченіе въ его настоящемъ смыслѣ, они должны допустить, что или ихъ теорія недостаточна, или самое понятіе ихъ о жизни узко и скудно. Требованія жизни безконечно разнообразны: на нихъ можно отвѣчать только всестороннимъ развитіемъ всѣхъ силъ, которыхъ зародыши положены Творцомъ въ духѣ человѣка. Здѣсь рѣчь идетъ не о первоначальномъ образованіи низшихъ классовъ, котораго задача и объемы опредѣляются каждымъ государствомъ сообразно съ его положеніемъ внутреннимъ и внѣшнимъ, а о тѣхъ, призванныхъ къ высшей и болѣе обширной дѣятельности сословіяхъ, спеціальному образованію ко-

торыхъ должно предшествовать *общее*, безъ котораго нѣтъ ни полнаго гражданина, ни полнаго человѣка.

Но развѣ древніе языки должны быть вѣчною и неизбѣжною принадлежностью общаго, образованія? Неужели, кромѣ исчерпаннаго до дна міра классической древности, намъ неоткуда болѣе заимствовать идей, которыя можно было-бы съ успѣхомъ противопоставить угрожающему намъ матеріализму? Неужели христіанская исторія новыхъ государствъ, въ этомъ отношеніи, бѣднѣе языческой, и мы не найдемъ въ ней духовныхъ средствъ противъ загрубѣнія сердець и умственнаго упадка?

Отвѣчать на эти вопросы можно, по нашему мнѣнію, не иначе, какъ раздѣливъ ихъ на двѣ части—строго ученую, научную, и потомъ педагогическую.

Излишне было-бы говорить о пользѣ, которую изученіе древней филологіи успѣло уже принести всей совокупности нашихъ знаній. Мало наукъ, которыхъ начала не примыкаютъ къ трудамъ греческихъ мыслителей и ученыхъ. Но польза эта уже принесена, и каждая наука успѣла совершить длинный путь, отдѣляющій ее отъ точки отправленія. Зачѣмъ-же постоянно возвращаться къ этой точкѣ и повторять безъ надобности зады?—говорятъ люди, считающіе себя по преимуществу представителями умственнаго движенія и защитниками прогресса.—Но истинно великія произведенія духа человѣческаго отличаются именно своею неисчерпаемостью. Въ этомъ-то и заключается тайна ихъ бессмертія. Нельзя-же намъ отказаться отъ наслажденія поэзіею древнихъ потому только, что отцы, дѣды и прадѣды упивались непреходящими красотою. Дѣло идетъ вовсе не о превосходствѣ античнаго искусства надъ новымъ, а о томъ, что одно не можетъ замѣнить другого, что у каждого есть своя, ему исключительно принадлежащая область и прелесть. Можно предпочитать Софоклу Шекспира, намъ болѣе близкаго и доступнаго, но кто осмѣлится сказать, что Софокль сталъ ненуженъ съ тѣхъ поръ, какъ явился Шекспиръ. Безсмысліе подобнаго приговора бросается въ глаза, потому что оно объяснено рѣзкимъ примѣромъ; однако, приговоръ этотъ истекаетъ изъ цѣлой теоріи, имѣющей многочисленныхъ защитниковъ, которые считаютъ себя въ правѣ отказываться за насъ отъ благороднѣйшихъ памятниковъ, созданныхъ гениемъ угасшихъ народовъ. Къ счастью, наука не скрѣпляетъ такихъ отреченій своимъ согласіемъ и бережно хранитъ ввѣренныя ей сокровища до другихъ эпохъ, болѣе способныхъ ихъ оцѣнить и ими воспользоваться. Но искус-

ство, скажутъ намъ, не удовлетворяетъ всѣхъ потребностей современнаго человѣка, осужденнаго на бой съ дѣйствительностью, крайне положительною и трудною. Пусть наслаждается онъ имъ, какъ премомъ роскоши, въ минуту досуга. Трудовые часы его должны безъ раздѣла принадлежать наукѣ, которая одна въ состояніи сообщить ему силы, нужныя для успѣха въ борьбѣ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, можно-ли смотрѣть на искусство, какъ на предметъ роскоши и не будемъ повторять тысячу разъ приведенныхъ доказательствъ его благотворнаго вліянія на нравственную жизнь народовъ. Посмотримъ, въ самомъ-ли дѣлѣ намъ нечему болѣе учиться изъ древней науки; начнемъ съ той именно отрасли, которая, повидимому, наиболѣе совершила успѣховъ въ новое время и по этому далѣе другихъ отошла отъ колыбели своей,—начнемъ съ естествовѣдѣнія. Относящіяся къ нему труды Аристотеля служатъ достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами о неисчерпаемости истинно великихъ произведеній разума. Ссылаемся на добросовѣстное свидѣтельство всѣхъ натуралистовъ, изучавшихъ науку не по однимъ новѣйшимъ учебникамъ, а знакомыхъ съ ея историческимъ развитіемъ. Неужели они истощили сполна запасъ истинъ, находящихся у безсмертнаго стагирита? Въмѣсто отвѣта, укажемъ на то, что высказали объ Аристотелѣ такіе авторитеты, какъ Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеръ. Но ихъ отзывы о трудахъ этого великаго мыслителя по части естественныхъ наукъ можно въ такой-же мѣрѣ приложить ко всему, сдѣланному имъ и въ другихъ сферахъ знанія. Какой философъ, какой историкъ, политикъ или критикъ въ состояніи обойтись безъ его сочиненій, когда дѣло идетъ о главныхъ вопросахъ философіи, политической жизни древнихъ или искусства? Но самъ Аристотель былъ только представителемъ того умственнаго движенія, которое началось гораздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти. Слѣдовательно, онъ можетъ быть изучаемъ только въ связи съ тѣмъ цѣлымъ, къ которому принадлежитъ. Какъ отдѣльное явленіе, онъ почти непонятенъ.

Набросавъ эти строки, мы вовсе не думаемъ, что объяснили значеніе античной науки и органическую связь ея съ настоящимъ. Наша цѣль была только указать на это отношеніе, а раскрыть его потребовало-бы времени и свѣдѣній, которыхъ у насъ нѣтъ. Остановимся, однако, еще на одномъ предметѣ, заслуживающемъ особеннаго вниманія, именно на древней исторіи.

Изъ всѣхъ отдѣловъ древней исторіи одна только греко-

римская представляет нѣчто оконченное и въ себѣ замкнутое. Въ ней одной находимъ мы полное развитіе народной жизни, отъ младенчества до дряхлости и конечнаго разложенія. Можно сказать, что каждое значительное явленіе этого длиннаго жизненнаго процесса совершилось подъ солнцемъ исторіи, предъ глазами остальнаго человѣчества. Вотъ, почему судьбы Греціи и Рима всегда были и останутся надолго любимымъ предметомъ думы и изученія для великихъ историковъ и мыслящихъ умовъ, ищущихъ въ исторіи такихъ-же законовъ, какимъ подчинена природа. Явленія новой, христіанской исторіи еще далеки отъ своего завершенія; каждое можетъ своими послѣдними результатами представить горькое обличеніе невѣрности сужденій, которыхъ они были предметомъ. Черезъ всѣ событія, составляющія содержаніе послѣднихъ пятнадцати вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Константина Великаго, тянется одна живая нить, и концы ея въ рукъ Божіей. Органическая нить, которою были связаны событія языческаго міра, перерѣзана христіанствомъ. Грецію и Римъ можно теперь сравнить съ превосходно сохранившимся трупомъ, надъ которымъ анатомъ-историкъ не только изучаетъ строеніе народныхъ организмовъ, но изъ котораго онъ извлекаетъ притомъ законы, приложимые и къ мимобѣгущей, неуловимой для него жизни. Для науки классическій міръ еще не утратилъ своего значенія; сокровища, хранящіяся въ его глубинахъ, еще не истощились и способны обогащать смѣлыхъ дѣятелей, не утратившихъ вѣры въ древнюю мудрость.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ-же вопросѣ съ педагогической точки зрѣнія.

Non scholae, sed vitae discendum,—говоритъ реальная школа и торопится снабдить юношу какъ можно большимъ количествомъ разнородныхъ свѣдѣній, какъ-бы внушая ему тѣмъ, что въ жизни некогда учиться, что онъ долженъ взять на дорогу такой запасъ учености, котораго-бы было достаточно до конца его земного странствованія. Мы уже позволили себѣ выразить сомнѣніе на счетъ правильнаго, со стороны реалистовъ, пониманія выбраннаго ими девиза. Неужели они въ самомъ дѣлѣ думаютъ дать въ школѣ все нужное для жизни и проводятъ такую рѣзкую черту между послѣднею и ученіемъ? Въ дѣйствительности существованія этого ошибочнаго воззрѣнія, котораго впрочемъ не раздѣляли ни Песталотци, ни другіе достойнѣйшіе представители того-же направленія, насъ отчасти убѣждаетъ самое накопленіе учебныхъ часовъ и предметовъ, которое встречаемъ въ большей части реальныхъ школъ. Ясно, что здѣсь

дѣло не въ качественномъ, внутреннемъ, а въ количественномъ, вѣшнемъ приготовленіи къ жизни. Осьмнадцатилѣтній мальчикъ, вставая въ послѣдній разъ со скамьи высшаго класса средняго реального заведенія, долженъ обыкновенно знать законъ Божій, два новыхъ языка сверхъ отечественнаго, алгебру, геометрію, физику, химию, естественную исторію органическихъ царствъ природы, исторію, географію и даже право — настолько, насколько этихъ свѣдѣній нужно для практическаго приложенія. Спрашиваемъ, есть-ли возможность достигнуть этой цѣли безъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и тѣмъ самымъ охлажденія любознательности въ учащемся?

Иначе понимаетъ свою задачу здравая педагогія, менѣе заботящаяся о накопленіи знаній и болѣе обращающая вниманіе на развитіе и упражненіе духовныхъ силъ. Ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, она ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію, какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средствомъ нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія. Основательное изученіе древнихъ языковъ, которыхъ правила получили математическую точность и опредѣленность, не только сообщаетъ эти же свойства уму, но въ высшей степени облегчаетъ занятіе новыми языками, такъ что простое грамматическое знаніе греческаго и латинскаго языка ведетъ за собою цѣлый рядъ другихъ приобрѣтеній, съ избыткомъ вознаграждающихъ за употребленное время. Но не въ этомъ заключается главная польза изученія классической литературы. Гдѣ, какъ не въ ея отборныхъ памятникахъ, найдемъ мы столь совершенное сочетаніе изящной формы съ благороднымъ содержаніемъ? Откуда вынесетъ юноша столь чистое понятіе о красотѣ и столь возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства? Въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ Греціи и Рима было безспорно много ложнаго и непримѣнимаго къ быту новыхъ гражданскихъ обществъ; но умному наставнику не трудно отдѣлить чисто-историческое, временное, отъ общечеловѣческаго, вѣчно-истиннаго элемента въ твореніяхъ греческихъ поэтовъ и мыслителей. Вліяніе античныхъ политическихъ теорій могло быть опасно при незнакомствѣ съ исторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или, по крайней мѣрѣ, грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны.

До 1851 г. русскія гимназіи шли медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ къ указанной имъ цѣли. Имъ предстояла задача осуществить идеаль средняго заведенія, приготовляющаго своихъ воспитанниковъ не къ одному университету, но и къ жизни, не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ

основательное и всестороннее развитіе способностей. Цѣль эта теперь отодвинута на задній планъ. Но гдѣ же плоды семнадцатилѣтняго классическаго направленія? — говорятъ его противники, ссылаясь на въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительное состояніе древнихъ языковъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ. Отвѣтъ на этотъ упрекъ не труденъ: полезное и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей.

Записка къ программѣ учебника всеобщей исторіи *).

Недостатокъ хорошаго руководства къ изученію всеобщей исторіи давно ощутителенъ въ нашей учебной литературѣ. Удовлетворить этой потребности, повидимому, весьма трудно. Стоитъ только перевести на русскій языкъ одно изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій такого рода, которыми такъ богаты Германія и Франція. Неоднократно повторенные и постоянно неудачные опыты, однако, убѣждаютъ въ противномъ. Признавая вполне ученыя достоинства, которыми отличаются многіе изъ иностранныхъ курсовъ всеобщей исторіи, мы не можемъ не замѣтить, что *они составлены подъ вліяніемъ совершенно другихъ научныхъ и общественныхъ условій*. Они не въ состояніи удовлетворить ни учебнымъ, ни гражданскимъ потребностямъ русскаго юношества.

Иностранныя руководства къ изученію всеобщей исторіи опираются на обширную историческую литературу, въ которой не только наставникъ, но и ученикъ легко могутъ найти дополненія къ намѣкамъ и указаніямъ, которыя содержатся въ учебной книгѣ. Не имѣя подъ рукою такихъ богатствъ, мы должны требовать отъ русскаго учебника такого полного изложенія фактовъ, которое могло-бы служить *достаточнымъ запасомъ для всякаго образованнаго чловѣка*. Слѣдовательно, наши руководства должны быть подробнѣе иностранныхъ, не превышая ихъ объемомъ, ибо въ противномъ случаѣ затруднится самое преподаваніе. Составитель русской учебной книги долженъ съ особенною осторожностью выбирать факты и вносить въ свое сочиненіе только то, что дѣйствительно необходимо для яснаго понятія объ исторіи

*) Розыскана и напечатана М. М. Стасюлевичемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 года.

человѣчества. При этомъ не мѣшало-бы, въ видѣ пособія, ввести въ наши учебныя заведенія историческую хрестоматію, составленную изъ замѣчательныхъ мѣстъ, переведенныхъ изъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей. Такая книга познакомитъ ученика съ литературою предмета не по однимъ именамъ и поставитъ его въ непосредственное отношеніе съ первоначальнымъ источникомъ нашей науки. Для трехъ послѣднихъ вѣковъ такая хрестоматія невозможна по самому свойству относящихся къ новой исторіи источниковъ. Участіе и любопытство ученика не могутъ быть возбуждены выписками изъ дипломатическихъ актовъ и другихъ памятниковъ такого рода.

Разсматривая иностранныя руководства къ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія нашей церкви и нашихъ государственныхъ учрежденій, мы найдемъ, что они вовсе не приспособлены къ употребленію въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Византійская исторія, столь важная для насъ по связи съ судьбою славянъ вообще и древней Руси въ особенности, излагается въ заграничныхъ сочиненіяхъ весьма поверхностно. Нѣмецкіе и французскіе ученые показываютъ намъ только темную сторону Византіи и не обращаютъ вниманія на живое религіозное начало, которое оттуда перешло къ славянскимъ племенамъ. Столько-же неудовлетворительно оцѣнена и объяснена въ историческомъ развитіи своемъ монархическая форма правленія. Воззрѣніе на эту форму писателей либеральной школы извѣстно; о немъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. *Смѣемъ думать, что учебныя сочиненія, вышедшія изъ-подъ пера западныхъ писателей, враждебныхъ либерализму, далеко не достигаютъ своей цѣли и болѣе принесли вреда, чѣмъ пользы.* Въ большей части изъ нихъ видно не живое и глубокое пониманіе монархическаго начала, не основательное опроверженіе противоположныхъ теорій, а намѣреніе обмануть ученика, скрывъ отъ него, или представивъ ему въ ложномъ видѣ факты важные, но не подходящіе подъ точку зрѣнія автора. Такіе учебники употреблялись въ австрійскихъ школахъ и не мало содѣйствовали къ развитію превратныхъ понятій, обнаруженныхъ тамошнимъ юношествомъ въ 1848 году. Умышленная утайка, или обманъ, внесенный въ учебную книгу, не могутъ не открыться любознательному и опытному ученику. Послѣдствія такого открытія опредѣлить не трудно: оно неминуемо разовьется въ юношахъ губительный духъ недовѣрія къ преподавателямъ и заставитъ ихъ искать истины внѣ школы, въ мутныхъ и лживыхъ источникахъ, влияніе которыхъ можетъ быть не только честнымъ, а *пожніемъ науки.*

Монархическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ великихъ явленій русской исторіи; оно есть корень, изъ котораго выросла наша государственная жизнь, наше политическое значеніе въ Европѣ. Это начало должно быть достойнымъ образомъ раскрыто и объяснено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для достиженія такой цѣли нѣтъ надобности прибѣгать къ утайкамъ и лжи. Дѣло науки и преподаванія показать, что русское самодержавіе много отличается отъ тѣхъ формъ, въ которыя монархическая идея облекалась въ другихъ странахъ. Непросвѣтленныя христіанствомъ, чуждыя понятію о правѣ и законности, деспотіи востока и основанная на случайномъ успѣхѣ и матеріальной силѣ. Римская имперія является равно искаженіемъ монархической формы. Даже въ христіанскихъ государствахъ новой Европы форма эта не всегда сохранялась въ должной чистотѣ. Латино-германскія государства возникли большею частью вслѣдствіе завоеванія, результатомъ котораго было рѣзкое отдѣленіе и потомъ борьба сословій, образовавшихся изъ покорившихъ и покоренныхъ племенъ. Государи западной Европы не могли не принять участія въ этихъ междоусобныхъ спорахъ, чрезъ что дѣятельность ихъ утратила тотъ высокій характеръ безпристрастія и безкорыстія, который по мирному происхожденію своему и ходу нашей исторіи сохранило русское самодержавіе. Между тѣмъ, какъ развитіе западныхъ народовъ совершалось во многихъ отношеніяхъ не только независимо отъ монархическаго начала, но даже наперекоръ ему, у насъ самодержавіе положило свою печать на всѣ важныя явленія русской жизни: мы приняли христіанство отъ Владиміра, государственное единство отъ Іоанновъ, образованіе отъ Петра, политическое значеніе въ Европѣ отъ его преемниковъ. Положивъ такое чисто русское воззрѣніе въ основаніе своему труду, составитель предполагаемаго руководства къ всеобщей исторіи будетъ имѣть надежное и вѣрное мѣрило для оцѣнки политической жизни у другихъ народовъ. Полное и отчетливое изложеніе исторіи древнихъ и новыхъ республикъ не представитъ ему особенныхъ трудностей, когда напередъ будутъ объяснены географическія и историческія условія, при которыхъ подобныя явленія становятся возможными. Но при этомъ надобно показать учащемуся, что благосостояніе правильно устроенныхъ республиканскихъ государствъ основано такъ-же на уваженіи и довѣріи гражданъ къ той власти, которая замѣняетъ у нихъ монархическую. Политическая сила и значеніе народа выражается постоянно въ силѣ правительства, ослабленіе котораго неминуемо ведетъ государство къ упадку.

Съ другой стороны, составитель русскаго учебника, опредѣливъ по достоинству святость монархической идеи и показавъ ея благотворное осуществленіе на родной почвѣ, не будетъ поставленъ въ необходимость искушать юные умы безусловными похвалами тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ видно только искаженіе этой идеи.

Программа всеобщей исторіи.

Содержаніе всеобщей исторіи составляетъ земная жизнь человѣчества. Обнимая эту жизнь во всей ея полнотѣ и цѣлости, исторія не есть только наука прошедшаго. Она принимаетъ въ себя настоящее и, слѣдуя въ этомъ случаѣ методу естественныхъ наукъ, выводитъ изъ извѣстныхъ, уже совершившихся, явленій вѣчные законы, которымъ подчинена судьба человѣческихъ обществъ. Отношеніе всеобщей исторіи къ другимъ наукамъ. Общее понятіе о лѣтосчисленіи. Лѣтосчисленіе у древнихъ, средневѣковыхъ, новыхъ народовъ. Географія и этнографія. Важность географическихъ условій въ исторіи. Языкознаніе. Историческое значеніе языковъ. Историческіе источники: а) преданія; б) памятники: надписи, грамоты и дипломатическіе акты; разные виды историческихъ сочиненій. Значеніе нашей науки въ древности, въ средніе вѣка и въ новое время.

Происхожденіе нашей планеты. Геологическій очеркъ ея образованія. Допотопныя животныя и растительное царство. Истина Моисеевыхъ сказаній подтверждается наукою. Появленіе человѣка на землѣ. Породы.

Начало человѣческихъ обществъ. Выводъ монархическаго начала изъ семейнаго.

Китай. Географическій очеркъ страны. Краткая исторія. Однообразіе этой исторіи. Патріархальный и неподвижный характеръ учреждений. Исключительная образованность. Характеръ народа. Индія. Географическій очеркъ страны. Взглядъ на исторію. Религія. Касты. Характеръ индійской образованности. Литература и искусство. Буддизмъ.

Ассирія и Вавилонія. Обзоръ исторіи. Необходимо упомянуть объ открытыхъ недавно памятникахъ искусства. Клинообразныя надписи.

Египетъ Мерое и Синопіюль. Географическій характеръ страны. Исторія древняго Египта. Бытъ, учрежденія, искусство египтянъ.

Племена семитическія. Театръ ихъ исторіи. Народъ израильтвъ. (Такъ какъ исторія евреевъ подробно излагается въ учебныхъ книгахъ священной исторіи, здѣсь достаточно

будетъ краткаго перечня событій съ указаніемъ на великое значеніе Іудей въ всеобщей исторіи человѣчества). Время патріарховъ. Исходъ изъ Египта. Моисей. Судьи. Форма правленія. Переходъ къ монархіи. Саулъ и Самуилъ. Давидъ и Соломонъ. Пророки. Раздѣленіе царства. Ассирійское и Вавилонское плѣненіе. Вѣтхій заветъ. Языческія вѣрованія семитовъ. Сирія. Финикія. Исторія. Судходство. Промышленность. Торговля. (Характеръ торговли у древнихъ). Колоніи. Карфагенъ. Обзоръ карфагенской исторіи до перваго столкновенія съ римлянами. Формы правленія. Характеръ народа.

Племена иранскія. Мидія. Персія. Религіозныя вѣрованія. Зороастръ. Зендавеста. Обзоръ исторіи—до Дарія Истаспа. Устройство персидскаго государства. Взглядъ на его составныя части. Географическія отличія Европы отъ другихъ частей свѣта. Первобытное населеніе Европы.

Греція. Географическій очеркъ страны. Древнѣйшее народонаселеніе. Пелазги. Пришельцы съ востока. Греки. Раздѣленіе на племена. Героическій періодъ: Быть и вѣрованія тогдашнихъ грековъ. Нашествіе дорійцевъ. Колоніи. Общія греческимъ племенамъ учрежденія: амфиктіоніи, игры, оракулы. Эпическая поэзія. Исторія Спарты. Ликургъ и его учрежденія. Мессенскія войны. Обзоръ исторіи остальныхъ дорійскихъ государствъ. Характеръ древней тиранніи.

Аттика до Солона. Законодательство Солона. Пизистратъ и его сыновья. Изгнаніе Гиппія. Клизменъ.

Умственная жизнь Греціи предъ началомъ Персидскихъ войнъ. Лирика. Философія. Начатки исторіи.

Возстаніе мало-азіатскихъ грековъ. Вмѣшательство Аѳинъ. Первые предпріятія персовъ противъ собственной Греціи. Мардоній. Мараѳонская битва. Мильтіадъ.Themistocle и Аристидъ. Походъ Ксеркса. Пораженіе персовъ. Причины и результаты этихъ событій. Нравственное превосходство грековъ надъ врагами. Перемена отношеній между греческими республиками. Образованіе союза, во главѣ котораго становятся Аѳины. Зависть Спарты. Продолженіе войны съ персами. Кимонъ. Внутренняя исторія Греціи. Периклъ. Его характеръ и значеніе. Аѳины на высшей степени могущества. Причины Пелопонезской войны. Исторія Пелопонезской войны. Походъ аѳинянъ въ Сицилію. Исторія этого острова. Сиракузы. Участіе персовъ въ междоусобіяхъ грековъ. Алкивиадъ и Лизандръ представители нравственнаго состоянія тогдашнихъ Аѳинъ и Спарты. Паденіе Аѳинъ. 30 тирановъ. Возстановленіе прежнихъ формъ правленія. Взглядъ на умственную жизнь Греціи отъ начала Персидской до конца Пелопонезской войны. Сократъ и Аристофанъ. Исторія Гре-

цій до війны Өивъ съ Спартою. Отношеніе къ персамъ. Агезилай. Эпаминондъ. Отличіе его отъ прежнихъ государственныхъ людей Греціи. Неудачная попытка возстановить на новыхъ философскихъ основаніяхъ разрушавшійся политическій бытъ. Безсиліе отдѣльныхъ республикъ послѣ Мантинейской битвы. Өессалія. Священная война. Македонія. Ея вмѣшательство въ дѣла Греціи при Филиппѣ. Филиппъ. Демосеенъ и Өокіонъ. Послѣднія усилія старой Греціи. Битва Херонейская. Александръ Великій. Его войны и планы. Характеръ его завоеваній. Распространеніе эллинизма. Платонъ и Аристотель. Войны полководцевъ Александра.

Государства образовавшіяся изъ Александровой монархіи. Египетъ. Сирія. Государства въ Малоѣ Азіи. Македонія. Греція. Союзы Өтольскій и Ахейскій. Александрійскій періодъ науки. Окончателъный выводъ изъ греческой исторіи.

Италія въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Древнее народонасеніе края. Начало Рима. Періодъ царей. Мнѣнія Нибура и О. Мюллера. Патриціи и плебеи. Законодательство Сервія Туллія. Изгнаніе царей. Аристократическая республика. Угнетеніе плебеевъ. Войны съ сосѣдними племенами. Учрежденіе трибуната. Споръ патриціевъ съ плебеями. Децемвиры. Законы XII таблицъ. Двоякая борьба: внутренняя и внѣшняя. Нашествіе галловъ. Законы Лицинія. Покореніе Италіи. Вмѣшательство Пирра. Столкновение съ Каррагеномъ. Римъ предъ началомъ Пуническихъ войнъ. Важность Пуническихъ войнъ. Исторія двухъ первыхъ Пуническихъ войнъ. Аннибалъ. Его великіе замыслы. Опасность, грозившая Риму. Побѣда Рима надъ Аннибаломъ въ Азіи. Вліяніе этихъ завоеваній на римскую жизнь. Сципіонъ и Катонъ, представители древнихъ и новыхъ идей. Упадокъ плебейскаго сословія. Нравы; религія; литература; право. Вліяніе Греціи. Цензура Катона. Усилія его безплодны. Попытки великихъ гражданъ примирить новыя идеи съ древнею нравственностью. Сципіонъ младшій. Возстаніе рабовъ. Понятіе объ античномъ рабствѣ. Оно условливалось язычествомъ. Возстаніе римскихъ рабовъ въ 132 году. Гракхи и аграрные законы. Характеристика Гракховъ и оцѣнка ихъ намѣреній. Аристократическое протѣвѣствованіе. Война съ Югуртою. Марій. Появленіе новыхъ народовъ въ исторіи. Кимвры и Тевтоны. Побѣды Марія. Новое возстаніе рабовъ. Война союзническая: ея причины, ходъ и результатъ. Вражда между новыми и прежними гражданами. Борьба Марія съ Суллою. Смѣхъ явленъ. Возстаніе угнетенныхъ провинцій. Война съ черковъ и горъ. Диктатура Суллы. Проскрипціи. Законъ.

Возвратъ къ прошедшему. По

смерти Суллы Помпей защищает его учрежденія. Война съ Серторіемъ. Возстановленіе трибуната. Конецъ войны съ Митридатомъ. Цезарь и Катилина. Эти два явленія характеризуютъ римское общество въ эпоху, о которой идетъ рѣчь. Цицеронъ консуль. Заговоръ Катилины. Катонъ. Крассъ. Политика Цецерона. Первый триумvirатъ. Консульство Цезаря. Клодій. Изгнаніе Цицерона. Удаленіе Катона. Законы Цезаря. Его характеръ. Война галльская. Слава Цезаря. Римъ во время его отсутствія. Борьба между Цезаремъ и Помпеемъ. Характеристика враждебныхъ партій. Пораженіе и смерть Помпея. Войны Александрійская, Африканская и Испанская. Великіе планы и идеи Цезаря. Брутъ и защитники стараго порядка. Смерть Цезаря. Невозможность дальнѣйшаго существованія республики. Состояніе Рима—въ это время. Нравы. Образованность. Литература. Брутъ и его партія. Второй триумvirатъ. Антоній и Октавій. Августъ. Его личность и планы. Измѣненія въ Римѣ. Исторія императоровъ Августова дома. Состояніе древняго міра въ I столѣтіи по Р. Х. Веспасіанъ и сыновья его. Траянъ. Автонины. Золотой вѣкъ имперіи. Характеръ этого періода. Образованность. Литература. Паденіе древнихъ вѣрваній и формъ. Скорбь отходящаго языческаго міра. Сенека, Плиній, Тацитъ, Имперія до Константина Великаго.

Начало христіанской церкви. Явленіе Христа. Апостолы. Гоненія на христіанъ. Устройство церкви въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ. Начало ересей. Константинъ Великій отрываетъ имперію отъ языческихъ и республиканскихъ преданій. Никейскій соборъ. Монашество. Церковная литература. Паденіе язычества. Юліанъ отступникъ.

Германцы. Обзоръ германскаго міра. Бытъ и учрежденія германскихъ племенъ. Отношенія къ Римской имперіи. Нашествіе гунновъ. Происхожденіе этого народа. Бѣдствія Восточной имперіи. Θεодосій Великій. Окончательное раздѣленіе имперіи. Постепенное занятіе римскихъ провинцій германскими дружинами. Атиллы. Паденіе Гунскаго государства. Паденіе Западной имперіи.

Исторія среднихъ вѣковъ. Общій характеръ этого періода. Отличія отъ древней и новой исторіи. Основаніе германскихъ государствъ на римской почвѣ. Англо-саксы. Вандалы. Вестъ-готы. Остъ-готы. Бургунды. Франки. Туринги. Вліяніе церкви и римскихъ идей. Отношенія государей къ германской дружинѣ и новымъ подданнымъ.

Византійская имперія. Ея значеніе въ управленіи. Религіозныя вѣковы. Отношенія къ славянскимъ и Персидской имперіи. Мисіонеры. Юстиніанъ. Партія цирка и Аристофанъ. Историографы.

возстановленіи прежней имперіи. Завоеванія. Паденіе царствъ Вандальскаго и Остъ-Готскаго. Преемники Юстиніана. Лонгобарды въ Италіи. Персы. Ираклій.

Исламъ. Аравія до Магомета. Магометъ. Его ученіе. Коранъ. Каdifатъ. Завоеваніе арабовъ. Расколъ. Оммайяды. Появленіе арабовъ въ Европѣ. Войны съ Византією. Положеніе Византіи. Паденіе Вестъ-Готскаго государства. Магометанская образованность. Противоположность ея христіанству и безконечное превосходство послѣдняго. Аббасиды. Распаденіе калифата.

Государство франковъ при Меровингахъ. Палатные мѣры. Упадокъ королевской власти. Каролинги. Карлъ Мартель. Опасность, угрожающая христіанской Европѣ. Побѣды Карла надъ арабами и германскими язычниками. Св. Бонифаціи. Пепинъ короткій. Низложеніе Меровинговъ.

Положеніе Европы предъ вступленіемъ на престолъ Карла Великаго. Германскія и славянскія языческія племена. Византійская имперія. Иконоборство. Отпаденіе Италіи отъ Византіи. Римскіе папы. Ихъ отношенія къ лонгобардамъ.

Карлъ Великій. Его войны. Характеръ и результатъ этихъ войнъ. Марки. Возстановленіе Западной имперіи. Законодательство. Заботы Карла о распространеніи образованности.

Распаденіе Каролинскаго государства. Людовикъ, Благочестивый и его сыновья. Договоръ Вердюнскій. Раздѣлъ Имперіи по низложеніи Карла Толстаго. Норманы. Славяне. Магьяры. Возрастаніе папской власти. Ложныя декреталіи.

Скандинавскій полуостровъ. Исландія. Открытія. Завоеванія нормановъ. Исторія англо-саксовъ до появленія датчанъ. Альфредъ Великій. Его ученая дѣятельность. Канутъ Великій.

Норманы во Франціи. Покореніе ими Англіи. Норманы въ южной Италіи. Начало Русскаго государства.

Пресѣченіе Каролинскаго рода въ Германіи. Императоры саксонской династіи. Обзоръ германскихъ герцогствъ. Оттонъ Великій. Отраженіе магьяровъ. Походы въ Италію. Состояніе Рима. Подчиненіе папства императору. Франковская династія. Генрихъ III. Малолѣтство Генриха IV.

Франція при первыхъ Капетингахъ. Филиппъ I.

Пиринейскій полуостровъ. Образованіе христіанскихъ государствъ на сѣверѣ. Паденіе Кордовскаго калифата.

Восточная Европа. Россія. Остальныя славянскія государства.

Составныя стигіи средневѣковой общественности: феодализмъ (рыцарство); городъ (община); церковь. Здѣсь должно показать, что такихъ явленій, какъ феодализмъ, у насъ не было вовсе, а церковь и города носили совсѣмъ другой характеръ.

Споръ между императорскою и папскою властью. Значеніе спора. Теорія средневѣковыхъ властей. Григорій VII и Генрихъ IV.

Крестовые походы. Причины этого движенія заключались не въ однихъ религіозныхъ побужденіяхъ, а въ хаотическомъ состояніи общества котораго отдѣльные элементы надѣялись осуществить свои цѣли внѣ Европы, на почвѣ завоеванной общими усиліями и освященной земною жизнью Спасителя.

Вѣкъ Гогенштауфеновъ. Вельфы и Ваиблинги (Гибелины). Конрадъ III. Второй крестовый походъ. Фридрихъ I (Барбаросса). Его цѣли и характеръ. Борьба съ лонгобардскими городами. Вмѣшательство папъ. Миланъ. Битва при Леньяно. Генрихъ Гордый. Костницкій міръ. Государство нормановъ въ южной Италіи. Крестовый походъ и смерть Фридриха I. Генрихъ VI. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV. Иннокентій III. Фридрихъ II, величайшій изъ Гогенштауфеновъ. Его борьба съ папами и городами сѣверной Италіи. Четвертый и пятый крестовый походъ. Латинскіе императоры въ Византіи. Гибель Гогенштауфеновъ. Манфредъ. Конрадинъ. Упадокъ папства и императорской власти. Крестовые походы Людовика IX. Монголы въ Азіи. Паденіе христіанскихъ государствъ на востокъ.

Франція до смерти Людовика IX. Утвержденіе монархической власти. *Англія* отъ смерти Вильгельма завоевателя до Эдуарда I. Великая хартія. Парламентъ. *Пиринейскій полуостровъ* до конца XIII столѣтія. *Скандинавскій полуостровъ.* *Венгрія и славянскія земли.* Покореніе Россіи монголами.

Науки, литература и искусство среднихъ вѣковъ. Университеты. Вліяніе крестовыхъ походовъ. Разложеніе средневѣковыхъ формъ жизни.

Состояніе Германіи послѣ Гогенштауфеновъ. Союзы городовъ. Ганза. Между-царствіе. Рудольфъ Габсбургскій. Его преемники. Швейцарія. Отношеніе къ Италіи. Генрихъ VII. Домъ Люксембургскій. Домъ Австрійскій: Максимилианъ I. Италія въ XIV и XV вѣкѣ.

Франція и Англія въ XIV и XV вѣкѣ. Филиппъ Красивый. Домъ Валуа. Войны Франціи съ Англіею. Дѣва Орлеанская. Карлъ VII. Людовикъ XI. Война алой и бѣлой розы. Генрихъ VII.

Пиринейскій полуостровъ. Фердинандъ и Изабелла. Іоаннъ II въ Португаліи.

Скандинавскій полуостровъ до Христіана II.

Славянскія земли до исхода XV вѣка. Венгрія. Россія до Іоанна IV.

Византійская имперія и турки. Османы. Взятіе Константинополя. Магометъ II.

Упадокъ западной церкви. Расколъ. Соборы въ началѣ XV вѣка. Предвѣстники реформациі. Умственное движеніе въ XIV и XV вѣкѣ. Литература. Возвращеніе къ классической древности. Изобрѣтеніе книгопечатанія. Открытія и изобрѣтенія. Порохъ. Компасъ. Открытіе пути въ Востокъ - Индію. Открытіе Америки. Вліяніе этихъ явленій на общество.

Новая исторія. Характеристическія отличія исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Преобладаніе монархическаго и національнаго начала.

Состояніе Европы въ исходѣ XV вѣка. Италіанскія войны. Карлъ VIII. Людовикъ XII. Вмѣшательство Испаніи. Упадокъ Венеціи. Уклоненіе папства отъ своего назначенія. Швейцарцы. Францъ I. Битва при Мариньяно, Значеніе Италіанскихъ войнъ. Макіавелли.

Начало религіознаго движенія въ Германіи. Связь съ предыдущими явленіями. Борьба старыхъ и новыхъ мнѣній. Рейхлинъ. Эразмъ Роттердамскій. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Левъ X. Лютеръ. Ученіе объ индульгенціяхъ. 95 положеній. Начало и ходъ реформациі. Смерть Максимилиана. Избраніе Карла V. Могущество австрійскаго дома. Вормскій сеймъ. Переводъ священнаго писанія Лютеромъ во время его заключенія въ Вартбургъ. Меланхтонъ. Волненіе въ народѣ. Возстаніе имперскаго рыцарства. Крестьянская война. Секуляризація Пруссіи. Война Франца съ Карломъ V. Участіе Англіи. Битва при Павіи. Мадридскій договоръ. Конетабль Бурбонъ.

Взятіе Рима императорскими наемниками. Новая война съ Франціею. Миръ Камбрейскій. Распространеніе новыхъ ученій въ Германіи.

Сеймы. Протестація 1529. Аугсбургское исповѣданіе. Нюрнбергскій религіозный міръ. Ульрихъ Цвинглии швейцарскій реформаторъ. Его дѣятельность и смерть. Отношеніе къ Лютеру. Политическая дѣятельность Карла V. Солиманъ турецкій. Походы въ Тунисъ и Алжиръ. Третья война Франціею. Филиппъ Гессенскій. Анабаптисты. Усилія императора примирить католиковъ и протестантовъ. Попытка къ соглашенію обѣихъ партій въ Регенсбургъ. Послѣдняя война съ Францомъ. Миръ въ Кресси. Смалькальденская война. Пораженіе протестантовъ. Тридентскій соборъ. Аугсбургскій interim. Магдебургъ. Морицъ Саксонскій. Перемиріе въ Нассау. Смерть Морица. Безсиліе Карла. Аугсбургскій миръ. Карлъ слагаетъ съ себя корону. Фердинандъ I и Филиппъ II.

Ходъ реформациі въ остальной Европѣ. Кальвинъ въ Женевѣ. Характеръ и распространеніе кальвинизма. Генрихъ VIII въ Англіи. Начало англиканской церкви. Эдуардъ II. Марія

Тюдоръ. Временное возстановленіе католицизма. Елисавета. Христіанъ II въ Даніи и Швеціи. Окончательный разрывъ Кальмарскаго союза. Густавъ Ваза. Ганза. Реформація на Скандинавскомъ сѣверѣ. Польша.

Противодѣйствіе католицизма. Орденъ іезуитовъ. Тридентскій соборъ. Дѣятельность папъ.

Филиппъ II. Объемъ его владѣній. Завоеваніе испанцевъ въ новомъ мірѣ. Миръ съ Франціею. Планы Филиппа. Война нидерландами. Вильгельмъ Оранскій. Вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ. Армада. Упадокъ Испаніи. Португалія. Независимость Нидерландовъ. Ихъ торговля и сила на морѣ. Дортрехтскій соборъ.

Исторія Франціи при послѣднихъ Валуа. Религіозныя войны. Гизы. Екатерина Медичи.

Варолюмеевская ночь. Генрихъ Наварскій. Лига. Генрихъ IV. Возстановленіе покоя во Франціи.

Англія при Елисаветѣ. Религіозныя партіи. Шотландія. Марія Стюартъ. Величіе Англіи, которая становится во главѣ протестантской Европы. Смерть Елисаветы. Взглядъ на тогдашнее состояніе Англіи.

Европа предъ 30-лѣтнею войною. Императоръ Рудольфъ. Унія и лига. Матвѣй. Начало войны въ Чехіи. Фердинандъ II. Фридрихъ V Пфальцкій. Битва при Бѣлой горѣ. Сила лиги и Максимилиана Баварскаго. Тилли и Мансфельдъ. Валленштейнъ. Вмѣшательство Даніи. Могущество Австріи. Реституціонный эдиктъ. Удаленіе Валленштейна. Швеція. Густавъ Адольфъ въ Германіи. Его побѣды, дѣла и смерть. Валленштейнъ. Гейльбронскій союзъ. Явное участіе Франціи. Бернардъ Саксенъ-Веймарскій. Жестокій характеръ войны. Вестфальскій миръ и его послѣдствія.

Христина Шведская. Карлъ X. Война съ Польшею и съ Даніею. Измѣненіе государственныхъ учрежденій на Скандинавскомъ сѣверѣ.

Англія при первыхъ Стюартахъ. Слабость Якова I. Умственная жизнь въ Англіи. Шекспиръ. Бэконъ. Религіозное броженіе. Карлъ I. Первые парламенты. Страфордъ. Шотландія. Долгіи парламенты. Междоусобія. Характеристика партій. Смерть Карла. Республика. Возстаніе Стюартовъ. Испанія при Филиппѣ III и Филиппѣ IV. Отпаденіе Португаліи. Карлъ II. Франція. Укрѣпленіе монархической власти. Сюлли. Ришелье. Мазарини. Вѣкъ Людовика XIV

1) Внутренне состояніе Франціи при Людовикѣ XIV. Централизація. Промышленность и благосостояніе народа (Кольберъ). Отмѣна Нантскаго эдикта. Упадокъ въ концѣ царствованія. Умственная жизнь. Вліяніе на Европу.

2) Обзоръ исторіи европейскихъ государствъ въ это время. Отношеніе ихъ къ Франціи. Великая роль Нидерландовъ. Курфирстъ Бранденбургскій. Паденіе Стюартовъ. Вильгельмъ Оранскій. Испанія.

3) Обзоръ войнъ Людовика XIV. Ослабленіе Франціи. Миры Утрехтскій и Раштатскій. Смерть короля. Регентство герцога Орлеанскаго. Кардиналь Флери.

Сѣверная война. Обзоръ русскои исторіи до Петра Великаго. Вступленіе Россіи въ систему сѣверныхъ государствъ. Здѣсь необходимо показать различіе между развитіемъ Россіи и другихъ европейскихъ державъ. Характеръ русскаго самодержавія. Исторія сѣверной войны, излагаемая подробно въ учебныхъ книгахъ русскои исторіи, можетъ быть изложена короче. Упадокъ Швеціи.

Борьба съ средневѣковыми идеями и учрежденіями. Французскіе писатели XVIII вѣка. Возвышеніе Пруссіи. Великій курфирстъ и его преемники. Фридрихъ Великій. Состояніе Германіи при его вступленіи на престолъ: 1) Гражданскій бытъ, 2) образованность. Вліяніе Франціи. Войны Австріи съ турками. Война за австрійское наслѣдство. Война семилѣтняя. Пруссія въ послѣдніе годы Великаго Фридриха. Германія.

Россія отъ смерти Петра Великаго до Екатерины II. Вѣкъ Екатерины. Возрастающее вліяніе Россіи. Раздѣлъ Польши.

Скандинавскій полуостровъ. Струензе. Густавъ III.

Англія при Ганноверскомъ домѣ. Развитіе учрежденій. Отпаденіе Америки. Вестъ-Индія.

Испанія при Бурбонахъ. Португалія. Италія. Турція. Внутреннія преобразованія въ европейскихъ государствахъ.

Исторія революцій. Изложеніе причинъ: порча нравовъ; вліяніе вредныхъ сочиненій, безпечность правительства во Франціи. Запутанные финансы.

Событія революціоннаго періода должны быть разсказаны кратко, но отчетливо, такъ, чтобы ученикъ могъ видѣть внутреннюю связь явленій. Крайнимъ предѣломъ, до котораго можетъ быть доведено изложеніе событій въ учебной книгѣ всеобщей исторіи, должно принять 1815 годъ. —

Предъ каждымъ отдѣломъ должны быть приведены лучшія, относящіяся къ этому отдѣлу, историческія сочиненія.

На основаніи этой программы, Т. Н. Грановскимъ было приступлено къ составленію учебника всеобщей исторіи, но этотъ трудъ не былъ имъ законченъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ первый.

Тимоѳей Николасевичъ Грановскій. <i>В. Никольскаго.</i>	III—XII.
Судьбы еврейскаго народа	1—31
Руководство къ познанію Средней исторіи	32—35
Начало Прусскаго государства	36—53
Волинъ, Іомсбургъ и Винета	54—99
Квакеры	100—105
Письмо изъ Москвы	106—110
Отвѣтъ г. Хомякову	111—117
Нѣмецкія народныя преданія	118—122
Рыцарь Баярдъ	123—135
Петръ Рамусъ	136—141
Испанская инквизиція	142—147
Историческая литература во Франціи и Германіи	148—197
Реформа въ Англіи	198—209
Аббатъ Сугерій	210—292
Бартольдъ Георгъ Нибуръ	293—327
Латинская имперія	328—340
Четыре характеристики: I. Тимуръ	341—352
II. Александръ Великій	353—369
III. Людовикъ IX	370—384
IV. Бѣкояъ	385—398
Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ	399—412

Томъ второй.

Италія подъ владычествомъ остъ-готовъ, лонгобардовъ и франковъ	3—44
Государственные мужи древней Греціи	45—50
О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи	51—72
Океанія и ея жители	73—82
О фیزیологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ	83—160
Исторія войны Россіи съ Франціей	161—169
Чтенія Нибура о древней исторіи	170—231
О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ	232—254
Испанскій эпосъ	255—276
Нѣсколько словъ о покойномъ Н. Г. Фроловѣ	277—283
Лекціи изъ средней исторіи: I. Введеніе	284—294
II. Юлій Цезарь	294—305
III. Римская имперія	305—320
IV. Августъ, Тиверій, Калигула, Клавдій, Неронъ	320—344
Ослабленіе классическаго преподаванія	345—356
Записка къ программѣ учебника всеобщей исторіи	356—359
Программа всеобщей исторіи	359—367

**THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY**

DATE DUE

MAR 08 1999
MAR 05 1999